В. В. ЛОПАТИН

Многогранное русское слово

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ
ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА РАН

В. В. ЛОПАТИН

МНОГОГРАННОЕ РУССКОЕ СЛОВО

ИЗБРАННЫЕ СТАТЬИ ПО РУССКОМУ ЯЗЫКУ

МОСКВА
2007

УДК 881.161.1
ББК 81.2Рус
Л 77

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
проект 05-04-16257д

Лопатин В. В.

Л 77 Многогранное русское слово : Избранные статьи по русскому языку / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. – М. : «Издательский центр "Азбуковник"», 2007. – 743 с.

ISBN 978-5-91172-005-6

В сборник избранных статей доктора филологических наук профессора В. В. Лопатина включены публикации по вопросам словообразования, морфемики, морфонологии, морфологии, многие положения которых нашли применение и развитие в соответствующих разделах академических грамматик русского языка. Последний раздел сборника составляют публикации по актуальным проблемам орфографии, связанные с подготовкой нового полного академического справочника «Правила русской орфографии и пунктуации».

УДК 881.161.1
ББК 81.2Рус

ISBN 978-5-91172-005-6
© В. В. Лопатин, 2007
© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2007
© «Издательский центр "Азбуковник"», 2007

СОДЕРЖАНИЕ

От автора 7

Словообразование

Словообразование как объект грамматического описания ... 11
Основные единицы сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков 25
О границах словообразовательного типа (на материале русского языка) 34
О семантической структуре словообразовательного форманта 38
О значении словообразовательного аффикса 50
К вопросу о типологии словообразовательного значения 54
К типологии словообразовательных значений имени существительного (на материале существительных, мотивированных глаголами) 57
Лексическая вариантность и словообразовательная синонимия 60
О понятии и термине «модель» в словообразовании 64
О многофункциональности словообразования 69
Нулевая аффиксация в системе русского словообразования 76
Проблемы нулевого словообразовательного аффикса 95
Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке 106
Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию 139
Об одной разновидности аффиксов в русском языке 156
К вопросу о критериях направления словообразовательной мотивированности 167
Множественность мотивации и ее отражение в отглагольном именном словообразовании 177
О критериях выбора мотивирующего глагола из коррелятивных по виду 189
О границах между префиксальным и префиксально-суффиксальным способами словообразования 204
Префиксально-суффиксальные отглагольные имена и их синхронические словообразовательные связи 208
Акциональность и именное словообразование 221

К семантической вариативности морфемы (видообразующие аффиксы в именной основе) 240
К вопросу о словообразовательном статусе причастий 245
Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов 248
Синонимия мотивированного и мотивирующего слов в русском словообразовании 258
Метафорическая мотивация в русском словообразовании 267
Словообразовательная структура названий населенных пунктов в современном русском языке 272
Прилагательные от собственных имен 283

Словотворчество

Грамматические «неправильности» в поэтических идиостилях 290
«Синь, упавшая в реку». Об одном словообразовательном приеме С. А. Есенина 303
«Безудерж карамазовский» 315
«Маяковская сатира» и «достоевский репертуар» 322
Чужевластье в «Горе от ума» Грибоедова 327
Коричневый в черноту, синий в лиловость. О языке прозы Ю. Нагибина 330

Морфемика и морфонология

К соотношению морфемного и словообразовательного анализа 339
О двух этапах морфемного членения слова 345
О единицах морфемики 354
Принципы грамматического описания морфемики 359
О некоторых принципах отождествления словообразовательных морфем и пределах варьирования 363
Глагольная основа и структура отглагольного слова в русском языке 368
Так называемая интерфиксация и проблемы структуры слова в русском языке 382
О структуре суффиксальных оценочных наречий 403
Мена полногласия и неполногласия в словообразовании современного русского языка 406

Акцентологические проблемы синхронного словообразования в современном русском языке 416

Морфология – словообразование – лексика

Научные принципы академической «Русской грамматики» .. 443
Морфологические категории в плане выражения 457
Межкатегориальные и межчастеречные связи в морфологии (к соотношению категорий лица и рода в русском языке) 467
К соотношению словообразовательных и морфологических категорий 474
Явление продуктивности в грамматическом и лексическом аспектах 476
Словоизменительные типы и их лексическое наполнение (продуктивность в морфологии) 482
Оценка как объект грамматики 536
Словообразовательные средства субъективно-оценочной прагматики высказывания и текста 543
Императивность и оценочность 560
Собирательность в русском языке. Фрагмент функциональной грамматики 562
Глаголы пространственного расположения предмета, их словообразовательные и семантические связи 580
Новое в русском языке советской эпохи 596

Орфография

Грамматика и орфография 613
Морфемная структура слова и орфография 619
Русские суффиксы: фонематический состав и орфография .. 630
Беглость гласных как орфографическая проблема (из комментариев к новому своду правил правописания) 639
Буква **ъ** в современной русской орфографии 650
Словообразование и орфография. К правописанию аббревиатур 658
Орфография: саморазвитие и упорядочение 662
К вопросу об орфографической реформе (послесловие к публикации одноименной статьи Вяч. Иванова) 676

О новом своде правил русского правописания 678
Русская орфография: задачи корректировки 688
Новая редакция правил русского правописания: реальности и мифология 706
Проблемы нормирования и опыт орфографической работы 720
О некоторых нормативно-стилистических проблемах орфографического словаря 727
Прописная буква в орфографическом словаре общего типа 734

От автора

В сборник избранных моих статей вошли наиболее существенные, принципиальные публикации за 40 лет, с середины 60-х годов прошлого века, в том числе и некоторые из статей научно-популярного характера. В публикациях по вопросам словообразования, морфемики, морфонологии, морфологии отстаиваются и обосновываются те положения, понятия, термины, которые затем получили применение и развитие в соответствующих разделах академических грамматик («Грамматика современного русского литературного языка», 1970; «Русская грамматика», 1980; «Краткая русская грамматика», 1989).

В течение последних 15 лет основное направление моей научной работы – русская орфография. В статьях этого периода неоднократно пришлось обосновывать необходимость нового свода правил русского правописания, более полного, чем действующие правила 1956 года, и отвечающего современному состоянию русского языка. Результатом длительной коллективной работы в этом направлении стала подготовленная и одобренная Орфографической комиссией РАН, только что опубликованная книга «Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник» (М., 2006). В связи с этим последний раздел предлагаемого сборника составляют статьи по вопросам русской орфографии. В них, в частности, обосновываются некоторые из орфографических изменений, предлагавшихся в проекте нового свода правил. Однако широкое обсуждение этого проекта показало, что в данный момент наше общество принять их не готово, и потому в большинстве своем эти предложения не вошли в опубликованный текст нового академического справочника. Мне, впрочем, неоднократно приходилось заявлять, что главное в новой редакции правил – не изменения орфографии, а полнота и современность. Тем не менее полагаю, что аргументы в пользу отдельных орфографических изменений, в том числе и содержащиеся в моих статьях, не потеряли своей актуальности и в перспективе могут быть полезны.

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

Словообразование как объект грамматического описания

[В сб.: Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. М., Наука, 1974]

1.1. Общеизвестно, что словообразование, с одной стороны, тесно связано с лексикой, с другой – с грамматикой. Оно является одним из основных средств пополнения словарного состава языка новыми словами, а словообразовательно мотивированные (производные) слова могут быть предметом различных лексических и лексико-семантических классификаций. На этом основании словообразование нередко рассматривается как часть лексикологии и не включается в грамматику. Так, в недавно вышедшем капитальном труде «Slovenská gramatika» (Bratislava, 1970) мы вовсе не находим описания словообразовательных фактов; зато том I труда Я. Горецкого «Slovenská lexikológia» целиком посвящен словообразованию, причем автор подчеркивает принадлежность словообразования исключительно лексикологии[1].

Для русской лингвистической традиции характерен грамматический подход к словообразованию. В трудах основоположников учения о словообразовании в советской русистике Г. О. Винокура и В. В. Виноградова словообразование рассматривается как часть грамматики, словообразовательные средства – как средства грамматические. Такой подход к словообразованию выдержан и в составлявшихся в Академии наук СССР грамматиках современного русского языка[2].

Что служит основанием для такого отношения к словообразованию? Прежде всего тот факт, что словообразовательные средства языка – это главным образом средства морфемные, а стало быть, сам механизм словообразования наряду с механизмом собственно морфологическим (словоизменительным), является частью того раздела грамматики, который можно назвать м о р ф е м и к о й, учением о морфемах, включая сюда такие общие проблемы, как виды морфем, взаимоотношение разновидностей морфем (морфов) и их распределение, морфонологические явления, связанные с сочетаемостью морфов, и другие формальные аспекты описания морфем, а также типы значений, выражаемых морфемами.

Известны и различные проявления непосредственного взаимодействия словообразования со словоизменением: связь словообразовательных аффиксов (прежде всего суффиксов) с определенными морфологическими признаками мотивированных слов (тип словоизменения, род, вид, переходность и т. д.), использование в качестве словообразовательного средства системы флексий, обусловленность в ряде случаев словообразовательных потенций слова его морфологическими свойствами и др. Все эти факты говорят о большой близости механизмов словоизменения и словообразования.

1.2.1. Составляя часть грамматики языка, словообразование вместе с тем представляет собой особый, замкнутый объект исследования, особую систему, которую целесообразно описывать отдельно от морфологии. С точки зрения морфемики словообразование занимается лишь такими морфемами, которые являются конститутивными признаками слова в целом, а не отдельных его форм. Центральным, специфическим понятием словообразовательной системы, определяющим все остальные понятия, является понятие словообразовательной мотивированности (производности), т. е. синхронической выводимости одного слова (мотивированного) из другого (мотивирующего). В связи с этим основным противопоставлением, присущим самому объекту изучения в словообразовании, является противопоставление мотивированного слова слову мотивирующему (или совокупности мотивирующих слов). В структуре мотивированного слова это противопоставление непосредственно отражается как бинарное противопоставление мотивирующей базы (баз) и форманта. С ними связана специфика словообразовательного значения, представляющего собой семантическое отношение мотивированного слова к мотивирующему. Будучи носителем словообразовательного значения, формант выступает в мотивированном слове как показатель указанного бинарного противопоставления.

1.2.2. В этой связи необходимо остановиться и на термине «производящая (мотивирующая) база». Он не является общепринятым; вместе с тем в словообразовательной литературе до сих пор очень нечетко разграничиваются понятия и термины «производящая (мотивирующая) основа» и «производящее (мотивирующее) слово». На самом же деле разные способы словообразования строго различаются в зависимости от того, основа или слово выступают в качестве исходной базы при словообразовании. При чистой пре-

фиксации и постфиксации, а также при смешанном префиксально-постфиксальном способе[3] исходной базой для образования слова является целое слово (ср. *добрый – пре-добрый, мыть – мыться, бежать – раз-бежать-ся*), при суффиксации и смешанных способах словообразования с ее участием – основа: *писа(ть) – писа-тель, зеркал(о) – под-зеркаль-ник, рук(а) – без-рук-ий, горд(ый) – горд-и(ть)-ся.* При чистом сложении опорный компонент представляет собой целое слово, а предшествующие ему компоненты – основы: *слеп(ой) + глух(ой) + немой = слеп-о-глух-о-немой;* при суффиксально-сложном способе все компоненты – основы: *земл(я) + тряс(ти) = земл-е-тряс-ение.* Но, безусловно, необходим единый общий термин для обозначения той исходной структуры, которая выступает в мотивированном слове, сочетаясь в нем с формантом. В качестве такого термина предлагаем использовать термин «производящая (мотивирующая) база». В частных случаях база эта может быть основой или словом. Для сложных, сложносокращенных слов, сращений, в соответствии с тем, что они мотивированы более чем одним словом, речь должна идти не об одной производящей (мотивирующей) базе, а о двух и более базах.

1.3.1. Если исходить из распространенного в современной лингвистике разграничения языковой структуры и системы, понимая под структурой специфическое строение однородных лингвистических объектов (в данном случае слов), а под системой – согласованную, целостную совокупность самих этих объектов и их отношений, то следует признать основной единицей структуры языка на словообразовательном уровне формант, а основной единицей системы – словообразовательный тип[5]. Именно поэтому словообразовательную систему целесообразно определять прежде всего как систему взаимодействующих словообразовательных типов. Каждый из типов, наряду с другими признаками, характеризуется определенным формантом, присутствующим во всех мотивированных словах этого типа. Словообразовательный тип – наименьшая единица классификации системы, характеризующаяся совпадением семантических различий с формальными (более мелкие единицы – подтипы – выделяются, как правило, либо только по формальному признаку, либо только по семантическому).

1.3.2. Важнейшей задачей описания словообразовательной системы является выявление в мотивированных словах тех свойств,

которые присущи типам в целом (прежде всего это формант и общее словообразовательное значение), и отграничение их от всего того, что присуще отдельным образованиям и группам образований внутри типов (подтипам). Однако для грамматики релевантны в той или иной мере и подтипы. Семантические подтипы внутри типов, как известно, различаются так называемыми «частными словообразовательными значениями»[6]. Последние не столь грамматичны, т. к. обычно не сопровождаются формальными различиями[7]. Но они непосредственно связаны многими нитями с общим словообразовательным значением типа; последнее же неотделимо от основных реализаций его в конкретных образованиях. Важнейшие из частных словообразовательных значений образуют в каждом типе свою своеобразную систему. Типы, имеющие одинаковое общее словообразовательное значение, могут различаться набором частных значений, реализующих это общее значение; продуктивность и «удельный вес» разных частных значений в рамках типа нередко различны; словообразовательные значения, выступающие в одних типах как частные, в других выступают как общие словообразовательные значения (ср., например, общие значения типов существительных с суффиксами *-тель* и *-льщик*). Приведем такую параллель: частные словообразовательные значения (их можно еще назвать лексико-словообразовательными) в такой же мере являются словообразовательными, в какой можно считать словообразовательными средствами дополнительные формальные средства, сопровождающие словообразование Чередование, сдвиг ударения, наложение морфов и проч.). Если первые обычно не сопровождаются формальными различиями, то вторые не сопровождаются различиями семантическими, но и те и другие формируют подтипы, характерные для определенных словообразовательных типов.

1.4. Вопрос о границах словообразовательной системы как системы словообразовательных типов относится к дискуссионным. Известна точка зрения, достаточно распространенная в советском языкознании и наиболее отчетливо сформулированная Л. В. Щербой: «Одним из ...основных отделов грамматики являются ... правила словообразования, т. е. вопрос о том, как можно делать новые слова. Вопрос же о том, как сделаны готовые слова, – дело словаря»[8]. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в трудах Н. Д. Арутюновой, полагающей, что к словообразовательной системе языка, строго говоря, относятся лишь про-

дуктивные словообразовательные типы. «Синхронное словообразование изучает типы, по которым моделируются новые слова, и элементы словообразования не могут не быть активными». Реальную структуру всех входящих в язык слов изучает, по мысли Н. Д. Арутюновой, другая дисциплина – «морфология основ»[9].

Эта точка зрения[10] страдает известной односторонностью. Соглашаясь в принципе с Н. Д. Арутюновой в том, что «словообразование устанавливает системы отношения, регулирующие создание новых лексических единиц»[11], необходимо признать, что сами эти системные отношения есть отношения между элементами и средствами разной продуктивности, от абсолютно продуктивных до абсолютно непродуктивных, которые находятся между собой в постоянном взаимодействии (продуктивность одних обуславливает в синхроническом аспекте непродуктивность других, тождественных или близких по значению, и наоборот). Уже это обстоятельство требует описания и продуктивных и непродуктивных словообразовательных типов как элементов единой системы. Такой подход обусловлен и динамическим аспектом синхронного описания, ибо непроходимой грани между продуктивными и непродуктивными типами нет: непродуктивные типы потенциально продуктивны, и не исключено появление новообразований (не только речевых, окказиональных, но и языковых), относящихся к непродуктивным типам.

Вместе с тем не подлежит сомнению, что продуктивные типы составляют (в терминах Пражской лингвистической школы) центр словообразовательной системы, а непродуктивные относятся (в той или иной мере) к ее периферии.

1.5. Помимо форманта и словообразовательного типа важную роль в словообразовательной системе играет такая специфическая единица, как словообразовательное гнездо. Под гнездом понимается совокупность однокоренных слов, организованная в соответствии с отношениями словообразовательной мотивированности. В описании, основанном на системе словообразовательных типов, необходимо постоянно иметь в виду и систему словообразовательных гнезд, поскольку различные виды взаимодействия и взаимообусловленности словообразовательных типов проявляются в рамках гнезда[12].

2.1. Выделение указанных единиц словообразования обусловлено центральным противопоставлением, проникающим всю сло-

вообразовательную систему, – противпоставлением мотивированного и мотивирующего слов. При этом главной исходной характеристикой мотивированного и мотивирующего слов, характеризующей и всю словообразовательную систему как одну из составных частей грамматической системы языка, является часть речи того и другого слова. Важнейшая роль этой характеристики признается ныне большинством исследователей (при всем различии их подходов к словообразованию). Она и определяет возможности дальнейшего упорядочения словообразовательных формантов, типов и гнезд при описании словообразовательной системы.

Выбор части речи в качестве характеристики, определяющей словообразовательную классификацию, вовсе не означает подчинения словообразования морфологии или слияния словообразования с морфологией. Части речи представляют собой естественно данные самим языком грамматические группировки лексики, без учета которых невозможно любое грамматическое описание. Не случайно при сравнении подсистем словообразования разных частей речи выявляются такие релевантные различия, как неодинаковое использование разных способов словообразования, специфические аффиксы (за исключением нескольких префиксов, а также некоторых «субъективно-оценочных» именных суффиксов, аффиксы разных частей речи представляют собой непересекающиеся совокупности), различная типология словообразовательных значений, определяемая категориальными свойствами частей речи, разная степень спаянности словообразовательных значений с морфологическими и др.

2.2. Возможны различные грамматические подходы к описанию словообразовательной системы и различия самих описаний, основанных на разных исходных позициях. Это обусловлено уже тем, что словообразовательная система представляет собой сложную организацию ранообразных, нередко взаимоперекрещивающихся отношений. Можно описывать словообразовательную систему, избрав основой для этого способ словообразования, лексико-грамматические свойства мотивированного и мотивирующего слова, словообразовательный формант (последний подход широко используется, например, в грамматических приложениях к словарям, где приводятся перечни аффиксов с указанием выражаемых ими словообразовательных значений) и т. д.[13]. В зависимости от того, какой из критериев (или их совокупность) берется за основу, из-

меняется не только характер самого описания, но и его результаты, выявляются свои, спепифические закономерности и свойства системы, остающиеся в тени при другом избранном критерии. Тем самым различные описания словообразовательной системы, основанные на разных исходных позициях (подходах), дополняют друг друга.

2.3.1. Опираясь на признак «частеречной» принадлежности слов, находящихся в отношении мотивации, можно строить грамматическое описание словообразовательной системы двояким образом: либо исходить из части речи (и других, более частных, формальных и семантических характеристик) мотивированного слова, или из тех же характеристик слова мотивирующего. Первый подход можно условно назвать ретроспективным (с точки зрения «динамической синхронии» словообразования), второй – перспективным. Первый подход дает возможность выяснить, чем словообразовательно мотивированы и могут мотивироваться слова определенного грамматического класса или подкласса, второй – что́ (какие слова, какой структуры и значения) образовано (в синхроническом смысле) и может быть образовано от слов того или иного класса или подкласса.

С точки зрения самого предмета словообразования особой отрасли исследования (как «сделаны» слова и как они «делаются») одинаково важны и «исходный материал и «получаемый продукт». Поэтому есть все основания утверждать, что оба названных подхода к словообразованию – ретроспективный и перспективный – одинаково важны, что они дополняют друг друга. Однако реально в описаниях словообразования предпочитается, и не без оснований, ретроспективный подход; это определяется в значительной степени тем, что формант – основная структурная единица словообразования – выделяется, как правило, в составе мотивированного слова, а не мотивирующего. «Перспективный» же подход к системе в словообразовательных описаниях последнего времени реализуется, так или иначе, в последовательном учете грамматической характеристики мотивирующего слова и во внутренней классификации словообразовательных типов по этому признаку. Так, в «Грамматике современного русского литературного языка» 1970 г. эта классификация подчинена классификации по способам словообразования в подсистеме мотивированных слов каждой части речи. В книге В. Шмилауэра (Novočeské tvoření slov.

Praha, 1971), представляющей собой целостное и притом выполненное с грамматических позиций описание словообразования чешского языка, классификация словообразовательных типов по частям речи производящих слов подчинена классификации по способам словообразования и лишь в разделе о словообразовании существительных и выступает на первый план в других разделах, подчиняясь лишь основной классификации по частям речи производных слов.

2.3.2. Необходимо отметить, что с перспективной стороны словообразовательные системы славянских языков изучены значительно слабее, чем с ретроспективной, что словообразующие способности различных грамматических классов и подклассов слов ждут еще своего всестороннего анализа. В частности, в русистике до сих пор изучались лишь отдельные группы словообразовательных типов, объединенные частью речи мотивирующего слова (преимущественно в плане их синонимических отношений)[14]. Представляется необходимым комплексный анализ образований, связанных общностью части речи мотивирующего слова (например, отглагольных, отадъективных и т. п.). Такой анализ даст возможность выявить формальные и семантические свойства слов определенной части речи так, как они обнаруживаются в мотивированных ими словах. В частности, несомненный интерес представляет изучение способов формальной организации основы слова при мотивирующем определенной части речи (выбор основы при неодноосновности мотивирующего слова – прежде всего глагола[15]; морфонологические способы «приспособления» ее к словообразовательным аффиксальным морфам, ударение) и сравнительный анализ словообразовательных потенций слов различных морфологических подклассов (формальных и семантико-грамматических) в рамках изучаемой части речи. В плане семантики особенно важно рассмотрение способов «организации» внутренней формы слов, мотивированных средствами определенной части речи, способов преломления категориальной семантики данного грамматического класса (и различных его подклассов) в семантике мотивированных слов. Подобные исследования должны составить особое направление в грамматическом описании славянского словообразования.

2.3.3. Сказанное не означает, что классификация словообразовательного материала по признаку части речи мотивирующего слова – единственно возможная, в то время как более традицион-

ная классификация по признаку части речи мотивированного слова является якобы несловообразовательной, морфологической. Такая точка зрения, наиболее четко выразившаяся в последнее время в работах Г. С. Зенкова[16], не может, как нам представляется, поколебать утвердившегося мнения о том, что словообразование каждой части речи есть особая, специфическая подсистема с присущими ей многообразными противопоставлениями, принадлежащими собственно словообразованию.

3.1. Одни из важнейших отношений между языковыми элементами, достаточно очевидно выступающие в области грамматики, – отношения синтагматические и парадигматические. И те, и другие не могут не быть представлены и в словообразовании как в одной из составных частей грамматики.

Синтагматические отношения выявляются здесь прежде всего как отношения мотивирующей базы (баз) и форманта в структуре мотивированного слова, представляющего собой с этой точки зрения синтагму. Характерно, что в ряде работ последнего времени выдвигается мысль о существовании особого «синтаксиса морфем»[17], или «гипосинтаксиса»[18], расширяющего рамки синтаксиса в его традиционном понимании (как синтагматики слов); при этом производное слово рассматривается как аналог словосочетания или предложения. Думается, что на первый план при изучении слова как синтагмы должна быть выдвинута специфически словообразовательная бинарность производного слова в ее содержательном и формальном аспектах.

3.2.1. Менее очевидны в словообразовании отношения парадигматические. Полагаем, что отношения эти обнаруживаются в рамках такой единицы, как словообразовательное гнездо. Такое понимание словообразовательной парадигматики мы встречаем, в частности, у американских лингвистов. У Э. Хэмпа находим такое определение: «Множество родственных слов, содержащих общую основу, все аффиксы, которые могут к ней присоединяться, образуют парадигму»[19]. Сходным образом иллюстрируются парадигматические отношения в польском словаре лингвистической терминологии[20], однако здесь речь идет уже о парадигматических связях не только между словами, имеющими общий корень (ср. pisanie – pisać, pismo, pisemny, piśmiennictwo и т. д.), но и между словами с тождественным аффиксом (ср. pisanie – czytanie, skakanie, spanie и т. д.).

В более узком и точном смысле под парадигмой в словообразовании следует понимать, по нашему мнению, ряд мотивированных слов, имеющих общее мотивирующее, например: (*читать* –) *чтение, читатель, читальня, читальный, перечитать, почитать, зачитаться* и т. п. При этом само мотивирующее слово в парадигматические отношения с мотивированными им словами не вступает, хотя нередко в значительной степени определяет состав парадигмы. Положение общего мотивирующего слова в словообразовательной парадигме можно уподобить положению общей основы в парадигме словоизменения.

Характерно, что семантические отношения, наблюдаемые между мотивирующими словами определенной грамматической семантики и их мотивированными (словообразовательные значения), повторяются в разных гнездах, и в этом – определенный параллелизм с отношениями разных словоформ в словоизменительной парадигме. Словообразовательная парадигма, как отмечено у Э. Хэмпа, есть «одно из некоторого числа замкнутых множеств слов, в каждом из которых слова родственны, но различаются по форме и значению, так что различия от множества к множеству являются параллельными. Таким образом, в словообразовании, как и в других областях грамматики, может быть построена типология парадигм (хотя, по-видимому, и менее строгая, чем в словоизменении) – формальная и семантическая, а на ее основе – и типология гнезд[22]. К сожалению, эта сторона словообразовательной системы славянских языков изучена еще явно недостаточно[23].

3.2.2. Понятие словообразовательной парадигмы как ряда мотивированных слов при общем мотивирующем дает дополнительные аргументы, говорящие о правомерности использования понятия нулевого словообразовательного суффикса в таких языках, как русский. Основные возражения противников концепции нулевого словообразовательного суффикса сводятся к тому, что 1) «существование нулевого суффикса мотивировано не тесной связью одинаково организованных и гомогенных форм в парадигме, как нулевое окончание, а гораздо более произвольными ассоциативными отношениями между членами синонимических рядов с одинаковой семантической структурой»[24] и 2) производящее и производное слова являются синхронически неравноправными, а поэтому не могут быть включены в некую единую парадигму, подобную словоизменительной[25].

Думается, что введение понятия словообразовательной парадигмы позволяет провести гораздо более глубокую аналогию между нулевыми флексиями и нулевыми словообразовательными суффиксами, чем аналогия, опирающаяся на синонимические ряды. Как те, так и другие нулевые морфемы можно выделять в определенных образованиях (соответственно словоформах и словах) не только на фоне синонимических образований с другими, материально выраженными, аффиксами («горизонтальный ряд»), но и на фоне образований, принадлежащих к определенному ряду значений – словоизменительных или словообразовательных («вертикальный ряд») и объединенных тождеством основы (для флексий) или тождеством мотивирующего слова (для словообразовательных суффиксов). Ср., например:

1. ставн-я
.....
ставн-и
ставен-ø, ставн-ей; дом-ов; ноч-ей
ставн-ям
.....

2. синий –
син-як
синь-ø, син-ев(а); красный – красн-от(а); слабый – слаб-ость
син-еват(ый)
син-и(ть)
.....

Что же касается второго возражения, то оно снимается при том понимании словообразовательной парадигмы, которое предложено здесь (мотивирующие слова в эту парадигму не входят, а мотивированные слова выступают как равноправные образования)[26].

3.2.3. Приведенная параллель между словообразовательной и морфологической системами, конкретизированная применительно к понятию нулевого аффикса и свидетельствующая, как нам представляется, о грамматичности словообразовательной системы, не означает, разумеется, отрицания специфики словообразования, проявляющейся, в частности, в том, что система словообразовательных значений более сложна, чем система значений словоизменительных, и не столь «прямолинейна». Поэтому и ре-

альные словообразовательные парадигмы и гнезда, как воплощение определенных типов парадигм и гнезд, несомненно более отдалены от самих схем этих типов, чем, например, в словоизменении парадигмы склонения и спряжения конкретных слов – от своих образцов. По-видимому, в конкретных словообразовательных парадигмах чаще встречаются незаполненные «клетки», чаще приходится иметь дело и с синонимическими образованиями (ср. *ширь – широта – ширина* и т. п.). Это объясняется сильным влиянием лексики, лексического узуса на словообразовательную систему, влиянием, вносящим свои коррективы, подчас весьма существенные, в системные отношения. Однако лексическое влияние не может ослабить системно-грамматической основы словообразовательных отношений.

Примечания

[1] См.: *Horecký J.* Slovenská lexikológia. I. Tvorenie slov. Bratislava, 1971. С. 31–38.

[2] В настоящей статье рассматриваются лишь некоторые из аспектов большой проблемы, сформулированной в заглавии.

[3] Используемое здесь понимание способов словообразования предложено в «Грамматике современного русского литературного языка». М., 1970 (с. 41–42).

[4] См.: Общее языкознание. Внутренняя структура языка. М., 1972. С. 24–31; *Щур Г. С.* О некоторых общих категориях лингвистики // Вопросы общего языкознания. М., 1964; *Арутюнова Н. Д.* О значимых единицах языка // Исследования по общей теории грамматики. М., 1968. С. 103–106.

[5] Определение этих понятий см. в «Грамматике» 1970 г., с. 39.

[6] О них см.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966. С. 61–63.

[7] Впрочем, в некоторых случаях различие частных словообразовательных значений внутри типа связано с частичными различиями в форманте и, более того, определяет их выбор. Ср., например а) различную систему флексий у существительных с суффиксом *-л-* в зависимости от того, лицо они обозначают или не лицо (при общем словообразовательном значении «производитель действия»): *запевала – точило;* б) особую флексию вин. падежа, связанную с грамматической категорией одушевленности, у существительных с суффиксом *-тель,* обозначающих лицо: ср. вин. п. *читателя – выключатель.*

[8] *Щерба Л. В.* Очередные проблемы языковедения // Известия АН СССР. ОЛЯ. Т. IV, вып. 5, 1945. С. 181.

[9] См.: *Арутюнова Н. Д.* Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М., 1961.С. 42.

[10] Недавно она была вновь высказана югославским лингвистом С. Бабичем (см.: Babić S. Zur Frage des Systems in der kroatischen Wortbildung // Zeitschrift für slawische Philologie. Bd. 36, 1971, № 1. С. 106).

[11] *Арутюнова Н. Д.* Очерки..., с. 41.

[12] Одно из применений понятия словообразовательного гнезда рассматривается ниже, см. п. 3.2.

[13] О «многослойности» словообразовательных отношений и разнообразии критериев описания словообразовательной системы см. также: *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. I. Praha, 1962. С. 218.

[14] Укажем, однако, некоторые статьи, содержащие общие наблюдения над словообразующими свойствами отдельных грамматических классов и подклассов слов – прилагательных (*Бакина М. А.* Имена прилагательные как производящие основы современного словообразования // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966), существительных собственных и нарицательных (*Даниленко В. П.* Имена собственные как производящие основы современного словообразования // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964; *Она же.* Имена существительные (нарицательные) как производящие основы современного словообразования. – Там же), числительных (*Супрун А. Е.* Числительные как база для образования новых слов // Вопросы словообразования и фразеологии. Фрунзе, 1962).

[15] Но ср., например, проблему выбора основы мотивирующего прилагательного при различии основ полной и краткой форм: *большой* (*велик*) – *величина, увеличить, равновеликий; соленый* (*солон*) – *солоноватый, солонина, солончак* и т. п.

[16] См.: *Зенков Г. С.* Вопросы теории словообразования // Вопросы теории словообразования. Гл. 1. Фрунзе, 1969.

[17] См.: *Karolak S.* Zagadnienia składni ogólnej. Warszawa, 1972. С. 97.

[18] *Skalička V.* Hyposyntax // Slovo a slovesnost. T. XXXI, 1970, № 1.

[19] *Хэмп Э.* Словарь американской лингвистической терминологии. М., 1964. С. 145.

[20] См.: *Gołąb Z., Heinz A., Polański K.* Słownik terminologii językoznawczej. Warszawa, 1968. С. 411–412 (статья «Paradygmatyczne stosunki»).

[21] *Хэмп Э.* Указ. соч., с. 146.

[22] С этой задачей перекликается понятие «словообразовательного образца» (Wortbildungsmuster), предложенное в работе: *Becker H.* Hauptprobleme der deutschen Wortbildungslehre. Potsdam, 1956. С. 39. Под «словообразовательным образцом» здесь понимается ряд слов, объединенных тождеством мотивирующего слова.

[23] Определенные результаты в этой области получены авторами коллективной работы «Порождающая грамматика русского языка. Генератор слов», подготовленной к печати в Институте русского языка АН СССР. Полагаем, что типология словообразовательных гнезд с успехом может изучаться не только методами порождающей грамматики.

[24] *Dokulil M.* Zur Frage der sogenannten Nullableitung //Wortbildung, Syntax und Morphologie. The Hague – Paris, 1968. C. 61. См. также: *Лихтман Р. И.* Существует ли безаффиксный способ словообразования в русском языке? // Вопр. языкознания. 1968, № 2. С. 55.

[25] См.: *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině, I, c. 153.

[26] Мысль о «вертикальном ряде» как об аргументе в пользу существования в русском языке «моделей с нулевыми словообразовательными элементами» высказана также И. С. Торопцевым (см.: *Торопцев И. С.* Очерк русской ономасиологии. Автореферат докт. дисс. Л., 1970. С. 11–12).

Основные единицы сопоставительного описания словообразовательных систем славянских языков

[В сб.: Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., Наука, 1987]

I. Словообразовательные системы славянских языков могут описываться в сопоставительном плане на разных основаниях. Результаты такого сопоставления во многом зависят от того, какие единицы будут сопоставляться.

В качестве основной единицы классификации словообразовательных систем современных славянских языков чаще всего избирается словообразовательный тип (см., например, наиболее полные из осуществленных описаний словообразования современных славянских литературных языков – русского, чешского и др.).

Единица эта (в наиболее распространенной ее интерпретации) основана на тождестве форманта, словообразовательного значения и частей речи мотивированного и мотивирующего слов. Сопоставление славянских языков и диалектов на уровне словообразовательных типов в принципе возможно в силу материально-генетической тождественности аффиксальных формантов. Однако такое сопоставление в любом случае должно подчиняться одной из двух более общих классификаций – по способам словообразования или по словообразовательным категориям.

Представляя собой обобщение ряда словообразовательных типов, обе указанные комплексные единицы словообразовательной системы – способ словообразования и словообразовательная категория – являются единицами двусторонними, формально-семантическими. Это значит, что в понятие способа словообразования входит не только определенный вид форманта (суффикс, префикс и т. д.), но и определенная система словообразовательных значений, выражаемых этим видом форманта, а в понятие словообразовательной категории – не только словообразовательное значение, но и средства его выражения. Однако определяющим классификационным признаком в первом случае является признак формальный (вид форманта), а во втором – семантический

(словообразовательное значение). Поэтому в первом случае семантические классификации подчиняются формальным, во втором же – формальные семантическим.

Обе эти комплексные единицы как исходные в пределах одного описания несовместимы, поскольку, во-первых, разные словообразовательные типы одного и того же способа, как правило, принадлежат разным словообразовательным категориям и, во-вторых, словообразовательные типы одной и той же категории нередко (хотя и не «как правило») относятся к разным способам словообразования, причем эта асимметрия, естественно, наблюдается не только в разных сопоставляемых языках, но и в пределах одной языковой системы. В качестве примеров можно привести категорию высокой степени проявления признака, представленную в русском языке как префиксальными, так и суффиксальными прилагательными (префиксы *пре-, раз-, архи-, наи-*, суффиксы *-ущ-, -енн-* и др.), или словообразовательную синонимию чисто префиксальных и префиксально-суффиксальных существительных типа русск. *пригород* и *приморье, подпол* и *подполье* и т. п.

II. По-видимому, при ориентации сопоставления словообразовательных систем на словообразовательную семантику наиболее естественным является сопоставительное описание, основанное на выделении словообразовательных категорий основных частей речи (либо в рамках определенных способов словообразования, либо вовсе без учета этой единицы). Однако следует иметь в виду, что в этом случае такая единица классификации, как словообразовательный тип, применима лишь отчасти, с очень существенными оговорками (именно поэтому в описаниях, строго придерживающихся словообразовательного типа как основной единицы классификации[1], последовательное рассмотрение материала по словообразовательным категориям не представляется возможным).

Мы имеем в виду следующие факты, свидетельствующие о сложности и неоднородности иерархического соотношения словообразовательных типов и категорий.

1. Словообразовательные значения в некоторых типах представляют собой сложное единство, расчленимое на более простые значения, которые в отдельности могут выступать в других типах в качестве самостоятельного словообразовательного значения. Такая расчлененность словообразовательной семантики форманта может быть двоякого рода:

а) она может соответствовать расчлененности форманта, так что разные компоненты комплексного словообразовательного значения выражаются отдельными составными частями комплексного форманта (преимущественно при смешанных способах словообразования), например:

мутационное значение отношения к предмету, названному мотивирующим существительным, выражается суффиксальной частью форманта, а модификационное значение пространственной ориентации (пространственная конкретизация отношения) – префиксальной частью в префиксально-суффиксальных существительных типов *предбанник, подоконник, ошейник, наколенник* и т. п., прилагательных типов *приморский, загородный* и т. п. (ср. чисто суффиксальные образования типа *коровник, сошник, градусник* или типов *морской, городской, речной,* где теми же суффиксами выражается только отношение к предмету; чисто префиксальные глаголы типов *подбежать, обежать, набежать, забежать* и т. п., где выражается такая же пространственная модификация процессуального признака);

транспозиционное значение отвлеченного признака выражается суффиксальной частью форманта (с нулевым суффиксом), а модификационное значение слабой степени проявления признака – префиксальной частью в существительных типа *проседь, прожелть* (ср., с одной стороны, чисто суффиксальные существительные типов *краснота, белизна* и др., в том числе слова с нулевым суффиксом типа *синь,* а с другой – прилагательные *беловатый, седоватый,* где представлена только модификация степени признака);

транспозиционное или мутационное значение, выражаемое суффиксальным формантом, конкретизируется специфической системой флексий, выражающей семантический компонент «сложное (многократное, многосубъектное или многообъектное) действие» или «сложный (в том числе парный) предмет», в мотивированных отглагольных существительных pluralia tantum, например *нападки, прятки, поминки* с формантом *-к(и)* или *носилки, прыгалки с* формантом *-лк(и)* (ср. *чистка, плавка, задержка* или *косилка, зажигалка,* где при наличии тех же суффиксов, выражающих то же транспозиционное или мутационное значение, семантический компонент «сложности» действия или предмета не выражен)[2];

б) подобное распределение компонентов словообразовательной семантики между частями комплексного форманта может от-

сутствовать, хотя соответствующие семантические компоненты способны выражаться в словообразовательной системе отдельно, например:

мутационное значение «производитель действия» и модификационное «женскость» нерасчлененно выражаются суффиксальным словообразовательным формантом в отглагольных образованиях типа *швея, жнея, ворожея* или типа *стряпуха, щебетуха* (но ср. образования типов *читательница, бегунья* и др., где соответствующие компоненты выражаются отдельно – разными формантами);

транспозиционное значение отвлеченного признака и модификационное значение слабой степени проявления признака выражаются нерасчлененно в отадъективных существительных жен. рода типа *хитринка, лукавинка* или типа *хитреца, прохладца;* но ср. отмеченные выше существительные типа *проседь* (с комплексным префиксально-суффиксальным формантом) или типа *краснотца* (с двумя разными формантами), где те же семантические компоненты выражаются раздельно;

транспозиционное значение отвлеченного действия и модификационное значение одноактности действия выражаются нерасчлененно в отглагольных существительных типа *прыжок, толчок* (но ср. глаголы типа *прыгнуть, толкнуть,* где выражается только соответствующее модификационное значение, или разнообразные суффиксальные типы nomina actionis, выражающие соответствующее транспозиционное значение);

всегда выступают как формально нерасчлененные в суффиксальных отглагольных прилагательных мутационные значения: с одной стороны, потенциальное (способности к действию) или результативное (перфектное), а с другой стороны – субъектное или объектное (признак предмета, являющегося субъектом действия-состояния, или предмета, подвергающегося действию); так возникают комплексные словообразовательные значения – субъектно-потенциальное (*колючий, рассыпчатый, говорливый, ходкий*), объектно-потенциальное (*осязаемый, читабельный, жалкий*), субъектно-результативное (*гнилой, запоздалый*) и объектно-результативное (*варёный, колотый, резной, сварной*).

Естественно заключить, что все подобные словообразовательные типы, характеризующиеся расчлененностью семантики, либо принадлежат одновременно разным словообразовательным кате-

гориям, либо (в другой возможной интерпретации) составляют особые комплексные, вторичные категории, сводимые к категориям простым, первичным.

2. Значение, в одних словообразовательных типах являющееся общим (типовым, формантно выраженным), в других типах нередко выступает как значение подтипа, частное словообразовательное значение. В таких случаях в одну словообразовательную категорию объединяются, наряду с целыми словообразовательными типами, семантические подтипы. Приведем только два примера из современного русского языка.

Словообразовательное значение «место действия или состояния, названного мотивирующим глаголом» представлено как значение типа в существительных с суфф. *-льн(я)* (*спальня*), *-ищ(е)/-лищ(е)* (*училище*), *-j-* (*гнездовье*), *-ловк(а)* (*забегаловка*) и как значение подтипа – в существительных с суфф. *-лк(а)* (*парилка*), *-ник* (*зимовник*), *-тель* (*вытрезвитель*), *-атор* (*изолятор* – помещение), *-ок* (*каток* – площадка для катания на коньках), *-л(о)* (*стойло*), *-н(я)* (*бойня*), *-ниц(а)* (*варница*); особое место занимают случаи, когда значение «место действия-состояния» является вторичным: у существительных с транспозиционным значением (*помещение, расположение* в местном значении, спец. *разрытие* и др.).

Словообразовательное значение «склонный, пригодный или способный к действию, названному мотивирующим глаголом», с двумя разновидностями (уже отмеченными выше, см. п. 1 б) – «способный или склонный совершить действие, будучи его субъектом» (субъектно-потенциальное значение) и «способный подвергнуться действию» (объектно-потенциальное значение) – выступает как общее словообразовательное значение в типах отглагольных прилагательных с суфф. *-ом-/-им-* (*осязаемый, обозримый, проходимый* – «такой, который может пройти» и «такой, который можно пройти»; с префиксом *не-: несгораемый, неопровержимый* и т. п.), *-к-* (*ходкий, варкий, жалкий*) и как частное словообразовательное значение (значение подтипа) – в типах прилагательных с суфф. *-н-* (*надоедный, слышный, завидный*), *-тельн-* (*удовлетворительный, извинительный*), *-ч-* (*певчий, косчий*); наконец, только субъектная разновидность (субъектно-потенциальное значение) представлена как общее словообразовательное значение: в типах с суфф. *-ист-* (*раскатистый, игристый*), *-чат-* (*рассыпчатый*), *-уч-/-ач-* (*колючий, пахучий, кусачий*), *-лив-/-чив-/-ив-* (*говорливый, забыв-*

чивый, льстивый) и как значение подтипа (при отсутствии образований с объектно-потенциальным значением) – в типе с суфф. *-ущ-/-ащ-* (*завидущий, работящий*).

Таким образом, отглагольные прилагательные, выражающие «потенциальное» значение, характеризуются разной степенью обобщения типового словообразовательного значения: 1) низшей степенью – прилагательные с суфф. *-ист-, -чат-, -уч-, -лив-,* где типовое значение – «способный, склонный совершить действие»; 2) средней степенью – прилагательные с суфф. *-ом-, -к-,* где типовое значение – «способный, склонный совершить действие или подвергнуться ему»; 3) высшей степенью – прилагательные с суфф. *-н- -тельн-, -ч-,* где типовое значение – «характеризующийся отношением к действию».

В подобных случаях[3] можно выделять более общие словообразовательные категории и категории более частные, подчиненные этим общим (ср. еще, например, значение «носитель признака» и значения «лицо – носитель признака», «конкретный неодушевленный предмет – носитель признака», «совокупность однородных: предметов – носитель признака» и т. д.), и поэтому в описаниях, ориентированных на словообразовательные категории, неизбежно дробление материала словообразовательных типов, характеризующихся более широким общим словообразовательным значением.

Для сопоставительных описаний особенно существен тот факт, что подобные «несимметричные» соотношения общих и частных словообразовательных значений типов наблюдаются и при сопоставлении словообразовательных систем родственных языков. Так, суффикс отглагольных существительных *-тель,* несущий в восточнославянских языках широкое агентивное значение, в западнославянских не выступает в неличных существительных, и, следовательно, значение ‘лицо – производитель действия’ является здесь общим (типовым) словообразовательным значением, а в восточнославянских языках – частным (значением подтипа)[4].

3. Словообразовательное значение может выступать в одних типах при непосредственной мотивации, а в других – при опосредованной. Так, значение «характеризующийся отношением к действию, названному мотивирующим глаголом», и преобладающая конкретизация его «предназначенный для выполнения действия» выражаются при непосредственной мотивации глаголом –

в отглагольных прилагательных с суфф. *-льн-*(*шлифовальный*), *-н-*(*вытяжной*), *-тельн-* (*летательный*), *-ов-*(*маховой*) и при опосредованной мотивации глаголом – в отсубстантивных прилагательных, мотивированных существительными со значением действия (*сборка – сборочный, перевязка – перевязочный, изоляция – изоляционный, литьё – литейный* и т. п.). Значение 'место действия' выражается не только непосредственно (*училище, спальня* и т. п. – см. выше, п. 2), но и опосредованно – при непосредственной мотивации прилагательными, если они в свою очередь мотивированы глаголами или отглагольными существительными со значением действия – в субстантивированных прилагательных (*курительная, проходная, массажная, операционная, перевязочная* и т. п.).

В подобных случаях в пределах одной и той же словообразовательной категории оказываются образования, непосредственно мотивированные разными частями речи, причем если при непосредственной мотивации соответствующее категориальное значение может быть как общим (типовым), так и частным (значением подтипа), то при опосредованной мотивации оно всегда является частным словообразовательным значением. Необходимо также иметь в виду, что в сопоставляемых языках соотношение непосредственной и опосредованной мотиваций в пределах словообразовательной категории может быть различным. Так, в русском языке в словообразовательной категории «место действия» суффиксация заметно уступает субстантивации (последняя продуктивнее и преобладает количественно) и, следовательно, непосредственная мотивация глаголом представлена слабее опосредованной, что не характерно для других славянских языков.

III. Приведенные факты говорят о многообразии связей словообразовательных категорий и о сложной иерархичности словообразовательных значений – простых и комплексных, более частных и более общих. Следует разграничивать также категории, представленные рядом словообразовательных типов, и категории, ограниченные единственным типом (те и другие в сопоставляемых языках совпадают лишь частично); к последним в русском литературном языке относятся, например, категории со значением «состояние как способность к действию» (отглагольлые существительные типа *решимость, успеваемость*), «лицо по отношению к своему отцу» (отчества), «ягодное растение – носитель признака»

(тип отадъективных существительных с суфф. *-ик(а)*), «элемент языка, речи или какого-нибудь произведения – носитель признака» (тип *архаизм, вульгаризм* и т. п.). Возможно разграничение категорий, представленных словообразовательными типами и подтипами, с одной стороны, и категорий, представленных только подтипами, – с другой; к последним в русском языке относятся, например, значения «промежуток времени – носитель предметного признака» (в префиксально-суффиксальных и суффиксально-сложных существительных с суфф. -j- типов *предгрозье, межсезонье, перемирие, одночасье*), «животное – носитель предметного признака» (в суффиксальных существительных типов *бородач, ушан*); с этой точки зрения можно выделять также категории, представленные в том или ином языке преимущественно подтипами (таковы, напр., в русском языке категории «животное – субъект действия» и «животное – носитель непроцессуального адъективного признака»).

Возможно, наконец, выделение словообразовательных категорий, основанных на более общем, чем значение отдельных словообразовательных типов, семантическом отношении мотивированных слов к мотивирующим, характерном для ряда типов с одним и тем же формантом и представляющем собой инвариантное значение форманта. Таково, например, мутационное значение «носитель признака» (в широком смысле), характерное для существительных с суфф. *-ец* (типов *продавец, ленивец, пораженец*) и некоторыми другими суффиксами[5]. В силу возможных различий в частеречной сочетаемости суффиксов состав таких «инвариантных» словообразовательных категорий в сопоставляемых языках не может не различаться[6].

Рассмотренные отношения словообразовательных категорий, являющиеся одновременно и параметрами их сопоставления, должны учитываться в сопоставительных описаниях словообразовательных систем славянских языков.

IV. Особый объект сопоставления – словообразовательное гнездо. Сопоставление словообразовательных гнезд предполагает предварительное изучение и описание (во всех сопоставляемых языках) типов словообразовательных цепочек, словообразовательных парадигм и гнезд в целом на разных уровнях отвлечения от конкретных образований, входящих в гнезда: на уровнях части речи, словообразовательной категории, словообразовательного типа. Такое типологическое изучение словообразовательных гнезд отдельных славянских языков еще только начинается, хотя пробле-

матика его в современной русистике намечена достаточно четко[7]. Систематическое сопоставление славянских языков на уровне словообразовательных гнезд – дело более отдаленного будущего.

Примечания

[1] См., например: Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.

[2] Подробнее об этом см.: *Лопатин В. В.* О семантической структуре словообразовательного форманта // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния. М., 1978. С. 82–86. Статья перепечатана: с. 38–49 данного издания.

[3] Разнообразные примеры таких соотношений общих и частных словообразовательных значений могут быть извлечены из «Русской грамматики» 1980 г. (см. главы «Словообразовательные значения имен существительных и средства их выражения» и др.).

[4] Подробнее о подобных фактах см.: *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* Сходства и различия в словообразовательных системах славянских языков // Славянское языкознание. IX Международный съезд славистов: Доклады советской делегации. М., 1983.

[5] Такие обобщенные словообразовательные значения трактуются нами как «значения морфемы» (форманта). См.: *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* Мотивированное слово в грамматике и словаре морфем // Слово в грамматике и словаре. М., 1984. Ср. интерпретацию подобных фактов Р. С. Манучаряном (*Манучарян Р. С.* Аспекты и вопросы сопоставительно-типологического изучения словообразования // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. М., 1987).

[6] См.: *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* Сходства и различия. . .

[7] См. прежде всего работы А. Н. Тихонова.

О границах словообразовательного типа (на материале русского языка)

[В сб.: День Артура Озола. Проблемы словообразования в современном языкознании. Материалы научной конференции. Рига, 1969]

I. Основной единицей классификации словообразовательной системы языка является словообразовательный тип. Понятие словообразовательного типа было уточнено в ряде работ последних лет, прежде всего в работах М. Докулила и Е. А. Земской.

Под словообразовательным типом понимается формально-семантическая схема построения слов, абстрагированная от конкретных лексических единиц, характеризующихся общностью: а) структурного показателя, отличающего мотивированные (производные) слова от их мотивирующих (производящих); б) части речи мотивирующих слов; в) семантического отношения мотивированного слова к мотивирующему (словообразовательное значение). Например, существительные *горелка, сеялка, зажигалка, вешалка, поилка* и т. п. принадлежат к одному и тому же словообразовательному типу, т. к. они: а) имеют общий структурный показатель – суффикс *-лк(а);* б) мотивируются глаголами (*гореть, сеять* и т. д.), в) имеют общее значение ‘предмет, производящий действие, названное мотивирующим словом, или предназначенный для выполнения этого действия’.

Структурный показатель, общий для всех образований одного типа и, следовательно, являющийся носителем словообразовательного значения, мы называем формантом. В состав форманта входит одно или несколько словообразовательных средств. В нашем примере формантом является суффикс *-лк-* и система флексий II («твердого женского») склонения существительных[1].

2. Словообразовательный тип как образец для производства новых слов может называться также моделью. Вместе с тем модель как схема (образец) вообще – понятие, не всегда совпадающее со словообразовательным типом. Моделями могут быть более узкие единицы системы, чем тип, – подтипы (ср. словообразова-

тельные типы, в которых обнаруживают продуктивность лишь отдельные подтипы – структурные или семантические) или даже отдельные слова (ср., например, *отсебятина* – окказиональное *отъеготина*). Не представляется целесообразным ограниченное использование термина «модель» лишь применительно к конкретным морфонологическим особенностям образования слов того или иного словообразовательного типа[2].

3. При тождестве общего для ряда образований структурного показателя (форманта) и части речи мотивирующих слов проблема выделения словообразовательных типов сводится к разграничению выражаемых формантом значений, не сводимых к единому общему словообразовательному значению; каждое из таких значений формирует отдельный словообразовательный тип[3]. Таковы, например, различающиеся лишь семантически типы префиксальных глаголов с префиксом *пере-* или с префиксом *за-*; мотивированные глаголами существительные муж. рода с суффиксом *-ок* и значениями «результат действия» (*набросок, кипяток*) и «единичный акт действия» (*бросок, прыжок*). Не представляет затруднений разграничение синонимичных словообразовательных типов (т. е. типов с одинаковым общим словообразовательным значением), характеризующихся различными формантами.

4. Поскольку суффикс выполняет классифицирующую функцию, т. е. относит слово к определенному словоизменительному типу, постольку при суффиксации в состав форманта входит, кроме суффикса, определенная система флексий. Поэтому, например, существительные I склонения с суффиксом *-ин* и II склонения с суффиксом *-ин(а)* принадлежат к разным словообразовательным типам уже в силу различия форманта. То же относится к прилагательным с суффиксом *-ин* притяжательного склонения и с суффиксом *-ин(ый)* адъективного склонения.

Следует, однако, иметь в виду суффиксальные словообразовательные типы, в которых вместо единой парадигмы мотивированных слов выступает правило выбора парадигмы в зависимости:

а) от морфологических признаков мотивированного слова – от категории одушевленности (ср. существительные типа *громила – точило*);

б) от морфологических признаков мотивирующего слова – от категории рода (ср. тип с увеличительным значением: *носище,*

письмище – ножища), от категорий рода и одушевленности (ср. тип с пренебрежительным значением: *лгунишка, мелочишка – домишко, ружьишко*), от типа склонения (ср. тип существительных с нулевым суффиксом и значением лица женского пола: *супруг – супруга*, но *Иванов – Иванова, вожатый – вожатая*);

в) от морфологических признаков слова, основа которого не входит в структуру данного мотивированного слова, – при семантической мотивации последнего словосочетанием с эллиптируемым существительным (явление, обозначаемое терминами «семантическая конденсация» или «включение»): ср., напр., тип существительных с нулевым суффиксом, характерным для разговорной речи: *Курильские острова – Курилы* (pluralia tantum), но *микропористая резина* (обувь) – *микропора* (жен. род).

Кроме того, в отдельных суффиксальных типах вместо единого суффикса выступает правило выбора суффикса. Это относится, например, к типу образования наречий с суффиксами *-ом, -ой, -ю* (ср. *шагом, весной, рысью*), в котором выбор суффикса, омонимичного флексии творительного падежа мотивирующего существительного, ставится в зависимость от типа склонения последнего.

5. Среди субстантивированных прилагательных и причастий различными словообразовательными типами являются такие семантические группы, которые характеризуются единством парадигмы мотивированных слов (парадигма одного грамматического рода или только множ. числа) или правилом её выбора (в типе «эллиптической субстантивации», где правило выбора парадигмы то же, что и в типе *Курилы – микроспора*, см. выше): ср. сущ. *скорый* (поезд), *кондитерское* (отделение), *сборная* (команда), *майские* (праздники).

6. При выделении типов сложных и сложно-суффиксальных существительных и прилагательных следует исходить из того, что структурным ядром сложения, в котором осуществляется его морфологическое оформление, является опорный компонент. Последний при чистом сложении (*лесостепь, износостойкий*) равен самостоятельному слову, а при сложно-суффиксальном способе словообразования (*землепроходец, разноязычный*) состоит из основы и суффикса, выполняющего классифицирующую функцию. Поэтому словообразовательные типы сложений разграничиваются в зависимости от морфологического характера (части речи) основы опорного компонента, а принадлежность основ, предшествующих

опорному компоненту, к различным частям речи является лишь основанием для выделения подтипов в рамках единого типа. Так, относятся к одному типу сложные существительные *первоисточник, птицефабрика, пятиокись* (опорный компонент – существительное; предшествующие основы – прилагательного, существительного и числительного) или сложно-суффиксальные существительные *горовосходитель, первооткрыватель* (опорный компонент – основа глагола и суффикс *-тель;* предшествующие основы – существительного и прилагательного).

7. Как видно из приведенных фактов, проблема разграничения словообразовательных типов тесно связана со спецификой способов словообразования и в первую очередь с характером форманта. Вопрос о форманте в связи с различными способами словообразования ставился нами в коллективном докладе «К соотношению единиц словообразования и морфонологии»[4].

Примечания

[1] Нумерация типов склонения существительных дается согласно академической «Грамматике русского языка». Т. I. М., 1952.

[2] Русский язык и советское общество. Словообразование. М.,1966.

[3] См. построение раздела «Словообразование» в: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1968.

[4] См.: Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие // Чехословацко-советский симпозиум: Доклады советских ученых. М., 1967.

О семантической структуре словообразовательного форманта

[В сб.: Русский язык. Вопросы его истории
и современного состояния. М., Наука, 1978]

1. Одной из важных и до сих пор мало разработанных задач учения о форманте как об обязательном, специфическом компоненте структуры мотивированного слова, являющемся средоточием словообразовательного значения, является выяснение семантических взаимоотношений между словообразовательными средствами, составляющими формант. Дело в том, что в большинстве способов словообразования русского языка формант является комплексным словообразовательным средством, состоящим из двух и более средств, причем разные компоненты словообразовательного значения, присущего мотивированному слову, определенным образом распределяются между этими средствами. Так, в префиксально-суффиксальных существительных суффикс, как правило, выражает общее отношение предмета к понятию, названному мотивирующим словом (т. е. несет значение, которое мы называем предметно-характеризующим[1]), префикс же конкретизирует это общее отношение, выражая различные (преимущественно пространственные и временные) его модификации. Ср., например, с одной стороны, существительные с суфф. *-ник,* мотивированные существительными, типа *путник, градусник, березник, плужник* (обл.), где отношение к предмету, названному мотивирующим словом, в структуре мотивированного слова никак не конкретизировано, и, с другой стороны, префиксально-суффиксальные существительные с тем же суффиксом типа *нагрудник, предплужник, ошейник, подоконник* с пространственными модификациями этого значения, вносимыми префиксом. Впрочем, следует оговориться, что при смешанно-суффиксальных способах словообразования компоненты значения, вносимые разными аффиксами, входящими в состав форманта, не всегда размежевываются столь же очевидно, как в приведенном примере.

В настоящей статье мы, однако, остановимся не на смешанных способах словообразования, а на чистой суффиксации, точнее –

на некоторых аспектах проблемы соотношения суффикса и связанной с ним системы флексий мотивированного слова, составляющих, по нашему мнению, единый комплексный формант.

2. Вопрос о словообразовательной роли системы флексий мотивированного слова имеет в нашем языкознании свою, хотя и не очень длительную, историю.

Как известно, одним из важных аспектов теории словообразования, постоянно бывшим в центре внимания акад. В. В. Виноградова в его словообразовательных исследованиях, является проблема связи словообразования с грамматикой (прежде всего с морфологией). Не случайно поэтому, что именно В. В. Виноградовым (на материале так называемого морфолого-синтаксического словообразования) были впервые указаны факты, когда «словообразование осуществляется средствами словоизменения»[2], например «окончания прилагательных, попадая в категорию предметности... становятся окончаниями-суффиксами существительного»[3]. Но нет сомнений в том, что В. В. Виноградов смотрел на вопрос о словообразовательной роли системы флексий шире, когда писал, имея в виду суффиксацию существительных, что ««формы словоизменения» у имен существительных впаяны в их словообразовательную, лексическую структуру»[4], и с этой точки зрения знаменателен тот факт, что суффиксальные словообразовательные типы существительных рассмотрены В. В. Виноградовым в книге «Русский язык» по типам склонения.

В дальнейшем этот вопрос получил свое развитие в теории конверсии, понимаемой как словообразование посредством парадигмы (системы флексий) мотивированного слова, – теории, впервые примененной к фактам русского языка А. И. Смирницким[5]. Этой теории была противопоставлена выдвинутая в ряде работ концепция нулевого словообразовательного аффикса. Как показано нами в другом месте, обе эти концепции не столь уж глубоко антагонистичны, ибо при нулевой суффиксации в состав словообразовательного форманта входит система флексий мотивированного слова, выполняющая здесь роль основного (и в ряде случаев единственного) различительного средства[6]. Дальнейшее изучение с этих позиций суффиксального способа словообразования, для которого характерна так называемая классифицирующая функция суффикса, приводит к выводу о том, что система флексий мотивированного слова (в их единстве, как подчеркнуто А. И. Смирницким, а

не в их противопоставленности) входит в состав словообразовательного форманта при всякой суффиксации, в том числе и при материально выраженной, а не только при нулевой. Именно так определен суффиксальный словообразовательный формант в «Грамматике» 1970 г.[7].

В самом деле, если вообще в состав форманта входят те формальные средства, которые отличают (на уровне словообразовательного типа) множество мотивированных слов от их мотивирующих, то при суффиксации таким средством является наряду с определенным суффиксом конкретная система флексий мотивированных слов, принадлежащая в каждом словообразовательном типе к определенному типу (реже – типам) словоизменения и не зависящая, как правило, от системы флексий мотивирующего слова.

Что же касается той доли словообразовательного значения, которую несет при суффиксации система флексий мотивированного слова, то надо полагать, что эта доля, этот семантический компонент сводится чаще всего (и здесь теснейшим образом смыкаются словообразовательная и собственно грамматическая, морфологическая функции системы флексий) к общеграмматической семантике определенной части речи (например, для существительных – к значению грамматической предметности), которая и является, таким образом, при суффиксации одним из компонентов словообразовательного значения. Другие же семантические компоненты, более конкретные и специфичные для различных словообразовательных типов слов, относящихся к одной и той же части речи, выражаются суффиксами, с чем согласуется и большее формальное многообразие самих суффиксов рядом с чрезвычайной ограниченностью различных систем флексий склоняемых и спрягаемых слов (это соображение, впрочем, не исключает той заметной роли, которую играет в русском словообразовании омонимия суффиксальных формантов в целом).

В то же время связь конкретных суффиксов с определенными типами словоизменения мотивированных слов, системами флексий, например агентивного суффикса *-тель* с системой флексий существительных I склонения и такого же агентивного суффикса *-лк(а)* с системой флексий II склонения, носит чаще всего чисто формальный характер, поскольку сами типы склонения и спряжения, как правило, представляют собой формальные классы, не основанные на каких-либо семантических разграничениях внутри части речи.

Однако внутри частей речи имеются и такие морфологически обособленные группировки, так называемые лексико-грамматические разряды[8], в пределах которых та или иная система флексий мотивированного слова (например, для существительных – связанная с принадлежностью к определенному роду или числу) связана и с определенными семантическими ограничениями. В мотивированных словах, принадлежащих к таким разрядам, компонент словообразовательного значения, вносимый системой флексий, значительно уже, конкретнее, чем только общее значение части речи. Поэтому такие разряды представляют особый интерес с точки зрения затрагиваемой здесь проблемы соотношения компонентов словообразовательного значения в словах с суффиксальным формантом.

Тот факт, что так называемые лексико-грамматические разряды являются ареной особенно тесного взаимодействия словообразования и грамматики (морфологии), неоднократно подчеркивался В. В. Виноградовым. Отмечая, что «органическая связь словообразования с разнообразными морфологическими категориями, относящимися к структуре частей речи, несомненна»[9], В. В. Виноградов писал: «Изучение вариантов падежных форм, а также анализ форм числа имен существительных, тесно связанный с лексико-семантическими разрядами singularia et pluralia tantum, приводит к выделению категорий собирательности, вещественности, единичности, лица, которые имеют и разнообразные словообразовательные формы обнаружения»[10].

Ниже мы остановимся несколько подробнее на специфике выявления словообразовательных значений в таких лексико-грамматических разрядах, как существительные pluralia tantum, существительные со значением лица, притяжательные прилагательные.

3. Обратимся прежде всего к существительным pluralia tantum. Основная масса мотивированных слов этого разряда представляет собой отглагольные слова. Как и другие морфологические классы существительных, мотивированных глаголами, слова pluralia tantum могут обозначать и процесс – действие или состояние – в отвлечении от его носителя (транспозиционное словообразовательное значение, например в словах *хлопоты, поминки*), и предмет, характеризующийся тем или иным отношением к действию (например, субъект действия: *всходы;* орудие, средство осуществления действия: *носилки, подтяжки;* объект или результат дей-

ствия: *очески, выгребки*). Вместе с тем, в отличие от других отглагольных существительных с транспозиционным значением и со значением носителя процессуального признака (входящим в круг предметно-характеризующих значений), слова pluralia tantum содержат некоторые дополнительные семантические компоненты, которые можно считать специфическими для слов этого лексико-грамматического разряда.

В словах с транспозиционным словообразовательным значением такой дополнительный компонент можно определить следующим образом: «длительность, многосубъектность или многообъектность процессуального признака». Такие слова называют не просто то же действие, что и мотивирующий глагол, но действие, совершаемое либо в течение длительного отрезка времени, либо многими субъектами, либо направленное на многие объекты (назовем кратко этот семантический компонент, вслед за В. В. Виноградовым, «сложным действием»[11]); например, в словах с суфф. *-к(и): нападки, скачки, завидки* (разг.), *раздобытки* (разг.), *доедки* (окказ. разг.); в словах с нулевым суффиксом: *роды, хлопоты, нелады, расспросы, переговоры, пересуды, выборы, поборы, толки, торги, побои, корчи, счеты* (*считаться* между собой в чем-л.), *бега* («гонки лошадей» и «самовольный тайный уход, дезертирство»); с суффиксами: *-н(и) – россказни, плутни* (мотивирующее – *плутовать*), *блудни* (прост.); *-ушк(и) – потягушки; -сме́нт(ы) – аплодисменты.* С указанным семантическим компонентом слов pluralia tantum транспозиционного значения тесно связана та особенность, что многие из них представляют собой названия обрядов, сборищ и игр, например слова с суфф. *-к(и)/-лк(и)/ -шк(и): поминки, салки, жмурки, прятки, пряталки, догонялки, пятнашки* (*пятнать* «салить»); с суфф. *-ин(ы): смотрины, проводины* (устар.), *крестины, розговины* (устар.); *октябрины* и *звездины* (нов.); с нулевым суффиксом: *проводы, похороны, спрыски* («выпивка по какому-л. случаю», прост.). Сюда же примыкают названия промежутков времени: *заморозки* (мотивирующее – *морозить,* безл.), *сумерки* (мотивирующее – *смеркаться*).

Для отглагольных существительных pluralia tantum с предметно-характеризующим значением специфическими являются другие семантические компоненты: это либо 1) названия конкретных предметов, состоящих из двух одинаковых частей или содержащих две и более одинаковые части, например с суфф. *-к(и)/-лк(и):*

плавки, подтяжки, чётки (*считать*), *мостки* (*мостить*), *носилки, прыгалки, гляделки* (прост.); с суффиксами: *-ц(ы) – щипцы, пяльцы, съемцы, схватцы* (спец.); *-ул(и) – ходули; -ел(и) – качели; -н(и) – розвальни; -чк(и) – кусачки; -унк(и) – ползунки, ходунки;* наконец, с нулевым суффиксом: как в чисто суффиксальных образованиях *путы, тиски, оковы, счеты* («прибор для арифметического счета»), *весы* (*вешать* «определять вес»), *грабли* (*грести* «сгребать»), так и в суффиксально-сложных (гусли-*самогуды*, сапоги-*скороходы*), либо 2) слова с вещественным или собирательным значением, например, с суфф. *-к(и): объедки, опилки, отрепки, выгребки, выварки, выжимки, пожинки, очистки, перетопки, отсевки, очески* и т. п., а также *останки, пожитки;* с нулевым суффиксом: *всходы, румяна* (*румяниться*), *припасы, помои;* с «унификсом» *-мен(а): письмена;* к этой же группе относятся некоторые названия денежных сумм, платежей (например, *издержки*). Оба упомянутых семантических компонента можно объединить под условным названием «сложный предмет».

Что же касается слов pluralia tantum, мотивированных словами других частей речи – прилагательными или существительными, то и среди них мы найдем все те же названия обрядов, праздников, периодов времени (*именины, сороковины* – обл., *петровки* – обл., *святки, потемки*), предметов, содержащих две и более одинаковые части (*дровни;* суффиксально-сложные: *плоскогубцы, круглогубцы, плоскозубцы*), собирательных и вещественных понятий (*последки*), наконец, названия денежных платежей (субстантивированные прилагательные типа *суточные, командировочные, премиальные*).

Если мы теперь обратимся к немотивированным существительным pluralia tantum, то увидим, что и они представляют собой либо названия сложных действий (*дрязги, козни, шашни*), периодов времени (*сутки, каникулы*), либо названия парных и вообще «сложных» предметов (*ножницы, очки, ворота, вожжи, кандалы, вериги, литавры, штаны, брюки, рейтузы, клещи, сани, гусли, шахматы*), в том числе слова с вещественным и собирательным значением (*макароны, дрожжи, пельмени, харчи*), слово *деньги.*

Приведенный материал показывает, что семантический компонент «сложности» действия или предмета присущ существительным pluralia tantum независимо от того, являются ли они словообразовательно мотивированными или нет, а при их мотивирован-

ности – независимо от того, какой в их составе выделяется суффикс. Отсюда естественно следует, что носителем этого компонента «сложности» является во всех существительных данного лексико-грамматического разряда система флексий множественного числа. Одновременно в словообразовательно мотивированных словах pluralia tantum, относящихся к суффиксальному способу словообразования, система флексий множественного числа входит в состав форманта, а вносимый ею семантический компонент «сложности» является дополнительным компонентом словообразовательного значения. На долю же суффикса, материально выраженного или нулевого, остается в таких образованиях основное словообразовательное значение – транспозиционное (в существительных, называющих отвлеченное действие, процесс) или предметно-характеризующее (в существительных со значением носителя признака)[12]. Достаточно сопоставить, с одной стороны, существительные с суффиксами *-к(и)* и *-лк(и)* типов *нападки, очистки, носилки* и, с другой – не относящиеся к разряду pluralia tantum существительные с суффиксами *-к(а), -ок* и *-лк(а)* типов *наладка, обрубок, поилка,* где тождественные суффиксы несут те же словообразовательные значения, но без семантического компонента «сложности». Аналогичное соотношение – у слов *качели* и *купель, аккомпанемент* и *аплодисменты.*

Отметим, однако, что свое основное словообразовательное значение – транспозиционное или предметно-характеризующее – суффиксы выражают и в словах pluralia tantum не иначе как совместно с системой флексий; с этой точки зрения компоненты суффиксального форманта и здесь неразделимы. На долю системы флексий в существительных pluralia tantum приходится, таким образом, не только узкое значение данного лексико-грамматического разряда (компонент «сложности» действия или предмета), являющееся компонентом словообразовательного значения, но и более широкое значение грамматической предметности (общее значение части речи), как и в других суффиксальных существительных.

4. Известно, что все существительные общего рода являются в русском языке словами со значением лица. В рамках разряда общего рода личное значение морфологически выражено: отнесение слова к общему роду является одновременно отнесением его к лексико-грамматическому разряду «личных» слов. Это касается равным образом и суффиксально-мотивированных существитель-

ных – отглагольных (*запевала, лакомка, работяга, гуляка, растеряша, выпивоха, копуша, торопыга, гулёна, плакса, капризуля*) и отыменных (*жадина, уродина, тупица, грязнуха, грязнуля, дорогуша, бедняга, хитрюга, злюка, жадоба, коротышка, сластёна, святоша, чинуша*), в том числе с нулевым суффиксом (*задира, обжора, рёва, недотрога, непоседа, горемыка, скареда, лежебока*), и немотивированных (*скряга, рохля, дылда, сирота, коллега, пария*).

Таким образом, при всем разнообразии суффиксов существительных общего рода значение лица, являющееся для этих слов неизменным компонентом словообразовательного значения, выражается в них уже системой флексий слов II склонения (поскольку слова общего рода принадлежат только к этому типу склонения[13] – с флексией *-а* в форме им. пад. ед. ч.), через посредство которой и выявляется их грамматическая характеристика общего рода – способность согласовываться с прилагательными как женского, так и мужского рода. Это не исключает того, что словообразовательное значение в целом («лично-характеризующее», т. е. обнаруживающееся как характеристика лица по признаку, названному мотивирующим словом) выражается в мотивированных словах общего рода также и суффиксом, неотделимым от системы флексий II склонения.

Сказанное относится и к тем (немногим) суффиксально-мотивированным существительным II склонения, которые принадлежат к мужскому роду: *старшина, старейшина, юноша, судья, возница, слуга* и т. п. Способность согласовываться с прилагательными мужского рода при наличии системы флексий II склонения является в именах существительных формальным признаком личного значения[14], являющегося в мотивированных словах компонентом значения словообразовательного.

Другой интересующий нас разряд личных существительных – это слова со значением лица женского пола, мотивированные существительными мужского рода со значением лица, т. е. личные существительные с так называемым модификационным значением «женскости». Обращает на себя внимание тот факт, что все такие существительные, если они мотивированы существительными мужского рода субстантивного склонения[15], относятся к одному и тому же типу склонения: к словам II склонения с флексией *-а* в им. пад. ед. ч.[16]: *студент – студентка, проверщик – проверщица,*

писатель – писательница, герой – героиня, пловец – пловчиха, библиотекарь – библиотекарша, бегун – бегунья, поэт – поэтесса, слуга – служанка и т. д.; сюда же относятся и образования с нулевым суффиксом типа *супруг – супруга, кум – кума.*

Тождество флексий во всех существительных субстантивного склонения со словообразовательным значением «женскости» свидетельствует о том, что это словообразовательное значение выражается в них уже системой флексий и, таким образом, система флексий в словах этой словообразовательной категории выражает, как и в рассмотренном случае со словами pluralia tantum, значение более конкретное, чем общее грамматическое значение части речи. Однако в отличие от рассмотренных выше слов pluralia tantum в словах со значением лица женского пола у системы флексий вряд ли может быть обнаружен какой-либо специфический компонент семантики, хотя бы частично отграничиваемый от значения суффикса. В суффиксах *-к(а), -иц(а), -их(а)* и пр. трудно усмотреть какое-либо иное значение, кроме все того же значения «женскости», выражаемого и системой флексий.

Из этого факта могут быть сделаны, и иногда делаются, по крайней мере два вывода, с нашей точки зрения не вполне корректные. Первый состоит в том, что в словах типа *супруга,* в отличие от других типов существительных с нулевым суффиксом (*выход, синь* и т. п.), не следует выделять нулевой суффикс, ибо системы флексий II склонения достаточно для выражения словообразовательного значения «женскости» (такое замечание высказывалось, в частности, в адрес автора настоящей статьи, усматривающего в словах типа *супруга,* нулевой суффикс). С другой стороны, довольно значительная пестрота суффиксов в словах со значением «женскости» на фоне единства другого словообразовательного средства – системы флексий – может привести к мысли, что суффиксы в словах этой словообразовательной категории являются уже не носителями словообразовательного значения, а своего рода бессодержательными «прокладками»[17].

На самом же деле в словообразовательной категории «женскости» мы сталкиваемся с одним из достаточно распространенных в русском словообразовании проявлений формальной избыточности выражения словообразовательного значения[18]. В данном случае одно и то же значение выражается дублирующими друг друга средствами – системой флексий мотивированного слова и одним

из суффиксов определенного ряда, неотделимых от этой системы флексий, в том числе нулевым (поскольку материально выраженная суффиксация и, следовательно, эксплицитная дублированность выражения значения «женскости» в словообразовательной системе явно преобладают).

5. Сходный случай дублетности выражения словообразовательного значения суффиксом и системой флексий мотивированного слова представляют собой притяжательные прилагательные. Все они, как известно, принадлежат к особому, так называемому притяжательному типу склонения прилагательных, и естественно поэтому, что сама специфическая система флексий, отличная от обычного, «адъективного» склонения, уже выражает в прилагательных с суффиксами *-ов, -ин* и *-нин* (*отцов, дедов, тётин, сестрин, братнин* и т. п.) значение индивидуальной принадлежности тому, кто назван мотивирующим словом (все прилагательные притяжательного склонения являются мотивированными). В то же время в суффиксальных прилагательных «адъективного» склонения значение индивидуальной принадлежности не выражено, и для них – например, для прилагательных с суффиксами *-ов*(*ый*), *-ск*(*ий*), *-овск*(*ий*) – более характерно значение коллективной (родовой) принадлежности, отнесенности: ср. значения прилагательных *отцов* и *отцовский.* Таким образом, система флексий притяжательных прилагательных всегда представляет собой специфическое словообразовательное средство, неотделимое от трех материально выраженных суффиксов.

Приведенные наблюдения свидетельствуют о разнообразии семантических отношений компонентов словообразовательного форманта в сфере суффиксации, отношений, которые требуют еще глубокого и детального изучения. Однако общая специфика этих отношений состоит в том, что, как бы ни разграничивались суффикс и система флексий с точки зрения вносимых ими компонентов словообразовательного значения, они всегда неотделимы друг от друга, а следовательно, никогда не выражают этих компонентов значения самостоятельно. Суффикс и система флексий изменяемого слова представляют собой единый словообразовательный комплекс, в котором с наибольшей очевидностью обнаруживается глубокая связь словообразования и морфологии.

Примечания

[1] О типологии словообразовательных значений см.: *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика (проблемы и принципы описания). Автореферат докт. дисс. М., 1976. С. 13–15.

[2] *Виноградов В. В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии // Виноградов В. В. Избранные труды. Исследования по русской грамматике. М., 1975. С. 180.

[3] *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., 1972. С. 158.

[4] Там же, с. 147.

[5] См., например: *Смирницкий А. И.* Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Иностр. языки в школе. М., 1953, № 5; *Он же.* К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Труды Ин-та языкознания АН СССР. Т. 4. М., 1954. С. 18–19.

[6] См.: *Лопатин В. В.* Проблемы нулевого словообразовательного аффикса // Актуальные проблемы русского словообразования. I. Ташкент, 1975. С. 391–392. Статья перепечатана: с. 95–105 данного издания.

[7] См.: Грамматика, 1970, с. 41; также: *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* К соотношению единиц словообразования и морфонологии // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1969. С. 123.

[8] См., например: *Бондарко А. В.* Проспект функциональной морфологии русского языка // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 20. 1975, № 5–6. S. 728, 741; *Он же.* Теория морфологических категорий. Л., 1976. С. 155 и след.

[9] *Виноградов В. В.* Словообразование в его отношении к грамматике и лексикологии, с. 183.

[10] Там же, с. 182.

[11] *Виноградов В. В.* Русский язык, с. 135.

[12] В пользу такого вывода говорит и наличие в словообразовательной системе отглагольных префиксально-суффиксальных существительных, где тот же семантический оттенок «сложности» (длительности, многосубъектности или многообъектности) действия выражается префиксально – с помощью префикса *по-*, например: а) в названиях отвлеченного действия: *клевать* (о рыбе) – *поклевка, пить – попойка, зевать – позевота, искать – поиск* (с нулевым суффиксом); б) в названиях производителя такого «сложного» действия: *просить – попрошайка, прыгать – попрыгун, греметь – погремушка, восстать – повстанец* («один из многих восставших»). В таких образованиях основной – транспозиционный (в группе «а») и предметно-характеризующий (в группе «б») – компонент словообразовательного значения выражается суффиксом (с системой флексий), а дополнительный (модифицирующий) компонент «сложности» действия – префиксом. Оба средства выражения этого компонента (префикс *по-* и система флексий мн. числа) представлены в таких, например, образованиях, как *искать – поиски, сидеть – по-*

сиделки, тужиться – потуги, бегать – побегушки. Подробнее о префиксально-суффиксальных отглагольных образованиях с префиксом *по-* см.: *Лопатин В. В.* Префиксально-суффиксальные отглагольные имена и их синхронические словообразовательные связи // Филол. науки. 1977, № 3. Статья перепечатана: с. 208–220 данного издания.

[13] Исключение – несколько несклоняемых слов типа *визави*, *протеже*.

[14] Исключение составляют образования с субъективно-оценочным суффиксом *-ин(а): домина, голосина* и т. п.

[15] В окказионализмах – также словами общего рода, например: *калеки* и *калекши* (В. Маяковский).

[16] Единственное исключение *свекор – свекровь* (слово III склонения) может не быть принято в расчет, ибо это образование с «унификсом».

[17] См., например, доклад А. Б. Копелиовича на конференции по вопросам ономасиологии в Орле (февраль 1976 г.).

[18] На это явление обращено внимание в статье: *Лопатин В. В.* Так называемая интерфиксация и проблемы структуры слова в русском языке // Вопр. языкознания. 1975, № 4. С. 30. Статья перепечатана: с. 382–401 данного издания.

О значении словообразовательного аффикса

[В сб.: Всесоюзная научная конференция по теоретическим вопросам языкознания. Тезисы докладов секционных заседаний (Ин-т языкознания АН СССР). М., 1974]

1. Вопрос о значении словообразовательного аффикса относится к числу дискуссионных и до конца не выясненных. Вместе с тем вопрос этот имеет принципиальное значение для построения различных словообразовательных классификаций, составления словарей служебных морфем; в зависимости от понимания значения аффикса решается такой важный вопрос, как омонимия аффиксов, разграничение аффиксов-омонимов, многозначных и однозначных аффиксов.

2. В существующих исследованиях описательного характера преобладают такие семантические определения, как «производитель действия, названного глагольной основой» (*прыгун*), «носитель признака, названного основой прилагательного» (*старик*), «отвлеченное действие» (*спасение*) и т. п. Нетрудно видеть, что подобные формулировки определяют не значение словообразовательного аффикса (в данном случае суфф. *-ун, -ик, -ениј-*), а общее значение слов с этим аффиксом (в рамках конкретного словообразовательного типа).

Бесспорно, что значение аффикса относится к связанным значениям, т. е. реализуется только в сочетании с мотивирующей основой (или словом) определенного грамматического класса (классов). Но отсюда не следует, что мы не должны пытаться определить само это значение. Легче всего это сделать для аффиксов с так наз. «модификационными» словообразовательными значениями. Такие определения, как «уменьшительность» (*домик*), «ласкательность» (*соловушка*), «единичность» (*икринка*), «начинательность» (*запеть*) и т. п., достаточно четко и компактно формулируют тот семантический оттенок, который вносится аффиксом в структуру мотивированного слова. Сложнее обстоит дело с другими словообразовательными значениями.

3. Словообразовательное отношение – это всегда формально-семантическое отношение мотивированного и мотивирующего

слов. Поэтому как сам аффикс, так и его значение выводятся из того общего отношения мотивированного и мотивирующего слов, которое характерно для определенного словообразовательного типа. И если в плане выражения словообразовательный аффикс (формант) является отрезком, отличающим все мотивированные слова определенного типа от их мотивирующих, то и в плане содержания он является носителем общего компонента в значении мотивированных слов, который отсутствует в мотивирующих словах данного типа. Этот семантический компонент и является общим словообразовательным значением типа. (Заметим, что при смешанных способах словообразования, например префиксально-суффиксальном, когда аффикс является частью форманта, на его долю приходится соответственно лишь часть общего словообразовательного значения).

Таким образом, значение словообразовательного аффикса (общее словообразовательное значение типа) является одним из компонентов бинарной семантической структуры мотивированных слов в той степени ее обобщения, которая определяется рамками словообразовательного типа, например: предмет + уменьшительность → предмет малого размера; однородная масса + единичность → одна небольшая частица этой массы; признак + отвлеченность → признак, отвлеченный от его носителя (*смелость* и т. п.); действие + агентивность → производитель действия. «Агентивность» суфф. *-ун* означает, что, будучи соединенным с глагольной основой, этот суффикс дает название производителя действия, и т. д.

Надо, однако, отметить, что подобные формулировки значений аффиксов, их «метаязык» еще недостаточно разработаны. Если, например, значение суффиксов в существительных, обозначающих производителя действия, удобно назвать термином агентивность, то мы не располагаем подобным кратким названием для значения суффиксов в существительных, обозначающих носителя признака (*-ик* в *старик, -ец* в *мудрец* и т. п.). Такое значение можно условно назвать, например, «предметно-характеризующим»: все подобные образования обозначают предмет по характерному для него признаку.

4. Один и тот же аффикс с тождественным значением нередко выступает в разных словообразовательных типах. Сюда относятся три группы случаев:

1) аффиксы слов, принадлежащих к разным способам словообразования, но к одной и той же части речи, и мотивированных

словами одной и той же части речи, например: *-ениј-* отвлеченного значения в суффиксальных, преф.-суффиксальных и суфф.-сложных существительных (*спасение, непротивление, кораблестроение*); *-тель* (ср. *распылитель* и *громкоговоритель*) и *-ин(а)* (ср. *царапина* и *червоточина*) в отглагольных суффиксальных и суфф.-сложных существительных.

2) аффиксы мотивированных слов, одинаковых по способу словообразования, но различных по части речи (они обладают только модификационными значениями), например: *раз-* со значением интенсивности в прилагательных (*развеселый*), существительных (*раскрасавец*), глаголах (*разобидеть*); *-оньк-* с ласкательным значением в существительных (*подруженька*), прилагательных (*свеженький*), междометиях (*баиньки,охохошеньки*), даже глаголах (*спатеньки* – изолированная экспрессивная форма инфинитива).

3) аффиксы слов, одинаковых по способу словообразования и по части речи, но мотивированных словами разных частей речи. В этом случае общее (инвариантное) значение аффикса варьируется в различных словообразовательных типах в зависимости от части речи мотивирующего слова. Напр., *-ец* в нескольких типах имеет общее «предметно-характеризующее» значение, выступая в названиях предмета по характерному признаку, который конкретизируется как непроцессуальный признак – при мотивации прилагательными (*хитрец, сырец*) и процессуальный – при мотивации глаголами (*гребец, резец, рубец*) и существительными процессуального значения (*пораженец, примиренец*).

5. Отождествление аффикса оправдано и в тех случаях, когда при мотивации словами различных частей речи словообразовательное значение в одном из типов у́же, конкретнее, чем в другом. Так, объем словообразовательного значения суфф. *-ун* в отглагольных существительных у́же, чем в отыменных: имея «предметно-характеризующее» значение в словах, мотивированных прилагательными и существительными (*слепун*, *горбун*), он имеет в отглагольных словах (*прыгун*) агентивное значение, которое следует рассматривать как конкретизацию общего «предметно-характеризующего» значения (характерный для предмета процессуальный признак выступает здесь только как производимое им действие). Ср. хотя бы суфф. *-ец* (примеры см. выше), для которого такое сужение значения в отглагольных образованиях нехарактерно.

6. Одинаковые по составу фонем аффиксы, значения которых не имеют общих семантических компонентов, должны рассматриваться как аффиксы-омонимы. Таковы суфф. *-к(а)* со значениями «предметно-характеризующим» (*неженка, поганка, лейка, соломорезка*), отвлеченным (*резка, варка*), «женскости» (*лентяйка, глухарка*), уменьшительно-ласкательным (*головка, бедняжка*). Зато, например, суфф. *-к(а)* со значением единичности (*мармеладка, земляничка* «одна ягода земляники», *ватка* «кусочек ваты»), по-видимому, может быть отождествлен с уменьшительно-ласкательным *-к(а),* поскольку соответствующие названия, обозначающие одну частицу или кусок однородной массы, как правило, являются названиями малых предметов («небольшой размер» – общий семантический компонент обоих значений).

К вопросу о типологии словообразовательного значения

[В сб.: Тезисы межвузовской конференции «Оптимальные методы преподавания языка и теории русского языка». II (Мин-во выс. и сред. спец. образования СССР). М., 1974]

1. Словообразовательное значение (СЗ) есть тот общий компонент семантики мотивированных слов определенного словообразовательного типа, который отсутствует в мотивирующих словах данного типа. СЗ выводится из общего семантического отношения мотивированного и мотивирующего слов в рамках типа.

Существует мнение, что СЗ в противоположность грамматическому – это всегда значение несинтаксическое, референционное, отражающее внеязыковую действительность (грамматическое же значение может быть как несинтаксическим, так и синтаксическим). Однако в языке соотношения между несинтаксическими и синтаксическими значениями, как и между значениями словообразовательными и грамматическими, более сложны. В том, что охватывается понятием СЗ, обнаруживаются внутренне глубоко различные, разноприродные явления.

2. Известно разграничение словообразовательных фактов на две основные сферы, которые были названы в работах Е. Куриловича «деривацией лексической» и «деривацией синтаксической». Большинство СЗ охватывается сферой «лексической деривации». Такие значения, непосредственно отражающие внеязыковую действительность и участвующие в формировании лексической семантики мотивированного слова, можно назвать р е ф е р е н ц и о н н ы м и. В свою очередь внутри референционных СЗ выделяются две разновидности: мутационные и модификационные (по терминологии М. Докулила). Сущность м у т а ц и о н н ы х СЗ состоит в характеристике предмета или признака по его отношению к другому предмету или признаку, например, «предметно-характеризующее» значение в существительных типа *хитрец* (мотивирующее прилагательное обозначает непроцессуальный признак данного предмета); «агентивное» значение в существительных типа *читатель* (мотивирующий глагол обозначает процессуальный признак, ак-

тивным носителем которого является данный предмет). Модификационные СЗ представляют собой дополнительный (модифицирующий) семантический компонент, добавляющийся к значению мотивирующего слова, например, уменьшительное (*домик*), единичное (*горошина*), начинательное (*застонать*).

Принципиальное отличие мутационных значений от модификационных состоит в том, что компонентом мутационного СЗ является грамматическое (общекатегориальное) значение части речи. Например, в состав двух указанных мутационных СЗ входит значение грамматической предметности. Это связано с тем, что одной из функций форманта в мутационных словообразовательных типах является отнесение мотивированного слова к определенному грамматическому классу (части речи). Модификационное же СЗ не включает в свой состав общекатегориальной семантики; мотивированное слово принадлежит в модификационных типах всегда к той же части речи, что и мотивирующее.

3. Совершенно иной характер носят транспозиционные СЗ, выступающие в кругу явлений «синтаксической деривации». Эти значения сводятся к наделению мотивированного слова общекатегориальной грамматической семантикой, отличной от общекатегориальной семантики мотивирующего слова, без изменения его лексического значения. Относящиеся сюда форманты переводят (транспонируют), например, название признака – непроцессуального или процессуального – в сферу грамматической предметности: *смелый – смелость, ходить – ходьба* и т. п. Лексически такое слово остается названием признака, а грамматически является уже названием предмета со всеми присущими ему синтаксическими функциями и – как отражение этих функций – со способностью передавать признак в отвлечении от его носителя. В этих случаях формант выражает вторичность грамматического значения предметности, присущего данному мотивированному слову как части речи. Аналогичным образом в случае *смелый – смело* формант выражает вторичность грамматического значения «признак признака», присущего наречиям на *-о*, по сравнению с грамматическим значением «признак предмета», присущим прилагательному; противоположные отношения – в случае *вчера – вчерашний*.

В подобных СЗ хотя и отражается внеязыковая действительность, но не прямо, а через посредство той ее модели, которая представлена в системе общекатегориальных грамматических значе-

ний основных частей речи (так, грамматическая предметность лишь частично совпадает с кругом значений, отражающих реальную, внеязыковую предметность).

4. Существует и еще один, третий, тип СЗ, наиболее абстрактный, такое значение можно было бы назвать синтаксическим, но лучше назвать (чтобы не путать его с «синтаксической деривацией» в понимании Куриловича) синтагматическим. Речь идет о соединительном (или объединительном) значении, присущем сложным словам и словам-сращениям, например, чистые сложения: *лесостепь, первоисточник, белорозовый*; сращения: *умалишенный, вечнозеленый* и т. п.

Словообразовательная семантика таких мотивированных слов, представляющих собой особого рода синтагму, сводится, если сопоставить ее с семантикой отдельно взятых мотивирующих слов, к соединению значений, составляющих сложную основу простых основ. Это СЗ отражает в самом обобщенном и нейтрализованном виде на уровне слова те разнообразные синтаксические отношения, которые существуют между компонентами словосочетания, (ср., например, сложное слово *первоисточник* и словосочетание *первый источник*).

Носителем этого значения в русском языке является чаще всего «интерфикс» – соединительный аффикс сложных слов. При смешанном суффиксально-сложном способе словообразования, например, в словах типа *мореплаватель* или *землетрясение,* синтагматическое СЗ, выражаемое интерфиксом, сочетается в мотивированном слове с референционным или транспозиционным СЗ, выражаемым суффиксом.

5. Итак, среди СЗ можно выделить значения трех принципиально различных типов: референционные, транспозиционные и синтагматические.

К типологии словообразовательных значений имени существительного (на материале существительных, мотивированных глаголами)

[В сб.: Актуальные проблемы лексикологии (тезисы докладов лингвистической конференции). Новосибирск, 1971]

I. Выделяемые по словообразовательным признакам группы лексики, будучи подсистемами мотивированных слов, различаются способами организации внутренней формы. Различия эти создаются грамматическими свойствами как мотивирующих, так и мотивированных слов, прежде всего принадлежностью тех и других к определенному грамматическому классу (части речи). Одну из таких подсистем представляют собой существительные, мотивированные глаголами. В нее объединяются в современном русском языке мотивированные слова разных способов словообразования – суффиксальные (*носильщик*), префиксально-суффиксальные (*антиобледенитель*, *незнайка*), суффиксально-сложные (*рукомойник*); суффикс при всех этих способах может быть нулевым (*задира, улов, непоседа, экскурсовод*).

2. В подсистеме существительных, мотивированных глаголами, основное семантико-словообразовательное противопоставление – это противопоставление существительных с общим значением «носитель процессуального признака» (*читатель, топливо*) существительным с общим значением «процессуальный признак, отвлеченный от его носителя» (*рисование, ходьба, пуск, нехватка*).

3. В рамках общего значения «носитель процессуального признака» словообразовательные значения конкретных существительных в различных словообразовательных типах определяются пересечением двух рядов значений: **значений предметно-классифицирующих** (I) и **реляционно-классифицирующих** (II). Первые указывают на принадлежность называемого мотивированным словом предмета, явления к определенному классу предметов и явлений окружающего мира: «лицо» (1), «животное» (2), «конкретный неодушевленный предмет» (3), «место, помещение» (4),

«собирательное или вещественное понятие» (5); вторые – на принадлежность к абстрактно-логической категории, определяемой характером отношения данного предмета, явления к действию, названному мотивирующим глаголом: «субъект действия» (1), «орудие, средство совершения действия» (2), «объект или результат действия» (3). Подобное дифференцированное выражение отношения к признаку специфично именно для существительных, мотивированных глаголами. Примеры:

II / I	1	2	3
1	читатель ходок		баловать
2	кряква наседка		подранок
3	коптилка побрякушка	косилка точило	обрубок вкладыш
4		парилка гнездовье	
5			кладь курево маринад

В различных словообразовательных типах указанные значения могут выступать и в качестве общих, и в качестве частных словообразовательных значений.

4. Из указанных словообразовательных значений наиболее расплывчата грань между значениями 3–1 и 3–2. Она отражает переходность между значением «предмет, производящий действие» (многие названия машин, механизмов) и значением «предмет, приспособление, предназначенное для совершения действия, но не являющееся его субъектом (производителем)». Ср., с одной стороны, *разбрасыватель, жатка, косилка,* а с другой – *выключатель, обтекатель, прикуриватель* (в автомобиле), *таялка* (приспособление для таяния снега), *кормушка, поилка*. Однако формально различие между обоими значениями не выражено, степень агентивности неодушевленного предмета различна всегда в рамках

одних и тех же словообразовательных типов. Общее значение таких типов формулируется обычно так: «предмет (одушевленный или неодушевленный), производящий действие, названное мотивирующим глаголом, или предназначенный для осуществления этого действия». Значение лица и животного в таких типах – всегда субъектное (1–1, 2–1), а значение места, помещения – это всегда значение 4–2 («место, помещение, предназначенное для осуществления действия»). В некоторых образованиях нейтрализуется также различие значений 1–3 и 2–3 (*выкормыш*).

Значения объекта и результата действия (группа II 3) выступают всегда в образованиях одних и тех же словообразовательных типов, формально не дифференцированы.

5. Существительные с общим значением отвлеченного процессуального признака (отвлеченного действия) принадлежат к «синтаксическим дериватам» (в понимании Е. Куриловича). Среди них выделяются прежде всего образования, обозначающие действие как процесс (*хождение, резка*) и обозначающие отдельный акт многократно повторяемого действия (*бросок, толчок, заплыв*). И в тех и в других могут развиваться также те или иные конкретные значения, относящиеся к группе значений «носитель процессуального признака» (см. выше, п. 3); однако здесь они выступают лишь как вторичные, сопровождающие основное отвлеченное значение. Примеры таких вторичных значений: *мойка, зажим, заземление, свисток* (3–2); *загон* (4–2); *удобрение, замазка* (5–2); *накидка* (3–3); *резьба* (5–3).

Эти вторичные конкретные значения принадлежат прежде всего лексике, а не словообразованию, поскольку возможность наличия у существительных отвлеченного значения вторичных конкретных значений является общей семасиологической закономерностью, безотносительной к словообразованию. Однако то обстоятельство, что у различных словообразовательных типов такая возможность проявляется по-разному (для некоторых типов вторичные конкретные значения вообще нехарактерны, и в разных типах они различны), делает эти значения также принадлежностью словообразовательной системы.

Лексическая вариантность и словообразовательная синонимия

[В сб.: Вопросы грамматики. Пермь, 1972]

1. В связи с проблемой «тождества слова» (ср. труды А. И. Смирницкого) в советской лингвистике был поставлен вопрос о вариантах слова. Если вопрос о фонематических (*калоши – галоши*), акцентологических (*лéмех – лемéх*) и морфологических (*зал – зала*) вариантах слова можно считать в принципе решенным[1], то понятие «словообразовательных» вариантов остается неясным. Точка зрения О. С. Ахмановой, рассматривающей все синонимичные образования с различными аффиксами как варианты одного слова (*варение – варка, бессердечность – бессердечие* и т. п.)[2], не была поддержана большинством исследователей. Показательно, что в книге Р. П. Рогожниковой о вариантах слов[3], значительная часть которой посвящена рассмотрению синонимичных образований с различными суффиксами, проблема разграничения разных слов и вариантов одного слова на словообразовательном материале даже не поставлена.

В настоящей статье, не претендующей на исчерпывающее рассмотрение вопроса, делается попытка разграничить среди образований, характеризующихся тождеством лексического значения и общностью мотивирующей (производящей) основы (для сложений – общностью мотивирующих основ), но различающихся словообразовательными аффиксальными морфами, два рода явлений: словообразовательные варианты одного слова и словообразовательные синонимы (различные слова). Проблема эта, с одной стороны, лексическая, с другой – словообразовательная.

2. По-видимому, основными условиями рассмотрения интересующих нас образований как вариантов одного слова являются: а) тождество выражаемого в них словообразовательного значения (заключающегося в общем семантическом отношении мотивированного слова к мотивирующему в рамках словообразовательного типа или подтипа) и б) формальная (фонематическая) близость тех словообразовательных аффиксальных морфов, которые их различают.

Для корневых морфов условие фонематической близости очевидно. Не случайно фонематическими вариантами одного слова традиционно признаются немотивированные «слова», имеющие лишь частичные различия в составе фонем (например: *калоши – галоши, острый – вострый, дубрава – дуброва* или мотивированные ими *калошница – галошница, остроносый – востроносый, дубравный – дубровный*), в то время как лишенные этого свойства немотивированные «слова» считаются действительно разными словами (*ср. путь – дорога*).

Аффиксальные словообразовательные морфы сходны с корневыми тем, что они участвуют в выражении лексического значения слова, в отличие от словоизменительных аффиксальных морфов, выступающих лишь в отдельных словоформах и выражающих оттенки значений слова, присущие этим формам. С этой точки зрения при рассмотрении слова как определенной совокупности грамматических форм подход к словообразовательным аффиксальным морфам должен быть такой же, как и к корневым морфам.

Поэтому образования типа *варение – варка* (с суффиксальными словообразовательными морфами *-енијэ-* и *-к-*, имеющими одинаковое словообразовательное значение, но лишенными фонематической близости) могут рассматриваться только как словообразовательные синонимы; аналогично *лжец – лгун, антрацитный – антрацитовый, вьюжистый – вьюжливый, обвенчать – повенчать* и т. п. Это относится и к синонимичным образованиям с нулевым и материально выраженным суффиксом (*обжиг – обжигание, синь – синева, зёва – зевака, раба – рабыня, правдолюб – правдолюбец*): нулевой морф, естественно, лишен фонематической близости с морфом, материально выраженным.

В силу изложенных соображений следует считать разными словами тождественные по семантике и различающиеся лишь стилистически образования, одно из которых содержит суффиксальный морф, отсутствующий в другом, такие, как *жилет – жилетка, тетя – тетка, судьба – судьбина, лиса – лисица.*

3. Само понятие фонематической близости морфов должно быть определено более строго как комплекс определенных признаков (одинаковый и для корневых, и для аффиксальных морфов). Здесь может быть применено то понятие формальной (фонематической) близости морфов, которое разработано в новой «Грамматике современного русского литературного языка» (М., Наука, 1970)[4].

В соответствии с этими признаками как словообразовательные варианты одного слова могут рассматриваться, например, следующие пары аффиксальных образований, тождественных по лексическому значению: *шкафик – шкафчик, сопроводилка – сопроводиловка, растеряха – растерёха, хитрюга – хитряга, ядерник – ядерщик* (разг., специалист по ядерной физике), *диалектный – диалектальный, импрессионистский – импрессионистический, белёхонький – белёшенький, межведомственный – междуведомственный, легализировать – легализовать* (с фонематически близкими аффиксальными словообразовательными морфами). Ср. варианты слова с фонематически близкими корневыми морфами: *подзадоривать – подзадаривать, выборгский – выборжский, дзюдист – дзюдоист, узость – узкость*[5], *калошница – галошница* и т. п.

4. Синонимичные сложения, различающиеся лишь интерфиксальными (соединительными) морфами (*греческо-римский* и *гречески-римский, двухспальный* и *двуспальный, трехугольный* и *треугольный*), в силу специфики этих морфов, всегда несущих абстрактное соединительное значение, должны, по-видимому, рассматриваться как словообразовательные варианты независимо от фактора фонематической близости. Сюда же относятся случаи типа *душераздирающий* (сложение) – *душураздирающий* (сращение).

5. При таком подходе среди словообразовательных вариантов одного слова оказываются не только образования, принадлежащие к одному и тому же словообразовательному типу (напр., *импрессионистский – импрессионистический* с разными алломорфами одного суффикса *-ск-* и *-ическ-; белёхонький – белёшенький* с разными вариантами суффикса *-охоньк-*(*-ошеньк-*), но и принадлежащие к разным словообразовательным типам (напр., *хитрюга –хитряга* с разными суффиксами *-уг-* и *-аг-*[6], *ядерник – ядерщик* с разными суффиксами *-ик-* и *-щик-*[7]) или даже к разным способам словообразования (напр., *душераздирающий – душураздирающий*[8]). Таким образом, одно и то же слово различными своими вариантами может принадлежать к разным словообразовательным типам и способам словообразования. Известную параллель этому явлению представляют собой случаи «двойственной мотивации» (или «двойственной словообразовательной структуры») одного и того же слова: так, слово *стяжательство* может одновременно рассматриваться как принадлежащее и к типу существительных с суффиксом *-тельств*(*о*), и к типу существительных с суффиксом *-ств*(*о*); сло-

во *безголосица* – и как суффиксальное (ср. *безголосый*), и как префиксально-суффиксальное (ср. *голос*) и т. п.[9].

Примечания

[1] См.: *Филин Ф. П.* О слове и вариантах слова // Морфологическая структура слова в языках различных типов. М. – Л., 1963. С. 130 –132.

[2] См.: *Ахманова О. С.* Очерки по общей и русской лексикологии. М., 1957. С. 192–233.

[3] *Рогожникова Р. П.* Варианты слов в русском языке. М., 1966.

[4] Краткое изложение признаков фонематической близости морфов см. в статье В. В. Лопатина и И. С. Улуханова «О принципах словообразовательного анализа и классификации морфов» (Русский язык в национальной школе. 1969, № 5. С. 16). Критерий фонематической близости использован в указанной грамматике применительно к понятиям алломорфов (характеризующихся тождеством значения, фонематической близостью и контрастным распределением) и вариантов морфемы (с тем же набором характеристик, кроме контрастного распределения, вместо которого здесь выступает свободное варьирование).

[5] В слове *узкость* *-к-* не морф, а часть корневого морфа *-узк-* (корень *-уз-/-уз'-/-уж-/-узк-*: ср. *узость – сузить – у́же – узкость*).

[6] Суффиксальные морфы *-уг(а)* и *-аг(а)* не могут рассматриваться как алломорфы или варианты одного суффикса, поскольку не характеризуются ни контрастным распределением, ни свободным варьированием (возможно *хитрюга* и *хитряга*, но только *бедняга, подлюга* и т. п.).

[7] Принадлежность этих слов к разным словообразовательным типам обусловлена семантически: мотивированные прилагательными слова с суффиксом *-ик* объединяются общим словообразовательным значением «предмет (одушевленный или неодушевленный), характеризующийся признаком, названным мотивирующим словом», а слова с суффиксом *-щик* – общим словообразовательным значением «лицо, характеризующееся соответствующим признаком» (для типа слов с суффиксом *-ик* это лишь частное словообразовательное значение).

[8] В первом случае *-е-* – соединительный аффикс (интерфикс), во втором *-у* – флексия вин. пад. ед. ч. существительных II склонения. Это различие в оформлении компонента, предшествующего опорному, характерно для разных способов словообразования – сложения и сращения.

[9] Подробнее об этом см.: *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* Указ. соч., с. 13.

О понятии и термине «модель» в словообразовании

[В сб.: Проблемы ономасиологии. IV. Курск, 1977]

Чем интересна обсуждаемая нами ономасиологическая концепция?[1] Прежде всего стремлением обнаружить то общее, что характерно для возникновения разнообразных номинативных лексических единиц. С этой точки зрения полезным представляется включение в анализ не только словообразовательно мотивированных слов, но и фразеологизмов, звукоподражаний, фактов семантической трансформации и т. д. Единый подход к этим фактам весьма перспективен.

Объект, рассматриваемый данной концепцией, – номинативный процесс, процесс создания новых номинативных единиц на базе старых, уже известных. Это неоднократно подчеркивает И. С. Торопцев[2]. С этой точки зрения, основной материал для анализа – слова, не потерявшие еще своей «свежести», окраски новизны, и прежде всего – контекстуальные новообразования. Старым же словам, с точки зрения данной концепции, более соответствовал бы диахронический, этимологический аспект; не случайно в этой связи включение в концепцию такого диахронического понятия, как заимствования.

Замечу, однако, что при таком понимании задач ономасиологии оказывается «не у дел» проблема способов обнаружения производности лексических единиц. Имеется в виду специфическая проблематика синхронического словообразования, связанная с анализом готовых слов. Но, с точки зрения процесса создания нового слова, единственный критерий производности – это известная из самого процесса вторичность слова, его новизна.

Естественно, что центральным понятием обсуждаемой концепции, динамической в своей основе, является понятие модели. Сильная сторона концепции – в разработке модели как многокомпонентной единицы, с учетом и формальной ее стороны, и семантической. Такое рассмотрение модели делает это понятие достаточно широким, применимым к языковым фактам различной иерархической соподчиненности, и одновременно примиряет существующие разногласия в понимании модели[3].

Действительно, термином «модель», исходя из его «внутренней формы», целесообразно называть ту схему, тот образец, который воспроизводится в других единицах (поэтому, кстати, И. С. Торопцев прав, когда он подчеркивает искусственность разграничения понятий и терминов «модель» и «образец», см. стр. 71). Этим обусловлена возможность разнообразного применения термина «модель». Не случайно и в работах авторов обсуждаемой концепции речь идет о моделях разных уровней абстракции: так, единая ономасиологическая модель И. С. Торопцева представляет собой, по сути дела, некий инвариант многообразных частных моделей, в том числе словообразовательных, рассматриваемых в статьях М. С. Малеевой, С. М. Васильченко и др.

Нам представляется, что «модель» может использоваться применительно к словообразованию в качестве своеобразного «скользящего» термина, ибо термином этим можно называть все то, что служит образцом для образования нового слова. В конкретных случаях это может быть и целый словообразовательный тип, и отдельный его подтип (формальный или семантический), и даже отдельное слово. Заметим, что слова, образуемые по образцу конкретного слова, возникают независимо от продуктивности или непродуктивности типа, к которому принадлежит слово-образец[4]. Ср., напр., *приземлиться* и нов. *приводниться, прилуниться; крестины* и нов. *звездины.* То же в окказионализмах: ср. *навзрыд* и окказ. *навсхлип* (В. Боков), *проникновение* и окказ. *вникновение*[5] и т. п.

Несколько подробнее хотелось бы остановиться на семантических подтипах – более узких, чем словообразовательные типы, моделях (образцах), различающихся так называемыми частными словообразовательными значениями[6]. Хотя основной единицей словообразовательной системы языка является словообразователь-ный тип как наименьшая единица классификации, характеризующаяся совпадением семантических различий с формальными, тем не менее для словообразовательной системы релевантны и подтипы, в том числе и семантические, что определяется следующими их свойствами.

1. Важнейшие из частных словообразовательных значений образуют в каждом типе своеобразную систему. Типы, имеющие одинаковое общее (инвариантное) словообразовательное значение, могут различаться набором частных значений, реализующих это

общее значение, их «удельным весом». Например, круг частных словообразовательных значений в типе относительных прилагательных с суффиксом *-ан-*, мотивированных существительными, значительно у́же, чем в типах относительных прилагательных с суффиксами *-н-* и *-ов-*: среди прилагательных с суффиксом *-ан-* преобладают слова со значением «сделанный или состоящий из того, что названо мотивирующим словом» (*кожаный, глиняный, кровяной* и т. п.)[7]. Отглагольные прилагательные с суффиксами *-н-* и *-тельн-* имеют одинаковое общее значение отношения к действию, названному мотивирующим словом; однако круг частных значений у суффикса *-н-* шире: одним из них является объектно-результативное значение («подвергшийся действию, являющийся его результатом»: *ссыльный, составной, чеканный* и т. п.); суффикс *-тельн-* не способен выражать это значение.

2. Продуктивность разных частных значений и сфера употребления относящихся к ним новообразований нередко различны. Некоторые подтипы в целом продуктивного типа могут быть непродуктивными. Сравнивая отглагольные существительные с суффиксами *-тель-* и *-лк(а)*, можно заметить, что местное (локальное) значение у слов на *-лк(а)* (*парилка, раздевалка* и т. п.), наряду с орудийным (*косилка, точилка*), наиболее продуктивно, личное же значение (*сиделка, зубрилка*) здесь встречается значительно реже. У существительных же с суффиксом *-тель* очень редко появляется местное значение, наиболее продуктивны здесь орудийное и личное. При этом если основная сфера появления новообразований с суффиксом *-тель* орудийного значения – техническая терминология (ср. *глушитель, предохранитель, подогреватель, проигрыватель*), то новообразования с тем же суффиксом личного значения возникают как окказионализмы разговорной, публицистической, художественной речи[8].

3. Словообразовательные значения, выступающие в одних типах как частные, в других выступают как общие словообразовательные значения. Так, «лично-агентивное» значение у слов с суффиксами *-тель* и *-щик* – частное, а у слов с суффиксом *-льщик* (*носильщик, болельщик, обжигальщик*) – общее; значение однократности в типе отглагольных транспозиционных существительных с суффиксом *-ок* – общее (*прыжок, бросок*), а с суффиксом *-к(а)* – частное (*вспышка, ездка, шутка*); «состояние как результат действия» – общее значение отглагольных существительных с суф-

фиксом *-онность/-нность/-тость* (*договоренность, задолженность, спетость, вработанность*) и частное – отглагольных существительных с суффиксом *-ок* (*упадок, убыток*); уже упомянутое объектно-результативное значение в типе отглагольных прилагательных с суффиксом *-н-* (*ссыльный, составной, сварной*) – частное, а в типе прилагательных с суффиксом *-он-/-н-* – общее (*вареный, плетеный, кованый*); значение сосуда в десубстантивных существительных с суффиксом *-ник* – частное (*молочник, сливочник*), а с суффиксом *-ниц(а)* – общее (*сахарница, пепельница, карандашница*).

4. Наконец, в восприятии семантической структуры образований определенных словообразовательных типов конкретные частные словообразовательные значения являются, по-видимому, более актуальными, чем общее (инвариантное) словообразовательное значение. Ср. хотя бы тип десубстантивных глаголов с суффиксом *-и-/*, общее словообразовательное значение которого – отнесенность к предмету, явлению – реализуется в ряде частных значений (ср., напр., ряды *боронить, мотыжить, пылесосить; шпионить, шоферить, кочегарить* и др.). Несомненно, что пополнение таких рядов и есть конкретное проявление «модельности» семантических подтипов.

Примечания

[1] Проблемы словообразовательных единиц и их значений, словопроизводственной модели, особенностей словопроизводственного процесса были предметом обсуждения на межвузовском совещании языковедов в Орловском пединституте (1976) и получили дальнейшее развитие в материалах IV тома «Проблем ономасиологии».

[2] См., напр.: *Торопцев И. С.* Предмет, задачи, материал и методы ономасиологии // Проблемы ономасиологии. I. Орел, 1974. С. 7.

[3] Ср., например, точку зрения Е. А. Земской, применяющей это понятие только к морфонологическим различиям внутри словообразовательного типа (см.: *Земская Е. А.* О понятиях производности, оформленности и членимости слов // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966. С. 11), или точку зрения В. И. Максимова, понимающего под моделью то, что в работах Е. А. Земской и в «Грамматике» 1970 г. называется словообразовательным типом, а под словообразовательным типом – более широкую, не зависящую от различий части речи мотивирующего слова группировку (см.: *Максимов В. И.* Суффиксальное словообразование имен существительных в русском языке. Л., 1975. С. 55–56).

[4] Подробнее об этом явлении см.: *Лопатин В. В.* Рождение слова. М., 1973. С. 34–36, 94–99.

[5] «Едва ли это было не первое мое вникновение в жизнь животных» (Л. Толстой. Воспоминания. Брат Сережа). В данном случае непродуктивен не словообразовательный тип в целом, а морфонологический образец (весьма архаичный): *вникнуть – вникновение.*

[6] О них см.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966. С. 61– 63.

[7] Подробнее см.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 186.

[8] Примеры см. в кн.: *Лопатин В. В.* Указ. соч., с. 80 – 82.

О многофункциональности словообразования

[Kalbotyra. T. 40 (2). Вильнюс, 1989]

Словообразовательные средства языка представляют собой богатейшую по многообразию выполняемых функций систему, причем эти функции находятся в тесном взаимодействии и нередко совмещаются в одном и том же словообразовательном средстве (форманте или его части). На современном этапе развития языкознания, когда на первый план выдвигается функциональный подход к языку[1], ставятся задачи создания функциональных грамматик, очень важно проанализировать это многообразие функций словообразования хотя бы в общих чертах. В данной статье такой анализ осуществляется на материале русского языка.

I. Естественно, что на первое место среди функций словообразовательного форманта должно быть поставлено выражение словообразовательного значения, а в сочетании с лексическим значением мотивирующей базы (основы) – участие в формировании лексического значения мотивированного (производного) слова. Будучи обобщенным языковым значением, словообразовательное значение служит отнесению мотивированного слова к определенной словообразовательной категории, а через ее посредство – к определенному лексическому классу слов, напр., к названиям действия, признака, лица, орудия действия (обратим внимание на то, что в пределах названных и многих других лексических классов основную массу составляют именно мотивированные слова). При этом, в зависимости от степени обобщенности словообразовательного значения, широта соответствующего лексического класса (или подкласса) может быть различной: ср., напр., классы слов со значением лица, с одной стороны, и лица – производителя действия, лица женского пола, с другой. В этом своем качестве словообразовательные форманты выступают в ряду средств, обслуживающих сферу языковой н о м и н а ц и и.

Особое место в пределах номинативной функции словообразования занимает функция вторичной номинации. Речь идет о наименовании таких предметов и явлений, за которыми в языке уже закреплено свое название (неоднословное или однословное), но

на основе этого названия с помощью определенного словообразовательного средства создается другое (всегда однословное) наименование. Сюда относятся, во-первых, так наз. универбация – как суффиксальная (*комиссионный магазин – комиссионка, передовая статья – передовица*), так и осуществляемая путем субстантивации (*выходной, уборочная* – существительные), сложения (*хлебозавод*) и аббревиации во всех ее разновидностях (вуз, *совхоз, сберкасса*) и, во-вторых, образование слов, синонимичных мотивирующим словам, преимущественно стилистически сниженных (так наз. «стилистическая модификация»: *колено – коленка, неважный – неважнецкий, заведующий – зав*), что, впрочем, не обязательно (*лиса – лисица*).

II. С собственно номинативной тесно смыкаются грамматические функции словообразовательных средств, прежде всего м о р ф о л о г и ч е с к и е. Всякое словообразовательно мотивированное слово оформляется как грамматическая единица языка, принадлежащая к той или иной части, речи, к тому или иному словоизменительному типу. При этом либо мотивированное слово относится к той же части речи и к тому же словоизменительному типу, что и мотивирующее (такова морфологическая функция форманта при чистых префиксации, постфиксации, сложении, сращении), либо к определенной части речи и определенному словоизменительному типу (такова морфологическая функция словообразовательного суффикса).

Для суффикса, в отличие от префикса и постфикса, типична (хотя и не обязательна) функция транспозиции – перевода слова в другую часть речи по сравнению с мотивирующим словом. Транспозиция может сопровождаться изменением лексического значения слова (точнее, его референтной отнесенности), но может быть и единственной функцией суффиксального форманта. Чистую словообразовательную транспозицию в ее наиболее развитой сфере – в образовании отвлеченных существительных, мотивированных глаголами и прилагательными, – следует трактовать не только в аспекте изменения синтаксической функции слова («синтаксическая деривация» по Е. Куриловичу), но и как максимальное абстрагирование признака от его носителя. Существительные-транспозиты даже по сравнению с инфинитивом (наиболее близкой к ним синтаксически глагольной формой) слабее связаны с конкретным субъектом действия; ср., напр.: *я люблю* (*мне нравится*) *петь/пение; мне хочется рассказывать, петь, шутить/рассказов, пения,*

шуток, где субъект действия, названного существительным-транспозитом, мыслится обобщенно, субъект же действия-инфинитива совпадает с субъектом действия (состояния), названного главным членом предложения.

Суффикс непосредственно связан не только с определенной частью речи, но и с определенной системой флексий мотивированного изменяемого слова, входящей при суффиксации (в том числе нулевой) в состав словообразовательного форманта[2]. Кроме того, в мотивированных глаголах суффикс или его часть является одновременно так наз. классовым показателем (тематическим элементом) глагольной основы и, таким образом, в глаголах *солить, краснеть, обедать, прыгнуть, бороновать* и т. п. суффикс, кроме словообразовательного значения, несет структурную морфонологическую функцию указания на словоизменительный класс и тем самым на определенный тип спряжения[3]. Чисто формальная (структурная) функция отнесения слова к определенному словоизменительному типу характерна, таким образом, и для именных (субстантивных и адъективных), и для глагольных словообразовательных суффиксов.

Одновременно суффиксы мотивированных существительных и глаголов участвуют в выражении несловоизменительных категориальных грамматических значений этих частей речи: у существительных – рода и (в части словообразовательных типов) одушевленности–неодушевленности; у глаголов – вида и переходности–непереходности, а через нее – залога. Так, все существительные, где словообразовательным формантом является суффикс *-тель*, относятся к мужскому роду, существительные с суффиксом *-ист* – к одушевленным мужского рода, с суффиксом *-ств(о)* – к неодушевленным среднего рода, с суффиксом *-б(а)* – к неодушевленным женского рода, а все существительные с суффиксами «женскости», естественно, относятся к одушевленным, к разряду слов женского рода (здесь, как и в ряде других случаев, категория рода непосредственно связана с выражением биологического пола); глаголы со словообразовательным формантом – суффиксом *-ну-* (со значением однократности действия) относятся к совершенному виду, а глаголы с суффиксами *-нича-* и *-ствова-* являются непереходными несовершенного вида. Префиксальный глагольный формант, как правило, несет, кроме словообразовательного значения, значение совершенного вида. Во всех этих случаях словообразовательные форманты служат морфологии частей речи[4].

Словообразовательные значения связаны с категориальными морфологическими значениями частей речи также через систему так наз. лексико-грамматических разрядов, т. е. таких подклассов слов, которые обладают «общим семантическим признаком, влияющим на способность слов выражать те или иные морфологические значения или вступать в противопоставления в пределах морфологических категорий»[5]. Это определяется тем, что многие лексико-грамматические разряды (напр., собирательные и отвлеченные существительные, относительные и притяжательные прилагательные, способы глагольного действия, разряды возвратных глаголов) представляют собой (в большинстве своем или исключительно) словообразовательно мотивированные слова. Так, суффиксальные типы собирательных и отвлеченных существительных определяют принадлежность этих слов к словам singularia или pluralia tantum, а типы глаголов с суффиксами *-ну-* и *-ану-* – к одновидовым глаголам совершенного вида.

Естественно также предположить, что в словообразовательной семантике мотивированных слов находят то или иное отражение семантические элементы, связанные с категориальными морфологическими значениями мотивирующих частей речи. Это предположение подтверждается семантическим анализом отглагольных имен, на котором мы остановимся несколько подробнее.

Как показали специальные исследования[6], единое категориальное словообразовательное значение «лицо – производитель действия, названного мотивирующим глаголом» выступает в конкретных образованиях в четырех вариантах: 1) «тот, кто в данный момент производит действие» («актуальное» значение, напр., *докладчик, проситель, посетитель, предъявитель, роженица*); 2) «тот, кто произвел действие» («перфектное» значение, напр., *захватчик, победитель, освободитель, спаситель, основатель, родитель*); 3) «тот, кому свойственно действие» (значение «свойства», напр., *болтун, хлопотун, мечтатель, гуляка, выдумщик, фантазер*); 4) «тот, в чьи функции входит действие» (значение «функции», напр., *обходчик, браковщик, танцовщик, спасатель, преподаватель, доярка*); возможно и совмещение в одном слове разных вариантов (напр., в слове *воспитатель* совмещаются значения 2 и 4, а в слове *певец* – 1, 3 и 4). Напрашивается прямая параллель перечисленных четырех частных словообразовательных значений с временными значениями глагольных форм: значение 1 совпадает с

«настоящим актуальным», значение 2 – с прошедшим перфектным, а значения 3 и 4 – с настоящим «неактуальным» (настоящим постоянного или повторяющегося, обычного действия). При этом употребление таких отглагольных имен в конкретных контекстах в их отнесенности ко времени глагола-сказуемого уподобляется как абсолютному, так и относительному употреблению глагольных времен: ср., напр., «относительно-временную» семантику подлежащего в предложениях типа *Докладчик говорил полтора часа* (актуальность в прошедшем) или *Победители будут награждены медалями* (перфектность в будущем).

Развивая эти наблюдения, можно отметить, что словообразовательное значение «неодушевленный предмет – производитель действия» реализуется обычно только в вариантах 3 и 4 из названных четырех (ср.: *сеялка, холодильник, будильник* – значение 4 и *мигалка, тарахтелка* – значение 3), что перфектность реализуется, кроме слов со значением лица – производителя действия, в немногих существительных – напр., *падаль, падалица, заросль, невидаль, слёток* или в названиях состояний типа *задолженность, сработанность,* а за пределами отглагольных существительных – в образованиях типа *пожарище, городище* («место, где *был* пожар, где *был* город» – с опущенным в структуре суффиксального существительного предикатом). Широко представлено перфектное значение в отглагольных прилагательных: ср., напр., *горелый, почернелый, запоздалый* (так наз. субъектно-результативное значение) и *варёный, рваный, резной, лепной* (объектно-результативное значение), причем субъектный и объектный компоненты семантики таких прилагательных отражают уже другую глагольную категорию – категорию залога. Склонность к действию как свойство выражается в отглагольных прилагательных типа *горючий, болтливый, раскатистый, цепкий* и в существительных типа *горимость, проводимость, заболеваемость, сопротивляемость.* Невозможность совершения действия, тождественная «потенциальной разновидности наглядно-примерного типа употребления совершенного вида» глагола[7], выражается в отглагольных прилагательных типа *непобедимый, неповторимый* и в существительных типа *недотрога, непоседа* (ср. «такой, которого *не победить* или *не победишь»,* «тот, кто *не посидит* на месте» и т. п.).

Приведенные примеры показывают, что в семантике отглагольных имен проявляются такие семы, которые входят в круг значе-

ний, охватываемых понятиями «темпоральности», «аспектуальности», «залоговости», и с этой точки зрения они не могут не учитываться при функциональном подходе к грамматическому описанию языка.

III. Словообразовательные средства несут также синтаксическую (в широком смысле) функцию. Всякое мотивированное слово представляет собой особого рода синтагму (в соссюровском понимании этого термина), членящуюся на две обязательные части – мотивирующую базу и формант, причем эта синтагма несет в себе в «свернутом» виде определенное сообщение: ср. такие дефиниции мотивированных слов, как *«учитель* – тот, кто учит...», *«училище* – место, где учат...» и т. п. Этот ряд значений закономерен и поддается той или иной синтаксической интерпретации. Известны работы, где система словообразовательных значений отглагольных существительных (субъект действия, объект, результат, орудие, место действия...) предстает как значения «актантов» действия-предиката, названного мотивирующим глаголом (термин, восходящий к Л. Теньеру). По-другому эта система описывается как комплекс «семантических ролей аргумента» (в соответствии с терминологией, предложенной в «падежной грамматике» Ч. Филлмора). На эту терминологию опираются, напр., авторы Академической грамматики польского языка, которые пишут: «Операция называния основана на той же понятийной схеме, что и построение предложения, – на предикатно-аргументной структуре. В области существительных образование – это переоформление предложения (точнее, предиката вместе с аргументными позициями...) в номинальную группу, отнесенную к одному из аргументов этого предиката»[8]. Так или иначе можно говорить о своеобразном отражении в самой структуре мотивированных слов не только номинативной, но и коммуникативной функции языка.

Особого рода синтагму, очень обобщенно и специфически словообразовательными средствами выражающую связь простых значений (значений двух иди более простых основ) в одном сложном лексическом значении, представляет собой сложное слово[9].

IV. Наконец, словообразовательные средства языка способны передавать разнообразную систему квалификаций и оценок. Стилистически-оценочная функция того или иного словообразовательного форманта может быть самостоятельной (как, напр., в уже упоминавшихся фактах «стилистической модификации», дающей сниженные образования типа *картошка, киношка,*

компашка, общага «общежитие» и др.), но чаще она сопровождает номинативную функцию (ср., напр., мотивированные существительные общего рода типа *работяга, плакса, задира* или суффиксальные универбаты типа *комиссионка, продленка*) или функцию чистой транспозиции (напр., в типе *скулёж, галдёж*). Чрезвычайно богатыми возможностями обладают словообразовательные средства выражения прагматических компонентов высказывания – отношения говорящего к адресату, к предмету речи или к ситуации в целом; особенно показательны с этой точки зрения так наз. субъективно-оценочные образования, функции которых, как правило, подчинены в каждом случае их употребления конкретной речевой ситуации[10].

Изложенный материал показывает, что словообразовательные средства играют большую роль в реализации всех основных языковых функций и потому занимают видное положение в тех «семантических комплексах», которые могут быть приняты в качестве основной единицы функционального описания грамматического строя русского языка[11].

Примечания

[1] См., например: Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.

[2] Русская грамматика. Т. 1. М., Наука, 1980. С. 138.

[3] Подробнее см.: *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., Наука, 1977. С. 63–74; *Зализняк А. А.* От праславянской акцентуации к русской. М., Наука, 1985. С. 32.

[4] *Лопатин В. В.* Морфологические категории в плане выражения // Русский язык: Функционирование грамматических категорий: Текст и контекст. М., Наука, 1984. С. 8–9. Статья перепечатана: с. 457–466 данного издания.

[5] Русская грамматика, 1980, с. 459.

[6] *Шмелева Е. Я.* Некоторые семантические особенности существительных со значением действующего лица // Русский язык в школе. 1983. № 3.

[7] Русская грамматика, 1980, с. 610.

[8] Gramatyka współczesnego języka polskiego: Morfologia. Warszawa, 1984. С. 322. Ср. также работы В. Дорошевского.

[9] *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика, с. 53–57.

[10] *Лопатин В. В.* Словообразовательные средства субъективно-оценочной прагматики высказывания и текста // Русский язык: Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. М., Наука, 1987. Статья перепечатана: с. 543–559 данного издания.

[11] *Шведова Н. Ю.* Один из возможных путей построения функциональной грамматики русского языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985. С. 31.

Нулевая аффиксация в системе русского словообразования

[Вопросы языкознания. 1966, № 1]

I. В русском именном словообразовании значительное место занимают словообразовательные типы, характеризующиеся отсутствием выраженного аффиксального элемента. Таковы, например, тип существительных со значением отвлеченного действия, мотивированных[1] глаголами (*ход, лов, вывоз, взлет, убой*), тип существительных со значением отвлеченного признака, мотивированных прилагательными (*синь, гниль, сушь*), тип существительных со значением носителя отношения к действию, мотивированных глаголами (*задира, заика, притвора*) и ряд других. Очевидно, что эти словообразовательные типы, будучи противопоставленными типам с выраженными аффиксами (суффиксами, префиксами), представляют собой особый способ словообразования.

Способы словообразования различаются в зависимости от того, каковы материальные (формальные) средства выражения словообразовательного значения[2]. Термин «безаффиксный (или безаффиксальный) способ», часто употребляемый исследователями в отношении указанных словообразовательных типов, дает лишь негативную характеристику данного способа словообразования и не отвечает на вопрос, какими средствами выражается при этом способе словообразовательное значение, какова специфика этого способа по сравнению с другими способами, для которых также характерно отсутствие аффикса (например, «чистое» сложение, субстантивация, сращение, аббревиация и т. д.).

М. Докулил для чешского языка рассматривает этот способ словообразования как конверсию, т. е. словообразование путем изменения «морфологической характеристики» (парадигмы), без изменения (расширения или сокращения) основы[3]. Понятие конверсии, разработанное первоначально на материале английского языка, прежде всего в работах А. И. Смирницкого, имеет у Докулила более широкое значение. А. И. Смирницкий ограничивал конверсию только случаями с совершенно неизменной основой, без звуковых видоизменений в основе (чередования, изменения ударения)[4]. М.

Докулил же признает и конверсию, сопровождающуюся фонетическими изменениями в основе. С таким широким пониманием «безаффиксного» словообразования как единого словообразовательного способа вообще нельзя не согласиться. М. Докулил исходит из того, что фонетические изменения всегда являются дополнительным, зависимым словообразовательным средством[5]. Эти изменения (прежде всего чередования, морфонологически обусловленные и необусловленные), характерные для суффиксальных и «безаффиксных» типов, выступают лишь в части образований и не затрагивают типов в целом, формируя более узкие единицы – подтипы[6]. Таким образом, по А. И. Смирниц-кому, при «безаффиксном» словообразовании единственным словообразовательным средством[7], а по М. Докулилу, справедливо расширяющему рамки этого способа словообразования, – основным словообразовательным средством, носителем словообразовательного значения является словоизменительная парадигма мотивированного слова[8].

Другая точка зрения на этот способ словообразования представлена применительно к английскому языку в работах Г. Марчанда, который отрицает в данном случае конверсию и рассматривает «безаффиксное» словообразование как «деривацию при помощи нулевой морфемы». Г. Марчанд считает, что в случаях *loan* (сущ.) – *loan* (глагол), *look* (глагол) – *look* (сущ.) и т. п. «ничто не конвертируется», поскольку под конверсией следует понимать, как и понималось в прошлом, употребление слова или словосочетания в несвойственной ему синтаксической функции, без нового морфологического оформления и добавления какого-либо нового лексического содержания (например, употребление сочетания *far off* в роли определения)[9]. Сущность «деривации с помощью нулевой морфемы» заключается, по Г. Марчанду, в «образовании совершенно отличного слова без присоединения деривационного элемента»[10].

С этой точкой зрения в целом можно согласиться. Конечно, нельзя отрицать того, что и для каждого суффиксального, а не только «безаффиксного», словообразовательного типа характерна определенная система флексий[11]. Однако парадигма является и в тех, и в других типах лишь дополнительным формальным признаком мотивированного слова в целом, что наглядно проявляется при суффиксации, поскольку здесь носителем словообразовательного

значения является специфическая словообразовательная морфема (аффикс) в о с н о в е мотивированного слова. Семантической сложности мотивированной основы соответствует и формальная сложность. Очевидно, что при наличии семантически сложной основы средства выражения этой сложности должны заключаться в самой основе, хотя бы и в нулевой форме[12]. Необходимо подчеркнуть также, что те словообразовательные значения, которые характерны для «безаффиксных» типов, принципиально не отличаются от значений аффиксальных типов и чаще выражаются в словообразовательной системе аффиксальным способом. Об этом говорят и синонимичные образования, мотивированные одной и той же основой: ср., например, *вывозить – вывоз* и *вывозка; поливать – полив* и *поливка; обжигать – обжиг* и *обжигание; синий – синь* и *синева; темный – темень, темь* и *темнота; зевать – зёва* и *зевака; растерять – растеря* и *растеряха; раб – раба* и *рабыня* и т. п. Уже исходя из таких сопоставлений, можно видеть в «безаффиксных» образованиях нулевой суффикс. Основной принцип такого выделения нулевого аффиксального элемента – тот же, что и при выделении нулевых флексий в словоизменительных парадигмах: если некоторое значение (грамматическое или словообразовательное) обычно в большинстве случаев выражается определенной морфемой (суффиксом, флексией), то при отсутствии такой морфемы и каких-либо иных формальных средств выражения этого значения можно выделять нулевую морфему, несущую то же значение[13].

Подчеркиваем: нулевую морфему можно выделять лишь при отсутствии каких-либо иных формальных средств. Нулевой аффикс в так называемых «бессуффиксных» словообразовательных типах выделяется потому, что другие формальные средства, присущие этому способу словообразования, – включение образования в другую парадигму, фонетические изменения в основе (чередования, изменения ударения) и др. – используются при суффиксации как дополнительные. Никаких иных средств, которые не использовались бы при суффиксации, здесь нет. Иначе обстоит дело, например, при субстантивации прилагательных и причастий. Словообразовательные значения, выражаемые этим способом словообразования, также принципиально не отличаются от значений, выражаемых суффиксацией (ср., например, значение носителя признака – *слепец* и сущ. *слепой,* значение места, помещения – *кофейня, сырня* и сущ. *кофейная, сырная* и т. д.). Однако выража-

ются эти значения при субстантивации специфическим формальным средством, которое не используется ни при каком ином способе словообразования: особым изменением парадигмы мотивирующего слова – прилагательного или причастия. Это изменение заключается в том, что парадигма преобразуется не полностью, не качественно, а лишь количественно: сохраняется часть парадигмы прилагательного (система флексий только одного рода) с одновременным приобретением морфологических и синтаксических свойств другой части речи – существительного[14]; при этом не используются такие формальные средства, как чередования, изменения ударения, «усечение» основы и т. д. Поэтому неправ М. Докулил, считающий, что при использовании понятия нулевого словообразовательного аффикса пришлось бы выделять нулевой суффикс в субстантивированных прилагательных[15].

Таким образом, наиболее точным и последовательным решением вопроса нам представляется признание того, что в «безаффиксных» типах носителем словообразовательного значения является нулевой аффикс, т. е. значимое отсутствие аффикса в основе. В связи с этим будем называть рассматриваемый способ словообразования нулевой аффиксацией.

II. Нулевая аффиксация в чистом виде, т. е. не в составе смешанных способов словообразования (о них см. ниже), характерна в современной русской словообразовательной системе только для имени существительного. В различных типах, относящихся к этому способу словообразования, следует выделять омонимичные нулевые аффиксы.

Самая общая характеристика относящихся сюда словообразовательных типов (продуктивных и непродуктивных) может быть представлена в следующем виде (при этом не затрагиваются единичные, нерегулярные соотношения типа *золото – золотой, хворать – хворый, толстый – толща*).

1. Тип мотивированных глаголами существительных со значением отвлеченного действия, первого («мужского») склонения. В основе существительных присущий мотивирующему глаголу «основообразующий гласный» инфинитива не сохраняется. Подтип с чередованием корневого гласного непродуктивен: ср. *течь – ток, бить – бой, выть – вой, звать – зов* и др., а также некоторые образования от префиксальных глагольных основ: *поджигать – поджог, забивать – забой* (ср. *забой оленей*), *забирать – забор* (ср.

забор воды). Чередование лексикализовано, т. е. возможно только в определенном наборе корневых морфем; но и в этих морфемах оно может отсутствовать: ср., например, *зов* и *отзыв, призыв; обжог, поджог* и технич. *отжиг, обжиг; вой* и *подвыв; убой, забой* и устн. *отбив мяча.* Продуктивны образования без чередования; среди них более продуктивны образования от префиксальных основ, чем от беспрефиксальных: ср. *перелив, обвес, недогруз, перегруз, нагрев* и др. Ударение преимущественно на корне. С точки зрения дополнительных формальных изменений в основе этот тип очень близок к типу существительных с суффиксом *-к(а):* ср. *набой* и *набойка, подвес* и *подвеска* и т. д. Вторичные значения, развивающиеся в словах, принадлежащих к данному типу, также совпадают с теми, которые развиваются у суффиксальных существительных со значением отвлеченного действия: это значения единичного акта (например, *чих, взгляд;* технич. *замес, разрыв;* ср.: «Я съедал свой хлеб... в два *откуса*» – Н. Чуковский, Девочка Жизнь); места (например, *забой, загон*); различные предметные значения (ср., например, *ввод предприятия в эксплуатацию* и *ввод тока* «часть электропроводки», *новый способ посева* и *скот топчет посевы,* ср. *подвес* и *подвеска* в отвлеченном и предметном значениях).

В качестве мотивирующих для данного типа могут выступать не только словообразовательно немотивированные глагольные основы, но и такие, которые в свою очередь мотивированы именем, например: *засол, опорос, выпот,* технич. *отбел* и т. д. (правда, такие образования относительно редки). Общий принцип именного отглагольного словообразования таков, что «основообразующий гласный» в типах с нулевым аффиксом и некоторых суффиксальных типах (например, с суффиксами *-к(а), -щик*) не сохраняется, независимо от того, является ли этот гласный в основе глагола словообразовательным элементом – суффиксом (ср. *отбелить, побелить* и *отбел, побелка*) или нет[16].

Тип существительных с тем же значением отвлеченного действия, принадлежащих ко второму («твердому женскому») склонению, непродуктивен и лексически ограничен образованиями с несколькими определенными глагольными корнями, например: *плата, доплата, уплата, выплата* и т. д.; *мена, замена, отмена, перемена* и т. д.; *трата, затрата, утрата* и т. д.; ср. также *дремать – дрема, отравить – отрава* и т. д.

2. Продуктивный (преимущественно в стиле художественной литературы) тип мотивированных прилагательными существительных со значением отвлеченного признака, третьего («мягкого женского») склонения. Суффиксы прилагательных в основе существительных не сохраняются: ср. *гладкий – гладь, мутный – муть; непролазный – непролазь* (Ю. Нагибин, На тетеревов). Нередко относящиеся к этому типу слова получают и вторичное значение собирательного носителя признака, например, *рвань, голь, муть;* ср.: «Стало ясно, что угриная *несметь* стремится уйти водой» (Ю. Нагибин, На тихом озере); реже – простое значение носителя признака (*бездарь*). Эти значения могут появляться и у суффиксальных существительных с тем же первичным значением отвлеченного признака (например, *беднота, бездарность*).

Существительные того же склонения, мотивированные глаголами, объединяются в два типа слабой продуктивности – тип со значением отвлеченного действия (ср. *брань, вонь, дурь, резь, блажь, дрожь*) и тип с общим значением носителя отношения к действию – чаще со значением результата действия (ср. *накипь, заваль, проповедь, прорубь, прорезь, прорись, россыпь, надпись*). Отдельные новообразования, относящиеся к этим типам, возможны в художественной литературе (например, *выбель* у С. Есенина, *рядь* у В. Маяковского); возможны также единичные образования со значением отвлеченного признака, мотивированные существительными (например, *березь, водь, омуть* у С. Есенина).

Для всех указанных типов существительных, относящихся к третьему склонению, характерно морфонологически обусловленное чередование конечного согласного основы: ср. *прелый – прель, рябой – рябь,* а также *сухой – сушь, горький – горечь* и т. п. Чередования нет, если мотивирующая основа оканчивается на мягкий незаднеязычный согласный или шипящий: *синий – синь, бранить – брань, моросить – морось, дрожать – дрожь; нищий – нищь* (у В. Маяковского) и т. п. Необходимо подчеркнуть, что то же самое чередование характерно и для многих суффиксальных типов – например, для типа уменьшительно-ласкательных существительных с суффиксом *-ик,* существительных с суффиксом *-ина* и др. В образованиях, мотивированных префиксальными глаголами и прилагательными, ударение обычно на префиксе.

3. Тип мотивированных глаголами существительных со значением одушевленного носителя отношения к действию, второго

склонения общего рода. Продуктивность этого типа очень слаба по сравнению с синонимичными суффиксальными типами существительных общего рода. Нерегулярное чередование конечного согласного основы возможно лишь при мягком конечном согласном основы глагола: ср. *зевать – зёва, заикаться – заика, растерять – растеря,* но *тараторить – таратора, притворяться – притвора*[17]. Возможны новообразования, например, устн. *балабола* (от *балаболить*) или *недовера* (от *не доверять*): «О, как мне заставить все это представить / тебя, *недоверу?*» (Е. Евтушенко, Любимая, спи...).

4. Два типа существительных первого склонения, мотивированных прилагательными, основа которых выступает в «усеченном» виде, причем обычно «усекается» элемет *-н-*, являющийся суффиксом, если прилагательное в свою очередь словообразовательно мотивировано:

а) тип со значением отвлеченного признака: *примитивный – примитив, интимный – интим, серьезный – серьез, грандиозный – грандиоз, эффективный – эффектив* и т. п.;

б) тип со значением носителя признака: *нейтральный – нейтрал, интеллектуальный – интеллектуал, универсальный – универсал, детективный – детектив* («детективный роман, фильм»), *официозный – официоз* (о газете, например: «Правительственный *полуофициоз* «Франкфуртер альгемайне» категорически декларирует ...» – Правда) и т. п.

Оба типа продуктивны главным образом в устной речи. Такое же «усечение» основы мотивирующего прилагательного с сохранением иноязычного интерфикса, если он в ней имеется, наблюдается и в некоторых суффиксальных типах: ср., например, *примитивист, нейтралист, интеллектуалист; окказионализмы* и устн. *окказионалы.*

От этих типов образований с нулевым аффиксом, мотивированных прилагательными, следует отличать встречающиеся в устной речи сокращения существительных типа *транс* «трансформатор», *фак* «факультет», *дир* «директор», *зав* «заведующий» и т. п.; этот тип относится к иному способу словообразования – к сокращениям.

5. Тип существительных второго («твердого женского») склонения со значением лица женского пола, мотивированных соответствующими существительными со значением лица мужского пола. К этому непродуктивному типу, если ограничить его нари-

цательными существительными, относится всего несколько слов: ср. *супруг – супруга, раб – раба, кум – кума, маркиз – маркиза, инфант – инфанта.* В устной речи возможны окказиональные экспрессивные образования, относящиеся к этому типу, например: *она такая жмота!, она ужасная тигра* (о человеке);

ср.: «Мать ее грубая, крикливая женщина... Жалуется, что Панька ее называет *«психой»*» («Дневник Нины Костериной». Новый мир, 1962. № 12).

Продуктивный тип представляют собой фамилии с таким же словообразовательным соотношением основ: *Иванов – Иванова, Никитин – Никитина* и т. п. Сюда же примыкает несколько личных имен: *Александр – Александра, Валентин – Валентина* и др.

Подобные словообразовательные отношения выражаются обычно суффиксацией: *лентяй – лентяйка, дворник – дворничиха, немец – немка* и т. п.

Как показывают кратко рассмотренные здесь словообразовательные типы, нулевая аффиксация имеет несомненное формальное и функциональное сходство с суффиксацией. Их объединяет одинаковая типология словообразовательных значений (как основных, первичных, так и вторичных); обязательное использование в качестве исходной структуры не целого слова, а основы (в отличие от префиксального способа); возможность использования как в словообразовательных типах с переходом из одной части речи в другую (мотивированное и мотивирующее принадлежат к разным частям речи), так и в типах без такого перехода (словообразование внутри одной части речи); обычное различие морфологических типов (парадигм) мотивированного и мотивирующего; возможность использования одинаковых дополнительных формальных средств – чередований, изменений ударения, интерфиксов, усечения мотивирующей основы (ср. *высокий – высь* и *высота, нейтральный – нейтрал* и *нейтралист*); наконец, эти способы словообразования объединяет и сходство смешанных способов словообразования, в которых они выступают (см. ниже).

Следовательно, можно говорить, что для русского языка характерна не нулевая аффиксация вообще, а нулевая суффиксация.

III. Если при материально выраженной аффиксации аффикс обычно является внешним признаком словообразовательной мотивированности, указывает на направление мотивации и, следо-

вательно, установление словообразовательных связей вытекает уже из наличия аффикса[18], то при «чистой» нулевой аффиксации отношения обратные: наличие нулевого аффикса вытекает из отношений мотивированности, и, таким образом, установление направления мотивации оказывается первичной задачей анализа. Следовательно, при нулевой аффиксации выработка критериев установления синхронической мотивированности приобретает первостепенное значение. Эта проблема может быть затронута в рамках настоящей статьи лишь в самых общих чертах. Прежде всего необходимо указать на важность учета в каждом случае совокупности таких критериев – как общих, так и специфических для отдельных типов[19].

В качестве общих критериев мотивированности могут быть использованы количественный и семантический критерии. Первый заключается в том, что при словообразовательной соотносительности двух рядов слов, каждый из которых характеризуется определенными семантико-морфологическими свойствами, тот ряд, который представлен в языке меньшим количеством слов, признается мотивированным. Этот критерий применим для непродуктивных словообразовательных типов и типов слабой продуктивности. Второй критерий основан на сопоставлении функционально тождественных типов – суффиксальных и «безаффиксных»; применим он к тем словообразовательным категориям, которые имеют соответственное суффиксальное выражение, – прежде всего к категориям отвлеченного действия и отвлеченного признака. Эти категории обычно выражаются с помощью суффиксального способа; отсюда делается вывод, что и «безаффиксные» образования с этим значением мотивированы соответствующими глаголами и прилагательными. Так, нам известны многочисленные суффиксальные типы существительных со значением отвлеченного признака, мотивированных прилагательными, и не известно ни одного суффиксального типа прилагательных, мотивированных существительными со значением отвлеченного признака; значит, и безаффиксные существительные с этим значением мотивированы прилагательными, а не наоборот (*синий – синь, глухой – глушь* и т. п.).

Достаточным критерием определения мотивированности, применимым к самой большой группе «безаффиксных» существительных, соотносительных с глаголами, является наличие в составе такого существительного префикса при отсутствии существитель-

ного того же корня без префикса (ср. *замес, разрыв, нагрев* и т. п.); если же такое существительное имеется, гарантией мотивированности существительного префиксальным глаголом служит глагольность префикса, т. е. неупотребительность его с данным значением в отыменных префиксальных существительных (ср. *выход, убой, прилет* и т. п.). Но если префикс с данным значением может быть и именным, то однозначное решение вопроса о способе словообразования существительных с этим префиксом невозможно (это относится, впрочем, не только к «безаффиксным», но и к суффиксальным образованиям). Так, префикс *пере-* употребителен как именной только в значении повторности действия, явления, обозначаемого существительным: ср. *перерецензия, перекомиссия, переследствие* и т. п. Значит, образования типа *перерасчет, перезалог, перепуск* (нового завода), а также *переобучивание, переуступка* (прав) и т. п. могут рассматриваться и как отыменные префиксальные (ср. *расчет, залог, пуск, обучивание, уступка*), и как отглагольные с нулевым суффиксом (ср. *перерассчитать, перезаложить, перепускать, переобучивать* и т. д.).

Мотивированность глаголом префиксального существительного с нулевым суффиксом позволяет признать мотивированными и однокоренные существительные без префикса, если они также имеют значение отвлеченного действия: например, поскольку слова *приход, выход, запуск, выпуск, уплата, доплата* и т. д. мотивированы глаголами, то мотивированы и слова *ход, пуск, плата.*

IV. Несомненное функциональное единство суффиксации и нулевой аффиксации, о котором говорилось выше, позволяет противопоставить эти два способа словообразования префиксации. Как неоднократно подчеркивалось исследователями, специфика префиксального способа словообразования заключается прежде всего в том, что при этом способе в качестве исходной структуры используется целое, готовое слово, а не основа. Следовательно, префиксы не играют «классифицирующей» роли, т. е. префиксальные образования всегда относятся к той же части речи и к той же словоизменительной парадигме, что и мотивирующее слово[20]. Для «чистой» префиксации нехарактерно использование дополнительных формальных средств – чередований, усечений основы. Со всем этим связана и семантическая специфика: «чистая» префиксация обычно лишь видоизменяет значение мотивирующего слова добавлением к нему некоторого дополнительного, уточняющего,

«модифицирующего» значения, т. е. образует «модификационные»[21] словообразовательные типы.

Использование префиксации в иных словообразовательных типах, для которых характерно включение образования в другую парадигму, возможно только в смешанных способах словообразования – в сочетании с суффиксацией (префиксально-суффиксальный способ) или с нулевой аффиксацией.

Смешанный способ словообразования – префиксация в сочетании с нулевой аффиксацией – используется в русском языке в сфере словообразования существительных и прилагательных, хотя и значительно реже, чем другой смешанный способ – префиксально-суффиксальный.

1. В словообразовании прилагательных заметное место занимает относящийся к этому способу продуктивный тип образования прилагательных с префиксом *без-* и нулевым суффиксом, мотивированных именами существительными со значением части тела живого существа или какого-либо его неотъемлемого свойства, редко – какой-либо составной части другого предмета: *безрукий, беззубый, безголосый, бескрылый* и т. д.; ср. также: «высокоурожайный сорт советской пшеницы *"безостая"*» («Правда»), «В прозрачном *безлистом* лесу ранние ивы, как люстры» (В. Солоухин, Времена года)[22]. Несомненен формальный и функциональный параллелизм этого типа с разнообразными префиксально-суффиксальными типами прилагательных и, следовательно, функциональная тождественность нулевого суффикса этого типа материально выраженным суффиксам соответствующих префиксально-суффиксальных типов. Ср. в особенности тип *безводный, бездымный, бесстыковой* («бесстыковые железнодорожные пути») и т. п. с мотивирующими существительными иной семантики. Характерны параллельные синонимические образования: *безлистый – безлистный, безъязыкий – безъязычный* и т. п.

2. Среди имен существительных продуктивен тип образования существительных третьего склонения с префиксом *про-* и нулевым суффиксом, мотивированных именами прилагательными. Значение типа – «слабая степень проявления отвлеченного признака, выраженного основой прилагательного»; формальные изменения этой основы те же, что и в типе существительных третьего склонения с «чистой» нулевой аффиксацией, мотивированных прилагательными (*синь* и т. п., см. выше); префикс *про-* всегда ударный:

просинь, прозелень, протемь и т. п. Считаем, что это смешанный тип – префиксальный в сочетании с нулевой аффиксацией, а не чисто префиксальный (от существительных *синь, зелень* и т. п.), поскольку не всем образованиям данного типа соответствуют в языке существительные типа *синь;* ср., например, *проседь, прожелть; прозолоть* (Ю. Нагибин, Когда утки в поре); такие образования соотносятся только непосредственно с прилагательными.

3. Имеется также ряд существительных первого склонения, содержащих префикс и нулевой суффикс и мотивированных только глаголами без префикса: соответствующие префиксальные глаголы либо вообще отсутствуют в языке, либо их значение не соответствует значению «безаффиксных» существительных с теми же префиксами. Подобные существительные составляют группу единичных образований, обозначающих обычно отвлеченное действие: ср., например, *знобить – озноб, бежать – побег, косить – покос, искать – поиск* и некоторые другие. На основе подобных единичных соответствий могут возникнуть и отдельные, ограниченные мотивирующими глаголами узких лексических групп, словообразовательные типы. Таковы, например, проявляющие некоторую продуктивность типы существительных: а) с префиксом *у-* и нулевым суффиксом со значением собирательного результата действия, выраженного основой глагола: *улов, удой, укос, умолот* и т. п.; б) с префиксом *за-* и нулевым суффиксом со значением одного акта многократно повторяемого действия: *забег, заплыв, заезд.* Первый тип ограничен глаголами «сельскохозяйственной тематики», второй – «спортивной».

4. Можно указать также на отдельные существительные, мотивированные существительными и содержащие префикс и нулевой суффикс, например: *лед – наледь, сон – бессонь* (ср.: «Бывало, сон морил, а теперь *бессонь* одолевает!» – Г. Николаева, Битва в пути) и т. п. Таким словам обычно соответствуют предложно-падежные сочетания (*наледь – на льду, бессонь – без сна*). Эти образования соотносительны формально и семантически с префиксально-суффиксальными типами существительных, мотивированных существительными и содержащих префиксы пространственного, отрицательного и других значений. Подобные образования широко распространены в диалектах, где они составляют целый ряд многообразных словообразовательных типов.

V. Значительно более распространена нулевая аффиксация в сочетании с другим способом словообразования – сложением, причем также очевидна функциональная тождественность этого смешанного способа словообразования и так называемого сложносуффиксального способа.

1. Среди имен прилагательных продуктивен тип сложений с нулевым суффиксом, вторым компонентом которых является основа существительного такой же семантики, как мотивирующая основа прилагательных типа *безрукий, беззубый.* В качестве первого компонента таких прилагательных могут выступать основы прилагательного (*крепкозубый, длинноногий, румянолицый;* ср.: «Город мой весенний, *звонкотрубый...*» – Я. Смеляков, Город Москва), количественного числительного (*одноногий, пятипалый;* ср.: «Старухи, старухи – *стоухи, сторуки...*» – А. Вознесенский, Старухи казино) и существительного (*рукокрылые, листоносые* – названия зоологических разрядов и семейств; ср. еще: «Ночь *звездоокая* сюда тайком заходит..» – М. Левашов, В кибитке друга)[23]. Функционально тождественны этому типу сложно-суффиксальные типы прилагательных с различными суффиксами (ср. *трехкилометровый, высокотемпературный*). Характерны словообразовательные синонимы: *разноязыкий* и *разноязычный* и т. п.

2. Исключительно продуктивен тип сложных существительных первого склонения с нулевым суффиксом и вторым компонентом – основой глагола; формальные изменения глагольной основы те же, что и в типе существительных первого склонения с «чистой» нулевой аффиксацией, мотивированных глаголами (типа *убой, выход*); словообразовательное значение, в отличие от последних, – не «отвлеченное действие», а «носитель отношения к действию» (обычно – «производитель действия»). Первый компонент сложений этого типа, содержащий семантическую конкретизацию действия, выраженного вторым компонентом (обозначает характер действия, его объект и т. п.), может быть выражен основами существительного (*солевар, ледорез, звездолет, водопровод, скотопригон*), прилагательного или местоимения (*тяжелодум, скороход, самокат*). Этому типу функционально тождественны некоторые сложно-суффиксальные типы существительных (ср. *орденоносец, землепроходец; звездоплаватель, горовосходитель*). Характерны синонимические образования типа *правдолюб* и *правдолюбец;* ср. *водонос* и слова на *-носец* и т. п.

Очень слабую продуктивность по сравнению с рассмотренным типом обнаруживает аналогичный ему по структуре тип сложных существительных со значением отвлеченного действия: *снегопад, ледоход, сенокос* и т. п.

Немногочисленны сложные существительные с нулевым суффиксом и таким же грамматическим характером основ, как и в предыдущем случае, но относящиеся к другим типам склонения: *книгоноша; бревнотаска, самотаска; живопись, звукопись; круговерть* и др. В этих словообразовательных типах возможно и значение отвлеченного действия (ср. слова со вторым компонентом *-пись*). Подобные образования могут проявлять продуктивность лишь в подтипах с определенными, конкретными вторыми компонентами (ср. слова на *-пись*).

3. Наконец, продуктивный тип представляют сложные существительные первого склонения с нулевым суффиксом и вторым компонентом – основой существительного; словообразовательное значение – «носитель отношения к предмету, явлению, выраженному вторым компонентом и семантически конкретизируемому первым компонентом»; грамматический характер основ и их семантическое взаимоотношение – те же, что и в типе сложных прилагательных с нулевым суффиксом и вторым компонентом – основой существительного (типа *длинноногий*): ср. *долгопят* (название обезьяны), *дубонос* (птица), *носорог, тонконог* (растение), *чернослив, винтокрыл, толстосум, средневес, тяжеловес* («спортсмен среднего или тяжелого веса») и т. п. Следует отметить, что словоизменительная парадигма существительных, относящихся к этому типу, может не отличаться от парадигмы мотивирующих существительных, основа которых заключена во втором компоненте сложения, и, следовательно, перевода слова в другую парадигму в таких случаях нет: ср., например, *стрелолист* (растение), *сухогруз* (вид грузового судна)[24]. Этот тип также функционально тождествен некоторым сложно-суффиксальным типам (ср. *острослов, чернорубашечник*). Характерны словообразовательные синонимы: *сквернослов, острослов* и *сквернословец, острословец* и т. п.

Единичны сложные существительные с нулевым суффиксом и таким же, как в предыдущем случае, грамматическим характером основ, но относящиеся к другим типам склонения: ср. *гололедь, шилохвость* (название утки).

Смешанные способы словообразования – сложение в сочетании с нулевой суффиксацией и «сложно-суффиксальный» – противопоставлены в словообразовательной системе способу, который можно назвать «чистым» сложением. При этом способе словообразования в качестве второго компонента сложного слова выступает самостоятельное слово – существительное или прилагательное, а первый компонент носит уточняющий характер[25], например: *первоисточник, судомеханик, теплоотдача; взрывоопасный, износостойкий, жаропрочный, ударномеханический.*

* * *

Итак, систему способов «морфологического» словообразования имен существительных и прилагательных в русском языке можно представить в таком виде:

I. Аффиксация.

1. Суффиксация (в том числе нулевая).

2. Префиксация.

3. Префиксально-суффиксальный способ (префиксация в сочетании с нулевой суффиксацией).

II. Сложение.

1. «Чистое» сложение (второй компонент – самостоятельное слово).

2. Сложно-суффиксальный способ (в том числе сложение в сочетании с нулевой суффиксацией).

(Две основные группы способов – аффиксация и сложение – противопоставлены по количеству мотивирующих основ: одна основа при аффиксации и больше – при сложении.)

Обращает на себя внимание сходство в слове префикса и первой части сложения: «чистое» сложение характеризуется теми же формальными и функциональными особенностями, что и «чистая» префиксация (использование в качестве исходной структуры целого слова, преобладание значений уточняющего характера). В смешанных способах словообразования префиксация и сложение употребляются в сочетании с одинаковыми средствами – суффиксами, нулевыми и материально выраженными. Такая функциональная близость префиксов и первых частей сложений очевидна в образованиях с одинаковой второй частью: ср., например, *безрукий* и *однорукий, длиннорукий; безводный* и *мелководный; запись, перепись* и *скоропись, живопись; привязь* и *коновязь* и т. д.

Таким образом, средства «морфологического» словообразования функционально противопоставлены в зависимости от того, находятся ли они в препозиции или в постпозиции по отношению к мотивирующей основе (при аффиксации) или к последней из мотивирующих основ (при сложении). Препозитивные словообразовательные средства – префикс или другая основа (основы) – не имеют классифицирующей функции, т. е. не связаны с определенной словоизменительной парадигмой и сохраняют в мотивированном слове ту же парадигму, что и в мотивирующем (исходная структура – целое слово). Постпозитивные словообразовательные средства – материально выраженный или нулевой суффикс – имеют классифицирующую функцию, т. е. всегда связаны с определенной парадигмой и часто изменяют парадигму мотивированного слова по сравнению с мотивирующим (исходная структура – основа). В обоих случаях постпозиции словообразовательных средств – и при материально выраженном суффиксе, и при нулевом суффиксе – изменение парадигмы (или, во всяком случае, отнесение слова к определенной парадигме) является функцией способа словообразования, а не самим этим способом.

Примечания

[1] Термины «мотивация», «мотивированный» и «мотивирующий» (имеется в виду словообразовательная мотивированность) предпочитаем при синхроническом словообразовательном исследовании терминам «производность», «производный» и «производящий». В польской лингвистике названным терминам соответствуют термины «fundacja», «fundovane» и «fundujące» (см., например, работы Е. Куриловича); буквальный перевод их на русский язык как «обоснованное» и «обосновывающее» неудачен, так как в таком переводе они родственны термину «основа», употребляющемуся применительно к структуре слова в другом смысле; кроме того, для них нет соответствующего общего термина типа «fundacja» или «мотивация».

[2] Такое понимание способа словообразования наиболее распространено в работах синхронического плана, хотя специально это понятие обычно не определяется. Под словообразовательным значением имеем в виду общее категориальное значение слов, объединяющихся в словообразовательный тип, основанное на семантическом соотношении мотивированной и мотивирующей основ.

[3] См.: *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. 1 // Teorie odvozovani slov. Praha, 1962. С. 59.

[4] См.: *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка. М., 1956. С. 71 и сл.

[5] См.: *Dokulil M.* Указ. соч., с. 57, 64.

[6] Ср.: «Апофония..., присущая данной форме, – это прибавка, которая встречается не во всех формах данного ряда... и поэтому не может рассматриваться как характерный признак словообразовательной морфемы» (*Курилович Е.* Аллофоны и алломорфы // Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 40). Ср. также: «...с точки зрения современного языка здесь (в слове *Wurf,* ср. *werfen.– В. Л.*) тоже нельзя говорить о ф о н е т и к о-морфологическом типе, так как изменение гласного в этом слове ни на какие морфологические особенности (другие, чем, например, у *Schnitt, Lauf* и *Besuch*) не указывает» (*Левковская К. А.* Словообразование. М., 1954. С. 20). Формальным различителем мотивированного и мотивирующего как целых слов при «безаффиксном» словообразовании является также система флексий этих слов.

[7] А. И. Смирницкий не отрицал и наличия в «безаффиксных» образованиях нулевых аффиксов, но не признавал за ними словообразовательной функции: ср. его определение конверсии как образования слов «от общей основы без каких бы то ни было положительных (не «нулевых») словообразовательных аффиксов и других специально словопроизводственных средств (чередование, акцентные различия), но только путем соединения основ с той или другой определенной парадигмой» (*Смирницкий А. И.* Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 40).

[8] Эта точка зрения развивается также в статье: *Laskowski R., Wróbel H.* Użycie paradygmatu w funkcji formantu słowotwórczego we współczesnej polszczyźnie, JP, 1964, 4, c. 214–220. Авторы статьи считают, что более удачным названием для данного способа словообразования было бы «paradygmatyzacja».

[9] Ср. в русском языке субстантивированное употребление наречий или «цитированных» слов и словосочетаний, например: «А совсем неплохо жить вот так..., в бесконечном *сегодня,* которое никогда не станет *вчера»* (Дж. Стейнбек, Зима тревоги нашей); «... нам нужно не всякое *"интересно".* Тому самому *"интересно",* которое нам нужно, учит... создатель «Броненосца "Потемкин"» («Сов. культура»); «Он провоевал всю войну... Конечно, всяко было. Но разве пройти фронтовое *«всяко было»* от начала до конца не значит совершить солдатский подвиг?» (из радиопередачи).

[10] *Marchand H.* The categories and types of present-day English word-formation. Wiesbaden, 1960. P. 293–294.

[11] Ср. замечание В. В. Виноградова о спаянности флексий с суффиксами у имен существительных (*Виноградов В. В.* Современный русский язык. 1. М., 1938. С. 131).

[12] Ср. у Г. Марчанда: «Обозначаемое представлено в синтагме, но обозначено нулем» (указ. соч., с. 293).

[13] Противоположное мнение высказывает М. Докулил, считающий нецелесообразным применение понятия нулевого аффикса к словообразованию (указ. соч., с. 153–155). Н. А. Крылов также считает, что «наличие нулевого

аффикса нельзя вывести тем же способом, что и наличие нулевой флексии» (*Крылов Н. А.* Бессуффиксные существительные общего рода, соотносительные с глаголами // Статьи и исследования по русскому языку. М., 1962. С. 24). Однако в другом месте Н. А. Крылов признает наличие нулевого аффикса в словах типа *задира* (*Крылов Н. А.* Типы основ в современном русском языке // Филол. науки. 1963, № 2, с. 36).

[14] Субстантивация прилагательных представляет собой, по определению В. В. Виноградова, «морфолого-синтаксический» способ словообразования (Современный русский язык. Морфология. М., 1952. С. 47).

[15] См.: *Dokulil M.* Указ. соч., с. 155.

[16] Очевидно, это не может быть основанием для отрицания того, что глаголы типов *белить, зеленеть* содержат материально выраженный словообразовательный суффикс, и для отнесения их к «безаффиксному» способу словообразования или к конверсии (см., например: *Крылов Н. А.* Бессуффиксальные существительные, соотносительные с глаголами, в современном русском языке. Канд. дисс., М., 1963. С. 65; *Dokulil M.* Указ. соч., с. 64).

[17] См.: *Крылов Н. А.* Бессуффиксные существительные общего рода, соотносительные с глаголами, с. 34–35.

[18] Этому общему правилу не подчиняются разнообразные случаи усечения мотивирующей основы за счет суффикса, который заменяется в мотивированной основе другим материально выраженным или нулевым суффиксом: ср. *засолить – засолка, засол; утюжить – утюжка; гладкий – гладь; интеллектуальный – интеллектуалист, интеллектуал; элементарный – элементарщина; вечерний – вечёрка* («вечерняя газета») и т. д. В каждом из таких случаев направление мотивации устанавливается на основании общей схемы словообразовательных отношений, присущих данному типу, поскольку эти типы всегда содержат и образования без «отсечения» аффикса от мотивирующей основы.

[19] Пример такого анализа представляет собой канд. диссертация Н. А. Крылова. Ср. также: *Соболева П. А.* Об основном и производном слове при словообразовательных отношениях по конверсии // Вопр. языкознания. 1959, № 2.

[20] См., например: *Левковская К. А.* О специфике префиксации в системе словообразования (На материале немецкого языка) // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 312; Dokulil M. Указ. соч., с. 51.

[21] Термин М. Докулила.

[22] Некоторые исследователи рассматривают этот тип как префиксально-суффиксальный, указывая на особую роль здесь флексии *-ый,* выполняющей одновременно и функцию суффикса (см., например: *Шанский Н. М.* Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959. С. 117; «Граматыка беларускай мовы». I. Мінск, 1962. С. 6); правильнее было бы говорить о системе флексий. Иногда подобные словообразовательные типы рассматриваются как чисто префиксальные, что приводит к стиранию специфических свойств префиксации; так, К. А. Левковская видит «чистую» префиксацию в

немецком типе *Gebrüll* «рев» (*ср. brüllen*), *Gelaufe* «беготня» (ср. *laufen*) (см.: *Левковская К. А.*, О специфике префиксации..., с. 318–319).

[23] Иногда этот тип без достаточных оснований рассматривается как сложно-суффиксальный; см., например: *E. und K. Günther.* Die Haupttypen der nominalen und verbalen Wortbildung im Russischen, ZfS, V, 3, 1960. C. 460.

[24] Ср. «сложения с нулевой морфемой» (экзоцентрические) у Г. Марчанда, например: *pickpocket* «вор-карманник» (*pick* «выискивать», *pocket* «карман»; см.: *Marchand H.* Указ. соч., с. 11).

[25] Ср.: *Grzegorczykowa R.* Charakterystyka słowotwórcza polskich rzeczowników złożonych // Poradnik językowy. 1963, 7. P. 256.

Проблемы нулевого словообразовательного аффикса

[В сб.: Актуальные проблемы русского словообразования. I. Ташкент, 1975]

1. Нулевая суффиксация или конверсия?

Вопрос о нулевом словообразовательном аффиксе (прежде всего о нулевом суффиксе) широко дебатируется в отечественной (отчасти и в зарубежной) лингвистической литературе последних лет. Концепция нулевого суффикса нашла в эти годы как своих сторонников (В. М. Марков, М. В. Панов, Е. А. Земская, А. И. Моисеев, И. С. Торопцев, а также авторы «Грамматики современного русского литературного языка», М., 1970), так и не менее убежденных противников (М. Докулил, И. А. Мельчук, Р. И. Лихтман, К. А. Тимофеев).

Как сторонники, так и противники этой концепции сходятся, однако, на том, что в образованиях типа *синий – синь, тихий – тишь, вырезать – вырез, входить – вход, задирать – задира* не может идти речи о каком-то особом «фонетико-морфологическом» способе словообразования, как и об образовании с помощью «сокращения основы», поскольку и чередования, и усечение основ являются здесь, как и при обычной суффиксации, дополнительным, необязательным морфонологическим средством[1].

Упомянутые исследователи сходятся и на том, что термин «бессуфиксное» или «безаффиксное словообразование», все еще широко используемый применительно к указанным типам, неудачен[2]. Вместе с тем Р. И. Лихтман справедливо отмечает, что смысл, вкладываемый в понятия «бессуффиксное словообразование» и «нулевая суффиксация», по сути дела одинаков: речь идет о значимом отсутствии суффикса[3]. Добавим, что это с очевидностью следует из известного высказывания Л. А. Булаховского, пользовавшегося традиционным термином «бессуффиксные существительные» и при этом подчеркнувшего, что в таких образованиях, как *бег, ход, полет* или *глубь, ширь*, «формальная роль на фоне образований, сопровождающихся положительными приметами, принадлежит в большей мере отсутствию последних»[4].

Наиболее последовательной концепцией, противопоставляемой концепции нулевого суффикса, является теория конверсии в том смысле, в каком употреблял этот термин А. И. Смирницкий. Согласно этой теории, единственным словообразовательным средством в случаях, о которых идет речь, является система флексий мотивированного (производного) слова[5]. В том же смысле, что и «конверсия», иногда используются термины «способ замены флексий»[6] и «флективный способ»[7]. В интерпретации некоторых исследователей речь идет о флексии как некоторой комплексной аффиксальной морфеме, выступающей как синкретический, одновременно формо- и словообразующий, элемент[8]. Предпочтительнее говорить все же о системе флексий. Ср. положение А. И. Смирницкого о том, что словоизменительная парадигма выступает при словоизменении как ряд противопоставленных друг другу форм со своими флексиями, а при словообразовании – как некоторое единство[9].

Обе концепции – нулевой суффиксации и конверсии – в принципе равновозможны и эквиваленты по содержанию; круг охватываемых ими явлений в основном одинаков.

Для многих авторов выбор одной из двух указанных трактовок оказывается непринципиальным, достаточно того, что предмет анализа ясен[10]. Некоторые же исследователи вообще снимают альтернативу «нулевая суффиксация или конверсия». Так, А. Е. Михневич[11] рассматривает конверсию одновременно и как нулевую аффиксацию, выделяя в образованиях, относящихся к «явлению конверсии в славянских языках», нулевой аффикс основы. Для этого автора, следовательно, обе трактовки отнюдь не исключают, а скорее взаимно дополняют друг друга.

Противоположность двух указанных трактовок, в самом деле, не так уж глубока и непримирима. В работах автора этих строк, опубликованных в 1966 году[12], противоположность эта была, как теперь представляется, чрезмерно заострена. Дальнейший анализ интересующего нас круга образований привел к выводу о том, что в состав форманта при нулевой суффиксации входит не только нулевой суффикс, но и система флексий мотивированного слова[13]. Это естественно вытекает хотя бы из того, что система флексий является здесь общим для всех образований одного типа формальным средством (в отличие хотя бы от чередования и прочих морфонологических средств), которое к тому же выступает в этом кругу образований как единственное общее дистинктивное (словоразличительное) средство.

Аналогичное решение было принято и в отношении материально выраженной суффиксации: в состав форманта и здесь входит система флексий мотивированного слова. Таким образом, по нашему мнению, система флексий является при суффиксации – как материально выраженной, так и нулевой – словообразовательным средством, хотя и не единственным.

Заметим попутно, что мы считаем необходимым говорить не о мене (замене) системы флексий (парадигмы) как о словообразовательном средстве, а об определенной системе флексий мотивированного слова. Во-первых, мы считаем, что единицей любой подсистемы языка (в том числе и словообразовательной) целесообразнее считать какую-либо материальную субстанцию, обладающую значением (функцией), а не операцию превращения одной материальной субстанции в другую. Во-вторых же, в частных случаях (при материально выраженной суффиксации) флексии мотивированного и мотивирующего слов могут совпадать[14] (ср., например: *танк – танкер,* но *компрессия – компрессор; террор – терроризм,* но *техника – техницизм; дорога – дорожка,* но *ночь – ночка*). Однако для каждого суффиксального словообразовательного типа характерна определенная система флексий относящихся к нему слов (или правило грамматически обусловленного выбора системы флексий). В этом и состоит так называемая классифицирующая функция суффикса. Приведем такую аналогию из области чередований: морфонологическим показателем, например, существительных III склонения с нулевым суффиксом является парно-мягкая или шипящая конечная согласная основы, чем обусловлен во многих случаях переход парно-твердых согласных в соответствующие мягкие, а заднеязычных – в шипящие (*новый – новь, тихий – тишь, хворать – хворь, лгать – ложь*): но изменения этого может и не быть, если характерные для данных словообразовательных типов конечные согласные основы имеются уже в мотивирующем слове (*синий – синь, дрожать – дрожь* и т. п.).

Исходя из сказанного, будем иметь в виду, что нижеследующие полемические замечания направлены в защиту нулевой суффиксации, но не против признания системы флексий мотивированного слова словообразовательным средством, и отнюдь не ставят под сомнение тот факт, что «в русском языке словообразование следует понимать как образование слова, а не основы»[15].

2. Несколько контрдоводов.

Отстаивая концепцию «способа замены флексии», К. А. Тимофеев пишет: «Как и всякий другой способ словообразования, способ замены флексии может в одних случаях сопутствовать другим способам, в других – выступать в качестве основного словообразовательного средства. В качестве основного словообразовательного приема способ замены флексии применяется в так называемом безаффиксном словообразовании»[16]. Одновременно подчеркивается, что «замена парадигмы» часто сочетается и с суффиксацией (*перебежать – перебежка, стол – настольный* и т. п.). Мы уже говорили, что, по сути дела, в качестве словообразовательного средства здесь выступает не замена парадигмы, а определенная парадигма (точнее, система флексий) мотивированного слова. Иначе, если строго следовать К. А. Тимофееву, получится, что в случае *дорога – дорожка* мы имеем дело с одним способом словообразования (чисто суффиксальным), а в случае *ночь – ночка* – с другим, смешанным (суффиксация в сочетании с «заменой парадигмы»). Но такой вывод мы, очевидно, принять не можем.

Приняв формулировку К. А. Тимофеева с той лишь поправкой, что вместо «замены парадигмы» речь идет об определенной системе флексий как о словообразовательном средстве, мы должны будем признать, что одно и то же средство (система флексий мотивированного слова) в одних типах образований выступает как единственное, в других же сопровождается суффиксом. Суффикс тем самым низводится до побочного словообразовательного средства, лишь сопровождающего систему флексий и нередко отсутствующего. В этом случае нам будет уже очень трудно аргументировать то утверждение, что при суффиксации «окончание... является побочным словообразовательным средством при основном – суффиксе»[17]. А утверждение это, поддерживаемое нашим интуитивным восприятием словообразовательной структуры суффиксальных образований, основано, очевидно, на двух взаимосвязанных фактах: во-первых, на том, что суффиксация – наиболее распространенное и чрезвычайно широко развитое в русском языке словообразовательное средство, и, во-вторых, на том, что различных суффиксов гораздо больше, чем различных типов словоизменительных парадигм, а поэтому омонимия суффиксов встречается в словообразовательной системе несравненно реже, и, следовательно, именно суффикс выступает обычно в роли

специфического различительного признака формантов и словообразовательных типов (поэтому, кстати, мы и называем этот способ словообразования суффиксальным!).

Гораздо менее противоречивый результат мы получим, если признаем, что в кругу анализируемых типов все образования характеризуются двумя словообразовательными средствами – определенной системой флексий и определенным суффиксом (в том числе и нулевым), причем средства эти не выступают одно без другого, не представляют собой отдельных самостоятельных способов словообразования.

Это нисколько не снижает значимости системы флексий при нулевом суффиксе как единственного словоразличительного средства. Слово- или формообразующие средства не следует отождествлять со слово- или форморазличительными. Ведь не считаем мы, например, в парах типа *дик – дичь, тих – тишь* формообразующим средством чередование согласных (хотя здесь это единственное форморазличительное средство), а видим в данных формах определенные нулевые аффиксы – словоизменительные и словообразовательные.

В то же время следует подчеркнуть, что концепция нулевого словообразовательного суффикса распространяется на совершенно определенный и достаточно узкий объект. Нулевой суффикс можно выделять лишь в словообразовательно мотивированных словах, с определенными словообразовательными значениями, характерными для суффиксального способа[18], и к тому же при отсутствии каких-либо специфических, нехарактерных для материально выраженной суффиксации, словообразовательных средств[19]. С этой точки зрения нельзя согласиться с И. А. Мельчуком, когда он пишет: «... чтобы усматривать его (нулевой элемент. – *В. Л.*) в *вызов, ход, рань* и т. п., мы должны будем считать, что за основой в русском языке всегда должен следовать какой-нибудь классифицирующий словообразовательный аффикс, т. е. вводить нулевые аффиксы части речи и в такие формы, как *стул* или *красный*»[20].

Естественно, что такое решение вопроса И. А. Мельчука не устраивает. Но думается, что И. А. Мельчук здесь сам нарушает «условия игры». Выше он совершенно справедливо пишет, что «нулевой элемент – «значимое отсутствие» – естественно вводить тогда, когда в некоторой позиции (в цепочке морф), где в соот-

ветствии с принятым описанием обязательно должно находиться что-то (из фиксированного набора), нет ничего»[21], в данном же случае само «принятое описание» подсказывает нам необходимость выделения нулевых суффиксов лишь в определенной «позиции» – в исходе основ мотивированных слов, а не всех слов подряд, и речь идет, разумеется, не о «нулевых аффиксах части речи» (т. е. аффиксах, несущих только общее грамматическое значение части речи), а о нулевых аффиксах, несущих определенные словообразовательные значения, усматриваемые в мотивированных словах.

Впрочем, некоторые ученые – представители порождающей (или так называемой «синтетической») грамматики – действительно усматривают нулевой аффикс части речи, или «нулевой классовый показатель», во всех словах, в том числе и в таких, как *стол, добрый* и т. п. «Оказывается, – пишет Д. Ворт, – что с точки зрения синтетической грамматики в русском языке нет непроизводных слов»[22]. С нашей точки зрения, такая постановка вопроса, независимо от того, для какого типа грамматики она характерна, означает подмену предмета изучения, отрицание специфики словообразования и словообразовательной производности (мотивированности).

Еще одно возражение против концепции нулевого словообразовательного аффикса, которое представляется нам наиболее серьезным, высказано М. Докулилом и Р. И. Лихтман. М. Докулил подчеркивает: «В отличие от нулевого окончания, которое имеет сильное системное обоснование (в рамках одной парадигмы и разных парадигм), мотивация нулевого суффикса слаба, поскольку она опирается на синонимические ряды»[23].

Подобным же образом рассуждает и Р. И. Лихтман, подвергающая сомнению аналогию между выделением нулевого словообразовательного аффикса и нулевой флексии: «... нулевую флексию мы выделяем не потому, что «обычно в большинстве случаев» то же значение выражается «определенной морфемой», а потому, что отсутствие материально выраженной флексии в данной словоформе выражает определенное значение на фоне значений в других словоформах, выраженных материально. Так, например, в слове *мышь* мы выделяем нулевую флексию не потому, что во многих случаях то же значение (им. пад., ед. ч.) выражается не нулем (*кошка, окно* и т. п.), а потому, что словоформа *мышь* существует в

ряду *мыши... мышью, ... мышей...*, где значение падежа и числа выражено во флексиях *-и, -jу, -ей...*»[24].

Приведенное высказывание верно, однако, лишь отчасти: нулевая флексия выделяется не только в «вертикальном» ряду (т. е. в падежной или какой-либо иной парадигме форм одного слова), но и в «горизонтальном» (т. е. в ряду синонимичных образований какого-либо грамматического значения). Так, нулевая флексия в форме *стен* выделяется не только потому, что есть формы *стена, стены,... стены, стенам, стенами...*, но и на фоне синонимичных форм *домов, ночей* и т. п. с материально выраженными флексиями. Анализируемая форма находится как бы на пересечении «горизонтального» и «вертикального» рядов[25].

Попробуем подойти с такой же позиции к нулевому словообразовательному аффиксу. «Горизонтальный» ряд здесь ясен – это ряд образований с одинаковым словообразовательным значением типа *зелень – желтизна – краснота* или *супруга – учительница – санитарка.* Но можно обнаружить и «вертикальный» ряд. Заметим, что при словоизменении «вертикальный» ряд составляют формы одного слова, принадлежащие к определенному ряду грамматических значений и так или иначе противопоставленные друг другу в рамках этого ряда значений (речь идет, например, о падежно-числовых формах имени, несущих различные грамматические значения в рамках категорий падежа и числа, или о родовых формах прошедшего времени глагола, несущих различные родовые значения в рамках категории прошедшего времени). Подобным образом и в словообразовании «вертикальный» ряд (или парадигму) составляют образования, мотивированные одним и тем же словом и принадлежащие к определенному ряду словообразовательных значений. В качестве примеров подобных рядов могут быть приведены такие, как (*читать*) – *чтение, читатель, читальня, читальный...*; (*перевозить*) – *перевоз, перевозка, перевозчик, перевозной...*; (*синий*) – *синь, синева, синяк, синеватый, синить...* и т. п. При мотивирующем глаголе – это значения «отвлеченное действие», «производитель действия», «место действия», «предназначенный для совершения действия» и т. д.; при мотивирующем прилагательном – значения «отвлеченный признак», «носитель признака», «слабая степень признака», «наделять признаком» и т. д. Подобные ряды значений повторяются (с той или иной степенью регулярности) во многих словообразовательных гнез-

дах, и показательно, что все они выражаются – по крайней мере в пределах того круга значений, которые выражаются и «безаффиксно», – именно суффиксацией.

Вся система образований, относящихся к этому кругу значений, и составляет тот широкий «фон образований, сопровождающихся положительными приметами» (Л. А. Булаховский), на котором следует рассматривать образования с нулевым суффиксом. Словообразовательные синонимы – однокоренные образования типа *ширь – широта, синь – синева, вывоз – вывозка, растеря – растеряха* занимают в этой системе образований то же место, что в словоизменении вариантные формы типа *секторы – сектора, ставней – ставен*: они тяготеют одновременно и к «горизонтальному» ряду (образования с синонимичными аффиксами), и к «вертикальному» (образования того же корня, принадлежащие к тому же ряду значений).

Итак, образования с нулевым суффиксом, как и с нулевой флексией, можно и должно рассматривать как на фоне синонимичных образований с другими аффиксами, так и на фоне всей системы образований того же ряда значений, объединенных тождеством основы (для флексий) или тождеством мотивирующего слова (для словообразовательных аффиксов). Как видим, концепция нулевого суффикса опирается не только на синонимические ряды, но и на парадигматические отношения. При этом в парадигматические отношения в словообразовании вступают, с нашей точки зрения, только параллельно мотивированные слова; мотивирующее же слово в эти отношения не входит. Такая постановка вопроса снимает другое возражение М. Докулила, связанное с его критикой понятия нулевого суффикса и сводящееся к тому, что мотивирующее и мотивированное («основное и производное») слова являются синхронически неравноправными, а потому не могут быть включены в некую единую парадигму, подобную словоизменительной (последняя состоит из равноправных сосуществующих форм)[26].

Заметим также, что привлекаемый для выявления нулевого аффикса «фон образований, сопровождающихся положительными приметами», должен быть достаточно широким, должен преобладать в системе над образованиями, лишенными этих примет. Это касается анализа как словообразовательных, так и словоизменительных фактов. Так, например, в русском глаголе нельзя усмотреть нулевой суффикс со значением «настоящее – будущее время»,

присутствующий в личных формах этих времен, тогда как в формах прошедшего времени присутствует специальный суффикс *-л-*. Системного преобладания в парадигме русского глагола образований с «временным» суффиксом мы не наблюдаем.

Целесообразность применения понятия нулевой морфемы к конкретным языкам определяется особенностями их строя. Так, использование понятия нулевого суффикса в описании словообразовательной системы русского языка соответствует, отнюдь не претендуя на универсальность, грамматическому строю русского языка с его широко развитой суффиксацией. В то же время нельзя не согласиться с теми исследователями, которые предостерегают от «злоупотребления» понятием нулевой морфемы применительно к языкам аналитического типа, например к английскому, и, в частности, от выделения нулевых флексийных показателей в «постоянно бесфлексийных формах», затушевывающего типологическое различие языков[27].

Примечания

[1] См., например: *Лопатин В. В.* Способы именного словообразования в современном русском языке (нулевая аффиксация, субстантивация). Автореферат канд. дисс. М., 1966. С. 6; *Лихтман Р. И.* Существует ли безаффиксный способ словообразования в русском языке? // Вопр. языкознания. 1968, № 2. С. 57.

[2] Особенно явно логическая дефектность термина «бессуффиксное словообразование» обнаруживается при попытках обозначить с его помощью смешанные способы словообразования с участием нулевой суффиксации. Так, образования типа *безногий* или *проседь* пришлось бы назвать «префиксально-бессуффиксными» (!).

[3] См.: *Лихтман Р. И.* Указ. соч., с. 51.

[4] *Булаховский Л. А.* Курс русского литературного языка. Т. I. Киев, 1952. С. 164.

[5] См., например: *Смирницкий А. И.* Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Иностр. языки в школе. 1953, № 5.

[6] См.: *Тимофеев К. А.* О так называемом «безаффиксном» способе словообразования // Вопросы языка и литературы. Вып. II, ч. I. Новосибирск, 1968. С. 145.

[7] См., например: *Стрелков П. Н.* Флективное словообразование коррелятивных существительных женского рода в русском языке // Русский язык в школе. 1966, № 6; *Светлова В. Н.* Существительные, образованные флективным («безаффиксным») способом, в говорах Тюменской и Свердловской областей. 8-я Уральская зональная конференция кафедр русского языка вузов Урала. Материалы..., Шадринск, 1968.

[8] См., например: *Лихтман Р. И.* Указ. соч., с. 51–53.

[9] См.: *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове (проблема «тождества слова») // Труды Ин-та языкознания АН СССР. Т. IV. М., 1954. С. 18–19.

[10] См. хотя бы название указ. работы В. Н. Светловой.

[11] См.: *Михневич А. Е.* Проблема частей речи и типы словообразования // Вопросы теории частей речи. Л., 1968. С. 155–156.

[12] См.: *Лопатин В. В.* Нулевая аффиксация в системе русского словообразования // Вопр. языкознания. 1966, № I.

[13] См.: *Лопатин В. В., Редькин В. А., Улуханов И. С.* К соотношению единиц словообразования и морфонологии // Единицы разных уровней грамматического строя языка и их взаимодействие. М., 1967. С. 44; Грамматика современного русского литературного языка, с. 41. См. также: *Манучарян Р. С.* О понятии нулевого показателя в различных лингвистических аспектах // Научные труды Ереванского пединститута русского и иностр. языков им. В. Я. Брюсова. 1971, № 3. С. 51.

[14] Теоретически возможно совпадение систем флексий мотивированного и мотивирующего слов и при нулевой суффиксации. Такой интерпретации (наряду с другими, с системно-грамматической точки зрения, быть может, более оправданными интерпретациями) поддается, например, существительное *судья,* используемое (применительно к женщине) как слово женского рода: «пришла новая судья» и т. п. Ср. тип *супруг – супруга, кум – кума*: тогда *судья* муж. рода и *судья* жен. рода – омонимы.

[15] *Лихтман Р. И.* Указ. соч., с. 57.

[16] *Тимофеев К. А.* Указ. соч., с. 145.

[17] *Лихтман Р. И.* Указ. соч., с. 53. Р. И. Лихтман, однако, идет и дальше, утверждая, что при суффиксации (*обжигание* и т. п.) формообразующий элемент (система флексий) выступает «как дополнительное словообразовательное (не обязательное!) средство» (там же, с. 54). С этим нельзя согласиться.

[18] Это означает, между прочим, что констатация наличия нулевого суффикса вторична от установления отношений словообразовательной мотивированности (производности), а не наоборот. Иначе у М. В. Панова (см.: Русский язык // Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки. М., 1966. С. 71).

[19] Поэтому, например, нет никаких оснований выделять нулевой суффикс в прилагательном *предобрый,* хотя усматриваемое в нем словообразовательное значение высшей степени проявления признака выражается суффиксальным способом в слове *добрейший:* префикс – то словообразовательное средство, которое берет на себя функцию форманта в *предобрый.*

[20] *Мельчук И. А.* К проблеме выбора описания при неединственности морфологических решений // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971. С. 218–219.

[21] Там же, с. 218.

[22] *Ворт Д. С.* Морфонология славянского словообразования // American Contributions to the VII-th International Congress of Slavists, I. The Hague, 1973. С. 386.

[23] *Dokulil M.* Zur Frage der sogenannten Nullableitung // Wortbildung, Syntax und Morfologie. The Hague – Paris, 1968. C. 61.

[24] *Лихтман Р. И.* Указ. соч., с. 55.

[25] См. об этом также: *Манучарян Р. С.* Указ. соч., с. 53.

[26] Подробнее см.: *Лопатин В. В.* Словообразование как объект грамматического описания // Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. М., 1974. Статья перепечатана: с. 11–24 данного издания.

[27] См.: *Иванова И. П.* Морфемный статус нулевой морфемы // Philologica. Исследования по языку и литературе. Л., 1973. С. 168.

Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке

[В сб.: Русский язык. Грамматические исследования.
М., Наука, 1967]

Субстантивация прилагательных и причастий занимает в системе русского именного словообразования совершенно особое, своеобразное место. Этому явлению, как и вообще проблеме «переходности» частей речи, посвящена обширная лингвистическая литература. Однако рассматривалось оно в многочисленных исследованиях преимущественно в историко-лексикологическом и, собственно морфологическом аспектах; словообразовательному же аспекту было уделено слишком мало внимания. Большинство исследователей указывает лишь на то, что субстантивация относится к особому, морфолого-синтаксическому (по терминологии В. В. Виноградова) виду словообразования, понимаемому преимущественно исторически, как постепенный переход слова из одной части речи в другую. Показательно, что в грамматических курсах современного русского языка при описании словообразовательной системы субстантивация не рассматривается (она более или менее подробно описывается в разделе морфологии, в связи с грамматическими свойствами имени прилагательного).

Между тем теперь, когда в исследованиях по словообразованию особое внимание уделяется принципам описания словообразовательной системы языка с синхронической точки зрения, необходимо применить этот аспект и к явлению субстантивации, определить его место среди других способов русского именного словообразования. Особенно важно для выяснения специфики этого способа словообразования и его границ отметить те релевантные для него признаки, на основании которых можно выделить отдельные словообразовательные типы субстантиватов[1] и дать общую характеристику этих типов в их отношении к другим словообразовательным типам существительных, к другим способам словообразования.

I

Субстантивация прилагательных, как и вообще слов «прилагательного склонения» (иногда неточно называемая «переходом прилагательных в существительные»[2]), – один из путей постоянного пополнения класса русских существительных. Широкая распространенность этого явления в русском языке объясняется – в общеграмматическом плане – сходством морфологических свойств существительного и прилагательного, наличием у них общих грамматических категорий[3].

Считаем возможным говорить о субстантивации в русском языке как о способе словообразования только применительно к прилагательным и другим частям речи, имеющим прилагательное склонение и грамматические категории, свойственные прилагательному. Субстантивное использование других частей речи (например, наречия, инфинитива, служебных частей речи), а также целых словосочетаний и предложений, иногда называемое также субстантивацией, является только особым синтаксическим употреблением и представляет собой синтаксическую, а не словообразовательную проблему[4].

Обращаясь к субстантивированным прилагательным и причастиям, необходимо прежде всего подчеркнуть, что со словообразовательной точки зрения они мотивированы теми прилагательными, которым они омонимичны[5]. Например, существительные *слепой, знакомый, смелый* и т. п. обозначают лицо, названное по свойству, выраженному основой имени прилагательного. Они обладают морфологическими категориями и синтаксическими свойствами, присущими имени существительному. Но основная особенность их, в отличие от других существительных, также мотивированных прилагательными (например, *слепец, знакомец, смельчак*), – это система флексий, характерная для прилагательного. Формальным показателем мотивированности существительного прилагательным, носителем словообразовательного значения в этих словах и является сохранение в имени существительном части парадигмы, свойственной мотивирующему – прилагательному, а именно: закрепление за существительным функционально преобразующейся парадигмы одного из трех родов прилагательного (категория рода превращается при этом из собственно грамматической в лексико-грамматическую)[6]. Для русского языка использование в субстантиватах флексий прилагательного – это

специфическое свойство, отличающее субстантивацию от всех других способов словообразования, в том числе и от нулевой аффиксации[7], также характеризующейся отсутствием материально выраженного специального словообразовательного аффикса (суффикса или префикса)[8].

Таким образом, можно сказать, что субстантивация прилагательных – это образование существительных, структурно мотивированных прилагательными, с использованием в качестве словообразовательного средства флексий прилагательного (парадигмы одного грамматического рода или только множественного числа). При этом какие-либо дополнительные формальные отличия мотивированного от мотивирующего (чередования, различие места ударения, усечение основы и т. п.) отсутствуют.

Часто отмечается тот факт, что субстантивированные прилагательные могут возникать не только путем постепенной утраты (эллипсиса) определяемого ими существительного в результате длительного исторического употребления словосочетания (например, *портной мастер* (*портной*), но и мгновенно, по модели уже существующих в языке субстантиватов[9]. При этом некоторые исследователи противопоставляют субстантивацию как исторический процесс эллипсиса существительного и словообразование субстантиватов по модели, отмечая, что во втором случае мы имеем дело уже не с морфолого-синтаксическим, а с морфологическим словообразованием и что в этом случае уже нельзя говорить о субстантивации[10]. «Самое понятие субстантивации, – по мнению В. М. Маркова, – предполагает исторический подход к материалу»[11].

Такое противопоставление субстантивации и морфологического словообразования вряд ли оправданно с синхронической точки зрения и не может быть использовано при описании словообразовательной системы. Все существительные прилагательного склонения, мотивированные омонимичными прилагательными, представляют собой структурное единство и группируются в системе языка в определенные типы (модели) с одинаковым отношением к мотивирующему прилагательному; словообразовательная функция флексий в них одинакова, независимо от того, каким путем они реально (исторически) возникли[12]. Подчеркивание различия «постепенной» и «мгновенной» субстантивации уводит в сторону от описания словообразовательной системы, подменяет задачу такого описания задачей выяснения исторических путей образования слов

(сама эта задача очень сложна и для некоторых слов вряд ли разрешима)[13]. Разграничение исторического пути возникновения слов и их синхронических словообразовательных связей должно последовательно осуществляться и применительно к субстантивации. Специфика же субстантивации как особого способа словообразования несомненна и при синхронической точке зрения: для этого способа словообразования характерно то, что мотивированное (существительное) и мотивирующее (прилагательное), принадлежащие к разным частям речи и, следовательно, различающиеся своими морфологическими категориями и синтаксическими функциями, вместе с тем формально совпадают (система форм первого целиком входит в систему форм второго), а словообразовательным средством являются функционально преобразующиеся флексии – специфически «синтаксические» морфемы. Кроме того, это единственный способ именного словообразования в современном русском языке, характеризующийся обязательной принадлежностью мотивированного и мотивирующего к разным частям речи (транспозицией). Это позволяет рассматривать субстантивацию и в синхроническом аспекте как морфолого-синтаксическое словообразование.

II

В синхронической словообразовательной системе могут рассматриваться как субстантиваты только те существительные, которые характеризуются прилагательным склонением и структурно мотивированы омонимичными прилагательными.

Не имеют отношения к субстантивации с точки зрения живых словообразовательных связей прежде всего те существительные прилагательного склонения, для которых нет в системе языка омонимичных прилагательных или которые словообразовательно не соотносительны с такими прилагательными (ср. *мостовая* и прилаг. *мостовой, пирожное* и прилаг. *пирожный,* сущ. *легкие* и прилаг. *легкий*)[14]. Система флексий прилагательного не играет в этих существительных словообразовательной роли. Они могут рассматриваться как субстантиваты лишь в диахроническом, историческом аспекте. С синхронической же точки зрения они могут принадлежать к одной из двух групп:

1. Существительные первой группы вовсе лишены в современном языке словообразовательной мотивированности (с исторической точки зрения они представляют собой результат самых раз-

личных явлений и процессов; большинство их подверглось опрощению, некоторые были заимствованы или калькированы сразу как существительные), например: *портной, горничная, запятая, целковый, вселенная, насекомое, зодчий, подданный, хорунжий, подлежащее, сказуемое, пирожное, легкие, сохатый* и т. д. Ср. также некоторые фразеологически связанные слова: *попятный, подноготная, околесная.*

2. Существительные второй группы сохраняют в современном языке мотивированность, но не омонимичными прилагательными, а другими соотносительными словами того же корня, например: *мостовая* (ср. *мостить*), *кладовая* (ср. *класть*), *гостиная* (ср. *гость*), *набережная* (ср. *берег*), *жаркóе* (ср. *жарить*), *леший* (ср. *лес*), *прихожая* (ср. *приходить*), *подсудимый* (ср. *суд, под судом*) и др. Большинство таких словообразовательных соотношений единичны, нетипизированны. Однако есть некоторые (непродуктивные) суффиксальные типы существительных, принадлежащих к прилагательному склонению: существительные на *-чий* (*ловчий, доезжачий*), на *-ничий* (*лесничий, городничий, постельничий*), на *-тый* (*вожатый, провожатый*). Слова этой группы являются с синхронической точки зрения аффиксальными существительными. Ср. также сложные образования *чернорабочий, военнопленный, военнослужащий, главнокомандующий* и т. п., относящиеся к сложению существительных и также не имеющие омонимичных прилагательных.

Не могут рассматриваться как субстантивированные прилагательные также различные собственные имена прилагательного склонения, не имеющие омонимичных прилагательных. Ср. фамилии типа *Красницкий, Корчной, Калюжный,* название реки *Чусовая* и т. п.

Таким образом, морфологический тип существительных прилагательного склонения шире, чем словообразовательный разряд субстантиватов. Морфологическая проблема существительных прилагательного склонения и словообразовательная проблема субстантивации должны строго разграничиваться (в частности, и в описательных грамматиках).

С другой стороны, не могут рассматриваться как субстантивированные прилагательные и такие существительные, которые исторически являются субстантивированными краткими (именными) прилагательными. В современном языке именное склонение прилагательными утрачено и является исключительно принадлеж-

ностью существительного[15]. Поэтому существительные *добро, зло* и т. п. уже никак не связаны своими формами с классом прилагательных. Однако они сохраняют словообразовательную мотивированность прилагательными; с точки зрения системы современного языка подобные образования должны интерпретироваться как относящиеся к нулевой аффиксации.

В современном языке можно отметить два словообразовательных типа существительных с нулевым суффиксом, мотивированных прилагательными, восходящие исторически к субстантивации кратких прилагательных:

1. Тип существительных среднего рода со значением абстрактной субстанции, характеризующейся по признаку, обозначенному основой мотивирующего качественного прилагательного. Для современного языка это непродуктивный тип; к нему относятся существительные *добро, зло, благо, тепло,* а также *худо* (ср., например: «быть *худу*», «нет *худа* без добра»). В художественной литературе нередко употребляются диалектизмы и окказионализмы, относящиеся к этому типу, например: *лихо, мокро, право, лево, далеко, темно.* Ср.: Не знает, где *право,* где *лево!* (Гоголь, Мертвые души, 3); Русь! Русь! вижу тебя, из моего чудного, прекрасного *далека* тебя вижу... (Там же, 11); Я к вам приду в коммунистическое *далеко...* (Маяковский, Во весь голос); В абсолютной белизне исчезли верх, низ, *право* и *лево* (В. Семин, Сто двадцать километров до железной дороги); Главное – не пустить его [пожар] в долину..., где лесам век не убыть, если не это *лихо* (В. Чивилихин, Елки-моталки); Холодные обложные дожди зарядили..., и не было конца этому *мокру* (В. Чивилихин, Про Клаву Иванову); А мы, залегши по воронкам, | Глядим на них из-за *темна* (И. Сельвинский)[16]; Но трудились крестьянские руки | на полях от зари до *темна* (Е. Евтушенко, Братская ГЭС[17]); ср. также окказионализмы В. Маяковского («Облако в штанах»): Трясущимся людям | в квартирное *тихо* | стоглазое зарево рвется с пристани; Ах, зачем это, | откуда это | в светлое *весело*| грязных кулачищ замах!; Идите, голодненькие, | потненькие, | покорненькие, | закисшие в блохастом *грязненьке!*[18]

2. Тип существительных мужского рода, мотивированных прилагательными на *-ский/-цкий* и являющихся названиями городов. Этот тип, также восходящий к глубокой древности, очень продуктивен и в наше время. В качестве мотивирующих используются прилагательные разной структуры: суффиксальные (*Бийск, Братск, Ангарск, Комсомольск, Каспийск, Волжск, Советск, Кировск, Донецк, Кузнецк, Галицк*); префиксально-суффиксальные (*Приморск, Приаргунск, Задонск*); сложно-суффиксальные (*Медногорск, Дивногорск, Оленегорск, Североморск, Северодвинск, Красноборск, Зеленодольск, Красноармейск,* ср. *Сестрорецк* и *Белореченск*), а также склоняющиеся как прилагательные фамилии на *-ский/-цкий* (*Дзержинск, Пржевальск, Володарск, Урицк*).

Таковы морфологические и словообразовательные типы, по отношению к которым проблема субстантивации может ставиться только в историческом плане.

III

Необходимо остановиться еще на нескольких вопросах теоретического характера, касающихся субстантивации как способа словообразования.

1. Основа соотносительного омонимичного прилагательного выступает как структурно мотивирующая для субстантиватов не только тогда, когда это прилагательное словообразовательно не мотивировано, но и в тех случаях, когда оно является в свою очередь мотивированным (ср. существительные типа *блинная, пирожковая, штурвальный, постовой* и т. п.). Этому не противоречит тот факт, что семантически такие существительные мотивированы обычно не прилагательным, а той основой, которая выступает в нем в качестве мотивирующей. (Последнее особенно очевидно, когда подобные субстантиваты имеют синонимичные суффиксальные существительные, мотивированные теми же основами, что и соотносительные с этими субстантиватами прилагательные: ср., например, *кофейная* и *кофейня, спальная* и *спальня, партийный* и *партиец, бородатый* и *бородач, горбатый* и *горбун.*) Здесь мы сталкиваемся с довольно распространенным в словообразовательной системе явлением, при котором семантически мотивирующая основа не совладает с формально (структурно) мотивирующей[19]. В данном случае механизм словообразования таков: при образовании существительного, семантически связанного с другим существительным или глаголом, используется в качестве мотивирующего и субстантивируется прилагательное, произведенное от этого существительного или глагола. Образование прилагательного и его субстантивация синхронически выступают как разные ступени словообразовательного процесса.

Это подтверждается тем, что структура основы в субстантивированных прилагательных обусловлена только словообразовательной системой имени прилагательного. Например, в структуре субстантиватов со значением помещения, названного по характерному для него предмету, лицу или действию, использованы относительные прилагательные с суфф. *-ов-* (*столовая, пончиковая, душевая*), *-н-* (*сосисочная, аппаратная, дизельная, проходная, сварочная*), *-ск-* (*учительская, диспетчерская, арестантская*), принадлежащие к продуктивным типам словообразования прилагательных[20]. Вообще в субстантиватах используются разнообразные словообразовательные типы прилагательных – как суффиксальные (ср. еще *бородатый,*

горбатый, сумчатые, курительная, мягчительное), так и относящиеся к другим способам словообразования: префиксально-суффиксальные (*придворный, безработный, беспартийный, подопечный, поднадзорный, подследственный,* ср. принадлежащие к технической терминологии названия занятий – *подкрановый, застольная*), различные типы сложных прилагательных (ср. *однорукий, чернокожий, глухонемой; чаеразвесочная; двудольные; жаропонижающее, болеутоляющее* и т. п.), сращения (*умалишенный, впередсмотрящий, праздношатающийся; вышесказанное*) со всеми присущими соответствующим типам прилагательных формальными средствами (кроме аффиксов – также интерфиксы, ударение, чередования и т. д.). При этом со структурно-словообразовательной точки зрения не существенно, что в некоторых случаях соответствующие субстантиватам прилагательные менее употребительны, чем сами субстантиваты[21]. Не противоречит нашему утверждению о субстантивированном характере подобных существительных и отсутствие некоторых из таких прилагательных в словарях, если эти прилагательные относятся к продуктивным словообразовательным типам и, следовательно, возможность их образования по модели обусловлена самой словообразовательной системой прилагательного (такие прилагательные являются «потенциальными» единицами языка[22]). Так, возможности образования прилагательных по моделям сложений реализуются в омонимичных прилагательным субстантиватах: ср. термины естествознания *парнокопытные, рукокрылые, членистоногие* и т. п.

Противоположная точка зрения, согласно которой суффиксы прилагательных, используемые в субстантиватах, принадлежат уже словообразовательной системе существительных[23], привела бы к чрезмерному расширению этой системы за счет словообразовательных средств и типов (не только суффиксальных), представляющих собой специфику словообразования прилагательных. В структуре подобных образований релевантной для словообразования существительных является только их субстантивированность (система флексий прилагательного с особой словообразовательной функцией).

При определенных условиях, однако, некоторые суффиксальные типы прилагательных, часто использующиеся в субстантиватах и специализирующиеся на каком-либо словообразовательном значении, могут и структурно обособляться от системы слово-

образования прилагательных, приобретая качества самостоятельного суффиксального типа существительных. Тенденцию к такому обособлению проявляет в современном русском языке в сфере технической терминологии суфф. *-ов-* с ударной флексией, употребляющийся в образованиях со значением лица, профессионально связанного с предметом или явлением, названным мотивирующей основой существительного. Для ряда существительных на *-ово́й* в словообразовательной системе отсутствуют аналогичные по структуре прилагательные (ср., например, существительные *дверовой* и *дверевой, печевой, мотковой, люковой, ламповой, вальцевой, крановой, станковой* при соответствующих прилагательных *дверной, печной, моточный, лю́ковый, ла́мповый, вальцо́вый, кра́новый, станко́вый* и *станочный*)[24]. Основное структурное отличие существительных на *-ово́й* от прилагательных – это очевидное господство в существительных ударения на флексии, в то время как для прилагательных с суфф. *-ов-* характерно разнообразие акцентологических типов[25]. Показательно, что в тех случаях, когда прилагательное допускает двоякое ударение – на суффиксе и на флексии (ср., например, *копрово́й* и *копро́вый, котлово́й* и *котло́вый, ковшево́й* и *ковшо́вый*), соответствующее существительное употребляется только с ударением на флексии.

Вместе с тем надо иметь в виду, что полного обособления типа существительных на *-ово́й* от субстантивированных прилагательных с суфф. *-ов-* в русском языке нет, между ними нельзя провести четкой границы. Существенно, что для большинства существительных на *-ово́й* омонимичные прилагательные употребительны[26]. Надо учитывать также большую продуктивность относительных прилагательных с суфф. *-ов-* в современном языке, в особенности в сфере профессиональной терминологии[27], и широкую распространенность ударения на флексии в них[28]. Кроме того, те слова на *-ово́й,* которые обычно являются существительными, могут употребляться и в качестве определения к словам *мастер, рабочий* и т. п. Ср., например, названия занятий на производстве: *люковой дробильщик, люковой грузчик, печевой плавильщик, ламповой рабочий, крановой машинист* и т. д. В этих сочетаниях слова на *-ово́й* употребляются как прилагательные; появление подобных сочетаний свидетельствует об обратном влиянии типа существительных на *-ово́й* на систему отыменных прилагательных, способствующем расширению круга прилагательных с суфф. *-ов-* и ударением на флексии[29].

2. Субстантиваты могут быть как общеупотребительными, социально закрепленными, так и окказиональными, однажды употребленными в определенном контексте. На этом основано принятое во многих работах различение «узуальной» и «окказиональной» (или «контекстуальной») субстантивации как разных степеней этого явления (в окказионализмах усматривается лишь слабая степень субстантивации)[30]. Думается, однако, что в обоих случаях в равной степени можно говорить об образовании нового слова – субстантивата, омонимичного прилагательному; различие же заключается только в отнесенности фактов узуальной субстантивации к языку, а фактов окказиональной субстантивации – к речи[31]. При субстантивации, как и при других способах словообразования, окказионализмы, принадлежащие к продуктивным словообразовательным типам, представляют собой реализацию возможностей, заложенных в системе[32].

Исключительная легкость и свобода образования окказиональных субстантиватов объясняется характерным для этого способа словообразования отсутствием каких бы то ни было структурных ограничений и дополнительных формальных (морфонологических) средств, которые обычно накладывают свой отпечаток на возможности суффиксального словообразования.

3. Иногда исследователи исключают из числа существительных некоторые типы субстантиватов с обобщенным значением носителя признака: например, субстантиваты с общим значением лица – носителя качества (*больной, смелый, бедный, любопытный*) и со значением абстрактного понятия – носителя признака (*новое, старое, прогрессивное*)[33]. Такие слова признаются не вполне субстантивированными в силу их большой абстрактности, «признаковости» значения. С этим нельзя согласиться, поскольку все подобные образования имеют словообразовательное значение носителя признака, совершенно отличное от значения самого признака, выраженного мотивирующим прилагательным, и, следовательно, образование нового слова – и в синтаксическом, и в морфологическом, и в семантическом плане – здесь налицо[34]. Для словообразования существенно именно такое общее, типизированное словообразовательное значение, а не индивидуальные лексические видоизменения, конкретизации, «наслаивающиеся» на это общее значение в отдельных словах (например, *рыжий* «клоун», *рядовой* «солдат», *молодые* «новобрачные»), ко-

торые неверно принимаются иногда за признак субстантивированности слова.

IV

В соответствии с предложенным здесь пониманием специфики субстантивации как особого способа словообразования, в качестве словообразовательных типов субстантивированных прилагательных могут выступать только такие семантические группы субстантиватов, которые связаны с определенным формальным соотношением мотивированного и мотивирующего – в данном случае с определенным правилом выбора парадигмы мотивированного. Общее значение субстантиватов в каждой из таких групп и будет общим словообразовательным значением типа (это значение может быть более или менее лексически конкретным, что вообще свойственно словообразованию существительных). Характерной чертой субстантивации является также частая омонимия словообразовательных средств, что объясняется очень небогатым набором самих этих средств (возможно закрепление за типом одной из трех родовых парадигм прилагательного или парадигмы множественного числа). Различия в семантической мотивированности относящихся к одному типу субстантиватов, связанные с семантико-словообразовательными свойствами мотивирующих прилагательных, могут быть основой для выделения разнообразных подтипов в рамках типов.

Эти исходные положения дают возможность выделить среди субстантивированных прилагательных современного русского языка словообразовательные типы, рассматриваемые ниже.

1. Тип субстантиватов, имеющих парадигму прилагательных мужского рода, со значением лица. К этому очень продуктивному типу относится основная масса субстантиватов мужского рода. Как и вообще существительные мужского рода со значением лица, слова этого типа обычно являются обобщенным обозначением лица независимо от пола и лишь при оппозиции соответствующим личным существительным женского рода получают значение лица мужского пола. С лексической точки зрения образования данного типа могут быть как названиями профессиональных занятий, так и «непрофессиональными» названиями. В зависимости от характера семантической мотивированности среди них могут быть выделены такие подтипы:

а) названия лица по характерному для него признаку (в основе – качественное прилагательное, словообразовательно немотивированное или мотивированное), например: *больной, знакомый, смелый, сильный, несчастный, пеший, слепой, нищий, виновный, старший; бородатый, горбатый, однорукий, безногий; левый, правый, красный, белый* (как политические термины), а также *каждый, всякий, свой, наш* (чаще – *наши*) и т. п. Ср. подобные образования (с обобщенным значением лица) в крылатых выражениях – пословицах, афоризмах: *«Сытый голодного* не разумеет», *«Пьяному* море по колено», *«Смелого* пуля боится, *смелого* штык не берет» и т. д. Образований этого подтипа особенно много среди окказионализмов; часто они выступают в форме множественного числа, например: В поле зрения – *тихие* (Комс. пр.); Работа в макаренковских отрядах, воспитание *«трудных»* вызвали желание глубже изучить вопросы педагогики (Веч. Москва); Верно, кабель... брошен *нерадивыми* прямо на пути (Правда); «Об *отзывчивых* и *равнодушных»* (Известия);

б) названия лица по предмету, явлению, к которому оно имеет отношение (в основе – относительное прилагательное, мотивированное существительным): *рулевой, часовой, центровой, звеньевой, участковый, военный, партийный, ротный, батарейный, штурвальный, коверный, коридорный, фабричный, деревенский* и т. п. Ср.: *Поселковые* уже застоговали... сено (В. Чивилихин, Про Клаву Иванову); Останешься тут за *костерного,* ясно? (В. Чивилихин, Елки-моталки); Я вовсе не требовал от своих *типографских,* чтобы они вставали, когда я входил (Н. Чуковский, Девочка Жизнь); Здесь много наших *институтских* (из устной речи);

в) названия лица по характерному действию, субъектом или объектом которого это лицо является (в основе – относительное прилагательное, мотивированное глаголом или отглагольным существительным со значением действия): *встречный, ссыльный, посыльный, подсобный, разъездной, загребной, взрывной, нагрузной, сварочный, махальный, ездовой, спусковой* и т. п.

Среди указанных трех подтипов особенно продуктивны первый и второй; продуктивность третьего подтипа невелика по сравнению с синонимичными подтипами названий лица, являющихся субстантивированными причастиями (см. ниже).

Те же словообразовательные отношения часто выражаются посредством суффиксации; ср. многочисленные словообразователь-

ные синонимы: *слепой – слепец, сильный – силач, смелый – смельчак, холостой – холостяк, знакомый – знакомец, пожарный – пожарник, покойный – покойник, пленный – пленник, глазной – глазник* («глазной врач»), *беспризорный – беспризорник, караульный – караульщик, ламповой – ламповщик, десятский – десятник, конвойный – конвоир* и т. д. Ср. также: *краснoперекопцы* и *краснoперекопские* «рабочие фабрики "Красный Перекоп"» (Комсомольцы устраивали походы на лодках... – *Краснoперекопские* плывут! – слышалось на берегах. – Правда). Характерны с этой точки зрения и многочисленные варианты названий занятий на производстве: *вальцевой* (*вальцовой*) и *вальцовщик; крыловой* и *крыловщик* (текстильщики), *беловой* и *беловщик* (переплетчики), *кольцевой* и *кольцевик* (почтальоны), *рассевной* и *рассевщик* (мукомолы), *подвальный* и *подвальщик* (пивного склада), *номерной* и *номерщик* (банщики), *застольная* и *застольщица* (кондитеры) и т. д. («Систематический словарь занятий»).

Словообразовательная синонимия суффиксации и субстантивации в названиях лица подтверждается также фактами совместного употребления субстантиватов и суффиксальных существительных в качестве однородных членов в предложениях типа: Это интересовало всех – *молодых* и *старых, здоровяков* и *хворых, умных* и *глупцов* (из радиопередачи).

Особое место в словообразовательной системе занимают очень продуктивные существительные прилагательного склонения женского рода со значением лица женского пола, соотносительные с субстантиватами мужского рода рассмотренного типа, например: *больная, слепая, несчастная, знакомая, русская, рабочая, звеньевая, дежурная, военная, связная, рассыльная, загребная.* Структурных ограничений для образования подобных существительных женского рода нет; ср., например: Встречающий, как правило, знает номер вагона, в котором едет его *долгожданный* (*-анная*) (Веч. Москва); Королева считается *главнокомандующей* вооруженными силами (Н. Солнцев, Государственный строй Нидерландов). Существительные этого типа выполняют ту же словообразовательную функцию, что и суффиксальные образования со значением лица женского пола, мотивированные личными существительными мужского рода; ср.: *лентяй – лентяйка, дворник – дворничиха, учитель – учительница, комсомолец – комсомолка* и *больной – больная, рабочий – рабочая*[35].

Деление всей системы языка, для которой характерны, с одной стороны, лексико-грамматическая категория рода имени существительного, а с другой – словообразовательное, а не морфологическое, выражение принадлежности лица к определенному полу, заставляет рассматривать существительные типа *больная, рабочая* как самостоятельные лексемы по отноше-

нию к существительным мужского рода *больной, рабочий* и т. п. Эта точка зрения, разделяемая большинством исследователей[36], представляется более убедительной, чем попытки рассматривать соотношения типа *больной – больная* как родоизменяемые существительные, имеющие формы мужского и женского рода. Надо, однако, иметь в виду, что в таких словообразовательных фактах мы наблюдаем «максимальный сдвиг в сторону грамматичности»[37], откуда и абсолютная регулярность подобных соотношений.

В системе именного словообразования существительные типа *больная, рабочая* уже не могут интерпретироваться как субстантиваты, поскольку они непосредственно мотивированы существительными типа *больной, рабочий,* а не соответствующими прилагательными, с которыми они связаны лишь опосредствованно, через промежуточное звено – субстантивированное прилагательное мужского рода со значением лица. Последнее находит подтверждение и в том, что в соотношениях типа *больной – больная* наблюдается общая семантическая закономерность: существительные типа *больной,* как и вообще личные существительные мужского рода, имеют обычно обобщенное значение лица независимо от пола[38], в то время как в соотносительных существительных женского рода маркирован признак лица определенного (женского) пола; это и заставляет признать их синхронически вторичными, содержащими дополнительное значение пола.

Отсюда следует, что существительные женского рода типа *больная, рабочая* должны интерпретироваться как образования с нулевым суффиксом. Словообразовательное соотношение *больной – больная, рабочий – рабочая* – со структурной точки зрения то же, что и соотношение слов *супруг – супруга, раб – раба, Валентин – Валентина, Иванов – Иванова* и т. п.[39]; разница состоит только в системе флексий: существительные женского рода, мотивированные существительными мужского рода прилагательного склонения, принимают систему флексий женского рода также прилагательного склонения.

Надо отметить также, что тип существительных *больная, рабочая* и т. п. не ограничивается образованиями, которые мотивированы субстантиватами мужского рода. К нему относятся и образования, мотивированные личными существительными мужского рода прилагательного склонения, не имеющими мотивирующих омонимичных прилагательных; ср., например, *вожатый – вожатая, лесничий – лесничая, подсудимый – подсудимая, разнорабочий – разнорабочая, главнокомандующий – главнокомандующая,* а также фамилии типа *Ивановский – Ивановская, Красницкий – Красницкая, Ланской – Ланская* и т. п.

Подобные соотношения наблюдаются и в суффиксальных типах существительных того же словообразовательного значения. Можно, например, провести параллель между рассматриваемым типом (*больной – больная, вожатый – вожатая*) и типом существительных женского рода с суфф. *-к(а),* мотивированных личными существительными мужского рода на *-ец* (*комсомолец – комсомолка*). Последние также могут мотивироваться не только существительными мужского рода, в свою очередь словообразовательно мотивированными (ср. *комсомол – комсомолец – комсомолка, «Спартак» – спартаковец – спартаковка, выдвижение – выдвиженец – выдвиженка*), но и немотивированными (*ср. тунеядец – тунеядка, немец – немка, ненец – ненка*). Подобно тому, как образования

с суфф. *-к(а)* типа *комсомолка* словообразовательно мотивируются существительными мужского рода на *-ец* независимо от того, выполняет этот элемент *-ец* словообразовательную функцию, т. е. является ли он суффиксом (*комсомолец – комсомолка*) или нет (*немец – немка*), так и образования с нулевым суффиксом типа *больная* мотивируются личными существительными мужского рода прилагательного склонения независимо от того, выполняет система флексий в этих существительных мужского рода словообразовательную функцию (*больной – больная*) или нет (*вожатый – вожатая*).

2. Тип субстантиватов мужского рода, являющихся названиями животных. Этот тип гораздо менее употребителен (в смысле частоты реализации модели) и продуктивен лишь в сфере собственных имен – кличек домашних животных, например: *Серый, Вороной, Буланый, Гнедой, Верный, Смелый, Белолобый.* Сюда же примыкает несколько нарицательных экспрессивно-табуистических названий диких животных (*косой* «заяц», *косолапый* «медведь», *серый* «волк» и т. п.).

3. Тип субстантиватов женского рода с общим значением помещения, названного по его назначению. Субстантиваты, относящиеся к этому очень продуктивному типу, структурно мотивированы суффиксальными относительными прилагательными (исключения: *холодная, темная* – названия помещений для арестованных), а семантически – мотивирующей основой этих прилагательных (глагольной или субстантивной). В соответствии с их семантической мотивированностью субстантиваты данного типа могут быть разделены на три подтипа:

а) названия помещения по совершаемому в нем действию (в основе – прилагательное, мотивированное отглагольным существительным со значением действия или глаголом): *моечная, сварочная, сортировочная, перевязочная, гримировочная, приемная, операционная, массажная, монтажная; курительная, спальная, караульная, дежурная, проходная* и т. п.; ср. также: На пляжах ... можно рекомендовать, например, летние так называемые *буфеты-«доготовочные»* (Веч. Москва);

б) названия помещения по лицу, для которого оно предназначено (в основе – прилагательное, мотивированное существительным со значением лица): *профессорская, дикторская, диспетчерская, детская, артистическая, прорабская, парикмахерская, плотницкая, покойницкая, слесарная, столярная* и т. п.; ср. также: За стеной помещалась *«пилотская»,* где постоянно ночевали и отдыхали летчики (К. Ваншенкин, Большие пожары);

в) названия помещения по характерному для него предмету, находящемуся или производимому в нем (в основе – суффиксальное прилагательное, мотивированное предметным существительным): *душевая, ламповая, щитовая, компрессорная, ротаторная, табельная, гардеробная, буфетная, ванная, бильярдная.* Значительное место среди слов этого подтипа занимает очень продуктивная и многочисленная лексическая группа названий разновидностей торговых заведений и предприятий общественного питания: *молочная, булочная, закусочная, чайная, пивная, рыбная, пельменная, пирожковая, пончиковая, пышечная, сосисочная, котлетная, блинная, шашлычная, чебуречная, вареничная, хашная* (от названия грузинского национального блюда *хаши*), *бульбяная* (от названия белорусского кушанья *бульба*) и т. д.; ср. новое *рюмочная* «род закусочной, где можно выпить *рюмку* вина».

Некоторые из подобных существительных имеют словообразовательные синонимы среди существительных с суфф. *-ня, -льня, -лка* и др.; ср. *кофейная – кофейня, слесарная – слесарня, красильная – красильня, молельная – молельня, караульная – караульня – караулка, курительная – курилка, дежурная – дежурка* и т. д.; при этом словообразовательные варианты с суфф. *-лк(а)* и *-к(а)* носят стилистически сниженный, разговорный характер. Данный тип субстантиватов – наиболее продуктивный и стилистически нейтральный словообразовательный тип существительных со значением помещения.

4. Тип субстантиватов женского рода с общим значением «официальная бумага, документ», в современном языке непродуктивный. Субстантиваты этого типа мотивированы прилагательными различной структуры, ср.: *накладная, сопроводительная, похоронная,* а также устаревшие *купчая, челобитная, закладная, отпускная, подорожная* и т. п.

5. Тип субстантиватов женского рода, мотивированных порядковыми числительными, с общим значением одной части от целого (в дробях): одна *пятая,* одна *сотая,* три *седьмых;* сюда же примыкает слово *целая* (в десятичных дробях): одна *целая* пять *десятых* и т. п. Продуктивность типа ограничена порядковыми числительными; ср.: Мы в пулях слышим посвисты минут | И дорожим одною *биллионной.* | И эта *биллионная* полна | Таких домашних, комнатных видений... (И. Сельвинский, Письмо).

То же словообразовательное значение выражается нулевой суффиксацией в словах *треть* и *четверть.*

6. Тип субстантиватов среднего рода со значением обобщенной субстанции, характеризующейся наличием признака, обозначенного основой мотивирующего прилагательного: *новое, старое, родное, близкое, заграничное, передовое, прогрессивное;* научные термины *прекрасное, частное, психическое, физиологическое, комическое, трагическое; известное, неизвестное* (в математике); ср. также *первое, второе..., последнее* (при перечислении) и т. д. Образование субстантиватов этого типа структурно и семантически неограниченно: подобное существительное среднего рода с обобщенным значением может быть образовано практически от любого прилагательного. Очень широко используются окказиональные образования этого типа, например: Мы подплывали все ближе..., и *золотого* становилось больше и больше, оно простиралось в глубь леса (Ю. Нагибин, Когда утки в поре); Если читатель примет их за всамделишные стихи..., то может подумать о поэте *нехорошее* (Моск. комсомолец); *Интимное,* тончайшие нюансы личности, переплетается с *социальным, нервно-физиологическое – с нравственным* (Лит. газ.).

Субстантиваты этого типа, имеющие в основе аффиксальное относительное прилагательное, семантически мотивируются как «то, что содержит характерные признаки лица или предмета, выраженного в корне прилагательного», например: Зверски бить человека... не укладывается в рамки разумного, *человеческого* (Известия); Есть в ней [балерине Н. Касаткиной] свое, *касаткинское* (Моск. комс.); Всем им сильно помогло, я думаю, *деповское* (В. Чивилихин, Про Клаву Иванову).

Исключительная продуктивность данного типа субстантиватов объясняется, в частности, тем, что он не имеет синонимичных продуктивных типов среди других способов словообразования существительных (в системе словообразования ему синонимичен только непродуктивный тип существительных с нулевым суффиксом – *добро, зло* и т. п., см. выше)[40].

Некоторые лексические ряды, отделяемые иногда от данного типа (например, существительные, обозначающие отвлеченные понятия со значением времени: *будущее, настоящее, былое, прошлое* и т. п.; со значением цвета: *красное, черное, желтое* и т. п.), на самом деле относятся к этому типу, поскольку специфическая семантика их целиком обусловлена значением мотивирующих прилагательных (в отличие, например, от следующего типа).

7. Продуктивный тип субстантиватов среднего рода с общим значением вида одежды: *черное, серое, красное, штатское, военное* и т. п. Ср.: Он снял чапан, лапти, посконную рубаху и оделся, как принято было в деревне, в *фабричное* (Ф. Гладков, Повесть о детстве); – Образумься!... Простудишься! – встречала его на крыльце закутанная в *теплое* до самых глаз Наумовна (Ф. Малов, В краю Берендеевом); Возле товарных пакгаузов он увидел сидящих... женщин, одетых по-разному, кто в чем – кто в *зимнем,* кто в *летнем* (Д. Нагишкин, Созвездие Стрельца); Но перехитрил и его. Переоделся в *фашистское,* валялось поблизости, ... и иду к тем двоим, будто бы я не я ... Потом выбрался я из этого рва, переоделся опять в *наше, советское,* захватил флаги и быстрее, чем с горы на лыжах, побежал! (Лит. газ.); Дескать, ... и теперь там все, как у нас... и девушки с зелеными веками, и кофты – чистый импорт, ... и носят *сверхузкое,* тянутся, словом, за заграницей, за США (В. Кочетов, Скверное ремесло).

8. Продуктивный тип субстантиватов среднего рода, обозначающих блюда, кушанья, лекарства и мотивированных прилагательными разнообразной структуры: *холодное, жидкое, сладкое, первое, второе, третье, молочное, заливное, мороженое, спиртное, горячительное, рвотное, снотворное, жаропонижающее, слабительное, наружное, внутреннее* и т. д. Ср.: Считалось, что во время кумыса нельзя есть *мучное* и овощи (В. Шкловский, Лев Толстой); Равные грудки каши по тарелкам. Кубики масла. Полстакана компота. *Добавочное* можешь взять из каптерки (В. Панов, По Сухоне и Двине).

9. Продуктивный тип субстантиватов среднего рода, чаще употребляющихся в форме множественного числа, со значением различных единиц классификации (разрядов, семейств и т. д.) растительного и животного мира. Мотивирующие прилагательные принадлежат к различным типам аффиксации, сложения и сращения: ср. *бесхвостые, хоботные, сумчатые, куриные, тресковые, зонтичные, тыквенные, бобовые, цитрусовые, двудольные, парнокопытные, иглокожие, ракообразные, членистоногие, кишечнополостные, яйцекладущие, двоякодышащие* и т. д. Большая часть субстантиватов этого типа – термины естествознания; но ср.: *двуногие* (шутл., о людях), *пернатые* («птицы»), *перелетные* (В какой газете прочтешь про битвы лесных великанов – лосей, про великое переселение *перелетных...?* – В. Бианки, Лесная газета).

10. Среди собственных имен в особый продуктивный тип обособляются субстантиваты среднего рода, являющиеся названиями населенных пунктов негородского типа; ср.: *Новое, Глубокое, Отрадное, Привольное, Изобильное, Лебяжье, Дачное, Ягодное, Рыбное, Пионерское, Планерское* и т. п. Новые многочисленные топонимы этого типа вовсе не являются приложением к слову *село* или к какому-либо другому нарицательному существительному среднего рода, что и составляет их специфику в отличие от других топонимов – субстантивированных прилагательных (см. ниже)[41].

11. Продуктивный тип субстантиватов pluralia tantum, обозначающих виды денег и платежей. Семантическая мотивация их находит выражение в структуре мотивирующего прилагательного; ср.: *суточные, наличные, отпускные, командировочные, подъемные, премиальные, подотчетные, сверхурочные, транспортные, авторские* и т. д.; ср. также: Бухгалтерия, не пикнув, начислила *проездные, суточные, квартирные* (Крокодил, 1964, № 2); У меня много [денег], понимаешь? Получка, *суточные, гостиничные,* целый карман (В. Драгунский, Сегодня и ежедневно); И все же все они, в общем, моряне, хотя бы даже потому, что плюс к зарплате получают так называемые *«морские»* (Огонек, 1964, № 49); Он с ними заодно, *паевые* получал (из устной речи).

12. Всем рассмотренным типам субстантиватов, структурно организуемым принадлежностью к определенной парадигме, единой для каждого типа, противопоставлен еще один – двенадцатый тип, строящийся на принципиально ином правиле выбора парадигмы. Правило это таково: субстантивату, являющемуся синонимом конкретного определительного словосочетания, присваивается родовая парадигма прилагательного, соответствующая тому роду, к которому принадлежит эллиптируемое в словосочетании существительное. Данный тип может быть назван типом «эллиптической субстантивации». Характерной чертой субстантиватов, относящихся ко всем рассмотренным выше типам, является возможность их прямого и непосредственного образования от основы мотивирующего прилагательного, без «оглядки» на какое-либо подразумеваемое определяемое существительное. Для некоторых из этих типов подставить к субстантивату такое определяемое существительное вообще невозможно (типы 6, 7, 10); для других подобная подстановка возможна (хотя и далеко не при всех относящихся к ним образованиях): например, к словам типа 1 иногда

можно подставить существительные *человек,* а также *мастер, рабочий* и т. п.; к некоторым образованиям типа 3 – существительные *комната, мастерская;* типа 4 – *квитанция, ведомость;* типа 5 – *часть, доля;* типа 8 – *кушанье, блюдо, лекарство, средство;* типа 9 – *животные, растения;* к словам типа 11 – слово *деньги,* – но все они употребительны и общепонятны вне такого определяемого существительного. При эллиптической же субстантивации каждому субстантивату обязательно сопутствует определенное синонимичное словосочетание[42]. Обычно такие субстантиваты являются разговорными вариантами соответствующих словосочетаний, носящих более официальный, общепринятый, стилистически нейтральный характер. Субстантиваты этого типа употребляются чаще всего только в определенных узких, специальных сферах общения.

Возможности образования эллиптических субстантиватов практически безграничны. Приведем примеры, указывая в каждом случае в скобках эллиптированное и подразумеваемое существительное: *скорый, почтовый, товарный, пассажирский, ночной* (*поезд*); *тракторный, паровозостроительный* (*завод*); *филологический, исторический* (*факультет*); *русский, английский, французский* (*язык*); *кондитерское, мясное* (*отделение* в магазине); *машинное, котельное* (*отделение* на пароходе); *хирургическое, терапевтическое* (*отделение* в больнице); *цимлянское, сухое, белое* (*вино*); *гражданская, Отечественная* (*война*); *станковый, крупнокалиберный* (*пулемет*); *действительная, сверхсрочная* (*военная служба*); *лабораторная, контрольная* (*работа*); *штрафной, угловой, свободный* (*удар*); *ноябрьские, майские* (*праздники*); *застольная, свадебная* (*песня*); *передовая* (*статья*), *заказное* (*письмо*), *слизистая* (*оболочка*), *сборная* (*команда*), *буровая* (*вышка*), *командировочное* (*удостоверение*), *выходной* (*день*) и т. д. Ср. также: Один [самолет] свалился в лес... Второй – с корреспондентами – сел на *вынужденную* (К. Симонов, Жена приехала); Звонили из Богоявленской, просили подтвердить, какие *попутные* он получил, какие еще нет. *Попутные* – сопроводительные зашифрованные указания от предыдущей комендатуры (А. Солженицын, Случай на станции Кречетовка); Ему легко найти работу: не хватит своей, с радостью подбросят из *механического, комплектовочного* (Ю. Толчинский, Дороже всего); Сейчас здесь, на *стартовой,* решается задача со многими неизвестными (Я. Голованов, Кузнецы грома); Мелодия,

сопровождающая *вольные* Дружининой, называется «Воробей» (Сов. спорт); Планета сгорела – обратилась в *сверхновую* (из устной речи астронома). Употребленные в этих примерах субстантиваты играют роль заменителей синонимичных словосочетаний: *вынужденная посадка, попутные указания, механический (комплектовочный) цех, стартовая площадка, вольные упражнения, сверхновая звезда.*

Особую разновидность эллиптической субстантивации представляют собой собственные имена – названия географических объектов, станций, улиц, сортов растений и др. Такие субстантиваты приобретают парадигму склонения в соответствии с грамматическим родом апеллятива, причем они синонимичны словосочетаниям, в которых субстантивируемое прилагательное может выступать как в функции определения к апеллятиву, так и приложения к нему: ср., с одной стороны – *Пушкинская, Песчаная, Садовая (улица), Октябрьская, Советская (площадь), Кривоколенный, Афанасьевский (переулок), Невский, Университетский (проспект), Кузнецкий (мост), Курский, Павелецкий (вокзал), Большой, Художественный (театр), Рыбинское, Карповское (водохранилище);* с другой стороны – *Лермонтовская, Комсомольская, Спортивная (станция), Вешенская, Кавказская (станица), Мирный, Полярный (поселок), «Внуковский», «Ленинский» (совхоз), «Центральная», «Северная» (гостиница), «Молодежное», «Хрустальное» (кафе), «безостая», «худяковская» (пшеница), «зубовидная» (кукуруза), «корнеевские», «сладкие» (огурцы), «особая», «столичная» (водка), «Решительный», «Безупречный», «Храбрый» (миноносец)* и т. п.

По своему словообразовательному значению тип эллиптической субстантивации ближе всего к типу существительных с суфф. *-к(а)* и мотивирующей основой прилагательного, в большинстве случаев также эквивалентных определенным словосочетаниям; ср., например, такие синонимы: *литейный цех – литейный – литейка, генеральная репетиция – генеральная – генералка, комиссионный магазин – комиссионный – комиссионка, Таганская площадь – Таганская – Таганка, Ленинская библиотека – Ленинская – Ленинка.* В подобных случаях суффиксальные существительные имеют более стилистически сниженный экспрессивный характер по сравнению с синонимичными субстантивированными прилагательными. Ср. также *передовая статья – передовая – передовица.*

Таким образом, субстантивация является одним из средств «семантической конденсации» словосочетания, наряду с суффиксацией[43].

Если какая-либо группа субстантиватов, объединяемая общностью эллиптируемого существительного в синонимичных им словосочетаниях, начинает употребляться преимущественно без этого существительного, которое отступает на задний план и не всегда четко осознается, то такая группа может выделиться в особый тип с выбором парадигмы, не зависящим от рода эллиптируемого существительного. Так, в современном языке тяготеют к подобному обособлению и к выделению в самостоятельные типы группы субстантиватов со значением «период сельскохозяйственных работ» (*уборочная, посевная, прополочная* с первоначально подразумевавшимся словом *кампания*) и со значением «вид сельскохозяйственных растений» (*озимые, яровые, пропашные, колосовые, бахчевые* и т. п. с первоначально подразумевавшимся *культуры*).

Вне словообразовательных типов субстантивированных прилагательных остаются отдельные, лексически обособленные субстантиваты, например: *ночное, целое* («единство»), *данные* («сведения»), *данные* («способности»), *родословная, парадное,* а также некоторые фразеологически связанные образования (ср.: «явиться с *повинной*»), «всыпать *горячих*», «пуститься во все *тяжкие*», «дойти до *последнего*» и др.)[44].

V

Субстантивация причастий требует отдельного рассмотрения, поскольку в этом случае, в отличие от субстантивации прилагательных, выступает другая мотивирующая основа – основа причастия (в остальном же эти явления сходны). Независимо от решения спорного вопроса о грамматическом статусе причастий (как глагольных форм или как самостоятельной части речи), несомненно, что причастие – это особая «гибридная глагольно-прилагательная» категория, обладающая грамматическими значениями глагола (видовыми, временными, залоговыми)[45]. Эти значения обычно передаются и в субстантивированных причастиях, чем объясняется одинаковая возможность субстантивации всех разрядов причастий, различающихся по времени и залогу. Необходимо подчеркнуть, что причастия могут субстантивироваться без стадии предварительной адъективации[46] и независимо от их способ-

ности к адъективации. Такие субстантиваты сохраняют грамматические значения глагола и широко используемую способность глагольного управления; семантически они мотивированы глаголом, т. е. называют предмет по его отношению к действию. Ср., например: И мы вместе с автором репортажа, перевоплотившимся в старшину милиции, понимаем, что *наказывающий* переживает не меньше *наказываемого* (Лит. газ.); сущ. *усыновляемый* и *усыновленный* (юридические термины); сущ. *умирающий* и *умерший* и т. д. Сохранение грамматических значений глагола делает субстантивированные причастия специфической гибридной глагольно-существительной категорией с прилагательной парадигмой склонения; это определяет и их словообразовательное своеобразие.

Субстантивированные причастия образуют два продуктивных словообразовательных типа существительных, по общему значению мотивированного совпдающие с типами 1 и 6 субстантивированных прилагательных.

1. Тип субстантиватов мужского рода со значением лица, характеризующегося отношением к действию. В зависимости от разряда субстантивированного причастия конкретизируется и общее словообразовательное значение отношения лица к действию; с этой точки зрения выделяются такие подтипы:

а) названия лица по действию, производимому им в настоящем или постоянно[47] (в основе – действительное причастие настоящего времени): *управляющий, заведующий, командующий, трудящийся, учащийся, отстающий, ведущий* (концерта), *выпускающий* (издательства), *сопровождающий* (почту), *наблюдающий* (в типографии), *пускающий* (стрелкового стенда), *разводящий, служащий, заряжающий, направляющий, замыкающий, обороняющийся* и т. д.; ср. также: Сделано все возможное для удобства и *прибывающих,* и *встречающих* (Веч. Москва); И в этом «разрешите» *докладывающего...* было достоинство военного человека (Г. Бакланов, Июль 1941 года); *Пишущий* оперу не только слышит, но и видит свой образ (Сов. культ.); Примерный комплекс лечебной гимнастики *выздоравливающего* (Здоровье, 1966, № 1);

б) названия лица по его действию в прошлом (в основе – действительное причастие прошедшего времени): *пострадавший, покушавшийся, провинившийся, бежавший;* ср.: – Товарищи! – сказал, глядя поверх голов, *читавший...* (О. Форш, Горячий цех); *Вошедшие,* не забудьте взять билет (из устной речи); Сегодня очень

много *опоздавших* (из устной речи). В субстантиватах этого подтипа ясно выражено также видовое значение;

в) названия лица, подвергающегося какому-либо действию (в основе – страдательное причастие настоящего времени): *обвиняемый, подозреваемый, укрываемый, преследуемый, эксплуатируемый* и т. д.; ср.: В его портретах... *портретируемый* предстает одновременно во многих ракурсах (Сов. культ.);

г) названия лица, подвергшегося какому-либо действию (в основе – страдательное причастие прошедшего времени): *уполномоченный, осужденный, оправданный, арестованный, подчиненный, демобилизованный, эвакуированный, командированный, пораженный* («раненый»), *убитый* и т. п.

Некоторые из указанных значений могут выражаться также суффиксальными существительными. Так, субстантивированные причастия первого подтипа в словообразовательном отношении синонимичны существительным со значением производителя действия (с суфф. *-тель, -щик* и др.): ср. *усыновляющий – усыновитель, предъявляющий – предъявитель, наблюдающий – наблюдатель, докладывающий – докладчик, опекающий – опекун, инспектирующий – инспектор, работающий – работник* и т. п. (в суффиксальных существительных обычно сильнее оттенок профессионально или постоянно выполняемого действия; однако ср. *докладчик, предъявитель* и т. п. без такого оттенка). Субстантивированные же причастия прошедшего времени и страдательного залога почти не имеют словообразовательных параллелей среди суффиксальных существительных, за исключением малопродуктивного типа существительных с суфф. *-енец* (ср. *выселенный – выселенец, окруженный – окруженец*). Поэтому значение лица, подвергаемого какому-либо действию и противопоставляемого лицу – производителю действия, обычно выражается субстантивированными страдательными причастиями: ср., например, *преследователь* и *преследуемый, эксплуататоры* и *эксплуатируемые, спаситель* и *спасенный* (сущ).

Субстантивированные причастия, таким образом, дают широкую возможность образования существительных со значением лица, имеющего отношение к какому-либо действию, со строгой дифференциацией характера этого отношения (субъект или объект действия – прошлого или настоящего), и тем самым дополняют систему суффиксальных существительных, которые не содержат

такой возможности[48]. В этом основная причина большой продуктивности субстантивированных причастий.

Существительные женского рода прилагательного склонения со значением лица, имеющие основу причастия и мотивированные субстантиватами мужского рода, относящимися к рассмотренному типу (*заведующая, служащая, ведущая, пишущая, опоздавшая, обвиняемая, осужденная, демобилизованная* и т. д.), принадлежат к тому же типу нулевой аффиксации, что и существительные *больная, рабочая* и т. п. (см. выше, с. 118–120).

2. Тип субстантиватов среднего рода со значением обобщенной субстанции, характеризующейся отношением к действию, обозначенному основой мотивирующего причастия. В зависимости от разряда причастия характер этого отношения модифицируется так же, как и в предыдущем типе. Ср.: *происходящее, предстоящее, уходящее, отживающее, растущее, нарождающееся; происшедшее, случившееся, отжившее, минувшее; ожидаемое, обсуждаемое; сказанное, услышанное, заданное, пройденное,* ср. также: Он берет карандаш и делает выписки из *высмотренного* (Л. Лиходеев, Клешня. – Юность, 1964, № 1). Сюда же относятся научные термины *слагаемое, вычитаемое, уменьшаемое, делимое, подчиненное, производящее, мотивирующее* и т. п.

Слова этого типа, мотивированные действительными причастиями настоящего времени, имеют значение обобщенного действователя. Интересно отметить, что подобное значение может выражаться также существительными с суфф. *-тель, -тор* и др.; это видно в контекстах типа «в качестве *ускорителя* (*замедлителя, регулятора, стимулятора* и т. п.) процесса может быть использовано...» (с дальнейшей конкретизацией)[49]. Ср. также параллелизм суффиксальных существительных и субстантивированных причастий в соотносительных математических терминах *множимое* и *множитель, делимое* и *делитель.*

Вне указанных двух типов могут субстантивироваться только отдельные причастия с адъективным значением постоянно производящегося действия, понмаемого как свойство[50]. Такие субстантиваты относятся по своему словообразовательному значению к определенным типам субстантивированных прилагательных, например: *входящая, исходящая* – к типу 4, *успокаивающее, возбуждающее – к* типу 8, *пресмыкающиеся* – к типу 9, *секущая* (линия), *«Стерегущий»* (название миноносца) – к типу эллиптической

субстантивации. Отнесенность таких причастий к типам субстантивированных прилагательных потому и возможна, что эти причастия, имея адъективное значение, лишены специфических глагольных значений. Между тем именно эти глагольные значения (временные, залоговые) составляют своеобразие субстантивированных причастий как особой грамматической и словообразовательной категории, а сохранение этих значений возможно лишь в рамках двух рассмотренных словообразовательных типов субстантивированных причастий.

* * *

Заканчивая рассмотрение типов субстантивированных прилагательных и причастий, необходимо еще раз подчеркнуть, что субстантивация понимается нами с синхронической точки зрения как мотивация существительных прилагательного склонения омонимичными прилагательными или причастиями, независимо от истории возникновения этих существительных. Такой взгляд на субстантивацию позволяет признать ее в словообразовательной системе единым способом именного словообразования, функционально тождественным суффиксации (ступень субстантивации в синхронически понимаемом словообразовательном процессе равнозначна ступени суффиксации).

При описании конкретных типов субстантивированных прилагательных и причастий была показана их синонимичность некоторым конкретным типам суффиксации существительных. Выражаемые субстантиватами значения предмета, названного по его характерному признаку, по его отношению к другому предмету или действию, выражаются в словообразовательной системе существительного также (и преимущественно) суффиксацией (разумеется, это не исключает многих черт своеобразия разных типов субстантиватов, которые здесь также рассматривались). Взаимодействие этих способов словообразования заключается не только в том, что большая словообразовательная активность и продуктивность суффиксальных существительных ограничивает возможности субстантивации[51], но и в сокращении продуктивности некоторых звеньев суффиксальной системы за счет развития синонимичных типов субстантиватов; ср., напр., слабую в целом продуктивность суффиксальных существительных со значением места или суффиксальных существительных со значением лица, мотивированных качественными прилагательными[52].

Многообразные проявления функционального единства субстантивации и суффиксации не ограничиваются теми фактами, которые отражены в системе современного русского литературного языка и на которые здесь обращалось внимание. Подобные факты могли бы быть прослежены и в сопоставительно-типологическом плане с привлечением исторических и диалектных данных, а также данных других славянских языков.

Так, с помощью субстантивации может выражаться словообразовательная категория лица женского пола, семантически мотивированного личным существительным мужского рода (ср. субстантивированные притяжательные прилагательные женского рода со значением жены лица, названного в корне прилагательного, например: диал. *брáтова* «жена брата»; *дя́дина* «жена дяди», укр. *дя́дина, братовá, чешск.* doktorová, učitelová «жена доктора, учителя»), а также категория действия по глаголу (ср. в чешском языке субстантивированные страдательные причастия прошедшего времени женского рода, близкие именам со значением отвлеченного действия: podívaná «зрелище», ср. podívati se «посмотреть»; dovolená «отпуск», букв. «разрешение», ср. dovoliti «разрешить»; odbíjená «волейбол», букв. «отбивание», ср. odbíjeti «отбивать», а также na shledanou «до свидания», ср. shledati se «свидеться, встретиться» и т. д.)[53].

Такие сопоставления еще шире демонстрируют возможности субстантивации как способа словообразования.

Примечания

[1] Употребляем этот термин, ввиду его краткости, вместо термина «субстантивированное прилагательное (причастие)». Он удобен также как общий, родовой термин по отношению к «субстантивированному прилагательному» и «субстантивированному причастию».

[2] О переходе прилагательных в существительные можно говорить лишь применительно к тем словам, которые утратили в процессе исторического употребления соотносительные омонимичные прилагательные (*портной, горничная* и т. п.).

[3] См.: *Leška O.* K substantivací adjektiv // Bulletin Ústavu ruského jazyka a literatury. IX. Praha, 1965. С. 15–16.

[4] См. об этом: *Каратаева Э. И.* [*Рец.*] Грамматика русского языка. М., Изд-во АН СССР, 1952 // Вопр. языкознания. 1953, № 1. С. 111; *Смольянинова М. И.* К вопросу о субстантивации в современном русском языке // Уч. зап. Калужского пед. ин-та. Вып. 10, 1961. С. 49.

[5] Имеется в виду своеобразная омонимия, при которой парадигма одного слова (существительного) является частью парадигмы другого (прилагательного). Такая разновидность омонимии названа А. И. Смирницким «частичной лексико-грамматической омонимией» («Лексикология английского языка». М., 1956. С. 166–167). В этом смысле и употребляются термины «омонимия», «омонимичность» в настоящей работе.

[6] На особую словообразовательную функцию флексий в субстантивированных прилагательных указывает В. В. Виноградов: «Окончания прилагательных, попадая в категорию предметности, там функционально преобразуются. Они становятся окончаниями-суффиксами существительного, переставая быть знаками качества» (См.: *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. – Л., 1947. С. 189).

[7] См.: *Лопатин В. В.* Нулевая аффиксация в системе русского словообразования // Вопр. языкознания. 1966, № 1. Статья перепечатана: с. 76–94 данного издания.

[8] В языках с более слабым флективным строем (например, английском, французском) нет такого четкого противопоставления субстантивации другим видам словообразования без выраженного аффикса. В этих языках субстантивация разных частей речи является лишь разновидностью того явления, которое обозначается в работах разных исследователей терминами «нулевая аффиксация», «конверсия» или «несобственная деривация». См.: *Степанова М. Д.* Словообразование современного немецкого языка. М., 1953. С. 100–101; *Винокурова Л. П.* О субстантивации в английском языке // Уч. зап. ЛГУ. № 253, 1959. С. 21; *Корлэтяну Н. Г.* Конверсия в современном молдавском языке // Вопр. языкознания. 1956, № 3. С. 86–87. – В работах чешских ученых субстантивация рассматривается как разновидность широко понимаемой конверсии (см.: *Tlustá E.* K substantivací adjektiv v češtině, zvlaště v starším období spisovného jazyka // Slovo a slovesnost, 1957, № 3. С. 158; *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. I. Praha. 1962. С. 63, 65).

[9] Этот факт отметил Л. Б. Перльмуттер в связи со словом *бутербродная,* появившимся в Москве в 1936 г. (см.: *Перльмуттер Л. Б.* Переход прилагательных в существительные // Русский язык в школе. 1948, № 1. С. 13).

[10] См.: *Марков В. М.* К вопросу о субстантивации имен прилагательных в русском языке // Уч. зап. Казанского ун-та. Т. 117, кн. 2, 1957. С. 117–118; *Галкина-Федорук Е. М., Горшкова К. В., Шанский Н. М.* Современный русский язык. М., 1957. С. 281; *Голубева Н. П.* Изменения лексико-грамматических признаков прилагательных, связанные с субстантивацией. Автореферат канд. дисс. Киев, 1963. С. 6. – Взгляд на субстантивацию прилагательных и причастий как на постепенный, диахронический процесс восходит в русской науке к А. М. Пешковскому (см.: *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 135).

[11] *Марков В. М.* К вопросу о субстантивации имен прилагательных в русском языке (II) // Сб. памяти В. А. Богородицкого. Казань, 1961. С. 95. – Л. И. Ройзен-

зон называет образование субстантиватов по модели «ложной субстантивацией» (*Ройзензон Л. И.* К типологии субстантивированных прилагательных и причастий в русском языке // Труды Самаркандского ун-та. Вып. 118, 1962. С. 123). Только как постепенный процесс рассматривает субстантивацию прилагательных и причастий В. Н. Мигирин (см.: *Мигирин В. Н.* Трансформациология языка // Изв. Крымского пед. ин-та. Т. 23. Симферополь, 1957. С. 311).

[12] В этом смысле представляется конструктивным уже то определение субстантивации, которое дано в академической грамматике (для нас существенна вторая часть определения): «Переход прилагательных в существительные, а также употребление прилагательных в значении существительных обозначаются термином субстантивация» (Грамматика русского языка. Т. I. М., Изд-во АН СССР, 1952. С. 25), хотя словообразовательная сторона в этом определении не акцентируется.

[13] Известно, что при некоторых субстантиватах эллиптированного определяемого существительного никогда не было и его подстановка невозможна (ср. абстрактные существительные среднего рода типа *новое, родное*). В других случаях, несмотря на возможность подстановки какого-либо определяемого соответствующим прилагательным существительного, нет никаких оснований утверждать, что такие субстантиваты возникли именно путем эллипсиса этого существительного. Так, еще А. А. Потебня указывал, что в образованиях с обобщенным значением лица типа *родной, больной* никакого опущения определяемого не было и сами по себе подобные образования не требуют определяемых слов – таких как *человек* и т. п. (см.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. III. Харьков, 1899. С. 54–55).

[14] В некоторых работах это явление называется «полной субстантивацией» и противопоставляется «неполной» или «частичной» субстантивации, при которой субстантиваты имеют омонимы среди имен прилагательных (см.: *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Ч. I. Братислава, 1954. С. 303; *Ващенко В. С.* Явища переходу в системі частин мови // Укр. мова в школі. 1953, № 6. С. 18–19; *Jodłowski S.* Substantywizacja przymiotników w języku polskim. Wrocław, 1964. С. 26–27). Это противопоставление существенно лишь при понимании субстантивации как диахронического процесса.

[15] Остатки именного склонения прилагательных сохранились только в виде форм отдельных падежей (а не целой парадигмы!) притяжательных прилагательных с суфф. *-ов-* и *-ин-*.

[16] Пример цит. по ст.: *Скороглядова О. В.* Переходность частей речи в русском языке // Русский язык в нерусской школе. Баку, 1952, № 7. С. 19.

[17] Как показывают этот и некоторые другие примеры, образование подобных существительных может происходить вследствие своеобразной этимологизации наречий (ср. *дотемна, издалеча, направо* и т. п.).

[18] Иначе рассматривает подобные образования О. В. Скороглядова (указ. соч., с. 19), видящая в них «субстантивированные наречия»: ср. «наше *завтра*» и т. п.

Однако наречия в субстантивированном употреблении не изменяются по падежам. Склоняемость существительных рассматриваемого типа говорит в пользу нашей точки зрения.

[19] См. об этом подробнее: *Земская Е. А.* Заметки по современному русскому словообразованию // Вопр. языкознания. 1965, № 3.

[20] При этом могут выступать различные алломорфы соответствующих суффиксальных морфем прилагательных; ср., например, сущ. *штурвальный* и *вахтенный, диспетчерская* и *плотницкая.*

[21] Например, несущественно, что существительные со значением лица *слепой, деревенский* менее употребительны, а существительные *участковый, звеньевой,* наоборот, более употребительны, чем омонимичные прилагательные, и, следовательно, словоформы *слепой, деревенский* воспринимаются прежде всего как прилагательные, а словоформы *участковый, звеньевой* – как существительные. Принципиально важен сам факт наличия в системе языка соответствующих прилагательных.

[22] См.: *Смирницкий А. И.* Лексикология английского языка, с. 17–18.

[23] Например, по мнению Л. Г. Свердлова (см. *Свердлов Л. Г.* Заметки по русскому словообразованию // Русский язык в школе. 1964, № 4. С. 11), можно говорить об омонимичных суфф. *-н-, -ов-* прилагательных и существительных типа *блинная, пирожковая.* См. также: *Ковалик І. І.* Вчення про словотвір. Львів, 1958. С. 29; *Гринчишин Д. Г.* Явище субстантивації в українській мові. Київ, 1965. С. 27; *Jodłowski S.* Указ. соч., с. 23, 141–142.

[24] Существительные на *-ово́й* приводятся по «Систематическому словарю занятий» (М., 1959), прилагательные – по семнадцатитомному «Словарю современного русского литературного языка» (М.–Л., Изд-во АН СССР, 1950–1965). Вне технической терминологии можно указать только одно подобное существительное – *домовой* (ср. прилагательное *домо́вый*).

[25] См.: *Unbegaun B. O.* Creation d'une catégorie grammaticale: L'adjectif substantivé russe en -ovój // Recueil linguistique de Bratislava. I. 1948. C. 169–171.

[26] Показательны и такие подсчеты: в «Систематическом словаре занятий» отмечено 45 существительных на *-ово́й* и только одно на *-овый* (*конусовый*); из существительных на *-ово́й* 16 имеют омонимичные прилагательные, в 8 случаях ударение соответствующих прилагательных колеблется, допуская вариант *-ово́й,* и в 13 случаях соответствующее прилагательное имеет суфф. *-н-* или суфф. *-ов-* с ударением на корне или суффиксе; в 8 случаях соответствующее относительное прилагательное в словарях не зафиксировано.

[27] См.: *Земская Е. А.* О некоторых факторах развития словообразовательной системы современного русского языка // Проблемы современной филологии. М., 1965.

[28] В прилагательных с односложными корнями и с полногласием в корне ударение тяготеет к флексии независимо от характера ударения мотивирующего (ср. образования, мотивированные существительными с неподвижным ударе-

нием на корне: *шлюзовой, восковой, горловой, цикловой, цифровой, долевой, звуковой, клиновой, целевой, колосовой* и т. п.). Совершенно чужды системе словообразования прилагательных с акцентологической точки зрения только существительные на *-ово́й*, мотивированные существительными с неодносложной основой и неподвижным ударением на корне (ср. *вентилевой, термосовой, бремсберговой, миксеровой*).

[29] В польской лингвистике также ставится вопрос об обособлении суффикса существительных *-owy* в технической терминологии (см.: *Moszyńska O.* Formant *-owy* w nazwach zawodowych typu *gajowy, motorowy* // Język polski. 1960, № 2. С. 122–127; *Szymczak M.* Uwagi słowotwórczo-semantyczne o polskim współczesnym słownictwie fonetycznym // Poradnik językowy. 1961, № 6. С. 277–278). Исключительная (значительно большая, чем в русском языке) продуктивность этого суффикса, присоединяющегося к основам существительных, в польской терминологии объясняется отсутствием в польском языке других продуктивных суффиксальных типов существительных, выполняющих ту же словообразовательную функцию (ср., например, русские типы с суфф. *-ник, -щик*).

[30] См.: *Барзилович А. М.* Субстантивация прилагательных в русском языке. Автореферат канд. дисс. Киев, 1952. С. 13; *Немировский М. Я.* К вопросу о так называемой субстантивации // Вопросы славянского языкознания. Кн. 3. Львов, 1953. С. 64–66; *Кретова В. Н.* Переход причастий в другие части речи // Русский язык в школе. 1955, № 4. С. 10; *Гринчишин Д. Г.* Указ. соч., с. 34.

[31] См.: *Сиротина А. А.* Субстантивация прилагательных и причастий и вопросы омонимии в современном немецком языке // Изв. Воронежского пед. ин-та. Т. 27, 1959. С. 153.

[32] Поэтому в данной статье в качестве иллюстративного материала при описании конкретных словообразовательных типов субстантивированных прилагательных и причастий приводятся как общеупотребительные, словарные субстантиваты, так и окказиональные, причем последние всегда даются в контексте.

[33] См., например: *Барзилович А. М.* Указ. соч., с. 4, 6–7.

[34] Подобное «признаковое» значение сильно и в некоторых суффиксальных существительных, мотивированных прилагательными (ср. *слепец, смельчак, озорник* и т. п.), что отмечалось исследователями (ср., например: *Миртов Л. В.* Родоизменяемые существительные (substantiva adjectiva) // Русский язык в школе. 1946, № 1). Ср. также: «Образования этого типа (существительные типа *больной. – В. Л.*) мы относим... к именам существительным в полном смысле этого слова и с точки зрения словопроизводства не видим принципиального различия между словами *бедный* и *бедняк, бородатый* и *бородач*» (*Марков В. М.* Указ. соч. (II), с. 104) и аргументацию принадлежности слов типа *доброе, новое* к существительным в работах Н. П. Корженевской (Голубевой) (см.: *Корженевская Н. П.* Особенности субстантивированных прилагательных среднего рода в современном русском языке // Наук. зап. Дрогобіцьк. пед. ін-ту. Вып. 4, 1959. С. 149–150).

[35] Существительные прилагательного склонения со значением лица женского пола относительно более употребительны, чем функционально тождественные им суффиксальные существительные, так как случаи употребления соотносительных с ними субстантивированных прилагательных и причастий мужского рода в отношении женщины в русском языке чрезвычайно редки: ср. случаи типа «санитарный *уполномоченный* Иванова», «она крупный *ученый*» (см.: *Протченко И. Ф.* О субстантивированных прилагательных и причастиях со значением лица // Русский язык в школе. 1958, № 4. С. 10).

[36] См.: *Смирницкий А. И.* Лексическое и грамматическое в слове // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 28; *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка.., с. 307; Современный русский язык. Ч. II. М., 1964. С. 90; *Марков В. М.* Указ. соч. (II), с. 108–109; *Палевская М. Ф.* Синонимия как средство лексикализации отдельных грамматических форм и перехода слов из одной части речи в другую // Русский язык в школе. 1960, № 3. С. 17.

[37] *Смирницкий А. И.* Лексическое и грамматическое в слове, с. 28.

[38] Ср.: *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 62.

[39] О соотношениях типа *супруг – супруга* см.: *Лопатин В. В.* Нулевая аффиксация в системе русского словообразования, с. 81. Сходство этих соотношений с соотношениями типа *больной – больная* состоит также в том, что в обоих случаях принадлежность лица к полу во множественном числе не маркирована (ср. *супруги, больные*), в отличие от соотношений *лентяй – лентяйка, комсомолец – комсомолка* и т. п.

[40] С точки зрения типологии словообразовательных значений данный тип имеет значение «носителя признака» (рассматриваемого в данном случае обобщенно), а не значение «отвлеченного признака» (ср. существительные с суфф. *-ость* и т. п.). Так, *новое* (сущ.) – это «то, что является новым», а не «то же, что *новизна*» (отвлеченный признак).

[41] Показателен протест К. Г. Паустовского: «Коктебель в Крыму <...> переименован в Планерское. Прежде всего это неграмотно. Если исходить от слова «планер», то нужно говорить «планерное», а не «планерское» (это верно. – *В. Л.*). И что за окончание – планерск-о-е? К чему оно относится, это прилагательное «планерское», повисшее без существительного? Это, очевидно, тайна даже для тех, кто так казенно назвал это удивительное <...> место» (Книга скитаний // Новый мир. 1963, № 11. С. 82).

[42] Ср., например, *кондитерское, литейный,* принадлежащие к эллиптической субстантивации (опущены соответственно существительные *отделение* и *цех*), и *кондитерская, литейная* – субстантиваты типа 3 со словообразовательным значением «помещение».

[43] См.: *Исаченко А. В.* К вопросу о структурной типологии словарного состава славянских литературных языков // Slavia. 1958, № 3. С. 342; *Янко-Триницкая Н. А.* Процессы включения в лексике и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 27–32.

[44] См.: *Ройзензон Л. И.* Русские фразеологизмы и субстантивированные прилагательные // Труды Самаркандского гос. ун-та. Вып. 118. 1962.

[45] См.: *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 272.

[46] См.: *Лукин М. Ф.* Переход причастий в прилагательные и существительные в современном русском литературном языке. Автореферат канд. дисс. Киев, 1965. С. 12–13. – Некоторые адъективные значения (значения отношения к действию, понимаемого как свойство предмета) иногда отражаются в субстантивированных причастиях, но лишь постольку, поскольку эти значения могут появляться у отдельных разрядов причастий.

[47] Значение постоянного, вневременного действия – одно из значений настоящего времени глагола («расширенное» настоящее).

[48] См.: *Подгаецкая И. М.* Субстантивированные прилагательные и причастия в специальной сфере // Уч. зап. Южно-Сахалинского пед. ин-та. Т. I, 1957. С. 308; *Смольянинова М. И.* Указ. соч., с. 68.

[49] Ср., например, в научном стиле: Корни – *определители, конкретизаторы,* указывающие на то, чем именно занимается действующее лицо (*Троицкий В. Н.* Основные принципы словообразования); Когда в составе основы имеется аффикс, в качестве *модификатора* значения выступает именно этот аффикс (*Левковская К. А.* Теория слова...).

[50] Об адъективных значениях причастий см. подробнее: *Лопатин В. В.* Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // Вопр. языкознания. 1966, № 5. Статья перепечатана: с. 139–155 данного издания.

[51] См. об этом: *Подгаецкая И. М.* Переход прилагательных и причастий в существительные в истории русского литературного языка (XVIII–XX вв.). Автореферат канд. дисс. М., 1950. С. 9.

[52] О взаимодействии субстантивации с суффиксацией в системе языка см. также: *Захарович Е. А.* Суффиксация и субстантивация при образовании наименований лица в болгарском языке // Очерки по словообразованию и словоупотреблению. Л., 1965.

[53] См.: *Травничек Ф.* Грамматика чешского литературного языка. Ч. I. М., 1950. С. 206. – Ср. также факты истории русского языка, говорящие о функциональной близости субстантиватов и суффиксальных существительных (см.: *Марков В. М.* Указ. соч. (II), с. 105–108).

Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию

[Вопросы языкознания. 1966, № 5]

I. Проблема адъективации причастий в русском языке, или «перехода причастий в прилагательные», освещалась неоднократно, но преимущественно в диахронно-историческом плане. Это явление рассматривается обычно как постепенное накопление у причастий адъективных значений – значений постоянного, статичного признака и ослабление грамматических черт глагольности (значений времени, вида, залога), приводящее в большей или меньшей степени к отрыву такого причастия от системы форм глагола.

Обычно исследователи очень осторожно подходят к вопросу о возможностях возникновения нового слова на почве адъективации, о лексическом отрыве адъективированного причастия от соответствующего причастия и от системы форм глагола. В. В. Виноградов указывает, например, что при адъективации причастий «полный распад формы на омонимы осуществляется не часто»[1]. Существует, однако, и другая точка зрения, согласно которой адъективированные причастия представляют собой «лексико-грамматические омонимы» к причастиям и, следовательно, адъективация является одним из способов словообразования без использования специальных словообразовательных элементов[2].

В какой же мере можно говорить применительно к адъективации о словообразовании? Можно ли рассматривать адъективацию как особый способ словообразования прилагательных с синхронной точки зрения при описании словообразовательной системы языка, понимаемой как совокупность словообразовательных типов[3]?

Необходимо иметь в виду, что, в отличие от других явлений «переходности» между частями речи (субстантивации прилагательных и причастий, адвербиализации различных форм), при адъективации не происходит формального изменения слова – остаются неизменными парадигма склонения и синтаксические функции слова, поскольку как парадигма, так и синтаксические функции

причастия и прилагательного одинаковы[4]. Меняется лишь (в наиболее ярких случаях) грамматическая семантика, причастие теряет грамматические значения глагола.

II. Естественно, что при синхроническом подходе к адъективированным причастиям могут рассматриваться как адъективированные только такие образования, которые одновременно употребляются в системе языка и как «полноценные» причастия и, следовательно, словообразовательно мотивированы причастием. Только в этих случаях можно говорить о живых словообразовательных связях подобных адъективированных образований с причастиями.

С этой точки зрения, во-первых, не могут считаться адъективированными такие типы образований, которые являются причастными лишь генетически, а в современном языке обособлены от системы причастий как семантически – способностью выражать только адъективное значение статичного признака, так и формально – суффиксами, чуждыми современным причастиям. К ним относятся типы отглагольных прилагательных с суффиксами *-уч-/-ач-* (*летучий, сыпучий, лежачий, ходячий*) и *-л-*(*заглохлый, облезлый, линялый, полинялый*).

Во-вторых, при синхроническом анализе должны быть отделены от системы причастий такие типы образований, которые внешне (формально) совпадают с причастиями, но в силу определенных грамматических признаков – прежде всего в силу несоответствия их значения некоторым грамматическим значениям глаголов, с которыми они соотносительны, – неспособны употребляться как причастия и потому являются в системе языка прилагательными. Причастные суффиксы являются в этих типах уже суффиксами прилагательных, только омонимичными суффиксам причастий. Об адъективации применительно к ним можно говорить лишь в историческом аспекте.

Сюда относятся следующие факты.

1. Образования с суффиксом страдательных причастий прошедшего времени *-н-/-ен-/-т-* [5] и результативным значением от глаголов несовершенного вида. В литературе часто указывается, что причастные образования типа *вареный, сушеный, долбленый, золоченый, мороженый, краденый, рваный, крытый, колотый* и т. п. являются в сущности прилагательными и употребляются преимущественно как прилагательные. Основная причина этого заключается, на наш взгляд, в грамматических свойствах таких «при-

частных» образований, а именно, в несоответствии их значения видовому значению структурно мотивирующих глаголов: значению незавершенного действия в глаголах *(варить, рвать, крыть* и т. п.) противопоставлено перфектное, результативное значение в причастных образованиях [6]. Слова *вареный, мороженый, балованный, рваный, крытый* и т. п. близки по значению к причастиям от соответствующих глаголов совершенного вида – *сваренный, замороженный, избалованный, порванный, покрытый;* в семантике обоих рядов образований преобладает результативность[7]. Уже это свойство позволяет считать подобные образования не причастиями, а отглагольными прилагательными, поскольку для причастий характерно сохранение грамматических значений глагола (ср. действительные причастия прошедшего времени, всегда сохраняющие видовое значение своего глагола: *писавший* и *написавший, варивший* и *сваривший* и т. п.)[8].

Думается, что подобные отглагольные прилагательные не могут рассматриваться как причастия и при наличии пояснительных слов – например, обстоятельственных сочетаний *(жаренный на масле, печенный в золе картофель*) или творительного косвенного объекта *(крытый железом сарай, шитый золотом кафтан, груженный углем вагон*)[9]. Такие факты свидетельствуют лишь о сохранении некоторых особенностей глагольного управления у отглагольных прилагательных (ср. также хотя бы словосочетания с отглагольными прилагательными на *-лый: оробелый с испугу, закоптелый в пороховом дыму* и т. п.[10]). Обычно наиболее сильно проявляется глагольность в семантике страдательных причастий, употребленных с творительным субъекта действия; однако подобные сочетания с отглагольными прилагательными типа *вареный* в современном языке не употребляются.

2. Образования от переходных глаголов с суффиксом страдательных причастий настоящего времени *-ем-/-им-* и значением способности (неспособности) подвергаться действию, обозначенному основой глагола. Относящиеся к этому типу образования от глаголов совершенного вида *(ощутимый, применимый, устранимый, неуловимый, непоправимый* и т. п.) являются прилагательными уже потому, что причастия настоящего времени от таких глаголов, в силу их грамматической семантики, вообще не образуются. Но возникает вопрос о принадлежности к прилагательным относящихся к этому типу образований от глаголов несовершенного

вида, от которых страдательные причастия настоящего времени возможны *(несгибаемый, незабываемый, невыносимый, непереводимый, непроходимый, непробиваемый, неузнаваемый,* ср. *неделимый фонд, ткани с несминаемой отделкой* и т. п.[11]). Этот вопрос, как и в предыдущем случае, решается при обращении к видовому значению таких образований. Прилагательные этого типа, образованные от глаголов несовершенного вида, обычно отражают грамматическое значение совершенного вида: например, *несгибаемый* – это «такой, который нельзя согнуть», *незабываемый* – «такой, который нельзя забыть» и т. д.[12]. Общее словообразовательное значение прилагательных этого типа не зависит от видового значения мотивирующих глаголов.

Вообще, несоответствие видового значения глагола и отглагольного образования – это признак, свойственный образованию прилагательных, а не причастий: ср. еще результативное значение прилагательных с суффиксом *-л-* от глаголов несовершенного вида *(тухлый, лежалый, линялый),* а также значение длительного, постоянного действия у прилагательных с суффиксом *-тельн-* от глаголов совершенного вида *(описательный, употребительный, освежительный* и т. п.).

3. Отглагольные образования с суффиксом страдательных причастий *-ем-/-им,* лишенные грамматического значения страдательности и обычно синонимичные действительным причастиям настоящего времени от соответствующих глаголов. К ним относятся в основном образования от непереходных глаголов, от которых страдательные причастия вообще невозможны (прилагательные типа *неиссякаемый, несгораемый, неувядаемый, несмолкаемый, зависимый,* ср. синонимичные действительные причастия – *неиссякающий, зависящий* и т. д.), и от некоторых переходных и косвенно-переходных глаголов: ср. *значимый* – то же, что и *значащий, угрожаемый* – то же, что и *угрожающий.*

Помимо рассмотренных случаев вне системы причастий в современном языке находятся также довольно многочисленные изолированные образования, лишенные словообразовательной связи с глаголами, от которых они исторически образованы (чаще всего из-за исчезновения из языка самих этих глаголов): ср. *предыдущий, неимущий, вопиющий, сведущий; невменяемый, одержимый, ископаемый, окаянный, прирожденный, врожденный, расхлябанный, изможденный, излюбленный, напыщенный, сокровен-*

ный; вылитый («очень похожий»), *предвзятый* и т. д. В отдельных случаях образования, являющиеся по форме страдательными причастиями, соотносительны в современном языке только с глаголами на *-ся* и, следовательно, не могут рассматриваться как закономерные причастия, например: *условленный, растерянный, помешанный, пресыщенный* (ср. *условиться, растеряться, помешаться, пресытиться*). Некоторые из подобных образований соотносительны только с существительными на *-ние,* например: *образованный* (о человеке), *исступленный, изнеможенный, ухищренный* (ср. *образование, исступление, изнеможение, ухищрение*)[13].

Не имеют соотносительных глаголов и многочисленные, принадлежащие к продуктивным словообразовательным типам, сложения и сращения с опорным причастием: *металлорежущий, почвообрабатывающий, свеженачищенный, дорогостоящий, вышеуказанный, долгожданный, густонаселенный* и т. п.

Все указанные группы слов могут рассматриваться с синхронически-словообразовательной точки зрения только как прилагательные.

III. Рассмотренные выше явления, лишь по форме подобные причастиям, но в сущности относящиеся к образованию прилагательных (суффиксации и сложению), следует отличать от закономерно проявляющейся у определенных разрядов причастий способности выражать адъективные значения – значения статичного признака. С этой точки зрения могут быть указаны определенные типы (модели) адъективных значений, возникающих у различных разрядов причастий в зависимости от их грамматических свойств. Эти типы кратко рассматриваются ниже.

1. Действительные причастия настоящего времени (суффикс *-ущ-/-ащ-*) могут приобретать адъективное значение «производящий какое-либо действие», обычно с оттенком «способный производить действие» или «служащий, предназначенный для выполнения действия». Развитие у данного разряда причастий этого адъективного значения обусловлено способностью причастий настоящего времени выражать грамматическое значение «расширенного» настоящего, а отсюда – значение вневременного действия, понимаемого как свойство. Это адъективное значение приобретается причастиями от непереходных глаголов, а также переходных – при устранении переходного значения, достигаемом употреблением причастия без прямого дополнения (обычно и без других под-

чиненных слов)[14]. Ср., например, с оттенком «способный производить действие»: *мыслящее существо* (о человеке), *вращающиеся печи, плавающий автомобиль, светящиеся авиабомбы, хрустящие хлебцы, летающая лисица* и т. п. С оттенком «служащий, предназначенный для выполнения действия»: *руководящие органы, торгующие организации, пишущая машинка, страхующая веревка, разыгрывающий игрок* и т. п. Такие причастия, особенно со вторым оттенком значения, широко употребительные в составе устойчивых номинаций, очень продуктивны в технической терминологии, например: *режущий инструмент, подсушивающая машина, бетонирующий комбайн, несущие конструкции, винты, передающая камера, обеспыливающая установка, перекрывающее устройство, следящая система, шагающий экскаватор, моющие средства, красящие вещества, записывающая аппаратура;* ср. также военные термины: *поддерживающая артиллерия, отравляющие вещества, дегазирующий раствор, изолирующая одежда* и т. д.

Причастия данного типа употребительны и в качественном значении, обычно с оттенком «способный производить действие», например: *волнующее событие, впечатление, потрясающий успех, отталкивающий вид, угрожающее положение, думающий, знающий человек* и т. п. Качественное значение подобных причастий особенно часто носит окказиональный характер, например: «Справедливо говорят о *гипнотизирующей, обвораживающей* силе музыки Вагнера. Ни один композитор до Вагнера не обрушивался на восприятие слушателя... такими *пронзающими* мелодиями» (А. В. Луначарский, Путь Рихарда Вагнера); «Она ощущала за россказнями постояльца *тревожащий* и *влекущий* соблазн неведомой ей жизни» (Ю. Нагибин, На тихом озере); «Тайга – с безмерными вещами, с добром, чей мед всегда *горчащ»* (Р. Казакова, Тайга строга...); «Этот рост особенно *впечатляющ»* (Известия); «В стране, самой *читающей»* (Сов. культ., заголовок); «И это самое трудное, самое *обязывающее* и самое почетное рабочее место – жизнь» (Веч. Москва).

Действительные причастия настоящего времени с адъективным значением и приставкой *не-* имеют обычно оттенок значения «неспособный производить действие»: *нержавеющая сталь, небьющаяся посуда, неувядающий талант, неиссякающий интерес;* ср.: «чужой, строгий, *неузнающий* взгляд» (В. Чивилихин, Про Клаву Иванову) и т. п.

По своей семантической функции данный тип причастий с адъективным значением синонимичен некоторым суффиксальным типам прилагательных, мотивированных глаголами (реже – отглагольными существительными со значением действия), – прилагательным с суффиксами *-тельн-, -льн-,* отчасти *-н-* и *-уч-/-ач-*. Ср., например: *перекрывающее* и *перекрывательное* (устройство), *поясняющие* и *пояснительные* (слова), *освежающий* и *освежительный* (напиток), *решающий* и *решительный* (момент), *пронзающий* и *пронзительный, ошеломляющий* и *ошеломительный, значащий* и *значительный; фильтрующие* и *фильтровальные* (материалы); *режущий инструмент* и *резательный станок, мотально-резальный станок; формующая* и *формовочная* (машина), *фиксирующий аппарат* и *фиксационная машина; летающая лисица* и *летучая мышь, плавающий* (автомобиль) и *плавучий* и т. д.; ср. также функционально-семантическое тождество прилагательного и причастия в контекстах вроде: «Возбуждение переходит от *чувствующих* центров *к двигательным*» (о производственной гимнастике, телепередача).

В терминологических сочетаниях типа *режущий инструмент, красящие вещества* причастия с адъективным значением употребляются только без подчиненных слов; при необходимости же уточнить действие указанием на его характер или на объект в терминологии используются словообразовательные модели прилагательных – сложений и сращений с опорным причастием: *металлорежущий станок, кормоперерабатывающая машина, топливоподающая система, быстроразваривающаяся каша, легковоспламеняющаяся жидкость* и т. п. Эти типы сложений и сращений с опорным причастием не менее продуктивны в современном языке, чем рассматриваемый тип причастий с адъективным значением.

Большая продуктивность, в особенности в технической терминологии, действительных причастий настоящего времени с адъективным значением, а также связанных с ними сложений и сращений с опорным причастием является, несомненно, новацией русского языка советской эпохи[15].

К рассматриваемой группе причастий с адъективным значением относятся и действительные причастия настоящего времени от деноминативных глаголов на *-ствовать,* особенно широко употребительные в современной публицистической речи: *фашиству-*

ющий, хулиганствующий, либеральствующий, эстетствующий, интеллигентствующий, лакействующий и т. п.; ср. также: «Давным-давно опера из аристократических салонов *гурманствующих* итальянцев вышла на просторы общественной жизни» (Сов. культ.); «не случайно именно *филистерствующие* буржуа встретили живопись импрессионистов в штыки» (Л. Волынский, Зеленое дерево жизни); «"*меценатствующие*" болельщики нетерпимо относятся к поражениям "своих" команд» (Известия). Исследователи справедливо отмечают, что значение подобных причастий – «действенный признак, мыслимый вне категории времени и вида»[16], что они «очень близки по своему значению к прилагательным» и «к причастным образованиям типа *мыслящий, читающий...* в качественном значении»[17] (значение вневременного действия, как было указано выше, свободно приобретается действительными причастиями настоящего времени, в особенности причастиями от непереходных глаголов, какими и являются глаголы на *-ствовать*). Новые причастия данного типа могут возникать самостоятельно, вне других глагольных форм. По нашему мнению, из этого не следует, что подобные причастия уже представляют собой особый, не зависимый от глагола тип суффиксальных прилагательных, образуемых от основ существительных с помощью суффикса *-ствующий*[18]. Надо учитывать следующие факты[19]:

а) причастия на *-ствующий* в семантико-словообразовательном отношении ничем не обособлены от деноминативных глаголов на *-ствовать;* основные характерные для них словообразовательные значения присущи и этим глаголам. Как причастия, так и глаголы могут иметь не только значение «поступать подобно тому, как поступает лицо, названное в основе» (в этом случае глагол мотивируется существительным со значением лица), но и значение «совершать действие, связанное с предметом, явлением или характерное для предмета, явления, названного в основе» (мотивирующее существительное – неодушевленное): например, *атомствующий* (ср. *атом*), *богемствующий* (ср. *богема*), *американствующий* (ср. *Америка*), *европействующий* (ср. *Европа,* например: «Кряжистый купеческий род Рогожиных далек от новшеств *европействующего* быта», Л. Гроссман, Достоевский); ср. также глаголы *роскошествовать, злобствовать, благополучествовать* и т. п.;

б) тип деноминативных глаголов на *-ствовать* с указанными значениями очень продуктивен, и нет оснований говорить о боль-

шей продуктивности причастий на *-ствующий* по сравнению с глаголами на *-ствовать*. Следовательно, отсутствие фиксации того или иного глагола этого типа не может быть доказательством невозможности его образования – хотя бы как полноправной единицы речи, или как «потенциальной» единицы языка. Характерно к тому же, что большинство подобных новообразований – как собственно глагольных, так и причастных – принадлежат к окказионализмам и, значит, являются только фактами речи. Глаголы данного типа на *-ствовать* употребляются в различных формах, в том числе возможны и причастия прошедшего времени. Ср., например: «Все от колхозной работы увиливаешь? *Тунеядствуешь?*» (Крокодил, 1964, 7); «А мой Ваня только начинал ходить. Мама и сестренки нянчились с ним, пока я *богемствовала*» (О. Морозова, Одна судьба); «но никогда Марджанов не "*новаторствовал*" ради эпатирующего эффекта» (Театральная жизнь, 1963, 23); *«Славянофильствовавшая* молодежь готовилась выступить с серией статей, в которых чаадаевские идеи были бы... в корне раскритикованы» (А. Лебедев, Чаадаев).

Таким образом, ни с семантико-словообразовательной точки зрения, ни по своей продуктивности причастия на *-ствующий* не обособлены от глаголов на *-ствовать*. Необходимо, конечно, учитывать, что модель деноминативных глаголов на *-ствовать* часто реализуется в форме действительных причастий настоящего времени с адъективным значением. Тем не менее причастный характер подобных образований, их связь с системой глагольного словообразования несомненны[20]. Это очевидно в тех случаях, когда рядом с окказионально образованным причастием на *-ствующий* употребляется и соответствующий глагол на *-ствовать*, например: «игрок, возвращая броском мяч *шаманствующему* тренеру, дает присягу сражаться с противником не на живот, а на смерть. Конечно, *шаманствовать...*, как говорится, методика не наша» (Юность, 1965, 4).

2. Действительные причастия прошедшего времени (суффикс *-вш-/-ш-*) способны приобретать адъективное значение «находящийся в состоянии, возникшем в результате действия, обозначенного основой глагола». Переходность глагола, а также отнесенность действия в прошлое, вне его связи с настоящим (у глаголов несовершенного вида) исключают возможность развития адъективных значений у данного разряда причастий[21]. Указанное адъективное

значение может развиваться только у причастий с суффиксом *-вш-/-ш-* от непереходных глаголов совершенного вида со значением длительного результативного состояния: в семантике таких глаголов видовые и залоговые значения наиболее слабы, например: *засохший, промокший, прогоркший, поблекший, побелевший, наболевший, помолодевший, обледеневший, заплесневевший;* ср. также: «Даша посмотрела на свои ... тоненькие, гибкие, хоть и *загрубевшие* пальцы» (Г. Николаева, Битва в пути); «и была пустынная площадь с бронзовым *позеленевшим* Овидием» (Ю. Нагибин, Хождение за четыре моря).

То же значение выражают отглагольные прилагательные с суффиксом *-л-* (только исторически являющиеся причастиями), также мотивированные основами непереходных глаголов с лексическим значением состояния[22]: *засохлый, прогорклый, поблеклый, позеленелый, загрубелый, заплесневелый* и т. п. Ср.: «Они, как мячи, упруго прыгали по *заиндевевшим* кочкам» (О. Форш, Горячий цех); «сторож принял медведя за свинью и колотил *заиндевелого* зверя палкой» (Комс. пр.); «он целое лето был в тайге, вышел, *одичавший,* от женщин совершенно отвык» (К. Ваншенкин, Большие пожары); «С утра Даша мчалась на *одичалое, заросшее* клеверище» (Г. Николаева, Битва в пути); «Третий период был выигран динамовцами. Их *запоздалый* ответный штурм внес оживление в ход матча. И только» (Сов. спорт, статья с заголовком *«Запоздавший* ответ»).

Адъективное значение результативного состояния могут приобретать и причастия с суффиксом *-вш-/-ш-* от глаголов на *-ся* (этим они отличаются от прилагательных с суффиксом *-л-,* для которых невозможны мотивирующие глаголы на *-ся*), например: «солнце такое сильное, что его отражает даже побелевшая, *растрескавшаяся* земля» (В. Семин, Сто двадцать километров до железной дороги); «длинный, плохо подстриженный тип... в пропотевшей, *помявшейся* шведке» (там же); ср. *совершенно рассохшаяся мебель* и т. п.

3. Страдательные причастия настоящего времени (суффикс *-ем-/-им-*) могут получать адъективное значение «подвергающийся какому-либо действию», с возможным оттенком «способный подвергаться действию»[23] (значение, соответствующее адъективному значению действительных причастий настоящего времени, рассмотренному выше). Такое адъективное значение возможно в этих причастиях только при устранении творительного субъекта дей-

ствия, например: *уважаемый товарищ, нескрываемый ужас, рекомендуемая литература, арендуемые земельные участки* и т. д.; ср. в качественном употреблении: «Одно из самых "*посещаемых*" мест на ВДНХ сегодня – агрохимическая лаборатория» (Неделя); «ЮНЕСКО подсчитало, что самое *исполняемое* произведение в мире – "Танец с саблями"... Хачатуряна» (Сов. культ.).

Подобные причастия распространены также в научно-технической терминологии. Ср., например, технические термины: *контролируемые процессы, приборы, сменяемые части машин, фондируемая продукция;* военные термины: *поддерживаемое соединение, пилотируемые воздушные средства, буксируемая гидроакустическая станция, возимые* (подвижные) *запасы,* лингвистические термины: *изменяемые, склоняемые, спрягаемые части речи, согласуемые слова, членимые слова, говоримая речь* (в смысле «устная»), *произносимые звуки речи* (как предмет изучения) и т. п.

4. Страдательные причастия прошедшего времени (суффикс *-нн-/-енн-/-т-*) от глаголов совершенного вида способны выражать адъективное значение «подвергшийся какому-либо действию и содержащий результат этого действия», которое приобретается обычно при одиночном употреблении причастия, без пояснительных слов, часто – в составе словосочетаний терминологического характера. Среди этих причастий можно выделить две группы:

а) причастия от префиксальных глаголов совершенного вида: *объединенный институт, усиленный наряд, направленное радиоизлучение, сгущенное молоко, замороженные продукты, очищенные томаты, накрахмаленная рубашка; истощенный человек, прославленный артист, утраченные иллюзии* и т. п. Ср. в качественном употреблении: «Впереди расстилалось... обледенелое, скользкое, серо-белое *накатанное* шоссе» (К. Симонов, Жена приехала); «на краю стола и на стуле ...лежат любимые, отобранные из самых *отобранных* книги» (В. Солоухин, Терновник); «эти дороги самые *неизведанные»* (Веч. Москва);

б) причастия от беспрефиксальных двувидовых глаголов (главным образом глаголов на *-овать*): *иллюстрированный журнал, изолированная комната, форсированный марш, калиброванный снаряд, стандартизированное оборудование, плиссированная юбка, консервированные продукты, газированная вода, эмалированная посуда, нормированный язык* и т. д.; ср. также *раненый солдат (ранить* – двувидовой глагол).

IV. Исходя из рассмотренных групп причастий, можно сделать вывод, что типичные адъективные значения, принимаемые различными разрядами причастий, сводятся к двум:

а) для причастий настоящего времени – значение действия, понимаемого как свойство, иногда с оттенком способности выполнять это действие или подвергаться ему, а также с оттенком предназначенности для его выполнения;

б) для причастий прошедшего времени совершенного вида – значение свойства, возникшего как результат совершенного действия.

Возможность приобретения обоих значений заключена в самой грамматической природе причастий, в грамматических глагольных значениях, которыми они обладают. Первое из указанных двух значений непосредственно вытекает из значения «расширенного» настоящего времени – значения вневременного действия, понимаемого как непроцессуальный признак. Второе значение – перфектное, результативное – не менее органично свойственно прошедшему времени глаголов совершенного вида. Оба значения закономерно возникают не только у причастий, но и у всех глагольных форм. Поэтому нельзя говорить об отрыве таких причастий от системы глагола, и, следовательно, возникновение у причастий адъективных значений нельзя считать образованием новых слов. В любом случае это – лишь реализация возможных значений в рамках категории глагольности, возникающая в определенных синтаксических условиях – при устранении контекстуальных примет[24], указывающих на конкретный характер протекания действия: на его временную ограниченность и на отношение к другому предмету как субъекту или объекту (залоговая отнесенность).

Такому пониманию явления адъективации причастий не противоречит синонимичность некоторых причастий с адъективным значением суффиксальным типам прилагательных (см. выше в разделе о действительных причастиях). Из этого факта вряд ли можно сделать вывод о том, что такие причастия являются уже прилагательными. Следует лишь иметь в виду, что некоторые адъективные словообразовательные значения могут выражаться как суффиксальными прилагательными, так и определенными типами причастий.

Не противоречит такому пониманию адъективации и качественный характер адъективного значения некоторых причастий, с вы-

текающими отсюда свойствами, приближающими эти причастия к прилагательным (возможность образования краткой формы, наречий на *-о- / -е-*, сочетания со словами, обозначающими степень качества, и реже – образование степеней сравнения, способность употребляться в качестве однородных членов наряду с качественными прилагательными). Дело в том, что качественность адъективного значения причастий обычно индивидуальна, присуща лишь отдельным словам; она не поддается обобщению, типизации и часто выступает как окказиональное свойство, выявляющееся только в конкретном контексте. Адъективные значения в их типичном виде (результативность, предназначенность для выполнения действия и т. д.) относительны; качественность же вторична и «наслаивается» на относительность в некоторых причастиях[25]. Качественность и относительность значения отдельных слов не может быть основанием и для разделения суффиксальных типов отглагольных прилагательных (ср., например, типы прилагательных с суффиксами *-тельн-, -н-*). Вопрос качественности-относительности адъективного значения причастий – это преимущественно вопрос полисемии причастия, а не омонимии причастия-прилагательного, т. е. вопрос семасиологический, а не словообразовательный[26].

Конечно, адъективные значения отдельных причастий (как качественные, так и относительные) могут в процессе употребления лексически обособляться, из-за чего возникают омонимы к причастиям. Такими омонимами, развившимися из причастий, являются в современном языке, например, *следующий* (день, год), *текущий* (счет, интересы), *вызывающий* (тон), *выдающийся* (ученый), *начинающий* (учитель, писатель), *блестящий* (доклад), *квалифицированный* (работник), *одушевленный* (как грамматический термин) и др. Подобные слова, возникшие лексико-семантическим путем, уже в значительной степени обособились семантически не только от причастий, но и от соответствующих глаголов. Но это явление также не имеет отношения к синхроническому словообразованию; оно может изучаться только в историко-лексикологическом аспекте.

Таким образом, адъективация причастий с синхронической точки зрения – это прежде всего наличие некоторых адъективных значений в рамках категории причастия, не приводящее к появлению новых слов – прилагательных. Постепенное же обособление

новых омонимов на почве развития адъективных значений отдельных причастий – явление лексическое и носящее диахронический характер.

Отсюда можно сделать практический вывод, что адъективация причастий не должна рассматриваться в описательной грамматике как особый способ словообразования прилагательных. Типичные адъективные значения, присущие разным разрядам причастий, могут быть рассмотрены при описании грамматических значений причастия как особой морфологической категории.

Очевидно, что аналогичный подход может быть применен и к явлению «адвербиализации» деепричастий.

Примечания

[1] *Виноградов В. В.* Русский язык. М. – Л., 1947. С. 284. См. также: *Краснов И. А.* Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке. Автореферат канд. дисс. М., 1955. С. 15; *Лукин М. Ф.* Переход причастий в прилагательные и существительные в современном русском литературном языке. Автореферат канд. дисс. Киев, 1965. С. 16–17.

[2] См.: *Удалова Л. И.* Адъективация действительных причастий в русском литературном языке XVIII–XX вв. Автореферат канд. дисс. М., 1961. С. 3–4, 18.

[3] О таком понимании синхронической словообразовательной системы см.: *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* Построение раздела «Словообразование» // Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966. С. 50.

[4] Поэтому представляется неудачной попытка Л. И. Удаловой (указ. соч., с. 3–4) рассматривать адъективацию причастий в русском языке как разновидность конверсии, поскольку конверсия обычно понимается как словообразование при помощи изменения парадигмы.

[5] Т. е. с суффиксальной морфемой, представленной тремя алломорфами. О принципах идентификации словообразовательных элементов см.: *Лопатин В.В., Улуханов И. С.* Указ. соч., с. 52.

[6] Общее значение образований типа *вареный* формулируется в академической грамматике так: «подвергшийся какому-либо действию, выражающий результат какого-либо действия в соответствии с производящей глагольной основой» (Грамматика русского языка. Т. I. М., 1952. С. 354).

[7] Ср. также: «Парадигматической можно считать... только форму страдательного причастия прошедшего времени от глаголов совершенного вида» (*Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология. Ч. II. Братислава, 1960. С. 566).

[8] В некоторых случаях прилагательные типа *варёный* обособлены от системы причастий и своим ударением: ср., например, *варёный, сушёный, гружё-*

ный и *сва́ренный, засу́шенный, нагру́женный; лито́й, вито́й* и *нали́тый, уви́тый, сви́тый,* но *кра́деный, кра́шеный, би́тый* и т. д.

[9] Принятая в настоящее время и не всегда последовательно соблюдаемая орфографическая норма, связанная с разграничением написаний с одним и двумя *н* в образованиях рассматриваемого типа в зависимости от наличия пояснительных слов, серьезно запутывает вопрос о возможном причастном характере подобных образований.

[10] См.: *Чиркина И. П.* Словосочетания с отглагольными прилагательными с суффиксом *-л-* в роли главного слова и их влияние на построение адъективных словосочетаний // Уч. зап. [Свердловск. гос. пед. ин-та]». 16. 1958. С. 30.

[11] Подобные прилагательные обычно употребляются с отрицательным префиксом *не-*; но ср.: «этот текст легко *переводи́м»* (из устной речи), «Многие эпизоды зазвучали совсем по-иному, стали и *узнаваемыми* и одновременно какими-то другими» (Известия).

[12] На этот факт указывает В. Ф. Иванова (см.: «Отглагольные прилагательные с суффиксом *-м-* в современном русском литературном языке». Автореферат канд. дисс. Л., 1952. С. 10–11). Трансформация в глагол несовершенного вида возможна лишь для некоторых из образований данного типа, и только за счет изменения залоговой характеристики – перевода глагола в соответствующий возвратный: так, *несгибаемый, непереводимый* – то же, что *несгибающийся, непереводящийся.*

[13] Генетически причастия с суффиксом *-нн-/-енн-/-т-* тесно связаны с отглагольными существительными на *-ние/-тие;* эта связь сохраняется в ряде случаев и в современном языке. Развитие адъективных значений у причастий этого типа объясняется иногда тем, что семантически такие причастия мотивируются соответствующими словами на *-ние/-тие* (ср. *утомленный, истощенный* и т. п.). См.: *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 281.

[14] См.: *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 277.

[15] В русском языке XIX в. действительные причастия с подобным значением употреблялись редко; в немногочисленных случаях синонимии типа *увеличивающее* и *увеличительное* (стекло), *мыслящие* и *мыслительные* (способности) «параллельное употребление прилагательного и действительного причастия оканчивалось победой прилагательного: причастие утрачивало адъективное значение» (см.: *Земская Е. А.* Изменения в системе словообразования прилагательных // Очерки по исторической грамматике русского литературного языка XIX в. Изменения в словообразовании и формах существительного и прилагательного. М., 1964. С. 410). Интересно, что в работе Г. О. Винокура о словообразовании в технической терминологии рассматриваемый тип причастий с адъективным значением не отмечен, а сложные термины с опорным действительным причастием типа *металлорежущие станки* названы «фактами, не укладывающимися в привычные рамки русского словообразования» (см.: *Винокур Г. О.* О некоторых явлениях словообразования в русской технической

терминологии // Труды ИФЛИ. V, 1939. С. 50). Из более поздних работ на это явление обращено внимание в диссертации И. А. Краснова, который, правда, характеризует его как не очень продуктивное, как только начинающий развиваться процесс (см.: *Краснов И. А.* Переход причастий в прилагательные в современном русском литературном языке. Канд. дисс. М., 1955. С. 263 и сл.).

[16] *Земская Е. А.* Указ. соч., с. 433.

[17] *Козулин Н. М.* Русские отыменные образования причастного типа // Вопр. языкознания. 1960, № 1, с. 67.

[18] Такой вывод сделан в статье: *Земская Е. А.* Об основных процессах словообразования прилагательных в русском литературном языке XIX в. // Вопр. языкознания. 1962, № 2, с. 49–50.

[19] Ниже речь идет только об образованиях на *-ствовать* и на *-ствующий* с оттенком отрицательно оцениваемого действия. Принадлежность к причастиям образований на *-ствующий* без этого оттенка (ср., например, старое *правительствующий сенат* или новое *начальствующие кадры, шефствующие организации*) возражений не вызывает.

[20] См. также: *Авилова Н. С.* Об одном продуктивном словообразовательном типе глаголов в русском литературном языке XIX–XX веков // Образование новой стилистики русского языка в пушкинскую эпоху. М., 1964. С. 385–386.

[21] См.: *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 276; *Краснов И. А.* Переход причастий в прилагательные..., с. 10.

[22] См.: *Чиркина И. П.* Особенности отглагольных прилагательных с суффиксом *-л-* в современном русском языке // Русский язык в школе. 1956, № 1, с. 17.

[23] В причастиях данного типа «способный подвергаться действию» – лишь возможный (и не всегда реализующийся) семантический оттенок при основном и обычном адъективном значении «подвергающийся действию»; в этом их отличие от прилагательных с омонимичным суффиксом *-ем-/-им-*, рассмотренных выше (раздел II, п. 2), в которых «способный подвергаться действию» – основное словообразовательное значение типа.

[24] Такими приметами являются не только пояснительные слова, подчиненные глаголу, но и широкий контекст – например, повествование, целиком отнесенное в план прошлого или ограниченное узкими временными рамками настоящего.

[25] Отчасти это связано с проблемой переносных значений. Так, причастия с переносными (метафорическими, метонимическими) значениями, как правило, более качественны, чем с прямыми номинативными значениями: ср., например, *леденящий ветер, холод* и *леденящая весть, леденящий ужас; истасканные туфли* и *истасканный человек; освежающий напиток* и *освежающее впечатление; заболоченные участки земли* и «люди *заболоченной* мысли» (Комс. пр.); ср. также *потрепанная одежда* и *потрепанный вид, измученный человек*

и *измученные глаза, взволнованный человек* и *взволнованный вид; рыдающие, лающие звуки* и т. п.

[26] И. А. Краснов, занимаясь вопросами адъективации, вызванной лексическими сдвигами в причастиях, справедливо подчеркивает: «Круг таких причастий (причастий на *-щий с* адъективным значением. – *В. Л.*), вовлеченный в сферу индивидуального употребления, очень широк, и чтобы выбрать из него слова, получившие новое, качественное значение, нужны специальные исследования, что является задачей семасиологов и лексикологов» (*Краснов И. А.* Указ. дисс., с. 270).

Об одной разновидности аффиксов в русском языке

[Русская речь. 1975, № 2, 3]

Известно, что аффиксы (служебные морфемы) различаются по их положению в слове. Среди них наиболее распространены в русском языке префиксы, суффиксы и флексии. Префиксы (от латинского praefixus «приставленный впереди»), или приставки – это аффиксы, стоящие перед корнем; суффиксами (от латинского suffixus «подставленный») обычно называют аффиксы, находящиеся в слове между корнем и флексией. Флексии же, или окончания – это аффиксы, стоящие, как правило, на конце слова и взаимозаменяющиеся в разных формах одного и того же слова, причем так, что их замена связана с изменением определенных грамматических значений – значений падежа, рода, лица. Например, в глагольной форме *подтолкнут* – корень *-толк-*, префикс *под-*, суффикс *-н-* и флексия 3-го лица множественного числа *-ут*.

В эту строгую и достаточно ясную схему не укладывается, однако, один очень широко распространенный и продуктивный *аффикс* – глагольный аффикс *-ся*. Он выделяется в таких словоформах, как, например, *трясутся, трясусь*. Аффикс *-ся* (*-сь*) занимает в слове место после флексии. Окончания *-у-, -ут-* в формах таких слов оказываются уже не конечными морфемами. Это, впрочем, не мешает нам называть их окончаниями, поскольку, во-первых, мы знаем их значения, которые выражаются в языке именно окончаниями, а во-вторых, есть такие формы слов, в которых те же окончания являются действительно конечными морфемами *(трясут, трясу)*. Однако в таких словоформах, как *трясутся,* конечной морфемой оказывается вовсе не окончание. И в зависимости от того, какое окончание стоит перед этим аффиксом, он выступает в двух разновидностях (морфах): *-ся* и *-сь*. Морф *-ся* используется после согласной, а морф *-сь* – после гласной (этому правилу не подчиняются лишь окончания причастий, после которых всегда выступает морф *-ся: трясущихся* и *трясущиеся*).

Отмеченная «характерность» аффикса *-ся (-сь)* – не только внешняя. Положением его в слове обусловлены и более глубокие, внутренние специфические черты этого аффикса. Чтобы понять их,

необходимо сначала кратко остановиться на специфике префикса и суффикса.

Префикс присоединяется спереди к целому слову (здесь имеется в виду чистая префиксация, то есть такие случаи, когда префикс является единственным словообразовательным средством). Это значит, что префикс ничуть не затрагивает словоизменительной грамматической характеристики слова, которая, как известно, заключена в конце его. Например: *класс – подкласс, группа – подгруппа* – мотивированные (производные) слова с префиксом *под-* принадлежат к тем же типам склонения, что и их мотивирующие (производящие).

Совсем иначе ведет себя суффикс. Будучи соседом флексии, словообразовательный суффикс тесно спаян с системой флексий мотивированного слова, составляет с ней единое словообразовательное средство. Поэтому образование слова с помощью определенного суффикса означает и отнесение его к определенной части речи, определенному типу склонения ипи спряжения. Все слова с суффиксом *-ств-* – это существительные второго склонения среднего рода, независимо от того, от какого слова (какой части речи и какого словоизменительного типа) они образованы: *баловать – баловство, удалой – удальство.* Эту функцию суффикса – отнесение слова к определенному грамматическому классу – принято называть «классифицирующей».

Таким образом, префикс присоединяется к слову в целом, не затрагивая его грамматического оформления; суффикс же присоединяется не к слову, а к основе, и при этом осуществляет грамматическое оформление образуемого с его помощью слова. Всякое мотивированное слово состоит из двух частей – той части, которая является у него общей с мотивирующим словом (назовем ее м о т и в и р у ю щ е й б а з о й), и того словообразовательного средства (или совокупности средств), с помощью которого это слово образовано и которое отличает его от мотивирующего слова (назовем эту часть ф о р м а н т о м). Если формант – префикс, то мотивирующая база равна слову, если же формант – суффикс, то мотивирующая база – основа. С мотивирующей базой – основой (а не словом) мы имеем дело, естественно, и при префиксально-суффиксальном способе словообразования (когда в состав форманта входят одновременно и префикс, и суффикс: *гора – пригорок*): для этого достаточно участия суффикса в образовании слова.

Обратившись теперь к глагольному аффиксу *-ся (-сь),* мы увидим, что он ведет себя в словообразовательном отношении не как суффикс, а как префикс. Он присоединяется не к основе, а к целому слову, он не меняет словоизменительной характеристики мотивирующего слова (глагола): *мыть – мыться, строить – строиться.* Мотивирующая база в этих случаях равна слову, а не основе. То же наблюдается и при совмещении в одном форманте префикса и аффикса *-ся*: *бежать – разбежаться.* Но как только в формант включается суффикс, картина меняется: *колос – колоситься, резвый – резвиться* (с суффиксом *-и-* и аффиксом *-ся*), *стрелять – перестреливаться, шутить – перешучиваться* (с префиксом *пере-* суффиксом *-ива-* и аффиксом *-ся*). Суффикс (*-и-* в первом случае, *-ива-* во втором) определяет принадлежность мотивированного глагола к определенному классу и типу спряжения, независимо от грамматической принадлежности мотивирующего слова.

Из всего сказанного следует, что аффикс *-ся* (*-сь*) – не суффикс. Об этом писал уже А. М. Пешковский (см. ниже). И однако до сих пор в трудах по словообразованию аффикс *-ся* все еще нередко называют суффиксом; к суффиксам относят его и авторы ныне действующего школьного учебника. Можно, конечно, называть все словообразовательные аффиксы, стоящие после корня, суффиксами, и при этом различать среди них «суффиксы первого рода» (классифицирующие, предфлексийные) и «суффиксы второго рода» (неклассифицирующие, пофлексийные). Но такая двойственность содержания термина «суффикс» неудобна, и не только потому, что при этом называются одним и тем же словом слишком разные вещи, но и из-за явных затруднений в назывании смешанных способов словообразования. Как, например, назвать тогда способ, которым образованы глаголы типа *колоситься*? «Суффиксально-суффиксальным»? Ведь нельзя не учитывать принципиального отличия таких образований от обычной (чистой) суффиксации, когда мы имеем дело с наличием в составе форманта только одного словообразовательного суффикса.

Исходя из того, что глагольный аффикс *-ся* – совершенно своеобразная морфема, лингвисты предлагали называть этот аффикс особым термином. Термины предлагались разные. «Аффикс этот столь исключителен, – писал А. М. Пешковский, – что для него даже и термина не подберешь: это и не «приставка», и не «суффикс» (по-

тому что суффикс приставляется к основе...), и не «флексия», конечно (потому что не обозначает ни падежа, ни лица). Скорее всего его можно было бы назвать "наставкой"»[1]. Термин «наставка» не привился; однако обратим внимание на то, что А. М. Пешковский искал термин, по своей структуре сопоставимый с термином «приставка». Другие специалисты предлагали термины «прицепка», «прибавка», «частица», «частица-суффикс». Чаще других использовалось в этом смысле слово «частица», и хотя Н. А. Янко-Триницкая пишет в своей книге «Возвратные глаголы в современном русском языке», что «это название как нельзя более соответствует природе и особенностям аффикса *-ся*»[2], и называет поэтому соответствующие способы словообразования «частичным», «префиксально-частичным»[3] – все же с этим трудно согласиться. Тем более, что термин «частицы» занят в русской грамматической терминологии за определенным классом служебных слов, особой частью речи. Так стоит ли называть им еще и особую часть слова?

Учитывая все эти соображения и желательность особого термина для аффикса *-ся (-сь)* и некоторых подобных ему, в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970) было предложено называть его п о с т ф и к с о м (от латинского post «после, позади» и fixus «приставленный»). Термин этот удобен тем, что по своей структуре входит в один ряд с такими, как «префикс», «суффикс» и родовой термин «аффикс». Соответственно и способы словообразования с участием постфикса предложено называть «постфиксальным», «суффиксально-постфиксальным», «префиксально-постфиксальным», «префиксально-суффиксально-постфиксальным».

Термин «постфикс» – не новый; он иногда применялся лингвистами как общее название всех аффиксов, расположенных в слове после корня, либо как синоним термина «суффикс». Между тем, необходимость в общем термине для аффиксов, стоящих после корня, далеко не очевидна (чем и объяснялась нерегулярность его применения). В то же время несомненный структурный параллелизм этого термина именно с термином «префикс», своеобразная их антонимичность (латинское *пре-* «перед, спереди» и *пост-* «после, сзади») наталкивает на мысль о целесообразности сужения сферы употребления этого термина, использования его в смысле «присоединяемый к целому слову в конце его», как префикс присоединяется к целому слову в его начале. Перед

префиксом в слове не может стоять никакая морфема, кроме другого префикса (*при-у-молкнуть*); точно так же после постфикса не может стоять никакая морфема, кроме еще одного постфикса (*под-тяни-те-сь*).

Итак, будем называть глагольный аффикс *-ся (-сь)* постфиксом, отличая постфиксы как особую разновидность аффиксов от префиксов (приставок), суффиксов, флексий (окончаний).

Поставим теперь другой вопрос: действительно ли постфикс *-ся* в русском языке – единственный в своем роде, уникальный, «исключительный»? Нет, в русском языке есть и другие постфиксы. Так, глагол располагает еще постфиксом *-те,* выступающим во множественном числе форм повелительного наклонения и так называемых «форм совместного действия»: *иди – идите, садись – садитесь, пойдем – пойдемте.* Если *-и* в повелительном наклонении и *-ом* в «форме совместного действия» – флексии со значением лица, то стоящий после флексии аффикс является постфиксом (в формах типа *режьте, пойте* постфикс присоединяется к нулевой флексии 2-го лица). Причем постфикс этот, в отличие от *-ся (-сь)* – словоизменительный (несущий значение множественного числа), а не словообразовательный.

Если же говорить о постфиксации как о способе словообразования, то она используется не только в глаголе (хотя это преимущественно глагольный способ), но и в имени, точнее – в местоимении. Речь идет о постфиксах *-то, -либо* и *-нибудь,* имеющих словообразовательное значение неопределенности и присоединяемых к вопросительно-относительным «местоимениям-существительным» *(кто, что),* местоименным прилагательным и числительным *(какой, чей, сколько),* наконец, к так называемым местоименным наречиям *(где, куда, откуда, когда, как)*: *что-то, кто-либо, чей-то, какой-нибудь, сколько-нибудь, куда-то, где-либо.* Достаточно просклонять местоименное прилагательное *какой-то (какого-то, какому-то...),* чтобы убедиться в том, что аффикс *-то* в нем – постфикс, так как находится он после флексий. Что же касается аффиксов *-то, -либо* и *-нибудь* в составе наречий, которые, как известно, не имеют флексий, будучи неизменяемыми словами, то их следует считать постфиксами, основываясь только на их полном звуковом (фонемном) и семантическом тождестве с такими же аффиксами в «местоимениях-существительных», местоименных прилагательных и числительных, где эти аффиксы выступают после флексий.

Примечательно, что в грамматической традиции все три местоименных постфикса назывались до сих пор чаще всего тем же словом, что и глагольный аффикс *-ся*, – словом «частицы». А между тем, это несомненные аффиксы, части слова, имеющие постоянное место в конце местоименных слов и участвующие в формировании целого семантического класса (словообразовательной категории) неопределенных местоимений и наречий. В отличие от них настоящие частицы – отдельные слова, такие как выделительные частицы *-таки, -то* (омоним к нашему постфиксу неопределенности: ср. *кто-то пришел* и *сестра-то еще не пришла, книгу-то я еще не прочел),* – не имеют постоянного, закрепленного места и могут быть «приставлены» к любому знаменательному слову.

Таким образом, в русском языке четыре словообразовательных постфикса *-ся (сь), -то, -либо, -нибудь* и один словоизменительный *-те.*

Глаголы, содержащие постфикс *-ся*, делятся на две неравные группы. Первую группу, очень многочисленную и постоянно пополняемую новыми глаголами (поскольку *-ся* – продуктивный постфикс), составляют мотивированные (производные) глаголы. К ним относятся, во-первых, глаголы страдательного залога: *строить – строиться, изучать – изучаться.* Во-вторых, глаголы, в которых постфикс *-ся* вносит различные добавочные словообразовательные значения, обычно объединяемые под общим названием возвратности; среди них могут быть выделены собственно-возвратные *(одеваться, мыться),* взаимно-возвратные *(обниматься, целоваться),* активно-безобъектные *(собака кусается),* интенсивности действия (стучаться) и некоторые другие. В-третьих, к этой же группе относятся мотивированные глаголы, в которых постфикс выступает в качестве словообразовательного средства наряду с другими аффиксами: суффиксом *(скупой – скупиться),* префиксом *(читать – вчитаться)* или тем и другим вместе *(шептать – перешептываться).*

При всем разнообразии словообразовательных значений, выражаемых постфиксом в различных способах словообразования, использование постфикса в мотивированных глаголах чаще всего связано с выражением «сосредоточения действия в самом себе, сообщения действию самодовлеющего, независимого характера»[4].

Другая, сравнительно небольшая и не пополняющаяся новыми словами, группа глаголов с постфиксом *-ся* объединяет немо-

тивированные, непроизводные глаголы типа *бояться, смеяться, стараться, печься* (заботиться), *каяться, касаться, карабкаться, улыбаться* (около сотни глаголов). В них постфикс не является словообразовательным аффиксом, не несет словообразовательного значения. Однако, не говоря уже о том, что он выделяется в таких глаголах по чисто формальным причинам (будучи отделенным от корневой части глагола флексией), он вносит в них и определенное грамматическое значение – так называемое «значение непереходности». Все глаголы на *-ся* в русском языке непереходны, то есть неспособны сочетаться с формой винительного падежа без предлога в объектном значении (прямым дополнением). Среди глаголов же без *-ся* есть и переходные, и непереходные. Таким образом, постфикс *-ся* – формальный показатель непереходности глагола; переходность же не имеет специальных формальных показателей.

Стоит ли за противопоставлением переходности и непереходности какое-нибудь содержание, иначе говоря, отражает ли эта категория какие-либо черты внеязыковой действительности? С одной стороны, переходные глаголы обозначают процессы, направленные на объект *(мыть ребенка, строить дом).* Но, с другой стороны, и непереходные глаголы (среди которых и некоторые глаголы с постфиксом *-ся*) могут обозначать такие же процессы, причем объект действия выражается в этом случае не винительным беспредложным, а другими падежными формами, в том числе и с предлогами, например: *управлять* (кем-чем), *угрожать* (кому-чему), *любоваться* (кем-чем), *смеяться, издеваться* (над кем-чем), *заботиться* (о ком-чем), *ждать* (кого-чего), *бояться, страшиться* (кого-чего). Примечательно, что при глаголе *смеяться* объект действия обозначается творительным падежом с предлогом *над,* а при мотивированных им глаголах *осмеять, высмеять, засмеять* – винительным беспредложным. Противоположное соотношение – у глаголов *жалеть* и мотивированного им *сжалиться: жалеть* (кого-что) и *сжалиться* (над кем-чем).

Таким образом, содержательного единства у непереходных глаголов, связанного с их отношением к объекту действия, нет[5]. Поэтому надо признать, что в современном русском языке непереходность – это чисто синтаксическая категория, а «значение непереходности» относится к «синтаксическим значениям», то есть к таким грамматическим значениям, которые передают «синтакси-

ческие свойства слов, ... их способность вступать в те или иные виды связей со словами других классов»[6]. При этом, как и значение переходности, оно принадлежит к грамматическим значениям, присущим слову в целом, а не отдельным его формам (ср. еще вид глагола, род существительного). Добавим, что во всех тех глаголах с постфиксом *-ся,* где он выступает как словообразовательное средство, постфикс также является носителем грамматического значения непереходности, а не только словообразовательного значения.

Со словообразовательной точки зрения постфикс *-ся* характеризуется той особенностью, что он не сохраняется в словах других частей речи, производных от глаголов с этим постфиксом: *срастаться – срастание, поклониться – поклон, догадаться – догадка, бояться – боязнь, возиться – возня, заливаться – заливистый, застояться – застоялый, забыться – забытьё, кружиться* (голова кружится) – *головокружение*. Сказанное не относится к причастиям (действительным) и деепричастиям, которые регулярно сохраняют постфикс: *стараться – старающийся, старавшийся, стараясь* и т. п., и это лишний раз доказывает нам, что причастия и деепричастия – формы глагола, а не отдельные слова (особые части речи либо особые классы отглагольных прилагательных и наречий – существует и такая точка зрения).

Несохранение постфикса в отглагольном имени способствует тому, что отглагольные имена часто мотивируются одновременно двумя глаголами: с постфиксом и без него. Например, существительное *поднятие* мотивировано глаголами *поднять* и *подняться,* существительное *поцелуй* – глаголами *поцеловать* и *поцеловаться,* а прилагательное *складной* – глаголами *складывать* и *складываться.* При этом либо различие в значении двух мотивирующих глаголов нейтрализовано в семантике отглагольного имени (так, сочетание *повышение производительности труда* означает одновременно и то, что производительность труда *повышается,* и то, что ее *повышают; ученик* – это и тот, кто *учится,* и тот, кого *учат),* либо соотнесенность отглагольного имени с одним из глаголов (глаголом с *-ся* или без *-ся*) определяется в каждом конкретном случае контекстом или ситуацией (слово *баловство,* например, связано по значению с глаголом *баловаться* «шалить» или с глаголом *баловать* «потворствовать шалостям»).

В редких случаях в качестве самостоятельных мотивирующих слов могут выступать также адъективированные (перешедшие в

прилагательные) причастия с постфиксом *-ся*, а также причастия, употребляющиеся в адъективном значении, то есть обозначающие отнесенность к действию как свойство предмета: сравните, например, *выдающиеся* способности, *мятущийся* человек, *небьющаяся* посуда и т. п. От таких причастий могут образовываться существительные с суффиксом *-ость*; но такие образования характерны лишь для окказионального (индивидуального) словотворчества; они не являются общепринятыми. Примечательно, что и в этих образованиях не сохраняется постфикс *-ся*, присущий мотивирующему слову. У Е. Евтушенко в стихотворении «Глухарь» читаем: «Во всей его мятущести и силе / зовет нас предков первобытный клич». Как видим, от причастия *мятущийся* образовано слово *мятущесть*. Встречалось нам (в устной речи) и существительное *выдающесть*.

Единственная сфера словообразования, где глагольный постфикс *-ся* регулярно сохраняется, – это внутриглагольное словообразование, то есть образование глаголов от глаголов. Так образуются, в частности, глаголы несовершенного вида с суффиксом *-ива-* от глаголов совершенного вида на *-ся* (*просолиться – просаливаться, откинуться – откидываться*) и разнообразные по структуре глаголы префиксально-суффиксального способа словообразования, например: *смеяться – усмехнуться, ручаться – поручиться, бояться – побаиваться*. Случаи несохранения постфикса в соотносительном глаголе другого вида, как: *рушиться – рухнуть, трескаться – треснуть, лопаться – лопнуть* – в русском языке очень редки.

Что же касается местоименных постфиксов, то слова с ними не дают производных, поэтому вопрос о возможности сохранения постфикса в словах, мотивированных неопределенными постфиксальными местоимениями, неактуален. Сравните, впрочем, окказиональное прилагательное, образованное от наречия *когда-то* с сохранением постфикса: «Близоруко, однажды занеся фарватер реки в лоцию, считать, что русло реки всегда будет соответствовать когдатошней топографии» (Е. Евтушенко. Под куполом и на земле).

И еще одна (притом редкая) особенность структуры слова заслуживает упоминания, когда мы говорим о постфиксах. Она связана с тем, что словообразовательные постфиксы входят в состав основы слова. Действительно: основой мы называем ту часть изменяемого слова, которая остается после отсечения словоизме-

нительных аффиксов (прежде всего флексий, но также и словоизменительных суффиксов – например, суффикса прошедшего времени *-л-*). Если словоизменительными аффиксами формы слова р а з л и ч а ю т с я, то основа – общая часть слова, о б ъ е д и н я ю щ а я его формы. (Это не исключает того, что основы в разных формах одного и того же слова могут несколько видоизменяться, что особенно характерно для глаголов. Так, в разных формах глагола *носить* выступают основы *носи-, нос'-* и *нош-*: сравните, например, *носил, носят* и *ношу*.)

Основа и словоизменительные аффиксы противопоставлены друг другу и с семантической точки зрения. Если словоизменительные аффиксы выражают различные грамматические значения, то основа, как общая часть слова, является носителем его лексического значения. При этом значения, вносимые в мотивированные (производные) слова словообразовательными аффиксами, в том числе и постфиксами, неотделимы от лексических значений этих слов. Например, лексическое значение глагола *целоваться* – «целовать друг друга», и дополнительный смысловой компонент, обычно называемый «взаимно-возвратным значением», вносится в это слово именно постфиксом. То же самое можно сказать о значении неопределенности, которое вносится в местоимение *кто-то* постфиксом *-то*. Не случайно постфикс выступает во всех формах этих слов. Сказанное относится и к немотивированным глаголам с постфиксом *-ся* (*бояться, стараться* и т. п.): повторяясь во всех формах таких глаголов, постфикс неотделим от них и участвует в выражении их лексических значений.

Мысль о том, что глагольный словообразовательный аффикс *-ся* принадлежит к основе, хотя и оторван флексией от остальной части основы, была высказана ранее В. И. Кодуховым[7], а также И. Т. Яценко[8].

Итак, в глаголе *целоваться* (в форме инфинитива) основа – *целова...ся,* в форме 1 лица единственного числа глагола *бояться* – *боюсь* – основа *боj...сь* (флексия здесь *-у-),* в форме неопределенного местоимения *чья-то* – основа *чj...то* (окончание *-а-*), в словоформе *повернитесь* – основа *поверн'...сь* (окончание *-и-* и словоизменительный постфикс *-те-* к основе не относятся).

Как видим, в русском языке основа слова может быть п р е р ы в и с т о й, причем части такой основы разделяются словоизменительными аффиксами. Но бывает это только в словах, содержащих словообразовательные постфиксы.

Постфиксы неопределенных местоимений и наречий *-то, -либо, -нибудь* часто и вполне естественно сопоставляются с префиксами отрицательных и неопределенных местоимений и наречий *не-, ни-, кое-*: ср. *кое-кто, ничто, некого, никакой, ничей, негде, кое-куда.* В формах косвенных падежей местоимений с предлогами эти префиксы тоже отрываются от остальной части основы, поскольку предлог вклинивается между префиксом и корнем: *кое с кем, ни о каком, не от кого.* Однако сходство этих явлений скорее внешнее; сущность же разрыва основы в префиксальных местоимениях совершенно иная, нежели в постфиксальных. В префиксальных местоимениях разные части основ (морфемы) разрываются целым словом (предлогом), а не морфемой (морфемами). Основа же местоимения, взятого само по себе, непрерывна: ведь предлог в состав его не входит. А кроме того, в целом ряде форм (беспредложных) части основ таких местоимений не отделены друг от друга. В этом прнципиальное их отличие от слов с постфиксами, где основа является прерывистой всегда, во всех формах.

Примечания

[1] *Пешковский А. М.* Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. С. 113.

[2] *Янко-Триницкая Н. А.* Возвратные глаголы в современном русском языке. М., 1962. С. 35.

[3] Там же, с. 49.

[4] Там же, с. 246.

[5] См. об этом также: *Янко-Триницкая Н. А.* Указ. соч., гл. I; *Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. Л., 1967.

[6] Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 303.

[7] *Кодухов В. И.* О формообразующей основе // Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена. Т. 248. 1963.

[8] *Яценко И. Т.* К вопросу об определении основы слова // Русский язык в школе. 1961, № 5.

К вопросу о критериях направления словообразовательной мотивированности

[В сб.: Linguistische Arbeitsberichte. 22. Leipzig, 1979]

1. Сформулированный в заголовке вопрос является одним из важнейших и вместе с тем самых сложных вопросов современной теории словообразования, осмысление которого необходимо как для определения статуса и специфики синхронического словообразования, так и для практических целей – при описании словообразовательной системы конкретного языка. В настоящем докладе вопрос этот рассматривается на материале русского языка, хотя несомненно, что постановка его важна и для изучения других языков. Следует признать, что до сих пор в этом вопросе далеко не всё ясно: в целом ряде случаев (напр., *атака – атаковать, балагур – балагурить, химия – химик* и др.) направление мотивационных отношений однокоренных слов может устанавливаться неоднозначно.

2. При решении данной проблемы следует учитывать два аспекта синхронического словообразования – аспекты структурный и функциональный. И прежде всего необходимо обратить внимание на важность функционального аспекта, одно из проявлений которого – продуктивность словообразовательных средств. С этой точки зрения направление словообразовательной мотивированности устанавливается на основании возможности новых образований того же типа (той же структуры, значения), известной исследователю; свидетельством такой возможности являются сами новообразования, пополняющие язык изучаемой эпохи или окказиональные. Напр., для констатации того, что слова типа *пуск, проход, вывоз* (т. е. слова муж. рода I склонения, не имеющие материально выраженного суффикса и обозначающие действие) мотивированы соотносительными глаголами (*пускать, проходить, вывозить*), а не наоборот, достаточно того известного исследователю на основании изучения словообразовательной системы факта, что так образуются новые слова – в технической терминологии (*опрокид*), в художественной литературе (*загляд, потреск* и т. п.), образование

же новых глаголов от существительных со значением действия хотя и возможно, но связано с некоторыми частными дополнительными условиями (стилистическими и структурными, см. ниже, п. 6).

Не следует думать, что сформулированный функциональный критерий мотивации – «критерий продуктивности»[1] – недостаточно синхроничен, что аспект продуктивности – это диахрония языка. Напротив, продуктивность того или иного словообразовательного средства является и его синхронической характеристикой. Характеристика словообразовательных средств с точки зрения их способности или неспособности образовывать новые слова является важнейшей функциональной (динамической) характеристикой синхронного состояния словообразовательной системы и отдельных её участков. И я хочу подчеркнуть, что именно этот аспект синхронического словообразования дает нам право называть данный объект, данную сферу языковых фактов словообразованием, а не отделять его терминологически, как предлагается некоторыми специалистами, от диахронного, исторического словообразования.

3. Важность критерия продуктивности не означает, что другие, и прежде всего структурные, критерии словообразовательной мотивированности не важны. Структурные критерии весьма существенны, и не только для анализа непродуктивных словообразовательных отношений. Критерии эти эксплицитно или имплицитно присутствуют и применяются при словообразовательном анализе; однако они до сих пор еще недостаточно систематизированы. Как отметила Е. С. Кубрякова, «универсального метода обнаружения отношений производности ... нет, да, пожалуй, и быть не может. Всё зависит от особенностей данной словообразовательной модели, от ее конкретных признаков»[2]. В целом с этим замечанием следует согласиться, хотя оно и не означает, что разнообразные критерии синхронической мотивированности (производности), в том числе структурные, не могут быть систематизированы и что среди них нет более общих критериев, применимых в большинстве случаев.

В настоящем докладе я не ставлю задачи проанализировать все эти критерии, а отмечу лишь некоторые, наиболее типичные.

Господствующий в словообразовательной системе структурный критерий мотивированности может быть сформулирован следующим образом. Отношения словообразовательной мотивированности устанавливаются между двумя однокоренными словами,

различными по лексическому значению либо тождественными во всех компонентах своего значения, кроме общего грамматического значения части речи; при этом мотивированным признается то слово, основа которого характеризуется большей ф о р м а л ь н о й с л о ж н о с т ь ю, т. е. содержит больше вычленяемых помимо корня звуковых отрезков (которые мы затем, уже на основании установленного направления мотивированности, должны признать словообразовательными аффиксами, носителями словообразовательного значения): *читать – читатель, смелый – смелость, река – речной* и т. п.

4. Словообразовательная мотивированность – явление всегда двустороннее, формально-семантическое[3]. Поэтому мы не можем рассматривать отдельно формальную и семантическую мотивированность; чисто семантический критерий, основанный только на большей семантической (смысловой) сложности одного из сопоставляемых слов[4] также представляется неприемлемым. Лучшим доказательством неприемлемости чисто семантического критерия служит та достаточно распространенная закономерность, что однокоренные слова, находящиеся в одних и тех же семантических отношениях, могут характеризоваться противоположным направлением мотивации: ср., напр., *белый – белеть*, но *зреть – зрелый*[5].

По-разному оформляются в словообразовательной системе однокоренные существительные, являющиеся названием страны и народа, населяющего эту страну: ср., с одной стороны, *Иран – иранцы, Китай – китайцы, Канада – канадцы,* а с другой, *болгары – Болгария, киргизы – Киргизия, турки – Турция, узбеки – Узбекистан.* В случае, напр., *Иран – иранцы* мотивированным является второй член пары, значение которого определяется в соответствии с его формально-семантической структурой как «жители Ирана» или «народ, составляющий основное население Ирана», а в случае *Киргизия – киргизы* мотивирован первый член, определяемый как «страна, где живут киргизы» или «страна, населяемая киргизами»; первые же члены – *Иран, киргизы* – слова немотивированные.

Наряду с такими широко распространенными парами глаголов, как *катать – кататься, пугать – пугаться* или *радовать – радоваться,* мотивирующий член которых обозначает причину, а мотивированный (с постфиксом *-ся)* – следствие (его словообразовательная семантика может быть сформулирована примерно так:

«процессуальный признак, достигаемый действием, которое названо мотивирующим глаголом»), в языке имеются и такие пары, как *гаснуть – гасить, пить – поить, расти – растить, жить – живить*, где, наоборот, мотивирующий член обозначает следствие, а мотивированный (с суффиксом *-и-*) – причину[6]. Мало того, в некоторых словообразовательных цепочках присутствуют два синонимичных глагола и общий для них каузативный глагол, являющийся по отношению к одному из них мотивированным, а к другому – мотивирующим, напр., *зажить → заживить → заживиться* «зажить, залечиться». В подобных синонимичных глаголах одно и то же семантическое содержание представлено по-разному в соответствии с их словообразовательной структурой,

У подобных образований, несмотря на их синонимичность, различна внутренняя организация их семантики, определяемая морфемной структурой их основы, которая в свою очередь устанавливается на основе критерия формальной сложности.

Рассмотрим с этой точки зрения несколько подробнее словообразовательные отношения в парах однокоренных существительных со значениями: «образ мыслей, действий, поведения, сфера занятий, общественное течение, направление» и «лицо, характеризующееся этим образом мыслей, поведения, сферой занятий, принадлежностью к этому течению, направлению». С одной стороны, в словообразовательной системе имеются пары типа *пропаганда – пропагадист, шантаж – шантажист, зависть – завистник,* где мотивированным в соответствии со структурой основы является второе слово, напр.: *пропагандист* – «тот, кто занимается пропагандой». Но есть и пары, противоположные по структуре основ: *патриот – патриотизм, аскет – аскетизм, либерал – либерализм, дилетант – дилетантизм, бандит – бандитизм, ветеринар – ветеринария, металлург – металлургия, акробат – акробатика, журналист – журналистика, шпион – шпионаж* и т. п. В них названия лица – немотивированные, мотивированными же (суффиксальными образованиями) являются слова, обозначающие образ мыслей, сферу занятий и т. д., причем значение их в соответствии со словообразовательной структурой определяется, напр., так: *патриотизм* – «образ мыслей и действий патриота», *акробатика* – «сфера занятий акробата». Заметим, что значение слова *патриот* – «тот, кто любит родину, предан своему отечеству», а слова *акробат* – «искусный гимнаст, исполнитель

сложных гимнастических номеров». Но «любовь к родине, преданность своему отечеству» – это и есть патриотизм, а «искусство исполнения сложных гимнастических номеров» – и есть акробатика. Отсюда возможен вывод (и он иногда делается), что в таких определениях, как *патриотизм* – «образ мыслей и действий патриота», *акробатика* – «сфера занятий акробата», заключен порочный круг и что поэтому такие определения некорректны. На самом деле с точки зрения словообразовательной семантики такие определения единственно верны: по своим синхронно-словообразовательным свойствам слово *акробатика* вторично от *акробат,* а *патриотизм* – от *патриот*, приведенные толкования точно отражают структуру (в том числе и семантическую) основ рассматриваемых слов, принцип их построения.

Аналогичными формально-семантическими отношениями связаны такие образования, как *западник – западничество, славянофил – славянофильство, побратим – побратимство, кунак – куначество, ростовщик – ростовщичество, приспособленец – приспособленчество, прихлебатель – прихлебательство, подхалим – подхалимство* и *подхалимаж* и т. д. Напр., *западник* – это «представитель западничества как определенного общественно-идеологического направления» (такова обычная трактовка этого слова в толковых словарях), но с точки зрения словообразовательной структуры этих слов их значения интерпретируются иначе: *западник* – «сторонник "западного" пути развития России», *западничество* – «образ мыслей, идеология западников»[8].

Итак, само по себе семантическое соотношение двух однокоренных слов не дает ответа на вопрос о направлении словообразовательной мотивированности, ибо в принципе направление это при одном и том же семантическом соотношении может быть двояким. Сказанное относится и к чистой транспозиции, при которой, наряду с преобладающими в словообразовательной системе случаями, где мотивирующим является глагол или прилагательное, а мотивированным – существительное со значением признака, встречаются и такие случаи, как *аврал – авралить* или *невежество – невежественный,* где существительное выступает в роли мотивирующего слова[9].

5. Рассмотренный структурный критерий – критерий формальной сложности – является основным, применимым во многих случаях, критерием направления мотивированности. Следует, одна-

ко, иметь в виду одну особенность русского глагола, существенно ограничивающую применение этого критерия при сопоставлении глагола с однокоренным словом. Надо учитывать, что такие элементы инфинитивной глагольной основы, как конечные гласные *-и-*, *-а-* и т. п., присутствуют в подавляющем большинстве глаголов, безотносительно к их словообразовательной мотивированности, как необходимые с формальной точки зрения компоненты («классовые показатели» или «тематические элементы»), регулярно отсутствующие в целом ряде типов отглагольных суффиксальных образований. Поэтому наличие таких гласных в глаголе при отсутствии их в сопоставляемом с ним имени не является само по себе формальным признаком мотивированности глагола данным именем. Этим я не хочу сказать, что такие элементы, как конечные *-л-* или *-а-* инфинитивной основы, не являются словообразовательными суффиксами в мотивированных глаголах типа *солить* или *пятнать* (напротив, я усматриваю в таких глаголах словообразовательный суффикс, совпадающий с классовым показателем, и вижу в этом одно из проявлений синкретизма морфемных функций). Однако я хочу подчеркнуть, что наличие такого суффикса в глаголе не может служить показателем мотивированности слова, как не может им служить, скажем, наличие нулевого суффикса: констатация такого суффикса является результатом словообразовательного анализа, а не его исходным данным.

Из сказанного также следует, что в таких случаях, как *ломать – ломкий, плавать – плавучий* или *варить – варка, палить – пальба*, мы имеем дело, как я полагаю, с формально выраженной мотивированностью имени.

6. При неприменимости критерия формальной сложности следует руководствоваться другими критериями направления мотивированности – критериями, которые вытекают из общих закономерностей проявления «обычной», определяемой большей формальной сложностью основы, мотивации и в этом смысле являются более частными по сравнений с критерием формальной сложности. Наиболее важны из них критерии стилистический, цепочечный и гнездовой.

Стилистический критерий мотивированности состоит в том, что стилистически окрашенное слово (устарелое, просторечное, специальное и т. п.) может быть мотивирующим только по отношению к словам той же стилистической окраски, но не к стилисти-

чески нейтральным (стилистически же нейтральное слово может быть мотивирующим как для нейтральных слов, так и для стилистически окрашенных)[10]. Поэтому, в частности, разговорные глаголы на *-ить* являются отыменными не только в таких случаях, как *шофер – шоферить*, но и в таких, как *аврал – авралить* (мотивирующее – стилистически нейтральное существительное со значением действия); напротив, слово *дар* («подарок»), как слово по своей стилистической окраске высокое, мотивировано стилистически нейтральным глаголом *дарить*. Замечу, что стилистический критерий заставляет в ряде случаев пересматривать (с учетом также критерия продуктивности) выводы, вытекающие из критерия формальной сложности. Напр., стилистическая окрашенность таких слов, как *нелегал, гуманитар, нейтрал* (названий лица), свидетельствует об их мотивированности стилистически нейтральными прилагательными *нелегальный, гуманитарный, нейтральный* и т. п., хотя основа их и короче основы этих прилагательных,

Критерий, который я называю цепочечным, состоит в том, что в сопоставляемых однокоренных словах присутствует морфемный показатель, указывающий на непосредственную мотивированность одного из этих слов не сопоставляемым с ним словом, а другим однокоренным, входящим в ту же словообразовательную цепочку, но более простым по словообразовательной структуре. Так, при выяснении мотивационных отношений в парах «глагол – существительное» важный структурный признак отглагольности существительного – наличие в нем префикса, выступающего в том же значении в соотносительном глаголе и являющегося префиксом внутриглагольного словообразования: *выходить – выход, смешать – смесь, прорубить – прорубь* и т. п. Этот префикс показывает, что глагол является в подобных парах членом словообразовательной цепочки, более близким к ее исходному члену – вершине гнезда (в данном случае к беспрефиксальному глаголу: ср. *ходить, мешать* – «смешивать», *рубить*). Но в таких парах, как *бродяга – бродяжить, рыбак – рыбачить, кашевар – кашеварить, попрошайка – попрошайничать*, наличие в существительных аффиксов, свидетельствующих об их мотивированности другими однокоренными словами (*бродить, рыба, варить кашу, просить*[11]), говорит об отыменном характере сопоставляемых с ними глаголов *бродяжить, рыбачить* и т. п. Ср. также различие мотивационных отношений между глаголом и существительным со значением действия

в цепочках *друг – дружить – дружба* и *враг – вражда – враждовать*, где показатель мотивированности слова *вражда* словом *враг* – суффикс *-д-* – сохраняется в структуре глагола *враждовать*. О направлении мотивированности свидетельствует в таких случаях иерархия отношений в целой словообразовательной цепочке, а не в одной только паре однокоренных слов.

Наконец, гнездовой критерий состоит в следующем: из двух слов, не обладающих формальными признаками мотивированности, мотивирущим признается то, которое по своему значению является в гнезде стержневым словом, т. е. то, которым мотивированы (непосредственно или опосредствованно) все другие слова данного гнезда[12]. Поэтому, напр., такие существительные (с различными конкретно-предметными значениями), как *воз, вар, тёс, лаз, путы*, мотивированы однокоренными беспрефиксальными глаголами (*везти – возить, варить, тесать, лезть – лазить, путать*), а не наоборот: большинство слов данных гнезд мотивируется соответствующими глаголами, но не существительными, что вызвано узкой специализацией значения этих существительных по сравнению с глаголами. Напротив, в таких парах, как *соль – солить, пыль – пылить, белый – белить* или *белый – белеть*, мотивирущими являются имена как слова стержневые для данных гнезд. Действие гнездового критерия определяется той существенной особенностью структуры словообразовательных гнезд, что лексическое значение исходного слова является общим компонентом семантики всех других слов гнезда, чего нельзя сказать о лексических значениях других (неисходных) слов[13].

7. Установление отношений словообразовательной мотивированности в конкретной паре слов не может не опираться на системно-словообразовательный анализ. При этом должны привлекаться не только словообразовательные цепочки и гнезда, но и словообразовательные типы и их группировки. Так, направленность мотивации от первого слова ко второму в парах *художник – художница, жрец – жрица, немец – немка* и т. п. (с одинаковым количеством вычленяемых отрезков основы) определяется тем, что в словообразовательной системе в целом для таких соотношений характерна однонаправленность выражения мотивации: от слова мужского рода со значением лица к слову со значением лица женского пола (ср. *мастер – мастерица, писатель – писательница* и мн. др.), но не наоборот.

Иначе обстоит дело в таких парах, как *оппортунизм – оппортунист, меланхолия – меланхолик, цинизм – циник* (также с одинаковым количеством вычленяемых отрезков основы). Учитывая системную разнонаправленность выражения мотивации в парах такой семантики (см. об этом выше, п. 4) и неприменимость в таких случаях других критериев мотивированности, мы должны признать наличие в этих парах в з а и м н о й м о т и в а ц и и. То же касается таких пар, как, напр., *балагур – балагурить, баламут – баламутить.*

Взаимная мотивация не означает отсутствия мотивационных отношений или отсутствия направленности мотивации. Она означает только, что направленность эта – двусторонняя и что (при отсутствии для обоих взаимомотивированных слов общего мотивирующего) оба слова выступают как две равноправные вершины словообразовательного гнезда.

Поставленная в настоящем докладе проблема требует дальнейшей разработки на основе комплексного анализа выраженности мотивационных отношений в различных семантических группировках пар однокоренных слов.

Примечания

[1] Этот критерий («возможность аналогичных образований, существующая в синхронной системе языка») отмечен в кн.: Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966. С. 57 (авторы раздела «Словообразование» – В. В. Лопатин и И. С. Улуханов).

[2] *Кубрякова Е. С.* Что такое словообразование. М., 1965. С. 35.

[3] См. об этом: *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 6–7.

[4] См.: *Лихтман Р. И.* К вопросу об основных понятиях словообразования // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1975, № 2. С. 158.

[5] См.: Основы построения описательной грамматики.., с. 58.

[6] О глаголах этого типа см.: *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика, с. 78–80.

[7] *Заживить* («сделать так, чтобы что-нибудь зажило») – глагол, мотивированный словом *зажить*, а не словом *живой* или *живить*.

[8] Отвлекаемся здесь от того факта, что непосредственно мотивирующим для слов данного типа с суффиксом *-ств(о)* является, как правило, не существительное со значением лица, а соответствующее относительное прилагательное с суффиксом *-ск-* (см.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 94).

[9] См.: *Улуханов И. С.* Отношение мотивации между глаголом и существительным со значением действия // Вопр. языкознания. 1975, № 4, а также его доклад на настоящей конференции.

[10] См.: *Земская Е. А.* Понятия производности, оформленности и членимости слов // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966. С. 8–9; *Лопатин В. В.* Мена полногласия и неполногласия в словообразовании современного русского языка // Русский язык в школе. 1970, № 6. С. 61. Статья перепечатана: с. 406–415 данного издания.

[11] О том, что слово *попрошайка* непосредственно мотивировано глаголом *просить* и содержит префикс *по-* со значением многократности и многообъектности действия, см.: *Лопатин В. В.* Префиксально-суффиксальные отглагольные имена и их синхронические словообразовательные связи // Филол. науки. 1977, № 5. Статья перепечатана: с. 208–220 данного издания.

[12] Ср. «словообразовательный критерий внутренней производности», отмеченный в статье: *Соболева П. А.* Об основном и производном слове при словообразовательных отношениях по конверсии // Вопр. языкознания. 1959. № 2. С. 92–95.

[13] Ср. понятие «стержневых» лексических значений гнезд в кн.: *Тихонов А. Н.* Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971. С. 220.

Множественность мотивации и ее отражение в отглагольном именном словообразовании

[Русский язык в школе. 1976, № 2]

Под м о т и в и р о в а н н о с т ь ю слова (в широком смысле этого термина) в языкознании понимается соответствие значения слова его звучанию; в мотивированных словах значение и звучание находятся в отношениях взаимной причинной обусловленности. Частными случаями мотивированности являются звукоподражательная мотивировка слова (ср.: *гул, шорох),* семантическая мотивировка, т. е. обусловленность одного из значений слова другим (ср.: *рукав пальто* и *рукав реки, пожарный рукав),* при которой, однако, в большинстве случаев мы имеем дело с мотивированностью значений слова, а не слов. Но наиболее распространенным, преобладающим проявлением мотивированности слова является словообразовательная мотивированность, или производность, при которой значение одного слова (мотивированного, производного) обусловлено значением другого однокоренного слова (мотивирующего, производящего).

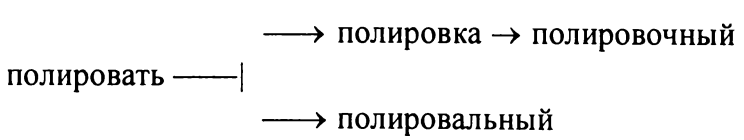
Как и всякая мотивированность, словообразовательная мотивированность[1] – явление двустороннее, формально-семантическое. Нельзя рассматривать слово *ворона* как мотивированное словом *вор,* поскольку связь этих слов только звуковая; но нельзя и рассматривать слово *портной* как мотивированное глаголом *шить:* связь этих слов только семантическая. Словообразование занимается такими семантическими отношениями слов, которые выражены формально.

Отсюда следует, что при установлении отношений словообразовательной мотивированности (производности) необходимо исходить из совокупности семантических и формальных отношений между словами. В практике словообразовательного анализа, в том числе и в школе, часто возникает проблема: какое из нескольких однокоренных слов признать непосредственно мотивирующим (производящим) для данного производного? Например: значение слова *учительница* можно передать и через глагол («женщина, которая учит...»), и через существительное («женщина-учитель»).

Однако производящее для него – слово *учитель,* так как оно ближе к слову *учительница* по составу морфем, чем глагол *учить*: в нем выделяется суффикс *-тель,* который есть в слове *учительница,* но которого еще нет в слове *учить* (словообразовательная цепочка: *учить→учитель→учительница).*

Точно так же для существительного *побелка* производящим является не прилагательное *белый* и не глагол *белить,* а глагол *побелить,* так как только в этом глаголе появляется префикс *по-,* который есть в слове *побелка (белый→ белить →побелить →побелка).* Для слова *разливка* производящий глагол не *лить* и не *разлить,* а *разливать.* Корень в этом существительном *-ли-* (как и в глаголе *лить),* а суффикс *-в-,* который выделяется в нем перед формантом *-к(а),* достался ему от производящего глагола *разливать.* Этого суффикса нет ни в глаголе *лить,* ни в глаголе *разлить; разливать* – слово, наиболее близкое по составу морфем к существительному *разливка: лить→ разлить → разливать → разливка.*

Какое слово считать производящим для прилагательного *полировочный: полировать* или *полировка?* Лексическое значение у глагола и существительного одинаковое: оба обозначают определенное действие, а прилагательное *полировочный* имеет значение «предназначенный для этого действия». Таким образом, это прилагательное по значению одинаково удалено и от глагола *полировать,* и от существительного *полировка.* Но по форме, по составу морфем оно ближе к слову *полировка:* в нем содержится тот же суффикс, что и в существительном, только в измененном виде (суффиксальный морф *-оч-* в слове *полировочный* получился из морфа *-к-* в результате чередования *к – ч* и появления беглого гласного *о,* обусловленных последующим суффиксом *-н-*). А синонимичное прилагательное *полировальный* производно непосредственно от глагола *полировать* (суффикс *-льн-* и инфинитивная основа глагола); все это можно отразить в такой схеме:

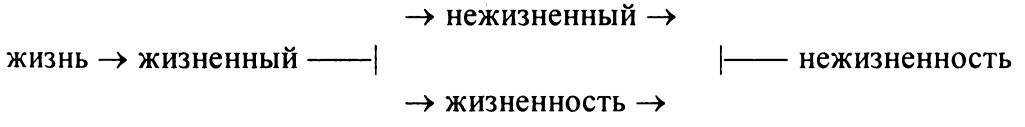


По тем же причинам прилагательные *изоляционный, демонстрационный (демонстрационный зал)* и т. п. непосредственно мотивированы не глаголами типа *изолировать, демонстрировать,* а существительными типа *изоляция, демонстрация,* также

обозначающими действие, и поэтому выделяют суффиксальный морф *-онн-*, а не *-ационн-* (морф *-аци-* принадлежит в них мотивирующей основе).

Итак, основной принцип выбора непосредственно мотивирующего (производящего) слова таков: из нескольких однокоренных слов, каждое из которых проще данного производного слова по составу морфем, производящим является то, которое ближе других к нему по составу, т. е. имеет больше общих с ним морфем.

Однако встречаются, и довольно часто, в русском словообразовании такие случаи, когда ни семантические, ни формальные основания не дают возможности предпочесть одно из двух (или более) однокоренных слов в качестве производящего для данного производного слова. В этих случаях приходится говорить о множественности мотивации слова – одновременной мотивированности его двумя и более словами (некоторые лингвисты предпочитают называть это явление «множественностью словообразовательной структуры слова»[2]). Например, для слова *нежизненность* мотивирующими являются одновременно и прилагательное *нежизненный,* и существительное *жизненность;* в первом случае в качестве форманта выступает суффикс *-ость,* во втором – префикс *не-:*



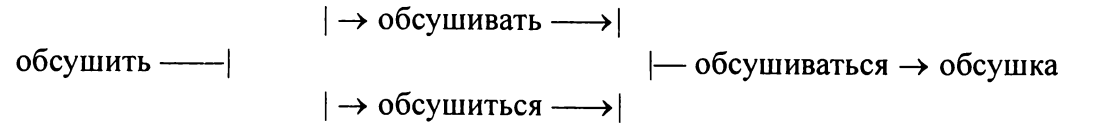
Для решения вопроса о множественности мотивации того или иного слова необходимо применять системно-словообразовательный анализ, привлекая для сопоставления сходные по структуре образования, где каждая из данных мотиваций выступает в качестве единственной (к слову *нежизненность* такими параллелями могут быть, например: *смелый – смелость* и *друг – недруг).*

Весьма своеобразно проявляется множественность мотивации в сфере отглагольного именного словообразования. Рассмотрению этого явления и посвящена настоящая статья, основная цель которой – определить круг отглагольных имен, мотивированных двумя и более однокоренными глаголами (дву- и полимотивированных), и отграничить их от образований, мотивированных единственным глаголом (одномотивированных). Указанная проблема состоит из нескольких более частных проблем, связанных с характером семан-

тико-грамматического соотношения мотивирующих глаголов. Одна из них – проблема мотивированности глаголами, составляющими видовую пару, – рассматривалась нами раньше[3].

Мотивированность глаголами, соотносительными по залогу и возвратности

Примечательной структурной особенностью русских отглагольных имен является отсутствие в их составе постфикса *-ся/-сь,* находящегося в мотивирующем глаголе после флексий. Между тем именно глагольный постфикс *-ся/-сь* является выразителем значений страдательного залога и возвратности. Поэтому в русском языке отглагольные имена не передают не только видовых различий, но и семантических, связанных со страдательностью и возвратностью[4]. Этим определяется еще один аспект проблемы множественности мотивации русских отглагольных имен: двумотивированность их глаголами, различающимися наличием и отсутствием постфикса *-ся/-сь.* Явление это с формальной точки зрения очень простое, поскольку оно не связано ни с какими формальными ограничениями; что же касается семантической стороны, то оно последовательно обнаруживается лишь в nomina actionis (это отмечается и в толковых словарях). Ср., например: *подогрев* – действие по глаголам *подогревать* и *подогреваться; затормаживание* – действие по глаголам *затормаживать* и *затормаживаться; сформирование* – действие по глаголам *сформировать* и *сформироваться; обсушка* – действие по глаголам *обсушить, обсушивать, обсушиться* и *обсушиваться; раскатка* – действие по глаголам *раскатать, раскатить, раскатывать, раскататься, раскатиться* и *раскатываться.* Как видим, то количество мотивирующих глаголов из соотносительных по виду, которое характерно для данного отглагольного существительного – названия действия, при наличии в языке соотносительных с ними страдательных или возвратных глаголов, как правило, увеличивается вдвое, что способствует расширению круга полимотивированных отглагольных имен. Вот, например, схема словообразовательной мотивированности слова *обсушка:*



Семантическая соотносительность nomina actionis с мотивирующими глаголами, составляющими залоговую пару (т. е. с глаголами действительного и страдательного залога), однотипна: в любом контексте такие существительные соотносительны одновременно с глаголами обоих залогов. Так, в контексте *Роль труда в процессе о ч е л о в е ч е н и я обезьяны* отглагольное существительное обозначает одновременно и то, что труд *очеловечил* обезьяну, и то, что обезьяна *очеловечилась* под влиянием труда; аналогично контекст *Р а з р а б о т к а проекта завершается* означает и то, что проект *разрабатывается,* и то, что его *разрабатывают.* Таким же свойством обладают многие образования, мотивированные глаголом так наз. «общевозвратного» значения и соответствующим глаголом без постфикса: например, слова *удивление, испуг* означают и то, что кто-то чему-то *удивился,* чего-то *испугался,* и то, что его что-то *удивило, испугало.* Внутренние семантические отношения подобных мотивирующих глаголов можно определить как каузативно-следственные: действие, названное глаголом без *-ся,* вызывает (каузирует) действие, названное постфиксальным глаголом[5].

В целом же для двумотивированности nomina actionis возвратными глаголами различных значений и соответствующими беспостфиксальными характерна семантическая соотносительность существительного в каждом конкретном употреблении с одним из членов такой глагольной пары, но соотносительность эта определяется исключительно контекстом или даже только ситуацией. Таковы, например, существительные *мытье, купание* (мотивирующие глаголы – *мыть, купать* и *мыться, купаться* в собственно-возвратном значении), *поцелуй (поцеловать* и *поцеловаться* во взаимно-возвратном значении), *встреча (встретить* и *встретиться* во взаимно-возвратном или общевозвратном значении), *подпись, подписка, приборка (подписать, прибрать* и *подписаться, прибраться* в косвенно-возвратном значении), *остановка (остановить* и *остановиться* в общевозвратном значении), *стук (стучать* и *стучаться* со значением интенсивности действия)[6].

Возможность двумотивированности глаголами с *-ся* и без *-ся* у отглагольных имен других словообразовательных значений определяется – при отсутствии, как уже отмечалось, формальных запретов – семантикой таких отглагольных имен, и прежде всего словообразовательной семантикой. Двумотивированность по за-

логу здесь затруднена тем обстоятельством, что одним из компонентов словообразовательной семантики отглагольных имен часто является агентивность (активное отношение к производимому действию) или, наоборот, объектность (пассивность). Так, существительные со значением активного производителя действия мотивируются глаголами без *-ся:* естественно, что *подстрекатель* – это тот, кто *подстрекает* (а не тот, кто *подстрекается); избавитель, освободитель* – тот, кто *избавил, освободил* (кого-либо от чего-либо), а не тот, кто *избавился, освободился; мойщик* – тот, кто *моет* что-либо и т. д. Для образований же со значением орудия действия и вообще предмета, предназначенного для осуществления действия, двумотивированность такими глаголами в принципе возможна, хотя в большинстве случаев мотивированность глаголом с *-ся* здесь менее актуальна, чем соотносительным глаголом без *-ся*. Ср., например., *увлажнитель* – средство для того, чтобы *увлажнять* что-либо и чтобы что-то *увлажнялось; лейка* – приспособление для того, чтобы *лить* воду и чтобы *лилась* вода. Наиболее естественной представляется такая двумотивированность для существительных со значением места действия, например: *красильня* – место, где что-либо *красят* и где что-либо *красится; хранилище* – место, где что-либо *хранят* и где что-либо *хранится; мельница* – место, где *мелют* зерно и где зерно *мелется.*

При решении вопроса о возможной двумотивированности по залогу конкретных отглагольных имен очень важен системный подход, учет общего словообразовательного значения, характерного для типа в целом. Например, слово *вкладыш* допускает мотивацию и глаголом *вкладывать,* и глаголом *вкладываться;* ср. также: *отпечаток* – и то, что *отпечатано,* и то, что *отпечаталось; делегат* – и тот, кого *делегируют,* и тот, кто *делегируется; экспонат* – и то, что *экспонируют,* и то, что *экспонируется.* Во всех этих случаях, однако, единственной словообразовательной мотивацией является первая (глаголами без *-ся),* что определяется общим словообразовательным значением всех трех типов – существительных с суффиксами *-ок, -ыш* и *-ат.* Все они обозначают объект или результат действия. Не случайно во всех этих типах имеются образования, допускающие лишь одну мотивацию – глаголом без *-ся* (соответствующий глагол с *-ся* либо отсутствует, либо относится к устарелым): *подкинуть – подкидыш, подранить –*

подранок, набросать – набросок, адресовать – адресат (адресоваться соотносительно не по залогу) и др. Общий взгляд на эти словообразовательные типы таков: типы эти противопоставлены типам с агентивным значением, а объектное значение имени предполагает мотивированность глаголом активного значения. При выборе глагола страдательного залога в качестве мотивирующего для отдельных образований их значение было бы совсем другим – значением субъекта действия, его производителя, что привело бы к нарушению семантического единства образований одного и того же типа.

Зато в словообразовательных типах, объединяющих в своем общем значении и активное, и пассивное отношение к действию, названному мотивирующим глаголом, возможна одновременная мотивация глаголами залоговой пары, а также глаголом общевозвратного значения и соответствующим глаголом без *-ся.* Сюда относятся прежде всего типы отглагольных прилагательных с суффиксами *-н-, -тельн-, -к-, -чат-, -ем-/-им-* во всех этих типах имеются как образования, обозначающие активный признак *(надоедный, привлекательный, едкий, неиссякаемый, несмолкаемый),* так и пассивный *(ссыльный, лепной, желательный, жалкий, терпимый, неодолимый* и т. п.). Оба признака совмещаются в значении таких, например, прилагательных, как *привозной, употребительный, читабельный, варкий, плавкий, взрывчатый, неизгладимый* и т. п. Но, разумеется, не может быть речи о двумотивированности по залогу для образований тех словообразовательных типов, где в качестве мотивирующих выступают только непереходные глаголы или глаголы с непереходным значением, например, для прилагательных с суффиксами *-л-, -уч-/-ач- (спелый, прыгучий* и т. п.).

Что же касается возможностей мотивации подобных отглагольных имен возвратными глаголами различных значений, то она, как и возможность двумотивированности по возвратности, определяется индивидуально для каждого образования, в соответствии с его лексическим значением. Например: *купаться* (не *купать!) – купальщик, купальня, купальный,* но *париться* и *парить* (кого) – *парильщик; раздеваться – раздевальня, раздевалка; адресовать* и (устар.) *адресоваться – адресат; умывать* и *умываться – умывальник; колоть* и *колоться – колкий* (причиняющий уколы), *колючий; задирать* и *задираться* (приставать к кому-л.) – *задиристый.*

Другие случаи двумотивированности глаголами

Рассмотрим еще три случая двумотивированности отглагольных имен, занимающие не столь значительное место в словообразовательной системе, как описанный выше, но тем не менее весьма характерные для отглагольного словообразования:

1. Особого рода двумотивированность глаголами имеет место при наличии глагольных пар, состоящих из бесприставочного глагола несов. вида и мотивированного им глагола с суффиксом *-ну(ть),* обозначающего однократное действие: *махать – махнуть, толкать – толкнуть, прыгать – прыгнуть, зевать – зевнуть, капать – капнуть* и т. п. Большинство исследователей не считает такие пары чистовидовыми, поскольку, помимо значения сов. вида, глаголы с суффиксом *-ну(ть)* выражают значение одноактного способа действия[7]. Поэтому двумотивированность глаголами таких пар может быть признана только для отглагольных имен, отражающих в своей семантике значение одноактности. Главным образом это относится к существительным с суффиксом *-ок*, также обозначающим одноактное действие: *прыгать* и *прыгнуть – прыжок,* аналогично *толчок, зевок, шлепок* и т. п.; кроме того, сюда относятся и некоторые образования того же значения с нулевым суффиксом: *махать* и *махнуть – мах, щелкать* и *щелкнуть – щелк* (щелчок); из образований конкретного значения можно упомянуть, например: *капать* и *капнуть – капля* (с нулевым суффиксом). При мотивации глаголами с суффиксом *-ну(ть)* последний, в соответствии с общей закономерностью, присущей образованиям от глаголов на *-нуть,* отсекается.

Говоря о словообразовательных связях существительных типа *прыжок, мазок* в современном русском языке, А. А. Дементьев пишет, что слова эти «соотносятся по смыслу с глаголами совершенного вида»[8], т. е. с глаголами одноактного действия. Но несомненно, что они соотносятся и с глаголами несов. вида: названия одноактного действия обоих суффиксальных типов – глагольного с суффиксом *-ну(ть)* и субстантивного с суффиксом *-ок* представляют собой параллельные образования, мотивированные одними и теми же глаголами несов. вида и содержащие одну и ту же конкретизацию выраженного в последних значения действия, безотносительно к характеру его протекания (но для субстантивного типа это лишь одна из двух возможных мотиваций). Ни

семантических, ни формальных препятствий для такой трактовки нет. Об этом же свидетельствует и наличие существительных одноактного значения, для которых нет в языке мотивирующих глаголов с суффиксом *-ну(ть): звонить – звонок, рвать – рывок*[9], *гудеть – гудок*[10], *смеяться – смешок* (в значении «короткий смех»), *жать (жмут) – жим* (спорт. термин) и т. п.; таким образом, для образования существительных со значением однократного действия не обязательно наличие в языке глагола с таким же значением (возможны, с другой стороны, и существительные этого значения, мотивированные только глаголами на *-нуть*, например: *дунуть – дуновение).*

Естественно, что слова, не отражающие в своей семантике значения одноактности, являются одномотивированными глаголом несов. вида: так, существительные *качка, копка, звяк* мотивированы только глаголами *качать, копать, звякать* (но не *качнуть* и т. п.).

2. Двумотивированность отглагольных имен однокоренными глаголами однонаправленного и разнонаправленного движения, т. е. следующими глагольными парами: а) *бежать (бегут) – бегать, гнать (гонят) – гонять, катить – катать, лезть – лазать* и *лазить, лететь – летать, плыть (плывут) – плавать, ползти – ползать, тащить – таскать*; б) *брести (бредут) – бродить, вести (ведут) – водить, везти – возить, нести – носить, ехать (едут) – ездить*[11] (последняя пара таких глаголов образуется супплетивно: *идти – ходить).* Во всех этих парах глагол разнонаправленного движения является мотивированным, причем образуется в парах группы *а* с помощью суффикса *-а(ть),* а в парах группы *б* – с помощью суффикса *-и(ть)* (в некоторых парах суффиксация сопровождается чередованиями в корне). Указанное семантическое соотношение внутри глагольных пар этого типа характерно лишь для беспрефиксальных глаголов; однокоренные с ними префиксальные глаголы, образуемые аналогичным образом (ср., например, *отнести – относить, завести – заводить, перегнать – перегонять),* являются уже видовыми парами.

Двумотивированность отглагольных имен такими парами глаголов возможна, как и в предыдущем случае, только при «усекающих» суффиксах[12] и при семантическом соответствии обоим глаголам. Например: *гнать* и *гонять – гонка, гон, гоньба* (действие по обоим глаголам), *гончий, гонкий* (о собаке); *бежать* и *бегать* –

бег, бегун; плыть и *плавать – пловец, плавучий; ползти* и *ползать – ползучий, ползком; лететь* и *летать – лёт, лётный, летучий; везти* и *возить – возчик; вести* и *водить – вожак; нести* и *носить – ноша; ехать* и *ездить – езда, ездок.* Количество мотивирующих глаголов может увеличиваться за счет двумотивированности по возвратности: так, для слова *гоньба* мотивирующие глаголы – не только *гнать* и *гонять,* но и *гнаться, гоняться.*

Семантическая связь с мотивирующими глаголами движения часто проявляется в соотнесенности с названием действия как актуального процесса (при мотивированности однонаправленным глаголом) и как привычного занятия, умения, склонности (при мотивированности разнонаправленным глаголом). Ср., например: *бегун приближался* (ср. *бежать)* и *он хороший бегун* (ср. *бегать);* аналогично *пловец, ездок, вожак, экскурсовод.* Таковы же семантические связи слова *езда* в следующих примерах: *Я задремал, убаюканный пением бури и качкою тихой езды* (Пушкин); *И какой же русский не любит быстрой езды?* (Гоголь). В первом примере *езда* соотносится с *ехать,* во втором – с *ездить.*

Сложения-названия механизмов типа *самолет, паровоз, лесовоз* мотивируются в первую очередь разнонаправленными глаголами *(самолет – летающий* сам, *лесовоз* – то, на чем *возят* лес или машина, *возящая* лес); однако допустима и одновременная мотивация однонаправленными глаголами *(может лететь сам,* на чем *можно везти лес* и т. п.)[13]. Ср. также новое *звездолет:* машина, *летящая (летающая)* к *звездам.*

Но нередки имена, мотивированные по семантическим причинам единственным глаголом движения, например: *бродить – бродяга* – тот, кто *бродит (не бредет!); плыть – вплавь, лететь – мимолетом, ехать – мимоездом* (образования, сопоставимые только с названиями актуального однонаправленного движения). По формальным причинам одномотивированными являются образования от глагола супплетивной пары *ходить (ход, ходьба, ходок,* а также семантически соответствующие однонаправленному глаголу *идти: дымоход, ледоход, мимоходом* и т. п.[14]).

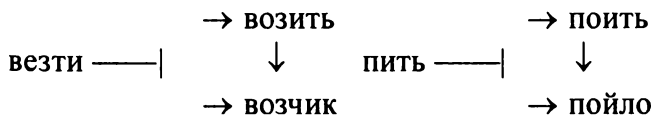
3. Имеется, наконец, ряд глагольных пар, члены которых находятся в семантических отношениях каузативности – следственности, т. е. один из глаголов обозначает действие, вызывающее другое действие, названное мотивирующим глаголом того же корня, причем каузативный глагол образован суффиксальным способом

с помощью суффикса *-и(ть),* иногда сопровождающегося чередованиями в корне: *гаснуть – гасить, тухнуть* (гаснуть) – *тушить, гибнуть – губить, гнить – гноить, пить – поить, (у)мереть – (у)морить, (с)плыть – (с)плавить* (например, лес по реке), *расти – растить, звенеть – звонить* (в значении «вызывать звон», например, *звонить в колокол), перелечь – переложить, пересесть – пересадить* и нек. др.

Естественно, что в отглагольных образованиях с усекающими суффиксами возможна двумотивированность и такими глагольными парами при условии семантического соответствия этих имен обоим глаголам (принципиальная возможность двумотивированности глаголами, находящимися в семантических отношениях каузативности, была уже выяснена выше, при рассмотрении двумотивированности по залогу). Например: *угаснуть* и *угасить – неугасимый* (такой, который не может *угаснуть* и такой, который нельзя *угасить),* аналогично *гаснуть* и *гасить – негасимый; пить* и *поить – водопой* (место, где *пьют* звери, скот, и место, где *поят* скот), аналогично *водопойка* и *пойло; пересесть (пересядут)* и *пересадить – пересадка* (действие по обоим этим глаголам); *звенеть* и *звонить – звон; мереть* и *морить – мухомор* (средство, от которого *мрут* мухи и то, чем *морят* мух); *умереть* и *уморить – умора* (то (или тот), от чего (кого) можно *умереть,* и то (тот), что (кто) может *уморить).* Количество мотивирующих глаголов может здесь увеличиваться за счет двумотивированности по виду и залогу (возвратности): так, существительное *пересадка* мотивировано, помимо двух указанных глаголов, еще глаголами *пересаживать* и *пересаживаться.*

Остается добавить, что в последних двух случаях – при мотивированности глаголами движения и суффиксальными каузативными глаголами – в отглагольных именах отмечаются те же чередования в корне, что и во вторичных (мотивированных) глаголах соответствующих пар: ср., *везти* и *возить – возчик, ехать* и *ездить – ездок, звенеть* и *звонить – звон, пить* и *поить – пойло.*

Таким образом, все эти отглагольные имена ближе по фонематической структуре корневого морфа к глаголу разнонаправленного движения или к каузативному глаголу:



Один из мотивирующих глаголов и отглагольное имя следует рассматривать в этих случаях как параллельные образования, характеризующиеся одними и теми же чередованиями в корне. Как видим, параллельная и последовательная мотивированность в таких парах, как *возить* и *возчик, поить* и *пойло,* совмещаются.

Примечания

[1] См. об этом также: *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. I. Praha, 1962. С. 208.

[2] См., например: *Тихонов А. Н.* Множественность словообразовательной структуры слова в русском языке // Русский язык в школе. 1970, № 4; *Улуханов И. С.* Словообразовательная мотивация и ее виды // Известия АН СССР. СЛЯ. 1971, № 1; *Worth D. S.* Ambiguity in russian derivation // The Slavic word / Proceedings of the International slavistic colloquium at the University of California. 1970. The Hague – Paris, 1972.

[3] См.: *Лопатин В. В.* О критериях выбора мотивирующего глагола из коррелятивных по виду // Русский язык в школе. 1975, № 3. Статья перепечатана: с. 189–203 данного издания.

[4] См. также: *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1972. С. 102; *Пешковский А. М.* Глагольность как выразительное средство // Пешковский А. М. Избранные труды. М., 1959. С. 107.

[5] См., например: *Мучник И. П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971. С. 53–54.

[6] Здесь используется система значений возвратных глаголов, представленная в «Грамматике современного русского литературного языка». М., 1970. С. 353–354.

[7] См., например: *Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. Л., 1967. С. 43.

[8] *Дементьев А. А.* Очерки по словообразованию имен существительных в русском языке // Уч. зап. Куйбышевского пед. ин-та. Вып. 27, 1959. С.112.

[9] Глагол *рвануть* содержит суффикс *-ану(ть),* отличающийся от суффикса *-ну(ть)* оттенками интенсивности или неожиданности действия (ср. *крутануть, сказануть* и т. п.); глаголы на *-ануть* не дают в русском языке производных.

[10] Глагол *гуднуть* возможен лишь как окказиональный и стилистически окрашенный.

[11] Здесь, как и в именах, мотивированных глаголом *ехать,* нерегулярная мена согласных *д – зд(зд')*.

[12] Под усекающими имеются в виду суффиксы, перед которыми не сохраняются конечные гласные инфинитивной основы мотивирующего глагола, например, суффикс *-к(а): варить – варка, читать – читка* и т. п.

[13] О возможности соотнесения таких слов с однонаправленными глаголами свидетельствует и возможность употребления этих глаголов в функции «настоящего постоянного»: *паровоз везет паром* и т. п.

[14] Впрочем, в качестве мотивирующего для таких образований можно рассматривать (с некоторыми оговорками формального характера) и глагол *проходить.*

О критериях выбора мотивирующего глагола из коррелятивных по виду

[Русский язык в школе. 1975, № 3]

Важнейшая специфическая проблема отглагольного словообразования – выбор мотивирующего глагола из соотносительных по виду. В практике словообразовательного анализа нередко встают такие вопросы, как, например: какой глагол считать мотивирующим (производящим) для слов *включение, отбелка – включить* или *включать, отбелить* или *отбеливать?* Или, может быть, такие слова мотивированы одновременно обоими глаголами, составляющими видовую пару?

Как бы ни понималась видовая глагольная пара – как разные слова или как формы одного и того же слова, – не подлежит сомнению, что в формальном отношении члены такой пары представляют собой разные парадигмы спряжения, каждая из которых характеризуется определенным соотношением основ (принадлежит к определенному словоизменительному классу), что дает им возможность самостоятельно мотивировать отглагольные слова; ср., например, *(звуко)уловитель* и *(звуко)улавливатель.* В дальнейшем изложении мы исходим из той достаточно распространенной точки зрения (см. труды С. Карцевского, Н. Н. Дурново, П. С. Кузнецова и др.), что все соотносительные по виду однокоренные глаголы, в том числе и различающиеся только видовым значением (например, *налить – наливать, делать – сделать),* представляют собой разные слова. Такой подход позволяет рассматривать сформулированную в заголовке проблему как проблему множественности (обычно двойственности) или единственности словообразовательной мотивации.

Известно, что в русском языке видовые различия глагола в семантике отглагольных имен нейтрализуются. Отглагольные существительные со значением действия «соответствуют в одинаковой мере инфинитиву совершенного и несовершенного вида»[1]. Как отметил еще А. А. Потебня, соответствие таких существительных «по характеру действия глаголам совершенного или несовершен-

ного вида зависит от контекста»[2]. Действительно, в предложении *Целый день продолжалось рассмотрение дела* слово *рассмотрение* семантически ближе к глаголу несов. вида *рассматривать,* а в предложении *Рассмотрение дела было закончено к вечеру* то же слово, обозначая завершенное действие, соответствует уже глаголу *рассмотреть.*

Известен и тот факт, что при условии сохранения в структуре отглагольного имени суффикса несов. вида *-ива-/-ва-/-а-* оттенок длительности действия может довольно четко ощущаться в семантике nomina actionis, особенно при наличии параллельных образований от двух глаголов видовой пары (ср. *осознание – осознавание, выпадение – выпадание, спасение – спасание* и т. п.). Аналогичным свойством обладают и существительные, образуемые от префиксальных глаголов сов. вида с так называемыми «чистовидовыми» префиксами (ср. *формирование – сформирование, комплектование – укомплектование* и т. п.), которые могут контекстуально использоваться для подчеркивания доведенности действия до результата. Однако такие возможности nomina actionis еще очень далеки от регулярного выражения видовых противопоставлений[3].

Не отражают видовых различий мотивирующих глаголов и отглагольные имена других словообразовательных значений. При определении лексических значений агентивных существительных (названий производителя действия) в словарях преобладают формулировки двух типов: 1) *освободитель* – «кто освободил или освобождает кого-, что-л.»; *притворщик* – «кто притворяется или притворился»; 2) *составитель* – «кто занимается составлением чего-л.»; *сварщик* – «кто работает по сварке металлов» и т. п. Формулировки первого типа чаще используются при названиях производителя временного, или так наз. «актуального», действия; формулировки второго типа – чаще при названиях лица или предмета по постоянному действию, назначению (для лица – также по занятию, профессии). В первом случае в самой формулировке подчеркивается соотнесение производимого действия с глаголами обоих видов, во втором же случае название производителя действия соотносится с существительным – названием действия как постоянно присущего характерного признака, названием нейтральным, как уже было отмечено, по отношению к виду.

Подобным же образом могут быть определены значения и для отглагольных существительных и прилагательных другой слово-

образовательной семантики. Например: *вкладыш* – это и «то, что вложено во что-л.», и «то, что вкладывают во что-л.», и «то, что предназначено для вкладывания, во что-л.»; *опознавательный* – «такой, по которому опознают что-л.», «по которому можно опознать что-л.» и «служащий для опознавания чего-л.».

Показательно также, что в тех отглагольных именах, где формальные признаки (о которых речь пойдет ниже) позволяют определить единственный мотивирующий глагол, словообразовательная семантика ни в коей мере не зависит от вида этого глагола, хотя такие образования могут мотивироваться глаголами разных видов; ср., напр., *выключатель, проигрыватель, взрыватель* (мотивирующие глаголы – несов. вида) и *проявитель, ускоритель, выпрямитель* (глаголы сов. вида). Об этом же говорят такие словообразовательные синонимы, как *блеклый – поблеклый, неколебимый – непоколебимый.*

Нейтрализация видовых различий глагола в семантике отглагольных имен означает, что с семантической точки зрения слово, мотивированное глаголом, входящим в видовую пару, одинаково удалено от обоих составляющих эту пару глаголов. Но словообразовательная мотивированность – явление двустороннее, формально-семантическое. Поэтому в условиях семантической равновозможности коррелятивных по виду глаголов мотивировать отглагольное имя решающим для установления мотивирующего глагола оказывается ф о р м а л ь н ы й фактор: мотивирующим признается тот глагол, который ближе к данному отглагольному имени по морфемному составу, с учетом системных формальных закономерностей, присущих конкретным словообразовательным суффиксам и глаголам определенных классов[4].

Рассмотрим те отглагольные имена, для которых либо не существует проблемы выбора мотивирующего глагола из соотносительных по виду, либо эта проблема (благодаря определенным формальным признакам этих имен) решается однозначно. Назовем такие отглагольные имена о д н о м о т и в и р о в а н н ы м и по виду (в противоположность д в у м о т и в и р о в а н н ы м). К ним относятся следующие группы образований.

1. Образования, мотивированные глаголами, не входящими в видовую пару (так. наз. одновидовыми): *стирать* («мыть») – *стирка, устоять – устойчивый, издеваться – издевка, потакать – потачка* и т. д., а также мотивированные двувидовыми глаголами: *нормировать – нормировка, информировать – информация, насле-*

довать – наследство и т. п. Естественно, что для таких образований проблема выбора мотивирующего глагола из соотносительных по виду попросту отпадает.

2. Слова, мотивированные глаголами, образующими видовую пару супплетивно (речь идет о таких парах, как *брать – взять, ловить – поймать, класть – положить; разложить – раскладывать* и т. п. с другими префиксами; *отойти – отходить* и т. п. с другими префиксами; *найти – находить): взять – взятка* и *брать – новобранец; ловить – ловля* и *поймать – поимка; находить – находка, отходить – отход, переходить – переходный, выходить – выходец,* но *прийти (пришел) – пришелец, произойти (произошел) – происшествие* (образования от основы прошедшего времени); *класть – кладка, раскладывать – раскладной, укладывать – укладка, складываться – складчина, вкладывать – вклад, вкладка, вкладыш; закладывать – заклад,* но *заложить – залог.* Формальным признаком мотивирующего глагола является в таких образованиях корень.

3. Отглагольные имена, мотивированные глаголами, образующими видовую пару путем префиксации (имеются в виду так наз. «чистовидовые» префиксы с результативным значением[5]). Наличие или отсутствие префикса в таких именах является надежным формальным показателем одномотивированности по виду. Так, совершенно ясно, что слово *ломка,* например, мотивировано глаголом *ломать,* а *слом – сломать,* хотя существительные эти синонимичны (ср.: *ломка традиций* и *слом старой государственной машины).* Ср. также: *спешить – спешный* и *поспешить – поспешный; гаснуть – негасимый* и *угаснуть – неугасимый; покрасить – покраска; помешать – помеха* и т. д.

4. Отглагольные имена с так называемыми «неусекающими» суффиксальными морфами. Все суффиксальные морфы отглагольного словообразования делятся на «усекающие» и «неусекающие». В образованиях с усекающими морфами отсутствует конечная гласная (а также некоторые конечные сочетания фонем) инфинитивной глагольной основы; неусекающие же морфы присоединяются к полной инфинитивной основе на гласную, и потому в таких образованиях сохраняются классовые показатели мотивирующего глагола. Сюда относятся отглагольные существительные с суффиксальными морфами *-тель (изготовитель* – сов. в. и *открыватель* – несов. в.), *-ниj-* и *-тиj- (разыскание, отвердение* – сов. в. и *предсказыва-*

ние, перекрывание, подмигивание – несов. в.), *-тельств(о) (вмешательство* – сов. в. и *отлагательство* – несов. в.), прилагательные с суффиксальными морфами *-тельн- (удовлетворительный, доказательный* – сов. в. и *привлекательный, опознавательный* – несов. в.), *-тельск- (наплевательский* – сов. в. и *надувательский* – несов. в.), *-л- (усталый* – сов. в. и *бывалый* – несов. в.).

5. Отглагольные имена с такими суффиксальными морфами, которые присоединяются только к основам глаголов определенных словоизменительных классов и подклассов. Наиболее распространен среди них усекающий суффиксальный морф *-ениј-*, который употребляется в образованиях от следующих трех групп глаголов: 1) от глаголов II спряжения с инфинитивом на *-ить*, у которых отсутствует конечная гласная инфинитивной основы *(хранить – хранение, ослабить – ослабление);* 2) от глаголов I спряжения разных подклассов с инфинитивом на *-сти (-сть), -зти (-зть), -чь,* причем образование идет от основы наст. времени, совпадающей в ряде глаголов с основой прош. времени: *спасти (спасут, спас) – спасение, везти (везет, везло) – везение; сберечь (сберегут, сберег) – сбережение;* сюда также можно отнести и *сьесть (сьедят) – сьедение;* 3) от нескольких глаголов на *-нуть* при чередовании *у – ов'* или при отсечении конечной части инфинитивной основы *-ну-* и чередовании *г – ж (проникнуть – проникновение, исчезнуть – исчезновение, вторгнуться – вторжение).* Особенно многочисленны и высоко продуктивны образования от глаголов II спряжения на *-ить.* Большинство таких глаголов принадлежит к совершенному виду и составляет видовые пары с глаголами несовершенного вида на *-ать, -ивать.* Последние же образуют nomina actionis с помощью другого продуктивного суффиксального морфа – неусекающего морфа *-ниј-*. Поэтому, например, существительное *включение* образовано от глагола *включить,* а не *включать; заселение* – от *заселить,* а не *заселять; нарушение* – от *нарушить,* а не *нарушать*; аналогично *повредить – повреждение, исказить – искажение,* а также *опасть (опадут) – опадение, рассечь (рассекут, рассек) – рассечение, предпочесть (предпочтут) – предпочтение, опровергнуть – опровержение* и т. п.; образования от соотносительных глаголов несовершенного вида на *-ать* были бы: *включание, опадание, рассекание, опровергание* и т. п. Существительные *раздвоение, очеловечение* и т. п. мотивированы глаголами на *-ить (раздвоить, очеловечить),* а существительные *раз-*

дваивание, очеловечивание и т. п. – глаголами на *-ивать (раздваивать, очеловечивать)*. В первом случае используется усекающий суффиксальный морф *-енић-*, во втором – неусекающий *-нић-*; но все такие образования одномотивированы по виду. Таким образом, формально обусловленная одномотивированность по виду отглагольных существительных с суффиксальными морфами *-нић-*, с одной стороны, и *-енић-*, с другой, имеет под собой различную почву[6].

Последовательное структурное противопоставление существительных данного типа, мотивированных глаголами на *-ить* и *-ать*[7], имеет и историческое объяснение: суффиксальные морфы *-енић-* и *-нић-* связаны по происхождению с морфами суффикса страдательных причастий *-ен-* и *-н-* (современные суффиксальные морфы *-онн-* и *-нн-)*, и не случайно в современном языке распределение морфов того и другого суффиксов по словоизменительным классам (подклассам) глаголов в основном совпадает.

Характерно, что с точки зрения предсуффиксальных чередований согласных *(т'– ч* или *щ, д'– ж* или *жд', ст'– щ, с'– ш, з'– ж, п'– пл', м'– мл'* и т. п., так называемая «йотация») существительные с суффиксальным морфом *-енић-*, мотивированные глаголами на *-ить*, ближе не к ним, а к соотносительным глаголам несов. вида на *-ать, -ивать:* ср. *употребить – употребление* и *употреблять, поработить – порабощение* и *порабощать* и т. п. Но этот факт является лишь следствием параллельного образования существительных на *-енић-* и «вторичных имперфективов» на *-ать, -ивать*, характеризующихся одними и теми же чередованиями, от одних и тех же глаголов на *-ить*, напр.:

появиться —| → появляться; → появление

исказить —| → искажать; → искажение

Сходный случай выбора суффиксального морфа в зависимости от класса (подкласса) мотивирующего глагола представляют собой прилагательные с суффиксом *-ем- /-им-* (чаще выступающим в сочетании с префиксом *не-*). В образованиях от глаголов I спряжения на *-ать* используется суффиксальный морф *-ем-*, присоединяемый к основе наст. времени: *осязать – осязаемый, иссякать – неиссякаемый, миновать – неминуемый, подражать – неподражаемый* и т. п. В образованиях же от других глаголов (на *-ить, -еть,*

-нуть, на *-ать* II спряжения и нек. др.) выступает морф *-им-: ощутить – ощутимый, терпеть – терпимый, вредить – невредимый, опровергнуть – неопровержимый.* Это дает возможность констатировать одномотивированность таких прилагательных: так, слово *непромокаемый* мотивировано глаголом *промокать* (не *промокнуть),* а *нерасторжимый* – глаголом *расторгнуть* (не *расторгать).*

6. Последнюю группу отглагольных имен, одномотивированных по виду, составляют слова, мотивированные глаголами, входящими в видовую пару с глаголом несовершенного вида с суффиксальным морфом *-ва-* (этот морф чаще всего присоединяется к односложному глагольному корню на гласную: *согреть – согревать, разбить – разбивать, надуть – надувать* и т. п.). Такие имена обладают формальными признаками одномотивированности по виду не только при сохранении в них неусеченной основы инфинитива (ср. *прорытие, предатель, открыватель* и т. п.), но и при отсутствии в них конечных гласных инфинитивной основы. Если в таких именах содержится перед суффиксом согласная ***в***, то это *-в-* следует рассматривать как суффиксальный морф, возникший в результате усечения морфа *-ва-* и указывающий на одномотивированность данного слова глаголом несовершенного вида: *заливать – заливка, заливщик, заливной; вышивать – вышивка; продавать – продавец, продувать – продувка, размывать – размыв, набивать – набивной, прививать – прививка, подогревать – подогрев* и т. п. Трудно согласиться с Е. А. Земской в том, что в подобных образованиях *(разливка, сшивной* и т. п.) ***в*** является не суффиксом, а межморфемной прокладкой – «интерфиксом», вставляемым «по морфонологическим причинам»[8]. Отсутствие семантической связи таких образований только с глаголами несовершенного вида не может быть доказательным аргументом в пользу этой точки зрения, поскольку данное семантическое свойство вообще характерно для русских отглагольных имен, а потому выбор мотивирующего глагола из соотносительных по виду зависит здесь, как отмечено выше, только от формальных признаков отглагольного слова. Морфонологическая роль элемента *-в-* в подобных образованиях не исключает его морфемности[9].

С другой стороны, имена, мотивированные глаголами таких же видовых пар и не содержащие ни суффиксального морфа *-в-*, ни инфинитивных показателей, следует рассматривать как одномо-

тивированные глаголом сов. вида. Сюда относятся такие образования, как *помыть (помоют) – помои, промыть (промоют) – промоина, убить (убьют) – убой, убойный; набить (набьют) – набойка, пробить (пробьют) – пробоина, привить (привьют) – привой, греть (греют) – телогрейка, водогрейный; продать (продадут) – продажа* (в последнем – нулевой суффикс и чередование *д – ж*). При этом у глаголов типа *мыть,* у глагола *греть* и др. используется основа настоящего времени, а в основах глаголов *бить, пить, вить* и т. п. часто появляется гласная ***о***, перед которой выступает твердая согласная[10]. Различие образований от составляющих подобные пары глаголов совершенного и несовершенного вида особенно наглядно проявляется в параллельных образованиях типа *промойный – промывной, пробойный, пробивной, сбойка – сбивка:* первые образования в этих парах одномотивированы глаголами совершенного вида, вторые – глаголами несовершенного вида с суффиксальным морфом *-ва-*.

Рассмотренные шесть групп отглагольных имен обладают, таким образом, своими отличительными признаками одномотивированности по виду. Добавим, что эти шесть признаков могут выступать в конкретных образованиях не только поодиночке, но и в совокупности. Так, слова *осязание* и *осязательный* мотивированы единственным глаголом *осязать* в силу признаков 1-го и 4-го; для образований *губить – губитель* и *погубить – погубитель, совершенствовать – совершенствование* и *усовершенствовать – усовершенствование* действительны признаки 3-й и 4-й; для *раскладывать – раскладывание* – признаки 2-й и 4-й, для *входить – вхождение* – признаки 2-й и 5-й, а для *избить – избиение* – 5-й и 6-й.

Применение указанных признаков к конкретным образованиям позволяет установить суффиксы отглагольного именного словообразования, для которых характерна мотивированность глаголами только одного вида – несовершенного. К ним относятся суффиксы существительных *-лк (а) (косилка, выбивалка), -л(а)* и *л(о) (запевала, прилипала, точило), -льщик (сверлильщик, обжигальщик), -льник (светильник, умывальник), -льн(я) (курильня, раздевальня), -ец (жнец, продавец), -ун (бегун, плясун),* а также *-ак, -ач, -арь, -аль, -н(я), -аг(а), -ак(а),-от(а), -б(а), -ож;* суффиксы прилагательных *-льн(ый) (рисовальный, набивальный), -к(ий) (вязкий, ломкий), -уч-/-ач- (колючий, сидячий, приставучий), -он- /-н, -т- (вареный, рваный, колотый)* и некоторые другие, малоупо-

требительные. Нетрудно заметить, что среди перечисленных есть и неусекающие суффиксальные морфы *(-л(а), -лк(а), -льщик, -льн(ый)* и др.), и усекающие *(-ец, -ун, -к(ий)* и др.), причем усекающие морфы из приведенного списка образуют отглагольные имена почти исключительно от беспрефиксальных глаголов.

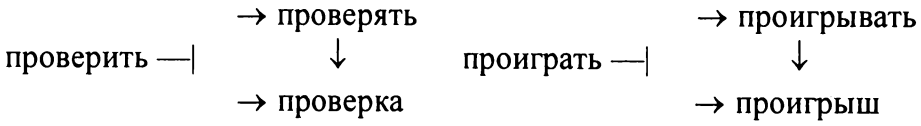
Переходим теперь к отглагольным именам, лишенным формальных признаков одномотивированности по виду и, следовательно, мотивированным обоими членами видовой пары. Естественно, что это явление возможно лишь при усекающих суффиксальных морфах, и притом таких, для которых нехарактерны правила выбора суффиксального морфа в зависимости от словоизменительного класса (подкласса) глагола, подобные, например правилу выбора морфов *-нај-* и *-енај-*, и образования с которыми не ограничены мотивирующими глаголами одного определенного вида (см. выше)[11]. Речь идет об отглагольных именах со следующими суффиксами: существительных с суффиксами *-к (а), -щик/-чик, -ник, -ок, -к(и)* (pluralia. tantum), *-ыш, -ин(а), -ств(о),* с нулевым суффиксом разных морфологических типов[12]; прилагательных с суффиксами *-н; -ист-, -чат; -чив- /-лив-*. При морфологической вариативности одного из мотивирующих глаголов с этими суффиксами возможна мотивированность отглагольного имени более чем двумя глаголами, противопоставленными по виду (одним глаголом одного из видов и двумя – другого): *выломка (от выломать, выломить* и *выламывать), обмен* (от *обменять, обменить* и *обменивать), заготовка* (от *заготовить, заготовлять* и *заготавливать).* Это уже образования, полимотивированные по виду (чаще же встречаются двумотивированные).

Обратимся к структурной характеристике тех составляющих видовую пару глаголов, которые одновременно мотивируют отглагольные имена с указанными усекающими суффиксами.

Одним из членов таких видовых пар является в подавляющем большинстве случаев глагол несовершенного вида с суффиксальным морфом *-а-* или *-ива-(-ыва);* другой же член – глагол совершенного вида (чаще префиксальный) на *-ить, -нуть, -овать,* реже на *-ать, -еть* или с основой на согласную, причем глагол несовершенного вида является в такой паре мотивированным, а глагол совершенного вида – мотивирующим. Ср.: *проверить* и *проверять – проверка, проверщик; поступить* и *поступать – поступок; разлучить* и *разлучать – неразлучный; наклониться* и *наклo-*

нять(ся) – наклон; упрекнуть и *упрекать – упрек; улыбнуться* и *улыбаться – улыбка; отрéзать* и *отрезáть – отрезной.* При мотивированности некоторыми глаголами (преимущественно совершенного вида) образование идет от основы настоящего времени: *напасть (нападут)* и *нападать – нападки; переплести (переплетут)* и *переплетать – переплет, переплетчик; надоесть (надоедят)* и *надоедать – надоедливый; снять (снимут)* и *снимать – снимок; разбежаться (разбегутся)* и *разбегаться – разбег; зазнаться (зазнáются)* и *зазнаваться (зазнаются) – зазнайка.*

Характерной особенностью мотивирующих глаголов на *-нуть* при образовании отглагольных имен является отсечение всего сочетания *-ну,* а не только конечной гласной инфинитивной основы: *улыбнуться – улыбка, откликнуться – отклик* и т. п. Еще более регулярно отсекается в мотивирующем глаголе конечное сочетание инфинитивной основы *-ива-(-ыва-):* в русском языке нет ни одного глагола на *-ивать(-ывать),* от основы которого сохранялось бы в отглагольных словах перед усекающими суффиксами сочетание *-ив-(-ыв-).* Ср.: *отбелить* и *отбеливать – отбелка, отбельный; утаить* и *утаивать – утайка; причалить* и *причаливать – причал; промахнуться* и *промахиваться – промах, промашка; поддержать* и *поддерживать – поддержка*[13]. Схематически двумотивированность видовыми парами с глаголами несов. вида на *-ать* и *-ивать* можно изобразить так:



Возникает вопрос: почему мы признаём в подобных случаях мотивирующим, наряду с глаголом совершенного вида, глагол на *-ивать (-ывать)?* Ведь по структуре основы в большинстве случаев отглагольное имя ближе к глаголу совершенного вида, в котором отсекается только конечная гласная инфинитивной основы. Может быть, глаголы несовершенного вида на *-ивать (-ывать)* вообще не дают производных с помощью усекающих суффиксов, не участвуют в образовании подобных отглагольных имен? О том, что это не так, свидетельствуют по крайней мере три группы примеров: а) образования от видовых пар глаголов на *-нуть* и *-ивать,* где в обоих глаголах отсекаются конечные отрезки инфинитивных основ, большие, чем конечная гласная, так что нельзя говорить о

большей формальной близости основы одного из членов пары к отглагольному имени: *промашка, захлеб* и т. п.; б) образования от глаголов типа *раскладывать,* образующих видовую пару супплетивно: *раскладной, вкладка, склад* и т. п.; в) наконец, образования от глаголов на *-ивать (-ывать),* не входящих в видовую пару (одновидовых): *перестукивать – перестук, подкрикивать – подкрик, прикусывать – вприкуску, приплясывать – припляс* и *припляска, перестреливаться – перестрелка, побрякивать – побрякушка, ухаживать – ухажер* и т. п. Во всех подобных случаях нельзя не признать глагол на *-ивать (-ывать)* единственным мотивирующим глаголом. Таким образом, системные сопоставления доказывают способность глаголов на *-ивать (-ывать)* выступать в качестве мотивирующих в образованиях с усекающими суффиксами, причем сам суффикс *-ива-* в составе мотивирующей основы неизменно отсутствует.

Интересно проверить доказательность привлеченного аргумента, сопоставив его, например, с фактами явной одномотивированности нескольких существительных с суффиксальным морфом *-ениј-* глаголами на *-ать (чтение, общение, наступление* и т. п.). В силу того, что последние (которых, тем не менее, более десятка) представляют собой разрозненные, единичные факты, обусловленные скорее отклонениями от системы, мы не можем считать их достаточно убедительным аргументом, свидетельствующим о возможности существительных с суффиксальным морфом *-ениј-* мотивироваться глаголами на *-ать,* и не допускаем такой мотивированности в масштабах всего отглагольного словообразования. Совсем иначе обстоит дело с образованиями *перестук, подкрик, перестрелка* и т. п., которые одномотивированы глаголами на *-ивать (-ывать).* Дело даже не в их количестве, а в том, что они представляют собой продуктивный способ образования отглагольных имен от одновидовых глаголов, принадлежащих к ряду продуктивных префиксально-суффиксальных словообразовательных типов с участием суффиксального морфа *-ива(ть).* Этот аргумент доказателен именно своей системностью, характерностью для отглагольного словообразования; способность суффиксов *-к(а),* нулевого и др. выступать в образованиях от глаголов на *-ивать* вытекает из него со всей очевидностью.

В структуре отглагольных имен с усекающими суффиксами нередко обнаруживаются различного рода чередования (как соглас-

ных, так и гласных), в той или иной мере отдаляющие их корневую часть от корневой части мотивирующих глаголов. Но наличие этих чередований, носящих более или менее регулярный характер, не препятствует признанию мотивирующими обоих глаголов, составляющих видовую пару.

Рассмотрим случай, когда по составу фонем отглагольное имя ближе к глаголу совершенного вида – исходному члену видовой пары. В таких отглагольных именах не отражены морфонологические изменения корня, сопровождающие в ряде случаев образование вторичного глагола несовершенного вида: чередования согласных перед суффиксальными морфами *-а-* и *-ива- (т'– ч* или *щ, д'– ж* или *жд', ст'– щ, зд'– ж', с'– ш , з'– ж, в'– вл', б'– бл'* и т. п., так называемая «йотация», уже упоминавшаяся выше), а также чередование гласных корня *о – а* после твердой согласной перед суффиксальным морфом *-ива- (-ыва-).* Например: *зацепить* и *зацеплять – зацепка, зацеп; погрузить* и *погружать – погрузка; зарядить* и *заряжать – заряд; подвесить* и *подвешивать – подвесной; затратить* и *затрачивать – затрата* (в мотивирующих глаголах видовой пары – чередования согласных); *уговориться* и *уговариваться – уговор; переработать* и *перерабатывать – переработка; приколоть* и *прикалывать – приколка* (в глаголах чередование гласных о – *а); подготовить* и *подготавливать – подготовка; загородить* и *загораживать – загородка; расспросить* и *расспрашивать – расспросы* (в глаголах чередование как гласных *о – а,* так и согласных). При мотивации подобных отглагольных имен глаголами несовершенного вида на *-ать, -ивать (-ывать)* в них обнаруживаются чередования гласных и согласных, обратные тем, которые характерны для образования самих этих глаголов.

Таким образом, глаголы на *-ать, -ивать (-ывать)* выступают в качестве мотивирующих независимо от того, отражены ли в их корне морфонологические чередования. О способности этих глаголов давать производные с усекающими суффиксами даже при наличии в них чередования *о – а* и «йотации» согласных свидетельствуют те случаи, когда глаголы на *-ать, -ивать* с такими чередованиями выступают в качестве единственного мотивирующего по виду (одновидового) глагола, например: *цеплять(ся) – цепкий, сажать – садок (для рыбы), угрожать – угроза, отсвечивать – отсвет, пересуживать – пересуды* (с чередованием согласных, обратным

«йотации»); *перезванивать – перезвон; позванивать – позвонок* («колокольчик») (с чередованием гласных корня); *ухаживать* (напр., за больным) – *уход* (с чередованиями и гласных, и согласных).

Подобные факты демонстрируют еще одну словообразовательную особенность вторичных глаголов несовершенного вида на *-ать, -ивать (-ывать);* они дают производные имена с тем корневым морфом, который характерен для начальных, исходных членов словообразовательной цепочки. Ср., например: *судить – пересуживать – пересуды, говорить – разговаривать – разговор, чистый – чистить – подчистить – подчищать – подчистка* (наряду с *подчистить – подчистка), красить – раскрасить – раскрашивать – раскраска* (наряду с *раскрасить – раскраска).* Интересно, что некоторые отглагольные имена по одним морфонологическим признакам ближе к глаголу совершенного вида, а по другим – к соответствующему глаголу несовершенного вида. Так, существительное *недотрога,* мотивированное двумя последними глаголами цепочки *трогать – тронуть – дотронуться – дотрагиваться,* «наследует» гласную, характерную для глагола совершенного вида *(дотронуться),* и согласную, появляющуюся в глаголе несовершенного вида *(дотрагиваться).* Ср. также: *скакать – отскочить – отскакивать* и *отскок.*

Итак, двумотивированность по виду определяется словообразующими свойствами глаголов несовершенного вида с суффиксальными морфами *-а(ть)* и *-ива(ть):* морфы эти отсутствуют во всех образованиях с усекающими суффиксами. В то же время этим свойством они противопоставлены третьему суффиксальному морфу несовершенного вида – морфу *-ва(ть):* глаголы с этим морфом сохраняют в мотивированных ими именах с усекающими суффиксами часть морфа *-в;* что определяет одномотивированность по виду таких отглагольных имен, как и имен, мотивированных соотносительными глаголами совершенного вида. Что же касается чередований в корне, которыми различаются мотивирующие глаголы суффиксальной видовой пары, то большая близость отглагольного имени (по составу альтернирующих фонем корня) к одному из этих глаголов, как правило, не препятствует, в силу возможностей отглагольного словообразования, проявляющихся в словообразовательной системе в целом, двумотивированности таких отглагольных имен.

Примечания

[1] *Виноградов В. В.* Русский язык. М., 1947. С.118.

[2] *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М., 1958. С. 344–345.

[3] См.: *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 118–119.

[4] Проблема соотносительности отглагольных имен с глаголами разных видов (главным образом на материале nomina actionis) затрагивается в работах: *Булин П. В.* Словообразовательные связи парных имен на *-ние, -ка* с глаголами совершенного и несовершенного вида // Уч. зап. Горьковского ун-та. Вып. 68, 1964; *Его же.* О словообразовательных связях отглагольных существительных // Уч. зап. ЛГПИ. Т. 378, 1969; *Его же.* О соотносительности имен действия с коррелятивными по виду глаголами в контексте // Там же. Т. 471, 1970; *Якимова Л.* Из наблюдений над отглагольными существительными в современном русском языке // Русский язык в национальной школе. 1966, № 5; *Хохлачева В. Н.* К истории отглагольного словообразования существительных в русском языке нового времени. М., 1969.

[5] Мы придерживаемся той точки зрения, что «чистовидовые» префиксы формируют видовую пару.

[6] Поэтому нельзя признать правильным безразличное рассмотрение всех «существительных на *-(е)ние»* (независимо от того, какой морф – *-ниј-* или *-ениј-* – в них выделяется) как слов, «сохраняющих в своей структуре видоразличительный суффикс глагола» (см.: *Хохлачева В. Н.* Указ. соч., с. 43).

[7] В современном языке существуют единичные образования с морфом *-ениј-*, мотивированные глаголами на *-ать* (одновидовыми) при отсечений конечной гласной инфинитивной основы: *читать – чтение, вращаться – вращение, наступать* (воен.) – *наступление, общаться – общение, равняться – равнение, опасаться – опасение, спрягать – спряжение* и нек. др. (список их дан в «Грамматике современного русского литературного языка». М., 1970. С. 66–67). Такие существительные, представляющие исключение из общего правила образования слов данного типа, появились в языке в результате выхода из употребления соотносительных глаголов другой структуры (с инфинитивом на *-ить, -сть* и др.): так, исторически *чтение* образовано не от *читать,* а от *честь (чту)* «читать», *вращение* – от *вратиться, равнение* – от *равниться, опасение* – от *опастись* и т. п. – глаголов ныне не употребительных.

[8] См.: *Земская Е. А.* Интерфиксация в современном русском словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 44.

[9] О синкретизме морфемных функций см.: *Лопатин В. В.* Так называемая интерфиксация и проблемы структуры слова в русском языке // Вопр. языкознания. 1975, № 4. Статья перепечатана: с. 382–401 данного издания.

[10] Аналогичным образом используются основы непроизводных глаголов типа *мыть* и типа *бить: мыть (моют) – мойка, выть (воют) – вой, бить (бьют) – бой, бойня* и т. п.

[11] Оговоримся, что и с этими суффиксами имеется определенное количество одномотивированных образований: это образования, относящиеся к группам 1-й, 2-й, 3-й или 6-й.

[12] Существительные типа *приезд, повтор, замер, измена* и т. п. иногда рассматриваются не как слова с нулевым суффиксом, а как слова особого безаффиксного способа словообразования; но и при этом постановка вопроса о двумотивированности таких слов по виду и возможное его решение не изменяются.

[13] Но ср. одномотивированные по виду *поддержать – поддержание* и *поддерживать – поддерживание.*

О границах между префиксальным и префиксально-суффиксальным способами словообразования

[В сб.: Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978]

В современном русском языке весьма продуктивно образование таких прилагательных, содержащих в своем составе префикс и суффикс, как *дореволюционный, антирелигиозный, призаводской, межконтинентальный* и т. п. При этом широко используются в качестве готовых структур суффиксальные относительные прилагательные (напр., *революционный, религиозный, заводской, континентальный).* С другой стороны, для таких прилагательных характерна мотивированность существительными, а в ряде случаев и соотносительность с предложно-падежными сочетаниями (*до революции, между континентами, при заводе*). Такая двойственность словообразовательных связей создает существенные трудности для трактовки подобных прилагательных, которые могут рассматриваться по способу словообразования либо как чисто префиксальные, либо как префиксально-суффиксальные.

Мы придерживаемся той точки зрения, что способ образования подобных прилагательных – чистая префиксация[1]. К такой трактовке склоняет нас большое разнообразие суффиксальных структур тех прилагательных, с которыми совпадает беспрефиксальная часть этих префиксальных образований, кроме наиболее распространенных суффиксов десубстантивных прилагательных – суффиксов *-н-* (разных его морфов: *междуведомственный, противорадиационный, бездотационный, противокоррозийный), -ск-* (разных его морфов: *послетравматический, предсъездовский, приднепровский, проамериканский, трансъевропейский*) и *-ов- (внутриотраслевой, предпусковой, бесстыковой, противоопухолевый),* – здесь встречаются образования с суффиксами *-ов-* (притяжательного склонения: *доколумбова Америка, дофараоновы времена), -ий/-j- (противопомещичье восстание), -ин- (противокомариные средства), -н'-/-енн'- (предвечерний, дозамужний),* с нулевым суффиксом *(внерабочие мероприятия* – «осуще-

ствляемые вне работы»), с суффиксами *-ист- (безазотистые удобрения), -чат- (бесступенчатая ракета),* отглагольные с суффиксами *-чив- (безулыбчивый), -тельн- (противоокислительный),* действительные причастия в адъективном значении (*противосвертывающий, противоослепляющий*), наконец, суффиксально-сложные прилагательные с суффиксами *-ск-*, *-н-* и *-н'-* (*причерноморский, прижелезнодорожный, предновогодний*).

Вместе с тем, значение таких префиксальных прилагательных определяется через те слова, которыми мотивированы используемые в их структуре суффиксальные прилагательные: *призаводской* – «находящийся при заводе», *прижелезнодорожный* – «находящийся при железной дороге» и т. д. Это обстоятельство позволяет поставить вопрос: нет ли здесь расхождения между формальной и семантической мотивацией, т. е. формальной мотивации прилагательным при семантической мотивации существительным (реже глаголом)?

Считая, что «словообразовательная мотивированность – всегда явление двустороннее, формально-семантическое»[2], мы полагаем, что и в данном случае нет расхождения между формальной и семантической мотивацией. Если говорить о непосредственной мотивации (формальной и семантической), то все такие префиксальные прилагательные мотивированы суффиксальными прилагательными; мотивация же существительным или глаголом является для них только опосредствованной.

Это решение вопроса опирается на общую словообразовательную семантику относительных прилагательных, к которым и относятся в данном случае мотивирующие суффиксальные прилагательные. Каждое из них выражает общее значение «признак, характеризующийся отношением к предмету, явлению (названному в мотивирующей основе)»: *заводской* – «относящийся к заводу», *рабочий* – «относящийся к работе», *американский* – «относящийся к Америке» и т. д. Общее значение отношения сохраняется и при присоединения к таким суффиксальным прилагательным префикса, но это отношение характеризуется в соответствии со значением префикса, т. е. префикс проявляет себя в таких образованиях в полном соответствии с типичной для него функцией как семантически модифицирующий компонент. *Призаводской* – уже не вообще «относящийся к заводу», а «находящийся при заводе», *проамериканский* – не вообще «относящийся к Америке», а «осуществляемый в

пользу Америки, приверженный Америке». Иначе говоря, *заводской (американский)* – «характеризующийся отношением к заводу (к Америке)», а *призаводской (проамериканский)* – «характеризующийся таким отношением к заводу (к Америке), на которое указывает префикс».

Последняя формулировка семантики мотивирующего прилагательного (суффиксального) и мотивированного им префиксального наиболее отчетливо показывает выводимость семантики второго из семантики первого. Известное положение Г. О. Винокура – «значение слова с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей производящей основы»[3] – сохраняет здесь свою силу. Однако приведенный материал показывает, что это положение не следует понимать как требование всегда формулировать значение мотивированного слова через мотивирующее слово. Значение рассмотренных префиксальных прилагательных определяется именно через значение мотивирующего слова (суффиксального относительного прилагательного), но не через само это слово.

Особого замечания требуют модификационные значения, выражаемые в префиксальных прилагательных такими преффиксами, как *без-* или *противо-*. «Лишенный предмета, действия» или «направленный против предмета, действия» – это тоже одна из модификаций общего значения «характеризующийся отношением к предмету, действию». В таких случаях, как *ступенчатый – бесступенчатый, азотистый – безазотистый, улыбчивый – безулыбчивый*, префикс *без-* фактически отрицает значение, вносимое суффиксом («содержащий то, наделенный тем, что названо основой существительного»; «склонный к действию, названному основой глагола»).

В противоположность рассмотренным префиксальным образованиям к префиксально-суффиксальному способу словообразования следует относить такие прилагательные (содержащие в своем составе префикс и суффикс), рядом с которыми в языке отсутствуют суффиксальные прилагательные, совпадающие с беспрефиксальной частью. При этом чисто суффиксальное прилагательное, мотивированное тем же словом, что и данное префиксально-суффиксальное, либо а) содержит другой суффикс или другой морф того же суффикса (ср., напр, *предмостный – мостовой, междугородный – городской, подшефный – шефский, прифер-*

мский – ферменный, бессмысленный – смысловой, беспринципный – принципиальный, безголосый – голосовой, либо б) при наличии того же суффиксального морфа – отличается по характеру ударения (ср. *поочерёдный – очередно́й, безлесный – лесно́й, приморский – морско́й* и т. п.)[4]. Анализ таких префиксально-суффиксальных прилагательных, мотивированных существительными, позволяет сделать вывод, что в них способны выступать только суффиксальные морфы *-н-* (редко также *-енн-*), *-ск-* и нулевой (в словах типа *безголосый*). Одновременно исключаются из числа префиксально-суффиксальных образований все префиксальные прилагательные с другими суффиксальными морфами, кроме перечисленных: они признаются чисто префиксальными образованиями.

Что же касается префиксальных прилагательных с морфами *-н- (-енн-)* и *-ск-*, имеющих в языке соотносительные суффиксальные прилагательные, равные беспрефиксальной части (т. е. таких прилагательных, как, напр., *безбилетный, бездефектный, заоблачный, подкожный, привокзальный, заокеанский),* то такие прилагательные следует признать двумотивированными, принадлежащими одновременно и к чисто префиксальному (при мотивации суффиксальным прилагательным), и к префиксально-суффиксальному (при мотивации существительным) способам словообразования. По своей формальной структуре и семантике эти прилагательные не противоречат закономерностям, присущим обоим способам. К ним, однако, не относятся прилагательные с ударением на флексии *(внеземно́й, предпосевно́й* и т. п.), акцентологически выходящие за рамки префиксально-суффиксальных прилагательных.

Примечания

[1] Эта точка зрения принята в подготовленной к печати новой академической «Русской грамматике» (т. 1).

[2] *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 6.

[3] *Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 421.

[4] Ударение на основе вообще является отличительным признаком префиксально-суффиксальных и суффиксально-сложных образований, в то время как ударение на флексии (такое же, как в мотивирующем слове) – признак чистой префиксации и чистого сложения.

Префиксально-суффиксальные отглагольные имена и их синхронические словообразовательные связи

[Филологические науки. 1977, № 3]

Известно, что префиксально-суффиксальный способ именного словообразования развит в русском языке преимущественно в сфере образований от имен существительных: ср. *море – приморье, окно – подоконник, город – загородный, Москва – подмосковный* и т. п.

Однако среди префиксально-суффиксальных существительных и прилагательных определенное место занимают и отглагольные образования. Из них наиболее распространены прилагательные с отрицательными префиксами *не-* и *без-*. Они составляют три словообразовательных типа: 1) прилагательные с префиксом *не-* и суффиксом *-ем- /-им-*, имеющие общее значение «неспособный совершить действие, названное мотивирующим глаголом, или подвергнуться этому действию»: *несмолкаемый, несгибаемый, неминуемый, непобедимый, невыносимый;* 2) прилагательные того же значения с префиксом *не-* и суффиксом *-н-: неумолчный, невозвратный, ненаглядный, нещадный, неутешный;* 3) прилагательные с префиксом *без-* и суффиксом *-н-;* имеющие общее значение «характеризуемый отсутствием действия или состояния, названного мотивирующим глаголом»: *беспрекословный, беспечный, беспробудный.* Наиболее продуктивны прилагательные первого типа.

Среди отглагольных имен существительных проявляют некоторую продуктивность слова с отрицательным префиксом *не-* и суффиксом *-к(а).* Они обозначают либо отсутствие действия, названного мотивирующим глаголом *(нехватка, неувязка, неуправка, неполадка),* либо лицо, предмет, характеризующиеся отсутствием этого действия *(незнайка, непонимайка, непроливайка).* Отсутствие действия обозначается также отдельными образованиями с префиксом *не-* и суффиксом *-нщ-/-еним-: неимение, непротивление,* а лицо по нехарактерному для него действию – образованиями с префиксом *не-* и нулевым суффиксом: *непоседа, недотрога, неуч, неслух*[1].

Примечательно, что образования этих типов с префиксом *не-* соотносятся с сочетаниями «частица *не*+ глагол»: *не победить –*

непобедимый, не наглядеться – ненаглядный, не умолкает – неумолчный, не хватает – нехватка, не знает – незнайка, не посидит – непоседа и т. д. В структуре таких слов отрицательная частица превращается в префикс *не-*. Это явление аналогично тому, которое часто наблюдается в префиксально-суффиксальных отыменных образованиях, где префикс соответствует предлогу, сочетающемуся с существительным (ср.: *за Волгой – Заволжье, без церемоний – бесцеремонный, перед плугом – предплужник* и т. п.).

До сих пор речь шла о префиксах, которые нельзя назвать глагольными. Префиксы *не-* и *без-* не используются при внутриглагольном словообразовании, т. е. при образовании глаголов от глаголов.

Но кроме них в русском языке имеется множество отглагольных имен, в составе которых выделяются префиксы, типичные для внутриглагольного словообразования. Большинство таких имен относится к суффиксальному способу словообразования, так как выделяющиеся в них префиксы содержатся уже в мотивирующих глаголах, например: *подписать – подписание, задвига́ть – задвижка, поделать* (сделать последовательно одно за другим) *– поделка, разбрасывать – разбрасыватель, привозить – привозной, сделать – сдельный;* то же – в образованиях с нулевым суффиксом: *переходить – переход, испугаться – испуг, подписать – подпись* и т. п. Префикс в таких отглагольных именах не входит в состав форманта, не является словообразующим средством.

Имеются, однако, и такие отглагольные имена, в которых префикс, хотя и относится к числу префиксов, характерных для глаголов, тем не менее не принадлежит мотивирующему глаголу. Эти имена содержат также суффикс – материально выраженный или нулевой; большая часть их относится к префиксально-суффиксальному способу словообразования. Синхронический словообразовательный анализ таких отглагольных имен представляет несомненный интерес.

Такие слова делятся на две неравные группы. Одну из них – меньшую – составляют отглагольные имена, для которых вообще нет в языке однокоренного глагола с тем же префиксом, напр.: *изделие, расстояние, удой* (глаголов *изделать, расстоять, удоить* в современном русском литературном языке нет). Для другой – большей по численности – группы отглагольных имен имеются в языке однокоренные глаголы с тем же префиксом, однако глаголы эти

по семантике префикса не соотносительны с данными именами, в которых префикс не выражает значения, характерного для соответствующего глагола. Например, существительное *походка* не соотносится с глаголом *походить, поиск* – с глаголом *поискать,* а *поплавок* – с *поплавать.* Значение префикса *по-* в этих глаголах – временно-ограничительное: они обозначают действие, продолжающееся в течение какого-то ограниченного отрезка времени (ср.: *походить, поискать некоторое время; поплавать* и *перестать* и т. п.); у слов же *походка, поиск, поплавок* этих оттенков значения нет. Существительные *поток* (стремительно текущая река, ручей) и *потёк* (след от тёкшей жидкости, струйки текущей жидкости) не соотносятся с глаголом *потечь,* значение которого – начинательное (начать течь); существительное *перекладина* не связано семантически ни с одним из значений многозначного глагола *перекладывать* (класть в другое место или иначе; класть между отдельными предметами или частями слой чего-нибудь другого; класть слишком много, сверх меры) и т. д. Слова обеих указанных групп мотивируются непосредственно беспрефиксальными глаголами (в приведенных примерах – глаголами *делать, стоять, доить, ходить, плавать, течь, класть).*

Анализ подобных отглагольных имен представляет значительные трудности, связанные с разграничением суффиксальных и префиксально-суффиксальных образований, с правильным нахождением мотивирующего глагола; особенно же сложная задача – установление значения префикса в таких образованиях, поскольку оно в ряде случаев затемнено. При этом необходимо иметь в виду, что речь идет о синхроническом словообразовательном анализе фактов современного литературного языка. Для некоторых из подобных отглагольных имен можно найти семантически соотносительные производящие глаголы с префиксами (напр., *изделать, расстоять)* в прошлом языка или в диалектах, но это лишь показывает, что диахронический анализ структуры слова отличен от синхронического.

Решение вопроса о мотивированности или немотивированности какого-либо отглагольного имени тем или иным префиксальным глаголом требует всестороннего семантического анализа. Надо, в частности, учитывать, что отглагольное имя со значением действия, состояния может быть по своему семантическому объему шире соответствующего префиксального глагола, однако все

же включает его семантику и может поэтому рассматриваться как мотивированное этим глаголом. Так, существительные *покраснение, потепление, потемнение, полевение, помутнение* и т. п. мотивируются глаголами типа *покраснеть,* в которых префикс *по-* означает доведение действия до результата, по семантике же такие существительные соотносительны не только с глаголами типа *покраснеть,* но и с глаголами типа *краснеть,* т. е. обозначают не только завершившийся переход к определенному качеству, но и сам процесс этого перехода[2]. То же относится, например, к существительному *покраска,* обозначающему действие не обязательно завершенное: возможны контексты типа «бригада начала покраску стен» (но ср. *покрасить* с результативным значением).

Другой пример. Некоторые существительные, мотивированные глаголами с префиксом *за-* начинательного значения, обозначают не столько начало действия, состояния, переход к нему (как мотивирующий глагол), сколько само это действие (состояние). Так, *заболевание* – это не столько возникновение болезни (в соответствии со значением глаголов *заболеть – заболевать*), сколько сама болезнь *(болезнь* и *заболевание* – синонимы, различающиеся лишь сферой употребления). Точно так же существительное *забастовка* соответствует по значению не столько глаголу *забастовать* «организованно прекратить работу», сколько глаголу *бастовать* «не работать, организованно прекратив работу». Однако у нас нет оснований не считать в подобных случаях префиксальный глагол непосредственно мотивирующим. Существительное *забастовка* или *заболевание* сохраняет семантическую соотносительность с префиксальным глаголом, но не как название действия по этому глаголу, а как название состояния, возникшего в результате данного действия. Реальность этого семантического соотношения подтверждается такими парами, как *запить – запой, забыться – забытье:* мотивирующие глаголы также обозначают в них переход в состояние, а мотивированные существительные – само это состояние, причем глагол либо лишен словообразовательного значения начинательности, как *забыться* (семантически соотносительного глагола без префикса *за-* в языке нет), либо содержит, помимо этого значения, индивидуальные семантические «приращения», те же, что и в мотивированном им существительном, как *запить;* следовательно, в данных случаях глаголы перехода в состояние – единственно мотивирующие. Ср. одинаковую семанти-

ческую соотносительность сочетаний: *он заболел – у него заболевание, они забастовали – у них забастовка* и *он запил – у него запой, он забылся – он в забытьи.*

Обратимся теперь к анализу тех отглагольных имен, префикс в которых не принадлежит основе мотивирующего глагола, а входит в состав словообразовательного форманта.

В таких отглагольных образованиях префикс несет в большинстве случаев определенное словообразовательное значение. При этом, повторяясь в ряде образований, такие префиксы формируют словообразовательные типы префиксально-суффиксальных имен, наиболее очевидны из которых следующие.

1. Существительные с префиксом *у-* и нулевым суффиксом: *доить – удой, ловить – улов, косить – укос, молотить – умолот, чесать – учёс* (спец.). Все они мотивированы глаголами, обозначающими производственные процессы, и называют результат действия, подлежащий измерению, количественной оценке (ср.: *высокий улов, низкий удой, рекордный умолот* и т. п.).

2. Существительные с префиксом *за-* и нулевым суффиксом, обозначающие один акт многократно повторяемого действия: *бегать – забег, ездить – заезд, плыть (плыву) – заплыв.* Такие образования употребительны в спортивной терминологии.

3. Существительные с префиксом *по-* и суффиксом *-к(а),* обозначающие способ, манеру осуществления действия, названного мотивирующим глаголом: *ходить – походка, бежать – побежка, сидеть* (в седле) – *посадка, скакать – поскачка* (охотн.). То же значение префикса *по-* характерно для отдельных образований с нулевым суффиксом и с суффиксом *-енйj-: кроить – покрой, ступать – поступь, вести (себя)* «поступать» – *поведение* «образ действий, характер поступков». Ср. контексты типа: *смешная мелкая побежка* (А. Макаренко), *быстрая походка, гордая посадка, элегантный покрой*[3].

4. Существительные с префиксами *о-*, *об-* и суффиксами *-ок*, *-к(и).* Такие слова обозначают нечто избыточное и, как правило, ненужное, остающееся после совершения действия, названного мотивирующим глаголом: *курить – окурок, гореть – огарок, мылить – обмылок, есть – объедки, пить – опивки, пилить – опилки*[4]; сюда же *колоть – осколок* (согласная *с* относится здесь, по-видимому, к корневому морфу, см. об этом ниже). То же значение префиксов *о-*, *об-* характерно и для единичных образований с суффиксами *-ин(а), -j-* и нулевым: *калить – окалина, косить – окосье*

(нескошенные участки на скошенном лугу), *лить – облой* (избыток металла при литье, спец.); в последнем – с таким же чередованием в корне, как в случае *бить – бой* и т. п.

Если в названных типах префикс является носителем своеобразного словообразовательного значения, отличного от тех значений, которые выражаются обычно глагольными префиксами, то в целом ряде префиксально-суффиксальных отглагольных имен префикс несет одно из значений, выражаемых при внутриглагольном словообразовании.

К ним относятся, например, уже упомянутые слова *перекладина* и *расстояние.* В первом префикс *пере-* означает расположение предмета в пространстве между другими предметами (то же значение, что и в глаголах типа *перекрыть, перекинуть*); во втором префикс *рас-* – разъединение, разделение предметов или их частей (ср. *расставить, развести).* Существительное *задел* (начатая работа, требующая продолжения; запас изделий, заготовок) мотивируется, естественно, не глаголом *заделать,* имеющим совсем другое значение (закрыть отверстие), а глаголом *делать;* однако префикс *за-* имеет здесь одно из характерных для него в глагольном словообразовании значений – «совершение действия заранее, заблаговременно, впрок» (ср. *заготовить, запланировать, запроектировать).* Другое значение префикса *за-* начинательное – обнаруживается в существительном *заморозки;* мотивирующий глагол для него – *морозить,* а не *заморозить,* имеющий иные оттенки значений. А в существительном *озноб,* обозначающем то же состояние, что и мотивирующий глагол *знобить (ознобить* «обморозить» – глагол, прямо не соотносительный с ним по значению и к тому же просторечный), четко ощущается вносимое префиксом *о-* значение распространения действия на все стороны предмета (ср. *охватить, окутать, оледенеть* и т. п.).

В новом спортивном термине *перестрелка* (повторная стрельба для выявления победителя соревнования), мотивированном глаголом *стрелять,* префикс *пере-* несет значение повторности действия, характерное для глаголов типа *перешить, переизбрать;* однако глагола *перестрелять* с тем же значением префикса в языке нет.

В слове *усадка* (напр., *усадка тканей),* мотивированном глаголами *сесть – садиться* в одном из их значений (соответствующих по значению глаголов с префиксом *у-* в языке нет), префикс *у-* обо-

ческую соотносительность сочетаний: *он заболел – у него заболевание, они забастовали – у них забастовка* и *он запил – у него запой, он забылся – он в забытьи.*

Обратимся теперь к анализу тех отглагольных имен, префикс в которых не принадлежит основе мотивирующего глагола, а входит в состав словообразовательного форманта.

В таких отглагольных образованиях префикс несет в большинстве случаев определенное словообразовательное значение. При этом, повторяясь в ряде образований, такие префиксы формируют словообразовательные типы префиксально-суффиксальных имен, наиболее очевидны из которых следующие.

1. Существительные с префиксом *у-* и нулевым суффиксом: *доить – удой, ловить – улов, косить – укос, молотить – умолот, чесать – учёс* (спец.). Все они мотивированы глаголами, обозначающими производственные процессы, и называют результат действия, подлежащий измерению, количественной оценке (ср.: *высокий улов, низкий удой, рекордный умолот* и т. п.).

2. Существительные с префиксом *за-* и нулевым суффиксом, обозначающие один акт многократно повторяемого действия: *бегать – забег, ездить – заезд, плыть (плыву) – заплыв.* Такие образования употребительны в спортивной терминологии.

3. Существительные с префиксом *по-* и суффиксом *-к(а),* обозначающие способ, манеру осуществления действия, названного мотивирующим глаголом: *ходить – походка, бежать – побежка, сидеть* (в седле) – *посадка, скакать – поскачка* (охотн.). То же значение префикса *по-* характерно для отдельных образований с нулевым суффиксом и с суффиксом *-енij-: кроить – покрой, ступать – поступь, вести (себя)* «поступать» – *поведение* «образ действий, характер поступков». Ср. контексты типа: *смешная мелкая побежка* (А. Макаренко), *быстрая походка, гордая посадка, элегантный покрой*[3].

4. Существительные с префиксами *о-, об-* и суффиксами *-ок, -к(и).* Такие слова обозначают нечто избыточное и, как правило, ненужное, остающееся после совершения действия, названного мотивирующим глаголом: *курить – окурок, гореть – огарок, мылить – обмылок, есть – объедки, пить – опивки, пилить – опилки*[4]; сюда же *колоть – осколок* (согласная *с* относится здесь, по-видимому, к корневому морфу, см. об этом ниже). То же значение префиксов *о-, об-* характерно и для единичных образований с суффиксами *-ин(а), -j-* и нулевым: *калить – окалина, косить – окосье*

(нескошенные участки на скошенном лугу), *лить – облой* (избыток металла при литье, спец.); в последнем – с таким же чередованием в корне, как в случае *бить – бой* и т. п.

Если в названных типах префикс является носителем своеобразного словообразовательного значения, отличного от тех значений, которые выражаются обычно глагольными префиксами, то в целом ряде префиксально-суффиксальных отглагольных имен префикс несет одно из значений, выражаемых при внутриглагольном словообразовании.

К ним относятся, например, уже упомянутые слова *перекладина* и *расстояние.* В первом префикс *пере-* означает расположение предмета в пространстве между другими предметами (то же значение, что и в глаголах типа *перекрыть, перекинуть*); во втором префикс *рас-* – разъединение, разделение предметов или их частей (ср. *расставить, развести).* Существительное *задел* (начатая работа, требующая продолжения; запас изделий, заготовок) мотивируется, естественно, не глаголом *заделать,* имеющим совсем другое значение (закрыть отверстие), а глаголом *делать;* однако префикс *за-* имеет здесь одно из характерных для него в глагольном словообразовании значений – «совершение действия заранее, заблаговременно, впрок» (ср. *заготовить, запланировать, запроектировать).* Другое значение префикса *за-* начинательное – обнаруживается в существительном *заморозки;* мотивирующий глагол для него – *морозить,* а не *заморозить,* имеющий иные оттенки значений. А в существительном *озноб,* обозначающем то же состояние, что и мотивирующий глагол *знобить (ознобить* «обморозить» – глагол, прямо не соотносительный с ним по значению и к тому же просторечный), четко ощущается вносимое префиксом *о-* значение распространения действия на все стороны предмета (ср. *охватить, окутать, оледенеть* и т. п.).

В новом спортивном термине *перестрелка* (повторная стрельба для выявления победителя соревнования), мотивированном глаголом *стрелять,* префикс *пере-* несет значение повторности действия, характерное для глаголов типа *перешить, переизбрать;* однако глагола *перестрелять* с тем же значением префикса в языке нет.

В слове *усадка* (напр., *усадка тканей),* мотивированном глаголами *сесть – садиться* в одном из их значений (соответствующих по значению глаголов с префиксом *у-* в языке нет), префикс *у-* обо-

значает уменьшение в размерах. То же значение имеет он, например, в глаголах *уварить, урезать, усохнуть.* Правда, значение это характерно в слове *усадка* уже для мотивирующей основы *(садиться* – «уменьшаться в размерах»); однако подобная «избыточность» префикса, несущего то же значение, что и корень, довольно широко распространена, и именно в глагольной префиксации[5].

В ряде отглагольных существительных (с различными суффиксами) префикс *по-* несет значение длительного, многократного действия, иногда также – действия, распространенного на многие объекты или совершаемого многими субъектами. Среди этих образований: а) названия производителя действия: *просить – попрошайка, прыгать – попрыгун, греметь – погремушка* (в них многократное действие выступает как постоянный признак предмета), *восстать – повстанец* (один из многих восставших); б) название объекта действия и самого действия: *смеяться – посмешище;* в) названия предмета – результата действия (существующего наряду с другими такими же): *ковать – поковка, копать – покопка* (спец.)[6]; г) названия действия: *пить – попойка, клевать* (о рыбе) *– поклёвка, чесаться – почесуха* (болезнь), *зевать – позевота, бегать – побегушки, свистеть – посвист, искать – поиск* и *поиски, тужиться – потуги, сидеть – посиделки.* Образования эти явно не соотносительны по значению префикса с однокоренными глаголами, содержащими префикс *по-:* ни с глаголом *попросить,* лишенным значения многократности, ни с глаголами типа *попивать, поклёвывать, попрыгивать, почёсывать(ся), позёвывать,* поскольку в них префикс *по-* (в сочетании с суффиксом *-ива-/-ва-)* обозначает действие, совершаемое время от времени и слегка, с небольшой интенсивностью, ни тем более с глаголами типа *попить, побегать, погреметь, посвистеть, поковать,* обозначающими ограниченные во времени действия. Зато их можно соотнести по значению префикса с префиксальными глаголами типа *поглотать, повывезти, повскакивать,* обозначающими многократное, многосубъектное или многообъектное действие[7].

Прилагательные *заспанный, заплаканный, зарёванный* (простореч.) характеризуются общим значением «имеющий внешние следы действия, состояния, названного мотивирующим глаголом, как результат этого действия, состояния» (ср. *спать, плакать, реветь).* Хотя однокоренные глаголы с префиксом *за-* и не соотносительны с данными прилагательными по значению префикса (ср. *запла-*

кать, зареветь, заспать), тем не менее очевидно, что на долю префикса *за-*[8] приходится тот компонент значения этих прилагательных, который характерен и для префиксальных глаголов с тем же префиксом: «покрыть(ся) чем-либо, являющимся результатом действия, состояния, названного мотивирующим глаголом», ср. *забрызгать, заплевать, засеять, застроить, заржаветь* и т. п. Тот же оттенок значения несет префикс *из-* в прилагательном *испитой*, ср. префиксальные глаголы типа *измазать* (лицо), *избороздить, искусать* при несоотносительном по семантике префикса глаголе *испить.*

Иногда рядом с префиксально-суффиксальным отглагольным именем имеется однокоренной глагол с другим префиксом, синонимичным префиксу, выделяющемуся в данном имени. Так, рядом с существительными *исток* и *источник* есть глагол *вытекать (истекать* по своему современному значению с ними не соотносителен), а рядом со словом *ископаемое* – глаголы *выкопать, выкапывать.* Префиксы *вы-* и *из-* синонимичны в значении удаления, выделения чего-либо с помощью данного действия. Близки друг к другу по семантике и префиксы *раз-* и *от-,* обозначающие разъединение, отделение одного предмета от другого. Поэтому слово *расстояние,* о котором уже шла речь, можно непосредственно сопоставить с глаголом *отстоять* (друг от друга). Слово *отъезд* синхронически мотивировано глаголами *уехать – уезжать, (отъехать – отъезжать* в этом значении – глаголы устаревые)[9]. В таких случаях с синхронической точки зрения мы имеем дело со своеобразной заменой глагольного префикса на синонимичный в отглагольном имени (заменой, имеющей в каждом конкретном случае свое историческое объяснение). Подобное явление отмечается и в словах *почин* (начало), *зачинщик, зачинатель,* синхронически мотивированных глаголом *начинать* (глаголы *починать* и *зачинать* в том же смысле устарели). Характерно, что оба префикса – *за-* и *по-* – имеют в качестве одного из многих своих значений начинательное.

В слове *изделие* (то, что сделано, продукт труда) префикс *из-* может рассматриваться как заменяющий префикс *с-* в результативном значении, а в слове *смерть* ту же роль играет, по-видимому, префикс *с-;* которому соответствует по значению префикс *у-* в глаголе *умереть.* Такую же нерегулярную мену префиксов, несущих значение результативности, совершённости действия, находим в

случаях: *красть (крадут) – украсть* и *покража* (разг.); *мешать* «смешивать» – *смешать* и *помесь.* То же значение результативности выражено префиксом *по-* в случае *класть (кладут) – поклажа*[10]. Но прежде всего это значение префикса *по-* характерно для глаголов: ср. *погубить, поблагодарить, положить* и т. п.

В некоторых отглагольных префиксально-суффиксальных образованиях можно видеть отражение предложного управления мотивирующего глагола, например: *ковать (на* чем) – *наковальня* (то, *на* чем куют); *плавать (на* чем) – *наплав* «поплавок» (то, что плавает *на* поверхности воды); глядеть *(на* что) – *наглядный; жить (с* кем) – *сожитель, сожитие* (устар.); *служить (с* кем) – *сослуживец*[11]*; бороться* (друг *против* друга) – *противоборство.* Это преобразование предлога в префикс можно уподобить тому, которое наблюдается в отыменных образованиях типа *за Волгой – Заволжье* (см. выше).

Итак, префиксально-суффиксальные отглагольные имена, лишенные соотносительности с однокоренными глаголами по значению префикса, но сохраняющие связь с глаголами беспрефиксальными, – это очень своеобразная и разнородная сфера явлений, широко отражающая исторические процессы изменения словообразовательных связей однокоренных слов. Сфера эта охватывает не только целые словообразовательные типы, но и одиночные образования; префикс нередко несет здесь значения, характерные не для именного, а для глагольного словообразования, иногда – отражающие глагольное предложное управление.

От префиксально-суффиксальных отглагольных имен (во всех их разновидностях) следует отличать отглагольные слова с выделяющимися в них и отсутствующими в мотивирующих глаголах префиксоподобными отрезками, которым нельзя приписать какое-либо значение. Вот несколько примеров: *печься* (заботиться) – *попечение, пáхнуть – запах*[12]*, треснуть – затрещина, унывать – заунывный, хотеть – охота* (желание), *жечь – изжога, силиться – усилие, помогать – вспомогательный*[13]. Однокоренные глаголы с теми же префиксами либо вовсе отсутствуют в языке, либо не соотносительны с такими отглагольными именами по значению префикса (ср., напр., *усилие* и *усилить, усилиться).* В то же время словообразовательные значения, выражаемые в таких существительных и прилагательных, обычно выражаются в языке только соответствующими суффиксами, без префиксов: ср., напр., *течь – течение* (суф-

фикс *-енij-* в существительных со значением действия), *менять – мена, простудить(ся) – простуда* (нулевой суффикс в словах жен. рода I склонения со значением действия, состояния), *пускать – пуск* (нулевой суффикс в словах муж. рода II склонения с тем же значением), *доверять – доверие* (суффикс *-ij-* –в существительных с тем же значением), *удовлетворить – удовлетворительный* (суффикс *-тельн-* в прилагательных со значением «производящий действие, названное мотивирующим глаголом»).

Решение вопроса о морфемной структуре слов с незначимыми префиксоподобными отрезками было предложено Г. О. Винокуром: по его мнению, такие отрезки, как *о-* в слове *охота,* следует относить к корню, рассматривая их как «переднюю вариацию» (левое наращение) корня[14]. С таким подходом к подобным словам следует согласиться. Например, в словах *охота, вспомогательный* с синхронической точки зрения выделяются соответственно корневые морфы *охот-, вспомог-,* относящиеся к тем же корням, которые в других словах представлены более обычными морфами *хот-, помог-*[15].

Такие слова, как *охота* (желание), относятся, следовательно, не к префиксально-суффиксальному, а к чисто суффиксальному способу словообразования. Начальный же префиксоподобный отрезок (*о-* в слове *охота, вс-* в слове *вспомогательный* и т. п.) вычленяется в них только по формальным причинам и, следовательно, является своеобразным субморфом – морфонологически релевантным отрезком, частью морфа (в данном случае корневого)[16]. В рассматриваемых примерах префиксальные субморфы формально маркируют основу отглагольного слова. Возможно выделение подобных начальных субморфов корня и в префиксально-суффиксальных образованиях: ср. *колоть – о-скол-ок* (с субморфом *-с-).*

Обращает на себя внимание довольно большая группа отглагольных имен с одним и тем же префиксоподобным субморфом *по-,* мотивированных глаголами движения. Сюда относятся такие, например, существительные, как *побег, повод* (ремень для управление ходом лошади), *поводок* (ремень или цепочка, на которых водят собак), *поводырь* (тот, кто водит кого-либо, обычно слепого), *повозка, погоня, поезд* (ряд повозок, следующих друг за другом, напр., *санный поезд, свадебный поезд), поездка, полет, поноска* (умение собаки носить что-либо в зубах; то, что несет в зубах собака), *поплавок, поползень* (маленькая птичка, хорошо лазающая

по деревьям), *поток, потёк, поход,* прилагательное *подвижный* (и *подвижной).* Среди них слова со значением отвлеченного действия *(побег, погоня, поездка, полет, поход)* и слова с различными конкретно-предметными значениями. Однокоренные глаголы с префиксом *по-* имеют либо начинательное значение *(побежать, погнаться, полететь, поползти, потечь),* либо значение ограничения действия во времени *(поводить, повозить, поездить, походить, поплавать),* либо значение небольшой интенсивности действия *(подвинуться);* перечисленные же отглагольные имена лишены этих оттенков значения и потому должны рассматриваться как мотивированные беспрефиксальными глаголами. Тем не менее начальный отрезок *по;* будучи лишенным какого-либо словообразовательного значения, в состав форманта в них не входит, не является префиксальным морфом.

Исторические причины этого явления, по-видимому, неоднородны. С синхронической же точки зрения префиксальный субморф *по-,* достаточно часто (хотя, разумеется, далеко не всегда) распространяющий глагольные корни данной семантики, может рассматриваться как отрезок, выполняющий довольно конкретную морфонологическую функцию: формально маркирующий основы в части суффиксальных образований, мотивированных глаголами движения.

Итак, в словах *охота, вспомогательный, повозка, поток* и т. п. мы имеем дело с «левым» наращением корневого морфа за счет особой разновидности субморфов, весьма специфичной по своему месту в структуре слова.

Таков еще один из результатов морфемного анализа отглагольных имен, лишенных соотносительности с однокоренными глаголами по значению префикса. Подобные начальные субморфы корня характерны, по-видимому, прежде всего для отглагольных образований. Однако они возможны и в отыменных образованиях. Примером может служить прилагательное *спокойный* с корневым морфом *спокой-* (ср. мотивирующее *покой):* элемент *с-* (субморф) здесь совершенно асемантичен, словообразовательное же значение выражается суффиксом *-н-.* То же относится к элементу *у-* в прилагательном *увесистый* (ср. мотивирующее *вес*), где словообразовательное значение такое же, как в чисто суффиксальных существительных с суффиксом *-ист-: голосистый, мясистый* и т. п.

Примечания

[1] Подробнее эти словообразовательные типы описаны в «Грамматике современного русского литературного языка». М., 1970. С. 157, 158, 220–221.

[2] От беспрефиксальных глаголов типа *краснеть* такие существительные, как правило, не образуются; исключение – параллельные образования *постарение* и *старение.*

[3] О том, что префикс *по-* издавна был в русском языке средством выражения значения манеры, образа действия, свидетельствуют и такие, ныне уже опрощенные, существительные, как *почерк, пошиб,* диал. *погудка* (ср. *гудеть* «играть на музыкальном инструменте») и др. Кроме того, некоторые отглагольные существительные с этим префиксом выражают данное значение наряду с другими значениями: ср., напр., *полет, посвист (бреющий полет, богатырский посвист* и т. п.). Надо, однако, иметь в виду, что это значение может выражаться и без какого-либо специального префикса: ср. *хватать – хватка,* спец. *хват* (спорт.); *выговаривать – выговор* (манера хватания, произношения) с суффиксами *-к(а)* и нулевым.

[4] Однокоренные глаголы с префиксами *о-, об-* не соотносительны с ними по значению префикса. Ср., напр.: *обмылить* – «намылить со всех сторон какой-нибудь предмет», *окурить* и *обкурить* – «обдать дымом», *опилить* – «уменьшить в размерах, отпиливая концы», *опить* – «выпив много, причинить ущерб». Но, с другой стороны, ср. *очистить – очистки, обжинать – обжинки, обрезать – обрезок,* и т. п., соотносительные с глаголами по значению префикса *о-(об-)* и потому являющиеся чисто суффиксальными образованиями.

[5] Ср., напр., глаголы *проездить* (деньги), *проесть,* где префикс обозначает расходование, трату, и *протратить, протранжирить,* где это значение выражено не только префиксом, но и корнем.

[6] «В камыше свежие *покопки* – кабанья столовая... Метрах в пятидесяти от *покопок* – отпечатки копыт» (Огонек, 1965, № 7). – Пример из картотеки новых слов Словарного сектора Института русского языка АН СССР.

[7] Сами глаголы с префиксом *по-* этого значения иногда (хотя и редко) также выступают в качестве мотивирующих для отглагольных имен, в этом случае уже чисто суффиксальных, напр.: *побить – побои, побудить – побудка* (со значением действия); *поделать* (сделать что-л. в каком-л. количестве) – *поделка* (со значением конкретного предмета).

[8] Судя по прилагательному *зарёванный,* а также по таким (чисто суффиксальным) образованиям, как *пить – пьяный, рдеть – рдяный,* в них выделяется суффикс *-ан-*(с результативным значением), а не *-н-*.

[9] О том, что устарелое, просторечное и т. п. слово не может рассматриваться синхронически как мотивирующее для слова стилистически нейтрального, см.: *Лопатин В. В.* Мена полногласия и неполногласия в словообразовании современного русского языка // Русский язык в школе. 1970, № 6. С. 61. Статья перепечатана: с. 406–415 данного издания.

[10] Глагол *покласть* (просторечный) не может считаться для этого слова с синхронической точки зрения мотивирующим.

[11] Префикс *со-* в этих образованиях отождествляется с префиксом «совместности», продуктивным в сфере отыменного словообразования (ср. *соотечественник, созвездие, соразмерный)* и непродуктивным в сфере отглагольного *(сопереживать, сосуществовать).*

[12] Ср. окказиональное *пах* (в том же значении) без префикса: «Пьяный пах медовых сот» (С. Есенин).

[13] Сюда же относится единственный случай суффиксального образования глагола несов. вида, сопровождающегося префиксацией: *купить – покупать* (ср. нормальные суффиксальные образования без префикса: *простить – прощать, выгореть – выгорать* и т. п.).

[14] См.: *Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 428–429.

[15] Для слова *вспомогательный* такое решение целесообразно еще и потому, что данный морф представлен и в некоторых других словах, мотивированных глаголами того же словообразовательного гнезда: ср. устар. *вспоможение, вспомоществование.*

[16] О роли субморфов в структуре слова и их типологии см.: *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика (проблемы и принципы описания). Автореферат докт. дисс. М., 1976. С. 25–26.

Акциональность и именное словообразование

[Вестник РУДН, серия «Лингвистика»,
1995, № 2 (в соавторстве с Е. Н. Ремчуковой)]

1.1. Вряд ли можно сомневаться в том, что морфемный анализ слов, тесно связанный со словообразовательным анализом, предполагает не только вычленение в слове той или иной морфемы, но и установление ее значения. Однако приходится сталкиваться с такими фактами, когда аффикс, синхронически явно вычленяемый в слове, с трудом поддается семантическому дефинированию – семантика его проблематична. Особый интерес представляет собой комплекс образований – имен существительных (реже прилагательных) с приставкой *по-*, одной из самых насыщенных с функционально-семантической точки зрения приставок русского языка, для которой характерна высокая активность как в глагольном, так и в именном словообразовании.

Речь пойдет прежде всего о таких образованиях, как *попрошайка, попрыгун, погремушка* (названия производителей действия) или *побоище, попойка, поклёвка, позевота, побегушки, послушание* (названия самого действия). Суффиксы в них различны, но приставка *по-* объединяет подобные образования, обозначая в них либо длительное интенсивное, многократное, либо многосубъектное / многообъектное действие. В качестве производящих для таких существительных должны рассматриваться глаголы без префиксов – соответственно (для приведенных примеров) *просить, прыгать, греметь, биться, пить, клевать, зевать, бегать, слушаться* и способ их образования – префиксально-суффиксальный. Хотя в подобных случаях и существуют в языке однокоренные глаголы с префиксом *по- (попросить, погреметь, побиться, попить, позевать, побегать),* однако глаголы эти по семантическим причинам не могут рассматриваться в качестве производящих, поскольку они обозначают либо единичное, конкретно-фактическое действие (*попросить, послушаться*)[1], либо действие, ограниченное во времени (*попрыгать, попить, позевать*), либо действие, хотя и повторяющееся, но совершаемое слегка, с небольшой интенсивностью

(*попивать, поклёвывать, попрыгивать, позёвывать*), а эти семантические оттенки, характерные для глаголов с префиксом *по-*, для рассматриваемых существительных как раз не характерны. Так, слово *попрошайка* обозначает не того, кто *попросил* о чем-то, а того, кто *просит* (подаяния или чего-либо еще) постоянно, у многих, для кого это привычное действие; *попойка* – это действие не того, кто *попил* или *попивает,* а пирушка с чрезмерной выпивкой, т. е. действие обязательно многосубъектное и длительно-интенсивное[2].

При этом префикс *по-* – даже в тех случаях, когда подобные отглагольные существительные обозначают не действие, а предмет, производящий действие либо являющийся его объектом или результатом, – служит количественной характеристике самого действия. Так, в слове *попрошайка* префиксом акцентируется многообъектность действия, а в слове *посмешище,* обозначающем лицо – объект действия (мотивирующее – *смеяться*), – его многосубъектность (ср. особенно контексты типа «стать всеобщим посмешищем»)[3]. Обозначаемый (в форме ед. ч.) предмет может представлять собой один из многих субъектов действия (*восстать – повстанец*)[4] или его конкретных результатов (*делать – поделка, ковать – поковка, копать – покопка* «ямка, вырытая в земле наряду с другими», спец.).

Итак, именные образования данного типа не соотносительны с мотивирующим глаголом по значению префикса, т. е. содержат префикс, не унаследованный от мотивирующего глагола, а появляющийся в структуре самого имени (хотя этот префикс и характеризует действие). Вместе с тем количественные характеристики действия, выражаемые префиксом *по-* в таких именах, сопоставимы с количественными значениями, характерными для глагольных префиксов, и, более того, составляют с ними некую единую семантическую сферу или зону. Эта количественная семантика охватывает широкий спектр оттенков, таких как: многократность или многоактность, длительность, многосубъектность, многообъектность и др., – то, что можно объединить общим термином «сложное действие»[5]. К сфере сложного действия относятся и количественные значения, передаваемые префиксом *по-* во внутриглагольном словообразовании в двух способах глагольного действия – дистрибутивном, или распределительном (*поглотать, повывезти, повскакивать*), и прерывисто-смягчительном (префик-

сально-суффиксальные глаголы – такие, как *похаживать, поговаривать, посматривать*). В первом случае речь идет о поочередности совершения многосубъектного или многообъектного действия, во втором – о прерывистости и ослабленности длительного действия.

Природу всех таких количественных характеристик действия следует считать акциональной, если под акциональностью понимать любые оттенки характера протекания действия[6]. Среди этих характеристик те, которые выражаются в префиксально-суффиксальных отглагольных именах «самостоятельным», не наследуемым от мотивирующего глагола префиксом *по-*, представляются более общими, поскольку они не сочетаются с дополнительными семантическими компонентами поочередности или ослабленности действия; в отличие от прерывисто-смягчительных глаголов здесь префикс *по-*, напротив, часто выражает усилительность, интенсивность действия.

Для внутриглагольного словообразования такой «общеколичественный», одновременно усилительный, префикс *по-* не характерен, хотя в современном литературном языке и есть единичные глаголы с таким префиксом *по-*: *побираться* (префиксально-суффиксально-постфиксальный; мотивирующее – *брать*), *погонять* (префиксально-суффиксальный; мотивирующее – *гнать*); в первом акцентирована семантика многообъектности и постоянности действия (примерно та же, что у слова *попрошайка*), во втором – длительности и интенсивности. Обратим внимание в этой связи и на наблюдаемые в фольклорных текстах чисто префиксальные глаголы с префиксом *по-*, выступающие в функции повтора после соответствующих беспрефиксальных глаголов, напр.: «Тянут-*потянут*, вытянуть не могут» (из народной сказки), «Ждет-*пождет* с утра до ночи» (Пушкин). Анализируя подобные примеры («По славному озеру по Ильменю Плавает-*поплавает* сер селезень»; «Как по морю-морю синему Бегут-*побегут* тридцать кораблей» – из былин; «Думаю-*подумаю*, как мне быть» – из народной песни и др.), А. А. Потебня подчеркивает, что *по-* в них означает «последовательность» и что второй глагол в этих специфических конструкциях имеет, как и первый, значение несовершенного вида[7]. Очевидно, что в подобных конструкциях префикс *по-* выражает интересующие нас количественные значения длительности, многократности действия, а в некоторых случаях, как видно из приве-

денных примеров, также многосубъектности. Основная функция таких конструкций, как и вообще повторов, – усилительная, и количественный префикс *по-* здесь особенно показателен[8].

1.2. Что же касается имен существительных и прилагательных с глагольными корнями и префиксом *по-*, то среди них разграничение образований с «собственным» *по-* и с *по-*, наследуемым от мотивирующего глагола, требует иной раз тонкого семантического анализа. Так, очевидна производность существительных типа *поскрипывание, поглядывание,* сполна сохраняющих прерывисто-смягчительное значение мотивирующего глагола с префиксом *по-(поскрипывать, поглядывать).* Следует признать, что, хотя глаголы дистрибутивного способа действия в целом почти не дают производных существительных, все же такие слова, как *порубка, побудка, побои,* производны именно от этих глаголов: соответственно от *порубить (все, многое*), *побудить, побить;* ср. также, напр., обл. *поляг (Еще рано, до полягу далеко),* мотивированное дистрибутивным *полечь (Все спать полегли* – Даль) или обл. *понабруха* «долг», мотивированное дистрибутивным же глаголом *понабрать*[9]. Глаголом *побираться* мотивируются не только слово *побирушка,* но и обл. *побираха, побора, поборщик,* в то время как для слов *поборы* и обл. *побор* «налог; собранные ягоды, собранные вещи, добро» мотивирующее – по-видимому, дистрибутивный глагол *побрать (все, многое;* разг.). Слово *поедки* «остатки от еды» (обл.) – производное от дистрибутивного глагола *поесть (все, многое),* так же как и литературное *поедать* (по крайней мере в значении «*съедать целиком, без остатка*»), усилительное наречие *поедом (поедом есть)* и обл. *поедуха* «обжорство; прожорливая женщина».

Далее, хотя глаголы временно-ограничительного способа действия с префиксом *по-* (типа *попрыгать, попить, позевать),* как правило, не согласуются семантически с количественными значениями длительности, многократности и т. п., характерными для соответствующих имен с префиксом *по-*[10], и потому не могут рассматриваться для этих имен в качестве мотивирующих, все же такие глаголы могут мотивировать отдельные слова (чаще – прилагательные с суффиксами, восходящими к причастным) со значением результата достаточно длительного действия, напр. *потереться – потертый, потаскать(-ся) – потасканный, потрепать(-ся) – потрепанный, пожить – пожилой* (ср. контексты типа: *Он пожилтаки немало)* и сущ. *пожитки.*

Воздержимся, но на другом основании, и от отнесения к префиксально-суффиксальным таких существительных – названий игр, обрядов, сборищ, как *погулянки* «гулянье, гульба» (обл.), *посиделки* и (обл.) *поседки, поигранки* «игры, гулянье на свадьбе» (обл.), *поглядки* и *поглядины* «посещение невесты родней жениха, смотрины» (обл.), а также *позвины* («званая пирушка» – Даль; «пир у родителей невесты», обл.), *похороны.* Все они, обозначая ограниченное временем (не постоянное) действие, мотивируются глаголами с префиксом *по-,* имеющим временно-ограничительное *(погулять, посидеть, поиграть, поглядеть)* или результативное *(позвать, похоронить)* значение: ср. «люди собрались погулять, посидеть, поиграть, поглядеть», «собрались позванные», «собрались, чтобы похоронить»; вместе с тем компонент многосубъектности (связанный с отражением народных обычаев, обрядов) в них очевиден и выражен, но не префиксом, а другим словообразовательным средством – системой флексий множественного числа в составе суффиксального форманта.

1.3. Среди префиксально-суффиксальных имен с «собственным» количественным префиксом *по-* выделяются прежде всего транспозиционные отглагольные существительные – со значением действия, состояния, названного мотивирующим глаголом и количественно модифицируемого префиксом. Кроме уже упомянутых *попойка, поклевка, побоище, побегушки, позевота, посмеяние,* сюда относятся, напр., обл. *попридуха* «частое посещение», *попрыски* «попойка», *порадуха* «общая радость», а из литературных слов – *постой* (с нулевым суффиксом), мотивированное глаголом *стоять* в значении «располагаться, размещаться где-н. временно», где префиксом выражается повторяемость и многосубъектность действия [тот же семантический оттенок в слове *постоялый (двор)*][11].

Особой разновидностью количественности является выражение действия как чьего-нибудь свойства, склонности или как постоянного занятия, обязанности: *послушание* «склонность, готовность слушаться, покорность», *поноска* в значении «умение собаки носить что-н. в зубах», *попечение* «обязанность человека печься, заботиться о ком-н., опекать кого-н.».

Показательна группа слов с количественным префиксом *по-,* обозначающих болезненные (и шире – физиологические) состояния, напр., *почесуха* и (обл.) *позудуха, позевота* и (обл.) *позевуха,*

потрясуха (лихорадка, обл. и прост.), *повертуха* (болезнь, обл.), *понос* (производящее – *нести* в физиологическом значении). Для слов этого ряда характерно интенсивно-кратное значение, которое может сопровождаться и многосубъектностью, если речь идет о заразном, эпидемическом заболевании. Такая многосубъектность префикса *по-* хорошо ощущается в слове *повал* (обл.) и в первоначальном значении прилагательного *повальный,* мотивированного глаголом *валиться* (либо *валить* «заставлять валиться с ног»; в таком случае значение префикса – многообъектное). Ср. у Даля: *«повальная болезнь, повал* – все общее, что одновременно касается всех или многих: мор, чума, язва и вообще местная, поголовная болезнь; падеж, мор на скот»; также *повалячее* «повальная хворь» (обл.). Дальнейшее обобщение семантики слова *повальный* уводит уже его от «клинических» ситуаций: «все , что бывает внезапно или срочно и притом общее» (Даль), откуда литературное значение «охватывающий всех, многих» *(повальное увлечение);* ср., с другой стороны, наречие *вповалку (лежать, спать)* «все рядом, подряд» (обл. также *повалом).*

Значение «лицо – производитель действия» демонстрируют нам такие отглагольные образования, как *попрошайка, попрыгун,* обл. *поплясун* «тот, кто любит плясать» (также *поплясунья), поморозник* «зябкий человек, быстро мерзнущий», *побраниха* «тот, кто любит ругаться», *попивуха «пьяница», повертуха* «легкомысленная женщина», *позевуша* «зевала, тот, на кого напала зевота», *поплакуша* «плакса», *покрикуха* «крикливая женщина», *покликуша* «тот, кто много, часто кричит, ругается», *повирушка* «врун». Как видим, префикс *по-* выражает здесь обычное, часто или регулярно повторяющееся действие, т.е такое действие, которое характерно для данного лица, к которому это лицо склонно. Сюда же относятся названия лиц, для которых часто (регулярно, обычно) выполняемое действие является их профессиональным занятием: *повозник* (кучер, обл.), *помельник* (мельник, обл.), *повар* (производящее – *варить;* для современного литературного языка – слово с несколько ослабленной мотивацией). Таким образом, отмечаемые исследователями именного словообразования разновидности агентивного значения «лицо – производитель действия» – «тот, кому свойственно действие» и «тот, в чьи функции входит действие» (соотносительные с «настоящим временем неактуальным» – настоящим постоянного, повторяющегося, обычного действия)[12] – могут вы-

ражаться не только суффиксально, но и (в сочетании с суффиксом, в том числе нулевым) особым префиксом. Реже в названиях лица – производителя действия обнаруживается соотнесенность с актуальным действием – либо многосубъектным *(повстанец),* либо достаточно длительным и при определенных условиях также многосубъектным (*постоялец*), либо, наконец, неоднократно повторяющимся в течение некоторого времени *(ночевать* – обл. *поночевщик* «постоялец, квартирант»)[13].

Тот же оттенок количественности – постоянное, многократно повторяющееся действие – характерен для отглагольных существительных с префиксом *по-,* обозначающих: а) неодушевленный предмет – субъект действия: *позвонок* (устар. и обл.) и *позвонец* (обл.) «колокольчик, бубенец»; *погремушка* и *погремок* (растение с семенами, стучащими о стенку плода-коробочки; устар.: *погремушка); поплавок* (мотивирующее – *плавать* «держаться на поверхности воды»); б) место действия: *поварня; попас, попасы* и *попасок* «место, где пасут скот, пастбище» (все – обл.); *поед* и *поедь* «место кормежки зверей, птиц» (оба – обл.); в) лицо – объект действия: *позывень, позванец* «тот, кого часто зовут, приглашают куда-н.» (обл.), *потрясок* «ребенок, любящий прыгать на руках у взрослых» (обл.), *попихайло* «человек на побегушках, кто куда пошлет» (обл.), *покормушка* «приемный ребенок» (обл.); г) неодушевленный предмет – орудие, приспособление для совершения действия: *помазок, подойник.* Несколько особняком стоит слово *поросль,* где префиксом эксплицируется собирательность субъекта действия (ср. *расти,* суффикс *-ль*).

Небольшую, но очень характерную группу слов с объектным значением составляют слова, обозначающие то, во что верят или что говорят, рассказывают представители данного народа. Это название верований и продуктов языкового творчества; в них выражена наиболее широкая многосубъектность действия, объект которого обозначается производным словом. Сюда относятся: *говорить – поговорка* (буквально: «то, что говорят, повторяют многие, все»), обл. *гуторить – погуторка* «то же, что поговорка или побаска» (Даль), *верить – поверье* «то, во что верят многие, все». К этому семантическому ряду принадлежат и образования, мотивированные существительными: *слово – пословица* (буквально: «слова, которые говорятся, повторяются многими, всеми»), *басня* (в значении «выдумка, вымысел», а во мн. ч. – «пустые разговоры,

болтовня») – *побасёнка* и *побаска;* последние опосредованно (через слово *басня)* связаны с глаголом *баять* «говорить, рассказывать», для современного литературного языка устарелым.

В последней группе мы сталкиваемся, наряду с отглагольными образованиями, с образованиями отыменными *(пословица, побасёнка, побаска).* В словообразовательной структуре таких слов эксплицировано не действие, а его объект (одновременно и результат действия), название же действия (глагол) опущено. Интересную параллель представляет собой слово *поножовщина* «драка с применением ножей», образованное от именной основы слова *нож* – названия орудия действия и обозначающее само это действие, также многосубъектное. Другой количественный оттенок выражается в слове *потихоня* (обл.), синонимичном литературному *тихоня* и также производном от прилагательного *тихий;* в этом случае словообразовательная структура эксплицирует характерное для лица качество, свойство, часто, регулярно проявляющееся[14]. Таким образом, префикс *по-,* выражающий количественную характеристику действия или состояния, может выступать не только в отглагольных именах, но и в отыменных.

Среди отглагольных имен с количественным префиксом *по-* встречаются и имена прилагательные. Таковы, напр., уже отмеченные слова *повальный, постоялый,* а также *послушный* «тот, кто склонен слушаться, кто обычно, постоянно слушается», *попросливый* (обл.) «постоянно выпрашивающий что-н.» (ср. сказанное выше о словах *послушание* и *попрошайка*), *потрясучий* (обл.) «склонный трястись, трясущийся». Как видим, оттенки количественности в таких прилагательных различны, но в принципе те же, что и в отглагольных существительных. Другие отглагольные прилагательные с количественным префиксом *по-* будут отмечены ниже; в целом такие прилагательные немногочисленны.

2.1. Особый интерес представляет проблема с о ч е т а е м о с т и количественного префикса *по-* в отглагольных именах. Напомним в этой связи прежде всего некоторые известные факты внутриглагольного словообразования. Замечено, что глагольные префиксы, выражающие те или иные оттенки протекания действия, тяготеют к сочетанию с корнями, содержащими те же семантические компоненты (оттенки протекания действия). Речь идет в таких случаях о своеобразном двойном, дублированном выражении в глаголе того или иного семантического компонента (не только

собственно акционального, но и, напр., пространственного). Это, в частности, является одним из источников появления глаголов сов. вида с так называемыми чистовидовыми приставками, ср., напр., *накопить, запланировать, вспахать, выкорчевать, разделить, постлать, просверлить*[15].

С другой стороны, наблюдается взаимное «тяготение» семантически близких префиксов в сфере вторичной глагольной префиксации, где в роли второго префикса наиболее употребителен префикс *по-* дистрибутивного значения. Особенно характерна с этой точки зрения сочетаемость дистрибутивного *по-*, во-первых, с накопительно-суммарными префиксами *(понабрать, понавешать, понаехать, пообломать, повымереть* и т. п.; ср. также обл. *понарядиться,* откуда *понаряд* «женские наряды») и, во-вторых, с пространственным *раз- (пораскидать, поразогнать, поразбежаться* и т. п.). В первом случае оба способа действия, выражаемые соседними префиксами, – количественные и, хотя и по-разному, характеризуют действие с точки зрения компонента многосубъектности/многообъектности, к которому во втором случае добавляется еще компонент пространственной распределенности. Нередко в подобных употреблениях, особенно в фольклорных текстах, префикс *по-* приближается к чисто градационным, выражающим усилительную функцию (ср., напр., у Кольцова: «Широко ты, степь, *пораскинулась,* К морю Черному *понадвинулась»);* ср. также *поразмыслить* «основательно подумать, обдумать».

Те же закономерности проявляются в рассматриваемых нами отглагольных префиксально-суффиксальных существительных. Количественный префикс *по-* нередко сочетается в них с глагольными корнями, уже обозначающими «сложное» действие. Производящими для таких существительных являются многоактные глаголы и вообще глаголы, лексически выражающие действие, состоящие из многих отдельных (повторяющихся или разных) движений: *клевать – поклёвка, хлебать – похлёбка, мести – помело, греметь – погремушка* и *погремок, зевать – позевота* и *позевуха* (действие), *позевушка* (лицо); *прыгать – попрыгун, вертеться – повертуха, трясти – потрясуха, потрясок, трястись – потрясучий, мазать* (повторяющимися движениями покрывать слоем чего-н.) *– помазок, доить – подойник, кричать – покрикуха, кликать – покликуша, шептать – пошепт* (действие; устар.), *пихать – попихайло*[16]; сюда же отнесем *пахать – попашка* («вся пашня», обл.),

бранить – побранка и *побраниха, плясать – поплясун,* а также *искать – поиск* и *поиски.* В последнем случае префикс *по-,* сочетаясь с основой глагола *искать,* дублирует идею сложного действия (как правило, длительного и разноместного), присущую самому производящему глаголу. Эта идея еще усиливается лексически повтором в таком, напр., сочетании, как *с поиском искать* «напряженно и долго искать»: *Его в лесу с поиском искали* (обл.).

Аналогичную функцию префикса *по-* мы наблюдаем (при мотивации существительным, уже имеющим значение многосубъектного длительного действия) в случае *пир – попируха* «попойка» (обл.). Характерно также, что в нескольких префиксально-суффиксальных существительных с префиксом *по-* интересующей нас семантики в качестве мотивирующих выступают глаголы *бывать, езжать,* уже содержащие суффикс многократности действия: *побывашка, побывальщик, побыванец* «тот, кто часто приходит куда-н.» (обл.), *поезжалый* «ездовой» (обл.).

Во всех подобных образованиях мы наблюдаем явление, которое лучше всего назвать семантическим согласованием префикса и корня (или префикса и суффикса производящей основы, как при мотивации глаголом *бывать*). При этом префикс подчеркивает и, усиливая, эксплицирует количественные характеристики действия, присущие уже мотивирующему беспрефиксальному глаголу.

Но семантическое согласование наблюдается и между аффиксальными морфемами, входящими в состав словообразовательного форманта – в нашем материале между префиксом *по-,* с одной стороны, и суффиксом или системой флексий множ. числа производного существительного – с другой. Выше уже отмечались примеры существительных, где количественные характеристики действия выражаются не только префиксом *по-,* но и системой флексий множ. числа (слова со значением «сложного» действия: *поиски, попрыски* и т. п.). Такую же роль играют входящие в состав словообразовательного форманта суффиксы *-ун, -ух(а), -уш(а), -ушк(а).* Последние и в чисто суффиксальном словообразовании обозначают не просто производителя действия, а производителя частого, постоянного, склонного к данному действию (ср. *плясун, говорун, хвастун, щебетуха, крикуха, визгуха, копуша, вруша, болтушка, хохотушка* и т. п.), либо – в просторечии – само действие с оттенком интенсивности или длительности *(колотун, едун, голодуха, невезуха* и т. п.). Неудивительно, что именно эти суффиксы осо-

бенно часто сочетаются в одном форманте с количественным префиксом *по-*: *попрыгун, поплясун, повертуха, позевуха, почесуха, потрясуха, порадуха, поплакуша, покликуша, погремушка, повирушка* и т. д. Обратим внимание на слова *побоище, посмешище*: суффикс *-ищ(е),* сочетающийся в них в одном форманте с префиксом *по-,* сам по себе обозначает многосубъектное действие или состояние (ср. чисто суффиксальные образования с этим суффиксом: *игрище, сборище, скопище, сходбище, торжище, зрелище)*[17]. Сходная ситуация – в прилагательных *попросливый, побежчивый, потрясучий,* где уже суффиксы *-лив-/-чив-* и *-уч-* сами по себе обозначают склонность к действию.

Мы видим, что в таких образованиях, как *поиски, попрыгун, поплясун, покликуша, повертуха, потрясуха, попируха, позевуха* и др., количественность действия выражается уже не дважды, а трижды (либо даже – в редких случаях, как в слове *побегушки,* – четырежды): корнем – лексически, а префиксом и посткорневой частью словообразовательного форманта (суффиксом и/или системой флексий множ. числа) – грамматически. Соответственно можно говорить о неоднократном семантическом согласовании морфем в пределах слова.

2.2. В свете сказанного может быть правильно семантически интерпретировано наличие немалого количества префиксально-суффиксальных образований с префиксом *по-* от глаголов движения. Речь идет об образованиях не только от «классических» глаголов движения, парных по признаку однонаправленности/разнонаправленности, но и от таких глаголов, как *гулять, течь,* от самого глагола *двигаться.* Вот довольно полный (хотя и не исчерпывающий) перечень таких образований, обозначающих, как и в вышеприведенном материале, не только само действие, но и его субъект, орудие, объект, результат, а также (в редких случаях, когда мотивированное – прилагательное) признак, заключающийся в склонности к действию, или признак как результат действия: *бродить – побродяга; бежать – побег* (действие и «отросток»), *бегать – побегушка* («лицо для мелких услуг», прост.) и *побегушки* («беготня», обл.; в литературном языке – в выражении *быть на побегушках*), сюда же ряд синонимов *побегуша, побегуля, побегун, побегунья, побегуха, побегалка* «шатун, праздный гуляка, охочий бегать без дела» (Даль)[18]; *побегайчик, побежчивый («побежчивая борзая* – прыткая на бегу», Даль), *побегайло* («подвижная часть

бороны», обл.), *побежник* («часть собачьей упряжки, приспособление для быстрого бега»; «ходовая часть невода» – обл.); *гнаться – погоня*[19]; *ездить – поезд, поездка, поездьство* («военные разъезды», у Даля с пометой «стар».), *езжать* (многократное к *ездить) – поезжалый* («посыльный, гонец, курьер, ездовой» – обл.); *ходить – поход* и *похождение* (последнее, не случайно, чаще употребляется во множественном числе); *водить – повод* (множ. ч. *поводья,* предметное значение), *поводок* и *поводырь; возить – повозка, повозник («возница, кучер»* обл.) и *повоз* («возка, перевозка», у Даля с пометой «стар.»); *носить – поноска* (в значении умения и объекта действия); *лететь* и *летать – полет* и *полетуха* (животное летяга); *ползать – поползень* (птица); *кататься – покатун* (растение перекати-поле, обл.)[20]; *таскаться – потаскун* и *потаскуха; плавать – поплав* («плаванье, путь водой, рейс по воде», обл.), *поплавуха* и *поплавуша* («любитель плавать», обл.), *плавить* («сплавлять», каузатив к *плыть*) – *поплавщик* («рабочий при плотах на сплаве», обл.); *течь – поток* и *потёк; гулять – погулёна* (обл.); *мыкаться* («беспорядочно двигаться в разные стороны, туда и сюда», устар. и обл.; «много и долго ходить из одного места в другое», прост.) – *помыкушки* («бестолковая беготня», обл.); *блудить* («блуждать») – *поблудный* (*поблудная собака* – «бродячая», обл.); *двигаться – подвижный* (и *подвижной*).

В некоторых образованиях этого списка очевидна количественность действия в ее многосубъектной разновидности: *поезд* (ср. в особенности старые значения этого слова: «несколько упряжек лошадей; несколько повозок, едущих по одному пути», также *свадебный поезд,* откуда *поезд* – «все, кто приехал на свадьбу», обл.), *поход,* а также в разновидностях длительной (*помыкушки*) и многократной в сочетании с многообъектностью (*побегушки, потаскун, потаскуха*). В других можно усмотреть акцентирование префиксом семантического компонента «склонность к действию, постоянное или частое его осуществление», также количественного по своей природе (*побродяга, погулёна, полетуха, повозник, поползень, покатутун,* а также ряд *побегуша, побегун, побегалка* и т. п.; *поблудный, подвижный, побежчивый*). Однако этими случаями не охватывается вся совокупность именных образований от глаголов движения с префиксом *по-,* который в ряде слов действительно выглядит семантически опустошенным, и не случайно, напр., в некоторых толковых словарях слова *побег, полёт, погоня* рассматривают-

ся как обычные названия действий по глаголам *бежать, лететь – летать, гнаться* (так же как *поиск* – действия по глаголу *искать*).

Одним из авторов настоящей статьи, впервые отметившим в свое время факт наличия таких образований от глаголов движения, было сделано предположение о незначимости в них префиксоподобного отрезка (субморфа) *по-* и, как следствие, о принадлежности его корню, членимому здесь только с формальной точки зрения[21]. Впоследствии И. Г. Милославский, возражая против такой трактовки, предложил видеть в словах *побег, погоня, поездка, повозка* и т. п. не субморф, а морф (префикс) *по-* со значением «временной характеристики действия», которое якобы «зачеркивается», «обращается в нуль» «в результате воздействия морфа со значением предметности»[22]. Не вдаваясь здесь в критику концепции семантически «пустых» морфем, которая в целом не представляется нам плодотворной, отметим, что производность слов типа *побег, повозка, поездка* от глаголов типа *побежать, повозить, поездить* (с начинательным или временно-ограничительным значением) вряд ли доказуема. Сомнителен и сделанный И. Г. Милославским в общем виде вывод о том, что «все указанные значения (глагольные значения ограничения действия во времени, начала действия, интенсивности действия, однократности действия. – *В. Л., Е. Р.*) в словах, обладающих значением «предметности», аннулируются, зачеркиваются, поскольку они не совместимы со значением предметности в структуре слова»[23]. Этому выводу противоречат разнообразные факты отглагольного словообразования существительных – как суффиксального с наследуемым от мотивирующего глагола значимым глагольным префиксом, так суффиксального и префиксально-суффиксального словообразования с «глагольным» значением, приобретаемым уже в структуре существительного (ср. хотя бы слова типа *прыжок, бросок).* В частности, и весь приводимый нами в этой статье материал свидетельствует о том, что именам существительным (да и прилагательным тоже) отнюдь не чуждо выражение количественных оттенков протекания действия, характерных прежде всего для глагола, причем эти количественные семантические компоненты могут как наследоваться от мотивирующего глагола, сохраняясь в мотивированном имени (см. особенно материал раздела 1.2), так и приобретаться в этом имени, выражаться аффиксами, не наследуемыми от мотивирующего глагола.

Что же касается всей совокупности приведенных слов, производных от глаголов движения, то оптимальным решением вопроса о значении префикса *по- в* структуре таких слов, о причинах «взаимопритяжения» префикса *по-* и корней глаголов движения представляется следующее. Количественный префикс *по-*, семантически согласуясь с корнем, усиливает, эксплицирует в таких образованиях присущую всем глаголам движения семантику пространственного перемещения и, следовательно, «многоместности» действия, распространенности его на разные места в пространстве. Ср. хотя бы *побег, полёт, погоня, поездка,* а также *поток* (масса текущей в каком-н. направлении воды), *потёк* (чаще во множественном числе: струйки текущей воды или следы от текущей жидкости на какой-н. поверхности), *повозка, покатун* и т. д.; то же в глаголе *погонять* (ср. *гнать).* Эта сторона семантики глаголов движения еще усиливается разнонаправленностью в глаголах *ходить, бегать, летать, возить, ездить* и т. п. (ср. также выше значения глагола *мыкаться*), которые, действительно, чаще других глаголов движения выступают в интересующих нас отглагольных именах в качестве производящих, однако в принципе семантика «многоместности» действия присутствует и в так называемых глаголах однонаправленного движения, как и в любых глаголах перемещения (ср. *бежать, гнать, течь*)[24].

Ср. уже упоминавшиеся слова *поиск, поиски,* где префиксом *по-* аналогично эксплицируется оттенок разноместности (многоместности) действия, присущий уже мотивирующему глаголу *искать,* а также упомянутую выше роль пространственного глагольного префикса *раз-* в выражении количественных оттенков протекания действия.

С отглагольными образованиями, выражающими префиксом *по-* многоместность действия, сближаются и некоторые отыменные образования. Интересен с этой точки зрения отыменной глагол *полесовать* (обл.; промышлять в лесу, быть на зверином промысле; также быть в лесниках или промышлять лесом – Даль), откуда существительные *полесовник, полесник, полесовик, полесовщик* (лесной смотритель, караульщик, объездчик, сторож; также лесной охотник, зверолов), где префиксом *по-* эксплицируется семантический оттенок передвижения по лесу, по лесному пространству, причем этой экспликации может не быть (ср. синонимы приведенных слов – *лесовать, лесник, лесовщик*). Другой случай –

слова *потёмки* и *впотьмах* (последнее – от обл. *потьмы «потемки»*), мотивированные словами *темный, тьма:* здесь префиксом эксплицирован оттенок пространственной протяженности темноты, охвата темнотой определенного объемного пространства[25]. Не случайно в них выступает, наряду с префиксом *по-*, дублирующая его количественную семантику (с чем мы уже сталкивались не раз) система флексий множ. числа. В семантике слова *пожар,* сохраняющего с синхронной точки зрения некоторую мотивацию словом *жар,* присутствует, наряду с многообъектностью, семантический компонент пространственной распространенности огня.

Отмеченные здесь семантические оттенки много- и разноместности, пространственной протяженности действия или состояния могут быть уже непосредственно соотнесены с пространственным предлогом *по* и именным префиксом *по-*, обозначающими расположение, нахождение, распространение на поверхности чего-н. *(ехать по шоссе, вода разлилась по полу; позёмка, подонки, побережье, поверху, посуху* и т. п.). Это дает еще большие основания для рассмотрения именного и глагольного префиксов *по-* в некотором едином «семантическом поле», охватывающем как пространственные, так и собственные акциональные (количественно-временные) значения.

3. Подведем некоторые итоги. Рассмотренный материал показывает, что количественные характеристики действия – многократность, длительность (также обычность, постоянность), многосубъектность, многообъектность, многоместность выражаются аффиксальными средствами не только в глагольном, но и в именном словообразовании, дополняя типы внутриглагольного (префиксального) словообразования, формирующие количественные способы глагольного действия, примыкая к ним и составляя с ними единую подсистему выражения акциональных количественных значений. Хотя в функционально-семантическом поле аспектуальности[26] именные средства занимают периферийное место, однако они выражают такие количественные характеристики протекания действия, которые средствами внутриглагольного словообразования в пределах традиционных способов глагольного действия специально не выражаются: таковы, напр., многосубъектность в «чистом» виде, вне сочетания с дистрибутивностью (распределительностью) или накопительностью, многоместность, вообще – шире – «сложность», внутренняя расчлененность, а также постоянность действия (действие как характерное свойство, склон-

ность, занятие). Но следует иметь в виду, что количественные характеристики действия сочетаются в пределах отглагольных имен с другими компонентами словообразовательной семантики, присущими именному словообразованию, – с транспозиционным или с тем или иным мутационным словообразовательным значением. Не теряют признаков акциональной семантики и те немногие образования с количественным префиксом, которые мотивированы не глаголами, а существительными, обозначающими действие, состояние, орудие, объект, место действия (*попируха, поножовщина, пословица, потемки, полесовщик*).

Одновременно рассмотренный материал представляет собой один из тех участков словообразовательной системы (до сих пор недостаточно изученных), для которых характерно согласование, взаимное «притяжение» близких в семантическом отношении морфем и, как следствие, неоднократное – двухкратное, трехкратное – выражение некоторых компонентов словообразовательной семантики (в данном случае – количественного компонента) в пределах мотивированного слова: корнем и префиксом, префиксом и системой флексий, префиксом и суффиксом или, наконец, корнем, префиксом и суффиксом (системой флексий). Это обстоятельство в ряде случаев затрудняет словообразовательный анализ, создавая видимость семантической опустошенности префикса.

В то же время в свете подобных фактов «дублирования» формантом значения мотивирующей основы требует корректировки известное общее положение о том, что словообразовательное значение есть компонент семантики мотивированного слова, отсутствующий в слове мотивирующем.

В целом количественный префикс *по-* играет в именном словообразовании вспомогательную, факультативную роль, будучи усилительным и нередко экспрессивным словообразовательным средством, сопровождающим другие средства (прежде всего суффиксы). Этим объясняется, в частности, наличие разнообразных словообразовательных синонимов с количественным префиксом *по-* и без него: *бродяга – побродяга, гулёна – погулёна, водырь* (устар.) – *поводырь, стоялец* (обл.) – *постоялец, плакуша – поплакуша, кликуша – покликуша, крикуха – покрикуха, тихоня – потихоня, звонок – позвонок, гремушка* (устар.) – *погремушка, дойник – подойник, плясун – поплясун, бегун – побегун, мельник – помельник, зевота – позевота, шепот – пошепот, трясучий – потрясу-*

чий, езжалый («ездовой», устар.) – *поезжалый, лесовать – полесовать;* ср. также *брань – побранка, бить – побоище, пирушка – попируха, клёв – поклёвка, байка – побасёнка, летяга – полетуха, трясучка* и *трясавица – потрясуха, гнать – погонять.*

Эксплицируя во вторых членах подобных пар семантический компонент интенсивности действия (состояния), префикс *по-* тем самым оказывается одновременно обращенным к другому функционально-семантическому полю – полю градационности признака (в данном случае процессуального). Выше мы наблюдали обращенность количественного префикса *по-* еще к одной функционально-семантической сфере – к пространственной локализации действия. Таким образом, можно констатировать, что рассмотренный круг явлений представляет собой арену взаимопроникновения различных функциональных сфер, что вообще характерно для периферийных участков функционально-семантических полей.

И наконец, эти факты позволяют говорить о значимости более общей и малоизученной проблемы, которую можно сформулировать как отражение глагольных значений (категориально-грамматических, акциональных и др.) в формально-семантической структуре имен, прежде всего отглагольных.

Примечания

[1] Отвлекаемся здесь от «наглядно-примерного» типа употребления глаголов сов. вида как от вторичного и контекстуально обусловленного. См.: Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 608.

[2] На эти и подобные факты впервые было обращено внимание в: *Лопатин В. В.* Префиксально-суффиксальные отглагольные имена и их синхронические словообразовательные связи // Филол. науки. 1977, № 3. С. 49. Статья перепечатана: с. 208–220 данного издания. См. также: Русская грамматика, с. 237.

[3] В устойчивом сочетании *выставить кого-н. на посмешище (на посмеяние)* то же слово, как и однокоренное слово *посмеяние,* обозначает само такое многосубъектное действие.

[4] Этимологически *повстанец* в русском литературном языке – полонизм; в польском языке powstaniec мотивировано дистрибутивным глаголом powstac «восстать», отсюда также powstanie «восстание»; все эти слова отмечены и в русских говорах (*повстать, повстание*), и, таким образом, мотивация слова *повстанец* глаголом без префикса *по-* характерна только для русского литературного языка.

[5] *Ремчукова Е. Н.* Существительные с семантическим компонентом «сложное действие» в современном русском языке // Филол. науки. 1986, № 6.

[6] Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л.,1987. С. 42–43; *Серебренников Б. А.* Роль человеческого фактора в языке. Язык и мышление. М., 1988. С. 14–23.

[7] *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. III. М., 1980. С. 439.

[8] Это относится и к повторам с префиксально-суффиксальным вторым глаголом типа *жить-поживать* (где префикс *по-* и суффикс *-ва-* выражают длительность действия), в том числе с глаголом прерывисто-смягчительного значения: *веет-повевает, греет-погревает* (см.: *Евгеньева А. П.* Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVIII–XX вв. М. – Л., 1963. С. 116). То же в повторах с «глагольными междометиями»: *хвать-похвать, скок-поскок* и т. п.

[9] Здесь и ниже в качестве иллюстративного материала привлекаются, наряду с общелитературной современной лексикой, областные (диалектные) слова. Источниками этих слов для нас являются словарь В. И. Даля, а также некоторые материалы подготовленных к печати томов сводного «Словаря русских народных говоров» (ознакомиться с ними нам любезно предоставили возможность авторы словаря – сотрудники словарного отдела Института лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге). Диалектная лексика (независимо от ее лингвогеографической принадлежности, от которой мы здесь намеренно отвлекаемся, тем более что географический «разброс» подобных образований велик), важна для нас как фоновый материал, подтверждающий те тенденции выражения количественных значений, которые наблюдаются и в литературном языке, где, однако, проявляются с меньшей очевидностью.

[10] Но ср., напр., *поплюйка* «папироса-самокрутка» (обл.), прямо передающее временно-ограничительный компонент мотивирующего глагола *поплевать*.

[11] В слове *постоянный,* где префикс *по-* выделяется лишь этимологически, количественное значение префикса стало лексическим значением.

[12] *Шмелева Е. Я.* Некоторые семантические особенности существительных со значением действующего лица // Русский язык в школе. 1983, № 3.

[13] Отсюда далее *поночевство* (окказ.); ср.: «Так, с поночевщиками, с Симой и мальчишкой, стали держаться вместе уже и не вдвоем, а вчетвером... Сама она [Дарья] спала на печке, Катерина, как и раньше, стелилась на топчане, Симе с Колькой отдали кровать». «На подмогу... Дарье, как бы отрабатывая за поночевство, пришли Сима с Катериной» (В. Распутин. Прощание с Матерой).

[14] В подобных случаях, в отличие от отглагольных производных, мы имеем дело, согласно концепции М. Докулила, с заменой ономасиологического признака на его определяющее (ономасиологический мотив) (см.: *Dokulil M.* Tvoření slov v češtině. I. Teorie odvozování slov. Praha, 1962. С. 197).

[15] Другой распространенный случай «дублирования» семантических компонентов корня и словообразовательного аффикса, приводящий к мнимой десемантизации аффикса, представляют собой образования с так называемыми суффиксами стилистической модификации (см.: *Лопатин В. В.* Синонимия мотивированного и мотивирующего слов в русском словообразовании // Язык:

система и функционирование. М., 1988. Статья перепечатана: с. 258–266 данного издания).

[16] Очень характерен и фольклорный пример: «Заинька-*повиляинька!... Вилял-вилял,* в тенета попал» (из народной песни; см.: *Потебня А. А.* Указ. соч., с. 439). Ср. также *«зайчик-побегайчик»* (из народной сказки).

[17] В этом же ряду – *позор* и *позорище* в первоначальном значении «зрелище».

[18] Ср. приводимые Далем присловья-загадки: *«Побегунчики* бегут, *покатунчики* катят» (лошадь и колеса), *«Побегушки* бегут, *поползушки* ползут» (сани едут), а также *побегунья* в следующем употреблении: «А корова у нее такая побегунья, такая побегунья. Чуть что – бежит из стада, разве за ней старый человек угонится» (В. Гроссман. Жизнь и судьба).

[19] Для таких слов, как *погонщик, погоныч* (обл.), *погонялка,* производящее – глагол *погонять* (префиксально-суффиксальный также с количественным значением префикса), о котором см. выше.

[20] Сюда же *покатый* и *покат,* морфемная членимость которых синхронически ослаблена.

[21] *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 62.

[22] *Милославский И. Г.* Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980. С. 106–107.

[23] *Милославский И. Г.* Указ. соч., с. 105.

[24] Добавим, что в части этих глаголов (прежде всего в глаголах *идти – ходить* и *бежать – бегать)* представлена дискретность, расчлененность действия на однородные акты, т. е. они явно относятся лексически к разряду многоактных, о которых см. выше (п. 2.1).

[25] Слова *потемки* и *темнота* могут считаться синонимами, но в семантике слова *темнота* не маркирована объемность темного пространства. Поэтому, хотя в контекстах типа *блуждать в темноте (в потемках, впотьмах)* эти слова взаимозаменимы, однако в тех контекстах, где речь идет о затемненной поверхности или о темном участке какой-н. поверхности (напр.: *темнота по краям портрета; на слайде сплошная темнота – ничего не различить*), слово *потемки* невозможно.

[26] См.: *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983; Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

Новое примечание. Рассмотренные в этой статье отглагольные слова с префиксом *по-* значительно раньше привлекли внимание Н. А. Янко-Триницкой: см. ее книгу «Словообразование в современном русском языке», опубликованную, однако, только в 2001 г. Справедливо подчеркивая (см. с. 320–321), что слова типа *поездка* или *поиск* «не связаны по смыслу с префиксальным глаголом, а только с глаголом без префикса», автор не видит в таких словах у префикса *по-* какого-либо «специализированного значения», т. е., в сущности, считает его асемантическим элементом структуры слова. Но, как показано в нашей статье, префикс *по-* в подобных образованиях особым образом семантически нагружен.

К семантической вариативности морфемы (видообразующие аффиксы в именной основе)

[В сб.: Лики языка. М., «Наследие», 1998]

Проблема варьирования морфемы хорошо изучена с формальной стороны – с достаточной полнотой выявлены типология и морфонологические взаимосвязи алломорфов. Этого нельзя сказать о семантическом варьировании морфемы: хотя в исследованиях по словообразовательной и грамматической семантике ряд аспектов этой проблемы рассмотрен, тем не менее целостная, систематизированная картина такого варьирования отсутствует (имеются в виду служебные морфемы, а не корневые – варьирование последних в основном охватывается проблемой лексической полисемии/омонимии). Создание такой целостной картины – дело будущего[1]; здесь же пойдет речь об особенностях семантического варьирования глагольных видообразующих аффиксов – прежде всего так наз. чистовидовых префиксов – в структуре отглагольных имен.

Как известно, в семантике русских отглагольных имен видовые различия глагола нейтрализованы – с семантической точки зрения слово, производное от глагола, входящего в видовую пару, одинаково удалено от обоих составляющих эту пару глаголов, с чисто формальной же точки зрения при сохранении в структуре отглагольного имени видовых показателей глагола производящим следует признать глагол одного из видов: ср., напр., *комплектование* и *укомплектование, уловитель* и *улавливатель*[2]. Но можно ли в таких случаях усматривать в видовых показателях (видообразующих суффиксах или префиксах), выделяющихся в отглагольном имени, какую-либо семантическую функцию или их следует признать, вместе с потерей функции видообразующего форманта, десемантизированными?

В свое время Н. А. Янко-Триницкой было сформулировано очень важное положение о том, что «значение морфемы не есть постоянная величина» и что, в частности, оно может «видоизменяться, вступая в контакт со значениями присоединяемых к базовой ос-

нове аффиксов»[3]. Это положение проиллюстрировано там же на следующем примере: в случаях типа *колоть – проколоть – прокалывать* «на второй ступени видового словопроизводства присоединение суффикса *-ива-* к префиксальному глаголу нейтрализует видовое значение приставки, но оставляет за нею дополнительное лексическое значение»[4]. Развивая эту мысль дальше, можно сделать вывод, что при наличии в глаголе сов. вида чистовидового префикса этот префикс на второй ступени видового словопроизводства полностью десемантизируется.

Однако существует и другая, нередко принимаемая аспектологами, точка зрения. В русской аспектологии давно уже дискутируется вопрос о так наз. общерезультативном способе действия[5], альтернативой которому является признание префиксальной перфективации как средства образования видовой пары[6]. Принимая вторую точку зрения, следует тем не менее признать справедливым и во многих отношениях перспективным такое понимание результативности, при котором этот компонент глагольной семантики усматривается в соотносительных глаголах обоих видов и обнаруживается в глаголах сов. вида как «достижение действием результата», а в глаголах несов. вида – как «направленность действия на результат». Таким образом, в видовых парах типа *оштрафовать – оштрафовывать, увянуть – увядать* результативность (предельность) выражается префиксом не только в первых членах – глаголах сов. вида, но и во вторых, варьируясь в соответствии с общим категориальным значением того или другого вида, а в видовых «тройках» типа *штрафовать – оштрафовать – оштрафовывать, вянуть – увянуть – увядать* третий член (вторичный имперфектив) отличается от первого эксплицированностью, формальной (с помощью префикса) выраженностью общего для них значения направленности процесса на результат.

Представляется, что такое понимание семантического компонента «результативность (предельность) процесса» может быть распространено и на семантический анализ отглагольных имен. Оно применимо при анализе семантики отглагольных имен, наследующих от производящего глагола сов. вида чистовидовой префикс. Сюда относятся многие существительные со значением действия – такие как, напр., *приготовление, построение, обучение, ознакомление, сбережение, измерение, усовершенствование* (с суффиксом *-ниј-/-еницј-*), *побелка, починка, подготовка, очистка, вы-*

плавка, утрамбовка (с суффиксом *-к(а), подсчет, обмен, розыск* (с нулевым суффиксом), такие прилагательные, как *очистной, обменный, похоронный* (с суффиксом *-н-), подготовительный, ознакомительный, измерительный* (с суффиксом *-тельн-),* некоторые существительные с агентивным значением – *упаковщик, изготовитель* и т. п. Во всех подобных отглагольных именах префиксом эксплицирован семантический компонент направленности действия на результат. По сравнению с синонимичными образованиями, не содержащими префикса и обозначающими направленность действия на результат только лексически, префикс в подобных отглагольных именах эксплицирует это значение, грамматически маркирует его; ср., напр.: *краска* (действие) и *окраска, покраска; готовка* и *приготовление, трамбовка* (действие) и *утрамбовка, совершенствование* и *усовершенствование, знакомство* (действие) и *ознакомление, чистка* и *очистка, формирование* и *сформирование* и т. п.

Такова же функция префикса в отглагольных именах, производных от префиксально-суффиксальных отыменных глаголов сов. вида: *уменьшение, уничтожение, упорядочение, ослабление, оздоровление, оправдание* и т. п.; в соответствующих производящих глаголах – *уменьшить* и т. п. – префикс, хотя и не формирует видовую пару, однако выражает достижение действием результата.

Как видим, чистовидовые префиксы производящего глагола, выступающие в структуре отглагольных имен, нельзя считать семантически опустошенными: они и в составе именной основы продолжают выражать предельность действия (в ее семантическом варианте «направленность на результат») и тем самым вовлекают отглагольные имена в функционально-семантическое поле аспектуальности.

О том, что в именах существительных со значением действия, процесса чистовидовой префикс значим, обладает определенной семантической нагрузкой, свидетельствует возможность образования по образцу таких отглагольных существительных новых существительных прямо от имен, без участия глагола (так наз. словообразования с пропущенным звеном), при помощи форманта «глагольный результативный префикс + суффикс со значением действия». Именно таким способом образованы префиксально-суффиксальные существительные со значением процесса (целенаправленного или непроизвольного), предполагающего достижение определенного результата, что и выражается в них префиксом *о-*,

напр.: *кремний – окремнение* (природный процесс замещения горных пород и древесины минералами кремнезема), *глей – оглеение* (почвообразовательный процесс, приводящий к возникновению глея), аналогично *торф – оторфление; кусок – окускование* (процесс укрупнения рудной мелочи, получения из нее плотных кусков, комков, брикетов для дальнейшей плавки), *комок – окомкование* (один из видов окускования), *сланец – осланцевание.* В семантике подобных образований может в большей степени актуализироваться достижение результата, как, напр., в лингвистическом термине *огубление* или в литературоведческом *остранение* (в последнем случае производящее – прилагательное *странный).*

Хотя глагол сов. вида в качестве производящего в подобных словообразовательных фактах и отсутствует, однако регулярно присутствуют в качестве параллельных образований («кодериватов») от тех же именных производящих основ, с той же приставкой *о-*, прилагательные с результативным значением, по форме совпадающие со страдательными причастиями: *огубленный, остраненный, окремненный, оглеенный, окускованный, осланцованный* и т. п. И если в существительных данного типа префикс выражает направленность процесса на результат, то в прилагательных – уже достижение результата.

Отыменные существительные с тем же значением действия и тем же суффиксом *-ениј-/-ованиј-* образуются также чисто суффиксальным способом: ср. *железнение, меднение* (покрытие поверхности изделия слоем железа, меди), *дождевание, бороздование, солевание* (процесс обработки кож раствором соли), *стрелкование* (появление у растений цветочных стеблей – стрелок) и т. п. Однако, в отличие от этого ряда образований (также составляющего продуктивный тип), в образованиях префиксально-суффиксального типа направленность действия на результат эксплицирована префиксом и тем самым подчеркнута самой морфемной структурой слова – картина та же, что и в отглагольных существительных.

Что же касается семантики чистовидового форманта несов. вида – суффикса *-ыва-(-ива-)/-ва-/-а-* – в отглагольных именных основах (в таких образованиях, как, напр., *подсчитывание, убаюкивание, нагревание, оберегание, угасание, увядание* и т. п.), то нельзя сказать, что и этот формант здесь вовсе десемантизирован, во всяком случае более десемантизирован, чем в самих глагольных видовых парах или «тройках». Вопрос этот напрямую связан

с трактовкой общего (инвариантного, внеконтекстного) значения глаголов несов. вида. Исходя из преобладающего в современной аспектологии понимания несов. вида как семантически немаркированного члена видового противопоставления, следует признать, что и в глаголах – вторичных имперфективах, и в производных от них именах видовой суффикс участвует в выражении значения направленности действия на результат вне указания на достижение этого результата.

Примечания

[1] Некоторые фрагменты этой картины затронуты нами в статье: *Лопатин В. В.* О некоторых принципах отождествления словообразовательных морфем и пределах варьирования // Явление вариативности в языке. Кемерово, 1994. Статья перепечатана: с. 363–367 данного издания.

[2] Подробнее см.: *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 97–104. Здесь же см. основную литературу вопроса.

[3] *Янко-Триницкая Н. А.* Словообразовательная структура и морфемный состав слова // Актуальные проблемы русского словообразования. I. Самарканд, 1972. С. 15.

[4] Точнее было бы говорить, с нашей точки зрения, о словообразовательном, в данном случае пространственном, значении приставки, противопоставляемом значению видовому как морфологическому.

[5] См., например: *Бондарко А. В., Буланин Л. Л.* Русский глагол. Л., 1967. С. 22–24.

[6] См.: Русская грамматика. Т. I. М., 1980.

К вопросу о словообразовательном статусе причастий

[В сб.: Актуальные проблемы русского словообразования. II. Самарканд, 1972]

В докладе Л. Л. Кима и В. А. Низинской «Словообразовательная структура отпричастных наречий на *-ще* в современном русском языке в аспекте статуса причастий в словообразовательной системе»[1] справедливо поставлен вопрос о том, что причастия «в словообразовании составляют самостоятельный класс слов». В явной и эксплицитной форме вопрос этот, кажется, ставится в нашей лингвистической литературе впервые. Авторы подчеркивают, что, будучи гибридной морфологической категорией, причастия сохраняют черты своей гибридности (как глагольные, так и адъективные) в мотивированных ими словах, и прослеживают эти черты в наречиях, мотивированных действительными причастиями настоящего времени.

Положения этого доклада могут быть дополнены некоторыми общими наблюдениями, касающимися словообразовательных потенций причастий. Дело в том, что по своим словообразующим свойствам причастия «ведут себя» достаточно самостоятельно и независимо от глагола. Они выступают в качестве мотивирующих слов в тех же словообразовательных типах, что и обычные прилагательные. Кроме наречий на *-о*, мотивированных причастиями различных разрядов (ср. *подбадривающе, организованно, несменяемо* и т. п.), здесь можно упомянуть несколько типов отадъективных существительных – прежде всего слова с суффиксами *-ость (склоняемость, изолированность, приподнятость), -ик (воспитанник, отпущенник), -ец (посланец, разведенец),* а также многочисленный класс субстантивированных причастий (ср. *управляющий, пострадавший, обвиняемый, командированный* и т. п.).

Нам уже приходилось писать о том, что высокая продуктивность субстантивированных причастий объясняется их способностью обозначать отношение к действию со строгой дифференциацией характера этого отношения (субъект или объект действия – прошлого или настоящего, в соответствии с грамматическим разря-

дом причастия)[2]. Здесь же необходимо подчеркнуть, что в семантике других отпричастных образований также отражается грамматическая семантика соответствующих причастий: ср., например, наречия *изнуряюще* и *изнуренно, мобилизующе* и *мобилизованно*. Да и в существительных на *-ость, -ик, -ец*, мотивированных страдательными причастиями (примеры их приведены выше), налицо семантический оттенок страдательности: отношение к действию в этих словах, обозначающих признак или носителя признака, обнаруживается как отношение к испытываемому действию.

Таким образом, даже признавая причастие (в соответствии с традицией) морфологической формой глагола, мы не можем не отметить самостоятельности этого класса слов в словообразовательном аспекте. Причастие – едва ли не единственная в русской грамматической системе «форма слова», сохраняющая в структурно мотивированных ею словах свою грамматическую семантику. Все другие образования, структурно мотивированные одной из различных основ неодноосновного слова, – например, прилагательные *звеньевой, телячий* и т. п., структурно мотивированные основой множ. числа существительных (*звенья, телята*), не совпадающей с основой ед. числа, или слова *солонина, солоноватый, величина, равновеликий* и т. п., структурно мотивированные основой краткой формы прилагательных (*солон, велик*), не совпадающей с основой полных форм, – семантически мотивированы лексемой в целом. В случаях же мотивации причастием мы должны говорить о мотивации не глаголом в целом, а конкретной причастной формой.

Этим, в сущности, и объясняется тот факт, что в практике словообразовательного анализа, в грамматических и учебных пособиях «производство слов от причастий никто не рассматривает как отглагольное словообразование»[3]. Применительно к отпричастным образованиям можно говорить о мотивации глаголом лишь как об опосредствованной мотивации; но это в равной мере относится и ко всем образованиям, мотивированным отглагольными именами.

С указанных точек зрения причастия можно и удобно рассматривать как особую группу суффиксальных отглагольных прилагательных, впрочем, наиболее «глагольную» из всех отглагольных имен: сохраняющую в наибольшей степени глагольное управление, структуру глагольного слова (сохранение постфикса *-ся*) и непосредственно соотносительную в своем значении с рядом глагольных грамматических категорий (время, вид, залог, переход-

ность). Последнее свойство, кстати, присуще, но в более слабой степени и с меньшей регулярностью, и некоторым «обычным» отглагольным прилагательным – словам с суффиксами *-тельн-, -уч-, -л-* и др.

Такой подход к причастиям позволяет более наглядно выявить органичную связь так называемых «адъективных значений» причастий[4] – с прочими («более глагольными») причастными значениями, поскольку причастия, многие значения которых («адъективные») тождественны значениям обычных отглагольных прилагательных (таких, как прилагательные с суффиксами *-тельн-,-льн-, -л-*), явно стоят в одном ряду с последними.

Отметим также, что изучение различных грамматических классов и подклассов слов с точки зрения их словообразующих возможностей является одной из актуальных и малоизученных проблем словообразования. Необходим всесторонний анализ слов, принадлежащих к различным частям речи и более узким семантико-грамматическим группам, с точки зрения их способностей выступать в словообразовании в качестве мотивирующих слов. Исследований этого направления у нас еще очень мало. Поэтому следует приветствовать тот факт, что на данной конференции мы прослушали целый ряд докладов, посвященных обстоятельному, основанному на интересном материале, анализу различных классов и групп мотивирующих слов, их словообразовательного потенциала. Кроме причастий, такому анализу были подвергнуты здесь аббревиатуры, топонимы, неизменяемые существительные, качественные прилагательные.

Примечания

[1] См.: Актуальные проблемы русского словообразования. I. Самарканд, 1972.

[2] См.: *Лопатин В. В.* Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967. С. 228-230. Статья перепечатана: с. 106–140 данного издания.

[3] *Ким Л. Л.* и *Низинская В. А.* Указ. доклад, с. 165.

[4] См.: *Лопатин В. В.* Адъективация причастий в ее отношении к словообразованию // Вопр. языкознания. 1966, № 5. Статья перепечатана: с. 139–155 данного издания.

Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов

[В сб.: Новые слова и словари новых слов. Л., «Наука», 1978]

I. Одной из важных функций словообразования является пополнение словарного состава языка словами, выступающими в роли синонимов словосочетаний. Явление это, в котором находит свое воплощение языковая тенденция к экономии средств выражения[1], известно в лингвистической литературе под различными терминами, например: «синтетическое сжатие», «стяжение», «семантическая конденсация», «включение», «универбация» или «универбизация»[2]. Мы используем термин «универбация» как наиболее точно, с нашей точки зрения, отражающий суть этого весьма активного в современном русском словообразовании явления. Соотношение различных словообразовательных способов как средств универбации (суффиксация, субстантивация, сложение, аббревиация) рассмотрено нами в другом месте[3]. В настоящей статье мы хотим обратить внимание на роль и место в языке суффиксальных средств универбации и на проблему отграничения суффиксальной универбации от других сходных явлений.

Вопрос о границах явления универбации встает прежде всего в рамках целой словообразовательной системы. Большинство мотивированных слов представляет собой продукт некоторого сжатия, концентрации смысла, который может быть выражен более развернутыми средствами – с помощью сочетания ряда слов. Так, *житель* – это тот (человек), кто живет (где-л.), а *дымоход* – это устройство для прохода дыма (из печи в трубу). Однако едва ли к подобным словам применимо понятие универбации[4]. Продуктом универбации (универбатом) можно считать только такое мотивированное слово, наряду с которым имеется синонимичное словосочетание (с мотивирующим словом в его составе), носящее характер устойчивой языковой номинации. Такие словосочетания являются, как правило, официальными названиями соответствующих понятий, в то время как слова-универбаты – названиями неофициальными и часто стилистически сниженными или употребительными только в про-

фессиональной речи, например: *Орловская область – Орловщина, Курильские острова – Курилы, сторожевой корабль – сторожевик* (разг.), *комиссионный магазин – комиссионка* (разг., СНС-60[5]).

С этой точки зрения, например, слово *зажигалка* как разговорный синоним словосочетания *зажигательная бомба* представляет собой продукт универбации (с присоединением суффикса *-лк(а)* к усеченной основе прилагательного *зажигательный),* а то же слово *зажигалка* в значении «карманный прибор для зажигания огня» таковым не является: это самостоятельное образование, мотивированное глаголом *зажигать.* Такой вывод подтверждается в данном случае и стилистической окраской: *зажигалка* в первом значении характеризуется сниженностью, во втором же значении это слово стилистически нейтральное. *Читалка* может рассматриваться как продукт универбации, поскольку имеется в языке синонимичное сочетание *читальный зал,* а отглагольное *вешалка* (гардероб) – нет. Аналогично *купальник (купальный костюм)* – универбат, а *умывальник* – нет. Слово *негабарит* (что-либо негабаритное, проф., СНС-60) не является универбатом, а *синхрон* (синхронный перевод, проф.) – явный универбат, хотя оба эти слова мотивируются прилагательными и содержат нулевой суффикс.

II. Наиболее типизированным, массовым случаем суффиксальной универбации является образование слова, синонимичного атрибутивному словосочетанию с согласованным определением, причем определяемое слово опускается, а в роли структурно мотивирующего выступает о п р е д е л я ю щ е е слово: *зачетная книжка – зачетка* (разг.), *глазной врач – глазник* (разг.), *ультрафиолетовые лучи – ультрафиолет* (проф.). В современной разговорной речи встречаются, однако, универбаты, преимущественно с суффиксом *-к(а),* возникшие на базе несогласованного определения-существительного, например: *азбука Морзе – морзянка* [здесь использован суффиксальный морф *-анк(а)*], *танк Т-34 – тридцатьчетверка* (в военном просторечии)[6], *столовая самообслуживания – самообслужка* (нов., прост.). Например: «Обнаружил, что не знает, куда вести парня обедать. Не в ресторан же. И не в *самообслужку* с пельменями» (Р. Зернова. Дело о телефонных звонках). Ср. также: *«Отдел* технической *информации* и библиографии – он же *информашка»* (С. Залыгин. Южно-американский вариант)[7]. Особое место среди таких образований занимают универбаты с суффиксом *-к(а),* образованные на базе существитель-

ных адъективного склонения, например: *бокал для шампанского – шампанка* («Стол сервирован в три стекла: фужер, *шампанка,* рюмочка» – Комс. пр.; в ССРЛЯ – только в знач. «бутылка для шампанского», разг.); *площадь Маяковского – Маяковка, площадь Дзержинского – Дзержинка* (в разг. речи москвичей); *институт имени Склифосовского – Склифосовка* (есть, например, у А. Вознесенского). Легкость образования подобных существительных объясняется тем, что существительные адъективного склонения нередко играют в словообразовании ту же роль, что и прилагательные, выступая как мотивирующие в отдельных образованиях, принадлежащих к отадъективным словообразовательным типам[8].

Впрочем, и в тех случаях, когда официальным названием предмета, подвергаемым универбации, является сочетание с несогласованным определением, возможна универбация на базе согласованного определения, сочетание с которым, уже не являющееся официальным названием данного предмета, выступает в роли своеобразного посредствующего звена в словообразовательном акте, например: *институт имени Менделеева – Менделеевский институт – Менделеевка; сельскохозяйственная академия имени Тимирязева – Тимирязевская академия – Тимирязевка;* то же возможно в случаях, когда в официальном наименовании предмета согласованное определение относится, в свою очередь, к несогласованному; например: *группа продленного дня – продлённая группа* (разг.) – *продлёнка* (разг.) и *продлёшка* (прост.)[9].

В то же время словообразовательная универбация на базе определяемого слова, входящего в атрибутивное сочетание, – явление чрезвычайно редкое. В качестве уникального примера можно привести бытующее в разговорной речи и встречающееся в прессе название спортивного клуба и команды *«Крылья Советов» – «Крылышки».* Заметим, что вместо неудобного в разговорной речи двусловного наименования здесь использовано существительное с уменьшительно-ласкательным суффиксом, вполне, впрочем, потерявшим в этом слове свою ласкательную экспрессию, ибо образование это используется, как и все универбаты, прежде всего с номинативной установкой, а не с экспрессивно-оценочной.

III. Суффиксальная универбация атрибутивных словосочетаний осуществляется в русском языке посредством разнообразных суф-

фиксов; наиболее продуктивен из них суффикс *-к(а),* например: *подсобное помещение – подсобка* (разг., проф., СНС-60), *зверобойный промысел – зверобойка* (разг., проф., СНС-60), *высоковольтная линия электропередачи – высоковольтка* (разг., СНС-60), *лотерейный билет – лотерейка* (нов., разг.), *моментальная фотография – моменталка*[10] (Техника – молодежи, 1973, № 5), *сохранная расписка – сохранка* (разг., проф.), *фигурное катание – фигурка* (разг., например: «Я помню, как кричала: "Не пойду на проклятую фигурку!"» – Комс. пр.). Такие слова возникают в современной разговорной речи десятками.

Кроме суффиксального морфа *-к(а),* в современной речи весьма активен в функции универбатора морф *-ушк(а): легковая машина – легковушка, копченая рыба – копчушка, меховая куртка* или *шапка – меховушка* (есть в СНС-60), *раскладная кровать – раскладушка* (встречается также в значении «раскладная книжка»; например: «[Он] умеет рисовать в длинных книжках-раскладушках грустных куриц с мудрым взглядом» (А. и Г. Вайнеры. Визит к Минотавру), *боковая комната – боковушка* (например: «Все эти банкеты в боковушках [ресторана] требовали солидных затрат» – Правда), *маневровый паровоз – маневрушка* (проф.)[11], *откидное место* (в театре) – *откидушка* и даже *губная помада – губнушка* («Вы не знаете, губнушка здесь есть?» – из разговора в московском магазине).

Просторечный характер носят существительные-универбаты с суффиксальным морфом *-ашк(а),* а также с морфом *-шк(а),* присоединяемым к усеченным основам прилагательных на *-тельный,* реже на *-льный;* например: *мультипликационный фильм – мультяшка* (есть ряд примеров в КНС), *лакированные туфли – лакирашки* (например, «дамские лакирашки» – пример из К. Симонова в КНС), *мелкокалиберное ружье – мелкашка* (например: «Ребята делятся мечтами о *«духовке» – духовом ружье*[12] или даже о *«мелкашке» – мелкокалиберном»* – Новый мир, 1967, № 10); *промокательная бумага – промокашка*[13].

Аналогичную роль играют суффиксальные морфы *-лк(а)* и *-ловк(а),* присоединяемые к усеченным основам прилагательных на *-тельный,* например: *зажигательная бомба – зажигалка, начертательная геометрия – начерталка* (представлено в КНС рядом примеров), *сопроводительная бумага – сопроводилка* и *сопроводиловка, заградительный отряд – заградиловка* (есть в Словаре

Ушакова с пометой («нов., прост.»), *отрицательные роли – отрицаловка* (в речи актеров, например: «До сих пор играл в основном «отрицаловку»: гангстера, карателя, жулика» – Неделя). При этом модель с морфом *-ловк(а)* – более новая, среди же образований с морфом *-лк(а)* есть и более старые (например, *учредительное собрание – учредилка).*

После суффикса *-к(а)* (представленного также другими морфами) на втором месте по продуктивности среди суффиксов-универбаторов идет суффикс *-ик.* При этом, если слова-универбаты с суффиксом *-к(а)* – это названия неодушевленных предметов, то среди слов с суффиксом *-ик* есть как названия лиц *(подсобный рабочий – подсобник, сезонный рабочий – сезонник* (нов., разг.), *грудной ребенок – грудник* (СНС-60), *научный работник – научник),* так и неодушевленные существительные, например: *грузовая машина – грузовик, дождевой плащ – дождевик, спальный мешок – спальник, колёсный трактор – колёсник, лобовая плоскость* (например, танка) – *лобовик* (КНС).

Немалую роль в словообразовательной системе русского языка играет универбация с помощью нулевого суффикса, преимущественно в словах мужского рода, например: *синхронный перевод – синхрон* («Я сейчас работаю на *синхроне»* – из устной проф. речи), *факультативный курс – факультатив* (разг. СНС-60), *экзотические растения – экзоты* (бот.), *ультрафиолетовые лучи – ультрафиолет* (проф.), *термоядерная реакция – термояд* (проф).

Ярко выраженный просторечный характер носят универбаты с суффиксом *-ух(а): дымовая завеса – дымовуха, ремесленная работа – ремеслуха* (например: «Он сердито постучал пальцами по столу. – Ремесленная работа. Все сделано правильно, аккуратно, вроде даже вдумчиво. Но все это ремеслуха. Ведь все, что вы рассказали, вопиет своими противоречиями» – А. и Г. Вайнеры. Визит к Минотавру), *рационализаторское предложение – рацуха* («Помоги! Год не могу пробить *рацуху!* – Не понял, – говорю. – Рацпредложение не могу протолкнуть» – Лит. газ.).

Спорадически, в отдельных образованиях выступают в роли универбаторов суффиксальные морфы *-овк(а): стенная газета – стенновка* (ныне уже устар.); *-ичк(а): легковая машина – легковичка* (например: «Машина въезжает в реку. Легковичка похожа на лодку, странную лодку без весел» – С. Георгиевская. Голубой камень); суффиксы *-ак: сыпной тиф – сыпняк, ложная кровля* (спец.) – *ложняк*

(например: «Над пластом простирается так называемая ложная кровля. Это – бедствие для инженеров. Как только возьмешь уголь, так «ложняк» сразу же и рушится в забой» – Правда; КНС); *-ач: строгий выговор – строгач, кирзовые сапоги – кирзачи* («здоровенный парень в кирзачах, лохматый» – Г. Немченко; КНС); *-иц(а): передовая статья – передовица; -от(а):* «У летчиков можно услышать вместо *технический персонал* небрежное *технота*»[14]; *-н(я): газовая камера – газовня* (Известия; КНС). Примечательно, что суффикс *-от(а)* сохраняет при этом присущее ему в ряде образований собирательное значение, а суффикс *-н(я)* – местное.

В ряде случаев в суффиксальных универбатах названных типов наблюдаются разнообразные усечения основы мотивирующего прилагательного, в том числе усечения аббревиатурного (внутриморфемного) типа, например: *нержавеющая сталь – нержавейка, газированная вода – газировка, полуторатонная грузовая машина* и *полуторакилометровая дистанция* (спорт.) – *полуторка. Заграничный рейс – загранка* (в речи моряков), *административный отпуск* (на заводах) – *адмик* (в разг., проф. речи); сюда же *мультяшка* и *мультик, термояд* и мн. др.

Несколько более узок по сфере употребления и, безусловно, регулярнее по морфонологическим свойствам продуктивный «географический» суффикс *-щин(а)/-чин(а): Орловщина, Смоленщина, Вологодчина* и т. п.[15]

IV. Характерно, что в функции универбаторов выступают те же суффиксы, что и в образованиях, не являющихся продуктом универбации. Ср., например, *неотложная помощь – неотложка, взрывчатое вещество – взрывчатка,* но *деревяшка, росянка* (все – с суффиксальным морфом *-к (а)*); *легковая машина – легковушка,* но *теплушка* (оба с суффиксальным морфом *-ушк(а)*); *товарный поезд – товарняк, сыпной тиф – сыпняк,* но *пустяк, синяк* (все с суффиксом *-ак*).

Уже отсюда можно сделать вывод, что, несмотря на всю специфичность явления универбации, суффиксальная универбация не может рассматриваться как особый способ словообразования. Слова-универбаты составляют лишь особую семантическую разновидность в рамках отадъективных суффиксальных типов существительных. Естественно при этом, что лексическое значение слова-универбата определяется значением синонимичного словосочетания; но в рамках суффиксальных словообразовательных ти-

пов это лишь частный случай лексической конкретизации общего словообразовательного значения носителя признака, которая характерна не только для универбатов *(росянка* – растение, *теплушка* – товарный вагон и т. п.).

Следует также иметь в виду, что «классическая» суффиксальная универбация – образование синонима к атрибутивному словосочетанию с согласованным определением – является в языке разновидностью более общего словообразовательного явления – образования слов, семантически мотивированных атрибутивными словосочетаниями типа «прилагательное + существительное», структурно же – входящими в состав этих словосочетаний прилагательными. Образуемые таким путем слова вовсе не обязательно являются синонимами соответствующих атрибутивных сочетаний. Не будучи такими синонимами, они не представляют собой с семантической точки зрения чистой универбации, поскольку содержат, кроме «включенной» в них семантики всего атрибутивного словосочетания, еще и определенный компонент отношения к понятию, названному этим словосочетанием. К таким образованиям относятся, во-первых, суффиксальные существительные с целым рядом суффиксов, в том числе и с суффиксами, выступающими при чистой универбации: *швейная промышленность – швейник, вольная борьба – вольник* (спортсмен, занимающийся вольной борьбой), *почасовая оплата – почасовик, анонимные письма – анонимщик, марафонский бег – марафонец, Олимпийские игры – олимпиец* (участник этих игр), *фигурное катание – фигурист; приготовительный класс – приготовишка, подготовительная группа – подготовишка; Азовское море – Приазовье.* Во-вторых, такого рода мотивация атрибутивными словосочетаниями нередко встречается среди префиксальных прилагательных: *Полярный круг – заполярный, приполярный; выходной день – предвыходной; Олимпийские игры – предолимпийский; ударный слог – заударный* (лингв.); *атомное оружие – противоатомный, безатомный.*

С другой стороны, поскольку результатом универбации, как правило, является создание стилистически сниженного синонима к другой, обычно стилистически нейтральной номинативной единице (словосочетанию), – постольку универбация смыкается с таким специфическим словообразовательным явлением, как стилистическая модификация[16]. Однако в отличие от универбации при стилистической модификации речь идет о создании стилистически марки-

рованного (сниженного) синонима мотивирующего слова, а не словосочетания. Показательно, что наиболее продуктивный из суффиксов-универбаторов *-к(а)* (с другим своим морфом *-шк(а)*) является одновременно и наиболее распространенным суффиксом стилистической модификации, например: *планшет – планшетка* (разг., спец.), *колено – коленка* (разг.), *столовая – столовка* (разг.), *картофель – картошка* (разг.), *тире – тирешка* и *кино – киношка* (прост.), *компания – компашка* (прост.), *фотография* и (разг.) *фото – фотка* (прост., например: «Зачем ты с собой ее *фотку* таскаешь?» – Р. Зернова. Дело о телефонных звонках). От суффиксальной универбации с нулевым суффиксом (типа *синхронный перевод – синхрон, ультрафиолетовые лучи – ультрафиолет)* следует отличать стилистическую модификацию аббревиатурного типа, например: *специалист – спец, заместитель – зам (разг.), трансформатор – транс* (разг., проф.), *магнитофон – маг* (разг.), *бутерброд – бутер* (разг.), *фанатик – фанат* (разг.), *директор – дир* (например: « –Ты мне скажи, директор – порядочный человек? – *Дир* – очень». – Н. Давыдова. Вся жизнь плюс еще два часа; КНС) и т. п. – тип весьма продуктивный в современной разговорной речи, в частности профессиональной, и в просторечии[17].

Наконец, от универбации как словообразовательного явления следует отличать еще одну тенденцию, также приводящую к возникновению стилистически сниженных синонимов атрибутивных словосочетаний. Речь идет об использовании в разговорной речи и просторечии вместо атрибутивного сочетания с определяющим прилагательным существительного, которым это прилагательное мотивировано, например: *декретный отпуск – декрет* (разг.), *маршрутное такси – маршрут* (разг. наряду с суффиксальным универбатом *маршрутка), комплексное плавание – комплекс* (в речи спортсменов), *военное дело – война*[18]. Такого же происхождения новые *детектив* (детективный роман, фильм)[19], *дефицит* (дефицитный товар, материал), *транзистор* (транзисторный приемник – см. СНС-60). В подобных случаях также имеют место универбация и усечение основы входящего в соотносительное словосочетание прилагательного; однако в результате появляется не новое слово, а новое значение старого слова (существительного)[20]. Это, следовательно, явление не словообразовательное, а лексико-семантическое, хотя и достаточно типизированное в современной разговорной речи.

Будучи весьма специфичными со стилистической точки зрения (относясь в ряде случаев не только к разговорной или просторечной лексике, но и к социальным или профессиональным жаргонам), универбаты – слова и значения – должны включаться в словари языка с большой осторожностью, и тем не менее, а может быть, именно поэтому, они требуют самого пристального внимания лексикографов.

Примечания

[1] Тенденция, существующая в языке наряду с противоположной тенденцией – стремлением «к развернутому выражению мысли, к своеобразной избыточности» (*Брагина А. А.* Рец. на кн.: *Лопатин В. В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973 // Русский язык в школе. 1974, № 3. С. 114). Избыточность средств языкового выражения, связанная со стремлением к большей формальной выразительности значащих единиц, отмечена нами для единиц морфемного уровня в статье: *Лопатин В. В.* Так называемая интерфиксация и проблемы структуры слова в русском языке // Вопр. языкознания. 1975, № 4. С. 34. Статья перепечатана: с. 382–401 данного издания.

[2] См., например: *Янко-Триницкая Н. А.* Процессы включения в лексике и словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964; *Земская Е. А.* Русская разговорная речь. (Проспект). М., 1968. С. 42–44; *Eckert R.* Zum Verhältnis von Phraseologie und Wortbildung // Linguistische ArbeitsBerichte. 9. Beiträge zur russischen Wortbildungslehre. Leipzig, 1974. S. 20–21. Там же указана литература по интересующему нас вопросу.

[3] См.: *Лопатин В. В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973. С. 40–58.

[4] К подобным толкованиям относятся и приводимые Н. А. Янко-Триницкой в качестве примеров словообразовательного «включения» случаи типа *обниматься* – обнимать друг друга, *бодаться* – бодать любого, всякого или *длинный* – значительной длины, *веский* – значительного веса (см.: *Янко-Триницкая Н. А.* Процессы включения, с. 25–26). Поэтому в подобных образованиях вряд ли можно усматривать универбацию путем «включения определяющего».

[5] См.: Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов/ Под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина. М., 1971 (далее – СНС-60).

[6] Есть у К. Симонова, Г. Бакланова и других писателей. Как и в остальных суффиксальных образованиях от числительного 4 (например, *четверка, четверня, четверик*), здесь использована основа собирательного числительного *четверо*.

[7] Сюда же: *общество взаимного кредита* (стар.) – *кредитка* (употреблено, например, А. П. Чеховым в письме Суворину от 3. XI.1888).

[8] См. об этом: *Лопатин В. В.* «Маяковская сатира» и «достоевский репертуар» // Русская речь. 1972, № 4. Статья перепечатана: с. 322–326 данного издания.

[9] В этих случаях универбации, как и во многих других на базе согласованного определения, в качестве словообразовательного способа универбации может выступать не только суффиксация, но и эллиптическая субстантивация (см., например: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 161): *Менделеевский* (сущ. разг.), *глазной* – глазной врач (разг.), *продленная* – продленная группа (разг.), *комиссионный* – комиссионный магазин (разг.) и т. п.

[10] См. Картотеку новых слов Словарного сектора Института русского языка АН СССР (далее – КНС). Автор имел возможность ознакомиться с той частью картотеки, которая отражает материалы прессы и литературы 60-х годов.

[11] Приведено в ст.: *Захарова М. Н.* О некоторых вопросах словотворчества // Уч. зап. Кишиневского ун-та. 1962. Т. 47. Вып. 1. С. 25.

[12] Имеется также синонимический универбат *духовушка* с морфом *-ушк(а)*.

[13] Заметим, однако, что обе эти модели в языке не новы, образования с морфами *-ашк(а)* и *-шк(а)* возникали в просторечии уже в XIX – начале XX в., например: *меблированные комнаты – меблирашки, квартальный надзиратель – кварташка* (встречается у Достоевского); «загородный увеселительный сад *«Минеральные воды»*, в просторечии *«Минерашки»*, хозяин которого, некий Излер, увеселял публику фейерверками и иллюминациями» (Е. Саруханян. Достоевский в Петербурге).

[14] *Селиванов Г. А.* К вопросу лексикализации и грамматикализации устойчивых словосочетаний // Уч. зап. Абаканского пед. ин-та. 1958. № 3. С. 35.

[15] Подробнее о нем см.: *Лопатин В. В.* Рождение слова, с. 51– 57.

[16] См., например: Грамматика современного русского литературного языка, с. 138 –141.

[17] Оба сопоставляемых здесь явления рассмотрены на широком материале, хотя и не вполне дифференцированно, в работе: *Санджи-Горяева З. С.* Наблюдения над словообразованием русской разговорной речи (имя существительное). Канд. дисс. М., 1976 (гл. II).

[18] См. также: Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968. С. 279–282.

[19] См.: *Крысин Л. П.* О слове *детектив* // Вопросы культуры речи. Вып. VI. М., 1965.

[20] В редких, единичных случаях таким путем могут возникать новые слова-омонимы, например: *валовая продукция* – нов. *вал* (общее стоимостное выражение произведенной продукции, проф., см.: СНС-60).

Синонимия мотивированного и мотивирующего слов в русском словообразовании

[В сб.: Язык: система и функционирование. М., «Наука», 1988]

В суффиксальном словообразовании имен существительных заметное место занимает явление, получившее в грамматических описаниях название стилистической модификации. Речь идет о довольно многочисленном массиве образований, не отличающихся семантически от мотивирующих существительных, однако чаще всего стилистически окрашенных: большинство таких образований принадлежит сниженной лексике – разговорной или просторечной. Приведем прежде всего примеры, сгруппировав их по суффиксам:

жакет – жакетка, планшет – планшетка, колено – коленка, щебень – щебёнка, кладовая – кладовка, столовая – столовка, картон – картонка (в значении материала), *сельдь – селёдка, середина – серёдка, гармонь* и *гармоника – гармошка, компания – компашка, картофель – картошка, кино – киношка; метро – метрошка:* Опускаюсь в метрошку, ожидаю в туннеле (А. Вознесенский); *свидание – свиданка:* У меня деловая свиданка (Ю. Трифонов); Разреши мне хоть свиданку с ним (В. Шукшин); *сарай – сарайка:* ... встала, подумала и на замок заперла сарайку (В. Белов); *морковь – моркошка:* И картошку, и моркошку в огородах таскали нынче не в одни сроки, а как пришлось (В. Распутин); *фото* (в значении «фотокарточка») – *фотка:* – А фото? – спросила Рита, не убежденная. – Что фото? – Зачем ты с собой ее фотку везешь? (Р. Зернова); сюда же относятся многочисленные образования от имен родства и собственные имена с окраской фамильярности, непринужденности в общении, в отношении к носителю имени: *папка, мамка, жёнка, дядька; брат – братка:* – Поеду я, братка. – Брат Дмитрий вздохнул (В. Шукшин); *Ванька, Петька, Колька, Васька, Машка, Анютка* и т. д.;

овраг – овражина, ухаб – ухабина, плешь – плешина, сугроб – сугробина, лог – логовина, холст – холстина и *дерюга – дерюжина* (в значении материала), *требуха – требушина, жердь – жердина, ствол – стволина, коряга – коряжина, зверь – зверина,*

пёс – псина (как синоним к *пёс), купец – купчина, казак – казачина, урод – уродина, молодец – молодчина, оплеуха – оплеушина, штука – штуковина; поп – попина:* Хитрой был попина! (Есенин); *газета – газетина:* В удостоверение прилагаю вырезку из газетины (Чехов); *кинолента – кинолентина:* Мы движемся из тьмы, как шорох кинолентин (А. Вознесенский); *паспорт – паспортина* (Маяковский); *анекдот – анекдотина:* ...какую-то анекдотину плетет, сам хохочет (А. Васильев);

вор – воряга и *ворюга, парень – парняга* и *парнюга, плут – плутяга, кот – котяга, молодец – молодчага, тюрьма – тюряга, общежитие – общага, пьяница – пьянчуга, бандит – бандюга, речь – речуга;*

черт – чертяка, конь – коняка, железка – железяка, змея – змеюка, грязь – грязюка, холод – холодюка, камень – каменюка; пыль – пылюка: Не видала ничего, кроме песков да пылюки (Ю. Трифонов); *мороз – морозяка:* ...язык покажи, И вмиг морозяка откусит! (В. Сорокин);

клеть – клетуха; беда – бедуха: ...то-то хлебнут бедухи за братние-то непригожие дела (Л. Леонов); *стыд – стыдуха:* ...мне-то совсем стыдуха (Р. Зернова); *пальто – пальтуха:* ...первым делом стала снимать с нее мокрый платок и мокрую пальтуху (Ф. Абрамов); *сарай – сараюха:* Да сараюху-то я из отходов тоже сделаю (В. Шукшин); *стипендия – стипуха:* Сейчас займем где-нибудь... Завтра стипуха (В. Шукшин); *птица – птаха;* сюда же – собственные имена с окраской фамильярности: *Веруха, Петруха, Митюха, Валюха, Маняха, Лизаха, Клаха, Тимоха;*

Василиса – Васёна, Настя – Настёна;

чурбан – чурбак, уж – ужак;

телевизор – телик, велосипед – велик, контрреволюционер и (прост.) *контра – контрик, шизофреник – шизик, тунеядец – туник, бронеавтомобиль – броник:* Он занимает место в «бронике», изготавливается к стрельбе (из газеты); *манипулятор – маник:* К чему ходить пешком, если есть манипуляторы? Маник доставит тебя куда угодно (В. Михановский)[1];

супруг – супружник, сквалыга – сквалыжник; румпель (спец.) *– румпальник:* – Перепугались мы, – рассказывал рулевой, – я уж румпальник в сторону ворочу... (из газеты);

мальчик – мальчонок, дошкольник – дошколёнок, пострел – пострелёнок, пацан – пацанёнок, дитя – дитёнок;

смех – смехота, срам – срамота, страх – страхота, скука – скукота;

стыд – стыдоба, чаща – чащоба;

ерунда – ерундистика, чепуха – чепухистика;

штука – штукенция, книга – книженция, бумага – бумаженция, чепуха – чепухенция;

хлам – хламьё, жниво – жнивьё; трава – травьё: Она [река] то узится, то ширится В прохладе леса и травья (В. Федоров);

дурак – дурень и *дуралей.*

Не претендуя здесь на полный перечень типов стилистической модификации, отметим, что образования этих типов могут выражать разнообразную экспрессию, ту или иную оценку предмета или ситуации в целом. В тех случаях, когда уже мотивирующее слово содержит оценку, эта оценка в мотивированном суффиксальном существительном усиливается: *молодчина* и *молодчага, уродина, чудачина, дурачина* и *дуралей, чепуховина, чепухистика* и *чепухенция, чертяка, хламьё, сквалыжник, пьянчуга, контрик, срамота, стыдуха* и т. п. В образованиях с суфф. *-яг(а), -юг(а), -як(а), -юк(а)* может выражаться оттенок увеличительности («превышающий средние размеры или чрезмерно сильный»: *холодюга* и *холодюка, каменюга* и *каменюка, ветряга, морозяка* и т. п.), который, однако, не обязателен. В образованиях с суфф. *-ик (телик, велик)* возможен оттенок ласкательности, но он тоже не обязателен.

Кроме стилистически сниженных, среди образований, синонимичных мотивирующему слову, встречаются отдельные слова иной стилистической окраски. Так, в случаях *судьба – судьбина, сирота – сиротина, кобыла – кобылица, утка – утица, заря – зарянца* мотивированные слова отмечены как народно-поэтические. Иногда стилистически сниженные образования характеризуются как областные; таковы, например, многие слова с суфф. *-ин(а): лужина, омутина, дуплина, ручеина* и др. Вообще в говорах синонимичные мотивирующему слову образования представлены очень широко.

В некоторых случаях суффиксальные синонимы мотивирующих слов относятся к стилистически нейтральной лексике: *ель – ёлка, скамья – скамейка, ветвь* (дерева и т. п.) *– ветка, червь – червяк, слизень – слизняк, логово – логовище, лиса – лисица, под* (техн.) *– подина.* Однако в целом это для них не характерно.

Какова же природа, каковы корни этого явления, несомненно, очень продуктивного?

Перед нами, безусловно, факты в т о р и ч н о й н о м и н а ц и и. Под вторичной номинацией[2] мы понимаем создание нового наименования предмета, явления на базе уже существующего в языке наименования того же предмета, явления. В области словообразования наиболее распространенное проявление вторичной номинации – универбация, т. е. образование слова на базе неоднословного наименования[3]; в интересующих же нас случаях (как и, например, в аббревиатурных усечениях типа *заведующий – зав)* мы имеем дело с вторичной номинацией на базе однословного наименования. При этом суффиксальная универбация и вторичная номинация на однословной базе, как правило, сопровождаются в той или иной мере экспрессивизацией наименования.

Такую экспрессивизацию мы наблюдаем и в суффиксальных синонимах мотивирующих слов. Заметим, что особую экспрессивность создает соединение «бытовой» (нейтральной или разговорной) основы с книжным иностранным суффиксом: *книженция, собаченция, чепухенция, поведенция, ерундистика,* ср. также *свинтус* и т. п. Но в рамках всей рассматриваемой проблемы это факт частный, периферийный.

Обратившись к проблеме в целом, ко всему массиву суффиксальных синонимов мотивирующих слов, следует прежде всего посмотреть, какие именно суффиксы в них используются. Все эти суффиксы известны по другим словообразовательным типам существительных, где они выражают те или иные словообразовательные значения. Специфических суффиксов, характерных только для сферы стилистической модификации, среди них нет.

Естественно поэтому взглянуть на интересующие нас суффиксы с точки зрения всей системы выражаемых ими значений. Нельзя не заметить, что в целом ряде образований суффикс стилистической модификации сочетается с такой мотивирующей основой, которая содержит семантические компоненты, выражаемые тем же суффиксом в других словообразовательных типах. Так, в слове *хламьё* суфф. -[*j*]- сочетается с основой слова *хлам,* лексически выражающей собирательное значение[4]; но это значение как словообразовательное выражается тем же суффиксом -[*j*]- в образованиях типов *зверь – зверьё, ворон* и *ворона – вороньё, старый – старьё, гнилой – гнильё,* где мотивирующая основа (существитель-

ного или прилагательного) не выражает собирательности. Суфф. *-ёнок* известен в словообразовательной системе существительных как суффикс «невзрослости» (ср. *котёнок, зайчонок, ребёнок, октябрёнок, поварёнок),* и именно он, соединяясь с основами существительных, лексически выражающих невзрослость, дает стилистически модифицированные образования типа *мальчонок, дошколёнок, пострелёнок.* Ср. также: *волчица, львица* и т. п. – названия самок животных со словообразовательным значением «женскости», выражаемым суфф. *-иц(а),* и *кобылица,* где тот же суффикс соединен с основой, лексически обозначающей самку животного *(кобыла)*; *зимовище, пристанище, обиталище, пожарище* и т. п., где суфф. *-ищ(е)* выражает значение места, характеризующегося каким-нибудь признаком, и *логовище,* где уже основа лексически обозначает место; *зевота, ломота, быстрота,* где суфф. *-от(а)* транспозиционно (при мотивирующем глаголе или прилагательном) выражает отвлеченное состояние, и *смехота, срамота* (при мотивирующем существительном со значением состояния); аналогично *злоба, учеба* (мотивирующие – прилагательное, глагол) и *стыдоба.*

Целым рядом подобных связей характеризуются существительные стилистической модификации с суфф. *-ин(а),* ср.: 1) названия частей рельефа, участков поверхности, пятен, углублений, неровностей и т. п.: *трещина, впадина, трясина, размоина, рытвина, пробоина, проталина, лысина, кротовина* (мутационное выражение этого значения при мотивации глаголом или прилагательным) и *овражина, ухабина, болотина, лужина, дуплина* (стилистическая модификация слов, лексически выражающих это значение); 2) названия веществ, материалов: *древесина, крашенина, парусина, солонина, баранина* (мутационное выражение значения при мотивации прилагательными и существительными) и *холстина, дерюжина, требушина* (стилистическая модификация); 3) названия конкретных неодушевленных предметов, в том числе выступающих частей предметов: *отводина, рогатина, крестовина, сушина, поперечина, потолочина* (мутационное выражение значения при мотивации глаголами, прилагательными, существительными) и *жердина, стволина, коряжина* (стилистическая модификация); 4) названия единичных предметов, принадлежащих к совокупности однородных предметов: *картофелина, макаронина, виноградина, посудина, лесина* (обл.), *тесина* (модификационное выра-

жение при мотивирующем – собирательном или вещественном существительном) и *помидорина, папиросина, рыбина, кирпичина* (стилистическая модификация при мотивирующем – названии единичного предмета, относящегося к совокупности однородных предметов); 5) названия лиц: *старейшина, жадина* (разг.), *безобразина* (прост.), *вредина* (прост.; мутационное выражение значения носителя признака при мотивации прилагательными) и *молодчина, купчина, уродина* (стилистическая модификация); 6) названия мгновенных действий: *оглоушить – оглоушина* (прост.), *ткнуть* и *тыкать – затычина* (прост.), *треснуть – затрещина* (разг.), *шея – зашеина* (прост.), *щека – пощёчина* (мутационное выражение значения при мотивации глаголами и существительными) и *оплеуха – оплеушина* (прост.; стилистическая модификация).

Заметим, что и суфф. *-аг(а), -ак(а), -уг(а), -ук(а),* выступая в мутационных словообразовательных типах, обычно формируют разговорные или просторечные названия лиц: *работяга, деляга, доходяга, гуляка, кривляка, хитрюга, жадюга, злюка* и т. п., и не случайно среди образований стилистической модификации с этими суффиксами (см. выше) названия лиц преобладают; появление же таких образований, как *холодюга, ветряга, морозяка, общага, речуга,* можно, по-видимому, объяснить уже дальнейшим внутренним развитием самих этих типов стилистической модификации.

Если же мы обратимся к самому употребительному типу стилистической модификации – типу с суфф. *-к(а)/-шк(а),* то увидим, что этот суффикс за пределами стилистической модификации – в сфере мутационного словообразования – выражает наиболее широкий спектр конкретно-предметных значений в названиях носителя признака, обозначенного мотивирующим глаголом или прилагательным. Среди них и названия со значением лица *(лакомка, недоучка, выскочка, притворяшка, неженка),* и самые разнообразные названия неодушевленных предметов, явлений *(плетенка, жестянка, дежурка, стекляшка* и т. д.). Для нас наиболее важно, что этот суффикс при структурной мотивации прилагательным является самым продуктивным средством универбации определительных словосочетаний *(неотложная помощь – неотложка, комиссионный магазин – комиссионка, промокательная бумага – промокашка* и т. п.), являющейся, как и стилистическая модификация, по своей функциональной природе фактом вторич-

ной номинации, причем такие образования – тоже стилистически сниженные (разговорные или просторечные)[5]. Что же касается собственно семантической стороны, то *-к(а)* – наиболее «общепредметный» по своей семантике из русских суффиксов (не случайно он нередко участвует и в грамматическом оформлении заимствований, усваиваемых русским языком), а при стилистической модификации он еще дополнительно выражает, усиливает предметную семантику, свойственную мотивирующему слову. Функция универбации и стилистического снижения наименования в сочетании со значением лица или неодушевленного предмета – вот те функционально-семантические признаки суфф. *-к(а),* которые, присутствуя в мутационных словообразовательных типах, обретают «вторую жизнь» в типе стилистической модификации. Все это относится в той или иной мере также к суфф. *-ник, -ик, -ак, -ух(а).*

Напрашивается следующая интерпретация рассмотренных примеров *(хламьё, мальчонок, кобылица, логовище, овражина, коленка, парнюга* и т. д.): семантическая «опустошенность» суффиксов в них – мнимая, возникшая как следствие повторного выражения суффиксом в пределах слова того семантического компонента, который уже выражен в мотивирующей основе. Но само такое повторное выражение не случайно: это результат своеобразного взаимного притяжения суффикса и основы, содержащих тождественные семантические компоненты, – явления нередкого в русском словообразовании и морфологии. Подобное же «сложение значений»[6] сочетающихся основы и аффикса, приводящее к мнимой десемантизации аффикса, мы наблюдаем в хорошо известном из аспектологии явлении «дублирования» значения префикса и корня в глаголах сов. вида. Такое «дублирование» является одним из основных источников видовой парности при префиксальной перфективации[7], ср. *раздробить, просверлить, начертить, сконцентрировать, вспахать, выкорчевать* и многие другие глаголы, где на долю префиксов как будто бы остается только выражение видовой семантики, поскольку значения, выражаемые ими как словообразовательные, уже присутствуют в лексической семантике соответствующих беспрефиксальных глаголов (например, значение движения наружу, удаления, выражаемое префиксом *вы-,* присутствует уже в глаголе *корчевать).* И здесь, таким образом, одно и то же значение выражается в структуре слова дважды: лексически и словообразовательно.

Подобное двойное выражение одной и той же семантики в структуре слова выполняет при стилистической модификации определенную функцию – функцию усиления, выделения, подчеркивания выражаемого таким образом смысла. Этот смысл подчеркивается, во-первых, уже потому, что выражается дважды, повторно, и с этой точки зрения данное явление должно быть поставлено в один ряд с разнообразными случаями повтора, характерными для экспрессивной, эмфатически окрашенной речи, прежде всего разговорной[8]. Во-вторых, этот смысл выделяется, подчеркивается потому, что в отличие от мотивирующих слов грамматически (аффиксально) эксплицируется в структуре самого слова, его выражающего. Следовательно, различая смысл (мыслительное, или внеязыковое, содержание) слова и его значение (языковое содержание)[9], мы можем утверждать, что рассмотренные нами суффиксальные синонимы мотивирующих слов, тождественные последним по своему смыслу, отличаются от них по языковому значению («внутренней форме», «способу представления» внеязыкового содержания).

И здесь вновь напрашивается параллель с системой видообразования: в цепочках типа *вянуть – увянуть – увядать, слабеть – ослабеть – ослабевать, пахать – вспахать – вспахивать* первый и третий члены являются с точки зрения смысла полными синонимами; однако если в первых членах таких цепочек предельность действия и несов. вид выражены (в структуре самого глагола) только лексически, то в третьих членах оба этих компонента смысла эксплицированы особыми аффиксами – соответственно префиксом и суффиксом.

Таким образом, рассмотренные нами случаи суффиксальной стилистической модификации в именном словообразовании оказываются одним из проявлений более общей закономерности – повторного аффиксального выражения определенного смысла в пределах слова.

Более широким фоном для этих фактов могут служить другие разнообразные случаи избыточного (неоднократного) выражения тех или иных значений в русской грамматике: ср., например, внутрисловное (флексиями) и аналитическое (согласовательное или координационное) выражение морфологических категориальных значений рода, числа и падежа существительных, лица глагола, внутриглагольное и синтаксическое выражение категории залога и др.[10] Будучи ярким проявлением асимметрии языкового знака,

эта закономерность широко представлена в русском словообразовании, и не только в описанном нами явлении.

Примечания

[1] Образования этого очень продуктивного в современном просторечии типа, как правило, сопровождаются усечением основы мотивирующего существительного до одного слога.

[2] Ср.: Языковая номинация. Виды наименований. М., 1977; *Никитевич В. М.* Основы номинативной деривации. Минск, 1985.

[3] См.: *Лопатин В. В.* Рождение слова. М., 1973. С. 40–58; *Он же.* Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов // Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. Статья перепечатана: с. 248–257 данного издания.

[4] То же – в сложении *простонародье* (ср. *народ).*

[5] См.: *Лопатин В. В.* Суффиксальная универбация, с. 79.

[6] О «сложении значений» компонентов мотивированного слова см.: *Милославский И. Г.* Вопросы словообразовательного синтеза. М., 1980, – где отмечаются и некоторые примеры «неоднократного» аффиксального выражения «одного и того же значения» в структуре слова (например, *предобрейший,* с. 104).

[7] См., например: Русская грамматика. Т. 1. М., 1980. С. 586.

[8] См.: *Шведова Н. Ю.* Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М.,1960.

[9] См.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 1–2. М., 1958. С. 47; *Бондарко А. В.* Грамматическое значение и смысл. Л., 1978.

Метафорическая мотивация в русском словообразовании

[В сб.: Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1975]

Известно ставшее классическим положение Г. О. Винокура: «Значение слов с производной основой всегда определимо посредством ссылки на значение соответствующей первичной основы, причем именно такое разъяснение значения производных основ <...> и составляет собственно лингвистическую задачу в изучении значений слов (ср., например, обычные приемы толковых словарей)»[1]. Положение это, обычно рассматривающееся как семантический критерий производности (если значение одного слова можно сформулировать через другое однокоренное слово, то данное слово – производное), требует, однако, уточнений с учетом того явления, которое можно назвать м е т а ф о р и ч е с к о й м о т и в а ц и е й.

Характерной иллюстрацией этого явления мотет служить, напр., слово *небоскреб.* Номинативное значение его – «очень высокий многоэтажный дом», но вместе с тем слово это выражает в своей словообразовательной структуре и определенное образное содержание – «скребущий небо»[2]. Наиболее часто подобное образное содержание обнаруживается в экспрессивных словах-характеристиках, особенно в сложениях, таких как *серцеед, лоботряс, головотяп, лизоблюд, толстосум* и др.

Так же как и для «обычных» мотивированных слов (ср. хотя бы *экскурсовод, бракодел* и т. п.), для подобных экспрессивных образований характерна семантическая связь с мотивирующими словами; однако связь эта в них – не прямая, а переносная, метафорическая, причем метафорическое значение оказывается номинативным значением таких слов, вследствие чего только оно и отражается в словарных толкованиях. Но помимо этого метафорического смысла, в семантике таких слов, благодаря четкости их морфемного строения, сочетаемости в них определенных корней, ощущается и второй план, связанный с прямыми значениями мотивирующих слов. Взаимодействием буквального и переносного

значений создается образ, живущий в семантической структуре подобных слов, и именно в этом обнаруживается их мотивированность.

Так, образ «подлизывания» с чужого блюда является как бы дополнительной характеристикой «человека, прислуживающегося к кому-либо из корыстных побуждений» (номинативное значение слов *лизоблюд* и *блюдолиз*); *сердцеед* в образном плане воспринимается не только как покоритель сердец, но и как их пожиратель; *толстосум* – это не только «богач» (номинативное значение), но и обладатель «толстой сумы»; *лоботряс* – экспрессивное название бездельника, вызывающее довольно-таки конкретный образ бессмысленного занятия («трясущий лбом»); несколько похожий образ вызывает и название *головотяп* (конкретные образные ассоциации, связанные с этим словом, изложены у Салтыкова-Щедрина). Подобным же образом метафорически мотивированы слова *щелкопер, головорез, скопидом, буквоед, книгоед, чистоплюй* и др. В отдельных случаях метафорический смысл подобных образований может поддерживаться наличием в языке однокоренных слов и словосочетаний со сходными переносными значениями. Ср., напр., *лизоблюд* и *подлизываться, подлиза,* фразеологизмы *лизать руки, ноги*; *головотяп* и сочетание *тяп-ляп* «небрежно, наспех (делать что-л.)»; *сухомятка* и просторечное *умять* что-л. «съесть».

Разумеется, в семантике подобных образований «образный план» ощутим в разной степени и соответственно возможны разные степени семантического сближения с мотивирующими словами[3]. Но важно, что живость образного содержания слова способствует и сохранению его мотивированности. Не случайно среди метафорически мотивированных образований столь большое место занимают сложные слова. Мотивированность сложных слов, как известно, вообще гораздо конкретнее, определеннее, чем мотивированность простых аффиксальных производных[4], а следовательно, и сам содержащийся в таких словах метафорический образ более конкретен и потому легче ощутим. Тем не менее метафорически мотивированные слова встречаются и среди простых аффиксальных образований, напр.: *пронюхать, советь, завуалировать, пройдоха, прихлебатель, плакучий* (ср. хотя бы в слове *плакучий* сравнение дерева со свисающими ветвями и плачущего человека, а в слове *прихлебатель* – образ, близкий к тому, который содержится в слове *лизоблюд*).

Специфика метафорической мотивации состоит в том, что переносный смысл возникает у определенных основ только на уровне мотивированного слова, только в его словообразовательной структуре. С этой точки зрения явление метафорической мотивации следуем отличать от других случаев передачи переносного смысла мотивированным словом, к которым относятся следующие явления.

1. Наличие в языке наряду с мотивированными словами устойчивых сочетаний, которыми они и мотивированы. Ср., напр., *головоломный* («очень сложный, трудный»), *шапкозакидательство* («необоснованная уверенность в легком успехе»), *очковтирательство* («введение в заблуждение, обман»), *пенкосниматель* («любитель пользоваться плодами чужих трудов»), *горемыка* («человек, постоянно испытывающий лишения, невзгоды»), *хлебосольный* («радушно угощающий, гостеприимный»). Метафорический смысл, присущий таким производным словам, существует уже на уровне сочетания мотивирующих слов. Ср. *ломать голову, «шапками закидаем!», втирать очки, снимать пенки, горе мыкать, хлеб-соль.* Ср. также *ветреный* (о человеке) и сочетание *(у него) ветер в голове*[5] и т.п.

Переходные случаи между метафорической мотивацией и мотивацией устойчивыми сочетаниями представляют собой: во-первых, сложения, не вполне совпадающие по семантическому содержанию с устойчивым сочетанием из однокоренных слов. Ср., напр., *сорвиголова* «отчаянный, ничего не боящийся человек» (вызывающее также ассоциации с сочетанием *не сносить головы*) и *сорвать голову* «строго наказать» и «убить», *вертихвостка* «ветреная, легкого нрава женщина» и *вертеть хвостом* «хитрить, уклоняться от прямого ответа». Ср. также *сорванец* и сочетания *с цепи сорваться, как с цепи сорвался;* во-вторых, сложения, семантически соотносимые с сочетаниями несколько иной структуры, чем состоящие из однокоренных слов. Ср., напр., *головомойка* и *намылить голову* «сделать строгий выговор» (фразеологизм *вымыть голову* в том же смысле устарел).

2. Семантическая связь мотивированного слова только с переносным значением мотивирующего. Ср., напр., *плёвый, наплевательский* и *плевать* («относиться с презрением, пренебрегать кем-чем-л.»), *наплевать; пролаза* и *пролезть* («попасть куда-л., проявив хитрость»); *прилипала, прилипчивый* и *прилипать* «неотступно

следовать за кем-л.»; *пустомеля* и *молоть* «говорить что-л. вздорное»; аналогично *выскочка* и *выскочить, кисляй* и *кислый* (в переносном смысле)[6].

Оба названных явления объединяются тем, что присущий мотивированному слову переносный смысл «унаследован» им от мотивирующего слова (слов). К тому же между обоими этими явлениями нет четкой границы. Так, глагол *окрылить* «воодушевить» мотивирован словом *крылья* во фразеологически связанном его значении, проявляющемся в нескольких устойчивых сочетаниях (*расправить крылья, придать крылья, подрезать, опустить крылья* и нек. др.), и, таким образом, метафорический смысл, обнаруживаемый у мотивирующей основы в составе глагола *окрылить*, присущ уже мотивирующему слову.

Разница между метафорической мотивацией, мотивацией устойчивым сочетанием и мотивацией переносным значением слова хорошо видна в однотипных по образованию глаголах *звереть, столбенеть* и *советь*. Первый мотивирован переносным значением существительного *зверь* (о человеке), второй – фразеологизмом *стоять столбом* или *стоять как столб*, третий же является единственным носителем переносного значения (основанного на сравнении человека с *совой*), не обнаруживающегося за пределами данного отыменного глагола (и его производных). Ср. также *пролаза*, мотивированное глаголом *пролезть* в переносном значении, и *пройдоха, пройда*, метафорически мотивированные глаголом *пройти*, который сам по себе не содержит переносного значения, подобного переносному значению глагола *пролезть*.

Естественно, что метафорическую мотивацию следует отличать и от тех случаев, когда само мотивированное слово обладает (в качестве номинативного) не только переносным, но и прямым значением. Ср., напр., *въедливый* («пропитывающий собою, едкий», «придирчивый, дотошный»), *кровосос* (о насекомом и человеке).

Итак, метафорически мотивированные слова, в отличие от других случаев передачи переносного смысла мотивированным словом, являются единственными носителями переносного смысла (последний не выражен в языке в мотивирующих словах и устойчивых сочетаниях). Только при метафорической мотивации возникновение переносного смысла связано с образованием производного слова; сохраняющийся в таких словах образ, поддерживаемый словообразовательной структурой, дает основания причислять их к

мотивированным словам и, таким образом, рассматривать в словообразовательных описаниях наряду с «нормальными» мотивированными словами.

Примечания

[1] *Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 421.

[2] С синхронической точки зрения несущественно, что данное слово калькировано с английского. Важно, что указанный образ сохраняется на почве русского языка.

[3] См. также: *Тихонов А. Н.* Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971. С. 181–182.

[4] См.: *Моисеев А. И.* Мотивированность слов // Уч. зап. ЛГУ. 1963, № 322, серия филол. наук, вып. 68. С.131.

[5] О других случаях мотивированности слов фразеологизмами см.: *Шанский Н. М.* Фразеология современного русского языка. М., 1963. С.119–124.

[6] См. об этом: *Тихонов А. Н.*. Указ. соч., с. 189–190.

Словообразовательная структура названий населенных пунктов в современном русском языке

[В сб.: Ономастика и грамматика. М., Наука, 1981]

Наиболее активно пополняемую группу топонимов составляют в настоящее время названия населенных пунктов (так называемые ойконимы[1]). Как и для всякой пополняемой новообразованиями лексической группы, для нее характерны свои продуктивные словообразовательные модели, грамматическому анализу которых и посвящается настоящая статья.

Подход к данной группе топонимов с мерками синхронического словообразования, основанного на понятии словообразовательной мотивации, требует следующего вступительного замечания. Хотя предметно-понятийная связь топонима с тем словом, от которого он образован, в ряде случаев достаточно условна, мы считаем принципиально возможным рассмотрение топонимов как словообразовательно мотивированных слов. Такая мотивированность представляется нам несомненной не только для названий населенных пунктов по территориально связанным с ними другим географическим объектам *(Волжск, Балтийск, Забайкальск, Приозерск, Южно-Сахалинск, Новомосковск)* или различным местным реалиям *(Рыбное, Угольное, Рудный, Шахты),* но и для названий, данных в честь исторического лица, события, общественно-политического явления и т. п. *(Калининград, Комсомольск, Октябрьск, Гвардейск, Пионерское)* или по другим признакам *(Привольное, Изобильное, Дачное)*[2].

Поэтому трудно согласиться (применительно к объекту настоящей статьи) со следующим высказыванием: «Становясь топонимом, слово порывает с тем источником, из которого оно произошло»[3]. Для многих названий населенных пунктов, в особенности для недавно возникших, это положение неприменимо.

I. Широко распространены названия городов и других населенных пунктов, представляющие собой субстантивированные прилагательные. Этот издавна закрепившийся в русском языке способ наименования, сохраняющий и в современном языке свою

продуктивность[4], характеризуется структурным разнообразием. В соответствии с грамматическим родом существительного-апеллятива город, поселок, хутор получают обычно название, представляющее собой субстантивированное прилагательное мужского рода, село – такое же название среднего рода, станица, слобода – женского.

Вот примеры новых наименований этого типа: поселки *Алмазный, Горняцкий, Глубокий* (Рост. обл.), *Рыбачий, Янтарный, Железнодорожный* (Калинингр. обл.), *Заречный* (Ряз. обл.), *Каспийский* (Калм. АССР), *Лесной* (Тюмен. обл.), *Пограничный, Рудный* (Примор. край), *Рудничный* (Свердл. обл.), *Приозерный* (Вост.-Казахстан. обл.), *Волжский* (Куйбыш. обл.), *Яблочный* (Сахалин. обл.); села *Богатое* (Куйбыш. обл.), *Советское* (Алтайск. край, Даг. и Чуваш. АССР), *Октябрьское* (Оренб. обл., Сев.-Осет. АССР), *Комсомольское* (Сарат. обл., Чуваш. АССР), *Целинное* (Алтайск. край); станицы *Отрадная, Красноармейская, Ленинградская, Тбилисская* (Краснодар. край), *Ессентукская, Курская* (Ставроп. край); ср. также создаваемые по этому типу топонимов названия научно-исследовательских учреждений в Антарктике: поселок *Мирный,* станции *Полярная, Советская, Дружная.*

Образования этого типа, являющиеся названиями городов, встречаются реже, поскольку для этого разряда топонимов существуют другие, весьма продуктивные, словообразовательные модели (см. ниже); имеются, однако, такие новые названия городов, как *Мирный* (Якут. АССР), *Светлый* и *Пионерский* (Калинингр. обл.), *Свободный* (Амур. обл.), *Полярный* (Мурм. обл.), *Майский* (Каб.-Балк. АССР); сюда же относится всем известный *Звездный* (под Москвой) с нередко добавляемым апеллятивом *городок.* По принципу выбора флексий мотивированного слова топонимы этого типа примыкают к так называемой эллиптической субстантивации (например, *скорый поезд – скорый, гражданская война – гражданская)*[5], однако отличаются от нее тем, что и употребленные рядом с определяемым словом, называющим родовое понятие (в данном случае апеллятивом, например *село Богатое, поселок Рыбачий),* топонимы эти, выступающие, как правило, в синтаксической роли приложения, являются уже существительными.

Строгая зависимость грамматического рода топонимов этого типа от рода апеллятивного наименования обнаруживается в том, что при преобразовании села или станицы в город или поселок

городского типа, как правило, меняется и грамматическое оформление (род) соответствующего топонима, например[6]: с. *Боровское* → пос. *Боровский* (Кустанайск. обл.), с. *Угольное* → пос. *Угольный* (Каб.-Балк. АССР), с. *Изобильное* → пос. *Изобильный* (Ставроп. край), станица *Горячеводская* → пос. *Горячеводский* (там же), с. *Борисоглебские слободы* → пос. *Борисоглебский* (Яросл. обл.), с. *Заозерное* → г. *Заозерный* (Краснояр. край), с. *Благодарное* → г. *Благодарный* (Ставроп. край)[7].

Однако существует и другой тип субстантивированных прилагательных-топонимов, в котором род слова (топонима) уже не зависит от рода соответствующего апеллятива. Это тип топонимов среднего рода -- названий населенных пунктов, не являющихся городами. Он достаточно широко представлен в названиях поселков, например: поселки городского типа *Вишневое* (Днепропетр. обл.), *Ровное* и *Степное* (Сарат. обл.), *Горное* (Ворошиловгр. обл.), *Раздольное* (Крым. обл.), *Лебяжье* (три поселка в разных областях), *Советское* (четыре поселка), *Приморское* (два); многочисленные поселки с названиями *Дачное, Ягодное, Пионерское* и т. п. Только как исключения попадают в эту группу отдельные названия городов: *Рыбное* (Ряз. обл.), *Видное* (Моск. обл.), *Золотое* (Ворошиловгр. обл.), *Комсомольское* (Донец. обл.), и тем более *Узловая* (город в Тульск. обл.).

II. Наиболее продуктивный словообразовательный тип названий городов в русском языке представляют собой названия на *-ск.* Как уже не раз отмечалось, образуются такие названия от основ имен прилагательных. Хотя с семантической точки зрения такие образования чаще всего мотивируются существительными (например, названиями рек, гор, фамилиями знаменитых людей, этнонимами и другими нарицательными существительными), в качестве непосредственно мотивирующего слова выступают в структуре таких названий городов относительные прилагательные с суфф. *-ск-* (чисто суффиксальные, префиксально-суффиксальные и суффиксально-сложные), мотивированные соответствующими существительными или составными наименованиями. Об этом свидетельствует тот факт, что в структуре таких названий городов повторяется структура основы прилагательного со всеми ее морфонологическими особенностями, например *советский – Советск, Балтийское море – Балтийск, гвардейский – Гвардейск, Багратион – багратионовский – Багратионовск* (все в Калинингр. обл.),

партизанский – Партизанск и *Уссури – уссурийский – Уссурийск* (Примор. край), *Буденный – буденновский – Буденновск* (Ставроп. край), *Бирюса – бирюсинский – Бирюсинск* (Иркут. обл.), *Волга – волжский – Волжск* (Мар. АССР), *Жигули – жигулевский – Жигулевск* (Куйбыш. обл.), *Белое море – беломорский – Беломорск* (Карел. АССР), *Волго-Донской* канал и *Волгодонская* степь – *Волгодонск* (Рост. обл.); аналогично *Октябрьск, Кировск, Чапаевск, Каспийск, Ленск, Ангарск, Иртышск, Черкесск, Приморск, Шахтерск, Коммунарск, Забайкальск, Североуральск, Нижнекамск, Южно-Сахалинск* и т.д.

Исторически эта словообразовательная модель восходит к субстантивированным кратким прилагательным на *-ск* – грамматической группе, давно и полностью исчезнувшей из языка. Для современного же русского языка такое образование существительных-топонимов на базе прилагательных на *-ский,* внешним выражением которого является только мена парадигм (системы флексий) без изменения основы, трактуется нами как один из типов нулевой суффиксации существительных[8]. Такая же мена парадигмы, но при сохранении части речи мотивирующего слова, имеет место в названиях городов на *-ск, -цк,* мотивированных фамилиями на *-ский, -цкий: Дзержинский – Дзержинск,* аналогично *Котовск, Черняховск, Невельск, Пржевальск, Володарск, Урицк*[9].

Динамика процесса образования названий городов на *-ев* хорошо прослеживается на материале переименований топонимов – субстантивированных прилагательных в названия городов этого типа. Таким переименованием весьма часто сопровождается преобразование населенных пунктов низшего типа – поселков, сел, станиц в города: *Дедовский* (пос.) – *Дедовск* (Моск. обл.), *Цимлянский* (пос.) – *Цимлянск* (Рост. обл.), *Первоуральский* (пос.) – *Первоуральск* (Свердл. обл.), *Прокопьевский* (пос.) – *Прокопьевск* (Кемер. обл.), *Апшеронский* (пос.) – *Апшеронск* (Краснодар. край), *Гремячинский* (пос.) – *Гремячинск* (Перм. обл.), *Белореченская, Лабинская, Крымская* (станицы) – *Белореченск, Лабинск, Крымск* (Краснодар. край); *Нижневартовское* (село) – *Нижневартовск* (Ханты-Манс. нац. окр.), *Новодружеское* (пос.) – *Новодружеск* (Ворошиловгр. обл.) и т.д.

С неменьшей очевидностью эта динамика обнаруживается в переименованиях топонимов других грамматических типов в города на *-ск*: в таких случаях новые названия городов создаются на

базе прилагательных на *-ский,* образованных от старых названий и выступавших, например, в названиях районов, рай- и горсоветов. Примеры: *Красная Слобода* (пос.) – *краснослободский* (например, Краснослободский район) – *Краснослободск* (Волгогр. обл.), аналогично *Серебрянка* (пос.) – *серебрянский* – *Серебрянск* (Вост.-Казахст. обл.), *Теплое озеро* (пос.) – *теплоозерский* – *Теплоозерск* (Еврейск. авт. обл.), *Щучье* (с.) – *щучинский* – *Щучинск* (Кокчетав. обл.), *Жирное* (с.) – *жирновский* – *Жирновск* (Волгогр. обл.), *Дегтярка* (пос.) – *дегтярский* – *Дегтярск* (Свердл. обл.), *Альметьево* (с.) – *альметьевский* – *Альметьевск* (Тат. АССР).

III. Тот же тип нулевой суффиксации, но в сочетании со сложением, и следовательно, суффиксально-сложный способ словообразования на базе прилагательных применяется в образованиях таких названий городов, как *Новосибирск, Новомосковск, Новокуйбышевск, Новокузнецк, Новочебоксарск, Новошахтинск, Новокубанск, Новоазовск, Нововятск* (всего названий городов этого типа с компонентом *Ново-* ныне более 20). Основа мотивирующего прилагательного на *-ский,* мотивированного в свою очередь названием территории или крупного города, сочетается в таких сложениях с основой прилагательного *новый: Сибирь – сибирский –Новосибирск, Кубань – кубанский – Новокубанск, Кузнецкий* (бассейн) – *Новокузнецк, Москва – московский – Новомосковск, Куйбышев – куйбышевский – Новокуйбышевск*[10]. Отметим попутно, что присоединение компонента *Ново-* к основе прилагательного на *-ский* может ныне сочетаться и с его субстантивацией (см. выше, п. I), создавая названия поселков типа *Новогрозненский, Нововоронежский, Новодонецкое; Новолазаревская* (научная станция в Антарктике).

Кроме суффиксально-сложных образований на *-ск* с компонентом *Ново-* типа *Новосибирск* в отдельных названиях городов того же способа словообразования встречаются другие первые компоненты, преимущественно указывающие на экономическую «специализацию» города, например *Угле-, Нефте-, Лесо-: Нефтекамск* (Башк. АССР), *Нефтекумск* (Ставроп. край), *Углеуральск* (Перм. обл.), *Углезаводск* (Сахалин, обл.), *Лесосибирск.*

Особого внимания заслуживают города на *-горск: Магнитогорск, Медногорск, Железногорск, Бокситогорск, Углегорск, Сосногорск, Лесогорск, Солнечногорск, Оленегорск, Светлогорск, Белогорск, Зеленогорск, Дивногорск* и мн. др. Слова эти составля-

ют высокопродуктивный ряд сложений с повторяющимся опорным компонентом, носящим характер «суффиксоида». О том, что столь популярный компонент *-горск* до определенной степени формализовался, суффигировался, свидетельствует следующий весьма показательный пример новообразования, лишенного в этом компоненте реально-предметной мотивировки. В цитируемой газетной корреспонденции речь идет об основании нового города на севере Красноярского края: «Задумались хантайцы, как будет называться город, который они построят. Крайисполком утвердил «Снежногорск». Поспешили: гор-то здесь нет! Пройдет несколько лет, и вырастет на шестьдесят восьмой параллели снежный город, город в снегах. Жить на земле, питать током таймырские заводы и города электрическому Снежгороду! Пусть будет Снежгород!» (А. Львов. Снежгород будет! – Известия).

Показательно, однако, что пожелание корреспондента не исполнилось: за городом утвердилось имя *Снежногорск.*

IV. Существует точка зрения, согласно которой названия городов на *-ск* образуются непосредственно не от прилагательных на *-ский,* а от существительных, корень которых содержится в их составе, и что, следовательно, речь идет не о нулевой суффиксации (или безаффиксном словообразовании), а о суффиксации посредством суффикса *-ск.* В особенности обращается внимание на тот факт, что в языке в ряде случаев как будто и нет прилагательных на *-ский* от соответствующих существительных: так, при наличии городов и поселков *Озерск* (Сахалин, обл.), *Приозерск* (Ленингр. обл.), *Шахтинск* (Караганд. обл.), *Каменск* (Бурят. АССР), *Рабочеостровск* (Карел. АССР), *Красноводск, Красноборск* в языке нет прилагательных *озёрский, приозёрский, шахтинский, каменский, островский* и т.п., а есть *озёрный, приозёрный, шахтный, каменный, островной, водный, боровой*[11].

При этом, однако, не учитывается та особенность топонимического словообразования, что любое нарицательное географическое (в том числе и «микрогеографическое») понятие, выступая в роли мотивирующего для топонима, включаясь в топонимическое обозначение, само рассматривается уже как топоним, как индивидуальное наименование определенного места. От топонимов же относительные прилагательные образуются только с суффиксом -ск-. Ср., например: *река – речной,* но *Москва-река – москворецкий, река Белая – белорецкий* и *белореченский; остров – остро-*

вной, но *Остров* (город в Псковской обл.) – *островский, Лосиный остров* (местность в черте Москвы) – *лосиноостровский; озеро – озёрный,* но *Озёры* (город в Московской обл.) – *озёрский* (например, Озёрский район); *тайга – таёжный,* но *Тайга* (город в Кемеровской обл.) – *Тайгинский* (например, Тайгинский горсовет); *шахта – шахтный,* но *Шахты* (город) – *шахтинский; камень – каменный,* но *Камень-на-Оби* (город) – *каменский; вода – водный,* но *Минеральные Воды* (город) – *минераловодский.* Вот это «отличие словообразовательной парадигмы собственных имен от парадигмы имен нарицательных»[12] и позволяет утверждать, что прилагательные типа *озёрский, приозёрский, шахтинский, каменский, красноводский, красноборский, тайгинский* как мотивирующие названия городов *Озерск, Приозерск, Шахтинск, Каменск, Красноводск, Красноборск, Тайгинск*[13] в языке существуют.

Сказанное не означает, что в основах топонимов вообще не могут использоваться основы прилагательных «неоттопонимической» модели, т. е. не с суффиксом *-ск-*. Напротив, мы видели (см. п. I), что в топонимах – субстантивированных прилагательных свободно используются прилагательные с суфф. *-н-* типа *Приозёрный, Заозёрный, Заречный* (хотя в этом типе возможны и такие топонимы, как *Приозёрский, Зареченский*). Таким образом, существующая в языке возможность двоякого образования прилагательных от определенных нарицательных существительных местного значения – по «оттопонимической» и «неоттопонимической» моделям (с разными суффиксами) – по-разному реализуется в разных словообразовательных типах топонимов. Для топонимов на *-ск* обязательна «оттопонимическая» модель.

Более того, образование прилагательных по «оттопонимической» модели – с суфф. *-ск-* – возможно и от существительных (нарицательных), не являющихся в своем первичном значении названиями места. От нарицательного сочетания *красное знамя* прилагательное – *краснознамённый.* Выступая же как имя собственное, например, название колхоза, то же сочетание образует прилагательное *краснознаменский.* Именно это прилагательное использовано как база для образования названий населенных пунктов: город *Краснознаменск* (в Калининградской обл.).

V. В современном русском языке получил новую жизнь архаический тип названий городов с книжным, старославянским по происхождению, опорным компонентом *-град.* В наше время этот тип сложных по образованию топонимов приобрел две качественно

новые черты. С семантической точки зрения характерно расширение круга основ, составляющих первый компонент таких топонимов. До недавнего времени это были только основы антропонимов, преимущественно фамилий: *Ленинград, Ворошиловград, Калининград, Димитровград* (Ульян. обл.) и т.п. С начала 60-х годов появились один за другим топонимы на *-град* с первыми компонентами разнообразной семантики: *Волгоград, Целиноград, Зерноград* (Рост. обл.), *Зеленоград* (Моск. обл.), *Светлоград* (Ставроп. край). С формальной же точки зрения характерно расширение круга образований на *-град* с интерфиксом *-о-* – наиболее характерным для русского языка средством оформления сложных слов. Если прежде появление интерфикса *-о-* в словах этого типа вызывалось только морфонологической причиной – скоплением согласных в конце первой основы сложения (отсюда старое *Петроград,* новые *Волгоград, Зерноград),* то теперь интерфикс *-о-* используется в топонимах на *-град* независимо от морфонологических условий и объясняется скорее семантикой первого компонента: в словах с неантропонимическим компонентом интерфикс *-о-* обязателен, а среди слов с антропонимическим компонентом преобладают сложения с нулевым интерфиксом; но интересно, что имеются топонимы *Кировград* (Свердл. обл.) и *Кировоград* (УССР)[14].

К древнейшей эпохе истории русского языка восходят названия городов типа *Новгород, Белгород* с исконным полногласным компонентом *-город* и нулевым интерфиксом. Этот тип сложений, в отличие от слов на *-град,* в современном языке почти совсем не продуктивен. Из новых названий городов можно отметить только *Славгород* (Могилев. обл.). Не случайно поэтому не привился и упомянутый выше, предлагавшийся корреспондентом «Известий», топоним *Снежгород.*

Что же касается сложений с компонентом *-град,* то его продуктивность проявилась в современном русском языке (в газетно-публицистической речи) еще и в сложениях типа *автоград, нефтеград, станкоград, атомоград,* называющих крупные современные предприятия, стройки-гиганты и носящих скорее нарицательный характер[16]. Однако эта функция компонента *-град* уже выходит за пределы ономастики.

VI. В сфере новых названий населенных пунктов мы, наконец, встречаемся с весьма специфическими проявлениями словообразования путем частичного изменения флексий мотивирующего

слова. Сюда относятся некоторые названия населенных пунктов, данные в честь знаменитых людей и мотивированные их фамилиями. По характеру видоизменения парадигмы мотивирующего слова среди них выделяются три типа.

1. Названия населенных пунктов преимущественно негородского типа – существительные среднего рода на *-о*, например: *Ленино, Кирово, Калинино* (Перм. обл.), *Суворово* (Одесс. обл.), *Поленово* (Тульск. обл.), *Репино* (Ленингр. обл.), *Радищево* (Моск. обл.), *Валиханово* (Кокчетав. обл.), *Сусанино* (Костр. обл.), *Сеченово* (Горьк. обл.).

2. Названия городов типа *Калинин, Киров, Ломоносов, Пушкин, Чехов, Гагарин, Арсеньев, Фурманов, Жданов, Халтурин, Суворов, Нестеров, Пугачев, Чапаев.*

3. Названия городов типа *Маркс, Энгельс, Торез, Чайковский, Белинский.*

Парадигмы склонения фамилий и соответствующих названий населенных пунктов, как известно, различаются лишь частично. В названиях первого типа система флексий топонима отличается от системы флексий мотивирующего слова – фамилии окончаниями трех падежей: ср. им. *Калинин* (фамилия) и *Калинино* (топоним), вин. *Калинина* и *Калинино,* тв. *Калининым* и *Калининои;* прочие флексии совпадают. В названиях второго типа отличия уже не касаются им. падежа, остается различие флексий вин. и тв. падежей: ср. соответственно вин. *Калинина* и *Калинин,* тв. *Калининым* и *Калининои.* Наконец, в названиях третьего типа различен (в силу одушевленности мотивирующего и неодушевленности мотивированного) только вин. падеж: ср. *Тореза, Чайковского* (фамилия) и *Торез, Чайковский* (город).

Этих частных различий парадигм (в пределах одной, двух или трех падежных флексий), однако, достаточно для того, чтобы считать данные парадигмы разными и рассматривать способ образования подобных топонимов как разновидность конверсии в том понимании этого явления, которое было предложено А. И. Смирницким[16]. Другая разновидность конверсии в русском языке, также характеризующаяся частичным изменением (здесь – сокращением) парадигмы мотивирующего слова, – это субстантивация прилагательных и причастий, примеры которой были приведены выше в п. I. Однако в отличие от пар «фамилия – топоним» при субстантивации мы имеем дело с различием частей речи мотивированного и мотивирующего слов.

Еще один случай частичного изменения парадигмы мотивирующего слова в топонимах представляют собой топонимы довольно древнего, в наше время малопродуктивного типа, относящиеся к словам pluralia tantum и возникающие как результат лексикализации форм мн. числа, например: *Шахты* (город в Рост. обл.), *Каменоломни* (поселок там же); ср. более старые образования: *Горки, Липки* и т. п. Здесь, как и при субстантивации прилагательных, мы имеем дело с сокращением парадигмы мотивирующего слова: от этой парадигмы остаются только формы мн. числа.

Итак, в названиях населенных пунктов в современном русском языке мы сталкиваемся с достаточно своеобразной сферой словообразования без участия материально выраженных аффиксов – сферой, охватывающей целый ряд разновидностей субстантивации, конверсии, нулевой суффиксации.

Примечания

[1] *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного. М., 1973. С. 187.

[2] Классификация названий населенных пунктов с точки зрения семантики мотивирующих слов не входит в задачи данной статьи.

[3] *Суперанская А. В.* Типы и структура географических названий // Лингвистическая терминология и прикладная топономистика. М., 1964. С. 107.

[4] Ср. замечание В. А. Никонова: «Топонимия – как бы огромный котел, где массами и буквально на глазах субстантивируются прилагательные» (см.: *Никонов В. А.* Славянский топонимический тип // Географические названия. М., 1962. С. 23).

[5] *Лопатин В. В.* Субстантивация как способ словообразования в современном русском языке // Русский язык. Грамматические исследования. М., 1967. С. 225–227. Статья перепечатана: с. 106–138 данного издания.

[6] Здесь и ниже пользуемся сведениями, содержащимися в кн.: СССР. Административно-территориальное деление союзных республик. На 1 января 1974 года. М., 1974.

[7] Тенденция использовать в названиях городов субстантивированные прилагательные мужского рода отразилась и в названии города *Чусовой* (Перм. обл.) – названии, редком по типу образования: оно мотивировано не прилагательным, а существительным адъективного склонения *Чусовая* (название реки), причем первоначальное поселение негородского типа на месте этого города называлось, как и река, *Чусовая*.

[8] *Лопатин В. В.* Указ. соч., с. 211–212; *Он же.* Проблемы нулевого словообразовательного аффикса // Актуальные проблемы русского словообразования. 1. Ташкент, 1975. Статья перепечатана: с. 95–105 данного издания.

[9] Этим еще раз подтверждается тот факт, что существительные адъективного склонения на *-ский, -цкий* играют в русском словообразовании особую роль, ту же, что и прилагательные, выступая как мотивирующие в образованиях, принадлежащих к отадъективным словообразовательным типам (см.: *Лопатин В. В.* «Маяковская сатира» и «достоевский репертуар» // Русская речь, 1972, № 4. Статья перепечатана: с. 322–326 данного издания.).

[10] Большая активность в сфере новообразований не означает, однако, новизны самой этой модели: ср., напр., старое *Новохопёрск* («Новый город на Хопре») – от *Хопёр, хопёрский.*

[11] Сопоставление точек зрения по этому вопросу содержится в статье: *Зверев А. Д.* О топонимах на *-ск* // Актуальные проблемы русского словообразования. 2. Ташкент, 1976. С. 102–104.

[12] *Суперанская А. В.* Общая теория имени собственного, с. 110–111.

[13] Последнее – название вымышленного города. В городе Тайгинске действуют герои романа А. Чаковского «Свет далекой звезды».

[14] Уникальный «гибридный» топоним *Зеленоградск* (в Калининградской обл.), сочетающий компоненты *-град* и *-ск,* справедливо оценен писателем Б. Тимофеевым как неудачный, «искусственный, противоречащий духу русского языка» *(Тимофеев Б.* Правильно ли мы говорим? 2-е изд. Л., 1963. С. 166).

[15] *Лопатин В. В.* Рождение слова. М., 1973. С. 39–40.

[16] *Смирницкий А. И.* Так называемая конверсия и чередование звуков в английском языке // Иностр. языки в школе. 1953, № 5.

Прилагательные от собственных имен

[Русская речь, 1978, № 5]

В редакцию «Русской речи» приходит немало писем читателей с вопросами об особенностях построения и написания прилагательных, образуемых от собственных имен – прежде всего от географических названий (топонимов).

Учительница Х. Х. Ондар из Тувинской АССР просит объяснить, «почему прилагательное *кызылский,* образованное от названия города *Кызыл*, теперь принято писать без мягкого знака». Вопрос не случайный. Обычно в прилагательных перед суффиксом *-ск-* согласный *л* смягчается: *село – сельский, генерал – генеральский, есаул – есаульский, Байкал – байкальский, Барнаул – барнаульский.* Однако в последние десятилетия в языке появилась новая тенденция – сохранять в прилагательных, образованных от нерусских географических названий, перед суффиксом *-ск-* твердый *л: Кызыл* (столица Тувы) – *кызылский, Халхин-Гол* (река в Монголии) – *халхин-голский, Джамбул* (город в Казахстане) – *Джамбулская область, Каражал* (город в Казахстане) – *Каражалский горсовет.* В печати употребляется прилагательное *ямалский,* образованное от названия полуострова Ямал. Вот два примера: «Белый тундровый волк – главный враг ямалского пастуха» (Известия); «Новое открытие еще раз подтверждает мнение тюменских геологов о нефтеносности глубоких горизонтов Ямалского севера» (Известия).

Необходимо подчеркнуть, что твердость *л* перед суффиксом *-ск-* – явление не только орфографическое, но и произносительное: фонетический строй русского языка разрешает произношение твердого *л* перед согласным *с* (ср., например, *толстый, холст, галстук).*

Эта новая особенность образования прилагательных от географических названий (топонимов) вызвана тенденцией сохранять по возможности без изменений звуковой (фонетический) состав основы таких названий в производных словах (см. об этом заметку «*Вычугский* или *вычужский*». – Русская речь. 1968, № 3, с. 113).

Однако новая тенденция образования прилагательных от топонимов на *-л* не является абсолютным правилом: от некоторых новых географических названий, в том числе иноязычных, прилагательные все еще образуются со смягчением *л*, например: *Токтогул* (поселок в Киргизии) – *токтогульский;* наряду с прилагательным *ямалский* есть и вариант *ямальский* (Ямальский район Ямало-Ненецкого национального округа).

Следующий вопрос связан с ударением в оттопонимических прилагательных с суффиксом *-ев-*. Читатель А. И. Матковский из города Узловая Тульской области настойчиво подчеркивает, что прилагательное от названия его города – *узло́вский,* а не *узловско́й,* и подтверждает этот факт, в частности, вырезками из местной прессы. Разногласия по этому вопросу возникли из-за того, что в «Словаре ударений для работников радио и телевидения» (М., 1967) приведено наименование *Узловско́й* район.

Какое же ударение является более правильным: *узло́вский* или *узловско́й?* Исторически сложившиеся правила русского ударения таковы, что в некоторых случаях язык допускает возможность двоякого ударения, выбор же одного из двух возможных вариантов определяется традицией, для каждого конкретного слова индивидуальной.

Именно с таким случаем мы здесь и имеем дело. Факты русского словообразования говорят о том, что в прилагательных с суффиксом *-ск-*, образованных от существительных, имеющих ударение на окончании хотя бы в части форм, ударение возможно и на окончании, и на предсуффиксальном слоге. Сравним, например: *село́, сёла – се́льский* и *мо́ре, моря́ – морско́й; слобода́ – слободско́й* (но *Новая слобода́ – Новослобо́дский)* и *Бухара́ – буха́рский.* Те же две возможности обнаруживаются и в прилагательных, образованных от топонимов на *-ово́й, -ова́я, -ово́е* (с ударным окончанием). Сравним: город *Лозова́я* (Харьковская область) – *Лозо́вский район,* поселок Борова́я (там *же) – Боро́вский район;* но город *Чусово́й* (Пермская область) – *Чусовско́й район,* село *Луговое́* (Казахская ССР) – *Луговско́й район.* Значит, от названия города *Узлова́я* возможно образование прилагательных *узло́вский* и *узловско́й.* В этих условиях единственно верным надо признать тот вариант, который утвердился исторически и реально употребляется, то есть *узло́вский* (см. не только местную прессу, но и, например, новейшее издание справочника «СССР. Административно-территориальное деление союзных республик»).

Суффикс *-ск-* имеет целый ряд разновидностей, вариантов: *-овск-, -инск-, -анск-* и других, представляющих собой расширения этого суффикса. Следующий ряд вопросов связан с употреблением этих вариантов в различных прилагательных.

В. М. Никитин из Рязани пишет: «Есть в Ленинграде *Светлановский* проспект, названный по комбинату "*Светлана*". Назван проспект ошибочно: ведь от имени *Светлана* прилагательное – не *Светлановский*, а *Светланинский*. Следовательно, проспект должен называться *Светланинский*». Аргумент тов. Никитина был бы убедителен, если бы речь действительно шла о прилагательном от личного имени. Для таких прилагательных характерно строгое правило: если производящее – имя «мужского» склонения (с нулевым окончанием в именительном падеже), то при образовании прилагательного используется суффиксальный вариант *-овск-*, если же это имя «женского» склонения (с окончанием *-а* в именительном падеже) – вариант *-инск-*. Сравним: *Петр – Петровский* и *Екатерина – Екатерининский.* Но «Светлана» в данном случае – не женское имя, а название производственного объединения. Для прилагательных же, образованных от других групп собственных имен (не являющихся личными именами), нет строгого правила выбора суффиксального варианта *-овск-* или *-инск-*в зависимости от типа склонения производящего слова. Здесь нередко используется вариант *-овск-*, хотя производящее имя имеет в именительном падеже окончание *-а.* Например: *«Искра»* (газета) – *искровский, «Аврора»* (крейсер) – *авроровский, Антанта – антантовский, Массандра* (топоним) – *массандровский, Капабланка* (фамилия) – *капабланковский.* Поэтому и при образовании прилагательного *Светлановский* словообразовательные законы не были нарушены.

Преподаватель Е. Г. Самсонова из Москвы выражает недоумение по поводу того, что в русском языке прилагательное от названия острова и республики *Куба – кубинский,* а не *кубанский:* ведь в испанском языке прилагательное от этого топонима – cubano, так же как в английском (cuban) и в ряде других языков Европы. Добавим к этому, что и в других славянских языках в прилагательных от названия Кубы используется элемент *-an-*: по-польски, например, это прилагательное звучит как kubanski, по-чешски – kubansky. Тов. Самсонова права в том, что прилагательные от названий стран в русском языке часто оформляются с помощью того суффиксального элемента (как правило, интернационального), который есть

в соответствующих прилагательных западноевропейских языков: сравним еще, например, *американский* и англ. american; *итальянский* и итал. italiano. Но особенность эта не имеет характера непреложного закона. В данном случае прилагательное от названия Кубы образовано без опоры на иноязычные прилагательные, по исконной русской модели – с суффиксальным вариантом *-инск-*, так же, как, например, *Чита – читинский, Ялта – ялтинский*. Причиной этого, видимо, было «отталкивание» от прилагательного *кубанский,* уже имеющегося в русском языке и прикрепленного к другому топониму – *Кубань.* Омонимия прилагательных от собственных имен весьма неудобна, вот почему русский язык пошел в данном случае по своему пути, избежав омонимии при помощи использования суффиксального варианта *-инск-*, а не *-анск-*.

Читатель В. Краснов из поселка Чернь Тульской области прислал вырезку из областной газеты «Заря», где в заметке «Встреча с соратниками Рихарда Зорге» члены школьного клуба интернациональной дружбы названы *зоргенцами.* В. Краснов считает, что слово это должно писаться *зоргинцы* – с «суффиксом принадлежности» *-ин-* (заметим сразу же, что приводимые читателем аналогии – *ишутинцы, долгушинцы* – неудачны, так как они являются образованиями от фамилий на *-ин* и элемент *-ин-* принадлежит в них производящей основе, а не суффиксу).

Может показаться, что слово *зоргенцы* уводит нас от темы «прилагательные, образуемые от собственных имен»; однако это не так. Существительные с суффиксом *-ец* (во множественном числе *-ц-*), связанные по образованию с собственными именами, образуются так же, как прилагательные от этих собственных имен: *Орел – орловский – орловцы, Пенза – пензенский – пензенцы, Толстой – толстовский – толстовцы, Кант – кантианский – кантианцы, Гарибальди – гарибальдийский – гарибальдийцы* и т. п. Поэтому наличие существительного *зоргенцы* предполагает и возможность существования прилагательного *зоргенский.* Написание обоих этих слов с безударным элементом *-ен-*, а не *-ин-*, находит оправдание в таких присущих современной русской орфографии традиционных написаниях, как *пензенский* и *пензенцы, городищенский* и *городищенцы* (от топонима *Городище)* и т. п. (о возможных здесь орфографических колебаниях см. заметку «*Охтинский* или *охтенский?*» – Русская речь. 1968, № 3, с. 114), а также в аналогичных по структуре исходной фамилии образованиях *Фрунзе – фрунзенский* –

фрунзенцы. Написания типа *фрунзенский, зоргенский* могут быть объяснены и уже упомянутой тенденцией к сохранению основы производящего слова – собственного имени – неизменной в производных словах.

Некоторые особенности образования прилагательных от собственных имен объясняются не какими-либо общими правилами, а индивидуальной исторической судьбой конкретных слов. Вот только один пример.

Читатель А. М. Антонов из Саратова интересуется, «почему все учреждения в городе Ярославле называются *ярославскими,* а не *ярославльскими,* ведь город называется *Ярославлем,* а не *Ярославом».* Чтобы понять, как образовано данное прилагательное, надо обратиться к исконной структуре топонима *Ярославль.* В древности этот топоним был притяжательным прилагательным от имени *Ярослав:* первоначально «Ярославль город», то есть город Ярослава (Мудрого). Древний суффикс *-j-* (йот), показатель притяжательности, приведший к изменению первоначального сочетания *ej* в сочетание *ель*, в образовании прилагательного *ярославский,* по-видимому, не участвовал, то есть прилагательное было образовано непосредственно от имени *Ярослав*. Характерно, что прилагательное от другого, аналогичного по структуре названия древнего русского города – Переяславля – тоже не сохраняет конечного *-ль: переяславский.* А вот от названия города Лихославль образовано прилагательное *лихославльский,* и это говорит о том, что данное прилагательное по времени своего образования – более позднее.

СЛОВОТВОРЧЕСТВО

Грамматические «неправильности» в поэтических идиостилях

[В сб.: Язык русской поэзии XX века. М., Наука, 1989]

Исследование соотношения кодифицированного литературного языка и поэтического языка[1] предполагает учет тех особенностей поэтических идиостилей, которые представляют собой нарушение литературно-языковых норм. В данной статье речь пойдет о тех чертах «грамматики идиостилей» (В. П. Григорьев), конкретно – о словообразовательных и морфологических окказионализмах, которые не соответствуют грамматическим правилам литературного языка и на их фоне воспринимаются как грамматические «неправильности». Имеются в виду, естественно, «неправильности» осознанные, обусловленные художественным заданием, те «обоснованные отступления» от литературной нормы, «прелесть» которых подчеркивал в своем известном и часто цитируемом высказывании Л. В. Щерба[2] и которые вряд ли можно было бы называть «ошибками» даже в кавычках.

Материалом для нижеследующих наблюдений служат, главным образом, некоторые словообразовательные и морфологические «неправильности» в идиостиле В. Маяковского, с отдельными параллелями из идиостилей М. Цветаевой и Б. Пастернака. В творчестве этих поэтов, при всем их несходстве, ярко проявляются характерные для русской поэзии первой половины XX в. «новые принципы соединения разностильных языковых средств»[3], в частности, смелое применение просторечия в сочетании с другими стилевыми элементами. Поэтические идиостили XX в. вообще дают несравненно более богатый по сравнению с поэзией предшествующих периодов материал нарушений грамматических норм литературного языка. Можно даже утверждать, пользуясь понятием «норм поэтического языка»[4] – как и всякие языковые нормы, исторически изменчивых, – что интересующие нас факты поэтического словоупотребления (с точки зрения литературного языка, повторим, ненормативные) стали нормой русского поэтического языка лишь в XX в.; иначе говоря, допускаемая русским поэтиче-

ским языком XX в. степень нарушений грамматических норм литературного языка – другая, значительно большая, чем в XIX в., когда подобные «грамматические вольности», как правило, были невозможны, право поэта на них еще не было осознано.

Художественный эффект отклонений от нормы литературного языка в поэтической речи определяется их столкновением с общепринятым языковым стандартом. Рассматриваемые нами грамматические «неправильности» выделяются на фоне грамматически «правильного» словоупотребления как новые, необычные языковые единицы, обращая на себя внимание чаще всего уже своей чисто внешней, звуковой стороной. «Чем привычнее для нас слово, тем меньше мы ощущаем его скрытую образность... Наоборот, слова малознакомые останавливают на себе внимание своим звучанием, своим внешним сходством с другими словами»[5]. Непривычность словообразовательной структуры или морфологической формы слова определяет образную значимость такого образования в художественном тексте[6]. Эта общая особенность, отмечаемая исследователями словообразовательных окказионализмов, построенных с нарушением действующих в литературном языке правил словообразования[7], характерна и для морфологических окказионализмов.

Общие принципы и степень использования словообразовательных и морфологических окказионализмов является характерной и отличительной чертой того или иного поэтического идиостиля в целом. В то же время в каждом конкретном употреблении функции таких окказионализмов определяются образной системой данного текста (целого произведения или его части) и конкретной художественной задачей.

По определению В. В. Виноградова, «проблема индивидуального стиля писателя связана с выделением того стилистического ядра, той системы средств выражения, которая неизменно присутствует в произведениях этого автора, хотя бы в пределах отдельного периода его творчества»[8]. В идиостиле Маяковского к «стилистическому ядру», несомненно, принадлежат разнообразные элементы, характеризующиеся сниженной окраской, что связано со стремлением поэта к демократизации поэтической речи, с широким применением разговорно-ораторских интонаций[9].

Остановимся на таком характерном признаке идиостиля Маяковского, как обилие притяжательных прилагательных. В совре-

менном литературном языке прилагательные трех относящихся сюда словообразовательных типов – с суффиксами *-ов* (*отцов*), *-ин (дядин)* и *-ий/-j-* (*ребячий*) – характеризуются окраской разговорности. Это не относится только к двум группам образований: к прилагательным с суффиксами-*ий/-j-*, мотивированным названиями животных (*лисий, волчий*) и к прилагательным с суффиксом *-ов*, мотивированным фамилиями исторических деятелей, именами литературных и мифологических персонажей (*марксово* учение, *шекспировы* трагедии, *гераклова* сила и т. п.): однако эти группы притяжательных прилагательных применяются Маяковским как раз значительно реже других. Постоянное образование и широкое употребление Маяковским притяжательных прилагательных, в целом, несомненно, связанное с ориентацией поэта на разговорную речь, характеризуется в его идиостиле рядом регулярных отклонений от правил дистрибуции указанных суффиксов, присущей им, в литературном языке. К таким отклонениям относятся:

1) отсутствие противопоставления суффиксов *-ов* и *-ин* по морфологическому типу мотивирующих слов; в литературном языке суффикс *-ов* образует прилагательные от существительных муж. рода I склонения (с нулевой флексией в им. пад.), а суффикс *-ин* – от существительных жен. и муж. рода II склонения (с флексией *-а*); у Маяковского же встречаем: не только *зренье поэтово, улыбка рабкорова, душа шоферова, фабрикантова личина, антантин гнев*, но и *поэтиного сердца, лозунг рабкорин, жилье землемерино, по делам по лординым, жизнь – мастерская геньина, месяц, раб писателин*, а также *за Фекловой хатой, проклиная мамову опеку, шестидюймовка авророва, в коммунову стройку* и др. Такое употребление усиливает в идиостиле поэта непосредственность, «раскованность» в использовании разговорных словообразовательных элементов;

2) образование прилагательных с суффиксами *-ин* и *-ий/-j-*, мотивированных словами со значением лица, не от тех структурных и семантических групп личных существительных, от которых допустимы такие прилагательные в литературном языке, а, например, от существительных адъективного склонения, несклоняемых, сложносокращенных, от слов на *-тель, -ал, -ла* (усвоит мненье *старшино, рабочье* тело, манто *мадамье,* глазки *главврачьи,* учли *обывателью* натуру, дрянь *консерволиберalью*, лики их *вышибальи),* от собственных имен и русских фамилий (над избой *Степанидьей*, не дело *Акулинье,* бессменно одно *Ивановье* рыль-

це – от фамилии Иванов), от иностранных фамилий, особенно часто – от фамилий современных политиков капиталистического мира (по стопам *Ллойд-Джорджиным, Керзоньи* бредни, *Керзонья* тактика, идеал *муссолиний*, характер *пилсудчий,* жизнь *Вандервельдичью,* пятки *Макдональди,* облик *Чемберлений, Чемберленьи* ноты), а также от имен исторических лиц и мифологических персонажей, традиционно допускающих только образования на *-ов* (крылам *Икариным,* после *Сократьего* выступления, тома *Шекспирьи*, глаза у него *Бонапартьи* – в контексте о Керенском). Заметим, что в кодифицированном литературном языке образования с суффиксом *-ий* от собственных имен вообще исключены. Все подобные образования служат не только стилистическому снижению контекста, но во многих случаях – в контекстах о буржуазных и белогвардейских лидерах, о мещанстве и обывательщине – несут и отрицательную, уничижительную оценку (не забудем, в частности, что наиболее обычная для суффикса *-ий* сфера сочетаемости в литературном языке – основы названий животных);

3) образование притяжательных прилагательных всех трех типов от основ неодушевленных существительных, в литературно-языковой норме не допустимое: *штычий* блеск, *небий* овод, возня *аэропланова,* сестра *Элладова*, свирепость *Февралья, капиталова* дворня, *рясовы* хвосты, цены *товаровы* и мн. др. Нетрудно видеть, что, кроме случаев мотивации неодушевленными существительными, метонимически связанными с названиями лиц, напр., существительными – названиями учреждений, групп и сборищ людей *(ячейкиного* секретаря, лотерея *автодорова,* от налогов *наркомфиньих,* всею силою *бригадовой,* веселье *карнавалово*), такие образования служат поэтическому приему олицетворения. Тот факт, что в литературном языке притяжательные прилагательные образуются только от названий одушевленных существ, создает дополнительный языковой фон, благоприятный для такого восприятия соответствующих предметов, при котором они наделяются в поэтическом контексте свойствами людей или животных. Ср., напр.: Вещи оживут – губы *вещины* засюсюкают; Слезы снега с *флажьих* покрасневших век; Я жду, пока, подняв резную главку, *домовьей* слежкою умаяна, ко мне, большевику, на явку выходит Эйфелева из тумана; Вагоны едут и дымам под рост и в пятках *домовьих* трутся (показателен черновой вариант: В ногах домов собачонками трутся)[10]; *волновий местком* и *воднячий Ревком* (в шутливом контексте стихотворения

«Атлантический океан»); Волну и не гладят *ветровы* пальчики; голос *бочкин,* вопли *автомобильи, самолетовы* спины, *березины* бока, почернел *картошкин* бок и т. д.

Подобные окказиональные прилагательные, образуемые от неодушевленных существительных, сопровождают все творчество Маяковского – от самых ранних произведений (не дослушал *скрипкиной* речи) до самых последних *(чахоткины* плевки). Широкое их использование Маяковским в целях олицетворения следует, по-видимому, непосредственно связывать с важной особенностью его поэтического мировосприятия: мир во всех своих проявлениях видится поэтом как населенный живыми существами. Сам поэт разговаривает со скрипкой, с Эйфелевой башней, с Солнцем, с пароходом, воплощающем погибшего человека-борца; у него «по морям, гуляя, носится с миноносцем миноносица», а на Одесском рейде разговаривают десантные суда «Советский Дагестан» и «Красная Абхазия» и т. д. И во многих случаях (хотя, разумеется, далеко не во всех) олицетворение подкрепляется определенными словообразовательными приемами. Приемы эти основаны на применении к неодушевленным предметам типов образований, так или иначе связанных своей структурой в кодифицированном литературном языке с одушевленными существительными[11]. Кроме (1) наиболее употребительных в этой функциии уже рассмотренных выше притяжательных прилагательных, поэтом применяются с указанной целью: (2) существительные со словообразовательным значением женскости: ср. *миноносец* – окказиональное *миноносица* и переосмысление слова *миноноска* (в уменьшительно-ласкательной форме *миноносочка*) – в литературном языке синонима к *миноносец,* а в поэтическом – названия соответствующей ожившему миноносцу женской особи; (3) сложные прилагательные с нулевым суффиксом типа *длинноногий, седобородый,* образуемые в литературном языке поэта исключительно от существительных – названий частей тела и, естественно, представляющих собой определения к названиям живых существ; ср., напр.: моря *революцые*; Урал орал *непроходимолесый; огнегубые* вздыхают топкой домны; ... пролетает вечность – *бесконечночасый* распустила хвост; во весь *медногорлый* гудочный клич; двигай фабрики фырком *зловодым* (обращение к плотине); (4) прилагательные с суффиксом *-аст-* типа *глазастый, зубастый, губастый, клыкастый* (в литературном языке такие прилагательные, преимуществен-

но сниженные, образуются от существительных, обозначающих сильно развитый отличительный телесный признак, и потому характеризуют лиц или животных); ср., напр.: войны *щекастые* щупальпы; *молоткастый, серпастый* советский паспорт. Смысл прилагательных *молоткастый, серпастый* в контексте «Стихов о советском паспорте» не сводится к тому, что изображение серпа и молота – «самая органичная, неотъемлемая и к тому же в первую очередь бросающаяся в глаза черта советского паспорта»[12], хотя этот образный смысл, связанный с семантикой неотчуждаемости и интенсивности, характеризующей прилагательные типа *зубастый* в литературном языке, безусловно, здесь присутствует. «Краснокожая паспортина» в руках «господина чиновника» оживает, становится опасным живым существом, способным ужалить или укусить, и это выражается в контексте стихотворения не только сравнением «паспортины» с бомбой, ежом, «змеей двухметроворостой», но и сочетанием прилагательных *молоткастый, серпастый* с неодушевленным существительным *паспорт*.

Рассмотренный фрагмент поэтического идиостиля Маяковского показывает, что ключевые экспрессемы воспринимаются в идиостиле как таковые именно на фоне узуальных особенностей употребления соответствующих языковых средств (в данном случае – словообразовательных моделей) в литературном языке, определяемых нормами последнего. Такая перекличка с литературным языком как с фоном, который хорошо известен носителям литературного языка, воспринимающим поэтический текст, определяет образно-экспрессивную насыщенность тех или иных идиостилевых особенностей.

Разнообразны и более многочисленны, чем у других поэтов, в идиостиле Маяковского морфологические «неправильности» – отступления от общелитературных норм склонения, отчасти спряжения. Отметим прежде всего следующие случаи[13].

Склонение существительных, в литературном языке не склоняющихся, – факты, наиболее обнаженно демонстрирующие ориентацию поэтического идиостиля на городское просторечие (характерно, что подобные факты наблюдаются у Маяковского не только в речи персонажей, но и в авторской речи). Склоняются заимствованные существительные традиционно несклоняемого класса (на гласную), напр.: *мусьи* подмигивают; В общем, у Муссолини вид *шимпанзы;* разъезжусь, весь день не вылазя из *таксей;* разделы-

вали вензеля, увлечены *тангой;* И вижу – катится ландо, и в этой вот *ланде* сидит военный молодой; Я, товарищи, из военной *бюры;* простилась мадам со своим *мантом;* попивал в барах с *янками* джин; Человечки эти называются «*крупьями*»... Глазки у «*крупьи*» – две звездочки-точки; в *кафах* ... коммуну славя, расселись мещане; О «*фиасках*», «апогеях» и других неведомых вещах (в контексте этого стихотворения склоняемость слова *фиаско* обуславливается и его непонятностью); склоняются иностранные собственные имена на гласную: держится *Пуанкарой,* вослед за *Бенуями;* Одного называют красным Байроном, другого – самым красным *Гейнем;* а на копоти и гари *Гаррей* Пилей прикрепили; аббревиатуры: товарищам из *эмкахи;* ящик был торжественно вскрыт *эркаями* и т. п. Некоторые из таких образований, разумеется, не окказиональны, они непосредственно отражают современное поэту городское просторечие, но все подобные формы тождественны по своим функциям в идиостиле: кроме отражения просторечия, такие формы носят шутливый оттенок, часто сочетающийся с иронией или уничижительностью, причем служат для осмеяния лиц, ситуаций, о которых в соответствующих микроконтекстах идет речь.

Явно просторечный характер носят в идиостиле Маяковского: формы род. пад. мн. ч. типа *чистописаниев, усищев*; формы сравнительной степени с суффиксом *-ше*: *громше, легше, покрепше, помягше*; такие формы косвенных падежей числительных *сто* и *полтора*, как годах и в *стах*, передали *стам*... советским постам, листах на *полуторах;* формы повелительного наклонения (с окраской фамильярности) типа *тащь, предъявь, выкличь, выйдь, рыхль, скиснь* от отчаяния, зубы *стиснь, дымьтесь*, фабрики! и т. п. Менее очевидна квалификация таких «поэтических вольностей», как формы *горстьми, жмет плечьми, за ушьми*[14]; *скулья*; Буржуи рабочих сгибают в *рожья; любовьями* всевозможными; формы деепричастия глаголов несов. вида с суффиксом *-в* вместо правильного в литературном языке *-а*: Не поверишь, что плыли, смерть *изрыгав,* они; где грозы гремят, грома *потрясав;* пространства бегут, с хвоста *нарастав;* Где вороны вились, над падалью *каркав;* В газету хихикает, над цифрой *трунив*[15]. Эти грамматические черты идиостиля Маяковского объясняются, по-видимому, только общими целями обновления словесной формы в художественном тексте.

Наконец, еще одна «поэтическая вольность» Маяковского, также относящаяся к сфере морфологических «неправильностей», –

это употребление некоторых предлогов литературного языка в функции наречий. Речь идет о расширении в поэтическом идиостиле круга слов, характеризующихся грамматической омонимией «предлог – наречие». Литературному языку такая омонимия, вообще говоря, не чужда, но здесь она характерна в основном для «непервообразных» предлогов: ср. литературные *вокруг, около, внутри, впереди, посреди, напротив* и др. У Маяковского же в роли наречий выступают такие предлоги (в литературном языке этой функции лишенные), как *за* (в значении «сзади»), *над* («наверху, сверху»), *под* («внизу»), *до* («прежде, раньше»), *перед*, *из, между, близ*, например: И *за* и *над*, и *под*, и *перед* – домов дредноуты; ... но смотрите – *из* /выплывают Red и White star'ы с ворохом разнообразных виз; Ленин встал над миром и поднял *над* / мысли ярче всякого пожарища, голос громче всех канонад; ...нас продававшие и *до* и потóм, вокруг сторожами эсеры да Савинковы; Ленина не видно, но он *близ*; Что увидишь?! Только лоб его лишь, и Надежда Константиновна в тумане *за* ...; Наверху министры в бриллиантовом огне. *Под* – народ; Но за социал-демократом социал-демократ с речами встали *между*; И слышит шепот гордый вода и *под* и *над*: «Через четыре года здесь будет город-сад!» Такое употребление свидетельствует о большей грамматической гибкости предлогов в поэтическом идиостиле по сравнению с литературным языком. Эта особенность идиостиля лишена разговорной или просторечной окраски и скорее носит книжный характер, что, по-видимому, связано и с тем, что в данном случае не образуется формально нового слова или словоформы. И, однако, можно предположить, что экспрессия таких предлогов в функции наречий тоже в значительной степени определяется их внешней (звуковой) стороной – их явной краткостью, часто односложностью, нехарактерной для традиционных наречий.

В целом экспрессивность морфологических «неправильностей» в идиостиле поэта имеет те же корни, что и у «неправильностей» словообразовательных, и связана с расширением сферы применения конкретных словоизменительных средств (флексий, суффиксов) и морфологических образцов по сравнению с узусом литературного языка.

Посмотрим теперь, какие из отмеченных в идиостиле Маяковского словообразовательных и морфологических «неправильностей» отмечаются в идиостилях его современников – Цветаевой и Пастернака. Расширение сочетаемости суффиксов притяжательных

прилагательных встречается у Цветаевой, однако значительно реже, чем у Маяковского (напр.: Сдала бы *трущобе* – в учебу! В *кустову, в хвощеву, в ручьеву, в плющеву*...), у Пастернака такие случаи единичны (Сбил сорочку *солнцевой* скулой). В целом у этих поэтов приемы олицетворения с участием словообразовательных средств не относятся к «стилистическому ядру». Как и у Маяковского, у Цветаевой встречаем ненормативные с точки зрения литературного языка падежные формы некоторых существительных *(челюстьми, бровьми, зубьми, ночьми, шипья,* зверь *с клычьями*), а у Пастернака – не только отдельные «неправильные» формы мн. числа имен (напр., *клубья* искр) и повелительного наклонения глаголов (Дыши в грядущее, *теребь* и жги его...), но и склонение несклоняемых в литературном языке заимствованных существительных (Средь визга, хохота и стонов *Шимпанз,* игрунок и гиббонов...; Я люблю тебя черной от сажи Сожиганья пассажей, в золе Отпылавших *андант* и *адажий*...). Для Цветаевой, пожалуй, не меньше, чем для Маяковского, характерны наречные употребления предлогов (напр.: Ни *до*, ни *по*: Прозренья промежуток!; ... И лоб – к столу Подстатный, и локоть *под* – Чтоб лоб свой держать, как свод; широко встречается подобное употребление предлогов и в прозе Цветаевой). Приведенные примеры показывают, что типы грамматических «неправильностей», отмеченные в идиостиле Маяковского, в какой-то мере характеризуют поэтический язык первой половины XX в. вообще, хотя и проявляются в других идиостилях в меньшей степени; это связано и с тем, что в идиостилях Цветаевой и Пастернака разговорно-просторечные элементы занимают в целом меньшее место, чем у Маяковского (хотя и достаточно развиты).

Обратим внимание еще на одну существенную сторону употребления словообразовательных и морфологических окказионализмов в поэтических идиостилях: в большинстве случаев (у Маяковского – даже в подавляющем большинстве: по нашим приблизительным подсчетам, более чем в 80% употреблений) такие окказионализмы выступают в рифме. Это в свою очередь вдвойне, если не больше, усиливает экспрессивную значимость подобных образований, поскольку рифма – сама по себе мощное средство «информационной активизации структуры» (Ю. М. Лотман) художественного текста. Известна особая значимость рифмы в стихе Маяковского. И не случайно он иногда использовал внесение в рифму окказионализмов для формального выделения содержательно наиболее значимых

слов. Показательный пример – 6-я глава поэмы «Хорошо!», где в начальном и в конечном четверостишиях употреблен окказиональный глагол *вызмеив* (обычные рельсы вызмеив; Рельсы по мосту вызмеив), рифмованный с содержательно доминирующими словами этой главы, повествующей об Октябрьской революции, о взятии Зимнего дворца: в первом четверостишии – со словами *при капитализме*, а в последнем – со словами *уже при социализме*[16]. Окказиональный глагол «высвечивает» рифмующиеся с ним слова, усиливая их экспрессивно.

Определение места грамматических «неправильностей» и других экспрессивно значимых элементов поэтического текста по отношению к рифме и к другим строевым единицам стиха – особая важная проблема, требующая специального изучения на материале русской поэзии XX в.

Мы остановились лишь на некоторых случаях нарушения грамматических норм литературного языка в поэтическом идиостиле и на причинах появления таких нарушений. Разумеется, однако, что далеко не всякие экспрессивно значимые новшества в области словообразования и формообразования можно квалифицировать как нарушения литературных норм. Так, словообразовательные окказионализмы отнюдь не всегда создаются с нарушением правил литературного языка[17], и тем не менее такие окказионализмы тоже могут играть в поэтическом тексте существенную образно-экспрессивную роль. Напр., в идиостиле Маяковского велика экспрессивная значимость многочисленных окказиональных новообразований с суффиксами *-ин(а)* (*газетина, паспортина, роялина, ртина, колбасина, миноносина, лохматина, желтоглазина* и др.), *-j-* (напр., *людьё, негритьё, мещаньё, мускульё, бородьё, громадьё*), *-н(я) (скульня, бегня)*, с усилительным префиксом *раз-* (напр., *разгорячий, разыскренний, распривлекательный, разызобретался)*, характерными для разговорно-просторечного слоя словообразовательных средств литературного языка, а в «Поэме Лестницы» Цветаевой важную экспрессивную функцию выполняет ряд окказиональных отглагольных прилагательных с суффиксом *-к-* (на лестнице *падкой, ... сыпкой, ... шлёпкой, ... хлопкой, ...плёвкой, ...швыркой, ...дрожкой* и т. д.), хотя никаких нарушений правил литературного словообразования во всех этих рядах окказионализмов нет[18]. В области морфологии большую роль в поэтических текстах (и в количественном отношении, и по функциональному разнообразию) играет образование ок-

казиональных форм множ. числа существительных singularia tantum, хотя такие формы трудно квалифицировать как нарушение присущих литературному языку законов формообразования, которыми предусмотрена возможность форм множ. числа у данного разряда слов. Другое дело – редко встречающееся в поэтических текстах образование форм ед. числа у существительных pluralia tantum (напр., у Маяковского: хвать кто за шиворот, а кто за *брюку*; у Цветаевой: Полотеры-полодеры..., Бахромчатый *штан*): его действительно нельзя не квалифицировать как грамматическую «неправильность».

Словообразовательные и морфологические новации, построенные с нарушением грамматических правил литературного языка и без такого нарушения, хотя и должны разграничиваться и во многих случаях различаются степенью экспрессивности, тем не менее чаще всего выступают в едином комплексе экспрессивно значимых грамматических средств поэтической речи.

Примечания

[1] *Григорьев В. П.* Поэтика слова. М., 1979. С. 76 и след.

[2] См.: *Щерба Л. В.* Спорные вопросы русской грамматики // Русский язык в школе. М., 1939. С. 10.

[3] *Шмелев Д. Н.* Слово и образ. М., 1964. С. 30.

[4] См.: *Григорьев В. П.* Указ. соч., с. 82 и след.

[5] *Шмелёв Д. Н.* Указ. соч., с. 64, 71.

[6] Ср. замечание Ю. М. Лотмана о том, что нарушение структурных норм является в художественном тексте «важным средством информационной активизации структуры» (см.: *Лотман Ю. М.* Структура художественного текста. М., 1970. С. 363; см. также: *Гальперин И. Р.* Информативность единиц языка. М., 1974. С. 26).

[7] См.: *Лопатин В. В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973. С. 108 и след.; *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973. С. 229.

[8] *Виноградов В. В.* Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. С. 80.

[9] См., напр.: *Винокур Г. О.* Маяковский – новатор языка. М., 1943.

[10] Прилагательное *домовий* (кстати, переоформленное по образцу *сыновий, слоновий* – с непродуктивным в литературном языке суффиксальным морфом *-овий*) – вообще одно из самых употребительных у Маяковского притяжательных прилагательных; ср. еще: *домовьи* души, в *домовьи* этажи, под *домовьи* леса и др.

[11] См. также: *Александрова О. И.* Русское поэтическое словотворчество (Организация плана выражения) // Художественная речь. Традиции и новатор-

ство. Куйбышев, 1980 – где, в частности, рассматриваются словообразовательные окказионализмы, основанные на снятии в поэтических идиостилях «ограничений по линии одушевленность/неодушевленность» (с. 117).

[12] *Лопатин В. В.* Указ. соч., с. 106.

[13] О морфологических окказионализмах см. также: *Ханпира Эр.* Окказиональные элементы в современной речи // Стилистические исследования. На материале современного русского языка. М., 1972. С. 257–259.

[14] Кстати, морф *-ми* в тв. пад. мн. ч. существительных в литературном языке абсолютно непродуктивен и характерен всего для нескольких слов.

[15] В литературном языке подобные формы деепричастий возможны только у ограниченного числа беспрефиксальных глаголов (*знав, быв, ев, ехав, имев*) и только в значении временного предшествования, но не одновременности (см. Грамматика русского языка. Т. I. М., 1952. С. 532).

[16] Наблюдение Т. Б. Воробьевой (см.: *Воробьева Т. Б.* Окказионализмы в поэзии В. В. Маяковского (лингвостилистический аспект). Автореферат канд. дисс. М., 1982. С. 170).

[17] См.: напр.: *Лопатин В. В.* Указ соч., с. 84–99.

[18] Но такие образования являются отклонениями от нормы литературного языка с другой точки зрения: лексической, словарной.

«Синь, упавшая в реку». Об одном словообразовательном приеме С. А. Есенина

[Русская речь 1970, № 3]

У каждого хорошего поэта есть излюбленные приемы словоупотребления и словообразования. Читая произведения Сергея Есенина, нельзя не заметить его особого «пристрастия» к таким существительным женского рода, как *синь, рань, ширь*. Это неотъемлемая и органичная примета неповторимого есенинского лиризма. Вот несколько примеров:

О Русь – малиновое поле
И *синь*, упавшая в реку, –
Люблю до радости и боли
Твою озерную тоску.

Как тогда, я отважный и гордый,
Только *новью* мой брызжет шаг...

Пой, мой друг. Навевай мне снова
Нашу прежнюю буйную *рань*.

Буераки... пеньки... косогоры
Обпечалили русскую *ширь*.

Заря окликает другую,
Дымится овсяная *гладь*...

Мир осинам, что, раскинув ветви,
Загляделись в розовую *водь*.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
Не жаль души сиреневую *цветь*.

Подобные слова нередко встречаются и у других поэтов, но Есенин использует их особенно широко и, как мы покажем дальше, разнообразно, с исключительной эмоциональностью. Но прежде надо вкратце охарактеризовать их место в русском языке.

Образуются такие существительные «безаффиксным» способом (или, иначе говоря, способом нулевой суффиксации) обычно от имен прилагательных, реже от глаголов и совсем редко от сущест-

вительных. Основное их значение – отвлеченный признак или отвлеченное действие: *синий – синь, глубокий – глубь, дрожать – дрожь*. Большая часть их имеет синонимы – суффиксальные образования с тем же значением: *синь* и *синева*, *глубь* и *глубина, дрожь* и *дрожание* и т. п. Другое значение – собирательное. Например, слово *зелень* обозначает не только определенный цвет, но и растительность; *гниль* – это не только «гнилость», но и «гнилые предметы»; *сушь* – не только «сухость», но и «сухие ветки», «сухая земля».

При образовании таких слов конечный твердый согласный основы производящего слова смягчается, а заднеязычные согласные *к, г, х* чередуются с шипящими *ч, ж, ш: прелый – прель, новый – новь, резать – резь, дикий – дичь, тихий – тишь*. Если основа производящего прилагательного оканчивается на *-к-*, *-н-* (после согласного) или на *-ок-*, эти звуки в производном слове обычно отсутствуют: *прыткий – прыть, гнусный – гнусь, высокий – высь*. Ударение в этих словах всегда на первом слоге: *зелёный – зелень, удалой – удаль, поганый – погань, оторопеть – оторопь*.

Безаффиксные существительные третьего склонения – один из древнейших словообразовательных типов русского языка, восходящий еще к праславянской эпохе. Продуктивен ли он в современном языке? И да, и нет. Подобные существительные сохранились до нашего времени как одна из наиболее развитых словообразовательных особенностей диалектной лексики. В говорах, особенно северновеликорусских, они распространены очень широко. Литературный язык почти не пополняется новыми словами типа *синь*. Это и понятно: ведь в литературном языке есть другие, очень продуктивные типы суффиксального образования существительных с тем же значением: слова с суффиксом *-ость*, образуемые от прилагательных, отглагольные существительные с суффиксами *-ние, -к(а)* и др.

Исследователи отмечают, что с начала XX века в литературном языке закрепились лишь два неологизма, относящихся к существительным типа *синь*. Это *бездарь* и *заумь*; оба они первоначально возникли как окказиональные образования художественной речи. Первое из них «изобрел» Игорь Северянин, употребивший его в таком четверостишии:

Вокруг – талантливые трусы
И обнаглевшая *бездарь*,
И только вы, Валерий Брюсов,
Как некий равный государь.

Второе «изобрели» футуристы как обозначение своего «заумного языка». Кстати, оба слова вначале употреблялись с ударением на втором слоге (бездáрь, заýмь), но со временем «подравнялись» под общее правило ударения в этих существительных, получив ударение на первом слоге.

И тем не менее безаффиксные существительные третьего склонения имеют в общелитературном языке очень четкую и определенную сферу применения; эта сфера – художественная речь, и здесь они обычно образуются как окказиональные слова, употребленные в определенном контексте и не претендующие на то, чтобы войти в общенародный литературный язык. «В сущности, этот тип словообразования распространяется лишь в поэтической речи и в языке художественной прозы», – писал о таких словах академик В. В. Виноградов (Русский язык. М., 1947). Показательно и другое: в поэзии такие существительные используются гораздо чаще, чем в прозе. Сравнивая слова *высь* и *высота, тишь* и *тишина,* нетрудно заметить, что первые из них экспрессивно-стилистически окрашены как поэтизмы, а вторые стилистически нейтральны. Некоторые из слов типа *синь,* наиболее употребительные в поэтической речи, становятся даже поэтическими штампами. Несомненно, что Маяковский в поэме «Во весь голос» протестует не только против «мещанской» поэзии, воспевающей «дочку, дачку, *водь* и *гладь»,* но и против штампованной поэтической лексики (что, впрочем, не мешало Маяковскому довольно широко пользоваться в своей поэтической практике новообразованиями этого типа).

Чем привлекают поэтов слова *синь, ширь* и т. п.? Во-первых, несомненно, тем, что они являются характерной приметой народной речи. Русские писатели XIX века, ориентировавшиеся на народную речь, не раз говорили о необходимости употребления таких слов в языке литературы (речь идет о безаффиксных существительных не только III склонения, но и мужского рода II склонения типа *ход).* Напомним, что еще Пушкин отстаивал свое право употреблять народные слова, известные по фольклорным источникам: *молвь, топ, хлоп, шип* (статья «Опровержение на критики»); он же пользовался словами *щёлк, розь* (в «Сказке о попе и работнике его Балде»), *скачь* (в вариантах к «Капитанской дочке»). Владимир Даль в предисловии к «Толковому словарю» специально подчеркивал народный, истинно русский характер крат-

ких производных существительных: *собь, помеха, посев, наступ* и т. п. Употребление безаффиксных существительных придает художественному произведению черты разговорности, народности. Именно эту функцию несут безаффиксные образования, например, в произведениях Лескова, Мельникова-Печерского, некоторых современных прозаиков (Нагибина, Солоухина, Чивилихина), таких поэтов, как Николай Клюев и другие «крестьянские» поэты с их особенным интересом к народному творчеству, как наши современники Александр Прокофьев, Виктор Боков и др. У писателей, хорошо знакомых с диалектной речью, иногда трудно отделить авторские новообразования «в народном духе» от подлинных диалектных слов; и те и другие выполняют одну художественно-образную функцию.

Второе свойство безаффиксных существительных, особенно ценное в поэзии, – краткость, энергичность, выгодно отличающая их от слов суффиксальных. Для поэзии с ее сгущенной образностью это немаловажное свойство слова. «У Северянина мне... понравилось прехлесткое слово *бездарь,* – писал Корней Чуковский в 1914 году в статье «Футуристы». – Оно такое бьющее, звучит как затрещина и куда энергичнее вялого речения *без-дар-ность*... Оно все насыщено эмоцией, в нем бьется живая кровь».

Несомненно, что Есенина привлекали оба названные свойства безаффиксных существительных. Увлеченный уже в ранний период творчества русским фольклором, народными поверьями и обрядами, поэт сохранил особый интерес к русской народной речи до конца своих дней, постоянно ища и находя все новые образования, близкие к народной речи, свежие, энергичные и эмоциональные. Отсюда и необычайное многообразие излюбленных им существительных: наряду с известными общелитературному языку словами (*синь, рань, рябь, гниль, даль, высь, ширь, гладь, тишь, зыбь, муть, темь, гнусь, дрожь, вязь* и др.) в произведениях Есенина мы находим более четырех десятков индивидуальных авторских образований этого типа с отвлеченным или собирательным значением.

Вот, например, есенинские новообразования от основ прилагательных (некоторые из них присущи народным говорам): *быстрый – быстрь, ржавый – ржавь, сырой – сырь, ярый – ярь, крепкий – крепь, привольный – приволь.*

Пограничник не боится
Быстри,
Не уйдет подмеченный им
Враг...

Я люблю родину.
Я очень люблю родину!
Хоть есть в ней грусти ивовая *ржавь*.

А другой изомнет и забросит,
Как изъеденный *сырью* хомут.

А за Белградом,
Окол Харькова,
Кровью *ярь* мужиков
Перехаркана.

Конь мой – мощь моя и *крепь*.

Побегу по мятой стежке
На *приволь* зеленых лех...

Обращает на себя внимание тот факт, что в случаях, когда эти слова употребляются в общелитературном русском языке лишь в более узких, специальных сферах и в более конкретных значениях (собирательных, предметных), Есенин употребляет их в значении отвлеченного признака, основном для данного типа, как бы заново образуя такие слова. Например, *чернь* употребляется в литературном языке преимущественно в значении «художественная обработка, гравировка металла» и в устаревшем «простонародье, низы общества», *крепь* – в значении «устройство для предохранения горных выработок от обвала», *новь* – преимущественно в значениях «непаханная земля, целина» и «зерно нового урожая», а у Есенина эти слова – синонимы отвлеченных существительных *чернота, крепость, новизна;* то же относится к словам *бель, голь:*

Алый мрак в небесной *черни*
Начертил пожаром грань.

Это сделала наша равнинность,
Посоленная *белью* песка...

Оловом светится лужная *голь*...

Впрочем, некоторые из слов иногда приобретают у Есенина более специальные значения, например слово *ярь* – значение «яровой хлеб»:

Говорили промеж мужики:
«Колосилась-то *ярь* неплохая,
Да сгубили сухие деньки».

В поэтической речи Есенина больше всего таких слов образовано от глаголов и существительных, и меньше – производных от прилагательных, в то время как для общелитературного языка характерно обратное соотношение. Это также говорит о стремлении поэта использовать заложенные в литературном языке, но наименее развитые в нем возможности словообразования.

От бесприставочных глаголов Есенин создает такие слова: *бредить – бредь, звенеть – звень, индеветь – индевь,* а также – *морщь, падь, стынь, трясь, хлюпь, хмурь,* например:

Ничего, родная! Успокойся.
Это только тягостная *бредь*.

Дорога довольно хорошая,
Приятная хладная *звень*.

В берег бьет вода
Пенной *индевью*...

Я любил этот дом деревянный,
В бревнах теплилась грозная *морщь*...

Они в самих себе умрут,
Истлеют *падью* листопада.

В дни осенней *хмури* в нас цвела весна.

А вот примеры есенинских образований от приставочных глаголов:

И пускай я на рыхлую *выбель*
Упаду и зароюсь в снегу...

Заходила буйница *выхвали* старинной...

Скоро *заморозь* известью выбелит
Тот поселок и эти луга.

Я слушаю. Я в памяти смотрю,
О чем крестьянская судачит *оголь.*

Снежная *замять* крутит бойко,
По полю мчится чужая тройка.

(Замять – от глагола *замести – замету,* с орфографическим *я* под влиянием устаревшего написания слова *метель: мятель.)*

Особенно интересны подобные слова, образованные от существительных: ведь в общелитературном языке таких образований почти нет. Значение этих слов – либо собирательное (*березь, цветь, отрубь* – это «березы, цветы, отруби»), либо отвлеченного признака, подобное тому, которое преобладает в образованиях от прилагательных (*сонь, морозь, сочь* – от *сок*, *омуть* – от *омут, солнь* – от *солнце* и др.):

Полюбил я седых журавлей
С их курлыканьем в тощие дали,
Потому что в просторах полей
Они сытных хлебов не видали.
Только видели *березь* да *цветь*,
Да ракитник, кривой и безлистый...

Отметим попутно, что слово *цветь* можно рассматривать и как производное от глагола *цвести – цвету* (ср., например, строку: «Не жаль души сиреневую цветь»). Такая двойственность мотивации характерна и для некоторых других существительных.

Богаты мы лесом и *водью*...

В эту серую *морозь* и слизь
Мне приснилось рязанское небо
И моя непутевая жизнь.

И теперь уж я болеть не стану.
Прояснилась *омуть* в сердце мглистом.

Бедна наша родина кроткая
В древесную цветень и *сочь*...

С бугра высокого в синеющий залив
Упала *смоль* качающихся грив.

Интересно, что Есенин расширяет употребление слова *смоль*, известного общелитературному языку только в связанном виде: в сочетании *черный как смоль*.

К приведенным поэтическим новообразованиям Есенина нужно добавить слова, употребленные им в прозе, в повести «Яр»: *лунь* (лунный свет), *дрёмь, томь, нависть, обморозь, удобь* – «Месяц, выкатившись из-за бугра долины, залил *лунью* крыльцо и крышу»; «...синее небо, прилипаясь к глазам, окутало их *дрёмью*»; «Летняя *томь* кружила голову, он открыл губы и стал пить ветер»; «Черная *нависть* брызнула дождем»; «С поникших берез падали, обкалываясь, сосульки и шуршали по *обморози*»; «– Мой конец, – сказал старик, – мне от краю [косить]. – Ну, а моя околь, – протянул Филипп, – самая *удобь*».

На общем фоне «чистых» безаффиксных существительных третьего склонения одну с ними художественную функцию в поэтическом языке Есенина выполняют окказиональные слова с суффиксами *-нь, -ть, -ль*, образованные от глаголов – *звань, стыть, ныть, тужиль:*

То слышится *звань*,
Звань к оружью под каждой оконницей.

В плече моем *ныть* и течь.

Оттого-то вросла *тужиль*
В переборы тальянки звонкой.

В том же художественном ключе начинают играть и некоторые непроизводные существительные третьего склонения: *медь, хлябь, слизь* и др. *Медь*, например, может восприниматься уже не как переносное употребление названия металла, а как вторичное образование от прилагательного *медный* со значением определенного качества. Создается «эффект присутствия» производящего слова:

Трава, поблекшая, в расстеленные полы
Сбирает *медь* с обветренных ракит.

Взбурли всю *хлябь* и *водь*...

Излюбленный прием Есенина – употребление производных существительных третьего склонения парами, усиливающее эмоциональное впечатление от них. Особенно выразительна перекличка общелитературного и окказионального образований:

Так испуганно в снежную *выбель*
Заметалась звенящая *жуть*...

Только я в эту *цветь*, в эту *гладь*,
Под тальянку веселого мая,
Ничего не могу пожелать...

Светит месяц. *Синь* и *сонь*.
Хорошо копытит конь.

Как же мне не прослезиться,
Если с венкой в *стынь* и *звень*
Будет рядом веселиться
Юность русских деревень?

Есенин постоянно экспериментировал. В ранний период творчества стремление найти необычное слово иногда приводило его к созданию слов, не очень понятных по составу. Особенно это сказалось на языке поэмы «Евпатий Коловрат»:

Не ждала Рязань, не чуяла
А и той разбойной *допоти*...

Впереди сам хан на *выпячи*,
На коне сидит улыбисто...

Их поют от белой *вызнати*
До холопного сермяжника.

От каких именно слов образованы выделенные в приведенных цитатах слова, сказать затруднительно. Позднее поэт начисто отказался от подобного вычурного словотворчества; все его новообразования предельно ясны по структуре. Особое место, правда, занимают немногие образования от слов диалектного характера. Таково существительное *мреть*, образованное, по-видимому, от диалектного глагола *мреять*, который определен в Словаре Даля как «мельтешить, маячить, брезжить, мерцать»:

Я на всю эту ржавую *мреть*
Буду щурить глаза и суживать.

Золотые далекие дали!
Все сжигает житейская *мреть*.

От распространенных в ряде южных областей России слов *хмара* «туча, мгла, темнота», *хмарный* «пасмурный» Есенин образует существительное *хмарь:*

И вот я опять в дороге.
Ночная июньская *хмарь*.

А от диалектного наречия *склень* «до краев» – существительное *склень:*

Оттого-то в сентябрьскую *склень*
...Облилась кровью ягод рябина.

Последний пример интересен необычным для общелитературного языка «переводом» неизменяемого слова – наречия – в существительное. Другую подобную попытку можно встретить в вариантах поэмы «Анна Снегина»:

И сам я ругался немало,
Когда буржуазная *брысь*
Слюною своей заливала
Пожаром взметенную жисть.

Этот экспериментальный «перевод» междометия в существительное, по-видимому, был признан не вполне удачным самим автором и не вошел в окончательный текст поэмы...

Обратим внимание также на два необычных образования *никь* и *зыкь* от глаголов *никнуть* и *зыкать:*

Мужику одно:
Не топтали б рожь.
А как пошла по ней
Тут рать Деникина –
В сотни верст легла
Прямо в *никь* она.

Расея...
Дуровая *зыкь* она.
Хошь верь, хошь не верь ушам –
Однажды отряд Деникина
Нагрянул на криушан.

Необычность этих двух слов для русского языка состоит не только в том, что в них нет чередования *к – ч* (по правилам образования слов они должны были бы звучать *ничь* и *зычь),* но и в том, что русскому языку вообще неизвестны слова с мягким заднеязычным согласным на конце. Такое двойное отступление от языковых норм создает впечатление некоторой нарочитости, искусственности этих образований, тем более что оба они использованы в составной рифме к слову *Деникина.*

Наконец, интересны существительные третьего склонения, в которых безаффиксный способ словообразования сочетается с приставочным. Сюда относятся новообразования *безгладь, сутемень, пролесь:*

А ныне я в твою *безгладь* [обращение к Кавказу]
Пришел, не ведая причины...

Сутемень колдовная счастье мне пророчит.

Месяца желтые чары
Льют по каштанам в *пролесь*...

В двух последних словах приставки *су-* и *про-* вносят значение неполноты признака; при этом *пролесь* образовано под влиянием слов общелитературного языка типа *проседь,* но не от прилагательного, как эти слова (также встречающиеся в языке Есенина), а от существительного.

В заключение остановимся еще на одном интересном вопросе: откуда у Есенина такое разнообразие подобных слов, где корни этого словесного богатства? Неужели их обилие и особый вкус к ним Есенина объясняются только общими литературными веяниями и интересами – скажем, влиянием Клюева? Думается, что это не так: Есенин, по-видимому, усвоил многие из этих слов из живой народной речи. До недавнего времени в этом сомневались: ведь интересующие нас слова распространены по преимуществу в северновеликорусских говорах, а Есенин – южанин, детские и отроческие годы провел в рязанском селе. Впрочем, оговаривались, что лексика южновеликорусских говоров изучена еще очень слабо по сравнению с северной лексикой.

Но вот совсем недавно вышел из печати «Словарь современного русского народного говора» (М., 1969), содержащий лексику говора деревни Деулино Рязанской области. Это первый исчерпыва-

ющий словарь одного говора в нашей науке, к тому же говора рязанского. И замечательно, что в этом словаре мы найдем довольно много любимых есенинских слов или подобных им: *бель* – «белая краска», голь – «голая поверхность, редкая растительность», *глушь, новь* – «новое, только что появившееся», *низь* – «низкое место, низина», *чисть, пьянь, чернь* – «черная краска», *стыдь* – «стужа», *сырь*, *склизь, плясь, валь* – «деревья, поваленные ветром», *осыпь* и др. Уже неполный перечень дает основание с большой степенью уверенности предполагать, что рассмотренная нами часть есенинского словаря – это свое, родное, исконное, не «литературщина», а живая языковая стихия.

«Безудерж карамазовский»

[Русская речь. 1971, № 6]

Безудерж – одно из самых важных слов в творчестве Ф. М. Достоевского. Появляется оно на страницах последнего романа писателя – «Братья Карамазовы» и почти всюду сопровождается эпитетом *карамазовский.*

В одном из самых глубоких эпизодов романа – в картине вещего сна Мити во время следствия – мы читаем: «хочет он..., чтобы не плакало больше дитё, не плакала бы и черная иссохшая мать дити, чтоб не было вовсе слез от сей минуты ни у кого и чтобы сейчас же, сейчас же это сделать, не отлагая и несмотря ни на что, со всем безудержем карамазовским». «Но строгая девушка не отдала себя в жертву всю, несмотря на весь карамазовский безудерж желаний своего возлюбленного» – это говорится уже об Иване Карамазове. Иван, по словам прокурора, ужасает «своим духовным безудержем». Тот же прокурор видит в поведении подсудимого – Мити – «много картинности, романического исступления, дикого карамазовского безудержу и чувствительности». «Смыслю ли, чего требую? Безудерж карамазовский, нечестивый!» – восклицает в конце романа и сам Митя. А Иван видит в «безудерже» одно из проявлений животного начала в человеке: по его мнению, «во всяком человеке, конечно, таится зверь», и, в частности, «зверь безудержу, спущенного с цепи...».

Одним из самых употребительных слов в романе можно считать и прилагательное *безудержный.* Писатель так говорит о семье Карамазовых устами одного из персонажей – Ракитина: «Ощущение низости падения так же необходимо этим разнузданным, безудержным натурам, как и ощущение высшего благородства». Прокурор в обвинительной речи много рассуждает о склонности Мити к «безудержному кутежу», о «самой безудержной, самой карамазовской страсти» отца и сына к Грушеньке; ему вторит защитник, считающий, что подсудимый «безудержен, дик и буен».

Безудержность эта, а точнее, по слову автора, *безудерж* – одна из главнейших черт того социального явления, которое уже самим

писателем было названо *карамазовщиной* – словом, сразу вошедшим в широкое употребление в литературной критике и публицистике. Карамазовы предстают в романе как носители определенного социально-нравственного комплекса, и в этом смысле они уже не столько *Карамазовы,* сколько *карамазовцы* (слово, вложенное автором в уста Ивана).

Понятием *безудержа* охватываются такие свойства, как широта натуры человека (вспомним слова Мити Карамазова, произнесенные им в «исповеди» брату: «Нет, широк человек, слишком даже широк, я бы сузил»), способность перешагнуть через иные нравственные и социальные нормы, раздвоенность характера, в котором заложены «две бездны», два идеала – «идеал Мадонны и идеал Содома». Эта «широкость», совмещение в одной душе несовместимых начал, выливающиеся в «анархизм поведения» (определение В. Я. Кирпотина), присущи многим персонажам Достоевского. Одним из излюбленных типов писателя, проходящим через все его большие произведения позднего периода творчества, является либо анархист, бунтарь, руководствующийся принципом «всё позволено», либо просто несдержанный в поведении, погрязший в пороках, но наделенный в той или иной мере светлыми идеалами безудержный человек. Существование этого типа писатель непосредственно связывает со всей общественной обстановкой «страдающей от безурядицы России» (Братья Карамазовы). С различными видоизменениями тип этот представлен в романах Достоевского такими фигурами, как Раскольников и Свидригайлов, Рогожин, Ставрогин, наконец, Карамазовы.

В своих произведениях Достоевский очень часто самим словоупотреблением подчеркивал «безудержность» поведения персонажей. «Неизмеримая злоба овладела Ганей, и бешенство его прорвалось без всякого удержу» (Идиот); «В ее жизни не переводились такие мгновения, которым она [Варвара Петровна] отдавалась вдруг вся, всецело и, если позволительно так выразиться, совершенно без удержу» (Бесы). Безудержность эта близка к безрассудности. Так, героиню «Униженных и оскорбленных» характеризует «любовь до забвения самого первого долга, до безрассудной жертвы всем».

Но лишь в последнем романе было найдено слово, определяющее поведение многих героев писателя, слово новое для Достоевского и для всей русской литературы – *безудерж.*

Слово это явно полюбилось писателю. В русском литературном языке уже существовало старое суффиксальное существительное с тем же значением – *безудержность.* Но Достоевский предпочел обозначить важное для всей идейно-художественной ткани его произведений понятие другим, необычным для русского языка, неизвестным еще словом того же корня, словом без суффикса, более коротким и выразительным – *безудерж.* Мало того, полюбившееся слово Достоевский употребил затем в самом последнем своем произведении – в знаменитой речи о Пушкине. Анализируя здесь пушкинское стихотворение «Однажды странствуя среди долины дикой», он говорит, что в этих стихах чувствуется душа английского протестанта, «безбрежного мистика, с его тупым, мрачным и непреоборимым стремлением и со всем безудержем мистического мечтания».

* * *

Чем же примечательно это новое слово, введенное, как и некоторые другие, Достоевским в русский литературный язык?

Прежде всего, *безудерж* – диалектное слово. Судить об этом мы можем только теперь, когда опубликован 2-й выпуск нового обобщающего «Словаря русских народных говоров»[1]. Ни в старых диалектных словарях, ни в Словаре Даля, ни в более поздних толковых словарях русского языка этого слова мы не найдем. Зато из нового диалектного словаря мы узнаем, что слово *безудерж,* значение которого – «отсутствие сдерживающих побуждений», отмечено сравнительно поздно, уже после Октябрьской революции в 1919–1934 годах, в псковских, смоленских и ленинградских говорах. Тем не менее можно с уверенностью утверждать, что слово употреблялось на территории тех же говоров и во 2-й половине XIX века, в эпоху Достоевского. Таким образом, Достоевский не сам придумал слово *безудерж,* а услышал его, скорее всего, в речи носителей петербургских говоров. Известно, что писатель в последний период жизни преимущественно жил в Петербурге и его окрестностях и, конечно, хорошо знал особенности местной речи.

Это чрезвычайно показательно для языковой практики Достоевского: основным источником пополнения словарного состава была для него живая разговорная речь низших слоев общества, просторечие. В его произведениях мы находим элементы социальных жаргонов (пример – глагол *стушеваться,* история кото-

рого, связанная с именем Достоевского, достаточно широко известна), городского просторечия *(сейчашний; кварташка* вместо *квартальный; складной* человек – в смысле «согласный, уступчивый»), наконец, диалектизмы *(безудерж).*

Другое обстоятельство, на которое нужно обратить особое внимание: слово *безудерж* образовано не совсем обычным для русского литературного языка способом – чисто приставочным путем от существительного *удерж.* Последнее, хотя и является в современном литературном языке фразеологически связанным, употребительным только в составе нескольких устойчивых сочетаний – *без (всякого) удержу, нет (никакого) удержу, не знать (никакого) удержу,* все же четко воспринимается как существительное мужского рода со значением действия, непосредственно связанное с глаголом *удержать – удерживать. В* диалектах слово *удерж* свободно по употреблению. См. хотя бы Словарь Даля, где, кстати, указано еще одно значение слова *удерж* и синонимичного производного от того же глагола *удержь* (женского рода) - «терпенье»: «Удержи нет, как болит!». Возможно, что «безудерж карамазовский» имеет и связанный с этим оттенок значения «нетерпение, нетерпеливость» (вспомним нетерпение Мити в его страстном порыве помочь людям!).

Преобладающим в современном русском литературном языке способом образования существительных от других существительных с помощью отрицательной приставки *без-* и приставок пространственного и временного значения (*за-, под-, пред-* и т. п.) является иной способ – смешанный, приставочно-суффиксальный. В этом случае в производных существительных вместе с приставкой используется суффикс, чаще других *-j-* (в словах среднего рода на *-ье, -ие),* иногда *-иц(а), -ник* и др.: *воля – безволие, дело – безделье, страх – бесстрашие, река – заречье, земля – подземелье, пол – подполье, гроза – предгрозье, море – приморье, смысл – бессмыслица, конец – наконечник.*

Такие приставочно-суффиксальные образования очень продуктивны. Но рядом с ними есть всего несколько слов, в которых те же словообразовательные отношения выражены чисто приставочным способом: *город – пригород, граница – заграница, клеть – подклеть, пол – подпол, порядок – беспорядок.* В литературном языке этот тип словообразования явно непродуктивен; однако в говорах он представлен большим количеством слов и сохраняет

известную продуктивность: ср. хотя бы такие диалектные слова, как *закрай, застреха, заберег* «лед у берега», *примост* «крыльцо» (от *мост* «пол в сенях») и т. д. В уже упомянутом новом диалектном словаре мы находим ряд слов этого типа с приставкой *без-*, отмеченных в различных говорах русского языка: *безбоя́знь* – «смелость, бесстрашие», *безу́м* – «безрассудство», *безла́ска* – «отсутствие ласки», *безгра́мота* – «безграмотность», *бе́звесть* – «отсутствие вестей», *беспоко́й* – «беспокойство» (сюда же относится *безудерж)*; в Словаре Даля рядом с *бескорыстие* отмечен синоним *бескорысть* и т. п.

Показательно, что большинству этих слов в литературном языке соответствуют приставочно-суффиксальные (*безумие, бескорыстие*) или суффиксальные образования (*безумство, беспокойство, безграмотность, безудержность*; такие существительные образуются непосредственно от приставочно-суффиксальных прилагательных с теми же корнями: *безумный, безграмотный* и т. п.).

Еще больше слов типа *безудерж* в других славянских языках: украинское *безлад,* белорусское (диалектное) *безвыгода,* польское bezcel «бесцельность», beznadzieja «безнадежность» и др. Широко представлены такие образования в местных географических названиях (топонимах) славянских языков[2]. Распространенность таких существительных в разных славянских языках говорит о том, что это достаточно древний тип славянского словообразования.

* * *

Хотя в современном русском литературном языке образования типа *безудерж* в общем непродуктивны, все же в нем время от времени появляются отдельные новые слова этого типа. Правда, все они в той или иной мере характеризуются окраской разговорности или просторечности. Так, в разговорную речь давно (еще в прошлом веке) прочно вошло слово *заграница.* В наше время употребляется не только слово *пригород,* но и просторечное *за́город:* «Мы получаем квартиру в новом районе, фактически это уже загород» (из устной речи). Оба слова – *заграница, загород* – возникли в просторечии из широко употребительных предложных сочетаний: *за границей, за городом* (или *за границу, за город*). Тенденция к образованию чисто приставочных существительных этого типа характерна, таким образом, не только для диалектов, но и для городского просторечия.

Естественно, что и у Достоевского мы находим не один пример подобных просторечных образований: «У него и теперь есть деньги на *заграницу*» (Братья Карамазовы); [Порфирий:] «Ведь мы как расстались-то, помните ли: у вас нервы поют и *подколенки* дрожат, и у меня нервы поют и *подколенки* дрожат» (Преступление и наказание); «За *застойкой* [в распивочной] находился мальчишка лет четырнадцати» (там же); «Эти "*закулисы*" было довольно узкое пространство, отгороженное от публики наглухо занавесью» (Бесы). В образовании этих существительных несомненно обнаруживается влияние предложных сочетаний *под коленками, за стойкой, за кулисами* (или с винительным падежом: *под коленки, за стойку, за кулисы*). Точно так же и слово *безудерж* связывается с предложным сочетанием *без удержу.*

Переходный этап к образованию подобных слов из предложных сочетаний представляют собой очень распространенные в разговорной речи обороты, в которых предложное сочетание как бы застывает, употребляясь в роли существительного. Вот примеры из современной речи: «Он работал здесь с *до войны*»; «Есть у тебя ближайшая цель на «*послешколы*»? (из газет); «Я не буду никуда выходить до *послемая* [после майских праздников] » (из устной речи). Есть такие обороты и в речи персонажей Достоевского: «Уверяю вас, дядюшка, что вы видели это во сне! Вы преспокойно себе почивали, с самого *послеобеда*» (Дядюшкин сон).

Итак, живая разговорная речь, диалекты и просторечие, – вот та «лаборатория», в которой постоянно создаются подобные слова. Достоевский, несомненно, большой знаток русской народной речи, не мог не отразить в своих произведениях эту словообразовательную особенность.

Но вернемся к самому слову *безудерж.* В отличие от других слов этого словообразовательного типа, силой писательского таланта и обобщения оно сразу стало вполне литературным, лишенным какой-либо диалектной или просторечной окраски, словом-термином, обозначающим определенное социально-нравственное явление. В наше время оно нередко встречается в печати. О нем неизменно вспоминают, когда речь заходит о Достоевском, о карамазовщине, и не только в литературоведческих трудах. Так, рецензия Я. Варшавского на фильм «Братья Карамазовы» была помещена в «Литературной газете» (1969) под заголовком «Со всем безудержем карамазовским...». Автор рецензии подчеркивает, что

режиссер Пырьев проявил в своей последней, предсмертной работе тот самый карамазовский безудерж, тот неистовый размах, который так соответствует духу романа.

Впрочем, о *безудерже* вспоминают уже не только в связи с Достоевским и с карамазовской проблематикой. Это слово вспомнил, например, К. И. Чуковский в своей книге «Александр Блок». По словам Чуковского, в поэме «Двенадцать» «есть та самая бедовая удаль, то хмельное разгулье, то восторженное упоение гибелью, в которых для Блока самая сущность тогдашней России. Тут – даже в звуках – русский угар и безудерж»[3].

Введенное Достоевским в русский литературный язык, диалектное по происхождению, слово *безудерж* сохранилось в нем. Оно так и просится в толковые словари.

Примечания

[1] Словарь русских народных говоров. Вып. 2. Л., 1996.

[2] См. специально посвященную существительным этого типа – собственным и нарицательным – в славянских языках книгу польского диалектолога М. Карася (*M. Karaś*. Nazwy miejscowe typu *Podgóra, Zalas* w języku polskim i w innych językach słowiańskich. Wrocław, 1955).

[3] *Чуковский К. И.* Александр Блок // Чуковский К. И. Собр. соч. Т. 6. М., 1969. С. 569.

«Маяковская сатира» и «достоевский репертуар»

[Русская речь. 1972, № 4]

Русский язык обладает богатыми и разнообразными грамматическими средствами. Почти от каждого слова, принадлежащего к любому грамматическому разряду, можно при необходимости образовать другое слово. Однако встречаются на этом пути и определенные трудности.

Известно, что от имен собственных, например от фамилий, широко образуются прилагательные с помощью суффикса *-ск-*. Таковы, в частности, прилагательные от русских фамилий на *-ин, -ов*: *Пушкин – пушкинский, Чехов – чеховский*. От других фамилий с основой на согласный образуются прилагательные с вариантом того же суффикса *-овск-* (орфографически *-овск-* и *-евск-*): *Шекспир – шекспировский, Бальзак – бальзаковский, Гоголь – гоголевский, Фет – фетовский*. Тот же вариант суффикса выступает и в образованиях от фамилий, склоняющихся подобно прилагательным: *Толстой – толстовский, Горький – горьковский, Буденный – буденновский*...

И здесь мы сталкиваемся с одной трудностью. Как образовать прилагательные от фамилий, уже оканчивающихся на *-ский: Маяковский, Достоевский, Островский* и т. п.? Прибавить к основе на *-ск(ий)* еще один суффикс *-ск-* или *-овск-* кажется невозможным: будет труднопроизносимо и громоздко. «Нормальных», общепризнанных прилагательных от таких фамилий в языке нет. Но потребность в них, несомненно, есть, и немалая. Как же быть?

Ответ на этот вопрос в какой-то мере дает нам практика. В газетных статьях, в публицистических и даже художественных произведениях мы нередко встречаем прилагательные от фамилий на *-ский*. В «Литературной газете» был помещен цикл статей к 70-летию со дня рождения В. В. Маяковского под общим заголовком *«Маяковское* путешествие». «Мы хотим отправиться в творческое путешествие: рассказать о жизни Владимира Маяковского», – писала газета 9 июля 1963 года, открывая этот цикл. В той же газете (5 сентября 1963) читаем: «“Я хочу, чтоб в дебатах потел Госплан, мне давая задания на год”. Это емкий, значительный и очень *“маяковский”* образ».

А вот еще несколько примеров: «Журнал сразу засветился всеми красками *"маяковской* сатиры"», его неповторимого юмора» (Катаев. Трава забвения); «Уж очень она [роль] была сравнительно с шекспировским, *достоевским, островским,* чеховским репертуаром легковесна, мелодраматична» (Шверубович. Люди театра); «В историю оперного искусства навсегда вошел образ Ленского, созданный Козловским на основе собиновских традиций, но совершенно оригинальный, своеобразный, "*козловский*"» (Кузнецова. Народный артист).

Анна Ахматова в «Поэме без героя» использует прилагательное *достоевский* как выразительный эпитет, характеризующий Петербург:

И, царицей Авдотьей заклятый,
Достоевский и бесноватый
Город в свой уходил туман.

«Маяковский», «достоевский», «островский», «козловский» употребляются в приведенных цитатах как самые настоящие прилагательные, в разных родовых и падежных формах, иногда рядом с обычными прилагательными на *-ский, -овский* от фамилий, такими, как *шекспировский, чеховский, собиновский.*

Подобные прилагательные встречаются и в разговорной речи, в просторечии. В разговоре ценителей живописи на выставке можно услышать, например, о «таком прекрасном, совсем *айвазовском»* море, а в непринужденной беседе лингвистов – о *«смирницком* термине» (А. И. Смирницкий – известный языковед). Москвичи вместо официальных названий «площадь Маяковского», «площадь Дзержинского» нередко говорят: *Маяковская, Дзержинская* (площадь). Вспомните и «романс» Присыпкина в «Клопе» Маяковского: «На *Луначарской* улице я помню старый дом...». Это вместо официального и более обычного «на улице Луначарского» (кстати, в той же сцене Присыпкин «орет»: «Извозчик, улица Луначарского, 17! С вещами!»).

От таких прилагательных все чаще образуются наречия по традиционной модели: «приставка *по-* + суффикс *-и* или *-ому»* (как в случаях *по-детски, по-пушкински, по-морскому* и т. п.): «ГЭС, *по-маяковски* ты гремишь!» (Евтушенко. Братская ГЭС); «Удивительно много сумела актриса понять и открыть в этом масштабном, *по-достоевскому* сложном и контрастном характере» (Веч. Москва).

В приведенных примерах такие прилагательные, как *маяковский,* и наречия от них выглядят довольно необычно, как не совсем

полноценные, не общепринятые, иногда – как специфически разговорные или даже просторечные, нелитературные. Не случайно во многих цитатах они поставлены в кавычки. Авторы как бы извиняются: дескать, сами понимаем, что слово не совсем обычное, но что поделаешь – иначе образовать не можем...

В некоторых случаях, однако, подобные прилагательные выступают уже как общепринятые, нормативные. Это, во-первых, в названиях городских районов: «Дзержинский район» (а отсюда и такие совершенно нормальные употребления: «Дзержинский райисполком», «Дзержинская районная контора...» и т. п.). Во-вторых, в названиях станций, главным образом станций метро (субстантивированные прилагательные): «Маяковская», «Дзержинская» (в Москве), «Чернышевская» (в Ленинграде) и т. п. Рядом с такими названиями станций, как «Фрунзенская», «Лермонтовская», «Кировская», отчетливо видно, что это именно субстантивированные (употребляющиеся как существительные) прилагательные.

Как формально-грамматически объяснить образование подобных прилагательных? Отрезок *-ск-* одновременно является в них концом производящей основы (основы фамилии) и суффиксом производного слова – прилагательного. Суффикс как бы совмещается с концом основы фамилии. Причина этого – прежде всего фонетическая. Соседство двух одинаковых сочетаний согласных *ск,* да еще после согласного (а ведь основа таких фамилий оканчивается именно сочетанием «согласный + *ск*»), в русском языке невозможно: вместо этого сложного комплекса согласных выступает более простой комплекс «согласный + одно сочетание *ск*». Сколько ни «соединяй» мысленно сочетаний *ск,* оно все равно останется одним. То же явление, кстати, характерно для образования прилагательных от названий городов на *-ск: Курск – курский, Иркутск – иркутский* и т. п. А вот если в конце основы производящего слова выступает комплекс «гласный + *ск*», то результат мысленного «упрощения» сочетания *скск* – уже другой. В этом случае не исчезает бесследно одно из сочетаний *ск,* а от первого из них остается согласный *с,* и возникает сочетание *сск: Дамаск – дамасский, этруски – этрусский, баски – баскский* (в последнем случае, правда, пишется по традиции *скск,* но произносится *сск).*

Таков скрытый «механизм» сохранения неизменной основы на *-ск* (после согласного) в производных прилагательных. Внешняя сторона этого явления для прилагательных *маяковский, дзержин-*

ский и др. весьма своеобразна: в них остается неизменной не только основа производящего слова, но и его окончания, однако вся система форм расширяется (слово начинает употребляться как прилагательное, изменяться по родам).

Результат этот противоположен тому, который мы наблюдаем при широко известной субстантивации прилагательных. Скажем, прилагательное *учительский,* субстантивируясь, дает существительное женского рода *учительская* со значением «комната для учителей». Здесь система форм производящего слова сужается: прилагательное только в единственном числе имело восемнадцать падежно-родовых форм, а в существительном от них осталось лишь шесть.

Необычность, неожиданность результата – вот, пожалуй, причина того, что прилагательные типа *маяковский* с трудом пробивают себе дорогу в литературный язык. Но они все чаще появляются на страницах печати, и не только в «извиняющихся» кавычках. Дело в том, что существование таких прилагательных находит поддержку в других фактах языка, связанных с ними иногда явно, очевидно, а иногда и скрыто, подспудно.

Прежде всего, нельзя не обратить внимания на то, что в образованиях от топонимов (названий населенных пунктов) на *-ский, -ская, -ское* подобное «превращение существительного в прилагательное» – вполне обычное, «законное» дело. Так, от топонима *Вёшенская* – прилагательное *вёшенский:* «Вёшенский район». Вместе с новыми названиями городов Белинский, Жуковский появились и прилагательные от них: *Белинский* район, *Жуковская* средняя школа. Поселок Вознесенское и станица Кущёвская являются центрами *Вознесенского* и *Кущёвского* районов и т. д. (в то же время от других топонимов, склоняющихся подобно прилагательным, но не имеющих в конце основы отрезка *-ск-,* прилагательные образуются с разными вариантами суффикса *-ск-*: *Изобильное – изобильненский, Скородное – скороднянский* и т. п.).

Не случайно областью, в которой отфамильные прилагательные типа *маяковский* в первую очередь узаконены, стали названия, близкие к топонимическим: ведь названия городских районов или станций по своей роли в языке смыкаются с топонимами.

Интересен другой факт: некоторые суффиксы существительных, выступающие, как правило, в образованиях от основ прилагательных на *-ский,* уже давно и легко включают в круг производящих слов фамилии на *-ский,* «воспринимая» их как прилагательные.

Сюда относится, например, суффикс *-ец*. В словах с этим суффиксом используются в качестве непосредственно производящих прилагательные с суффиксом *-ск-* и его вариантами, причем конец основы прилагательного *-ск-* в них не сохраняется: *Орел – орловский – орловцы, Пенза – пензенский – пензенцы, Толстой – толстовский – толстовцы, Кант – кантианский – кантианцы*. Но наряду с подобными образованиями есть и такие: *Петрашевский – петрашевцы, Комиссаржевская – комиссаржевцы* (актеры театра имени Комиссаржевской), *Дзержинский – дзержинцы* (слушатели военной академии имени Дзержинского). При образовании таких слов фамилии на *-ский, -ская* ставятся по своим структурным признакам в один ряд с прилагательными на *-ский*.

Точно так же ведут себя и суффиксы *-щин(а), -к(а)*. Ср., например: *поп – поповский – поповщина, Бирон – бироновский – бироновщина* и *Достоевский – достоевщина, Хованский – хованщина* (такими образованиями издавна называют общественные, идейные или политические течения, направления, с оттенком порицания); *Толстой – толстовский – толстовка* и *Керенский – керенка* (названия предметов, в данном случае связанные с фамилией определенного исторического лица).

Наконец, обратимся к топонимам на *-ск, -цк*. Те из них, которые в современном языке являются мотивированными (производными) названиями городов по какому-нибудь признаку, представляют собой переоформленные основы прилагательных на *-ский, -цкий*: *волжский – Волжск, донецкий – Донецк, приморский – Приморск, красноармейский – Красноармейск, советский – Советск, кировский – Кировск*. Наряду с ними употребляются названия городов, образованные от фамилий на *-ский, -цкий: Пржевальск, Дзержинск, Котовск, Володарск, Урицк* и т. п. И здесь фамилии на *-ский (-цкий)* подравниваются по своей словообразующей роли к прилагательным. Подобным же образом используются они теперь, как мы видели, и в наречиях типа *по-маяковски, по-достоевскому*.

Все эти факты говорят о том, что фамилии на *-ский* во многих отношениях уже давно ведут себя в русском словообразовании как прилагательные. Можно сказать, что, кроме своей основной роли – имен существительных собственных, они еще играют роль потенциальных прилагательных. Вот это их свойство и обнаруживается в наше время в таких оборотах, как «маяковская сатира» или «достоевский репертуар».

Чужевластье в «Горе от ума» Грибоедова

[Русская речь. 1976, № 4]

Чацкий в знаменитом монологе III акта бессмертной комедии восклицает:

> Воскреснем ли когда от чужевластья мод.
> Чтоб умный, бодрый наш народ
> Хотя по языку нас не считал за немцев!

Обращает на себя внимание своей необычностью и содержательной силой слово *чужевластье.* И не удивительно: до Грибоедова слова этого, по всей вероятности, не существовало. Обратившись к источникам наших сведений о словарном составе русского языка прошедших эпох – к старым русским словарям, к существующим историческим картотекам, собранным лингвистами-словарниками, мы не найдем ни одного примера более раннего употребления этого слова. Можно достаточно смело утверждать, что создатель его – сам Грибоедов. Из уст героя комедии как бы вырывается выразительное, емкое слово в самом потоке его страстной речи против иностранного засилья в русском быту и языке того времени. Одним этим словом выражена сама суть обличаемого общественного явления.

Такие слова, которые образуются специально для нужд определенного контекста, называются *окказиональными.* Созданные «по случаю» (отсюда и сам термин, образованный от латинского occasio «случай»), они не претендуют на то, чтобы употребляться в разных контекстах, в разных речевых ситуациях. Зато в своем контексте такие слова нередко оказываются наиболее выразительными, наиболее нужными.

Слово *чужевластье,* созданное в тексте грибоедовской комедии, так и осталось прикрепленным к этому тексту. Оно продолжает жить в составе крылатого выражения из монолога Чацкого, как и многие другие стихотворные строки комедии, по сбывшемуся предсказанию Пушкина, «вошло в пословицу». Но вне грибоедовского контекста оно не употребляется.

В Большой ленинградской словарной картотеке есть, правда, один-единственный пример употребления этого слова (кроме грибоедовского), но и он явно навеян грибоедовским контекстом. «Наша едва открытая сцена должна была пожертвовать Парижской, до медленного освобождения от сего чужевластия», – писал в своем «Обзоре русской драматической словесности», опубликованном в 1842 году в журнале «Репертуар и Пантеон», известный поэт, драматург и театральный деятель, современник Грибоедова и его соавтор по комедии «Своя семья, или Замужняя невеста» А. А. Шаховской.

Обычно окказионализмы в толковых словарях языка не приводятся. Известны, правда, случаи ошибочного включения их в Толковые словари (один из них указан М. А. Бакиной: см. статью о слове *оплечь* в поэме Блока «Двенадцать». – Русская речь. 1969, № 4). Нечто подобное произошло и со словом *чужевластье*. Оно приведено в двух толковых словарях: сначала в «Толковом словаре русского языка» под редакцией Д. Н. Ушакова (т. IV, 1940), а вслед за ним – и в самом большом, семнадцатитомном «Словаре современного русского литературного языка» (т. XVII). В обоих словарях единственный пример на употребление этого слова, естественно, цитата из комедии Грибоедова.

Если принять во внимание широкую известность, популярность выражения, в составе которого употреблено данное слово, то включение его в словари русского литературного языка можно считать в какой-то степени оправданным (оба словаря толкуют его как слово свободного общеязыкового употребления). Но никак нельзя согласиться с другим – с пометой «устарелое» – в обоих словарях. Ведь такой пометой сопровождаются слова, в прошлом бывшие широко употребительными, но впоследствии утратившие эту употребительность. Ничего подобного со словом *чужевластье,* как мы видели, не было.

Как же образовано слово *чужевластье,* по какой словообразовательной модели, по какому образцу?

Специалисты отмечают, что нередко образцом для создания нового окказионального слова служит какое-нибудь конкретное слово, уже существующее в языке. Создатель нового слова как бы отталкивается от старого, а самим строением такое новое слово напоминает свой образец. Живая перекличка со старым словом такой же словообразовательной структуры создает тот эффект новизны, который и преследуется автором нового слова.

Образцом для Грибоедова при создании слова *чужевластье* было скорее всего сложное слово *самовластье,* а возможно, и *своевластье.* Оба эти слова, близкие по значению, употреблялись в литературном языке того времени, но более употребительным было, по-видимому, слово *самовластье* (хотя слово *своевластье* впервые отмечено лишь в словаре Даля, тем не менее есть все основания утверждать, что оно существовало и раньше, как и прилагательное *своевластный).*

Одним из значений слова *самовластье* (наряду со значением «единоличная неограниченная власть, самодержавие») было «неодолимая власть, влияние чего-либо». В этом смысле его использовал, например, П. А. Вяземский в статье «О жизни и сочинениях В. А. Озерова»: «Четвертый акт есть дань вынужденная самовластию обычая, определившего трагедии пять действий» (речь идет о трагедии Озерова «Поликсена»). Слово *самовластье* в этом значении вполне могло бы быть употреблено и Грибоедовым в интересующем нас месте комедии. Однако он употребил другое, созданное по образцу этого слова, но существенно уточняющее его смысл, а если исходить из буквального содержания слов *самовластье* и *своевластье,* то и противоположное им по смыслу.

Действительно, *самовластье*, как и *своевластье*, – это буквально «своя власть, власть чего-либо своего, собственного». Заметим, что первый компонент сложных слов *само-* синонимичен компоненту *свое-.* (Ср., например, *своевольный* и *самовольный*: оба слова означают «действующий или совершающийся по своей воле, по своему желанию»). А у Чацкого – Грибоедова речь идет как раз о противоположном – о власти чужой, иноземной моды. *Свой* и *чужой* – антонимы. Вот откуда новообразование *чужевластье*! Разумеется, оно опиралось и на сложные слова с первым компонентом *чуже-*, давно уже известные русскому языку (прежде всего это имена прилагательные: *чужеземный, чужестранный, чужеродный* и т. п.).

Думается, что внутренняя перекличка нового слова *чужевластье* со старыми и общеупотребительными *самовластье* и *своевластье,* их своеобразное противопоставление были в первое время после создания комедии более ощутимыми, а впоследствии несколько стерлись.

Сделанное наблюдение над одним только словом в комедии «Горе от ума» вносит еще одну черточку в наши представления о языковом мастерстве ее автора.

Коричневый в черноту, синий в лиловость. О языке прозы Ю. Нагибина

[Русская речь. 1980, № 3]

В произведениях Юрия Нагибина – одного из интересных и самобытных по языку современных прозаиков – обращает на себя внимание широкое использование довольно редкой и оригинальной синтаксической конструкции, служащей для передачи цветовых оттенков.

Женщина обернулась. Высокая грудь..., чистый загар на лице, по уголкам *красных, в коричневу,* полных губ влажные ямки (На тихом озере); Нюшка велела ему побриться, надеть белую рубашку... и новый, *синий, в лиловость,* ватник (Браконьер);

Большое *в черноту коричневое* лицо... было значительным, как у вождя (Хождение за четыре моря); Горячий пот тек по его смуглому лицу, *загорелой, в черноту,* шее и мускулистым рукам (Молодожен); Рядом, *бледный в черноту,* извивался в железных тисках Василия ее муж (Бабье царство); На *багровом, в сизость,* мясистом лице человека тяжелый склеротический гнев истаивал в добродушно-игривое возмущение (Смерть на вокзале).

С грамматической точки зрения конструкция типа *коричневый в черноту, синий в лиловость* – адъективное словосочетание, то есть сочетание, в котором главный член – прилагательное. Конструкция состоит из качественного прилагательного и подчиненного ему существительного в винительном падеже с предлогом *в,* производного от другого качественного прилагательного. Оба члена словосочетания – слова с цветовым значением, причем прилагательное обозначает основной цветовой признак, а существительное – дополнительный, тот оттенок, к которому стремится перейти основной цвет, предел изображаемой цветовой гаммы.

Как показывают приведенные примеры, в предложении подчиненный член словосочетания нередко обособляется (на письме он в таких случаях выделяется запятыми); обособляться может и все интересующее нас словосочетание. Оно может также осложняться дополнительным подчиненным членом – предложно-падежной формой существительного с причинным значением:

Летчик Козицын... был под стать своему самолету обработан пустыней: с выгоревшими волосами..., с *коричневым, в черноту от загара* лицом (Четунов, сын Четунова); Глаза – влажные вишни, во всю щеку *малиновый, в лиловость от ветра и холодных брызг* крепкий румянец (На кордоне).

Такие словосочетания представляют собой достаточно емкую конструкцию, способную передавать очень тонкие цветовые оттенки. В частности, она может включать слова, выражающие словообразовательными средствами высокую или, напротив, слабую степень проявления цветового признака, например: не *коричневый,* а *темно-коричневый;* не *красный,* а *красноватый;* не *розовость,* а *розоватость;* не *рыжизна* или *рыжина,* а *рыжинка:*

Зерна какао обволакивает млечная сырость...; *темно-коричневое в бордовость* ядрышко защищено белым влажным чехольчиком (Из нигерийской тетради); Несколько *красноватых, в лиловость,* плодов промахивают мимо корзины и дробно обстукивают землю (Хождение за четыре моря); От него [солнца] на каменные плиты дороги, на арку, на руины лег *теплый, в розоватость, желтый* свет, и все вокруг обманчиво ожило (На земле Марокко); И все-таки он [постоялец] волосом темен, а все рыбаки *белокуры в рыжинку,* лицом смугло бледен, а рыбаки красны, как медь (На тихом озере).

Прилагательное в составе словосочетания может обозначать только степень проявления признака, сам же цветовой признак выражается при этом словами, синтаксически связанными с данным словосочетанием: «И вот оно – поляна и кусты..., и белые как кипень овцы, пастушка, рдеющая *густым, в лиловость,* румянцем» (Лето моего детства). Здесь основной цветовой признак выражен словами: *рдеющая румянцем.*

Конструкция типа *коричневый в черноту* – новое явление в современной русской художественной речи. У писателей прошлого она не встречается; ее нет в Картотеке словарного сектора (Ленинград), фиксирующей множество примеров употребления писателями-классиками слов с цветовым значением. Мы не находим ее ни в существующих описаниях системы словосочетаний современного русского языка (в том числе в описательных грамматиках), ни в словарных разработках синтаксических функций предлога *в.* Мы далеки от мысли приписывать «изобретение» интересующей нас конструкции Ю. Нагибину. По-видимому, той языковой сферой, в которой она возникла и где писатель ее «подслушал», была разговорная речь.

Здесь хоть и редко, а конструкция эта встречается. Нам удалось услышать ее однажды в речи пожилой женщины, побывавшей в магазине: «Видела два материала хороших на пальто. Один черный-черный. А другой – не такой *черный, в сероту*».

Однако Ю. Нагибину, несомненно, принадлежит заслуга широкого внедрения этой конструкции в современную художественную речь, где она до сих пор появляется очень редко. Приведем два примера – один из художественной прозы, а второй из мемуаристики: «Шахов захохотал, подмигивая. *Красные в синеву* щечки... тряслись, глаза смотрели вроде пьяно, но одновременно как-то цепко, внимательно» (Трифонов. Долгое прощание); «На старинном диванчике... расположилась красивая старая женщина в белой кофте, с *седыми, в голубизну,* слегка подвитыми волосами» (Лакшин. Эскизы к трем портретам. Ольга Леонардовна).

Интересно поискать в истории русского языка предшественников этой конструкции.

В русском языке издавна существовали определенные способы передачи цветовых оттенков, причем эти способы исторически изменялись. Обратившись к материалу, приведенному в книге Н. Б. Бахилиной[1], мы увидим, что еще в XVI–XVII веках бытовала, например, конструкция с предлогом *в* и предложным падежом прилагательного, обозначающим дополнительный цветовой оттенок: Кобыла *в рыже пега* (Астраханские акты); Очи *серы в каре,* то есть «глаза серые с карим» (Новгородские кабальные книги). Близка к ней конструкция с предлогами *в* и *на* и предложным падежом «цветового» существительного: Лицом *на бели румяна;* Круглолица, *в бели румяна,* буквально «в белизне румяная», *бель* – «белизна» (примеры из Новгородских кабальных книг, начало XVII в.). Любопытно, что ближе других к интересующей нас современной конструкции оборот с предлогом *на* и винительным падежом существительного, употребленный в весьма отдаленном от нас по времени древнем переводном памятнике «Хроника Иоанна Малалы» (список XV в.): [Елена] *русовласа на желть,* буквально «русоволосая на желтизну».

Все эти конструкции в современном русском языке не сохранились. Зато широко употребительны такие восходящие к древности языковые средства, как составные прилагательные *(желто-серый, красновато-черный),* сочетания с предлогом *с* и творительным падежом *(голубой с лиловым, зеленый с желтизной, серый с просинью),* конструкция с наречиями типа *изжелта* (первоначально –

сочетаниями предлога *из* с родительным падежом прилагательного): *изжелта-бурый, исчерна-лиловый, иссиня-черный.*

Из преобладающих в современном словоупотреблении сочетаний, обозначающих переходы цвета, наиболее близки к конструкции типа *коричневый в черноту* словосочетания с предлогом *до* и существительным в родительном падеже: «Это одна бесконечная шпалера зелени – на бананах нежной, *яркой до желтизны,* на пальмах темной и жесткой» (Гончаров. Фрегат «Паллада»); «Был он по пояс мокрый, *бледен до синевы,* но улыбался» (Горький. Детство); «Руки, обнаженные до локтя, *смуглые до черноты,* были крупные, красивые» (Фадеев. Молодая гвардия);

Там конь, не вскинув головы,
Стоял, как на мели.
И был он *бел до синевы*
И слеп, хоть глаз коли.
Твардовский. Страна Муравия

Какие же были основания для появления в русском литературном языке нашего времени конкурирующей конструкции с предлогом *в* и винительным падежом существительного? Каковы ее структурные внутриязыковые корни и ближайшие связи?

В какой-то степени *коричневый в черноту* можно сопоставить с *красное в клеточку* (платье), *синий в полоску* (костюм), *желтый в крапинку.* В словосочетаниях типа *красный в клеточку* форма винительного падежа с предлогом *в* тоже служит для обозначения дополнительного внешнего признака; однако они не передают оттенка перехода одного признака в другой. Кроме того, такой винительный падеж с предлогом *в* может употребляться не только в адъективных, но и в субстантивных словосочетаниях, в которых главное слово существительное со значением конкретного предмета: *тетрадь в линейку, ткань в полоску, бумага в клетку, платье в горошек,* что нехарактерно для форм типа *в черноту, в синеву.*

Непосредственным источником формирования конструкции типа *коричневый в черноту* стали глагольные словосочетания, где винительный «цветового» существительного с предлогом *в* подчинен глаголу со значением изменения (перехода) признака, и производные от них словосочетания с отглагольным существительным на месте глагола: «У Валентины Михайловны матовый цвет лица, рук и плечей составлял одну из ее прелестей...; у ее брата он *пере-*

ходил в ту черноту, которую вежливые люди величают бронзой» (Тургенев. Новь); «А когда закат погаснет, подернется слабой желтизной, *переходящей в зелень, в лиловость,* – черными тогда кажутся на его фоне деревья» (Ю. Казаков. Оленьи рога); «На левой части триптиха лиловатыми отсветами, *отдающими то в голубизну, то в синеву,* мягко очерчены холмистые дали окоема» (Дурылин. Нестеров); «[Перчатки], пожалуй, были белые, но белизной какой-то подозрительной, с *переливом в желтизну* разных оттенков» (Вересаев. В юные годы);

Та собака давно околела,
Но в ту ж масть, что с *отливом в синь,*
С лаем ливисто ошалелым
Меня встрел молодой ее сын.
Есенин. Сукин сын

Переходной же конструкцией (промежуточной между глагольной и адъективной интересующего нас типа) можно считать ту, в которой главным словом является причастие (такое причастие обозначает признак предмета как результат действия, названного соответствующим глаголом). Эта конструкция иногда встречается тоже у Ю. Нагибина: «Я заставал на лугу... Галю с *выгоревшими в седину* волосами и мальчишескими ключицами» (Лето моего детства); «Самого Дедка видно не было, торчал лишь *седой, в желтизну обкуренный* клинышек бороды» (Молодожен).

Но есть у нашей конструкции и еще один совершенно конкретный источник – наречия типа *впро́желть, впро́зелень, впро́синь, впро́чернь*; они достаточно древни и хорошо известны народным говорам. Кроме названных четырех слов, зафиксированных в 17-томном академическом Словаре, В. И. Даль приводит в Толковом словаре наречия *впробель, впросизь* и *впроседь;* известно и сходное наречное образование *впразелень.* Значение таких наречий – «с оттенком, с примесью того цвета, который назван соответствующим прилагательным». Употребляются они главным образом в глагольных и субстантивных словосочетаниях. 17-томный Словарь приводит глагольное словосочетание *выкрасить что впрожелть,* а Даль – «Мельник *впробель ходит».* Приведем примеры субстантивных сочетаний: «На крыльце домика сидел тучный, крупный человек, с густыми *волосами впроседь»* (Лесков. Смех и

горе); «У дьячковой дочери я посмотрел: что ж это за *платьице* такое... антик! Эдакое *в празелень»* (Эртель. Гарденины).

Однако примечательно, что уже у Ломоносова мы находим употребление такого наречия в составе адъективного словосочетания с главенствующим цветовым прилагательным, и именно со значением перехода цветового признака: «Магнезия цветом *черна впросинь* и имеет железа в себе весьма малое число» (Первые основания металлургии или рудных дел).

Такие слова, как *впросинь,* входят в ряд наречий с двойной приставкой *впро-,* образуемых от разных частей речи (не только от прилагательных) и имеющих смягчительное значение (неполное проявление признака, названного производящим словом). В Толковом словаре В. И. Даля немало подобных наречий, большинство из них – диалектные: *впроредь* (редковато), *впроголодь* (не наедаясь досыта), *впрохолодь* (прохладновато), *впромесь* (с примесью чего), *впрохмель* (вполпьяна) и даже *впроцветь* (с отливом или оттенком в другой цвет), особенно близкое к нашей теме. Среди них есть такие, рядом с которыми имеются в языке существительные с приставкой *про-.* Эти наречия могут восприниматься как состоящие из предлога *в* и формы винительного падежа существительного. К ним относятся и слова *впроседь, впрожелть, впрозелень, впросинь:* в русском языке издавна выступают как самостоятельные слова существительные *проседь, прожелть, просинь, прозелень* и *празелень,* обозначающие слабую степень проявления признака. Все же формы типа *впроседь, впросинь* до сих пор рассматривались в словарях как наречия, и с этим согласуется их слитное написание.

Активизация в языке наших дней словосочетаний типа *коричневый в черноту* создает благоприятный фон для превращения наречий типа *впроседь, впросинь* в составе этой конструкции в предложно-падежные сочетания. У Ю. Нагибина существительные *проседь, просинь,* окказиональное того же типа *проголубь* (от *голубой)* включаются в рассматриваемую конструкцию на равных правах с существительными *чернота, лиловость, розоватость.* При этом встречаются слитные написания сочетаний «в + существительное с приставкой *про-»,* свидетельствующие об их наречном «прошлом», но чаще – написания раздельные:

Там плотно, крепко круглились *сероватые в просинь и розоватость* лобастые булыжники, а дальше шоссе терялось в густой поросли сорняков (Лето моего детства); Тут на черное крыльцо

вышла жена Владислава, Олеся, худая, как рыбья кость..., с *желтым, в просинь,* лицом (На тихом озере); Рядом с чучелом красноголового нырка сидел другой обладатель ярко-алой головы и такой же шеи, черного зоба, *серых, впроголубь,* крыльев (Когда утки в поре); Солдат отпустил девочку. Лицо его, *белое в проголубь,* как часто бывает у медно-рыжих, пошло клюквенным румянцем (Бабье царство); За ними широко шагал деревенский староста Большов, кряжистый мужик с *рыжей в проседь* бородой (там же).

Передача цветовых оттенков во всем их многообразии – одна из самых интересных и сложных задач художественной речи. С. Надсон в известном стихотворении, содержащем крылатую фразу «Нет на свете мук сильнее муки слова», перечисляя то, что особенно трудно передать словами, недаром упомянул на первом месте «радугу цветов, разлитую в природе».

В распоряжении мастеров русского слова немало языковых средств передачи оттенков, переливов, сочетаний цвета[2]. И тем не менее, привлечение писателями новых, свежих, нетрадиционных средств «цветописи» вполне закономерно. Среди этих средств – конструкция типа *коричневый в черноту.*

Впрочем, истинные возможности этой конструкции шире: она может выражать различные по своему проявлению, не только цветовые, «подвижные» признаки. Не случайно именно у Ю. Нагибина, писателя, впервые широко испытавшего ее в своей творческой «лаборатории», мы встречаем попытки использовать ее вне сферы цветообозначений: «Старик рассмеялся *долгим-долгим, в слезу,* смешком» (В распутицу).

Рассмотренная конструкция – хороший пример того, как поиски свежих, нешаблонных выразительных средств приводят к обогащению палитры художников слова новыми языковыми (в данном случае грамматическими) образцами, прежде лишь подспудно дремавшими в «запасниках» языка.

Примечания

[1] См.: *Бахилина Н. Б.* История цветообозначений в русском языке. М., 1975.

[2] Не останавливаясь на них специально, сошлемся для примера на две опубликованные в «Русской речи» статьи: *И. С. Куликова.* Две цветовые картины мира (1971, № 3); *В. П. Ковалев.* Бунинские «рисунки пером» (1972, № 3).

МОРФЕМИКА И МОРФОНОЛОГИЯ

К соотношению морфемного и словообразовательного анализа

[В сб.: Актуальные проблемы русского словообразования. I. Самарканд, 1972]

Хотя констатация принципиального различия двух видов анализа слова – морфемного (или морфологического) и словообразовательного анализа – стала в течение последних полутора десятилетий общим местом работ отечественных лингвистов по словообразованию и морфемике, все же вопрос о соотношении морфемного и словообразовательного анализа продолжает оставаться не вполне ясным. Если не подлежит сомнению, что сущностью, зерном словообразовательного анализа является установление отношений мотивированности (производности, выводимости) в ряду однокоренных слов, то место морфемного анализа по отношению к словообразовательному и задачи морфемного анализа остаются спорными вопросами.

Господствующей и даже, можно сказать, традиционной стала у нас точка зрения на морфемный и словообразовательный анализы как на сферы изучения структуры слова, либо совершенно независимые друг от друга и могущие в силу различия своих задач осуществляться параллельно[1], либо даже находящиеся в таком отношении зависимости, при котором словообразовательный анализ занимается упорядочением фактов, полученных в результате морфемного анализа[2]. Показательно в этом отношении высказывание Н. А. Янко-Триницкой: «Анализу морфологической выводимости непременно должен предшествовать анализ членимости слова на морфемы»[3].

Представляется, однако, что работы последних лет, посвященные вопросам словообразования и членимости слова, объективно, всем своим содержанием, заставляют решительно пересмотреть эту традиционную точку зрения.

Речь идет прежде всего о работах, связанных с проблемами интерфиксации и усечения основ при словообразовании[4]. Из этих работ со всей очевидностью следует, что далеко не все вычленяемые в структуре слова отрезки являются морфемами (точнее, мор-

фами, поскольку речь идет прежде всего о линейном членении словоформ). Так, в основах мотивированных прилагательных (*Орел – орловский, Америка – американский, схема – схематический* и т. п.) вычленяются отрезки *-ов, -ан-, -ат'-, -ич-*. В результате словообразовательного анализа таких прилагательных, т. е. сопоставления их с мотивирующими существительными, а также с такими прилагательными, как *киевский* или *университетский* (где подобных отрезков, предшествующих суффиксальному морфу *-ск-*, нет), мы делаем вывод, что отрезки *-ов-, -ан-* и т. п. не являются носителями какого-либо словообразовательного значения. Независимо от того, какой статус мы затем придаем подобным отрезкам – признаем ли их внеморфными «прокладками» (интерфиксами), служащими лишь для соединения определенных морфов, или считаем их частью более длинного морфа (то и другое решение, по-видимому, оправдано, каждое со своей точки зрения) – мы не можем признать эти отрезки самостоятельными морфами.

То же относится и к отсекаемым финальным отрезкам основ мотивирующих слов, например, к отрезкам *-н-* в слове *банальный* или *-к-/-ок-* в слове *скрипка.* Только установив мотивационные отношения в паре слов *банальный – банальщина* или *скрипка - скрипач* (с одинаковым количеством вычленяемых в основах отрезков) и поставив эти слова в соответствующий словообразовательный ряд, мы можем установить суффиксальный (и, следовательно, морфемный) статус отрезков *-щин-* , *-ач-* в *банальщина* и *скрипач* и несуффиксальный, неморфемный – отрезков *-н-, -к-/-ок-* в *банальный, скрипка* (оба слова – немотивированные).

Значит, прежде чем заниматься изучением морфем как таковых, нужно сначала установить их морфемный статус, а это можно сделать лишь путем собственно словообразовательного анализа.

Другой цикл работ, имеющий непосредственное отношение к проблеме роли и места морфемного анализа в изучении структуры слова, – это работы, посвященные установлению степеней членимости слова[5]. Одной из важнейших задач этих работ является выделение группы отрезков слова, морфемный статус которых в той или иной степени дефектен (в силу уникальности этих отрезков, их связанности, отсутствия в языке мотивирующего слова и т. д.)[6]. И в этой сфере исследований выяснение морфемной сущности того или иного отрезка основы невозможно без установления словообразовательных отношений, в которые данное слово вступает.

«Вопросами... о том, как взаимодействуют морфемы в составе основы независимо от словообразования, видимо, пока наука не интересовалась. В русской науке работ такой ориентации нет, – констатирует Б. Н. Головин. – Да и есть ли взаимодействие между морфемами, не зависящее от словообразовательных процессов и отношений основ?»[7]. Отвечая на этот вопрос (применительно к словообразовательным морфемам) отрицательно, необходимо все же подчеркнуть, что это не означает отрицания собственно морфемного анализа с его специфической проблематикой.

Думается, что подлинный морфемный анализ – анализ отдельного слова, группы сходных по структуре или по какому-либо грамматическому признаку слов, наконец, морфемный анализ языка в целом – начинается тогда, когда уже установлен (путем последовательно примененного словообразовательного анализа) состав морфем, когда точно установлено значение (в том числе словообразовательное) каждой морфемы и структурная функция каждого вычленяемого в слове отрезка. Морфемный анализ имеет дело с результатами такого исследования, и в этом смысле он вторичен от анализа словообразовательного. Если же ему вменять в обязанность выделение морфем в словах, т. е. само установление морфемного статуса вычленяемых отрезков, то, действительно, пропадает весь смысл существования морфемного анализа как особой, относительно самостоятельной дисциплины, поскольку в этом случае он сливается в своем предмете и целях со словообразовательным анализом (или, словоизменительным, если речь идет о словоизменительных морфемах). Ведь простое сопоставление вычленяющихся в слове отрезков, несущих какой-либо смысл, без применения словообразовательного анализа (а значит, без учета их словообразовательного значения), может дать лишь приблизительное, недостаточно определенное и тем самым – неполное представление о значении этих отрезков.

К морфемному анализу в предлагаемом здесь его понимании относится такая проблематика, как построение структурных моделей слов и изучение «внутреннего синтаксиса слова» – дистрибуции морфов, их валентностных свойств, ограничений их сочетаемости (как морфонологических, так и семантических). Проблемы эти изучались в ряде последних работ. Так, работы Т. Ф. Ефремовой[8] содержат детальный анализ морфов русского языка с точки зрения количества аффиксальных последовательностей, «моделей морф-

ного строения основы слова» и самих слов, в составе которых они функционируют в современном русском языке. Несмотря на недостаточное в целом внимание автора к принципам словообразовательного анализа (определяющим круг анализируемых морфов!), работы эти дают полезные сведения об употребительности различных морфов (корневых и аффиксальных), об ограничениях в порядке их следования в словах и др. Сведения такого рода могут использоваться при составлении словаря морфем.

В сущности, к задачам морфемного анализа относится и установление «структурных форм слов» в понимании К. А. Тимофеева[9], противопоставляемое автором словообразованию в ином плане – как синхроническое описание структуры слова диахроническому. Например, структурная форма слова *передвижка: пере- – -к-а.*

По-видимому, описание «моделей морфного строения основ», или «структурных форм слов», является и одной из задач описательных грамматик в той их части, которая касается морфемики. Сюда относится описание как структурных схем-словоформ типа «префикс + корень + суффикс», «префикс + префикс + корень» и т. п.[10], так и конкретных суффиксальных наполнений этих схем. При этом могут быть обнаружены закономерности, связанные с взаимодействием аффиксов, не являющихся соседними в слове (не говоря уже о взаимодействии соседних морфов), и оказывающие существенное влияние на словообразовательные потенции тех или иных аффиксов. Приведу в заключение один характерный пример.

Известно мнение о большой, практически неограниченной свободе образования префиксально-суффиксальных прилагательных с префиксом *без-* от основ имен существительных[11]. Однако при этом, как мне кажется, не учитывается одно существенное ограничение в образовании таких прилагательных – неспособность префикса *без-* сочетаться в единой основе с суффиксом *-ск-* (разными его морфами)[12]. Это свойство префикса *без-* оказывается прежде всего тормозом в образовании таких прилагательных от существительных со значением лица (поскольку личные существительные обычно образуют относительные прилагательные именно с суффиксом *-ск-*, а многочисленные в этой группе основы существительных на *-ист, -тель* вообще не сочетаются с другими суффиксами относительных и качественных прилагательных, кроме суффикса *-ск-*).

Налицо своеобразный парадокс: хотя префикс *без-* в префиксально-суффиксальных прилагательных более регулярен в смыс-

ле сочетаемости с определенными суффиксами в единой основе (набор этих суффиксов меньше), но это его свойство до известной степени препятствует свободной сочетаемости с основами существительных (хотя потребность образования подобных прилагательных от существительных со значением лица, безусловно, есть). Поэтому подобные прилагательные с префиксом *без-*, если и образуются, то остаются, как правило, окказиональными или во всяком случае разговорными. Не случайно, например, слово *бескондукторный* (о транспорте) остается разговорным, неофициальным наименованием (для официальной речи характерно сочетание «троллейбус и т. п. *без кондуктора*»), хотя обычно общепринятой номинацией является как раз обозначение с помощью прилагательного, а не сочетания «предлог *без* + род.падеж» . Кажется, единственное из новых прилагательных этого типа, мотивированных словом со значением лица, но ставшее термином, – *беспилотный.*

Примечания

[1] Впервые с достаточной полнотой и аргументированностью эта точка зрения изложена в работах Н. Д. Арутюновой (см., напр.: *Арутюнова Н. Д.* Очерки по словообразованию в современном испанском языке. М.,1961. С. 10–15, 48–49).

[2] Такой взгляд содержится, в частности, и в статье В. В. Лопатина и И. С. Улуханова «О некоторых принципах морфемного анализа слов» (Известия АН СССР. ОЛЯ. 1963, № 3. С. 190–191).

[3] *Янко-Триницкая Н. А.* Членимость основы русского слова // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1968, № 6. С. 533.

[4] См. в особенности работы *Земской Е. А.*: Интерфиксация в современном русском словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964; Понятия производности, оформленности и членимости основ // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966.

[5] См.: Русский язык и советское общество. Словообразование современного русского литературного языка. М., 1968. С. 214 и след.; *Янко-Триницкая Н. А.* Указ. соч.

[6] См. также: *Кубрякова Е. С.* О типах морфологической членимости слов, квази-морфах и маркерах // Вопр. языкознания. 1970, № 2.

[7] *Головин Б. Н.* Замечания к теории словообразования // Уч. зап. Горьковского ун-та. Вып. 78. 1967. С. 22.

[8] См., напр.: *Ефремова Т. Ф.* Из наблюдений над структурой современного русского языка на уровне морфов // Семантические и фонологические проблемы прикладной лингвистики. М., 1968.

[9] См., напр.: *Тимофеев К. А.* О некоторых вопросах словообразования (из лекций по современному русскому языку). Новосибирск, 1966. С. 6–7.

[10] Опыт такого описания предложен М. В. Пановым в работе «Русский язык» (см.: Языки народов СССР. Т. 1. Индоевропейские языки. М., 1966. С. 69–70).

[11] По мысли авторов книги «Русский язык и советское общество. Словообразование...» (см. с.159), такие прилагательные, в силу стандартности своего значения и свободы образования, наиболее близки к включению в парадигму производящего существительного.

[12] Другие префиксы прилагательных не имеют такого ограничения: ср. *межсоюзнический, антиобывательский, докапиталистический* и т. п.

[13] См. об этом: «Русский язык и советское общество. Словообразование...», с.156.

О двух этапах морфемного членения слова

[В сб.: Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975]

Занимаясь морфемным членением слова, необходимо иметь в виду, что подлинное членение на морфемы отдельных словообразовательно мотивированных слов можно установить, лишь опираясь на всю совокупность образований, принадлежащих к определенному словообразовательному типу. Ограничившись конкретной парой слов, связанных отношениями словообразовательной мотивации (производности), и даже установив направление мотивационных отношений в этой паре, мы можем, тем не менее, на этом этапе произвести лишь предварительное, первоначальное морфемное членение мотивированного слова. Окончательное установление его морфемного состава связано со следующим этапом словообразовательного анализа – с объединением мотивированных слов в словообразовательные типы и с комплексным анализом (формальным и семантическим) образований определенного типа, а иногда и ряда типов[1].

Проиллюстрируем эту мысль на нескольких примерах.

Пример первый. В парах *художник – художница, озорник – озорница, хищник – хищница, дружинник – дружинница, второгодник – второгодница* и т. п. вторые члены являются словообразовательно мотивированными[2]. Попробуем установить в них словообразовательный суффикс, не выходя за пределы отношений слов на *-ник* и *-ница.* В этом случае мы должны будем признать суффиксом только отрезок *-ц(а)* (ведь предшествующие *-ц* фонемы имеются уже в мотивирующем слове), а может быть, и подумать о том, не нулевой ли здесь суффикс при чередовании *к – ц.* Не даст возможностей для иных решений и привлечение образований того же словообразовательного значения, мотивированных существительными на *-щик/-чик* (*помещик – помещица, крановщик – крановщица, закройщик – закройщица, буфетчик – буфетчица* и т. п.) или другими словами на *-ик* (*карлик – карлица*).

Подобные решения, однако, будут отброшены, если мы привлечем ряды сходных по структуре образований, мотивированных

словами на *-ец* (*жнец – жница, истец – истица, страдалец – страдалица, ленивец – ленивица* и т. п.) и существительными с неотсекаемыми финалями основы (*мастер – мастерица, царь – царица*)[3]. Эти ряды образований наглядно показывают, что словообразовательное значение «женскости» во всех словах рассматриваемого типа несет отрезок *-иц(а)*, который и является единым, общим для них формантом. Значит, и в случаях *художник – художница, закройщик – закройщица* и т. п. мы имеем дело с отсечением финали *-ик* основы мотивирующего слова и прибавлением суффикса *-иц(а)*.

Предложенное решение лучше, чем другое (более традиционное), при котором в словах *художница, дружинница* и т. п. выделяется суффикс *-ниц(а)*, в словах *крановщица, буфетчица* и т. п. – суффикс *-щиц(а)/-чиц(а)*, а в словах *мастерица, ленивица, карлица* и т. п. – суффикс *-иц(а)*, и, таким образом, один суффикс подменяется тремя. Хотя такое морфемное членение тоже является результатом объединения сходных по структуре слов, имеющих одинаковое словообразовательное значение, но сама процедура этого объединения не доведена в нем, как нам представляется, до логического конца[4].

Пример второй. В парах *физика – физик, ботаника – ботаник, политика – политик, мистика – мистик* и т. п. вторые члены, обозначающие лицо по отношению к отрасли науки или техники, роду занятий, направлению мыслей, болезни, являются мотивированными. Исходя только из этого ряда образований, мы можем констатировать здесь нулевой суффикс или, в другой интерпретации, конверсию[5]. Рядом с ними, однако, имеются образования того же словообразовательного значения: а) *химия – химик, история – историк, гипертония – гипертоник;* б) *цинизм – циник, фанатизм – фанатик, ревматизм – ревматик;* в) *сатира – сатирик, подагра – подагрик, склероз – склеротик, скепсис – скептик, трагедия – трагик* и др.[6]. Если слова групп а) и б) позволяют выделить в словах данного типа суффикс *-к*, то слова группы в) дают уже возможность для выделения суффикса *-ик*. Поэтому и в словах *физик, политик* и т. п. есть все основания выделять суффикс *-ик*. Что же касается морфонологической интерпретации этих образований, то в них естественно видеть отсечение финали *-ик(а)* основы мотивирующего слова[7]. Не исключена, впрочем, и другая интерпретация – наложение суффиксального морфа *-ик* на финаль основы мотивирующего слова: *физик*[8].

Пример третий. Вопрос, который, в отличие от предыдущего, достаточно сложного и спорного, может показаться несколько неожиданным и даже праздным, но в затрагиваемом здесь аспекте вполне уместен: почему бы не выделять в случаях *фашизм – фашист, оппортунизм – оппортунист* и т. п. суффикс *-ст* (а не *-ист*) или даже нулевой суффикс при чередовании *зм – ст* (подобное чередование бесспорно для таких случаев, как *сарказм – саркастический, афоризм – афористический* и нек. др.[9])? Несомненно, что суффикс *-ист* выделяется во всех образованиях указанного типа прежде всего на основе своей явной вычленяемости в таких многочисленных случаях, как *пропаганда – пропагандист, скандал – скандалист, массаж – массажист.* Подобные образования и показывают, в первую очередь, что словообразовательное значение лица, названного по принадлежности к направлению, сфере занятий, склонности и т. п., связано в таких существительных с отрезком *-ист,* который выступает в них в качестве единого словообразовательного суффикса.

Пример четвертый. Чисто линейное членение мотивированных глаголами суффиксальных существительных типа *резак, черпак, лежак* или типа *гуляка, зевака, писака* позволяет как будто выделять в них по соотносительности с мотивирующими глаголами (*резать, черпать, гулять, зевать* и т. п.) лишь суффиксы *-к* и *-к(а)* (ср. хотя бы существительные типа *читатель, служитель*, где сохраняется конечная гласная инфинитивной глагольной основы перед суффиксом *-тель*). Однако наличие таких образований, как *водить – вожак* или *служить – -служака, воевать – вояка*, заставляет, как нам кажется, пересмотреть это решение и выделять во всех отглагольных существительных данных типов суффикс *-ак* и *-ак(а)* (при отсечении конечной гласной инфинитивной основы глагола). Аналогичный анализ приводит нас к выделению суффиксов *-арь* и *-аль*, а не *-рь*[10] и *-ль*, в отглагольных существительных типа *писарь, пахарь* (ср. *печь, пеку – пекарь, звонить – звонарь, лечить – лекарь*) и типа *каталь, строгаль* (ср. *стричь, стригу – стригаль*)[11].

Представляется, что говорить в подобных случаях о наложении морфов как об одной из возможных морфонологических интерпретаций нецелесообразно. Усечение основ пронизывает все отглагольное суффиксальное словообразование, выступает в нем как центральное морфонологическое явление. Все суффиксальные морфы отглагольных образований четко подразделяются на

«усекающие» и «неусекающие». Очевидно, что упомянутые здесь суффиксальные морфы относятся к группе «усекающих».

Пример пятый. В образованиях типа *навигация – навигатор, ирригация – ирригатор, ингаляция – ингалятор* иногда выделяют суффикс *-ор* (при чередовании *ц – т*), а не *-атор*[12]. При таком подходе не учитываются следующие обстоятельства. Во-первых, для большинства существительных на *-атор* с таким же словообразовательным значением («лицо – производитель действия или предмет, предназначенный для осуществления действия») характерна одновременная мотивация и глаголом на *-овать, -ировать,* и существительным на *-ация* (ср., например: *организовать – организация* и *организатор, публиковать – публикация* и *публикатор, стабилизировать – стабилизация* и *стабилизатор*), причем это соотношение регулярно и продуктивно. Во-вторых, имеется целый ряд существительных на *-атор* такого же значения, мотивированных глаголами при отсутствии соотносительных существительных на *-ация* (*арендовать – арендатор, экзаменовать – экзаменатор, комментировать – комментатор, резонировать – резонатор* и т. п.).

Если бы в языке не было последней группы образований, мы вправе были бы рассматривать все существительные на *-атор* данного словообразовательного значения как проходящие в своей «деривационной истории» стадию существительных на *-ация,* обозначающих действие, и непосредственно мотивированные только ими (при отсечении финали основы *-ij-* и чередовании *ц – т*)[13]. Но последняя группа слов (не имеющих соотносительных существительных на *-ация*) требует выделения суффиксального морфа *-атор* во всех существительных на *-атор* данного значения, часть которых мотивирована только глаголами на *-овать, -ировать,* часть – только существительными на *-ация,* подавляющая же часть – и теми и другими[14].

Этот пример показывает, что в ряде случаев при выделении суффиксальных словообразовательных морфов в мотивированных словах необходимо учитывать не только всю совокупность образований одного словообразовательного типа, но и совокупность образований связанных с ним типов, тождественных или сходных по структуре форманта, иными словами – всю совокупность словообразовательных отношений, в которые входят образования с подозреваемым в них тождественным формантом (в данном слу-

чае речь идет о взаимодействующих, пересекающихся в словообразовательной системе типах отыменных и отглагольных существительных с суффиксом *-атор*).

Пример шестой. На привлечении широкого материала ряда словообразовательных типов основано в большинстве случаев применение понятия наложения морфов[15]. Естественно, что в зависимости от того, усматриваем ли мы наложение морфов в образованиях определенного типа или нет, существенно меняется их членение на морфы.

В таких мотивированных прилагательных, как *лиловатый, оранжеватый,* выделяется суффикс *-оват-* и корень, оканчивающийся на *-ов-*(*-ев-*), хотя чисто линейное членение этих прилагательных, основанное только на сопоставлении с соответствующими мотивирующими прилагательными, может привести к выделению суффикса *-ат-* (ведь отрезок *-ов-* относится в них к мотивирующей основе). Аналогичным образом в глаголах *чествовать, властвовать* и т. п., мотивированных существительными (*честь, власть*), правильным является выделение суффикса *-ствова*(*ть*), а не *-вова*(*ть*)[16], хотя отрезок *-ст-*, казалось бы, относится к мотивирующей основе.

В первом случае выделение суффикса *-оват-*, а не *-ат-* определяется тем фактом, что в словообразовательной системе прилагательных значение слабой степени признака, присущее и таким словам, как *лиловатый, оранжеватый* (ср. *красноватый, рыжеватый* и т. п.), выражается продуктивным суффиксом *-оват-*, а не *-ат-*; последний же, хотя и выделяется в ряде мотивированных прилагательных, несет совсем иное словообразовательное значение (ср. *борода – бородатый, рога – рогатый* и т. п.). Во втором случае выделение суффикса *-ствова*(*ть*) определяется сопоставлением с такими образованиями, как *злоба – злобствовать, мудрый – мудрствовать* и т. п., где выделяется продуктивный суффикс отыменных глаголов *-ствова*(*ть*); суффикс же *-вова*(*ть*) вообще оказывается мнимым, не существующим в языке (в других глаголах, кроме *чествовать* и т. п., его выделить невозможно). В обоих случаях единственно правильное решение, отвечающее системным закономерностям, – это признание наложения морфов – суффиксального и предшествующего ему корневого.

Зато признание наложения морфов в таких, например, образованиях, как *щетина – щетинка* или *смородина – смородинка,* где можно было бы выделить суффикс *-инк*(*а*) со значением единич-

ности (одной частицы от однородной совокупности предметов), представляется излишним, поскольку то же словообразовательное значение единичности выражается у имен существительных и суффиксом *-к(а)*: ср. *чешуя – чешуйка, земляника – земляничка* и т. п.

* * *

«Задачи» разной степени сложности, подобные приведенным, требующие привлечения широкого материала взаимодействующих в словообразовательной системе типов и подтипов, приходится решать достаточно часто при установлении инвентаря словообразовательных формантов. Следует, однако, иметь в виду то обстоятельство, что решающую роль при определении границ того или иного словообразовательного морфа может играть лишь сопоставление с продуктивными или, во всяком случае, достаточно частотными типами и подтипами мотивированных слов. Так, наличие образований *энтузиазм – энтузиаст* и *диагноз – диагност* не может поколебать нашего решения относительно выделения в мотивированных словах на *-ист* суффикса *-ист* (см. выше, пример третий) и заставить выделять в них суффикс *-ст*, поскольку образования эти единичны.

Точно так же наличие у подавляющего большинства мотивированных существительных на *-ание* (*наказать – наказание, раздувать – раздувание* и т. п.) мотивирующих глаголов на *-ать* не позволяет принять для этих существительных решение, аналогичное тому, которое принято для отглагольных существительных на *-ак, -ака, -арь* (см. выше, пример четвертый), т. е. выделять в них суффиксальный морф *-анij-*. Этот продуктивный подтип nomina actionis характеризуется суффиксальным морфом *-нij-*, хотя в языке и есть несколько изолированных существительных того же типа с морфом *-анij-*, главным образом архаичных (*давать – даю – дание, преуспеть – преуспею – преуспеяние, тщиться – тщание*, ср. также *окончить – окончание*)[17].

* * *

Итак, системный подход к словообразовательно мотивированным словам, одним из основных требований которого является рассмотрение слова на фоне всех слов определенного словообразовательного типа и ряда взаимодействующих типов, корректирует первоначальное морфемное членение мотивированного слова, основанное лишь на линейном сопоставлении его с мотивирующим

словом или на рассмотрении его в ограниченном ряду одноструктурных образований. Л. В. Сахарный высказал верную мысль о том, что синхронный словообразовательный анализ, сводящийся к выяснению словообразовательной структуры отдельного слова, фактически остается на уровне лексики; подлинный же синхронный словообразовательный анализ начинается там, где принимаются во внимание целые словообразовательные модели (типы)[18].

Действительно, анализ словообразовательной структуры отдельных слов – это лишь первый этап словообразовательного анализа, на который опирается исследователь в дальнейшем, при выявлении системных закономерностей. Обращение к словообразовательным типам обнаруживает «типовые» черты конкретных мотивированных слов, которые и становятся главенствующими при описании словообразовательной системы. Приведенный нами материал показывает, что обращение к словообразовательной системе оказывается решающим не только для обнаружения собственно словообразовательных закономерностей, но и для правильного морфемного членения конкретных производных слов. Тем самым два этапа словообразовательного анализа – «атомарный» и системный – оказываются и двумя этапами морфемного анализа[19].

Факты эти свидетельствуют также о тесной, неразрывной связи морфемного состава слова и его словообразовательной структуры, о том, что морфемное членение слова в конечном счете зависит от словообразовательного анализа. В этой связи необходимо подчеркнуть ошибочность встречающихся иногда утверждений, что морфемная сегментация одного и того же слова может быть различной в зависимости от принципа анализа[20]. Морфема, как и морф,– это объективная данность, и каковы бы ни были подходы к слову, членение его на морфемы (морфы) как некоторый итог непротиворечивого научного анализа в принципе должно быть одинаковым. Конечно, сегментация слова на морфемы может быть различной у разных авторов (ведь в понимании сущности морфемы наблюдаются, к сожалению, разногласия), но этот факт отражает не «разнородность» самой морфемы, а «разнородность» ее понимания. Нельзя отрицать и возможности выделения в словах отрезков иной природы, не являющихся морфемами (морфами) – например, различных «субморфов» (морфонологически релевантных «морфообразных» отрезков). Но такая сегментация слова уже не может считаться морфемной.

Примечания

[1] Положение о зависимости, вторичности морфемного анализа от анализа словообразовательного развивается в докладе: *Лопатин В. В.* К соотношению морфемного и словообразовательного анализа // Актуальные проблемы русского словообразования. I. Самарканд, 1972. Статья перепечатана: с. 339–344 данного издания.

[2] См. второй признак словообразовательной мотивированности (Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 38. Далее Грамматика-1970). В мотивирующих словах этого подтипа *-ник* – либо суффикс (*дружинник, второгодник*), либо сочетание суффикса *-ик* с предшествующим *н* (*озорник, хищник*), либо только вычленяемая финаль основы (*художник,* ср. *художество*).

[3] Сюда же *волчица, львица* и тому подобные названия самок животных.

[4] Следует, однако, иметь в виду, что в существительных типа *писательница* (мотивированных словами на *-тель*) выделяется особый суффиксальный морф *-ниц(а)*.

[5] Такая точка зрения принята по отношению к образованиям типа fysika - fysik в кн.: Tvoření slov v češtině, cz. II. Praha, 1967. С. 167.

[6] См. также: *Тихонов А. Н.* Членимость и производность слов типа *физик* // Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М, 1975.

[7] Это решение принято в Грамматике –1970, с. 108.

[8] Множественность морфонологических интерпретаций в целом ряде случаев представляется нам оправданной. Такой подход, в частности, снимает в некоторых случаях кажущуюся остроту полемики в связи с проблемой выбора «усечение или наложение» (ср. в особенности образования типа *такси – таксист, пальто – пальтовый;* см.: *Янко-Триницкая Н. А.* Наложение морфем в основе русского слова // Изв. АН СССР. ОЛЯ. 1970. Т. XXIX, № 6. С. 482–483).

[9] См.: Грамматика-1970, с. 191–192.

[10] Суффикс *-рь* в отглагольных существительных типа *пахарь, ухарь, писарь* выделяется, например, в статье: *Железнова Р. В.* Личные имена существительные на *-арь* (*-ар*) в современном русском литературном языке // Русский язык в национальной школе. 1973, № 4. С. 68.

[11] Другим, косвенным свидетельством в пользу такого решения (применительно к суффиксам *-ак* и *-арь*) является наличие этих суффиксов в существительных, мотивированных прилагательными и существительными и также характеризующихся словообразовательным значением круга «носитель признака» (ср. *чужак, синяк, рыбак, дикарь, аптекарь, букварь* и т. п.).

[12] См.: *Федорова В. В.* Связанные корни (основы) имен существительных и прилагательных в современном русском литературном языке. Автореферат канд. дисс. Горький, 1968. С. 16.

[13] Ср., например, суффиксальные прилагательные на *-очный* со значением отношения к действию (*заливочный, погрузочный* и т. п.), регулярно (без ис-

ключений) проходящие стадию существительных с суффиксом *-к(а)* типа *заливка, погрузка,* которыми они непосредственно мотивированы, вследствие чего в них выделяется суффикс *-н-*, а не *-очн-*.

[14] «Деривационная история» существительных с суффиксом *-атор* наглядно представлена в «Проспекте «Русской грамматики» под ред. Н. Ю. Шведовой (Ин-т русского языка АН СССР. М., 1972. С. 28–29).

[15] О наложении см.: *Земская Е. А.* Об одной особенности соединения словообразовательных морфем в русском языке // Вопр. языкознания. 1964, № 2.

[16] Суффикс *-вова-* отмечен в этих глаголах в «Грамматике русского языка», т. I (М., Изд-во АН СССР, 1952. С. 545).

[17] Выделив в словах типа *наказание* морф *-нij-*, мы убеждаемся в правильности этого членения, объединив их с такими словами, как *покраснение,* где тот же суффиксальный морф присоединяется к глагольной основе с другим конечным гласным (к основе на *-е-*). В то же время подобная операция с существительными типа *резак* или типа *писарь* показывает, что мнимые суффиксальные морфы *-к* и *-рь* сочетаются лишь с основами на *-а-*.

[18] См.: *Сахарный Л. В.* О двух уровнях синхронного словообразовательного анализа // Вопросы методологии и методики лингвистических исследований. Уфа, 1966. С. 159.

[19] Вот почему, кстати, не могут считаться полноценными морфемами так называемые «унификсы»: являясь уникальными отрезками слов, они не поддаются «типизированию» не только в семантическом аспекте (см.: *Земская Е. А.* Унификсы (об одном виде морфем русского языка) // Вопросы филологии / К 70-летию И. А. Василенко. М., 1969; *Лопатин В., Улуханов И.* Словообразовательный тип и способы словообразования // Русский язык в национальной школе. 1969, № 6. С. 7 – 8), но и в аспекте формальном.

[20] Так, М. И. Морозова в докладе «Членимость слов и принципы морфемного анализа» (сб. Актуальные проблемы русского словообразования. I. Самарканд, 1972) утверждает, что «в зависимости от принципа анализа многие основы получают различную сегментацию. Морфемы, выделяемые в разных системах анализа в составе одной и той же основы, могут быть неравноценны и различаться... по звуковой протяженности» (с. 99). По мнению М. И. Морозовой, например, слова *просительный* и *вольничать* членятся по «принципу членимости» как *прос-ительн-ый* и *воль-нича-ть,* а по «принципу производности» иначе – как *прос-и-тель-н-ый* и *воль-н-ича-ть* (см. с. 100–101).

О единицах морфемики

[В сб.: Морфемика. Принципы и методы системного описания. Л., 1987]

В свое время морфемика была определена нами как «учение о значащих ... частях слов в их отношении друг к другу и к слову в целом»[1]. Естественно, что основными единицами морфемики как особого уровня языка и основным объектом морфемики как раздела науки о языке являются прежде всего морф как минимальная значащая часть словофрмы, линейно вычленяемая в ней, и соответствующая ему парадигматическая единица – морфема как нелинейная совокупность морфов. Вместе с тем морф и морфема представляют собой минимальные значащие единицы морфемики; максимальные же ее единицы – словоформа как линейная совокупность морфов и слово как нелинейная (парадигматическая) совокупность словоформ[2]. В структуре словоформы выделяется основа – часть словоформы без словоизменительного форманта, несущая лексическое значение; основе словоформы как линейной единице соответствует основа слова как парадигматическая единица, представляющая собой нелинейную совокупность основ словоформ[3]. Принципиально важно строгое соответствие линейных и нелинейных (парадигматических) единиц морфемики: морф – морфема, основа словоформы – основа слова, словоформа[4] – слово.

Морф, основа словоформы и словоформа представляют собой постепенно усложняющиеся линейные единицы. В частных случаях основа словоформы может состоять из одного морфа, а словоформа может состоять только из основы; однако это не снимает иерархического функционального различия данных единиц. То же касается линейных и парадигматических соотносительных единиц, хотя в частных случаях морфема может быть представлена единственным морфом, основа слова – единственной основой словоформ, а слово – единственной словоформой (так напр., *вдруг* – это одновременно, в разных своих качествах, и морф и морфема, и основа словоформы и основа слова, и словоформа и слово).

Среди единиц морфемики морфема и ее линейный представитель – морф являются простыми единицами. Им противопостав-

лены комплексные, не одноморфемные единицы. Из вышесказанного следует, что такими комплексными единицами являются основа и слово (и соответствующие их линейные аналоги): их структура не ограничена одной морфемой (хотя в частном случае она и может оказаться одноморфемной).

Состав комплексных единиц морфемики, однако, не ограничивается основой и словом. Существуют другие морфемные комплексы, выделение которых обусловлено их специфическими функциями в тех сферах, которые обслуживает морфемика, – в словоизменении и словообразовании.

В словоизменении, в бинарной структуре словоформы, выделяется, наряду с основой, словоизменительный формант – флексия, словоизменительный суффикс или совокупность словоизменительного суффикса и флексии. В последнем случае словоизменительный формант представляет собой комплексную единицу. Таковы, напр., морфемные комплексы: суффикс прошедшего времени + родо-числовая флексия, суффикс причастия + родо-падежно-числовая флексия. Впрочем, существует также возможность отнесения словоизменительных суффиксов к основе и, таким образом, выделения особого типа основ словоформ, объединяющих целый ряд словоформ определенной подпарадигмы (напр., подпарадигмы причастия или подпарадигмы множ. числа в существительных типа *брат – братья, перо – перья, чудо – чудеса,* где выделяется словоизменительный суффикс множ. числа -[*j*]- или -*ес*-); в пользу такого решения вопроса говорят факты словообразования с мотивирующей базой, включающей словоизменительный суффикс (напр.: *загрязнённость, перьевой, чудесный*).

Особую комплексную парадигматическую единицу морфемики представляет собой система флексий всех словоформ изменяемого слова. Эта парадигматическая единица выступает как нелинейная совокупность разных морфем (а не морфов одной морфемы), отражающая единство слова во всех его словоформах. Та же единица должна рассматриваться в едином комплексе с предшествующим ей суффиксом – словоизменительным или словообразовательным (о словообразовательной функции системы флексий см. ниже).

В словообразовании, в бинарной структуре мотивированного слова, выделяются, как известно, мотивирующая база (часть, общая с мотивирующим словом) и словообразовательный формант. Мотивирующая база является комплексной в сложных словах и

сращениях, т. е. во всех тех случаях, когда в качестве мотивирующего выступает более чем одно слово (напр., в слове *мореплаватель* мотивирующая база – *мор'-* и *-плава-).*

С парадигматической точки зрения мотивирующая база, сама по себе являясь линейной единицей, при суффиксальном способе словообразования и вообще во всех тех случаях, когда она представляет собой основу (а не целое слово), либо равна одной из основ словоформ мотивирующего слова, либо является еще одной формальной модификацией, продолжением основы мотивирующего слова[5]. Таким образом, линейными разновидностями основы слова являются не только основы его словоформ, но и мотивирующие основы производных от него слов (не совпадающие с основами его словоформ); то же касается и линейных разновидностей (морфов) тех морфем, которые входят в состав данной мотивирующей основы. Напр., мотивирующая основа *старич-* в слове *старичок* является одной из модификаций (линейных разновидностей) основы слова *старик*, так же как морф *-ич-* в том же слове – одна из модификаций (морфов) суффикса *-ик*, а *руч-* в *ручка, ручной* – один из морфов корневой морфемы слова *рука* и, одновременно, одна из модификаций основы этого слова.

Словообразовательный формант является комплексной морфемной единицей в смешанных способах словообразования (напр., префиксально-суффиксальном, префиксально-постфиксальном, суффиксально-сложном), где он состоит из ряда аффиксов: ***по**-новому, **раз**-бежать-**ся**, **пере**-шёпт-**ыва**-ть-ся, мор-**е**-плава-**тель*** и т. п. Кроме того, и здесь особой комплексной, единой с функциональной точки зрения, единицей морфемики является система флексий мотивированного слова, входящая в состав словообразовательного форманта при субстантивации, а также – наряду с суффиксом – при суффиксации и других (смешанных) способах словообразования с участием суффикса[6]. Напр., в слове *мореплаватель* в состав форманта входят не только интерфикс *-е-* и суффикс *-тель*, но и система флексий существительных муж. рода I склонения.

Специального внимания заслуживает еще одна комплексная единица морфемного уровня, выполняющая особую функцию в словообразовании, – так называемый аффиксоид. Аффиксоиды (суффиксоиды и префиксоиды) – это повторяющиеся в рядах сложных слов первые и вторые (опорные) компоненты, сближающиеся с аффиксами по своей функции готовых, цельных строевых частей мо-

тивированных слов. Аффиксоиды чаще всего представляют собой комплексные, неодноморфемные единицы морфемики; таковы, напр., *полу-* (корень + интерфикс), *-вед, -вод, -люб* (корень + нулевой суффикс с системой флексий существительных муж. рода I склонения), *-носец, -любец* (корень + материально выраженный суффикс с той же системой флексий), *-провод* (префикс + корень + нулевой суффикс с той же системой флексий), *-проходец* в словах *землепроходец, первопроходец, космопроходец* и т. п.: префикс + корень + материально выраженный суффикс с той же системой флексий). С точки зрения словообразовательной функции есть достаточно оснований рассматривать такие элементы структуры сложных слов как своеобразные «формантоиды». Специальное исследование[7] показало близость аффиксоидов к словообразовательным аффиксам по целому ряду параметров. Можно говорить, в частности, не только о семантической близости конкретных аффиксоидов с аффиксами (ср., напр., *-вед* и *-ист*), но и о наличии у них многозначности, общих и частных значений и семантических «приращений» в сочетании с определенными типами основ (ср., напр., суффиксоид *-воз*, *-ход* в ряду *теплоход, электроход* и типа *цементовоз, мусоровоз; -ход* в ряду *теплоход, электроход* и в ряду *снегоход, болотоход* и т. п.), о формальной вариативности некоторых аффиксоидов (ср. *пол-* и *полу-*, *-люб* и *-любец*). Эти и другие особенности аффиксоидов говорят о необходимости рассмотрения их среди других словообразовательных и морфемных средств русского языка.

В составе простых единиц морфемики – морфов, т. е. минимальных значащих (обладающих самостоятельной семантической функцией) единиц, выделяются еще меньшие структурные единицы – субморфы. Эти части морфов обладают чисто формальной (морфонологической) значимостью. Таковы, напр., отрезки *-ов-* в *орловский* (ср. *рязан-ск-ий*), *-ец* в *палец* (ср. *бес-пал-ый*), *-ос* в *космос* (ср. *косм-ическ-ий*), *-о* в *соло* (ср. *соль-н-ый, сол-ист),* [*-j-*] в *зна*[*j-у*]*т* (ср. *зна-л*) и т. п. По своему фонемному составу и морфонологическим функциям субморфы часто совпадают с аффиксальными морфами[8]. Хотя субморфы и не являются значащими единицами в том же смысле, что и морфы (морфемы), их соотнесенность как линейных единиц с морфами и близость к морфам по некоторым (формальным) функциям позволяют, как нам представляется, рассматривать их среди единиц морфемики.

В свете рассмотренной системы единиц морфемики считаем, что представление морфемного инвентаря современного русского

языка в создаваемом «Машинном фонде русского языка» необходимо в следующем объеме:

1) перечень морфем – корневых и аффиксальных – во всех их разновидностях (морфах), выступающих в разных словах и словоформах;

2) перечень слов во всех их словоформах, данных в расчлененном на морфы виде;

3) аналогичный перечень основ слов и основ словоформ;

4) аналогичный перечень мотивирующих основ (простых и комплексных) производных слов в их соотнесении с основами соответствующих мотивирующих слов;

5) перечень систем флексий, характеризующих целостные словоизменительные парадигмы;

6) перечень словоизменительных формантов (комплексов «словоизменительный суффикс + система флексий»);

7) перечень словообразовательных формантов – простых и комплексных;

8) перечень аффиксоидов;

9) перечень субморфов.

Перечни служебных морфем и морфемных комплексов должны сопровождаться разработкой их семантики – словообразовательной и морфологической. Перечни корневых морфем, основ, слов должны сопровождаться отсылками к лексической (словарной) части «Машинного фонда».

Примечания

[1] *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика: Проблемы и принципы описания. М., 1977. С. 4.

[2] Определение словоформы и слова с точки зрения морфемики см. в кн.: Русская грамматика. Т. I. М., I980. С. 123, 128.

[3] См. обоснование такого соотношения основы словоформы и основы слова в кн.: *Лопатин В. В.* Указ. соч., с. 107–108.

[4] Заметим, что словоформа в предлагаемом ее понимании совпадает у изменяемого слова с его синтетической грамматической формой; так называемые аналитические формы словоизменения представляют собой с этой точки зрения линейные совокупности словоформ.

[5] Подробнее об этом см.: *Лопатин В. В.* Указ. соч., с. 108–109.

[6] См.: Русская грамматика, с. 138–139.

[7] *Григорян Э. А.* Суффиксоиды в системе современного русского языка. Автореферат канд. дисс. М., 1981.

[8] *Лопатин В. В.* Указ. соч., с. 57–60.

Принципы грамматического описания морфемики

[В сб.: Македонска академија на науките и уметностите. Реферати од X заседание на Меѓународната комисија за изучување на граматичката структура на словенските литературни јазици. Скопје, 1979]

1. Необходимая часть описательной грамматики – морфемика языка. Под морфемикой нами понимается учение о значимых частях слов в формальном и семантическом аспектах. Сюда относятся по крайней мере следующие проблемы:

а) типология значимых сегментов, меньших, чем слово: основа и флексия, виды морфем;

б) соотношение линейных («синтагматических») и нелинейных («парадигматических») единиц морфемного уровня (первые – «текстовые» репрезентанты вторых): ср. словоформа и слово (лексема), основа словоформы и основа слова, морф и морфема; правила объединения линейных единиц в парадигматические;

в) морфонологические явления, связанные с сочетаемостью значимых единиц, меньших, чем слово: усечение и наращение основ, чередования; ударение в его морфематической функции (морфонология мыслится, таким образом, как часть морфемики языка);

г) типы значений, выражаемых морфемами (лексическое, грамматическое, словообразовательное; разновидности грамматических и словообразовательных значений).

В соответствии с разработкой типологии морфем, их значений, разновидностей, морфонологических явлений должна осуществляться в грамматике их конкретная инвентаризация.

2. Морфемика в таком понимании, хотя и представляет собой самостоятельный объект изучения, с присущими ему специфическими единицами, тем не менее не является замкнутым разделом грамматики; напротив, ее элементы пронизывают все грамматические разделы, вплоть до синтаксиса (ср., напр., проблему управления, определяемого морфемной структурой управляющего слова), но прежде всего – разделы морфологии (в узком смысле – как учения о словоизменении, грамматических категориях и частях речи) и словообразования. Вместе с тем, между понятиями

«морфемика» и «словообразование + морфология» не может быть поставлен знак равенства. Как в морфологии, так и в словообразовании имеется целый ряд явлений, выходящих за рамки морфемики. Таковы, напр., в морфологии – аналитические формы слов, так называемые классификационные категории (вид глагола[1] и др.), выражаемые не только морфемными средствами; в словообразовании – неморфемные средства образования слов (ср. роль порядка компонентов, внеморфемных усечений и т. п. в словах с более чем одной мотивирующей основой, напр., в сращениях типа *впередсмотрящий,* в аббревиатурах). Морфемика, таким образом, понимается нами как определенный комплекс проблем, а не как целостный раздел грамматики.

3. Указанная специфика морфемики определяет и ее место в грамматическом описании. С нашей точки зрения, конкретный языковой материал этого уровня – инвентарь грамматических служебных морфем и морфонологических явлений – должен не концентрироваться в едином разделе, а описываться по мере изложения определенных словообразовательных типов и грамматических категорий; в соответствии с установкой на раздельное описание словообразования и морфологии словообразовательная и грамматическая морфемика, словообразовательная и словоизменительная морфонология должны быть описаны отдельно, причем инвентарь условий позиционного распределения морфов и инвентарь морфонологических явлений должны быть обобщены в особых параграфах.

Иное расположение материала, связанное с вынесением в начало грамматики всей формальной стороны языка, от фонетики до морфонологии, представляется нам нежелательным в силу того, что морфема – двусторонняя единица, формальная сторона которой неотделима от семантической. Само выделение морфов, установление морфемных швов невозможно без учета семантики, без сопоставления рядов образований с семантически тождественными морфами. При установлении ограничений в сочетаемости морфем и правил распределения морфов следует иметь в виду, что эти ограничения и распределение обусловливаются не только морфонологическими позициями (при обусловленности фонемным или морфонемным составом соседнего морфа (морфемы) или его слоговой структурой), но и семантическими, а среди семантических в грамматике определенную роль играют не только семантико-грамматические позиции (при обусловленности морфемами с оп-

ределенными грамматическими или словообразовательными значениями), но и лексико-семантические (при обусловленности морфемами с определенными обобщенно-лексическими значениями). Ср., с одной стороны, семантико-грамматическую позицию постфиксального морфа *-ся* после падежных флексий (*выдающиеся* и т. п.; в остальных случаях морфы *-ся* и *-сь* распределяются морфонологически); с другой стороны, лексико-семантическую позицию суффиксального морфа существительных *-атник (голубятник* и т. п.), выступающего, в противоположность морфу *-ник* только после основ названий животных.

4. Раздельное описание морфонологии словоизменения и словообразования определяется еще и специфическими особенностями самих этих разделов языка. Центральной проблемой словообразовательной морфонологии является проблема формальных видоизменений основы мотивирующего слова в структуре слова мотивированного. В силу специфики словообразования мотивированное слово, независимо от подхода к нему, от метода описания, всегда вторично от мотивирующего и не может не рассматриваться как его порождение. Поэтому мотивирующая основа естественно выводится из основы мотивирующего слова, и ее формальная структура может быть представлена как продукт определенных морфонологических преобразований основы мотивирующего слова, взятой за исходную. В противоположность словообразованию, для словоизменения характерна принципиальная равноправность сосуществующих форм, среди которых нет естественно данной исходной формы; выбор формы, принимаемой в морфонологическом описании за исходную, здесь в большей степени может диктоваться чисто формальными соображениями (ср. чисто морфонологическое понятие «исходного члена чередования»).

5. Общие сведения о видах морфем, об их линейных разновидностях и о морфной структуре словоформ должны, однако, быть изложены в грамматике в едином вводном разделе, располагающемся вслед за фонологическим разделом. Последний рассматривается нами как сугубо вспомогательный и вводится в грамматику постольку, поскольку основные понятия морфемики и прежде всего морфонологии опираются на определенный фундамент фонологических сведений, а также в целях строгого отграничения морфонологических явлений от явлений фонолого-фонетических, т. к. позиционно-фонетические видоизменения морфов не являют-

ся, с нашей точки зрения, предметом морфонологического описания. Так, отсутствие звука *j* в позиции после гласной перед *и,* весьма распространенное в русском языке на стыке морфов (ср., напр., *клей* и *за-кле-ить, про-бой-ный* и *про-бо-ина),* которое целесообразно интерпретировать как нулевой аллофон фонемы *j,* должно быть оговорено уже в разделе «Фонология».

6. В морфонологическом описании целесообразно, помимо морфем (морфов), использовать понятие морфонологически релевантных сегментов, не являющихся морфами, – субморфов, которые представляют собой части морфов. Типология субморфов принадлежит к еще не разработанным проблемам. Субморфы выделяются:

а) по признаку наличия их в одном морфе и отсутствия в других морфах той же морфемы – корневой (напр., *косм-ос, жив-ут* с субморфами *-ос, -в-*, отсутствующими в *косм-ический, жи-ть)* или аффиксальной (напр., *орл-ов-ск-ий* с субморфом *-ов-*, отсутствующим в *туль-ск-ий* и т. п.);

б) по релевантности их для сочетаемости основы с определенными морфами, напр., субморф *-из-(-из'-)* в глагольной основе, не допускающий сочетаемости ее с суффиксальным морфом *-к(а)* (ср. невозможность образований типа *полировать – полировка* от глаголов *организовать, амортизировать* и т. п.); невозможно, по-видимому, обойтись без понятия односложного корневого субморфа при синхронической характеристике словообразующих свойств опрощенных глаголов с исторически односложным корнем типа *забыть, распять,* сохраняющих сочетаемостные свойства односложных глагольных корней (напр., образование существительных на *-тие);*

в) по релевантности для определенных морфонологических преобразований основы: ср., напр., субморф *-оть* в существительных муж. рода, определяющий чередование *т' – т* перед морфом *-ок* (*ноготь – ноготок* и т. п.).

7. В настоящем докладе изложены некоторые актуальные задачи описания морфемики в грамматике строго научного типа, естественно, что некоторые аспекты изложения материала, как и терминология, могут быть видоизменены в соответствии с задачами грамматики, адресованной широкому читателю.

Примечание

[1] Ср. в особенности случаи, когда глагольный вид не выражен специальными внутрисловными формальными средствами: *варить* (несов.) и *купить* (сов.), *лезть* (несов.) и *сесть* (сов.) и т. п.

О некоторых принципах отождествления словообразовательных морфем и пределах варьирования

[В сб.: Явление вариативности в языке. Кемерово, 1994]

Принципы отождествления словообразовательной морфемы как инвариантной единицы излагались нами в ряде публикаций[1]. Первоначально они формировались исходя из задач описательной грамматики, в которой словообразовательная система интерпретировалась как система словообразовательных типов, применительно к анализу словообразовательного форманта в пределах типа. Естественный и необходимый следующий шаг – выход за пределы словообразовательного типа, отождествление морфемы, выступающей в ряде формантов, в разных типах и способах словообразования[2].

При таком подходе проблемы отождествления словообразовательной морфемы предстают в новых аспектах. Остановимся здесь на некоторых аспектах двух проблем: позиции морфа и пределов варьирования морфем.

I. Для отождествления словообразовательной морфемы (аффикса, входящего в состав форманта) не может быть препятствием различие частей речи мотивирующего и/или мотивированного слова. Так, несомненна тождественность многих префиксов (напр., пространственных) в глагольном и именном словообразовании. У имен существительных в разных мутационных типах (с общим значением отвлеченного признака) или в транспозиционных типах (с общим значением отвлеченного признака) при различии части речи мотивирующего слова может выступать тождественный суффикс. Более того, сочетаемость с основами слов той или иной части речи может рассматриваться как одна из позиций морфа, а следовательно, как одно из оснований дополнительного распределения морфов в пределах морфемы. Так, в суффиксе существительных *-б(а) /-об(а)* морф *-б(а)* сочетается только с основами глаголов (*борьба, косьба*), а морф *-об(а)* – с основами как глаголов (*учеба, хвороба*), так и прилагательных (*злоба, худоба*); в суффиксе *-ств(о) / -еств(о) / -тельств(о)* первые два морфа характерны

как для отглагольного словообразования, так и для отыменного, третий же – только для отглагольного.

Еще одним основанием дополнительного распределения морфов одной морфемы может служить принадлежность мотивирующего слова (и, следовательно, его основы) к тому или иному морфологическому разряду, подклассу, напр., для существительных – к определенному роду, типу склонения, для глаголов – к определенному виду). Так, к одной и той же суффиксальной уменьшительно-ласкательной морфеме относятся различные морфы существительных с общим элементом – согласной *ц*: 1) *-иц-* в словах жен. рода II скл. типа *водица, вещица* (мотивирующие – слова жен. рода, II и III скл.), в словах сред. рода I скл. типа: *платьице, маслице* (мотивирующие – слова сред. рода I скл.) и в словах pluralia tantum типа окказ. *лыжицы* (мотивирующие – также слова pluralia tantum); 2) *-ец-* в словах сред. рода I скл. типа *письмецо, ружьецо* (мотивирующие – также слова сред. рода); 3) *-ец-* в словах муж. рода I скл. типа *братец, хлебец* (мотивирующие – слова муж. рода I скл.), в косвенных падежах обычно (при беглости *е*) *-ц-* (ср. *братца, хлебца*, но *овес – овсеца*); 4) *-ц-* в словах жен. рода II скл. типа *зальца, крепостца* (мотивирующие – слова жен. рода II и III скл.), в словах сред. рода типа *словцо, оконце* (мотивирующие – также слова сред. рода) и в словах pluralia tantum типа *воротца, перильца* (мотивирующие – также слова pluralia tantum); в род. пад. мн. ч. – *-ец-* (*крепостец, оконец, перилец*, с беглой гласной); сюда же относится морф *-ец* в словах *щец* и *дровец*, употребляющихся только в род. пад. мн. ч. Как видим, все формальное многообразие данного уменьшительно-ласкательного суффикса сводится к трем морфам – *-иц-, -ец-* и *-ц-*, выступающим во всех формах или части форм одного слова и распределенным в зависимости от морфологического типа мотивирующего и мотивированного слов. Два из этих трех морфов – *-ец-* и *-ц-* – отождествляются еще и с морфами существительных типа *хитреца, наглеца, сырца, прохладца*, мотивированных прилагательными и обозначающих слабую степень проявления признака (ср. особенно образования типа *хрипотца*, мотивированные существительными).

Таким образом, наряду с морфонологическими и семантическими позициями (на которые обращалось внимание в других наших работах), в распределении аффиксальных морфов одной морфемы заметное место занимают позиции собственно морфологические,

связанные с выделением тех или иных морфологических классов, разрядов мотивирующих слов.

II. О пределах формального и семантического варьирования словообразовательной морфемы. Один и тот же словообразовательный аффикс может варьироваться по своему фонемному составу достаточно широко при сохранении формальной (фонематической) близости морфов; разнообразные случаи такого варьирования можно извлечь из «Русской грамматики» 1980 г. Здесь мы остановимся подробнее на семантическом варьировании словообразовательных аффиксов. У русских аффиксов наблюдаются следующие разновидности семантического варьирования.

1. Варьирование частных словообразовательных значений, сводящихся к общему инвариантному словообразовательному значению в пределах словообразовательного типа или ряда типов, напр., «носитель признака» (общее значение) – «лицо – носитель признака», «неодушевленный предмет – носитель признака» и т. п. (частные значения). Частные и общие (инвариантные) словообразовательные значения подробно рассмотрены в «Русской грамматике» 1980 г. В принципе такое же соотношение нередко имеет место в пределах нескольких словообразовательных типов при мотивации разными частями речи. Примером могут служить типы существительных с суффиксом *-щик/-чик*, имеющих общее (инвариантное) значение «носитель признака», но при мотивации именами обозначающих только лицо (*гардеробщик, анонимщик*), а при мотивации глаголами – лицо или предмет (машину, механизм, приспособление), производящий действие (*регулировщик, буксировщик, погрузчик, заправщик*).

2. Варьирование первичных и вторичных словообразовательных значений в пределах словообразовательного типа (или ряда типов): вторичные значения выступают достаточно регулярно, однако далеко не всегда, не у всех слов типа, наряду с первичным, обязательно присутствующим у всех слов типа значением. Примеры: вторичное значение «выявление признака» наряду с первичным «становление признака» у глаголов типа *белеть*: вторичные значения мутационного ряда («носитель признака») у некоторых типов существительных с первично транспозиционным значением отвлеченного признака: ср. *зажигание* «действие» – «приспособление для совершения этого действия», *выпуклость* «признак» – «место на какой-нибудь поверхности, характеризующееся этим признаком» и т. п.

3. Наличие общего семантического компонента, выступающего наряду с другими, различающимися компонентами у образований с определенным аффиксом, принадлежащих к разным словообразовательным типам. Таков, напр., общий семантический модифицированный компонент «малости» у суффикса *-инк(а),* обозначающего либо одну мелкую частицу однородной массы (при мотивации существительными: *икринка, травинка* и т. п. или прилагательными: *шелковинка* «отдельная шелковая нитка», окказиональные *корявинка, мохнатинка*), либо небольшую степень проявления признака (при мотивации прилагательными: *горчинка, хитринка, лукавинка*).

Перечисленные семантические различия, не связанные с формальными различиями морфов, не нарушают тождества аффиксальной словообразовательной морфемы. Однако в тех случаях, когда семантические различия морфов регулярно сопровождаются формальными (фонематическими) различиями, хотя бы и частичными, это уже является достаточным основанием для того, чтобы относить такие морфы к разным морфемам. Ср., напр., суффиксы *-ец* (в названиях предметов – одушевленных или неодушевленных – как носителей признака или отношения к действию) и *-лец* (в названии лиц – производителей действия). Таковы же формально сходные суффиксы: безударный *-еньк-/-оньк-* (в полных прилагательных), *-енько/ -онько* (в наречиях), с одной стороны, и *-енек/-онек* (в кратких прилагательных), *-енько/-онько* (в наречиях), с другой стороны. Второй из этих суффиксов, формально дифференцируемый от первого характером ударения (у наречий – только им), имеет значение умеренно высокой степени проявления признака (*строгонек, сладенек, давненько, поздненько, долгонько*), первый же несет экспрессию ласкательности или уничижительности, иногда связанную с уменьшительностью, так или иначе характеризуя предмет – носитель данного признака (*молоденький, худенький, сухонький, чистенько, спокойненько*).

Результатом учета различных факторов, отождествляющих морфему во всем многообразии ее формальных (морфы) и семантических разновидностей, должен быть полный перечень морфем русского, языка (в данном случае – словообразовательных аффиксов), включающий и морфемы, обособленные формально и семантически, и морфемы-синонимы, и морфемы-омонимы. Именно такой перечень содержится, в частности, в подготовленном нами

совместно с И. С. Улухановым «Словаре приставок и суффиксов русского языка» (в печати).

Примечания

[1] *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* Основные понятия морфемики // Русская грамматика. Т. I. М., 1980; *Они же.* О формальной (фонематической) близости алломорфов // Актуальные проблемы русского словообразования. I. Самарканд, 1972; *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 259–272.

[2] *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* Мотивированное слово в грамматике и словаре морфем // Слово в грамматике и словаре. М., 1984.

Глагольная основа и структура отглагольного слова в русском языке

[Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. XXXIV. 1975, № 5]

Одна из центральных проблем словообразовательной морфонологии – формальные видоизменения основы мотивирующего слова в структуре слова мотивированного. Мотивирующая основа (МО), т. е. часть мотивированного слова, остающаяся по отсечении словообразовательного форманта, может совпадать или не совпадать по фонемному составу с основой мотивирующего слова (или с одной из основ – при его неодноосновности): ср., например, *смел(ый) – смел-ость* и *уз-к(ий) – уз-ость*. Но в любом случае МО естественным образом рассматривается как прямое продолжение основы мотивирующего слова.

При такой постановке вопроса мы должны прежде всего признать целесообразность двоякого использования термина «основа». Необходимо разграничивать о с н о в у с л о в о ф о р м ы и о с н о в у с л о в а. Основа словоформы, точно так же как и морф и словоформа, является одной из линейных (синтагматических) единиц морфемного уровня языка; основа же слова противопоставлена ей как одна из нелинейных (парадигматических) единиц, стоящая в одном ряду с такими единицами, как морфема и слово. Основа словоформы получается из конкретной словоформы путем отсечения словоизменительных аффиксальных морфов. Основа слова представляет собой совокупность сходных по фонемному составу (при частичном различии фонемного состава) основ словоформ этого слова. Иначе говоря, основа словоформы – это одна из разновидностей основы слова; в частном случае (при фонематическом тождестве основ всех словоформ) основа слова может быть представлена единственной основой словоформ. Основа слова, будучи носителем его лексического значения, едина не только с семантической, но и с формальной точки зрения, несмотря на ее возможную формальную вариативность.

Наиболее регулярно формальная вариативность основы слова проявляется, как известно, в глаголе. Разногласия по вопросу о

том, одноосновен или неодноосновен русский глагол, разрешаются, с нашей точки зрения, следующим образом: глагол почти всегда неодноосновен, если понимать под основой основу словоформы[1], и одноосновен, если иметь в виду основу слова; последняя представляет собой совокупность основ словоформ, употребление которых обусловлено морфонологически (в частности, выбор основы на гласную связан с консонантным началом последующего аффиксального словоизменительного морфа[2]).

Но в данной статье основа слова интересует нас преимущественно с другой ее стороны. Основа слова обладает двумя различными, хотя и взаимосвязанными, грамматическими функциями. Выступая (в неизменном виде или в различных своих модификациях) в словоформах данного слова, она несет формообразующую функцию[3]; выступая же в качестве МО в структуре другого, словообразовательно мотивированного им слова, она несет словообразующую функцию. Таким образом, МО наряду с основами словоформ мотивирующего слова, от которых она, как уже было отмечено, может отличаться по своему фонематическому составу, представляет собой одну из формальных модификаций основы мотивирующего слова. В частном же случае МО может совпадать по фонемному составу с одной из основ словоформ (или с единственной основой словоформ) мотивирующего слова: ср., например, *подбирать – подбира-ние,* где МО существительного *подбира-* не отличается от так называемой основы прош. времени мотивирующего глагола, и *подбирать – подбор-ка,* где МО *подбор-,* не совпадая ни с одной из основ словоформ глагола *(подбира-, подбираj-),* представляет собой новую модификацию глагольной основы.

Это дает нам возможность еще расширить понимание основы слова. Возможно и вполне оправдано двоякое понимание основы слова – более узкое и более широкое. В узком смысле основа слова – это, как уже определено выше, совокупность основ его словоформ. В широком смысле основа слова – это совокупность не только основ словоформ данного слова, но и мотивирующих основ всех тех слов, для которых данное слово является мотивирующим.

Таким образом, проблема данной статьи может быть сформулирована как проблема формального сопоставительного рассмотрения основы глагольного слова в ее формообразующей и словообразующей функциях. При этом первостепенное значение

приобретает вопрос об иерархическом взаимоотношении разных основ словоформ глагола и МО отглагольных слов. Различные основы словоформ глагола, выступающие при спряжении, неоднородны. Центральным противопоставлением среди них является противопоставление основ, обычно двух, одна из которых характеризуется вокалической финалью, а другая – консонантной, причем различия этих основ являются, как правило, линейными, т. е. одна из основ короче другой на какой-либо конечный отрезок (обычно фонему). Назовем эти основы глагола ф о р м о о б р а з у ю щ и м и (ФО) и будем обозначать вокалическую основу как ФО-I, а консонантную – как ФО-II. У большинства глаголов две ФО (традиционные условные названия их – «основа прош. времени» и «основа наст. времени», напр., *ходи-* и *ход'-*, *чита-* и *читај-* у глаголов *ходить* и *читать),* но есть глаголы с единственной ФО (консонантной: *пас-* у глагола *пасти* и т. п.) и глаголы с тремя ФО, из которых почти всегда только одна ФО-1 (глаголы типа *гаснуть* и типа *давать*: ср. *гас-, гасн-* и *гасну-; дај-, дава-* и *давај-).*

Вокруг ФО группируются и из них выводятся прочие основы глагольных словоформ (например, основа 1 л. ед. ч. глаголов типа *ходить* или *терпеть: хож-, терпл'*; при соотношении ФО *ходи- – ход'-, терпе- – терп';* основа повел. накл. глаголов типа *бить*: *беј-,* при соотношении ФО *би- – б'ј-* и др.); их можно назвать п о б о ч н ы м и основами словоформ[4]. Если для ФО характерны линейные морфонологические различия, то побочные основы отличаются от ФО только нелинейными средствами (чередованиями) и должны рассматриваться как вторичные от ФО. Что же касается иерархического взаимоотношения самих ФО, то представляется несущественным, какую из них принимать за первичную при морфонологическом описании русского глагола – наиболее длинную (ср. «полную основу» Р. О. Якобсона)[5] или наиболее короткую (ср. «усеченную», или «неизменную основу» Ф. Паппа)[6]. Достаточно констатировать морфонологическую обусловленность и противопоставленность ФО глагола как основ, равноправных по своей значимости в системе форм глагола[7]. Выводить же можно как более короткую основу из более длинной, так и наоборот; в первом случае морфонологическое преобразование будет представлено как усечение, во втором – как наращение.

Если ФО глагола в принципе равноправны, то МО отглагольного слова выводится из них, вторична от них. Это объясняется

спецификой словообразования: мотивированное слово, независимо от подхода к нему, от метода описания, всегда вторично от слова мотивирующего и не может не рассматриваться как его порождение. Поэтому и формальная структура МО всегда может быть представлена как продукт определенных преобразований одной из ФО (или единственной ФО) мотивирующего слова. Более того, преобразования эти в большинстве своем могут быть иерархизованы таким образом, что одно из морфонологических преобразований предполагает в качестве предшествующего этапа другое преобразование, но не наоборот. В частности, линейные преобразования – усечение или наращение ФО глагола – занимают в иерархии морфонологических средств место, предшествующее нелинейным средствам – чередованию, смене ударения. Например, чередования заднеязычных согласных с шипящими перед суффиксальным морфом в случаях типа *раздвигать – раздвижной* или *затыкать – затычка* предполагают предварительное усечение основы прош. времени глагола за счет конечной гласной; сдвиг ударения в глагольной основе на один слог к началу возможен лишь при отсечении ударной финали на гласную *(попытаться – попытка)* и т. п.[8]. Таким образом, этапность построения МО определяется внутренней языковой иерархией морфонологических явлений.

В свете сказанного представляется целесообразным такое описание морфонологической структуры отглагольных слов, в котором каждая МО, выступающая в отглагольных образованиях перед определенными суффиксальными морфами, рассматривается как результат определенных преобразований одной из ФО мотивирующего глагола, взятой за исходную. В таком описании последовательно отражается «перспективный» подход к словообразовательной системе – подход «от мотивирующего слова к мотивированному»[9]. Объектом такого описания является вся совокупность отглагольных образований, в которых мотивирующей базой является глагольная основа, а не целое глагольное слово, т. е. отглагольные существительные, прилагательные, наречия, глаголы (включая сюда и видовые корреляты), принадлежащие к суффиксальному (в том числе и нулевой суффиксации) и к смешанно-суффиксальным способам словообразования (префиксально-суффиксальному, суффиксально-постфиксальному, суффиксально-сложному и др.), а также сложения с глагольной основой перед интерфиксом *(скалозуб, вертихвостка* и т. п.). Преимущество такого морфонологического описания – от основы моти-

вирующего слова – состоит в том, что одинаковые морфонологические преобразования последней, выступающие в мотивированных словах разных частей речи, разных словообразовательных типов и разных способов словообразования, рассматриваются при этом подходе вместе, как целостное единство, а это облегчает задачу установления типологии преобразований основы.

Естественными группировками мотивирующих глаголов, в рамках которых следует рассматривать морфонологические преобразования в таком описании, являются словоизменительные классы. При этом постулируется следующее исходное положение: каждый словоизменительный класс глаголов, так же как и каждый подкласс, обладает не только специфическим соотношением ФО (на основании которого он и отграничивается от других классов и подклассов), но и определенными специфическими средствами морфонологического преобразования основы в словах, мотивированных глаголами данного класса (подкласса). Сам набор этих средств, разумеется, более широкий, чем набор средств морфонологического преобразования глагольной основы в рамках формообразования, характеризует каждый словоизменительный класс (подкласс) глаголов, маркирует его среди других классов (подклассов) не в меньшей мере, чем набор морфонологических средств формообразования; он же определяет и словообразовательные потенции глаголов данного класса (подкласса) в плане выражения.

Наиболее удобной для морфонологического описания представляется та классификация глаголов, при которой словоизменительные классы выделяются только по формальному соотношению ФО, без учета фактора продуктивности. Именно такая классификация представлена в «Грамматике» 1970 г.[10]. Классификация эта, сводящаяся к выделению 10 «словоизменительных типов» (предпочитаем называть их словоизменительными классами) и нескольких изолированных глаголов, принимается за основу и в нашей работе.

Применяемая нами система разновидностей глагольной основы и иерархическое взаимоотношение этих разновидностей выглядят следующим образом.

За исходную разновидность глагольной основы (исходную основу, ИО) условно принимается ФО на гласную (ФО-I)[11]. Рассмотрение в качестве исходной всегда одной и той же ФО глагола, а не разных ФО позволяет избежать обилия двойственных интерпретаций, поскольку многие МО отглагольных слов могут в

принципе выводиться на равных основаниях как из ФО-I, так и из ФО-II. Выбор же в качестве ИО именно ФО-I удобен тем, что в подавляющем большинстве глаголов (в том числе в глаголах всех продуктивных классов и «стандартных групп»[12]) эта основа выделяется в словарной форме глагола – инфинитиве. Кроме того, в структуре отглагольных слов эта основа значительно чаще, чем другие ФО глагола, выступает в неизменном виде, без дальнейших морфонологических преобразований, что заметно упрощает описание. Таким образом, все видоизменения основы глагольного слова, выступающие в других ФО глагола и в отглагольных словах, рассматриваются как результат усечения или наращения ИО. Разумеется, все случаи совпадения МО отглагольного слова с глагольной ФО на согласную (ср., например, *поцеловать* и *поцелуj-ут – поцелуй; занять* и *займ-ут – заём,* род. п. *займ-а; выть -воj-ут – вой; пахнуть* и *пах-ли – пах-учий)* должны особо отмечаться.

Релевантные для морфонологической структуры той или иной ФО глагола конечные отрезки, представляющие собой гласную или согласную фонему или сочетание фонем, называем ф и н а л я м и. В частности, финалями являются так называемые тематические элементы глагола, определяющие специфику глаголов разных классов. Кроме тематических элементов к финалям относятся предшествующие им сегменты глагольных основ, отсутствующие в некоторых отглагольных образованиях, такие как, например, *-ир-* в глаголах II класса на *-ировать* или *-j-* в глаголах V класса типа *сеять, веять, таять* (ср. *изолировать – изоляция, абонировать – абонент; высеять – высевать, навеять – навевать, таять – талый, чуять – чутьё* и т. п.).

Перевод ИО глагола в МО отглагольного слова может быть представлен, как уже отмечено, в виде двух этапов. На первом этапе осуществляется сегментация МО, строится ее линейный «каркас», и прежде всего, что особенно важно, определяется ее вокалический или консонантный характер; на втором, завершающем этапе вступают в действие нелинейные преобразования – чередования[13]. Назовем основу, используемую непосредственно для построения отглагольных слов и либо совпадающую с ИО глагола, либо представляющую собой результат линейных преобразований ее, с л о в о о б р а з у ю щ е й о с н о в о й (СО)[14]. Как и среди ФО, среди словообразующих основ различаем основы на гласную (СО-I) и на согласную (СО-II). В качестве СО может выступать либо ИО,

либо основа, получаемая посредством операций у с е ч е н и я или н а р а щ е н и я ИО за счет какой-либо финали или ряда финалей (отсечение какой-либо финали и последующее наращение усеченной основы за счет новой финали может интерпретироваться и как м е н а финалей); наиболее распространено из этих преобразований усечение.

Примеры усечения: *чита(ть) – чит-к(а), пляса(ть) – пляс-ун, завидова(ть) – завид-н(ый);* примеры наращения: *би(ть)-ся – бијение; у-би(ть) – у-бий-ц(а); би(ть) – бит-ø(а)*[15], *шерст-о-бит-ø; жа(ть) – жат-к(а); пе(ть) – пев-уч(ий), пев-ец; мя(ть) – глин-о-мял-ø, прут-о-мят-ø; ли(ть) – лив-ень; зна(ть) – знат-ок, знат-н(ый).* Финалями СО, используемыми при наращении, являются обычно согласные, чаще других *j, в, л, т*[16].

Различные морфонологические преобразования одной и той же ИО на этапе построения СО могут быть в свою очередь представлены как ряд последовательных преобразований с учетом степени отдаленности каждой СО по морфонологической структуре от ИО. Таким образом, некоторые СО интерпретируются как результат нескольких линейных преобразований. Например, ИО *клева(ть)* путем отсечения финали *а* преобразуется в СО-II *клёв-*, выступающую в словах *клев-ок, по-клёв-к(а);* путем последующей мены финалей *ов/у* создается СО-I *клю-*[17], используемая в слове *клю-ну(ть);* последняя путем наращения за счет финали *j* дает основу *клюj-*, равную ФО-II глагола *клевать* и выступающую в качестве СО-II, например, в слове *вод-о-клюй-ø,* а путем наращения за счет финали *в* дает СО-II *клюв-*, выступающую в слове *клюв-ø.* СО-II, отмечаемая в существительном *смех-ø* и в глаголе *у-смех-ну(ть)-ся,* мотивированных глаголом *смеяться,* интерпретируется как результат последовательного усечения ИО за счет финалей *а* и *j* и наращения за счет финали *х.*

Первостепенное значение имеет в морфонологическом описании противопоставление СО с исходом на гласную и на согласную, т. е. СО вокалических и консонантных (по другой терминологии – открытых и закрытых). На этапе построения СО линейные преобразования глагольной основы завершаются; последующие морфонологические преобразования СО-II (чередования) уже не меняют вокалического и консонантного характера основы. Набор вокалических и консонантных СО, характерных для определенного класса (подкласса) глаголов, определяет возможности соче-

тания МО, совпадающих с этими СО или выводимых из них путем чередований, с определенными суффиксальными словообразовательными морфами отглагольных слов. Суффиксальные же морфы в свою очередь достаточно четко подразделяются с морфонологической точки зрения на две основные группы – морфы повокальные (сочетающиеся с МО на гласную) и поконсонантные (сочетающиеся с МО на согласную). Третью, небольшую группу суффиксальных морфов отглагольного словообразования составляют морфы, способные сочетаться как с МО на гласную, так и с МО на согласную – например, морфы *-ну-* (ср. *толкнуть, кольнуть* и *клюнуть, двинуть), -л(о)* (ср. *тесло* и *точило), -л(ый)* (ср. *мерзлый* и *зрелый), -т-* (ср. *шитый* и *тертый), -ацij-* (ср. *изоляция* и *эвакуация).* Такие суффиксальные морфы, как *-к(а)* или *-лив-*, в подавляющем большинстве образований поконсонантны (ср., например *разборка, говорливый),* хотя есть отдельные образования, где они повокальны *(драка, терпеливый, молчаливый).* Интерфиксальные морфы сложных слов всегда поконсонантны (ср., например, *вертолет).*

В конкретных отглагольных образованиях с повокальными суффиксальными морфами используется в качестве МО одна из СО-I, а с поконсонантными – одна из СО-II (иногда преобразуемых посредством чередований, см. ниже), в соответствии с возможностями, определяемыми принадлежностью мотивирующего глагола к конкретному словоизменительному классу (подклассу). Например, основы глаголов I класса, 1-го подкласса (с соотношением ФО *-а-/-аj-*) обладают разнообразными возможностями выступать в образованиях как с повокальными, так и с поконсонантными морфами. В образованиях с повокальными морфами здесь используется, как правило, СО-I, равная ИО (*чита-тель, сия-ние, запева-ла, обжига-льщик*), а в образованиях с поконсонантными морфами – главным образом три СО-II: а) СО-II, получаемая путем усечения ИО за счет финали *-а- (чит-ка, кат-ок, зев-ота, расплыв-чатый, лом-кий, сверк-нуть),* б) СО-II, являющаяся результатом усечения ИО за счет финали *-ива-(подкидывать – подкид-ыш, перебраниваться – перебран-ка, раскладывать – раскклад-ной),* наконец, в) СО-II, получаемая из ИО путем наращения за счет финали *j*, т. е. совпадающая с ФО-II: *заболевать – заболеваj-емость, зазнаться – зазнай-ка, не проливать – не-проливай-ка.* С другой же стороны, например, для основ глаголов

VI класса (с ИО на согласную) почти исключена возможность использоваться в образованиях с повокальными морфами; единичные образования такого рода характеризуются редкими СО-I, получаемыми путем наращения ИО за счет гласной финали: *стричь (стриг) – стрига-льщик, трясти – тряси-льщик, тряси-льный* и др.[18]

В случае выбора СО-I (вокалической) построение МО на этом заканчивается: МО, выступающая в структуре отглагольного слова, в этом случае всегда совпадает с СО. В случае же выбора СО-II вступают в действие морфонологические преобразования второго этапа – чередования (под чередованием понимается более или менее регулярная в определенной морфонологической позиции мена гласных или согласных основы)[19]. МО в этом случае либо тоже совпадает с одной из СО, либо выводится из нее посредством операций чередования; в свою очередь всякая СО, как уже было показано, либо совпадает с ИО глагола, либо выводится из нее. Это можно изобразить схематически так: ИО = СО = МО.

Среди чередований различаем неконечные и конечные (предсуффиксальные) чередования основы. К неконечным относятся: 1) чередования корневых гласных, в том числе гласной с нулем, например, *#/и: про-рва(ть)* (СО *-р#в-*) – *про-рыв-ø, про-рыв-а(ть); о/и* и *о/у: за-сохну(ть)* (СО *-сох-*) – *за-сых-а(ть), за-сух-ø(а); э/о: при-чеса(ть)* (СО *-чес-*, ср. *-чёшет*) – *при-чёс-к(а), при-чёс-ыва(ть); э/а: есть* [СО *-ед-*, ср. *ед-ø(а), люд-о-ед-ø, ед-к(ий)*, а также *съ-ед-а(ть)* и т. п.] – *трав-о-яд-н(ый)* и т. п.; 2) чередования предвокальных согласных корня, преимущественно отвердение парных мягких, например: *с-течь* (СО *-т'ок-*) – *с-ток-ø, за-речь-ся* (СО *-р'-ок-*) – *за-рок-ø, нес(ти)* (СО *н'ос-*) – *нос-и(ть), нош-ø (а)* (с одновременным конечным чередованием), *на-пере(ть)* (СО *-п'ор-*) – *на-пор-ø;* 3) сочетание чередований гласных и предвокальных согласных, например, *и/о* и отвердение предшествующей согласной: *би(ть)* (СО *-бий-*) – *бой-ø, бой-н(я), боj-ок (боёк), у-би(ть)* – *у-бой-н(ый), гни(ть)* (СО *гнij-*, ср. *гнij-ение*) – *гной-ø; э/а* и такое же отвердение: *лез(ть)* (СО *-лез-*) – *лаз-ø, про-лез(ть)* – *не-про-лаз-н(ый); и/о* и *н'/j: с-ня(ть)* [СО *-ним-*, равная ФО-II глагола и выступающая, например, в словах *с-ним-ок, с-ним-а(ть)*] – *съ-ём-к(а), съ-ём-н(ый)*[20].

К конечным (предсуффиксальным) чередованиям основы относятся чередования согласных: 1) парных твердых с соответствующими мягкими, а также заднеязычных и сочетаний *ск, зг* с шипящими, например: *царапа(ть)* (СО *царап-*) – *царап'-ин(а), тря-*

с(ти) (СО *тряс-*) – *земл-е-тряс'-ение, рас-тяну(ть)* [СО *-тяг-*, полученная путем усечения ИО за счет финалей *у*[21], *н* и последующего наращения за счет финали *г* и используемая в словах *тяг-ø(а), тяг-ач, тяг-уч(ий)* и т. п.] – *рас-тяж-ение, рас-тяж-им(ый), рас-тяг'-ива(ть);* 2) переднеязычных с шипящими и губных с сочетаниями «губная + *л'*» (так называемая йотация, или, по другой терминологии, «переходное смягчение»), например: *заморози(ть)* (СО *-мороз'-*) – *за-мораж-ива(ть)* (с одновременным неконечным чередованием); *встрети(ть)* (СО *встрет'-*) – *встреч-ø(а), торгова(ть)* (СО *торгов-*) – *торговл'-ø(я), про-да(ть)* (СО *-дад-*, равная ФО-II глагола, ср. *-дад-ут*) – *про-даж-ø(а);* 3) чередования, обратные по направлению предыдущим, например: *за-соли(ть)* (СО *-сол'-*) – *за-сол-к(а), крича(ть)* (СО *крич-*) – *крик-ø, крик-ун, крикну(ть);* 4) другие чередования согласных, присущие лишь немногим корням, например, *ц/к: фальсифицирова(ть)* (СО *фальсифиц-*) – *фальсифик-ация; т'/с': дискутирова(ть)* (СО *дискут'-*) – *дискуссия; д/с* и *д'/с: завидова(ть)* (СО *завид-*) – *завис-ть, ненавиде(ть)* (СО *ненавид'-*) – *ненавис-ть*[22]; *ст'/ск: пусти(ть)* (СО *пуст'-*) – *пуск-а(ть), блесте(ть)* (СО *блест'-*) – *блеск -ø* и др.

Как среди неконечных, так и среди конечных выделяются чередования более регулярные, выступающие в многочисленных рядах образований, в том числе и продуктивные (из неконечных к ним относится чередование *о/а* перед суффиксальным морфом *-ива-*, из конечных – смягчение и отвердение парных согласных, чередование заднеязычных с шипящими и «йотация»), и менее регулярные, охватывающие иногда лишь несколько корней [например, конечные чередования *д(д')*/с, *т(т')/с* или неконечное *н'/j).*

Морфонологическое описание отглагольного словообразования, о котором идет речь, преследует двоякую цель. С одной стороны, это выявление полного инвентаря СО для каждого словоизменительного класса и подкласса глаголов и установление типологии линейных преобразований глагольной основы (на первом этапе описания), выявление инвентаря чередований, выступающих в глагольных основах (на втором этапе). С другой стороны, это выявление инвентаря повокальных и поконсонантных аффиксальных морфов отглагольных слов (на первом этапе) и морфов, вызывающих (с большей или меньшей регулярностью) те или иные типы чередований в основе (на втором). Первый ряд классификаций обращен к МО отглагольного слова, второй ряд – к словообразовательным аффиксам.

При этом необходимо иметь в виду, что между морфонологической структурой мотивирующих основ и сочетающимися с ними суффиксальными морфами отглагольных слов нет однонаправленной причинной связи; отношения между ними могут быть охарактеризованы как отношения взаимообусловленности. Это значит, что, например, выбор повокального суффиксального морфа *-лк(а)* в отглагольном существительном *гре-лка* и поконсонантного морфа *-к(а)* в существительном *тел-о-грей-ка* (при одном и том же мотивирующем глаголе *греть)* в такой же мере обусловлен (соответственно) вокалическим и консонантным характером СО, в какой выбор в первом случае СО-I *гре-* (равной ИО) и во втором СО-II *грej-* (совпадающей с ФО-II глагола *греть)* обусловлен морфонологическими свойствами данных суффиксальных морфов. Другой пример: «йотация» конечной согласной основы имеет место лишь в образованиях от глаголов определенных классов (чаще всего X класса на *-ить)* и перед определенными суффиксальными морфами, например, перед морфом *-енij-: плавить – плавление, носить – ношение* и т. п.; но ср. *спасти – спасение* (тот же суффиксальный морф, но глагол другого класса) или *плавить – плавка* (глагол того же класса, но другой суффиксальный морф), где условий для «йотации» нет.

С линейными преобразованиями глагольной основы при отглагольном словообразовании тесно связана так называемая проблема «номинализации глагольной основы». Комментируя образование отглагольных имен с устранением тематического элемента глагольной основы (например, *приходить – приход*), А. В. Исаченко усматривает смысл этого усечения в следующем: «Усекается именно тот морфонологический элемент, который сигнализирует принадлежность основы к определенному классу слов, в данном случае к классу глаголов. Прежде чем приступить к образованию существительного, необходимо, по-видимому, лишить основу глагольности»[23]. В другой работе того же автора[24] излагается гипотеза об использовании в отглагольных именах «номинализирующих» элементов, распространителей глагольной основы (в качестве которых рассматриваются *-л-* и *-тель-),* формирующих именную основу. Таким образом, по мысли А. В. Исаченко, для «лишения» глагольной основы «глагольности» в ней либо устраняется тематический элемент, либо к неусеченной основе добавляется «именной» элемент.

Не говоря уже о спорности предложенного понимания морфемного статуса элементов *-л-* и *-тель-* (по нашему мнению, они представляют собой самостоятельные суффиксальные морфы или часть более длинных суффиксальных морфов отглагольных имен), гипотеза о необходимости устранения признаков глагольности в мотивирующей основе отглагольного имени не подтверждается материалом всей системы отглагольного суффиксального словообразования. Во-первых, в ряде отглагольных имен суффиксальный морф присоединяется непосредственно к неусеченной глагольной основе на гласную без каких бы то ни было «номинализирующих» средств (наиболее показателен в этом отношении суффиксальный морф *-ниј-*: ср. *наказание, рисование; рассмотрение* и *рассматривание* и т. п.); во-вторых же, усечение глагольной основы за счет тематических элементов характерно для образования от нее не только имен, но и глаголов (ср. *палить – пальнуть, переписать – переписывать* и т. п.). «Устранение глагольности» оказывается столь же необходимым этапом для образования нового глагола, как и отглагольного имени. Дело здесь, как нам представляется, не в «номинализации» глагольной основы, а в морфонологическом приспособлении ее к определенным суффиксальным морфам. Кстати, совместное рассмотрение морфонологической структуры отглагольных суффиксальных имен и глаголов показывает единство средств формального видоизменения глагольной основы в тех и других образованиях. Ср., например, одинаковое усечение ИО *кива(ть)* в словах *кив-ну(ть)* и *кив-ок,* одинаковое усечение и чередование в случаях типа *искази(ть) – искаж-ение* и *искаж-а(ть),* одинаковое наращение ИО *ли(ть)* в *лив-ень, лив-мя* и *лив-ану(ть)*[25], одинаковое наращение ИО в отглагольном имени и каузативном глаголе в случаях *ста(ть) – лед-о-став-ø* и *став-и(ть), пи(ть) – вод-о-пой-ø* и *по[j]-и(ть)* (ср. *поj-ат)* и мн. др. Бесспорно, что действительно «номинализирующими» и «вербализирующими» элементами в составе тех или иных мотивированных слов являются сами словообразовательные форманты.

Примечания

[1] См.: *Реформатский А. А.* Фонологические этюды. М., 1975. С. 89.

[2] См.: *Jacobson R.* Russian conjugation // Word. 1948, № 4.

[3] См.: *Кодухов В. И.* О формообразующей основе // Уч. зап. ЛГПИ им. Герцена. 1963. Т. 248. С. 42.

[4] Подобный подход к многоосновности русского глагола представлен, например, в кн.: *Исаченко А. В.* Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким. Морфология, II. Братислава, 1960. С. 27–28.

[5] См.: *Jacobson R.* Указ. соч.; *Халле М.* О правилах русского спряжения // American contributions to the V International congress of slavists. The Hague, 1963. С. 364 и сл.; *Чурганова В. Г.* Очерк русской морфонологии. М., 1973. С. 206 и сл.

[6] См.: *Папп Ф.* Классификация русских глаголов // Русский язык в школе. 1963, № 4. С. 99–101. Ср. также понимание единой основы как «постоянной части, общей для всех форм одного глагола» *(Янко-Триницкая Н. А.* Основа и флексии в русском глаголе // Фонетика. Фонология. Грамматика. М., 1971. С. 310).

[7] «Инвариант глагольной основы имеет место лишь на уровне конструктов, – пишет Е. Кржижкова. – Ни одну из существующих на уровне наблюдения разновидностей основы мы не вправе относить к форме основной, исходной» (Морфемный анализ русского глагола // Československá rusistika. 1964, № 4. С. 209).

[8] Особое место занимает морфонологическое явление наложения (или совмещения) соседних морфов: как показывают случаи типа *сапожник – сапож-**нич**а-ть,* наложению предшествует не только усечение основы (ср., например, *торгов(а-ть) – торг-**ов**-ый* или *кувырк(а-ть-ся) – кувырок,* род. п. *кувыр-**к**-а),* но и чередование.

[9] О двух подходах к словообразовательной системе – «ретроспективном» и «перспективном» см.: *Лопатин В. В.* Словообразование как объект грамматического описания // Грамматическое описание славянских языков. Концепции и методы. М., 1974. С. 54 – 56. Статья перепечатана: с. 11–24 данного издания.

[10] См.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 404– 410 (автор раздела – В. А. Плотникова). Классификация эта восходит в значительной степени к работам Н. Н. Дурново. О преимуществах такого подхода к проблеме морфологической классификации глаголов см.: *Бромлей С. В.* Принципы классификации глагола в современном русском языке // Вопр. языкознания. 1965, № 5.

[11] В большинстве словоизменительных классов глагола эта основа выделяется в формах прош. времени и инфинитива. Лишь в глаголах IV класса *(гаснуть* и т. п.), а также в глаголе *-шибить* и в глаголах типа *тереть* – это основа инфинитива, не совпадающая с основой прош. вр., а в глаголах VII класса типа *вести* и в изолированных глаголах *есть, надоесть* – основа прош. вр., не совпадающая с основой инфинитива. ФО на согласную принимается за ИО лишь у глаголов, в которых она является единственной (глаголы VI класса – *течь, грести, трясти* и т. п.).

[12] О понятии стандартных основ глагола см.: *Папп Ф.* Указ. соч., с. 99–100.

[13] Закономерности ударения представляется целесообразным рассматривать отдельно, поскольку они касаются мотивированного слова в целом, а не собственно мотивирующей основы.

[14] Ср. понятие «словообразующих вариантов базовой основы» (*Янко-Триницкая Н. А.* Флексии базового слова в морфологически выводимой основе // Вопросы филологии (к 70-летию проф. И. А. Василенко). М., 1969. С. 383).

[15] Знаком ø обозначаем нулевой словообразовательный суффикс, знаком # – нулевую огласовку корня при беглости гласной.

[16] Образования с наращением основы за счет финали *т* [*зна(ть)– знат-ок, ны(ть) – ныт-ик, с-бы(ть) – с-быт-ø* и т. п.] могут интерпретироваться как использующие в качестве словообразовательной базы целую форму инфинитива; об этом в особенности свидетельствуют такие случаи, как *блюсти – блюститель, при-сесть – при-сест-ø, съ-есть – съ-ест-н(ой).* (См.: *Янко-Триницкая Н. А.* Флексии базового слова...). Необходимо, однако, учитывать, что финаль, формально тождественная флексии инфинитива, в структуре отглагольного слова лишена этого грамматического значения и потому не может рассматриваться как самостоятельная морфема.

[17] Мена тех же финалей, но противоположная по направлению *(у/ов)*, наблюдается в образованиях типа *дуну(ть) – дунов-ение, проникну(ть) – проникнов-енн-(ый), проникнов-ение.*

[18] Этот недостаток компенсируется тем, что в образованиях с повокальными морфами от тех же корней используются ИО коррелятивных по виду глаголов I класса на *-ать* (ср. *обтека-тель, спаса-тельный* и т. п.).

[19] Если какое-либо линейное преобразование основ определенного типа всегда сопровождается определенными чередованиями, то эти чередования указываются уже на этапе построения СО. Таковы, например, чередования гласных *и*/о или *и*/#, сопровождающие наращение ИО глаголов типа *мыть* за счет финалей *j* и *в:* ср. *мы(ть) – мой-к(а), вы(ть) – вой-ø, по-кры(ть) – по-кров-ø, о-мы(ть) – о-мов-ение, ры(ть) – ров-ø,* род. п. *р#в-ø(а).*

[20] Особое место занимает проблема вокализации глагольного префикса, обусловленной в значительной степени вокализацией корня.

[21] Ср., например, *тян-уч(ий), тян-уч-к(а).*

[22] Аналогичное чередование выступает в глагольном формообразовании в инфинитиве глаголов VII класса типа *крад-ут – крас-ть.*

[23] *Исаченко А. В.* Роль усечения в русском словообразовании // International journal of Slavic linguistics and poetics. XV, 1972. С. 116.

[24] *Isatschenko A. V.* Russian derivations in *-l-* and *-tel-* // Там же. XVI, 1973.

[25] Слово, отсутствующее в словарях, но распространенное в современной разговорной речи. Например: «Захотелось вдруг, чтоб *ливанул* дождь – обильный, чтоб резалось небо огневыми зазубринами, гремело сверху» (В. Шукшин. Сураз).

Новое примечание. В журнале «Russian Linguistics» (1976, V. 3, № 2) опубликована статья А. В. Исаченко «Глагольные основы и структура отглагольного слова (по поводу статьи В. В. Лопатина)», где автор выражает согласие с рядом положений нашей статьи.

Так называемая интерфиксация и проблемы структуры слова в русском языке

[Вопросы языкознания. 1975, № 4]

I. В ряде работ последнего времени, прежде всего в работах Е. А. Земской, развивается понятие «интерфикса» как асемантической (незначимой) «прокладки» между морфемами[1]. По поводу этой концепции, имеющей как своих сторонников[2], так и противников, написано уже немало. Хотелось бы обратить внимание на некоторые вопросы морфемной структуры слова, возникающие в связи с этой концепцией.

Исходный пункт ее – понимание морфемы как части слова, наделенной значением, семантической функцией. С таким подходом к морфеме нельзя не согласиться. А. Н. Тихонов справедливо подчеркивает, что при допущении существования «асемантических морфем», обладающих только «структурной функцией», «расщепляется понятие морфемы, <...> границы морфемы становятся неопределенными и расплывчатыми. Практически, следуя этой формулировке, к морфемам можно относить любые части слова»[3]. Однако из такого правильного подхода к морфеме, с нашей точки зрения, вовсе не обязательно должно вытекать выделение асемантических внеморфемных «прокладок».

Е. А. Земская развивает концепцию «интерфиксов» главным образом на материале «прокладок» между корнем и суффиксом в структуре производных слов (например, отрезков *-ов-, -ин-, -ан-* и др. перед суффиксом *-ск-* в прилагательных). Отрезки эти, действительно, сами по себе не имеют особого значения (ср., например, *Ленинград – ленинградский* и *Ялта – ялтинский, Орел – орловский, Африка – африканский*): они ничего не добавляют к тому словообразовательному значению, которое выражено в прилагательных, не имеющих перед суффиксом *-ск-* этих отрезков. А. А. Дементьев попытался доказать, что эти отрезки все же наделены значением: будучи «дополнительными выразителями категории отношения», они являются «самостоятельными суффиксами»[4]. Это едва ли верно. В лучшем случае о таких элементах можно

говорить как об усилителях выражения относительного значения (см. ниже), но не как о самостоятельных выразителях этого значения. Усматриваемая А. А. Дементьевым для элементов *-ов-* и *-ин-* «словообразовательная соотносительность с суффиксами притяжательных прилагательных»[5] (по крайней мере семантическая) в современном языке отсутствует, соотнесенность же этих элементов с основами существительных (соответственно) склонения на согласный и склонения на *-а* строго не выдерживается: ср., например, *Массандра – массандровский, «Аврора»* (крейсер) – *авроровский, «Искра»* (газета) – *искровский, «Светлана»* (производственное объединение в Ленинграде) – *светлановский, Глинка – глинковский* (наряду с *глинкинский)* и т. п., так что следует говорить о зависимости распределения данных элементов не только от грамматического характера основ, но и от семантики последних (элемент *-ов-* сочетается, кроме основ топонимов и антропонимов, еще и с основами названий учреждений, предприятий, обществ, газет и т. п.).

Главный (и по существу единственный) аргумент, выдвигаемый Е. А. Земской в пользу выделения незначимых «прокладок» – «интерфиксов» типа *-ов-, -ин-* и противопоставляемый концепции так называемых «производных суффиксов» (т. е. выделению суффиксов или суффиксальных морфов *-овск-, -инск-* и т. п.), таков: поскольку словообразовательное значение прилагательных с отрезками *-ск-, -овск-, -инск-* и т. п. одинаково и, следовательно, «часть *ск...* сама по себе, без добавления к а к и х - л и б о элементов выражает деривационное значение «относящийся к тому, что названо производящей основой» (с. 118), постольку лишь отрезок *-ск-* и является носителем этого значения, т. е. суффиксом (см. также с. 116). Это подкрепляется следующим пониманием морфемы: «Морфема – значимая часть слова, необходимая и достаточная для выражения данного значения», вследствие чего «части слова, не служащие для выражения значения, морфемами не являются» (с. 3).

Итак, выдвинут критерий «необходимости и достаточности» морфемы для выражения определенного значения, и критерий этот кладется в основу морфемной сегментации слов. Если некоторый отрезок (сегмент) в словоформе не несет какого-либо особого значения, то он как лишний, избыточный исключается из состава морфов данной словоформы.

Вопрос о незначимых внеморфемных сегментах упирается, таким образом, в следующий общий вопрос: имеют ли право на су-

ществование семантически тождественные морфы[6], из которых один составляет часть другого, будучи короче его на какой-либо сегмент (и, следовательно, различающиеся не суперсегментными средствами, например чередованием, а сегментными)? Придерживаясь критерия «необходимости и достаточности», мы должны ответить на этот вопрос отрицательно. Но насколько оправдан этот критерий? Существуют ли методологические или иные общие соображения, исследовательские принципы, на основании которых следует отвергать возможность сегментных различий между семантически тождественными морфами? Таких соображений, по-видимому, нет, а значит, нет и необходимости отделять «избыточные» сегменты от соседних морфов, считая эти сегменты внеморфемными отрезками[7].

Стоит обратить внимание на тот факт, что линейные единицы других уровней – звуки («фоны»), словоформы, высказывания - вычленяются нами в потоке речи (по крайней мере в «нормальных», экспрессивно не деформированных, логизированных текстах) без остатка; отсюда естественно сделать вывод, что и морфемные сегменты (морфы) должны вычленяться в потоке речи также без остатка. Уместно вспомнить в этой связи подход А. М. Пешковского к проблеме отдельности слова: если *-те* в *пойдемте* не слово, а часть слова, то и *пойдем* – не слово[8]. Ср. также: «если в каком-либо языковом образовании АВ единица А (или В) есть часть слова, то и единица В (или А) также есть часть слова»[9].

Принципиальная возможность сегментных различий между семантически тождественными морфами не противоречит пониманию морфемы как минимальной значимой части слова (в каждой конкретной словоформе любой из выделяемых морфов является действительно минимальным значимым сегментом), но ставит под сомнение целесообразность понимания морфемы как «части слова, необходимой и достаточной для выражения данного значения».

II. Последовательное применение ко всему языковому материалу критерия «необходимости и достаточности» ставит исследователя не только перед теоретическими, но и перед чисто практическими трудностями, связанными с тем, что границы явления интерфиксации не очень ясны.

1. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что сторонники теории интерфиксации строят ее на ограниченном материале.

Так, в работах Е. А. Земской эта концепция основана исключительно на выделении интерфиксов в составе производных слов; интерфиксы выступают здесь как особые строевые элементы производного слова. Однако нет никаких препятствий для того, чтобы видеть интерфиксацию (так же, как и чередование и другие морфонологические явления) и в формах словоизменения[10]. Такое применение этого понятия мы встречаем в работах М. В. Панова – также сторонника теории интерфиксации. М. В. Панов относит к интерфиксам такие элементы структуры слова, как тематические гласные глагольных основ: *из-мен-(и)-ть, вз-лет-(е)-ть*[11], согласные типа *-j-* в основах настоящего времени глаголов (например, *игр-а-j-ут)*[12], *-в-* в действительных причастиях прошедшего времени (ср. *увяд-ш-ий* и *укра-в-ш-ий),* гласный *-о-* в страдательных причастиях прошедшего времени (ср. *реш-ё-нн-ый* и *написа-нн-ый)* [13].

Тот же критерий «необходимости и достаточности» можно было бы применять и к структуре основ всех тех слов, в составе которых некоторые отрезки вычленяются не на семантических основаниях, а только по соотносительности с мотивированными ими словами. С точки зрения этого критерия следует считать интерфиксами отсекаемые (отсутствующие в составе мотивированных слов) отрезки основ мотивирующих слов, не являющиеся словообразовательными суффиксами. Такого рода «интерфиксы» выделяются уже не перед словообразовательным суффиксом, а перед флексией или даже в конце неизменяемых слов. Например, отрезки *-к-* в словах *скрипка* (ср. *скрипач), утка* (ср. *утенок, утиный), -н-* в *банальный* (ср. *банальщина), -о* в *соло* (ср. *сольный, солист, солировать)* следовало бы считать интерфиксами[14], а корнями (отрезками, достаточными для выражения данных корневых значений) – соответственно *скрип-, ут-, банал'-, сол-.*

Аналогичное положение находим при отсечении части словообразовательного суффикса, содержащегося в мотивирующем слове: ср., например, *мальчишка – мальчишеский, переводчик – переводческий, правление – правленский, снабжение – снабженец.* В таких случаях оказывается, что для выражения определенного значения[15] достаточны морфы *-иш-, -ч-, -ен'-* и, следовательно, отрезки *-к-, -ик-, -ij-* суффиксальных *морфов -ишк-, -чик-, -енij-* – внеморфемные «прокладки», интерфиксы. Ср. также мысль Г. О. Винокура о наличии в образованиях типа *просвещение – просвещенец, поражение – пораженец* «конечной вариации» суффикса *-енij- – -ен-*[16].

2. Применение критерия «необходимости и достаточности» к более широкому, чем это обычно делается, материалу обязывает к вычленению «асемантических» отрезков, подобных интерфиксам, не только между морфами, но и в абсолютном начале и конце словоформ, т. е. там, где к этим отрезкам уже невозможно применить термин «интерфикс», где их трудно назвать «связочными». Так, конечную гласную *а* в словоформе *мылся, и* в *ползти,* конечное э в *милее* и т. п. следует тогда отделять от конечной морфемы и считать асемантическим элементом (ср. *мылась, лезть, милей* и т. п., где те же конечные морфемы «обходятся» без конечной гласной); вряд ли можно интерпретировать подобные морфемные видоизменения как чередование гласного с нулем. То же относится к конечным гласным неизменяемых слов типа *соло.*

Еще пример. В отглагольных именах нередко встречаются префиксоподобные отрезки, отсутствующие в мотивирующих глаголах, причем этим отрезкам трудно приписать какое-либо значение. Ср., например: *бежать – побег, искать – поиск* и *поиски, течь – поток, возить – повозка, водить – поводырь, плавать - поплавок, двигаться) – подвижный, хотеть – охота* («желание»), *пахнуть – запах, силиться – усилие, жечь – изжога.* Если в языке и имеются соответствующие префиксальные однокоренные глаголы, то они не соотносительны с подобными отглагольными именами по значению префикса (ср., например, *повозка* и *повозить* со значением ограниченного во времени действия). Начальные отрезки таких отглагольных образований могут рассматриваться, подобно «интерфиксам», как асемантические элементы слова, поскольку для выражения тех же словообразовательных значений достаточен только соответствующий суффикс – материально выраженный или нулевой (ср. «обычные» nomina actionis, agentis и т. д.).

3. Интерфиксацию не удается строго отграничить от чередования, прежде всего от чередования гласного с нулем в начале или на конце морфемы; ср., например, морфы *-ск-* и *-еск- (соседский* и *товарищеский), -ств(о)* и *-еств(о) (богатство* и *роскошество), раз-* и *разо-, от-* и *ото-* и т. п. *(отбросить* и *отобрать), де-* и *дез- (демилитаризация* и *дезорганизация),* суффиксы *-ок* и *-ец* с беглым гласным и т. д. Естественно, что с точки зрения критерия «необходимости и достаточности» любой гласный, появляющийся в одном морфе и отсутствующий в другом, оказывается лишним для

выражения определенного значения. Ср. еще чередования типа *п – пл', м – мл',* где *л'* – тоже «лишний» сегмент одного из морфов.

Е. А. Земская делает попытку провести границу между чередованиями и интерфиксацией по линии «регулярность – нерегулярность»: «интерфиксация – типизированное, но не всегда регулярное явление» (с. 120). Но то же самое можно сказать и о чередованиях: они в ряде случаев, как показано и в книге Е. А. Земской, «расшатаны», регулярность их в определенной морфологической позиции не абсолютна. Так, в сфере образований с суффиксом *-ск-* чередования заднеязычных с шипящими обнаруживаются далеко не всегда (см. с. 132); нерегулярный характер носят чередования «йотационного» ряда перед суффиксами *-ак, -анин* (ср. *киевлянин – варшавянин* и т. п., с. 89). Можно добавить, что и морфонологическое правило, обусловливающее беглость гласного в суффиксе *-ок* там, где перед ним нет стечения согласных (см. с. 130), на самом деле проявляется не столь строго: небеглое *о* есть не только в словах *челнок, игрок* и т. п., но и в *ходок, седок, едок* и др. Подобные примеры можно продолжать. Гласный *е* перед суффиксами *– ск-* и *-ств(о)* Е. А. Земская склонна отнести, ввиду наметившейся нерегулярности его появления, к интерфиксам (см. с. 133); но чем это явление принципиально отличается от «расшатывающихся» чередований (ср. уже упомянутое чередование заднеязычных с шипящими)? Сама Е. А. Земская признает, что некоторые из «беглых гласных в суффиксах и приставках» «по условиям употребления близки интерфиксам» (с. 130).

4. При анализе явлений стыка корня с суффиксом, наиболее часто рассматриваемых как интерфиксация, в ряде случаев возникают серьезные препятствия к применению понятия интерфикса. Так, в глаголах с суффиксом имперфективации или многократности *-ива-/-ва-/-а-* (ср., например» *перегораж-ива-ть, разду-ва-ть, очищ-а-ть* и т. п.) с точки зрения критерия «необходимости и достаточности» следует считать морфемой, несущей значение несовершенного вида или многократности, общий для всех этих глаголов отрезок *-а-;* тогда *-в-* в *раздувать* – интерфикс, как и *-ив-* в *перегораживать* (впрочем здесь возможно выделение двух интерфиксов: *-и-, -в-).* Однако даже сторонники теории интерфиксации (см., например, с. 18 книги Е. А. Земской) не выделяют в таких глаголах интерфикса и видят в них суффикс *-ива-* со значением несовершенного вида. Аналогичным образом в отглагольных су-

ществительных среднего рода с суффиксальными морфами *-ниј-, -енић-, -тиј- (наказа-ниј-е, кур-енић-е, сжа-тиј-е)* следовало бы выделять интерфиксы *-н'-, -ен'-, -т'-*, поскольку имеется группа существительных того же словообразовательного значения с суффиксом *-иј-*, который как будто «необходим и достаточен» для выражения данного значения: ср. *доверие, насилие, странствие, отсутствие* и др. А в отглагольных существительных с суффиксом *-ациј-, -циј-* типа *деград-ациј-а* или *абстрак-циј-а* можно выделять интерфиксы *-ац-* и *-ц-* при суффиксе *-иј-* (ср. *ревизия, репрессия, коррекция* и т. п. с морфом *-иј-*)[17].

Что же препятствует применению понятия интерфикса к подобным фактам? Очевидно, прежде всего то обстоятельство, что наиболее длинные из сопоставляемых в этих случаях суффиксальных морфов *(-ива-; -ниј-* и *-енић-; -ациј-)* являются (по сравнению с другими, короткими суффиксальными морфами, выражающими те же значения) наиболее употребительными и продуктивными. При этом несущественно, являются ли сопоставляемые более короткие суффиксальные морфы системно непродуктивными (как морфы *-иј(а), -иј(е)*) или только ограниченными в употреблении из-за ограниченности списка корней необходимой для них морфонологической структуры, например односложных корней на гласную (для морфов *-ва-, -тиј(е)*). Важно, что соответствующие словообразовательные значения ассоциируются в сознании носителей языка в первую очередь с более длинными морфами из ряда синонимичных[18]. Таким образом, применению критерия «необходимости и достаточности» препятствуют в таких случаях особенности функционирования сопоставляемых морфемных сегментов.

О том, как далеко может завести применение указанного критерия, говорит и возможность следующего, явно некорректного, вывода: можно утверждать, что такие суффиксы, как *-ость* в словах типа *смелость, серость, бездарность* или *-ец* в словах типа *жизнелюбец, канатоходец* являются незначимыми отрезками, поскольку те же словообразовательные значения могут выражаться в системе языка и бессуффиксально (нулевыми суффиксами) при участии той же системы флексий мотивированного слова (ср. хотя бы *синь, тишь, бездарь* или *жизнелюб, скороход).*

5. Применение критерия «необходимости и достаточности» для разграничения морфемных и «внеморфемных» сегментов затруднено в тех случаях, когда в словах сочетаются сегменты, порознь

способные выражать данное словообразовательное значение (или участвовать в его выражении), так что определить, какой именно из таких сегментов «избыточен», оказывается невозможным. Вот несколько примеров.

а) В отглагольных существительных со значением действия типа *делёжка, долбёжка, кормёжка* можно выделить по соотносительности со словами типа *подкормка, варка* суффикс *-к(а)* и интерфикс *-ож-;* однако сопоставление со словами типа *делёж, платёж, грабёж* заставляет отказаться от этого решения: оказывается, что суффикс *-ож,* как и суффикс *-к(а),* может самостоятельно выражать значение отвлеченного действия. Приходится признать, что весь комплекс *-ожк(а)* наделен данным значением, хотя каждый из составляющих его сегментов достаточен для выражения этого значения.

б) В прилагательных типа *банковский, стариковский, борцовский* можно выделить (как это часто и делается) суффикс *-ск-* и интерфикс -ов- (ср. *соседский, университетский* и т. п.). Но рядом с *банковский* есть в языке прилагательное *банковый,* рядом со *стариковский, борцовский – подростковый, малышовый, истцовый* и т. д. Иначе говоря, то же относительное значение может выражаться в отсубстантивных прилагательных суффиксом *-ов-.* Этот факт заставляет усомниться в том, что отрезок *-ов-* комплекса *-овск-* не участвует в выражении данного значения.

в) В словах типа *спокойствие, сумасшествие,* мотивированных прилагательными и выделяющих суффикс *-ствиj(е),* равным образом возможно вычленение интерфиксов *-ств-* и *-иj-,* ибо и сегмент *-иj-,* и сегмент *-ств-* способны выступать в качестве самостоятельных суффиксальных морфов в отадъективных существительных со значением признака; ср., например: *величие, радушие* и *богатство, злорадство.*

г) В деепричастиях совершенного вида выделяются суффиксальные морфы *-ши* и *-вши:* ср. *испек-ши* и *взя-вши, укра-вши;* в последнем сегмент *-в-* можно рассматривать как интерфикс, использующийся в морфонологической позиции после гласного[19]. Однако существуют и даже более употребительны формы типа *взяв, украв,* в которых именно сегмент *-в* служит для выражения деепричастного значения. Получается, что в комплексе *-вши* сегмент *-ши* не менее избыточен, чем *-в-.*

д) Среди префиксально-суффиксальных глаголов встречаются такие, как, например: *сболтнуть, сплюснуть, провернуть* (дыр-

ку), *заснуть*. Соответствующие словообразовательные значения, выражаемые в данных глаголах префиксом и суффиксом *-ну-* (ср. мотивирующие глаголы *болтать, плющить, вертеть, спать*), могут выражаться и с помощью одного только префикса: ср. *сболтнуть* и *схитрить, сгрубить; сплюснуть* и *сплющить, провернуть* и *провертеть, заснуть* и *запеть*[20]. Однако из этого не следует, что *-ну-* в этих глаголах – не суффикс, а незначимая «прокладка». Он участвует в выражении совершенного вида, а в некоторых глаголах *(сболтнуть)* подчеркивает значение однократности, хотя значения эти могут выражаться и одними только префиксами.

е) Сопоставляя наречия типа *по-дружески, по-братски* с наречиями типа *дружески, братски,* нельзя не обратить внимания на синонимию подобных наречий, на тождество словообразовательного значения, выражаемого и одним суффиксом *-и,* и тем же суффиксом в сочетании с префиксом *по-*. Отсюда можно сделать вывод, что начальный сегмент *по-* в наречиях типа *по-дружески* незначим: соответствующее значение выражается уже суффиксом *-и*. Однако в языке имеются и наречия типа *по-походному, по-городскому,* где то же словообразовательное значение выражается комплексом *по...ому,* в котором уже ни один из составляющих сегментов не способен употребляться самостоятельно, так что надо признать, что сегмент *по-* участвует в выражении данного значения. При сопоставлении с такими наречиями можно даже предполагать, что в образованиях типа *по-дружески* данное значение («сравнительное») в какой-то степени усилено, акцентировано по сравнению с образованиями типа *дружески*.

Приведенные примеры наглядно демонстрируют тот факт, что язык принципиально допускает выражение определенной семантики избыточными с формальной точки зрения средствами; несомненно, что избыточность эта – одно из проявлений асимметрии языкового знака (данное явление противоположно известным случаям семантического синкретизма морфем, в частности падежных флексий). Особая же показательность приведенных примеров состоит в том, что, несмотря на избыточность средств выражения, на достаточность для передачи определенного значения только части того комплекса сегментных средств, которые действительно участвуют в подобных случаях в выражении этого значения, – мы не можем признать какую-либо часть данного комплекса незначимой[21].

Таким образом, из того, что некоторый сегмент с формальной точки зрения избыточен, еще не следует, что он «не служит для выражения значения» (ср. понимание морфемы, предлагаемое Е. А. Земской), не участвует в выражении словообразовательной или грамматической семантики, присущей данному образованию.

III. В силу указанных соображений представляется наиболее целесообразным рассматривать сегменты словоформ, интерпретируемые в ряде работ как незначимые межморфемные «прокладки» – интерфиксы, в качестве частей морфов. Формальные видоизменения морфемы могут быть и суперсегментными (чередования), и сегментными; последние могут рассматриваться как усечение/наращение одного морфа в сравнении с другим.

При таком подходе к так называемым интерфиксам возникает проблема локализации морфемного шва, отнесения выделенного отрезка к левому или к правому от него морфу. Известно мнение Г. О. Винокура, что споры о том, членится ли слово *буржуазный* на *буржуа-зный* или *буржуаз-ный,* беспредметны, что для понимания данного соотношения важна констатация формулы *~а/~азн,* а «остальное – дело удобства номенклатуры»[22]. Г. А. Климов также считает, что «морфологический анализ, по-видимому, не нуждается в однозначном соотнесении фонем и их последовательностей с морфемными сегментами на синтагматической оси»[23]. Вместе с тем для практики анализа структуры слова небезразличны границы морфов, и хотя в сложных ситуациях в принципе возможны двойственные интерпретации, адекватно отражающие морфонологическую структуру слова, все же в большинстве случаев вопрос об отнесении «спорного» отрезка к «левым наращениям» суффикса или к «правым наращениям» корня может быть решен однозначно.

Решая этот вопрос, следует исходить из специфики корня как морфемы прежде всего индивидуальной, различающей слова, и аффикса как морфемы прежде всего обобщающей, вследствие чего аффиксация объединяет лишь регулярные, типизированные явления[24]. Поэтому при нерегулярных формальных соотношениях сопоставляемых основ (ср., например, *герань – гераниевый, иней – индеветь, алгебра – алгебраический, буржуа – буржуазный* и *буржуазия)* целесообразно относить «спорный» отрезок к корню. Аналогичная трактовка оправдана в случаях типа *схема – схематический, схематизм; драма – драматический, драматург; аст-*

ма – астматический, астматик; экзема – экзематозный. Здесь признание наращения корня за счет отрезка *-ат-(-ат'-)* представляется оптимальным решением, если учесть одинаковое поведение данных корней в структуре мотивированных слов независимо от соседнего суффикса, тем более, что в ряде случаев присоединяющиеся к таким корням суффиксальные морфы *(-ическ-, -озн-)* уже представляют собой продукт «левого наращения» более простого суффиксального морфа.

С «правым наращением» корня мы имеем дело и в случаях вариативности консонантизирующего субморфа глагольных (преимущественно односложных) корней на гласную; ср., например: *старожил, глиномял, стеклодув, водолив, прутомят, шерстобит* (с корневыми морфами на *-л, -в, -т)* в типе отглагольных существительных с нулевым суффиксом; *сладкопевец, рудознатец, новобранец* с корневыми морфами на *-в, -т, -н* перед суффиксом *-ец* (для слов *певец, сладкопевец* и т. п. такое решение оправдано и с учетом одинакового морфонологического поведения данного конкретного корня в сочетании с различными суффиксами: ср. *певун, певучий, певчий),* а также, по-видимому, в тех случаях, когда наращение глагольного корня можно интерпретировать как использование инфинитивной флексии *(знать – знаток* и т. п.)[25].

Напротив, отнесение «спорного» отрезка направо, к суффиксу, несомненно в следующих двух случаях.

1. «Спорный» отрезок, сочетаясь с последующим суффиксальным морфом, изменяет общее словообразовательное значение (устанавливаемое в рамках целого типа) мотивированных слов по сравнению с общим значением слов с тем же суффиксальным морфом, не имеющих этого отрезка. В таких случаях данный отрезок в сочетании с последующим суффиксальным морфом формирует особый словообразовательный суффикс. Таков, например, суффикс *-ианск-/-янск-,* имеющий в сочетании с основами собственных имен – названий лиц *(кантианский, гегельянский* и т. п.) значение отнесенности не к лицу, а к связанному с ним общественному или научному направлению; в то же время в прилагательных с суффиксальными морфами *-ск-, -овск-* различие между значениями отношения к лицу и к направлению нейтрализовано (ср., например, *ленинский, толстовский).* Суффикс *-лец* выделяется в существительных с общим значением «лицо – производитель действия», в то время как отглагольные существительные с суффиксом *-ец*

могут иметь не только личное и не только агентивное значение (ср. *кормилец, страдалец* и *борец, резец, рубец);* суффикс *-льщик* отглагольных существительных, в отличие от суффикса *-щик/-чик,* характерен только для названий лица (ср. *обжигальщик, носильщик* и *проверщик, счетчик, погрузчик).* Точно так же существительные с суффиксом *-лк(а)* имеют особое (агентивное) словообразовательное значение, более узкое, чем общее значение предметных отглагольных существительных с суффиксом *-к(а),* обозначающих различные отношения к действию, и иное, чем у nomina actionis с суффиксом *-к(а);* ср., например, с одной стороны – *сеялка, сушилка,* а с другой – *задвижка, настойка, похлебка* и *варка, регулировка.* С точки зрения теории интерфиксации «спорные» отрезки в словах этой группы, в силу их семантической значимости, не могут рассматриваться как интерфиксы. Поэтому нам представляется ошибочным выделение в книге Е. А. Земской интерфикса *-иан-* в прилагательных типа *кантианский* (с. 135) и интерфикса *-л-* в словах типа *кормилец* (с. 123).

2. «Спорный» отрезок не изменяет словообразовательного значения суффикса, однако регулярно используется в сочетании с корнями (и шире – основами) определенных морфонологических и семантических свойств. В этом случае данный отрезок, сочетаясь с суффиксальным морфом, формирует особый морф, объединяемый в соответствии с правилами отождествления морфем в один суффикс с более коротким, лишенным этого отрезка морфом. Таковы, например, суффиксальные морфы *-ск-* и *-еск-, -овск-, -анск-* *-ическ-* и др. (ср. *июльский, купеческий, вузовский, африканский, сценический* и т. п.)[26]; суффиксальные морфы *-нцj-* и *-енцj-* в отглагольных существительных типа *наказание* и *спасение; -ищ(е)* и *-лищ(е)* в существительных типа *зимовище* и *обиталище* и мн. др. Хотя «спорный» отрезок *в* в некоторых отглагольных образованиях (см. выше) и может быть отнесен к корню, все же в образованиях типа *смывать, разогревать, продувать, воспевать* он относится уже к суффиксальному морфу, ибо сегмент *-ва-* является регулярным, максимально унифицированным средством выражения значения непереходности в сочетании с односложным глагольным корнем на гласную.

IV. Существует мнение, согласно которому некоторые «спорные» сегменты нельзя объединять с соседним морфом на том основании, что они несут особую морфонологическую функцию. Так,

А. В. Исаченко отделяет элемент *-л-* в отглагольных существительных и прилагательных с суффиксами *-лк(а), -льн(ый)* и т. п. от соответствующих суффиксов и рассматривает его как морфологически самостоятельный элемент – распространитель глагольной основы, формирующий именную основу[27]. Такая постановка вопроса базируется на противопоставлении морфонологических и семантических функций сегментов слова. При этом не учитывается тот факт, что в структуре слова широко распространен синкретизм морфемных функций, когда один и тот же отрезок (морф или часть его) несет одновременно и семантическую функцию, будучи выразителем определенного значения или являясь частью комплекса, выражающего это значение, и чисто формальную, морфонологическую функцию.

В этой связи можно отметить, например, словообразовательные суффиксы типа *-и-/ø* или *-е-/-ej-* в отыменных глаголах *(белить, белеть* и т. п.), являющиеся в то же время приметами определенного словоизменительного класса, а также морфонологически обусловленными (вокализирующими в одной форме, консонантизирующими в другой) элементами глагольной основы. Такие суффиксы, как, например, *-н-* и *-т-* в страдательных причастиях, *-л-* в прилагательных типа *спелый,* несут не только определенное значение (грамматическое или словообразовательное), но и одновременно определенную формальную функцию, оформляя основы на согласную: предшествующая основа глагола имеет в этих случаях исход на гласную, к которому по чисто морфонологическим причинам не могут присоединяться падежные флексии адъективного склонения.

С этой точки зрения и такие элементы, как *-л- (-л'-)* в суффиксах *-лк(а), -льн(ый), -лец, -н'-/-т'-* в суффиксе существительных *-ниj-/-тиj-, -в-* в глагольном суффиксе *-ва-* и т. п., являясь частью суффиксального морфа, в то же время служат и для морфонологического приспособления его к предшествующей глагольной основе на гласную (соответствующие морфы *-к(а), -н(ый), -ец, -иj-, -а-* к основе на гласную присоединяться не могут). Аналогичным образом гласные *-е-, -о-* в составе суффиксальных морфов *-енij-, -ённ-* служат для морфонологического приспособления к основе на согласную.

Участвуя в выражении определенного значения, соотносимого с морфом в целом, отдельные части морфов приобретают, таким образом, самостоятельную формальную (морфонологическую) зна-

чимость. Для обозначения таких морфонологически релевантных отрезков в работах последнего времени все чаще используется термин субморф[28]. К субморфам относятся, с нашей точки зрения, и такие элементы, как *л, в, н, т* – части суффиксов отглагольных образований, и «вставные» основообразовательные элементы глагола вроде *-j- (знать – знаю, белеть – белею), -в- (жить – живу),* и все те отрезки, не имеющие самостоятельной семантической функции, которые в работах сторонников теории интерфиксации охватываются понятием интерфиксов, и отсекаемые финали основ мотивирующих слов, не являющиеся словообразовательными суффиксами[29].

V. Появлению в языке так называемых интерфиксов и иных разнообразных «распространителей» морфем способствуют, как нам представляется, не только морфонологические причины. В этом явлении получила отражение свойственная языку тенденция к большей формальной выразительности значимых единиц. Более длинный морф как носитель определенного значения формально выразительнее, чем более короткий, особенно одно- или двуфонемный (ср., например, *-н-, -ск-, -ыj-, -j-*). Одно из наиболее распространенных проявлений этой тенденции – возникновение так называемых «вторичных (или производных) суффиксов», факт, отмеченный впервые в работах Н. В. Крушевского под названием «передней вариации суффиксов»[30].

Указанной тенденцией объясняется, по-видимому, то обстоятельство, что в суффиксальных глаголах несовершенного вида в позиции после согласной возобладал не морф *-а-*, а более формально выразительный морф *-ива-*. Не случайно и то, что в современном русском языке среди корней, наиболее «охотно» сочетающихся с более длинными суффиксальными морфами (т. е. принимающих так называемые интерфиксы), заметное место занимают односложные корни, и характерно это не только для отглагольного словообразования (где различного рода «вставочные» элементы обусловлены в значительной степени гласным исходом корня), но и для отыменного. Так, морф *-овк(а)* вместо *-к(а)* выступает исключительно, а морф *-овск-* вместо *-ск-* в большинстве случаев (в прилагательных от основ нарицательных существительных) после односложных корней[31]: ср., например, *соседка, цыганка, перепелка* и *воровка, мотовка, плутовка, чертовка, клестовка; соседский, февральский* и *шутовской, дедовский, поповский, бунтовской, бесовский* и т. п.[32] Кстати, по той

же причине существительные с суффиксом *-ник,* мотивированные существительными с односложными основами, нередко образуются не непосредственно от основы существительного, а от основы соответствующего относительного прилагательного с суффиксом *-ов-* : ср., например, *фокусник, десантник, орешник* и *садовник, полковник, гербовник, маковник.* Не случайно и такой невыразительный суффикс, как *-uj-/-j-,* продуктивен в современном языке почти исключительно в префиксально-суффиксальных либо суффиксально-сложных образованиях *(Заволжье, соцветие, виноделие, Черноморье* и т. п.), где он «подкреплен» другими аффиксами, входящими в состав форманта.

Другая распространенная причина «левого расширения» некоторых суффиксов, начинающихся на согласную, за счет субморфов, начинающихся на гласную *о* или *а* (ср. еще *кустарник, пихтарник* и т. п.), – это тенденция к устранению стечении согласных и чередований заднеязычных с шипящими. Важную роль в распространении «вторичных» суффиксальных морфов, в усилении их продуктивности, несомненно, играет та современная языковая тенденция к агглютинативности на морфемных швах, к уменьшению места суперсегментных средств сцепления морфем по сравнению с сегментными, которая отмечена авторами монографии «Русский язык и советское общество». Эта тенденция тоже способствует большей формальной выразительности словообразовательной структуры слова: у «производных с интерфиксом», как пишет Е. А. Земская, «соотносительность между производящей и производной основами выступает более наглядно, а это очень важно для четкости понимания производного слова» (с. 119). Существо этого процесса не меняется, если интерпретировать его, в отличие от авторов указанной монографии, не как рост интерфиксации, а как рост употребительности «вторичных» суффиксальных морфов.

И тем не менее далеко не всегда использование «вторичных» суффиксальных морфов обусловлено в живых словообразовательных явлениях тенденцией к снятию чередований или другими формальными причинами. Ср. хотя бы окказиональное прилагательное *невпопадочный* («улыбнется над чьим-нибудь «невпопадочным» ответом...» – Комс. пр.). Создатель этого слова использовал вместо суффиксального морфа *-н-* более длинный морф *-очн-,* хотя морф этот (ср. *ленточный, откормочный, раздаточный* и др.) в современном языке не очень продуктивен и вряд ли существуют

какие-либо формальные помехи для образования прилагательного *невпопадный*.

VI. Е. А. Земская и другие сторонники теории асемантических «прокладок» (М. В. Панов, А. Н. Тихонов и др.) относят к таким прокладкам также соединительные элементы сложных слов. На наш взгляд, с этими элементами структуры слова (*-о-* в *лесостепь, пароход, -и-* в *пятиконечный, -ох-* в *четырехэтажный* и т. п.) дело обстоит совершенно иначе, не так, как с другими «интерфиксами». Это и н т е р ф и к с ы в совсем ином понимании данного термина – особая разновидность аффиксов. Не случайно сам термин «интерфикс» создан прежде всего для обозначения соединительных морфем сложных слов. Входящий своей структурой в ряд терминов, обозначающих виды аффиксов по их положению в слове, термин этот обозначает аффикс, находящийся между корнями, «служащий для связи корней в сложных словах»[33]. Точнее говоря, интерфикс связывает не корни, а простые основы в составе сложной основы (ср., например, слова *лесозаготовки, землепроходец,* где интерфикс непосредственно соединяет корень и префикс).

Такой интерфикс – не асемантическая «прокладка» и не часть морфемы, а особая морфема, значимая часть слова. Однако семантика этой морфемы абстрактна и сводится, как уже отмечалось, к «идее соединения»[34] составляющих сложную основу простых слов. Соединительное значение является тем специфическим словообразовательным значением, которое характерно для сложных слов и которое в чистых сложениях и сращениях представляет собой единственное словообразовательное значение, а в суффиксально-сложных образованиях сочетается с категориальной семантикой суффикса. Носителем этого значения и является специфическая морфема – интерфикс.

Интерфиксы в таком понимании представляют собой наиболее абстрактные по семантике аффиксы. В отличие от других аффиксов основы, наделенных, как правило, референционными (отражающими так или иначе внеязыковую действительность) значениями, интерфиксы наделены синтаксическим значением, указывают на связь основ в структуре цельно-оформленного сложного слова[35]. С этой точки зрения их можно уподобить служебным словам (союзам, предлогам), в то время как прочие словообразовательные аффиксы – словам самостоятельным. И если мы усматриваем значение, например, у союзов, считая их с л о в а м и, то на аналогичных

основаниях следует считать интерфиксы сложных слов морфемами. Сложное слово – это синтагма особого рода, и при этом синтагма, состоящая из лексически значимых компонентов-основ. Как всякая синтагма, оно обладает грамматическими средствами выражения связи своих компонентов. Правда, в структуре сложного слова формальные средства связи компонентов более обобщены, унифицированы по сравнению со словосочетаниями и предложениями. Если в синтаксисе словосочетания и предложения существуют разнообразные средства выражения, связанные с различными типами соединения слов (координация подлежащего со сказуемым, сочинительная связь однородных членов, подчинительная связь согласования, управления или примыкания в словосочетаниях и т. д.), то в синтаксисе сложного слова эти средства нейтрализуются.

Известно, что сложные слова, как правило, соотносительны с определенными словосочетаниями (иногда предложениями), на базе которых они построены. При этом в структуре сложного слова нейтрализованы те синтаксические различия, которые характерны для соотносительных словосочетаний и предложений. Одинаково оформляются сложения, соотносительные с сочинительными и подчинительными сочетаниями слов (ср., например, *урало-сибирский – Урал и Сибирь* и *западносибирский – Западная Сибирь),* с подчинительными словосочетаниями различной структуры и субъектно-предикативными конструкциями (ср.: *снегоходный – ходить по снегу, теплоходный – ходить с помощью тепла, пешеходный – ходить пешком, судоходный – ходят суда, самоходный – ходит сам; водопад – падает вода, водопой – пить воду* и т. д.). Каковы бы ни были синтаксические отношения в соотносительном словосочетании и предложении, в структуре сложного слова эти отношения передаются интерфиксом, связывающим опорный компонент с предшествующей основой.

Н. М. Шанский уподобляет по значению соединительные аффиксы соединительным союзам[36]. Это справедливо, например, для слов типа *лесостепь* (ср. *лес и степь*); в слове же, например, *луноход* (ср. *ходить по Луне*) соединительный аффикс можно уподобить предлогу, в слове *книголюб* (ср. *любить книгу, книги*) – падежной флексии и т. д. Вообще интерфикс выступает на уровне сложного слова в роли единого аналога разнообразных грамматических средств, существующих на уровне словосочетания и предложения. Таким об-

разом, в структуре сложного слова мы имеем дело с особым обобщенным типом синтаксической связи лексических компонентов.

Рассматривая чистое сложение и сращение, Е. А. Земская возражает автору этих строк, писавшему, что словообразовательное значение таких слов сводится к объединению лексических значений составляющих основ; в этой связи на с. 179 книги Е. А. Земской подчеркивается, что производное при указанных способах обычно «не является простой суммой значений производящих, а содержит нечто своеобразное,... иногда некоторый элемент терминологизации значения»: слово *долгоиграющий* применяется только к пластинке и т. п. Однако дело в том, что это своеобразие подобных производных слов принадлежит к лексическим «надбавкам», а отнюдь не к их общему словообразовательному значению; на словообразовательном же уровне речь идет именно об объединении значений основ.

Если связь компонентов сложного слова выражается особой синтаксической морфемой – интерфиксом, то для слов-сращений *(долгоиграющий, тяжелобольной, впередсмотрящий, умалишенный* и т. п.) характерен иной способ выражения этой связи: синтаксическая связь компонентов соответствующего словосочетания (связь управления, примыкания) транспонируется в таких образованиях на уровень слова.

Добавим, что интерфикс – явно преобладающее в словообразовательной системе русского языка средство выражения связи компонентов сложного слова. Это дает основание рассматривать сложные слова, не имеющие в своем составе материально выраженного интерфикса и лишенные каких-либо иных специфических формальных средств выражения связи компонентов *(Ленинград, прессформа* и т. п.) как слова с нулевым интерфиксом[37]. С этой точки зрения интерфиксы сложных слов тоже существенно отличаются от «интерфиксов-прокладок» между корнем и аффиксом, которые отнюдь не обладают такой же степенью значимости, не являются преобладающими в структуре аффиксального слова.

Примечания

[1] Наиболее обстоятельно эта концепция изложена в кн.: *Земская Е. А.* Современный русский язык. Словообразование. М., 1973 (далее постраничные ссылки приводятся в тексте).

[2] Другие авторы называют подобные элементы слова «структемами» (см.: *Тихонов А. Н.* Морфема как значимая часть слова // Филол. науки. 1971, № 6),

«асемантемами» (см.: *Гимпелевич В. С.* Асемантемы как незначимые структурные элементы слов // Актуальные проблемы русского словообразования. I. Самарканд, 1972). В чешской лигвистической литературе в настоящее время также обсуждается вопрос о подобных «связочных морфемах» («коннекторах») и о возможности отнесения их к морфемам или к «полуморфемам» (см.: Vědecká synchronní mluvnice spisovné češtiný (Základní koncepce a problémy). Praha, 1974. С. 80).

[3] *Тихонов А. Н.* Указ. соч., с. 47.

[4] *Дементьев А. А.* О так называемых «интерфиксах» в русском языке // Вопр. языкознания. 1974, № 4. С. 119.

[5] Там же.

[6] Как правило, такие морфы репрезентируют одну и ту же морфему.

[7] Ср. также замечание Г. А. Климова о том, что «введенное Ч. Хоккетом понятие так называемых пустых морф... искусственно, поскольку всегда имеется практическая возможность их включения в состав соседних морфемных сегментов» (*Климов Г. А.* Фонема и морфема. М., 1967. С. 32).

[8] См.: *Пешковский А. М.* Понятие отдельного слова // Пешковский А. М. Сборник статей. Л. – М., 1925. С. 126.

[9] *Смирницкий А. И.* К вопросу о слове (проблема «отдельности слова») // Вопросы теории и истории языка. М., 1952. С. 192–193.

[10] Хотя Е. А. Земская и подчеркивает, что «интерфикс – принадлежность слова, а не словоформы» (с. 131).

[11] См.: Русский язык и советское общество. Проспект. Алма-Ата, 1962. С. 36. Позднее, в работе «Русский язык» (см.: Языки народов СССР. I. М., 1966. С. 85), М. В. Панов пересмотрел свою точку зрения на подобные гласные глагольных основ, признав их «суффиксами (дериваторами) с общим значением процессуальности».

[12] См.: Языки народов СССР. I. С. 86.

[13] Там же, с. 84.

[14] О статусе таких отрезков см.: *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* Несколько спорных вопросов русской словообразовательной морфонологии // Вопр. языкознания. 1974, № 3.

[15] Не можем согласиться с той точкой зрения, что словообразовательные морфемы, не входящие в структуре мотивированного слова в состав форманта (т. е. характерные уже для мотивирующего слова), лишены в данном мотивированном слове своего значения (см.: *Янко-Триницкая Н. А.* Словообразовательная структура и морфемный состав слова // Актуальные проблемы русского словообразования. I). Словообразовательная структура слова не сводится к соотношению форманта и мотивирующей основы, а отражает всю его, в ряде случаев многоступенчатую, «деривационную историю». Весьма часто это находит непосредственное отражение и в лексической семантике слова: очевидно, например, что в семантическую структуру слова *мальчишеский* (а через

него и слова *мальчишество)* входит элемент, вносимый суффиксом *-ишк-* в слово *мальчишка.*

[16] См.: *Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 431.

[17] Е. А. Земская не выделяет также интерфиксов *-из-, -ир-* в отыменных глаголах на *-ировать, -изировать, -изовать* (ср. тождественные им по словообразовательному значению глаголы с суффиксом *-ова-).*

[18] К подобным случаям относятся, по-видимому, ещё и суффиксальные морфы причастий *-вш-* и *-ш-,* из которых явно преобладает в употреблении морф *-вш-.* М. В. Панов, однако, считает *-в-* в таких причастиях интерфиксом.

[19] Именно так рассматривает его М. В. Панов (см.: Языки народов СССР. I. С. 85).

[20] В данном случае несущественно, приводим ли мы в качестве примеров синонимичные однокоренные слова или тождественные по словообразовательной семантике образования от разных глаголов.

[21] Примером подобной избыточности средств выражения является и так называемая «вторичная суффиксация» существительных: ср. такие профессиональные обозначения лиц, как *герметизаторщик, дозаторщик* (при наличии синонимичных *герметизатор, дозатор),* а также разговорные и просторечные *спортсменщик, миллионерщик* и т. п. См.: *Гимпелевич В. С.* Указ. соч., с. 128; *Земская Е. А.* Указ. соч., с. 263–264. В. С. Гимпелевич считает в словах типа *герметизаторщик* «асемантемой» отрезок *-щик,* но равным образом можно считать и *-атор.*

[22] *Винокур Г. О.* Указ. соч., с. 432.

[23] *Климов Г. А.* Указ. соч., с. 77. См. также: *Леонтьев А. А.* Слово в речевой деятельности. М., 1965. С. 153.

[24] См.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 34.

[25] См.: *Янко-Триницкая Н. А.* Флексии базового слова в морфологически выводимой основе // Вопросы филологии (к 70-летию проф. И. А. Василенко). М., 1969.

[26] Описание условий употребления разных морфов этого суффикса см. в Грамматике –1970, с. 190 и сл.

[27] См.: *Isačenko A. V.* Morpheme classes, deep structure and the Russian indeclinables. International journal of Slavic linguistics and poetics. XII. 1969. С. 56–57; *Его же,* Russian derivations in *-l-* and *-tel-* // Там же. XVI. 1973. С. 61–77. Эта точка зрения не может нас удовлетворить как не учитывающая смысловой стороны соответствующих образований.

[28] См., например: *Чурганова В. Г.* О предмете и понятиях фономорфологии // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1967, № 4. С. 366–367; *Земская Е. А.* Указ. соч., с. 81–82; *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* Указ. соч., с. 59.

[29] Е. С. Кубрякова называет подобные «субморфемные единицы», участвующие в формировании определенных основ и потому наделенные «опознава-

тельной функцией», «маркерами» (см.: *Кубрякова Е. С.* Основы морфологического анализа. М., 1974. С. 165).

[30] См.: *Крушевский Н. В.* Очерк науки о языке. Казань, 1883. С. 82.

[31] Е. А. Земская, отмечая эту тенденцию у прилагательных на *-овский*, интерпретирует ее как «устранение односложности предсуффиксальных отрезков» (см.: *Земская Е. А.* Интерфиксация в современном русском словообразовании // Развитие грамматики и лексики современного русского языка. М., 1964. С. 45–46).

[32] Это, однако, не означает, что суффиксальные морфы *-к(а), -ск-* и т. п. вообще неспособны сочетаться с односложными корнями. Следует также оговорить, что указанная общая тенденция не является непреложным законом: так, суффиксы прилагательных *-н-, -ск-*, глагольный суффикс *-а-/-аj-* развили «вторичные суффиксы», а глагольный суффикс *-и-/ø* не развил их.

[33] *Реформатский А. А.* Введение в языковедение. 4-е изд. М., 1967. С. 266. См. также: *Мельчук И. А.* О «внутренней флексии» в индоевропейских и семитских языках // Вопр. языкознания. 1963, № 4. С. 34; Грамматика – 1970, с. 31.

[34] См., например: *Шанский Н. М.* Очерки по русскому словообразованию и лексикологии. М., 1959. С. 108–109; Грамматика –1970. С. 42.

[36] См. также: *Оливериус З.* Роль структурного параллелизма при идентификации морфем и определении их типов // Československá rusistika, 1968, № 2. С. 77.

[36] См.: *Шанский Н. М.* Указ. соч., с. 109.

[37] См.: Грамматика–1970, с. 42, 173. Ср. принципы выделения нулевого словообразовательного аффикса, изложенные в ст.: *Лопатин В. В.* Нулевая аффиксация в системе русского словообразования // Вопр. языкознания. 1966, № 1. С. 78–79. Статья перепечатана: с. 76–94 данного издания.

О структуре суффиксальных оценочных наречий

[В сб.: Развитие современного русского языка. 1972. Словообразование. Членимость слова. М., 1975].

Любопытный спорный случай в словообразовании русского языка представляют собой суффиксальные наречия, мотивированные наречиями, типа *боком – бочком.* Наречия эти, объединенные общим модификационным (оценочным) значением ласкательности, составляют единый словообразовательный тип, по формальным признакам четко разделяющийся на четыре группы:

1) *боком – бочком, рядом – рядком, шагом – шажком, босиком – босичком, пешком – пешочком, порожняком – порожнячком;*

2) *стороной – сторонкой, украдкой – украдочкой;*

3) *вдогонку – вдогоночку, вразвалку – вразвалочку, вперемежку – вперемежечку, втихомолку – втихомолочку, всмятку – всмяточку, потихоньку – потихонечку, полегоньку – полегонечку, помаленьку – помаленечку*[1];

4) *хорошенько – хорошенечко, тихонько – тихонечко, легонько – легонечко, маленько – маленечко*[2].

В структуре каждого из приведенных здесь мотивированных наречий конечный элемент равен отсекаемой финали мотивирующего наречия: в первой группе это элемент *-ом,* во второй – *-ой,* в третьей – *-у,* в четвертой – *-о.* Можно предполагать, что элементы эти выполняют чисто структурную функцию, в то время как предшествующий им элемент *-к-,* общий для всех четырех групп, является носителем словообразовательного значения ласкательности[3]. К этому подводят и соображения о тождественности данного элемента суффиксальному морфу *-к-* в существительных типа *голова – головка, ночь – ночка, неделя – недельки,* имеющих также ласкательное значение.

При таком подходе оказывается, что конечный отрезок наречий рассматриваемого типа, выступающий после суффиксального отрезка, являющегося носителем словообразовательного значения, несколько напоминает собой флексию. Но наречия – слова неизменяемые, флексий не имеют. Здесь мы сталкиваемся с совершенно особым, специфическим элементом структуры неизменяемого сло-

ва, который можно назвать квазифлексией. Квазифлексия – это не морф, а часть морфа, в данном типе – конечная часть суффиксального морфа мотивированного слова, обязательно тождественная по фонематическому составу отсекаемой финали слова мотивирующего. Квазифлексии являются разновидностью субморфов. (Субморфы – морфообразные отрезки слов, лишенные семантической функции. В частности, к субморфам относятся отсекаемые финали основ мотивирующих слов, не являющиеся суффиксальными морфами. Например, в случаях *шарман-к-а – шарман-щик* и *баналь-н-ый – баналь-щин-а* элементы *-к-* и *-н-* – субморфы[4]).

Получается, что суффикс мотивированных наречий рассматриваемого типа состоит из двух частей – постоянного элемента *-к-*, являющегося носителем семантической функции (определенного словообразовательного значения), и переменного элемента – квазифлексии – несущего структурную функцию[5].

Но возможно и другое решение вопроса о словообразовательном механизме подобных наречий. Можно допустить, что финаль *(-ом, -ой, -у* или *-о)* в мотивирующем наречии не отсекается, а суффикс, состоящий в этом случае уже только из одной фонемы *-к-*, вставляется в мотивирующее наречие перед указанной финалью (вызывая перед собой определенные чередования)[6]. При этом заметим, что мотивирующее наречие может «разрываться» таким образом и на морфемном шве, и внутри морфа. Например, в случаях *бок-ом – боч-к-ом, помаленьк-у – помаленеч-к-у* такой «разрыв» осуществляется на морфемном шве: в слове *боком* выделяется суффикс *-ом,* а в *помаленьку* – суффикс *-у*. Зато в случаях *босиком – босич-к-ом, вдогонку – вдогоноч-к-у* «разрывается» суффикс мотивирующего наречия (в слове *босиком* – суффикс *-иком,* во *вдогонку – -ку*), в случае *украдкой – украдоч-к-ой* «разрывается» корень *(украдкой* – слово опрощенное), а в случае *втихомолку – втихомолоч-к-у* – «унификс» *-омолку* (ср. *тихий, тихо).*

Не будем высказываться в пользу одного из двух предложенных решений. Оба с синхронической точки зрения представляются возможными. Подчеркнем лишь, что при любом из этих решений на сцену выступают явления, вовсе не знакомые нам по другим участкам словообразовательной системы, явления уникальные. При первом решении – это особый конечный субморф мотивированного слова, являющийся частью суффикса, при втором – это суффикс, «разрывающий основу мотивирующего слова. Понятие

квазифлексии, по-видимому, может быть использовано при обоих подходах.

Очевидно, что аналогичные альтернативные решения возможны и при словообразовательной интерпретации других наречий, мотивированных наречиями. Сюда относятся типы наречий: 1) с суффиксом *-овато: рано – рановато, поздно – поздновато;* 2) с суффиксом *-енько/-онько: давно – давненько, тихо – тихонько;* 3) с суффиксом *-охонько/-ошенько: рано – ранехонько* и *ранешенько, тихо – тихохонько* и т. п. Однако в качестве квазифлексии в наречиях этих типов выступает только элемент *-о*; носителями же словообразовательных значений являются элементы *-оват-, -еньк-/-оньк-, -охоньк- /-ошеньк-*, которые могут отождествляться с суффиксами «оценочных» прилагательных (ср. соответственно: *слабый – слабоватый; слаб – слабенек, долог – долгонек; близкий – близехонький* и т. п.).

Рассмотренный здесь противоречивый фрагмент русской словообразовательной системы всецело обусловлен своеобразием наречия как части речи.

Примечания

[1] Наречия этой группы мотивируются только наречиями (разных словообразовательных типов), оканчивающимися на *-ку.*

[2] В качестве мотивирующих в этой группе выступают только усилительно-экспрессивные наречия на *-онько/-енько,* в свою очередь мотивированные наречиями с суффиксом *-о*; непосредственно от наречий с суффиксом *-о* наречия рассматриваемого типа не образуются.

[3] Перед суффиксальным *-к-* в наречиях этого типа чередуются заднеязычные согласные с шипящими, перед которыми появляется (в позиции после согласной) беглое *о.*

[4] О субморфах см., например: *Мельчук И. А.* К понятию словообразования // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1967, № 4. С. 354; *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* Несколько спорных вопросов русской словообразовательной морфонологии // Вопр. языкознания. 1974, № 3. С. 59.

[5] Такая интерпретация (без введения термина «квазифлексия») дана для наречий этого типа в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970. С. 295).

[6] Подобную интерпретацию предлагает А. Н. Тихонов: «В отличие от других частей речи суффиксы оценки наречий присоединяются не к производящей основе, а вставляются внутрь основы перед наречным суффиксом» (см.: *Тихонов А. Н.* Образование наречий в синхронном освещении // Труды Самаркандского пед. ин-та им С. Айни. Новая серия, вып. 170. Самарканд, 1969. С. 15–16).

Мена полногласия и неполногласия в словообразовании современного русского языка

[Русский язык в школе. 1970, № 6]

О взаимоотношении слов с полногласными и неполногласными сочетаниями написано много статей и исследований. В меньшей степени изучено такое, например, явление, как взаимодействие слов с полногласным и неполногласным сочетаниями в рамках словообразовательного гнезда, конкретнее – мена полногласия и неполногласия в словообразовательно соотносительных основах[1].

Речь идет о таких соотношениях мотивирующего и мотивированного (производящего и производного) слов в современном русском языке, как, например, *берег – безбрежный* и *прибрежный, холод – охладить, здоровье – здравоохранение* (в мотивирующем слове полногласное сочетание, в мотивированном – неполногласное) или *жребий – жеребьевка* (обратное соотношение). Представляется важным комплексное описание всех подобных фактов и их синхроническая словообразовательная интерпретация. Сами по себе эти факты свидетельствуют о глубокой внутренней связи между полногласными и неполногласными основами, сохраняющейся в целом ряде случаев в современном русском языке (до сих пор исследователей занимало преимущественно семантико-стилистическое размежевание таких основ).

Известно, что размежевание полногласного и неполногласного вариантов слов в истории русского языка было либо семантическим, либо стилистическим. В первом случае полногласный и неполногласный варианты получают различные значения, расходясь семантически достаточно далеко *(сторона – страна, хоронить – хранить, порох – прах)* или сохраняя некоторую общность в семантике *(короткий – краткий, здоровый – здравый)*. Во втором случае один из вариантов отходит на периферию языка, относясь к явно устарелой, стилистически маркированной – чаще всего книжно-поэтической – лексике, в то время как другой остается принадлежностью стилистически нейтральной общеупотребительной номи-

нативной лексики (ср.: *холод – хлад, берег – брег, город – град, храбрый – хоробрый*). Характерно, что в наше время такие устарелые поэтизмы, как *хлад, брег, град, древо, злато* и т. п., почти совсем исчезли из практики литературного употребления.

Среди слов, исторически производных от подобных поэтизмов, есть такие, которые являются также устарелыми поэтизмами, например: *хлад – хладный, хладеть*; у них есть общеупотребительные нейтральные соответствия: *холодный, холодеть,* соотносительные с *холод.* Этого нельзя сказать, например, о слове *охладить:* будучи стилистически нейтральным и общеупотребительным, оно лишено в современном языке соотносительности с «глубоким» архаизмом *хлад* и может синхронически рассматриваться только как мотивированное таким же стилистически нейтральным словом *холод*[2]. Следует иметь в виду одну из общих закономерностей синхронического словообразования, состоящую в том, что стилистически окрашенное слово может быть мотивирующим только по отношению к словам той же стилистической окраски (а стилистически нейтральное слово может быть мотивирующим как для нейтральных слов, так и для стилистически окрашенных)[3]. С этой точки зрения должны рассматриваться как мотивированные нейтральными словами с полногласием и такие образования с неполногласием, которые не являются стилистически нейтральными, но стилистическая окраска которых не совпадает с окраской соответствующих немотивированных слов с неполногласием. Так, *брадобрей* (парикмахер) – устаревший термин, лишенный окраски поэтизма, а *дражайший* – слово, обычно характеризуемое в современных словарях как устаревшее и употребляющееся иронически (ср. *брада* и *драгой* – устаревшие поэтизмы).

Аналогично решается вопрос и в случаях, когда стилистически нейтральными в современном языке являются мотивированное слово с полногласием и мотивирующее с неполногласием.

Мотивированное слово может выступать в современном языке в двух стилистически нейтральных вариантах – полногласном и неполногласном, например: *среди – середина* и *средина, холод – холодостойкий* и *хладостойкий.* Однако мотивирующим для этих вариантов является одно и то же стилистически нейтральное слово *(среди, холод).* Словообразовательное противопоставление *среди – средина,* но *середи – середина, холод – холодостойкий,* но *хлад – хладостойкий* было бы возможно лишь в том случае, если

бы *середина* так же отличалось стилистически от *средина*, как *середи* (устаревшее) отличается от *среди*, а *хладостойкий* так же стилистически относилось бы к *холодостойкий*, как *хлад* (устар., поэтич.) к *холод*.

Еще более явственно выступают синхронические словообразовательные связи при семантическом размежевании исторических вариантов с полногласием и неполногласием. Так, очевидно, что глагол *отстранить* («отодвинуть, отвести от себя в сторону») мотивируется в современном языке только словом *сторона* (но не *страна*), а *здравоохранение* не может сейчас мотивироваться словом *здравый*[4]. Иногда, впрочем, одно и то же образование может рассматриваться как мотивированное одновременно обоими словами – с полногласием и неполногласием, если они не очень далеки друг от друга семантически: так, *кратчайший* мотивируется и словом *краткий*, и словом *короткий* (в части его значений).

Остановившись на критериях установления синхронических словообразовательных отношений в подобных соответствиях, приведем краткий перечень этих соответствий (наиболее бесспорных) в современном русском языке[5].

Берег – безбрежный, прибрежный, прибрежье (с закономерным перед суффиксами *-н-* и *-j-* чередованием *г – ж*). У двух последних слов есть малоупотребительные варианты *прибережный* и *прибережье*, употребляющиеся почти исключительно в поэтической речи; ср.: *А в прибережных чащах, Невдали, Кукушка так усердно куковала...* (А. Межиров. Сон). – Ср. *брег* (устар., поэт.)[6].

Борода – брадобрей (устар.). – Ср. *брада* (устар., поэт.).

Волосы – седовласый (наряду с *седоволосый*); *власокрылые, власоед* (насекомые), *власоглав* (зоол.). *Волосяной – власяница*. – Ср. *власы, власяной* (книжн., устар.).

Ворота – вратарь (спорт.)[7] и *привратник*, но прилагательное *приворотный* «находящийся около ворот». – Ср. *врата* (книжн., устар.).

Голова – обезглавить (но *безголовый*); *трехглавый, пятиглавый, стоглавый* и т. п. (преимущественно о фантастических существах). – Ср. *глава* (высок., устар.).

Голос – огласить, разгласить, возгласить, откуда *возглас; безгласный, громогласный, сладкогласный* (но ср. сложения на *-голосый* с нулевым суффиксом: *звонкоголосый, многоголосый* и т. п.). – Ср. *глас* (устар., поэт.).

Город – градостроение, градостроительный, градостроитель и *градостроительство; градоправитель, градоначальник;* продуктивный тип сложных названий городов с опорным компонентом *-град: Ленинград, Калининград, Волгоград, Целиноград, Зеленоград, Зерноград* и т. п. (ср. почти непродуктивную группу названий городов с опорным компонентом *-город: Новгород, Белгород, Славгород).* – Ср. *град* (устар., поэт.).

Дерево – древесный, откуда *древесина;* ряд сложных слов с первым компонентом *древо-*: *древовал, древостой, древолаз; древогрыз, древоточец* (насекомые); *древонасаждение; древовидный, древообразный* (но ср. сложения с компонентом *дерево-*: *деревообделочный, деревообработка* и т. п.); в аббревиатурах продуктивен компонент *-древ-,* соответствующий словам *деревообрабатывающий* и *деревообделочный: Гипродрев, Лендревтрест, Древмашимпорт, Москооздревсоюз* и т. п. – Ср. *древо* (устар., поэт.).

Дорогой (противоп. *дешевый) – драгоценный; дорогой* («милый, близкий сердцу») – *дражайший* (устар. и ирон.). – Ср. *драгой* (устар., поэт.).

Жребий – жеребьевка, откуда *жеребьевщик.* – Ср. *жеребий* (устар., нар.-поэт.).

Заглавие – заголовок[8].

Здоровый и *здоровье – здравствовать, здравица, заздравный; здравоохранение, здравоохранительный, здравница;* компонент *-здрав-* широко используется также в аббревиатурах в соответствии с сочетанием «относящийся к здравоохранению»: *здравотдел, здравпункт, облздрав* и т. п. – Ср. *здравый («здоровый»), здравие (устар.).*

Здравствуй(те) (приветствие при встрече) – *здороваться.*

Золото и *золотой – златолюбие, златолюбец* и *златолюбивый; златокованый, златотканый, златоглавый; златка* (жук), *златоглазка, златоглазик, златогузка* (насекомые), *златокроты* (семейство млекопитающих) – названия животных с золотистым блеском; *златоцвет* (растение). – Ср. *злато, златой* (устар., поэт.).

Короткий (в значении «малый по времени») – *кратчайший* наряду с *краткий – кратчайший.*

Молодой (в значении «новый, недавно появившийся») – продуктивный тип сложений с первым компонентом *младо-,* преимущественно обозначающих представителей национально-политических и философских течений и группировок: *младогегельянцы,*

младоафганцы, младотурки, младофинны и т. п. (характерно, что полные названия соответствующих обществ нередко содержат прилагательное *молодой.* Ср.: *общество «Молодая Германия»* и *младогерманцы);* ср. новое *младописьменный* (о языках, народах). *Моложе – младший* (с таким же чередованием согласных, как в случае *хуже – худший).* – Ср. *младой* (устар., поэт.).

Молоко – млекопитающие. Млечный Путь;

Молоко (в значении «особый сок растений») – *млечный,* откуда *млечники* (ботанич.). – Ср. *млеко* (устар., поэт.).

Огородить (со связанным корнем -город-; сюда же *загородить, перегородить, отгородить)* – *ограда* (с нулевым суффиксом; по образованию ср. *преграда* и т. п.). – Ср. *оградить* – «обнести, отгородить чем-л.» (устар.).

Перед (предлог в значении временного предшествования) – *прежде* (с чередованием *д – жд); упредить* (устар. и воен.), откуда *упреждение* и *предупредить* (но ср. *опередить); предок. Вперед* и *впереди* («в будущем») – *впредь.* – Ср. *пред* (книжн.).

Серебро – сребролюбие, сребролюбец и *сребролюбивый; среброносный* (о горных породах), *сребровидный* (спец.), *сребротканый; бессребреный* и *бессребреник; сребреник* («древняя серебряная монета»). – *Ср. сребро* (устар., поэт.).

Среди (в значении «посреди») и *средний – середина,* откуда *посередине* (наряду со *средина* и *посредине,* но только *срединный); середка* и *посередке* (разг. и прост.); *середняк.* – Ср. *середи, середний* (устар.).

Сторона – отстранить, отстраниться (но *посторониться).*

Холод – охладить, охладеть, прохлада, прохладный, прохладить, откуда *прохладительный;* сложения с первым компонентом *хладо-* или *хладно-: хладостойкий* (наряду с *холодостойкий), хладноломкость* (техн.), *хладнокровный* и *хладнокровие* (ср. *холодный* в переносном смысле; но *холоднокровные,* связанное с прямым смыслом прилагательного), наконец, ряд терминов с общим значением «снабженный холодильными установками»: *хладокомбинат, хладобойня, хладоприемник, хладотранспорт, хладоцентр, хладоящик* и т. п. – Ср. *хлад* (устар., поэт.).

Обращает на себя внимание, что среди приведенных примеров большое место занимают сложные слова с неполногласием [9]. Именно при сложении и аббревиации подобная мена в корнях представляет собой более регулярное, чем при аффиксации, и в ряде

случаев продуктивное явление: ср. продуктивные группы названий городов на *-град,* сложений с первыми компонентами *древо-, злато-, младо-, хладо-,* аббревиатур с компонентом *-древ-* и др. Это явление не случайно: здесь, несомненно, сказывается присущее языку стремление к экономии средств выражения – в данном случае тенденция к выбору более короткого (меньшего на слог) варианта корня в структуре таких достаточно длинных образований, как сложные слова и аббревиатуры[10]. Показателен с этой точки зрения и тот факт, что среди аффиксальных образований с заменой полногласия на неполногласие в корне меньшую часть составляют суффиксальные и бóльшую – префиксально-суффиксальные, т. е. содержащие по сравнению с первыми большее количество морфем: ср. префиксально-суффиксальные глаголы *обезглавить, огласить, разгласить, упредить, отстранить, прохладить, охладить, охладеть;* прилагательные *прибрежный, безбрежный, безгласный, бессребреный, заздравный;* существительные *прибрежье, привратник* и нек. др. Не случайно и то, что в префиксально-суффиксальных образованиях используется префикс *пред-,* а не *перед-.*

Реже, чем в корнях, наблюдается мена полногласия и неполногласия в п р е ф и к с а х. Однако сюда относится следующее высоко продуктивное и проявляющееся с абсолютной регулярностью соотношение: сочетание существительного с предлогом *перед* – соотносительное с ним префиксально-суффиксальное образование с префиксом *пред-,* которое может рассматриваться как мотивированное этим сочетанием: *перед горами – предгорье, перед плугом – предплужник, перед мостом – предмостный, перед войной – предвоенный, перед грозой – предгрозовой* и т. д. (все остальные предлоги в подобных соотношениях фонематически тождественны префиксам; ср., например, предлоги *до, за, без* и префиксы *до-, за-, без-*)[11]. Некоторые из подобных образований имеют малоупотребительные и используемые только в поэтической речи варианты с префиксом *перед-.* Таково, например, прилагательное *передрассветный* (ср. обычное *предрассветный*): *Я песням у дроздов учусь В передрассветный час* (Э. Багрицкий. Разбойник).

Аналогичное соотношение «предлог *через* – префикс *чрез-*» встречается в случае: *через меру – чрезмерный.*

Несомненные случаи мены префиксов *пере-* и *пре-: перестать – беспрестанный* и *непрестанный; прерывать – перерыв*[12]. В пер-

вом случае полногласие в мотивирующем слове, во втором – в мотивированном.

Весь изложенный материал показывает, что при мене полногласия и неполногласия в словах, связанных отношениями словообразовательной мотивации, полногласие в мотивированном слове встречается значительно реже, чем неполногласие, и может быть отмечено лишь в следующих словах: *середина, середка, середняк, жеребьевка, здороваться, заголовок, перерыв.* По своей словообразовательной структуре это разрозненные, единичные слова, не поддающиеся, в отличие от подобных образований с неполногласием, обобщениям. Это, по-видимому, также связано с той тенденцией к выбору более короткого варианта морфемы в мотивированном слове, о которой говорилось выше и которой выбор варианта с полногласием, очевидно, противоречит.

С синхроническо-словообразовательной точки зрения описанная мена полногласных и неполногласных сочетаний должна рассматриваться как чередование *оро – ра, ере – ре, оло – ла, оло – ле* в корнях слов, являющееся, как и все чередования, используемые в словообразовании, дополнительным различительным средством, сопутствующим аффиксации и словосложению. Эта разновидность чередования, будучи ограничена определенным набором корней, обнаруживает сходство с чередованиями корневого вокализма, также распространяющимися в современном русском языке на незначительную часть корней (преимущественно глагольных): ср. *брать – отбирать – отбор, носить – нашивать* и т. п. В отличие от «классических» чередований, либо восходящих к древнейшим (праславянским и праиндоевропейским) вариациям вокализма, либо являющихся результатами более поздних фонетических процессов, впоследствии морфологизировавшихся, мена полногласия и неполногласия имеет своеобразное происхождение, являясь результатом взаимодействия сходных по фонемному составу слов двух близкородственных языков, на почве одного из которых они развивались уже как варианты слова. Однако историческое своеобразие данного явления не может препятствовать трактовке его с синхронической точки зрения как особого чередования. «Под звуковыми чередованиями, – писал Г. О. Винокур, – мы понимаем такую смену звукового состава морфемы, которая имеет регулярный характер и связана с чередованием определенных морфологических позиций»[13]. С этой точки зрения мы имеем достаточно

оснований рассматривать, во всяком случае, мену полногласия в мотивирующем слове на неполногласие в мотивированном как чередование, поскольку мена эта носит регулярный характер, повторяясь в ряде образований, подавляющее большинство которых принадлежит к определенным структурным типам (сложения, аббревиатуры, префиксально-суффиксальные образования и нек. др.). То обстоятельство, что такая мена иногда обнаруживается лишь в части образований соответствующих структурных типов (ср., например, *младописьменный, древонасаждение, златолюбие, драгоценный,* но *деревообделочный, дорогостоящий, золотоносный, золотопромышленник* и т. п., где полногласие в первом компоненте сложений сохраняется), не означает отрицания самой регулярности рассматриваемых здесь отношений, а лишь отрицает их абсолютную регулярность, обязательность, которая, кстати, характерна далеко не для всех чередований.

Напрашивается уподобление данного явления таким регулярным менам согласных, также весьма далеким с генетической точки зрения от «классических» чередований, как, например, чередование *н(н') – ш* перед суффиксами *-ок, -к(а), -к(о) (баран – барашек, ремень – ремешок, ладонь – ладошка, Иван – Ивашка, окно – окошко;* но *перстень – перстенек, деревня – деревенька* и т. п.)[14] или чередования *с(с') – т', з(з') – т'* перед некоторыми суффиксами в иноязычных корнях *(анализ – аналитический, хаос – хаотический, гипноз – гипнотический* и *гипнотизм, ересь – еретик, гипотеза – гипотетический;* но *гимназический, апоплексический, синтаксический* и т. п.).

Несомненно, что такой специфический для русского языка вид чередования, как мена полногласия и неполногласия при словообразовании, должен найти свое место в грамматических курсах и учебных пособиях по современному русскому языку.

Примечания

[1] См. об этом: *Винокур Г. О.* О славянизмах в современном русском литературном языке // Винокур Г. О. Избранные работы по русскому языку. М., 1959. С. 451–452.

[2] Отвлекаясь от спорного вопроса о том, являются ли в современном русском языке пары типа *холод – хлад, берег – брег* вариантами одного слова или разными словами, мы рассматриваем случаи *холод/хлад – охладить, берег/брег – безбрежный* и т. п. как образования, мотивированные словом в одном из его

стилистических вариантов – нейтральном (ср.: *холод/хлад – холодный/хладный* и т. п., где мотивированное слово соответствует всему стилистическому объему мотивирующего).

[3] Поэтому, в частности, стилистическая окраска таких слов, как *нелегал, гуманитар* и т. п., свидетельствует об их мотивированности стилистически нейтральными прилагательными *нелегальный, гуманитарный,* хотя основа их и короче основы этих прилагательных (см.: *Земская Е. А.* Понятия производности, оформленности и членимости основ // Развитие словообразования современного русского языка. М., 1966. С. 8–9).

[4] Ср., однако, *здравомыслящий,* мотивированное прилагательным *здравый* в значении «разумный, правильный». Вопрос о невозможности мотивации слова *здравоохранение* словами *здравый* и *здравие* как устаревшими синонимами слов *здоровый* и *здоровье* сводится уже к стилистическому размежеванию соответствующих слов, такому же, как и в случаях *хлад – охладить* и т. п. (см. выше).

[5] Вне этого перечня остаются слова, с семантической точки зрения лишенные в современном языке отношений словообразовательной мотивированности, например: *молодой – младенец, сторож* и *сторожить – стража.* Список (для современного языкового состояния неполный) этимологически соотносительных образований с неполногласием и полногласием, расположенных по этимологическим корням, независимо от их семантико-словообразовательной соотносительности в современном языке, см. в кн.: *Шахматов А. А.* Очерк современного русского литературного языка. М., 1941. С. 72–74.

[6] Стилистические характеристики славянизмов здесь и ниже даются по четырехтомному Словарю русского языка (М., 1957–1961).

[7] Об этом слове см.: *Факторович Т. Л.* Вратарь // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. V. М., 1966.

[8] Индивидуальное, нетипизированное соответствие. Корень *-глав- /-голов-* в этих словах, не соотносительных в современном языке со словом *голова* и, по-видимому, со словом *глава* – «раздел книги», не вычленяется. *Заглавие* условно принимается в этой группе слов за мотивирующее, как имеющее большее количество мотивированных им слов (ср. *заглавный, озаглавить* и *заголовочный).*

[9] Этот факт отмечен Г. О. Винокуром (см. указ. соч., с. 451).

[10] Исторически обилие неполногласных корней в сложениях объясняется также книжностью самого этого способа словообразования, сформировавшегося под заметным влиянием церковной письменности. См.: *Шахматов А. А.* Указ. соч., с. 74.

[11] Не следует удивляться тому, что при такой трактовке корневая морфема предлога отождествляется с аффиксальной морфемой полнозначного слова. Это внутреннее противоречие отражает специфику служебных слов, функционально во многих отношениях близких к аффиксам.

[12] *Перерывать* – «временно прекращать действие» (именно с этим значением глагола связано прежде всего слово *перерыв)* – для современного языка устарело. Об историческом размежевании глаголов *прервать* и *перервать* см.: *Улуханов И. С.* Причины семантического преобразования славянизмов // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1966, № 2. С. 94–95.

[13] *Винокур Г. О.* Заметки по русскому словообразованию // Винокур Г. О. Указ. соч., с. 428.

[14] Попытку генетически объяснить это чередование иноязычным влиянием см. в статье: *Арапов М. В., Арапова Н. С.* К истории словообразовательной модели *баран – барашек.., окно – окошко* // Этимологические исследования по русскому языку. Вып. V. М., 1966.

Акцентологические проблемы синхронного словообразования в современном русском языке

[В сб.: Славянское и балканское языкознание.
Проблемы морфонологии. М., Наука, 1981]

Словесное ударение таких языков, как русский, – ударение разноместное (не фиксированное на определенном слоге словоформы) – безоговорочно признается ныне необходимой частью морфонологии. Будучи одним из средств различения звуковых оболочек слов и словоформ, словесное ударение функционирует в современном русском языке как суперсегментная фонема[1], а «акцентная кривая» – как ряд чередующихся суперсегментных фонем, или суперсегментная морфонема. Акцентные различия словоформ успешно изучаются в настоящее время как одно из морфонологических средств языка, наряду с фонемными альтернациями[2].

Морфонологичность русского словесного ударения проявляется прежде всего в том, что в каждом слове оно прикреплено к определенной морфеме (при подвижности ударения в слове – к разным морфемам в разных словоформах). В этом своем качестве, выступая в неодноморфемных словах, ударение является дополнительным, сопровождающим аффиксацию средством образования словоформ и слов, причем оно способно играть роль единственного формального средства различения словоформ одного слова (ср. *головы́ – го́ловы),* словоформ разных слов (напр., *разре́зать* и *разреза́ть,* но ср. другие формы тех же слов – *разре́жу* и *разреза́ю* и т. п., где различен уже и состав сильных фонем) или даже целых слов (ср., например, *забе́гать* и *забега́ть, гору́шка* «маленькая гора» и *го́рушка* – ласкательное, *прово́д* – действие и *про́вод* – предмет), однако значительно чаще выступает как неединственное (дополнительное) формальное средство различения слов и словоформ[3].

Характер релевантности ударения как морфонологического средства принципиально различен в словоизменении и словообразовании. Для словоизменения существенно лишь распределение ударения между основой и флексией в разных словоформах,

определяющее принадлежность слова к одной из «акцентных кривых»[4], или акцентных типов словоизменения. Для словообразования этот признак тоже важен, но не менее важна и позиция ударения на определенной морфеме в пределах основы мотивированного (производного) слова. Таким образом, в словообразовании мы имеем дело с гораздо более дробными характеристиками наосновного ударения слов, со значительно большим многообразием и многочисленностью релевантных акцентных различий по сравнению с «акцентными кривыми» (акцентными типами) словоизменения.

В соответствии с основным словообразовательным противопоставлением – противопоставлением мотивированного и мотивирующего слов – мотивированные слова, принадлежащие к определенному словообразовательному типу, характеризуются и определенным типом акцентной соотносительности с мотивирующими словами (для разных морфов одного словообразовательного аффикса эти типы могут быть различными)[5]. При этом типы акцентной соотносительности могут выступать в качестве формального средства различения омонимических морфов, а также разных словообразовательных типов и разных способов словообразования с использованием одного и того же морфа. Вот несколько примеров.

1. В сфере «субъективно-оценочных» существительных суфф. *-ушк(а)* с уменьшительным значением (сопровождающимся, как правило, оттенком уничижительности) всегда ударен, напр.: *избу́шка, речу́шка, повесту́шка, сараю́шка;* существительные же с суфф. *-ушк(а)* чисто ласкательного значения (не сопровождающегося уменьшительностью), напротив, характеризуются ударением на предсуффиксальном слоге: *голо́вушка, сосе́душка, хле́бушко.* Это дает возможность для формального разграничения словообразовательных омонимов – таких как, напр., *речу́шка* (об очень маленькой речке) и *ре́чушка* (фольклорное; так можно назвать и Волгу); аналогично *гору́шка* и *го́рушка* и т. п.

2. Слова с суфф. *-ин(а)* – названия абстрактного признака (мотивированные прилагательными) характеризуются ударением на флексии (во мн. ч. – на суффиксе). Кроме этого типа (напр., в существительных предметно-характеризующего значения – отглагольных, отадъективных), ударение на флексии в словах с суфф. *-ин(а)* не встречается: ср., с одной стороны, *седина́, тишина́, глубина́* (к мн. ч. *седи́ны, глуби́ны*); с другой – *цара́пина, тре́щина, разва́лина, лы́сина, грома́дина.*

3. Существительные с суфф. *-от(а)*, мотивированные прилагательными, имеют ударение на флексии: *быстротá, краснотá, слепотá* (в редких формах мн. ч. – на суффиксе: ср. *красóты*); в существительных с тем же суффиксом, мотивированных глаголами (см. ниже), преобладает ударение на суффиксе: *дремóта, зевóта, икóта* и т. п.

4. Существительные с суфф. *-н(я)*, имеющие значение отвлеченного действия *(резня́, стряпня́)* и собирательное *(солдатня́, ребятня́)*, характеризуются ударением на флексии, а с суффиксом *-н(я)* предметно-характеризующего значения – на основе *(свóдня, бóйня, пекáрня)*.

5. В существительных суффиксально-сложного способа словообразования, в отличие от чисто суффиксального, не допускается ударение на флексии. Поэтому относящиеся к этим способам мотивированные слова, характеризующиеся тождественным суффиксом, могут различаться характером ударения: если в чисто суффиксальном образовании ударение на флексии (при нулевой флексии – на суффиксе), то в соответствующем суффиксально-сложном – на корне опорного компонента. Ср., напр., *борéц (борцá), писéц (писцá)*, аналогично *боéц, продавéц* и т. п., но *многобóрец (многобóрца), самопúсец (самопúсца)*, аналогично *камнебóец, христопродáвец* и т. п.; *цвести́ – цвет, -а, цветы́* и *первоцвéт, -а, -ы* (с нулевым суффиксом); *есть – едá* и *ногтоéда, костоéда* (также с нулевым суффиксом).

6. Та же закономерность проявляется в префиксально-суффиксальных и суффиксально-сложных прилагательных с теми же суффиксами, что и чисто суффиксальные прилагательные. Ср., напр., *земнóй – надзéмный, ушнóй – околоýшный, спиннóй – наспúнный, головнóй – подголóвный, очереднóй – поочерёдный, сварнóй – цельносвáрный, сливнóй – водослúвный, морскóй – примóрский* и *севермóрский, донскóй – задóнский, племенннóй – иноплемéнный, ручнóй – однорýчный, волновóй – коротковолновóй.* Если в чисто суффиксальном прилагательном выступает ударение на флексии, то в префиксально-суффиксальном или суффиксально-сложном с тем же корнем ударение падает на корень или суффикс[6].

Несмотря на повышающуюся в подобных словообразовательных типах формально-различительную роль ударения, последнее остается в них дополнительным формальным средством, не входящим в состав форманта и сопровождающим основное словообразовательное средство – аффиксацию[7].

В качестве одного из словообразовательных средств, входящих в состав форманта, ударение выступает только в словах со сложной (комплексной) мотивирующей базой – сложениях, сращениях, аббревиатурах[8]. В отличие от слов с простой мотивирующей базой, принадлежащих к чисто аффиксальным способам словообразования, здесь ударение является не дополнительным, а основным (хотя и не единственным) словообразовательным средством. Кроме того, здесь качественно иной оказывается и морфонологическая релевантность ударения: если при чистой аффиксации ударение морфонологически релевантно в своей внутрисловной позиции, морфемной прикрепленности, то при сложении, сращении, аббревиации релевантность основного словесного ударения (при котором могут быть и побочные) определяется его единственностью, всегда отличающей цельнооформленное слово от сочетания тех слов, основы которых содержатся в нем в качестве мотивирующих, или просто от мотивирующих слов в их самостоятельном употреблении (ср., напр., *первоисто́чник* и *пе́рвый исто́чник; лесосте́пь* и *ле́с и сте́пь, умалишённый* и *лишённый ума́)*.

Такова общая морфонологическая характеристика роли ударения в словообразовании современного русского языка. Естественно, что инвентаризация типов акцентной соотносительности мотивированного и мотивирующего слов (далее сокращенно – ТАС) с синхронической точки зрения является важнейшей задачей описания словообразовательной морфонологии русского языка. Задача эта еще не решена, полное описание этих типов и, главное, условий их выявления до сих пор отсутствует[9]. Настоящая статья преследует более скромную цель – предложить систему понятий и терминов, которые могут быть применены в таком описании, и дать его фрагмент, описав ТАС, встречающиеся в отглагольном суффиксальном словообразовании. При этом акцентная соотносительность отглагольного слова и мотивирующего глагола трактуется как одно из проявлений морфонологических преобразований исходной глагольной основы. Предлагаемое ниже описание может рассматриваться как дополнение к тому комплексному описанию морфонологических явлений отглагольного словообразования, которое осуществлено нами (без учета акцентных характеристик) в другом месте[10].

Основные понятия описания.

Акцентная позиция – место ударения в мотивированном слове, которое определяется или (а) по отношению к ударе-

нию мотивирующего слова, или (б) по отношению к определенному морфу данного мотивированного слова или к мотивированному слову в целом.

Типы акцентной соотносительности мотивированного и мотивирующего слов (ТАС) – это совокупность акцентных позиций, присущих мотивированным словам с определенными словообразовательными морфами либо зависящих от ударения мотивирующего слова и других морфонологических условий, либо не зависящих от них.

Как и по другим своим морфонологическим свойствам, по ударению отглагольные слова сопоставляются нами с исходной основой (далее ИО) мотивирующего глагола, причем за ИО принимается у подавляющего большинства глаголов основа на гласную[11]. В качестве формы, содержащей ИО глагола, рассматривается в большинстве случаев форма инфинитива; лишь в глаголах VI класса, подклассов 1, 2 и группы 3 *а*[12] – *беречь, течь, грызть, трясти, грести* и т. п. (глаголах с ИО на согласную, не имеющих основы с гласной финалью), а также в глаголах подкласса VII 1 *(прясть, вести, плести, сесть* и т. п.) и в изолированных глаголах *есть, надоесть* ИО выделяется в формах прош. вр.[13] Выделяемая таким образом ИО глагола может быть безударной (в таком случае в соответствующих глагольных формах ударна флексия, напр.: *текли́, береглú, тряслú, велú*), иметь ударение на последнем *(читáть, сторожúть)* и на любом другом слоге *(вы́работать, испóльзовать).*

Среди ТАС мотивированного и мотивирующего слов выделяем прежде всего две группы: ТАС, при которых акцентная позиция мотивированного слова (1) не зависит и (2) зависит от ударения в ИО мотивирующего глагола.

В ТАС первой группы акцентные позиции отглагольных слов с определенными суффиксальными словообразовательными морфами зависят от определенных морфонологических условий (но не от ударения в ИО глагола) либо не зависят от каких бы то ни было условий (т. е. единственным условием выбора акцентной позиции является здесь сам суффиксальный морф).

В ТАС второй группы акцентные позиции различаются чаще всего в зависимости от того, присутствует ли в мотивирующей основе (далее – МО) отглагольного слова ударный слог ИО глагола. Морфонологическим условием выбора акцентной позиции яв-

ляется здесь либо (а) ударность ИО мотивирующего глагола при сохранении ударного слога в структуре МО (ср., напр., *поддéлать – поддéл-ка, рисовáть – рисовá-ние)*, либо (б) безударность ИО мотивирующего глагола или ударность ее при несохранении ударного слога в структуре МО (ср. *трясти́, тряслú – тря́с-ка* и *подгребáть – подгрёб-ка, недоумевáть – недоумé-ние)*. Таким образом, отсутствие в структуре МО отглагольного слова ударной финали ИО глагола приравнивается к ударению в мотивирующем глаголе на флексии[14].

Выделяемые ниже при описании ТАС отглагольных слов акцентные позиции обозначаются римскими цифрами следующим образом:

П о з и ц и я I: ударение на том же слоге, что и в мотивирующем слове.

П о з и ц и я II: ударение на суффиксальном морфе, входящем в состав форманта.

П о з и ц и я III: ударение на флексийном морфе (при нулевой флексии – действительное ударение на последнем слоге основы, или условное на флексийном морфе[15]).

П о з и ц и я IV: ударение на первом предсуффиксальном слоге.

П о з и ц и я V: ударение на втором предсуффиксальном слоге.

П о з и ц и я VI: ударение на первом слоге мотивирующей основы.

П о з и ц и я VII: ударение на первом слоге слова.

Заметим, что все семь перечисленных акцентных позиций являются разновидностями неподвижного ударения: позиция III – неподвижное ударение на флексии, остальные – на основе. Подвижность ударения в суффиксальных образованиях вообще нехарактерна для русского языка[16] и представлена единичными образованиями (на них ниже будет обращено внимание при описании как на исключениях)[17].

В перечисленных позициях ударение морфонологически фиксируется либо на определенном морфе (позиции II и III), либо относительно определенного морфа (позиции IV и V), либо относительно мотивирующей основы (позиции I и VI) или основы мотивированного слова в целом (позиция VII).

При разграничении акцентных позиций мотивированных слов необходимо учитывать многообразные проявления нейтрализации различия позиций в конкретных образованиях. Так, признаком, не-

обходимым для различения позиций IV и VII, с одной стороны, и позиции I, с другой, является несовпадение наосновного ударения в мотивирующем и мотивированном словах, а для взаимного различения позиций IV и V – неодносложность мотивирующей основы. Поэтому различие позиций: а) I и IV, б) I и VI, в) I, IV и VI нейтрализуется в образованиях, мотивированных словами с неподвижным ударением (соответственно): а) на последнем слоге неодносложной основы *(отрабо́тать – отрабо́т-ка)*, б) на первом слоге неодносложной основы *(ла́комиться – ла́ком-ка)*, в) на односложной основе *(жа́рить – жа́р-ка)*. Во всех подобных случаях реальная акцентная позиция устанавливается в рамках всего словообразовательного типа, на фоне образований, лишенных такой нейтрализации. Так, для образований данного типа – отглагольных существительных с суффиксальным морфом *-к (а)*, мотивированных глаголами с неподвижным ударением не на конечной гласной ИО, – уже сопоставление приведенных примеров с примером *опа́лубить – опа́луб-ка* показывает, что во всех них выступает акцентная позиция I.

Еще пример: естественно, что в чисто суффиксальных образованиях различие позиций VI и VII нейтрализовано: первый слог мотивирующей основы является в них одновременно и первым слогом слова (как, напр., в случае *вывози́ть – вы́возка)* . Различаются же VI и VII позиции в префиксально-суффиксальных и суффиксально-сложных образованиях: ср., напр., *вылеза́ть – без-вы́лаз-ный* или *выпуска́ть – вод-о-вы́пуск-ø* (позиция VI) и *ступа́ть – по́-ступь-ø', расти́ – во́д-о-рос-ль* (позиция VII). Таким образом, ударность префикса *вы-* определяется как позиция VI в образованиях с суффиксальными морфами *-к(а)*, $ø_1$[18], *-н-*$_1$ и как позиция VII, напр., в слове *вы́пись* с суфф. $ø_4$.

ТАС мотивированных слов с определенными СМ характеризуются выбором акцентной позиции в зависимости от какого-либо акцентологически релевантного условия. При наличии определенного условия могут выступать вместо одной позиции две и больше, выбор между которыми в конкретных образованиях определяется только лексически.

Перечислим все условия выбора акцентной позиции, выступающие в отглагольных суффиксальных образованиях, и при этом обозначим их заглавными буквами следующим образом:

Условие А: ударность ИО мотивирующего глагола при со-

хранении ударного слога в составе мотивированного слова (подробнее об этом условии см. выше).

Условие $А_1$: ударность конечного слога ИО мотивирующего глагола при сохранении его в составе мотивированного слова.

Условие Б: односложная предсуффиксальная часть мотивированного слова.

Условие В: наличие в составе МО префикса.

Условие $В_1$: наличие в составе МО префикса *вы-*.

Условие $Г_1$: наличие в составе МО финали *-и-*.

Условие $Г_2$: наличие в составе МО финали *-ов- (-ов'-)*.

Условие $Г_3$: наличие в составе МО финали *-от-(-ет-)* в неодносложном корне.

Условие Д: вхождение мотивирующего глагола сов. вида в видовую пару с глаголом несов. вида, содержащим суффиксальный морф *-а(ть)* (всегда ударный).

Горизонтальной чертой над буквой ($\bar{А}$, $\bar{Б}$ и т. п.) обозначается противоположное условие, заключающееся в отсутствии признака, обозначенного соответствующей буквой. Например, знак $\bar{А}$ обозначает безударность ИО мотивирующего глагола или несохранение ударной финали ИО в составе мотивированного слова.

Совокупность букв ($\bar{Б}\bar{А}$, $\bar{Г}_2\bar{В}_1$ А и т. п.) обозначает совокупность нескольких условий выбора акцентной позиции. Отсутствие указаний на условие означает, что выбор позиции обусловлен только формантом.

Переходим к перечислению самих ТАС отглагольных слов с суффиксом в составе форманта (суффиксальных, префиксально-суффиксальных и суффиксально-сложных). Будем обозначать ТАС, в отличие от акцентных позиций, арабскими цифрами[19] (см. таблицу на с. 431–441).

Таким образом, в рамках отглагольных суффиксальных образований разных частей речи нами выделено 26 типов акцентной соотносительности мотивированных и мотивирующих слов. Типы эти представляют собой достаточно дробные и в ряде случаев индивидуальные характеристики суффиксальных словообразовательных морфов (в том числе нулевых). Так, показательно, что среди выделенных ТАС 6 характеризуют по два морфа и 11 – только один морф. Наряду с ними, однако, выступают и такие ТАС, как 1 (охватывает 34 морфа), 4 (15 морфов), 20 (12 морфов). Существенен и такой признак ТАС, как степень сложности правила выбора

ударения: количество парных комбинаций «акцентная позиция – условие ее выбора» колеблется в разных ТАС от двух (в ТАС 4, 5, 6, 10, 20) до пяти (в 11, 15, 24); наиболее же простыми являются ТАС 1–3, где выбор акцентной позиции обусловлен только формантом.

ТАС – минимальная и основная единица классификации мотивированных (производных) слов по характеру их ударения. Наиболее разнообразны ТАС при суффиксации и смешанно-суффиксальных способах словообразования; другие способы словообразования демонстрируют гораздо более простую акцентную типологию. Так, для чистой префиксации характерны лишь два ТАС: преобладающий, с единственной акцентной позицией I *(пра́вда – не-пра́вда, да́льний – сверх-да́льний, броса́ть – раз-броса́ть)* и – лишь для нескольких префиксов – ТАС с акцентной позицией на необусловленно-ударном префиксе *(ки́нуть – вы́-кинуть, груздь – па́-груздь, мрак – су́мрак).*

Таблица

№ – № ТАС	Условия выбора акц. позиции	Акцентная позиция	Суффиксальный морф	Примеры
1	2	3	4	5
1.		II[20]	-а(ть)	обруби́ть – обруб-а́ть, растрясти́ – растряс-а́ть, замы́слить – замышля́ть, вы́резать – вырез-а́ть;
			-ва(ть)	наду́ть – наду-ва́ть, петь – пе-ва́ть;
			-ану́(ть)[21]	руби́ть – руб-ану́ть, ма́зать – маз-ану́ть;
			префикс + -ну(ть)	пла́кать – вс-плак-ну́ть, дрема́ть – вз-дрем-ну́ть;
			-а́ци j-	рекомендова́ть – рекоменд-а́ция, эвакуи́ровать – эваку-а́ция;
			-а́тор	комменти́ровать – коммент-а́тор;
			-ант	консульти́ровать – консульт-а́нт;
			-ент	претендова́ть – претенд-е́нт;
			-ат	аттестова́ть – аттест-а́т;
			-и́ци j-	репети́ровать – репет-и́ция;
			-и́тор	инвести́ровать – инвест-и́тор;

1	2	3	4	5
			-е́нциj-	конкури́ровать – конкур-е́нция;
			-овк(а)	лущи́ть – лущ-ёвка, вы́пилить – выпил-о́вка;
			-ожк(а)	корми́ть – корм-ёжка;
			-анк(а)	дели́ть – дел-я́нка;
			-отк(а)	чеса́ть – чес-о́тка, ча́хнуть – чах-о́тка;
			-аг(а)	рабо́тать – работ-я́га, труди́ться – труд-я́га;
			-ак(а)	писа́ть – пис-а́ка, служи́ть – служ-а́ка;
			-ух(а)	стря́пать – стряп-у́ха, векова́ть – веков-у́ха;
			-уш(а)	пла́кать – плак-у́ша, волочи́ть – волок-у́ша;
			-ушк(а)	хло́пать – хлоп-у́шка, лови́ть – лов-у́шка;
			-ул(я)	зама́заться – замаз-у́ля, игра́ть – игр-у́ля;
			-аж	саботи́ровать – сабот-а́ж, халту́рить – халтур-а́ж[22];
			-изм	отозва́ть – отзов-и́зм, вы́пихнуть – выпихн-и́зм (окказ.);
			-он	выпива́ть – выпив-о́н, заки́дывать – закид-о́н;
			-от(а)	дрема́ть – дрем-о́та, потя́гиваться – потяг-о́та[23];
			-и́тель	спасти́ – спас-и́тель, ска́зывать – сказ-и́тель[24];
			-и́тельн-	предусмотре́ть – предусмотр-и́тель-ный, чу́вствовать – чувств-и́тельный;
			-уч-, -ач-	скрипе́ть – скрип-у́чий, па́хнуть – пах-у́чий; висе́ть – вис-я́чий;
			-ущ-, -ащ-	име́ть – им-у́щий, зави́довать – завиду́щий, боле́ть – бол-я́щий, рабо́тать – работ-я́щий;

1	2	3	4	5
			-ив-	игра́ть – игр-и́вый, люби́ть – тепл-о-люб-и́вый;
			-мя	кише́ть – киш-мя́, лить – лив-мя́.
2.		III	-ак	ре́зать – рез-а́к, -а́; лежа́ть – леж-а́к, -а́
			-ач	дёргать – дерг-а́ч, -а́; мига́ть – миг-а́ч, -а́;
			-ун	пры́гать – прыг-у́н, -а́; хлопота́ть – хлопот-у́н, -а́;
			-ej	пла́кать – плач-ея́, строчи́ть – строч-ея́;
			-н(я)$_2$	ре́зать – рез-ня́, долби́ть – долб-ня́;
			-отн(я)	бе́гать – бег-отня́, толка́ть – толк-отня́;
			-ож	гра́бить – граб-ёж, -а́; плати́ть – плат-ёж, -а́.
3.		III	ø$_4$	мо́лвить – молвь, дрожа́ть – дрожь, мороси́ть – мо́рось, оторопе́ть – о́торопь, переписа́ть – пе́репись, ступа́ть – по́-ступь; пи́сать – та́йн-о-пись, ходи́ть – ско́р-о-ходь, вяза́ть – ко́н-о-вязь[25];
			-ль	па́дать – па́да-ль, убы́ть – у́бы-ль, вида́ть – не́-вида-ль, порасти́ – по́рос-ль, расти́ – во́д-о-рос-ль;
			-ень	ста́вить – ста́в-ень, балова́ть – ба́лов-ень, оберну́ться – о́борот-ень, пролежа́ть – про́леж-ень[26];
			-нь	дать – да-нь, руга́ть – ру́га-нь;
			-ть	зави́довать – за́вис-ть, ненави́деть – не́навис-ть.
4.	а) А б) Ā	I IV	-ив(о)	а) жа́рить – жа́р-ево;
			-ij-$_1$	наси́ловать – наси́л-ие;
			-ij-$_2$	эконо́мить – эконо́м-ия;
			-j-	охло́пать – охло́пье;
			-н(я)$_1$	печа́тать – печа́т-ня[27];

1	2	3	4	5
			-л-	та́ять – та́-лый, линя́ть – линя́-лый, осе́сть – осёд-лый, запле́сневеть – запле́сневе-лый[28];
			-к-	вя́знуть – вя́з-кий, мы́лить – мы́л-кий;
			-чив-	заду́маться – заду́м-чивый;
			-чат-	рассы́паться – рассы́п-чатый;
			-енн-	проч у́вствовать – проч у́вств-енный;
			-еск-	жу́льничать – жу́льнич-еский;
			-еств(о)	ло́дырничать – ло́дырнич-ество, пра́здновать – пра́здн-ество;
			-ом-	обтека́ть – обтека́-емый[29];
			-о́мость	успева́ть – успева́-емость, изна́шиваться – изна́шива-емость;
			-ец (в сложениях)	ви́деть – ясн-о-ви́д-ец;
				б) кури́ть – ку́р-ево[30];
				извести́ть – изве́ст-ие;
				инспекти́ровать – инспе́кц-ия;
				зимова́ть – зимо́вье[31];
				паха́ть – па́ш-ня[32];
				расти́ – ро́с-лый, бежа́ть – бе́г-лый;
				ходи́ть – хо́д-кий, торопи́ться – то-ро́п-кий;
				усиде́ть – уси́д-чивый[33];
				переслива́ться – перели́в-чатый;
				топи́ть – сал-о-то́п-енный;
				паха́ть – хлеб-о-па́ш-еский и хлеб-о-па́ш-ество;
				минова́ть – не-мину́-емый;
				стекло́ваться – стекл у́-емость;
				боро́ться – много-бо́р-ец, проходи́ть – перв-о-прохо́д-ец[34];
5.	а) А б) Ā	I II или IV	-ен-, -ённость	а) кра́сить – кра́ш-еный, красть (кра́ли) – кра́д-еный, моро́зить – моро́ж-еный[35]; б) вари́ть – вар-ёный, топи́ть – топл-ёный, печь (пекли́) – печёный и трави́ть – тра́вл-еный, ходи́ть – хо́ж-еный[36]; задолжа́ть – задо́лж-енность и договори́ться – договор-ённость.

1	2	3	4	5
6.	а) А б) Ā	I или II II или IV	-ну-[37]	а) а́хать – а́х-нуть, ка́шлять – ка́шля-нуть и ма́зать – маз-ну́ть, тру́сить – трух-ну́ть[38]; б) бода́ть – бод-ну́ть, трясти́ – трях-ну́ть и свисте́ть – сви́ст-нуть, сова́ть – су́-нуть[39].
			-ор	а) тра́лить – тра́л-ер и уха́живать – ухаж-ёр; б) дирижи́ровать – дириж-ёр, бомби́ть – бомб-ёр, бракова́ть – брак-ёр, ревизова́ть – ревиз-о́р и тренирова́ть – тре́н-ер, инспекти́ровать – инспе́кт-ор; *ср. варианты* стартова́ть – старт-ёр и ста́рт-ер[40].
7.	а) Б б) Б̄ А в) Б̄ Ā	III или IV I III	-б(а)	а) ре́зать – резь-ба́, ходи́ть – ходь-ба́ и служи́ть – слу́ж-ба, тяга́ться – тя́ж-ба[41]; б) жени́ться – жени́ть-ба, сели́ть – сели́ть-ба; в) похваля́ться – похваль-ба́.
8.	а) Б б) Б̄ А в) Б̄ Ā	IV или III I IV или III	-ник, -арь, -аль[42]	а) собира́ть и собра́ть – сбо́р-ник; пла́вать – плав-ни́к, -а́; шути́ть – шут-ни́к, -а́; паха́ть – па́х-арь, печь (пекли́) – пе́к-арь[43], звони́ть – звон-а́рь, -я́; ката́ть – ка́таль, строга́ть – строг-а́ль, -я́; стричь (стри́гли) – стриг-а́ль, -я́; б) рабо́тать – рабо́т-ник, пу́тать – пу́та-ник; в) насмеха́ться – насме́ш-ник; проводи́ть – провод-ни́к, -а́.
9.	а) Б̄ б) Б̄А$_1$ в) Б̄ А$_1$А	I V I	-н-$_2$, -т-[44], -нность, -тость	а) рвать – рва́-ный, мять – мя́-тый[45]; спе́ться – спе́-тость; б) рисова́ть – рисо́ва-нный, ожида́ть – не-ожи́да-нный, пуга́ть – пу́га-ный[46]; коло́ть – ко́ло-тый, тяну́ть – тя́ну-тый; слета́ться – слёта-нность;

1	2	3	4	5
				в) де́лать – де́ла-нный, жа́ловать – жа́лова-нный; вработа́ться – вработа́-нность.
10.	а) Б б) $\bar{Б}$ А	III I	-лец	а) жить – жи-ле́ц, -а́; б) корми́ть – корми́лец, скита́ться – скита́-лец, и́кать – и́ка-лец (окказ.)[47].
11.	а) $\bar{В}$ Б б) $\bar{В}$ $\bar{Б}$ А в) $\bar{В}$ $\bar{Б}$ $\bar{А}$ г) ВА д) В $\bar{А}$ IV	I I и II II I	-лив-	а) бода́ть – бод-ли́вый, бре́згать – брезг-ли́вый; б) па́костить – па́кост-ливый, конфу́зить – конфу́з-ливый и молча́ть – молча-ли́вый; в) говори́ть – говор-ли́вый, бере́чь (берегли́) – береж-ли́вый, спотыка́ться – спотык-ли́вый[48]; г) послу́шаться – послу́ш-ливый; д) въеда́ться – въе́д-ливый, выноси́ть – выно́с-ливый, насмеха́ться – насме́ш-ливый.
12.	а) Б б) $\bar{Б}$ $В_1$ в) $\bar{Б}$ $\bar{В}_1$ А г) $\bar{Б}$ $\bar{В}_1$ $\bar{А}$	I или III I или IV I IV	-ниj-, -тиj- (-н'j-, -т'j-)[49]	а) знать – зна́-ние, петь – пе́-ние, взять – взя́-тие и врать – вра-ньё, лить – ли-тьё; *ср. варианты* бытие́ и бы-тьё, жи-тие́ и жи-тьё; б) вы́быть – выбы́-тие и вы́дать – вы́да-нье; в) ги́кать – ги́ка-нье, ви́деть – ви́де-ние, коке́тничать – коке́тнича-нье, закры́ть – закры́тие[50]; г) сомнева́ться – сомне́-ние, недоумева́ть – недоуме́-ние.
13.	а) Б б) $\bar{Б}$ $В_1$ в) $\bar{Б}$ $\bar{В}_1$ А г) $\bar{Б}$ $\bar{В}_1$ $\bar{А}$	III VI I или III IV или III	-ец (не в сложениях)	а) боро́ться – бор-е́ц, -а́; ре́зать – рез-е́ц, -а б) выходи́ть – вы́хо-дец; в) прови́деть – прови́д-ец и поста́вить – постав-е́ц, -а́; г) торгова́ть – торго́в-ец и продава́ть – продав-е́ц, -а́.

1	2	3	4	5
14.	а) А б) $\bar{А}$ В в) $\bar{А}$ $\bar{В}$	I IV II	-ист-	а) ла́ять – ла́-истый, поджа́рить – поджа́р-истый; б) забира́ть – забо́р-истый, залива́ться – зали́в-истый; в) игра́ть – игр-и́стый, сквози́ть – сквоз-и́стый.
15.	а) $В_1$ б) $\bar{В}_1$ В А в) $\bar{В}_1$ $\bar{В}$ $\bar{А}$ г) $\bar{В}_1$ В А д) $\bar{В}_1$ В $\bar{А}$	VI I или III IV или III I IV	$ø_2$ $ø_3$	а) вы́платить и выпла́чивать – вы́плата; б) тра́тить – тра́та, ме́тить – ме́та; е́здить – езда́, бить – бита́; в) нести́ (несли́) и носи́ть – но́ша, меня́ть – ме́на, реве́ть – рёва, клевета́ть – клевета́, свети́ть – свеча́, служи́ть – слуга́, брюзжа́ть – брюзга́; *ср. варианты* дрема́ть – дрёма и (устар.) дрема́; г) прикра́сить и прикра́шивать – прикра́са; дотро́нуться и дотра́гиваться – не-дотро́га; д) разлучи́ть и разлуча́ть – разлу́ка, услужи́ть – услу́га[51]; задира́ть – зади́ра.
16.	а) $В_1$ б) $\bar{В}_1\bar{В}$ в) $\bar{В}_1$ВА г) $\bar{В}_1$В $\bar{А}$	VI III I	-ок	а) вы́родиться и вырожда́ться – вы́род-ок; б) се́ять – сев-о́к, -а́; е́здить – езд-о́к, -а́, дви́гать – движ-о́к, -а́; шлёпать – шлеп-о́к, -а́; бро́сить и броса́ть – брос-о́к, -а́; кувырка́ться – кувыр-о́к, -а́; в) отпеча́тать – отпеча́т-ок, недове́сить – недове́с-ок; г) наброса́ть – набро́с-ок, спо́роть – спо́р-ок, перерасти́ – перо́ст-ок[52].
17.	а) $В_1$ б) $\bar{В}_1$А в) $\bar{В}_1\bar{А}$	IV I IV	-ива(ть)	а) вы́дернуть – выдёрг-ивать, вы́читать – вычи́т-ывать; б) заку́порить – заку́пор-ивать, усо́вестить – усо́вещ-ивать, отбро́сить – от-бра́с-ывать;

1	2	3	4	5
				в) накали́ть – нака́л-ивать, ходи́ть – рас-ха́ж-ивать.
18.	а) B_1 б) $\bar{B}_1A$ в) $\bar{B}_1\bar{A}$	VI I IV	-к(и), -ин(а), -иш, -н-$_1$ (в преф.-суфф. образованиях)	а) вы́варить и выва́ривать – вы́вар-ки; вы́бить – вы́бо-ина; вы́кинуть и выки́дывать – вы́кид-ыш, вы́кормить и выка́рмливать – вы́корм-ыш; вы́лезти и вылеза́ть – без-вы́лаз-ный; б) оста́ться – оста́н-ки, пла́вать – пла́в-ки; прота́ять – прота́л-ина, тре́снуть – тре́щ-ина[53]; вкла́дывать – вкла́д-ыш, подки́нуть и подки́дывать – подки́д-ыш; прекосло́вить – бес-прекосло́вный, дви́гаться – не-дви́ж-ный; в) помина́ть – поми́н-ки, подскрести́ и подскреба́ть – подскрёб-ки[54]; продохну́ть и продыха́ть – проду́ш-ина, пригоре́ть и пригора́ть – приго́р-ина[55]; ката́ть – ка́т-ыш, замори́ть – замо́р-ыш; избежа́ть – не-избе́жный, щади́ть – не-ща́д-ный.
19.	а) B_1 б) $\bar{B}_1A$ в) $B_1\bar{A}$	VI или III I или III IV или III	-н-$_1$ (чистая суффиксация)	а) вы́брать и выбира́ть – вы́борный; вы́воротить и выва́чивать – вы́ворот-ный; вы́резать и вырезáть – вырез-но́й; вы́кинуть и выки́дывать – выкид-но́й; б) зави́довать – зави́д-ный, чека́нить – чека́н-ный, скла́дывать – склад-но́й, накле́ить и накле́ивать – наклей-но́й; в) лета́ть и лете́ть – лёт-ный, умили́ться – уми́ль-ный, проводи́ть – электро-прово́д-ный, заводи́ть – завод-но́й, лепи́ть – леп-но́й[56].
20.	а) Γ_1 б) $\bar{\Gamma}_1A$	IV[57] I	-тель -льщик	а) увлажни́ть – увлажни́-тель, мы́слить – мысли́-тель[58]; кури́ть – кури́-льщик, кра́сить –

1	2	3	4	5
			-льник -лк(а) -ловк(а) -льн(я) -лищ(е) -лк(и) -льн- -тельн- -тельск- -тельств(о)	краси́-льщик; будить – буди́-льник, пла́вить – плави́-льник[59]; коси́ть – коси́-лка, гла́дить – гради́-лка; заводи́ть – заводи́-ловка, гра́бить – граби́-ловка; кури́ть – кури́-льня, па́рить – пари́-льня; учи́ть – учи́-лище, чи́стить – чисти́-лище[60]; носи́ть – носи́-лки; кипяти́ть – кипяти́-льный, кра́сить – краси́-льный; освежи́ть – освежи́-тельный, позво́лить – позволи́-тельный; води́ть – води́-тельство; б) излуча́ть – излуча́-тель, опры́скивать – опры́скива-тель; трепа́ть – трепа́-льщик, сма́зывать – сма́зыва-льщик; умыва́ть – умыва́-льник, поло́ть – поло́-льник; горе́ть – горе́-лка, се́ять – се́-лка; забега́ть – забега́-ловка; чита́ть – чита́-льня; обита́ть – обита́-лище; гляде́ть – гляде́-лки, пры́гать – пры́га-лки; танцева́ть – танцева́-льный, ре́зать – ре́за-льный; лета́ть – лета́-тельный, пла́вать – пла́ва-тельный; надува́ть – надува́-тельский; вмеша́ться – вмеша́-тельство[61].
21.	а) Γ^1 б) $\bar{\Gamma}_1$А в) $\bar{\Gamma}_1\bar{А}$	IV I III в ед.ч. или IV	-л(а,о)	а) кути́ть – кути́-ла, точи́ть – точи́-ло, ме́рить – мери́-ло, ма́зать – мази́-ла; б) запева́ть – запева́-ла, хны́кать – хны́ка-ла[62]; в) сиде́ть – сед-ло́, скрести́ – скреб-ло́[63] и стоя́ть – сто́й-ло, тяну́ть – тя́г-ло.
22.	а) А б) $\bar{А}\Gamma_2$ в) $\bar{А}\,\bar{\Gamma}_2$	I III IV	-ств(о)	а) устро́ить – устро́й-ство, дежу́рить –дежу́р-ство; б) балова́ть – балов-ство́, ворова́ть – воров-ство́;

1	2	3	4	5
				в) превосходи́ть – превосхо́дство, притвори́ться и притворя́ться – притво́р-ство.
23.	а) $\bar{\Gamma}_2$ б) $\bar{\Gamma}_2 B_1$ в) $\bar{\Gamma}_2 \bar{B}_1 \bar{A}$ г) $\bar{\Gamma}_2 \bar{B}_1 \bar{A}$	IV VI I IV	-к(а)	а) браковáть – бракóв-ка, мотиви́ровать – мотивиро́в-ка, вы́браковать – выбракóв-ка; б) вы́парить и выпáривать – вы́пар-ка, выбивáть – вы́бив-ка; в) закýпорить – закýпор-ка, опáлубить – опáлуб-ка, лáкомиться – лáком-ка, набáвить – набáв-ка, вспы́хнуть – вспы́ш-ка; г) подкорми́ть – подкóрм-ка, подгребáть и подгрести́ – подгрёбка, щекотáть – щекóт-ка.
24.	а) $\Gamma_2 \bar{A}$ б) $\Gamma_2 A$ в) $\bar{\Gamma}_2 B_1$ г) $\bar{\Gamma}_2 \bar{B}_1 A$ д) $\bar{\Gamma}_2 \bar{B}_1 \bar{A}$	IV или III IV VI I IV или III	-щик, -чик	а) танцевáть – танцóв-щик и бунтовáть – бунтов-щи́к, -á[64]; б) вы́браковать – выбракóв-щик, регули́ровать – регулиро́в-щик; в) вы́грузить – вы́груз-чик, выливáть – вы́лив-щик; г) опáлубить – опáлуб-щик, застрóить – застрóй-щик; д) обрубáть – обрýб-щик и покупáть – покуп-щи́к, -á[65].
25.	а) B_1 б) $\bar{B}_1 \Gamma_3$ в) $\bar{B}_1 \bar{\Gamma}_3 A$ г) $\bar{B}_1 \bar{\Gamma}_3 \bar{A}$	VI VI I IV	$\varnothing_1$, $\varnothing_6$	а) выходи́ть – вы́ход, вы́гнуть и выгибáть – вы́гиб; выбирáть – вы́боры; б) хохотáть – хóхот, роптáть – рóпот, трепетáть – трéпет[66]; хлопотáть – хлóпоты; в) кáшлять – кáшель, расплáвить – расплáв, перестýкиваться – перестýк; кóрчиться – кóрчи, пýтать – пýты[67]; г) разорвáть и разрывáть – разры́в, загоня́ть – загóн, переводи́ть – перевóд[68]; толковáть – тóлки, припасти́ и припасáть – припáсы[69].

1	2	3	4	5
26.	а) Ā б) АД в) А Д̄	II II I или II	-е́ниj-	а) посети́ть – посещ-е́ние, волнова́ться – волн-е́ние, пренебре́чь (пренебрегли́) – пренебреж-е́ние, спасти́ – спас-е́ние, растяну́ть – растяж-е́ние[70]; б) изме́рить (ср. измеря́ть) – измер-е́ние, просла́вить (ср. прославля́ть) – прославл-е́ние, вы́двинуть (ср. выдвига́ть) – выдвиж-е́ние; в) жа́рить – жа́р-енье, крахма́лить – крахма́л-ение, ве́дать – ве́д-ение, обеспе́чить – обеспе́чение, упоря́дочить – упоря́дочение и зна́чить – знач-е́ние, пра́вить – правл-е́ние, увели́чить – увелич-е́ние, обнару́жить – обнаруж-е́ние, дви́гать – движ-е́ние.
			-им-, -и́мость	а) преодоле́ть – преодол-и́мый, удер-жа́ть – не-удерж-и́мый; горе́ть – гор-и́мость, проводи́ть – провод-и́мость; б) попра́вить (ср. поправля́ть) – поправ-и́мый, расто́ргнуть (ср. расторга́ть) – не-расторж-и́мый; разру́шить (ср. разруша́ть) – разруш-и́мость; в) мы́слить – мы́сл-имый и ра́нить – ран-и́мый; *ср. варианты* дви́гать – не-дви́ж-имый и недвиж-и́мый («неподвижный»); сто́ить – сто́-имость.

Примечания

[1]Фонологичность русского словесного ударения и, напротив, нефонологичность (фонетичность) побочного ударения хорошо показаны в ст.: *Оссовски Л.* Современное русское побочное ударение в свете словесного ударения // Studia rossica posnaniensia, zesz. 1. Poznań, 1970. С. 141–145.

[2] См., напр.: *Попова Т. В.* Глагольное словоизменение в болгарском языке (морфонологический аспект). М., 1975, – где вводится понятие «акцентного чередования».

[3] См.: *Аванесов Р. И.* Ударение в современном русском литературном языке. М., 1955. С. 20–21.

[4] См.: *Зализняк А. А.* Ударение в современном русском склонении // Русский язык в национальной школе. 1963, № 2. С. 7–8; *Редькин В. А.* Построение раздела «Морфонология» // Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М., 1966. С. 23. В новой академической «Русской грамматике» (Т. 1. М., 1980) вместо термина «акцентная кривая» используется термин «акцентный тип» («кривая» – вряд ли удачный термин для слов с неподвижным ударением).

[5] Подробнее типы акцентной соотносительности мотивированного и мотивирующего слов (на материале отглагольной суффиксации) рассматриваются ниже.

[6] Поэтому характер ударения может использоваться для разграничения префиксально-суффиксального способа словообразования и чистой префиксации *(внеочередно́й, предпосевно́й* и т. п. – чисто префиксальные образования от суффиксальных прилагательных). См.: *Лопатин В. В.* О границах между префиксальным и префиксально-суффиксальным способами словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Ташкент, 1978. С. 78–82. Статья перепечатана: с. 204–207 данного издания.

[7] О необходимости дифференцировать слово- и формообразующие средства, с одной стороны, и слово- и форморазличительные средства, с другой, см.: *Лопатин В. В.* Проблемы нулевого словообразовательного аффикса // Актуальные проблемы русского словообразования. I. Ташкент, 1975. С. 394. Статья перепечатана: с. 95–105 данного издания.

[8] О составе форманта при этих способах словообразования см.: Грамматика современного русского литературного языка. М., 1970. С. 42.

[9] Отдельные сведения об ударении в производных словах и более или менее обширные их акцентные характеристики, не всегда отграниченные от собственно морфологических (словоизменительных) акцентных характеристик, находим в кн.: *Стричек А.* Руководство по русскому ударению. Париж, 1966; *Криворучко П. М.* Смыслоразличительная и формообразовательная роль ударения в современном русском языке. Киев, 1968; *Редькин В. А.* Акцентология современного русского литературного языка. М., 1971; *Olechnowicz M.* Teoretyczne zasady dystrybucji rosyjskiego akcentu wyrazowego. Łódź, 1974; *Федянина Я. А.* Ударение в современном русском языке. М., 1976. Описание характера ударения в мотивированных словах каждого из словообразовательных типов дано в «Грамматике» 1970 г. и в «Русской грамматике» (т. 1). См. также: *Straková V.* Ruský přízvuk v přehledech a komentářích. Praha, 1978.

[10] См.: *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М., 1977. С. 106–258. Там же (с. 106–123) изложены общие понятия и теоретические предпосылки такого морфонологического описания отглагольного словообразования.

[11] См. об этом там же, с. 115.

[12] По классификации, представленной в той же книге.

[13] В этих глаголах в формах муж. рода прош. вр., а иногда и в форме инфинитива (при нулевой флексии) наблюдается вынужденное ударение на корне (условное на флексии), ср., напр., *течь, тёк* и *текли́;* наблюдающийся же в некоторых глаголах сдвиг ударения на флексию только в форме жен. рода (ср. напр., *прясть – пряли,* но *пряла́)* целесообразно рассматривать как вторичную акцентную характеристику, не меняющую его принадлежности к определенному акцентному типу и, следовательно, нерелевантную для выбора ударения в отглагольном слове.

[14] Аналогичное приравнивание отсекаемой ударной финали основы к флексии характерно и для отыменного словообразования: ср. такие образования, как *кенгуру́ – кенгур-о́вый, Туапсе́ – туапс-и́нский* и т. п., «ведущие себя» акцентологически так же, как, напр., *барсу́к, -а́ – барсук-о́вый* или *Караганда́ - караганд-и́нский.*

[15] О понятии условного ударения см.: *Аванесов Р. И.* Указ. соч., с. 21; *Зализняк А. А.* Указ. соч., с. 9.

[16] На эту закономерность как на «основной принцип ударения в русском склонении и спряжении» обратил внимание Е. Курилович: «образцы непроизводных слов – с подвижным и неподвижным ударением, но образцы производных слов – только с неподвижным ударением» (*Курилович Е.* Система русского ударения // Курилович Е. Очерки по лингвистике. М., 1962. С. 441).

[17] Подвижное ударение мотивированных слов наблюдается как правило (а не как исключение) лишь при чистом сложении, для которого характерно сохранение в мотивированном слове того же акцентного типа, что и в опорном мотивирующем: ср., напр., *о́стров, -а, -а́ – полуо́стров, -а, -а́; полоса́, -ы́, -ы – лесополоса́, -ы́, -ы.*

[18] Здесь и далее обозначаются нулевые суффиксы существительных: $ø_1$ – нулевой суффикс в словах муж. рода I скл. *(ход, выпуск);* $ø_2$ – в словах жен. рода II скл. *(трата, заслуга);* $ø_3$ – в словах общ. рода *(обжора);* $ø_4$ в словах жен. рода III скл. *(дрожь);*$ø_5$ – в словах сред. рода *(ложе)*; $ø_6$ – в словах pluralia tantum *(проводы).*

[19] Считаем возможным не останавливаться в настоящей работе на ударении причастий и деепричастий, уже достаточно хорошо изученном. Однако несомненно, что ударение причастий и деепричастий должно рассматриваться отдельно от ударения спрягаемых форм глагола и в зависимости от них.

[20] По некоторым суффиксальным морфам этого ТАС материал не дает достаточно контрастных акцентных характеристик мотивирующих слов, так что независимость соответствующих образований от ударения в мотивирующем глаголе является относительной. Так, в существительных с морфами *-ацийj-, -ициj-, -енциj-, -атор, -итор, -ант, -ент, -ат, -ожк(а), -анк(а),-ак(а),* прилагательных с морфами *-ач, -ив-* ударная финаль ИО мотивирующего глагола всегда отсекается, так что ТАС этих образований можно было бы представить и в

виде: Ā – II. Для указанных суффиксальных морфов различие двух ТАС (необусловленного и обусловленного мотивирующим словом ударения на суффиксальном морфе) нейтрализовано. Однако по некоторым косвенным признакам можно все же предпочесть предложенную трактовку, признав данные морфы необусловленно-ударными: так, в языке вообще нет слов с финалью *-ация, -иция, -атор, -итор, -енция,* которые не имели бы ударения на втором слоге с конца основы (ср. хотя бы немотивированные слова *навига́ция, федера́ция* и т. п.); для морфов *-ацыj-, -атор* и *-ант* серьезным аргументом может служить необусловленная ударность их в отыменных словообразовательных типах: ср., напр., *ру́брика – рубрик-а́ция, импе́рия – импер-а́тор, фа́брика – фабрик-а́нт.*

[21] Здесь и ниже для неодносложных суффиксальных морфов, выступающих в акц. позиции II, указывается ударение.

[22] Исключение: *монти́ровать – монт-а́ж, -а́* (акц. позиция III).

[23] Исключения: *ма́яться – ма-ета́, сипе́ть – сип-ота́, тошни́ть – тошнота́, хрипе́ть – хрип-ота́* (акц. позиция III) и *паха́ть – па́х-ота* (акц. позиция IV).

[24] Исключение: *дви́гать – дви́ж-итель* (акц. позиция I).

[25] В сложениях этого типа, как и с морфом *-ль* (см. ниже), наблюдается перенос ударения на первый компонент, при неодносложности которого возможно, однако, ударение не только на абсолютном начале слова, но и на втором слоге в соответствии с ударением первого мотивирующего слова (ср. *ико́на – и́кон-о-пись* и *маши́на – маши́н-о-пись).* Исключение: *верте́ть – круг-о-ве́рть* (акц. позиция IV).

[26] Исключение: *плести́ – плет-е́нь, плет-ня́* (акц. позиция III).

[27] Исключение: *ква́сить – кваш-ня́* (акц. позиция III).

[28] Исключения: *гнить (гни́ли, гнила́) – гни-ло́й* и *быть (бы́ли, была́) – бы-ло́й* (акц. позиция III).

[29] Исключения: *ве́сить – вес-о́мый* и *знать – знак-о́мый* (акц. позиция II). По-видимому, ударность суффиксального морфа обусловлена здесь предшествующей твердой согласной (ср. также в причастиях: *вед-о́мый, влек-о́мый* и т. п.).

[30] В словах *чт-и́во* и *жн-и́во* – условное ударение на предсуффиксальном слоге (вследствие неслоговости корневого морфа).

[31] Исключение: *свежева́ть – свежевьё* (акц. позиция III).

[32] Исключение: *ступа́ть – ступ-ня́* (акц. позиция III).

[33] В единственном слове с этим морфом, имеющем беспрефиксальную основу, – *бран-чи́вый* – акц. позиция II.

[34] Для большинства морфов этого ТАС (кроме морфов *-л-, -еск-, -еств(о), -ам* и *-омость*) материал не дает достаточно контрастных примеров на условие А: во всех образованиях с этими морфами ударение оказывается на первом предсуффиксальном слоге. Кроме того, для морфов *-еск-* и *-еств(о)* материал не дает примеров на условие Ā, кроме сложений с основой глагола *пахать* (ср., однако, единичный случай *роди́ться – рожд-ество́,* где акц. позиция III).

[35] Исключения: *клéить – кле-ёный, крáпить – крапл-ёный, смы́слить – смышл-ёный* (акц. позиция II).

[36] Акц. позиция II представлена в прилагательных этого типа значительно шире, чем в однокоренных причастиях с морфом *-енн-*. Ср. *графл-ёный* и *разграфл-ённый, клейм-ёный* и *заклейм-ённый*, но: *вар-ёный* и *свáр-енный, суш-ёный* и *засу́ш-енный;* аналогично *гружёный, дарёный, дроблёный, золочёный, краплёный, кручёный, пилёный, солёный, студёный, топлёный (*напр. о молоке), *точёный, учёный, хвалёный, чинёный.*

[37] Основа наст. вр. глаголов с ударным суффиксальным морфом *-ну-* имеет неслоговой суффиксальный морф *-н-*; ударение здесь на флексии (акц. позиция III): *бод-ну́-ть – бод-н-у́т* и т. п.

[38] Акц. позиция II – только в словах *маз-ну́ть, нюх-ну́ть, пых-ну́ть, рвану́ть, рез-ну́ть, тк-нуть, трух-ну́ть* и *шмыг-ну́ть.*

[39] Акц. позиция IV – только в словах *гля́-нуть, ки́-нуть, клю́-нуть, плю́нуть, су́-нуть, сви́ст-нуть, скри́п-нуть, хру́ст-нуть, ви́зг-нуть, дро́г-нуть, кри́к-нуть, сту́к-чуть* и *тре́с-нуть.*

[40] Для слов с этим морфом может быть сформулировано следующее дополнительное правило: суффикс всегда безударен (т. е. имеет место акц. позиция IV), если перед ним чередуются *т' – т* или *с' – с*: ср., напр., *инструкти́ровать – инстру́кт-ор, реверси́ровать – реве́рс-ор,* но *режисси́ровать – режисс-ёр, ревизова́ть – ревиз-о́р* (с сохранением качества конечной согласной СО глагола). В словах *инспе́ктор, инстру́ктор, корре́ктор* и *реда́ктор* – вариантное подвижное ударение (мн. ч. *инспектора́, инструктора́,* где акц. позиция III, наряду с *инспе́кторы, инстру́кторы* и т. п.).

[41] Акц. позиция IV – только в словах *дру́ж-ба, про́сь-ба, слу́ж-ба* и *тя́ж-ба.*

[42] Материал существительных с непродуктивными суффиксами *-арь* и *-аль* дает примеры только на условие Б (для суффикса *-арь-* на условие БА).

[43] В словах *пе́карь, ле́карь, пи́сарь* и *то́карь* – вариантное подвижное ударение (мн. ч. *пекаря́, лекаря́,* где акц. позиция III, наряду с *пе́кари, ле́кари* и т. п.).

[44] Напомним, что здесь рассматриваются суффиксы прилагательных, а не причастий.

[45] Исключения: *лить – ли-то́й* и *вить – ви-то́й* (акц. позиция III).

[46] Исключения: *желá-нный, венчá-нный* (устар.), *несказá-нный, разливá-нное (море), недремá-нное (око)* (акц. позиция I).

[47] Ср.: «Ленинград, старый Петербург, район *«екальцев»,* а не *«икальцев»,* играл не последнюю роль в судьбах литературного языка...» (*Щерба Л. В.* Современный русский литературный язык).

[48] Исключения: *покори́ться* и *покоря́ться – поко́р-ливый, опаса́ть-ся – опа́с-ливый* (опрощенные глагольные основы, в прошлом префиксальные).

[49] О зависимости выбора частично-вариантных морфов *-нij-* и *-н'j-, -тij-* и *-т'j-* от ударения в мотивированном слове см.: *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика, с. 277.

[50] Исключение: *коло́ть – ко́ло-тье* (акц. позиция VI) и *колотьё* (акц. позиция III).

[51] Исключения: *похвали́ть – похвала́* (акц. позиция III); *засохнуть* и *засыха́ть – за́суха, погуби́ть – па́губа, просе́чь (просекли́)* и *просека́ть – про́сека, пожа́ть (пожа́ли, пожну́т) – по́жня* (акц. позиция VI, ударение на префиксе).

[52] Исключения: *зарабо́тать – за́работ-ок, зарасти́ – за́рост-ок* (акц. позиция VI, ударение на префиксе).

[53] Исключение: *мо́рщить – морщ-и́на* (акц. позиция II).

[54] Исключение: *мости́ть – мост-ки́* (акц. позиция III).

[55] Исключение: *вощи́ть – вощ-и́на* (акц. позиция II).

[56] Исключение: *бере́чь (берегли́) – бе́реж-ный* (акц. позиция VI).

[57] Преобладающий ТАС отглагольных существительных и прилагательных с повокальными («неусекающими») суффиксальными морфами.

[58] Исключения: *мно́жить – мно́жи-тель* (акц. позиция I); *учи́ть – учи́-тель* («преподаватель») с подвижным ударением (мн. ч. *учи-теля́* – акц. позиция III).

[59] Исключение: *висе́ть – ви́се-льник* (акц. позиция VI).

[60] Исключение: *жить – жи-ли́ще* (акц. позиция II).

[61] По некоторым морфам этого ТАС материал не содержит достаточно контрастных примеров на условия Γ_1 [морфы – *лк(и), -тельств(о)*], – Γ_1А [морфы *-льник, -ловк(а), -льн(я), -лищ(е), -тельск-, -тельств(о)*] или даже вообще не дает примеров на условие Γ_1 [морф *-тельск-*]. Несмотря на неконтрастность материала, морфонологическое сходство названных морфов с другими морфами данного ТАС – наличие в их составе субморфов *-л'-*(*-л-*) или *-тель-* – позволяет причислить их к данному ТАС, которому их акцентные свойства не противоречат.

[62] В слове *мы́-ло* (мн. ч. *мы-ла́)* – подвижное ударение: в ед. ч. акц. позиция I, во мн. ч. – III.

[63] Здесь подвижное ударение: в ед. ч. акц. позиция III, во мн. ч. – IV. Из слов с данным морфом такое ударение имеют слова *сверло́, седло́, скребло́, тесло́* и *тепло́;* акц. позицией IV во всех формах характеризуются слова *по́йло, сто́йло, тя́гло, пе́кло* и *гры́зло.*

[64] Акц. позиция III – только в словах *бунтов-щи́к, межев-щи́к, плюсов-щи́к* и *прессов-щи́к.*

[65] Акц. позиция III – только в словах *откуп-щи́к, подкуп-щи́к, покуп-щи́к, постав-щи́к* и *продав-щи́к.*

[66] Исключения: *поверну́ть* и *поворо́ти́ть – поворо́т, оберну́ть(ся)* и *обора́чиваться – оборо́т, обмолоти́ть – обмоло́т* и т. п. тех же корней (акц. позиция IV). Исключений не будет, если в качестве дополнительного к условию Γ_3 условия задать принадлежность мотивирующего глагола к словоизменительному подтипу VI *(роптать, шептать, щебетать* и т. п.).

[67] Исключение: *ла́дить – не-лады́* (акц. позиция III).

[68] Следующие существительные с СМ $\varnothing_1$ имеют, преимущественно в конкретных значениях, подвижное ударение (в ед. ч. акц. позиция I или IV, во

мн. ч. – III): *бой (бóя, бои́), сбой, воз, дар, рост* (мн. ч. *ростá* – спец.), *смотр, счет (счетá), торг* («торговое учреждение»), *ход*. В следующих существительных акц. позиция VI (ударение на префиксе): *óбыск, рóзыск, нáпуск, дóпуск, зáмысел, ýмысел* и др. с корнями глаголов *искать, пускать* и *мыслить; зáворот* («загиб»), *óтдых, рóзжиг, нáкрик* (спец.), *óкрик, óтзыв, óчерк, рóзлив* (спец.), *прóдух, прóмах, прóблеск, прóмельк, óтблеск, óтсвет, óтсверк, пóсвист, пóдсвист, пóстриг, óтступ, прúступ, óкисел*. Акц. позиция VI – также в существительных с беспрефиксальной основой *гóвор, шéлест, стóрож*. В следующих существительных (с конкретным значением) при акц. позиции VI в ед. ч. акц. позиция III во мн. ч.: *óтпуск (ср. отпускá), прóпуск, óткуп, прóвод, стóрож*. В словах *ров (рва, рвы)* и *шов (шва, швы)* – акц. позиция III, которая может рассматриваться и как условное ударение на основе (неслоговой).

[69] Исключения: *похорони́ть – пóхороны, проводи́ть* и *провожáть – прóводы, искáть – пó-иски* (акц. позиция VII, ударение на префиксе).

[70] Исключение: *рядúться – ря́ж-енье* (акц. позиция IV).

МОРФОЛОГИЯ – СЛОВООБРАЗОВАНИЕ – ЛЕКСИКА

Научные принципы академической «Русской грамматики»

[Русский язык за рубежом. 1981, № 3]

Вышла из печати «Русская грамматика» в двух томах (т. I – «Введение», «Фонетика», «Фонология», «Ударение», «Интонация», «Основные понятия морфемики», «Словообразование», «Морфология»; т. II – «Синтаксис»). Это новая академическая грамматика современного русского литературного языка, подготовленная в Институте русского языка АН СССР[1]. Со времени выхода в свет предыдущей академической грамматики (1952–54 гг.) прошло около 30 лет – срок немалый не только с точки зрения развития лингвистической науки, но и с точки зрения изменений в самом русском языке. Создание грамматик русского языка – одна из важнейших традиционных задач Академии наук; начало этой традиции заложено еще М. В. Ломоносовым. Решение данной задачи имеет в современных условиях не только теоретическое, но и большое практическое значение, получая непосредственный «выход» в различные сферы преподавания русского языка в Советском Союзе и за рубежом, стимулируя создание учебных пособий разного назначения, которые так или иначе не могут не опираться на наиболее полное грамматическое описание современного русского языка.

Новая академическая грамматика рассчитана на достаточно широкий круг читателей. Не допуская упрощений изложения в ущерб научности описания, авторы стремились к максимальной четкости в определении основных понятий и терминов, используемых в книге. Пользование грамматикой облегчает обширный справочный аппарат (указатели) в каждом из томов и аннотированное оглавление.

По своей научной направленности и методу новая грамматика продолжает русскую грамматическую традицию[2]. Это грамматика описательно-аналитическая, т. е. исходящая из реально существующих языковых фактов, их свойств, взаимосвязей и функционирования и интерпретирующая их с синхронной точ-

ки зрения. Поскольку всякая синхрония условна и язык не существует как нечто застывшее, в синхронном описании не могут не отражаться элементы динамизма: с одной стороны, живые тенденции в развитии языка, с другой – факты недавнего прошлого (в виде более или менее пространных комментариев исторического или стилистико-функционального характера).

В современной лингвистике существуют, как известно, многообразные нетрадиционные направления и методы интерпретации грамматических явлений, имеющие большую или меньшую сферу применения, иногда – достаточно узкое (прикладное) значение. Как ориентация на русскую академическую грамматическую традицию, так и обращение книги к широкому кругу читателей не позволяют взять за основу какое-либо из этих направлений и методов.

В частности, в «Русской грамматике» не применяются методы порождающей (генеративной, или так называемой синтетической) грамматики, не используется понятие «глубинной структуры», применяемое в некоторых направлениях современной лингвистики; авторы не используют никаких «конструктов», умозрительных построений, оторванных от языковой материи, представленной на данном этапе развития языка.

Однако и в традиционной по своей направленности и методам описательной грамматике есть возможности для использования отдельных приемов описания языка, присущих другим методам и направлениям.

Так, элементы компонентного семантического анализа используются в грамматике в разделе «Словообразование» при расчленении смысла мотивированных слов на компоненты словообразовательного значения (сравните, например, *бегать – бег, ходить – ходьба, смелый – смелость* с чисто транспозиционным значением и *прыгать – прыжок, хитрый – хитреца,* где к транспозиционному значению добавляется модификационное значение однократности действия или слабой степени проявления признака); в разделе «Синтаксис» – при описании семантической структуры предложения с характерными для нее комбинациями семантических элементов (члены предложения с комбинированными значениями – субъектно-объектным, объектно-определительным и т. п.).

Отказ от генеративного подхода к системе языка не исключает приема иерархизации сопутствующих друг другу явлений, расчленения этапов их анализа, например, при описании морфонологи-

ческих явлений, где так называемые линейные преобразования основ (усечение, наращение) предшествуют преобразованиям нелинейным, прежде всего чередованиям (сравните *прыгать – прыжок* с отсечением финали *а* глагольной основы и последующим чередованием *г – ж* и т. п.). Идея выводимости одних форм из других отражена не только в «Словообразовании», которое по существу, по своей специфике, имеет дело всегда с формами исходной и вторичной (мотивирующей и мотивированной), но отчасти и в «Морфологии», например при характеристике двух основ глагола, одна из которых всегда может быть выведена из другой («исходной») как результат определенных морфонологических преобразований (сравните известный вывод о сводимости разных основ глагола к одной, сделанный представителями генеративной лингвистики).

Язык – многоуровневая система, характеризующаяся разнообразным взаимодействием ее элементов. Грамматическая система русского языка предстает в «Русской грамматике» как единство трех подсистем – словообразования, морфологии и синтаксиса. Взаимодействие этих трех подсистем, или уровней, постоянно выявляется в грамматике. В разделе «Словообразование» это находит отражение в морфологических характеристиках словообразовательных типов (часть речи мотивированных слов; род, одушевленность и тип склонения для существительных; вид, переходность и тип спряжения для глаголов и т. д.), отчасти и в синтаксических характеристиках (отличие сочетаемости мотивированных префиксальных глаголов от соответствующих мотивирующих). В разделе «Морфология» этот аспект отражается в синтаксических характеристиках морфологических форм и категорий, в рассмотрении словообразовательных ограничений парадигм склонения и спряжения.

Особенно важен и сложен с точки зрения проблемы взаимодействия языковых уровней вопрос о границах морфологии и синтаксиса. Известно, что существует целый ряд традиционно рассматриваемых в разделе «Морфология» явлений, которые могут быть интерпретированы на синтаксическом уровне – например, категория падежа. Естественно, что содержательные аспекты морфологии углубляются за счет привлечения синтаксических данных. Применительно к категории падежа это достигается следующим образом. В разделе «Морфология» глава о падеже содержит сведе-

ния об основных значениях беспредложных падежей – присловных и неприсловных; здесь дается система значений каждого падежа (центральных и периферийных), которые по-разному группируются у разных падежей. Эта глава «Морфологии» целиком спроецирована из «Синтаксиса»: значения падежей представлены в ней в сжатом виде, как извлечение из синтаксических глав, посвященных семантическому «наполнению» разных типов словосочетаний и предложений.

Другая синтаксическая «проекция» в разделе «Морфология» – главы о служебных частях речи. В «Русской грамматике» впервые с такой полнотой даны списки служебных слов – предлогов, союзов, частиц, первообразных и вторичных, в том числе составных образований (сравните, например, союзные «сцепления» типа *а может быть; несмотря на то, что...; тем не менее* и т. п.).

Таким образом, «Морфология» обогащается материалами, извлеченными из синтаксического изучения функционирования определенных классов слов. С другой стороны, в раздел «Синтаксис» включена глава «Синтаксис формы слова», в которой, уже как итог описания синтаксических конструкций, рассматриваются синтаксические функции всех основных морфологических форм – отдельных падежей, инфинитива и др.

Многообразное взаимодействие трех основных подсистем, или уровней, грамматической системы русского языка изучено еще недостаточно; но то, что в этой области сделано, в «Русской грамматике» использовано.

Совсем другой аспект взаимодействия языковых элементов – это соотношение и взаимодействие единиц разных степеней абстракции, выступающее на всех уровнях грамматической системы и определяемое иерархической организацией языка. В «Русской грамматике» выявляется система единиц разной степени обобщения на каждом из языковых уровней, причем описание этих единиц строится, начиная с их наиболее абстрактного вида, в отвлечении от их частных свойств и разнообразных модификаций, и далее – к конкретным их разновидностям и языковым реализациям. Этот подход к грамматической системе языка обнаруживается, например, в следующих противопоставлениях.

1. Линейные (синтагматически выявляемые) единицы языка и соответствующие им единицы нелинейные, парадигматические, представляемые в тексте линейными единицами. Таковы, напри-

мер, морф и морфема (как парадигматическая совокупность морфов), словоформа и слово (как парадигма, состоящая из ряда словоформ), предложение и тип предложения (как синтаксическая парадигма, основанная на чередовании синтаксических времен и наклонений). Морфема, слово, предложение предстают, таким образом, как инвариант и как вариант.

2. Словообразовательный тип как основная единица классификации словообразовательной подсистемы языка и словообразовательные подтипы (семантические и морфонологические), выступающие как варианты по отношению к общей, инвариантной семантической и формальной схеме соотношения мотивированного и мотивирующего слов, характеризующей словообразовательный тип[3].

3. Словообразовательный тип, морфологическая форма, тип предложения как абстрактный образец, схема, модель, с одной стороны, и конкретное мотивированное слово, форма слова, слово в совокупности его форм или предложение как конкретная, лексически наполненная реализация соответствующего образца, схемы, модели, с другой стороны.

4. Тип предложения как основная, элементарная, обладающая необходимыми дифференциальными признаками структура и его регулярные реализации (неполные, с полузнаменательными глаголами и др.), а также распространение (в том числе детерминация) и разновидности, связанные с различиями порядка слов и актуализации (все эти характеристики сопровождают описание каждого из типов простого предложения).

В соответствии с русской грамматической традицией языковые факты рассматриваются в единстве трех сторон – формы, значения и функции (причем под функцией понимается назначение или употребление соответствующих форм, включая сюда и синтаксические функции морфологических форм и классов слов, и сферу употребления единиц разных уровней, и весь стилистический аспект). При этом в качестве исходной выступает в основном формальная сторона. Такой подход обеспечивает строгую и последовательную систематизацию материала в грамматике, «менее реальной оказывается опасность смешения грамматических значений со значениями неязыковыми, с собственно содержательной стороной сообщения, со “структурой ситуации”»[4]. В отечественной

грамматической традиции установилось определенное понимание объекта грамматики, которого придерживаются и авторы данной книги: в грамматике описываются, классифицируются значащие единицы языка с их собственным формальным устройством. Этим принципиально отвергается рассмотрение смысла или каких-либо логических, мыслительных категорий без учета соответствующих средств выражения.

Но хотя исходной является форма, план выражения, форма анализируется в тесной связи со значением, с планом содержания. Формальный и семантический аспекты в грамматическом описании неотъемлемы друг от друга. Это отражается, в частности, в дефинициях центральных понятий описания – таких, как часть речи, морфологическая категория, словообразовательный тип и др.

В качестве иллюстрации приведем определение морфологической категории: это «система противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородными значениями». «Морфологическое значение, общее для всех форм, образующих ряд, называется категориальным морфологическим значением»[5] (таковы, например, значения определенного падежа, числа, рода). Таким образом, морфологическая категория выступает в грамматике не как единица плана содержания (понимание, которое можно встретить в ряде грамматических курсов и учебных пособий), а как единица формально-семантическая. С другой же стороны, морфологическое значение – это всегда значение формально выраженное, и классифицируются морфологические значения прежде всего по характеру (сфере) их выражения (в изменяемых словах): 1) значения, принадлежащие всем словам определенной части речи во всех их формах (морфологическое значение слова как части речи, например, значение предметности у существительных); 2) значения, представленные в части слов, относящихся к определенной части речи, во всех формах этих слов (например, значение совершенного вида); 3) значения, представленные в определенных (не всех) формах слов данной части речи (например, значение единственного числа существительных). При этом морфологические значения второго и третьего типов выводятся (в отличие от словообразовательных значений) из системных противопоставлений, охватывающих все слова определенной части речи. Соответственно морфологические категории делятся на словоизменительные (например, число существительных и прилагательных,

род прилагательных, падеж, время) и несловоизменительные (например, род существительных, число личных местоимений, вид). Противопоставленные члены словоизменительных категорий могут быть представлены формами одного и того же слова, члены несловоизменительных категорий – не могут.

Для выделения и разграничения частей речи в грамматике ведущим признается признак единообразия (своеобразия) парадигмы и комплекса выражаемых морфологических категорий. Этим определяется узкое понимание границ таких традиционно спорных частей речи, как местоимение и числительное: первая ограничивается местоимениями-существительными, вторая – количественными и собирательными числительными. Семантическое деление знаменательных слов на слова указательные (местоименные) и неуказательные, счетные и несчетные только пересекает классификацию частей речи.

В разделе «Словообразование» принципиально важным является отрицание чисто семантической мотивации: словообразовательная мотивация – всегда явление двустороннее, формально-семантическое. Отсюда значимость критерия большей формальной сложности основы мотивированного слова при определении направления мотивации (сравните, например, *Австрия – австриец,* но *румын – Румыния; мечтать – мечтатель,* но *бродяга – бродяжничать*). Необходимым условием отождествления морфемы признается формальная (фонематическая) близость морфов с тождественным значением (сравните, например, суффиксы *-щик/-чик, -ств(о)/-еств(о) /-тельств(о)* и т. п.).

Учет формального фактора ярко обнаруживается в грамматике при классификации сложных предложений: предложения сложносочиненные и сложноподчиненные, а внутри последних – предложения нерасчлененной структуры и расчлененной структуры разграничиваются самими наборами союзов и союзных соединений, рассматриваемых как основное средство выражения грамматических отношений между частями сложного предложения (бессоюзие при таком подходе естественно выводится за пределы как сочинения, так и подчинения).

Внимание к формальному аспекту грамматических явлений как к основе классификаций не означает отсутствия в грамматике глав, содержащих описание грамматических явлений с семантической точки зрения. Таковы в разделе «Словообразование» обобщающие

главы, посвященные словообразовательным значениям каждой из основных частей речи, например глава «Словообразовательные значения существительных и средства их выражения». Эти главы позволяют показать типологию словообразовательных значений, их систему в каждой части речи, факты словообразовательной синонимии, выявить те случаи, когда одно и то же словообразовательное значение выражается разными способами словообразования.

Впервые введена в грамматику глава «Семантическая структура предложения». Характерно, что семантика тех или иных компонентов предложения рассматривается здесь как результат взаимодействия формального и коммуникативного факторов. Так, в предложении *Тракториста послали учиться* значение словоформы *тракториста* определяется как субъектно-объектное (совмещающее значения объекта действия и субъекта состояния, являющегося результатом действия), и это значение возникает при взаимодействии субъектной позиции в предложении и объектного значения падежной формы. При описании каждого из типов простого предложения рассматривается и его семантическая структура.

Функциональный аспект в грамматике находит отражение в последовательном внимании к фактору продуктивности – непродуктивности описываемых типов, моделей, образцов и к сфере их употребления. Например, в разделе «Словообразование», наряду с характеристикой сферы продуктивности словообразовательных типов, широко привлекаются неологизмы и окказиональные новообразования, иллюстрирующие эту продуктивность. В разделе «Морфология» нашла достаточно широкое отражение проблема употребления морфологических категорий – разумеется, в той мере, в какой этот аспект морфологии разработан современной русистикой: подробнее других рассмотрено здесь функционирование категорий глагола (вид, наклонение, время, лицо). Внимание к функциональному аспекту проявляется и в регулярных стилистических характеристиках грамматических фактов.

Что же касается собственно формальной стороны языка, то и на эту сторону в «Русской грамматике» обращено большее внимание по сравнению с предыдущими грамматиками. В традиционно включаемых в грамматики разделах «Фонетика» и «Фонология», кроме характеристики звуков и описания системы сильных и слабых фонем, читатель находит описание звукосочетаний и их мес-

та по отношению к морфемному членению словоформ (сочетания звуков, встречающиеся внутри корня, суффикса, флексии, на стыке корня и суффикса и т. д.), что повышает собственно грамматическую информативность этих разделов.

В собственно грамматических разделах большое внимание уделено морфонологическому анализу. Все морфы – словообразовательные и словоизменительные – даются в грамматике не только в орфографическом виде, но и в фонологической транскрипции. Впервые в грамматику введена обобщающая глава «Морфонологические явления в словообразовании», в которой приведены в систему все те преобразования основы мотивирующего слова («линейные» и «нелинейные»), которые отмечены как разрозненные факты при характеристике отдельных словообразовательных типов, показана типология соответствующих явлений плана выражения.

Морфонологические явления словоизменения – прежде всего чередования и ударение – подробно описаны в специальных главах внутри подразделов, посвященных отдельным частям речи (общие понятия и термины, применяемые в этих описаниях, определены во вводных разделах грамматики). При акцентологическом описании частей речи ударение кратких прилагательных рассмотрено отдельно от ударения полных, а ударение причастий различных разрядов и деепричастий – отдельно от ударения спрягаемых форм глагола, что делает более наглядной, обозримой систему основных акцентных типов глагола и прилагательного и иерархическую связь ударения в разных составных частях комплексных парадигм.

В «Русской грамматике» впервые в русской описательно-грамматической традиции широко отражены явления интонации. Здесь описаны типы интонационных конструкций и их модальные реализации (данные с точки зрения слушателя, «на уровне восприятия»). В дальнейшем, в разделе «Синтаксис» все формы предложений и их реализации, связанные с различиями порядка слов, последовательно сопровождаются интонационными характеристиками.

В «Русской грамматике» находит непосредственное отражение развиваемое в отечественной лингвистике положение о тесной связи грамматики с лексикой. Структурные типы всех грамматических уровней описываются с точки зрения их обращенности к словарному составу: на какие слова и лексико-семантические груп-

пы слов они распространяются. Непродуктивные типы (словообразовательные и морфологические) представлены полными списками слов. Как показывает грамматика, в языке очень мало грамматических правил, не ограниченных лексически; целый ряд морфологических и синтаксических типов не может быть охарактеризован вне определенного лексического (иногда также словообразовательного) наполнения.

Без учета лексического фактора не обходятся и такие частные вопросы, как, например, нумерация трех традиционных типов склонения существительных. Цифры соответствуют здесь количественной представленности типов в словарном составе языка. Именно поэтому академическая грамматика традиционно называет первым «мужско-среднее» склонение, а не «женское» на *-а*.

Связями грамматики и лексики определяется одно из трех важнейших понятий морфологии (наряду с частью речи и морфологической категорией) – понятие лексико-грамматического разряда слов. Лексико-грамматические разряды слов – это такие подклассы внутри части речи, которые обладают семантическим признаком, влияющим на способность слов выражать те или иные морфологические значения или вступать в противопоставления в пределах определенных морфологических категорий. Многие из этих разрядов словообразовательно выражены (например, различные способы глагольного действия, разряды возвратных глаголов, притяжательные прилагательные), но такая выраженность в принципе не обязательна (сравните, например, собственные и нарицательные существительные, качественные прилагательные, безличные глаголы).

«Русская грамматика» имеет нормативный характер. Описание грамматических фактов последовательно сопровождается в ней стилистическими характеристиками. Система стилистических помет, применяемая в грамматике, близка к соответствующей системе современных толковых словарей. Современный русский литературный язык предстает в грамматике как целостная система, включающая и разговорную сферу, и элементы просторечия, отчасти – диалектные системы. При этом литературный язык рассматривается как существующий в двух равноправных разновидностях, или формах, – письменной и разговорной. Обе эти формы – письменная речь и разговорная речь – получают отражение в

грамматическом описании; однако в отношении разговорной речи это касается в основном лишь фактов, фиксируемых в письменных источниках (прежде всего в художественной литературе); прочие факты разговорной речи, хотя они и широко изучаются современной русистикой, в грамматике не фиксируются (это относится главным образом к синтаксическому разделу). Учитывая тот несомненный факт, что просторечие трудно отграничить от разговорной сферы языка, в грамматике – и в «Словообразовании», и в «Морфологии», и в «Синтаксисе» – привлекаются факты современного просторечия (с соответствующими пометами); в этом практика грамматического описания смыкается с лексикографической практикой.

В грамматике нет пуристического отношения к языковой норме. Норма – понятие изменчивое, язык постоянно развивается. Поэтому в грамматике отмечаются (с соответствующими пометами) многие новые языковые факты, в том числе и не вполне литературные, являющиеся достоянием различных сфер живой языковой коммуникации, профессиональной речи и др. При этом большую роль играет цитатный материал, фиксирующий употребление тех или иных слов, форм, конструкций в современной речи (важнейшие источники этого материала – современная художественная литература, публицистика, разнообразные словари, отчасти – записи живой разговорной речи).

Широкое отражение находит в книге грамматическая вариантность. Вариантный ряд как единица описания включает или равноправные (равно допускаемые нормой) грамматические варианты, или (чаще) варианты, допустимые лишь в определенных языковых сферах – например, разговорной, профессиональной. Особое место занимают варианты, в литературном языке не допускаемые (отсюда и запретительные рекомендации типа *шофёры,* но не *шофера́, газопрово́д,* но не *газопро́вод*). В разработке вариантов использованы существующие специальные словари – грамматические, трудностей словоупотребления, ударения и т. п.

Временны́е границы современного русского литературного языка понимаются в «Русской грамматике» также в соответствии с академической традицией широко: от Пушкина до наших дней. Это значит, например, что авторы широко цитируют классиков XIX в. для иллюстрации языковых фактов, сохраняющихся и в язы-

ке второй половины XX в.; факты, устарелые для языка наших дней, даются с соответствующими пометами; в примечаниях оговариваются и те формы (например, факты ударения), которые в наше время безусловно неупотребительны, но встречаются у классиков XIX в.

Определенное место уделяется в грамматике сведениям, демонстрирующим историческую изменчивость русского литературного языка, динамику его развития в XIX–XX вв. – например, сведениям об «экспансии» форм именительного падежа множественного числа существительных муж. рода на *-а,* о развитии несклоняемости некоторых типов имен, о некоторых изменениях в построении аббревиатур и в типах образований от них в языке советской эпохи (сравните, например, более старое по типу образование *комсомол – комсомольский* с суффиксальным морфом *-ск-* и более новое *райком – райкомовский* с морфом *-овск-*) и т. п. Все подобные сведения, носящие характер «ближних» исторических комментариев, безусловно, нужны читателям, интересующимся проблемами развития современного русского литературного языка или просто сталкивающимся при чтении художественной литературы с теми или иными формами и конструкциями, не характерными для языка наших дней.

В заключение – несколько слов о перспективах использования новой академической грамматики.

Было бы неверным требовать от этой книги однозначных, окончательных решений по всем вопросам грамматики современного русского языка. В современной грамматической науке существует слишком много различных подходов, точек зрения как на грамматическую систему языка в целом и принципы ее изучения и описания, так и на отдельные, конкретные грамматические явления. Ясно, что на данном этапе развития науки окончательные решения по ряду вопросов попросту невозможны. Каждый филолог-русист, более или менее творчески относящийся к грамматической проблематике русского языка, имеет свои решения, свои аргументы в пользу той или иной спорной точки зрения.

Поэтому в ряде случаев авторами грамматики прямо подчеркивается, что наряду с предлагаемым в книге решением по тому или иному спорному вопросу, решением, которое авторы считают наиболее справедливым, доказательным, существуют другие решения,

основанные на других аргументах, кратко излагаемых здесь же (обычно в примечаниях). Это касается, например, вопросов о понимании членов видовой пары в их отношении к границам глагольного слова, о границах местоимений и числительных как отдельных частей речи, о так называемых глагольных междометиях, о статусе отдельных фонем и позиций в фонологии и многих др. Аналогичные оговорки иногда делаются при наличии других по сравнению с принятыми в грамматике терминов.

Думается, что такой подход к спорным проблемам грамматики, демонстрирующий множественность точек зрения по этим проблемам, должен быть отражен и в вузовском преподавании современного русского языка, в соответствующих учебниках и программах. Только такой подход может стимулировать творческую, недогматическую мысль будущих языковедов.

Что же найдет в этой грамматике специалист по русскому языку, в том числе преподаватель?

Он найдет полное, непротиворечивое с точки зрения избранных исходных принципов описание грамматической системы современного русского литературного языка – его словообразования, морфологии, синтаксиса, а также фонетики и фонологии. Описание это основано на достаточно надежных материалах, полученных в результате тщательного исследования разнообразных источников. Само изложение – по возможности доступное, с четко выделенными дефинициями терминов, с удобной композицией и достаточной обозримостью материала (при всей его обширности). Книга может широко использоваться в преподавании русского языка как авторитетный источник, на который можно опираться в дальнейшем при составлении пособий по русскому языку, имеющих ту или иную дидактическую направленность.

Примечания

[1] Необходимым этапом ее подготовки была однотомная «Грамматика современного русского литературного языка» (М., 1970), носившая экспериментальный характер.

[2] Подробнее об этом см. в двух статьях главного редактора «Русской грамматики» проф. Н. Ю. Шведовой: «Русская научная описательная грамматика в русской академии наук» (Вопр. языкознания. 1974, № 6) и «О принципах построения и о проблематике «Русской грамматики» (Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1977, № 4).

[3] О роли инвариантных единиц в грамматическом описании см. также: *Лопатин В. В., Улуханов И. С.* Теория грамматики и практика грамматического описания // Вопр. языкознания. 1978, № 1. С. 39–50.

[4] *Шведова Н. Ю.* О принципах построения и о проблематике «Русской грамматики», с. 298.

[5] В «Русской грамматике» применительно к сфере изучения слов в аспекте частей речи, их категорий и словоизменения (т. е. к морфологии в узком смысле этого термина) впервые для русских академических грамматик последовательно применяется термин «морфологический»: морфологическая (а не грамматическая) форма, категория, значение и т. д. Этим достигается более строгое терминологическое отграничение фактов морфологии от фактов словообразования и синтаксиса.

Морфологические категории в плане выражения

[В сб.: Русский язык. Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст. М., Наука, 1984]

В последние годы в русской советской грамматической науке было существенным образом уточнено понятие морфологической категории. Под морфологической категорией понимается «система противопоставленных друг другу рядов морфологических форм с однородными значениями»[1]. Морфологическая категория рассматривается, таким образом, не как единица плана содержания (хотя и соотносящаяся с определенными единицами плана выражения), а как единица двусторонняя, формально-семантическая, в которой тесной, нерасторжимой связью соединены план содержания и план выражения. Одновременно уточнены как границы использования понятия «морфологическая (грамматическая) категория», нередко применявшегося расширительно к любым грамматическим классам и группировкам, так и сам инвентарь морфологических категорий, представленных в грамматической системе современного русского языка.

Понимание грамматической категории как двусторонней, «формализованной» грамматической единицы опирается на русскую лингвистическую традицию с ее достаточно четким противопоставлением грамматического и неграмматического, положившим в основу выделения грамматических объектов «правильный и здоровый принцип: нет категорий, не имеющих формального выражения»[2].

Указывая на тесную связь формы и содержания в сфере грамматики, В. В. Виноградов неоднократно подчеркивал в своих трудах, что в выражении категориальных морфологических значений участвуют и тесно переплетаются формальные средства разных языковых уровней – собственно морфологические, словообразовательные, синтаксические, что «способы выражения грамматических значений» у разных типов слов «неоднородны»[3]. Таким образом, наличие у морфологических категорий плана выражения не предполагает строгой унифицированности соответствующих

формальных средств. В свете этих замечаний особенную важность на современном этапе развития русской грамматической науки приобретает задача уточнения и классификации грамматических средств выражения, присущих морфологическим категориям, точнее, отдельным противопоставленным друг другу в рамках этих категорий морфологическим формам.

Преобладающим средством выражения категориальных морфологических значений являются в русском языке внутрисловные морфемные средства – аффиксы. Поэтому поставленная выше задача предполагает в первую очередь постановку и решение вопроса о функциональной типологии русских аффиксов. Известно и достаточно широко принято выделение среди аффиксов русского языка по их функции двух основных разновидностей – аффиксов словоизменительных и словообразовательных: первыми «различаются словоформы одного и того же слова», вторые «повторяются в разных словоформах одного и того же слова»[4].

Однако выделение этих двух групп аффиксов не исчерпывает их функционального многообразия. Полагаем, что функциональных разновидностей аффиксов не две, а три. При разграничении этих разновидностей следует исходить из деления всех морфологических категорий русского языка на категории словоизменительные («члены которых могут быть представлены формами одного и того же слова») и несловоизменительные («члены которых не могут быть представлены формами одного и того же слова») и соответственно всех категориальных морфологических значений – на словоизменительные и несловоизменительные[5]. Принимая за основу эту принципиальную дифференциацию морфологических категорий, мы должны выделить в русском языке три функциональных класса аффиксов: 1) морфологические [6] словоизменительные аффиксы (аффиксы, выражающие словоизменительные морфологические значения), 2) морфологические несловоизменительные аффиксы (аффиксы, выражающие несловоизменительные морфологические значения) и 3) словообразовательные аффиксы (аффиксы, выражающие словообразовательные значения). К двум последним из этих трех групп относятся аффиксы, служащие для разграничения разных слов, а не разных форм одного и того же слова и, следовательно, повторяющиеся в разных словоформах одного и того же слова. Но между ними существенная функциональная разница: если аффиксы второй группы выражают значения, которые входят в ряды

противопоставлений, охватывающие все слова определенной части речи, то аффиксы третьей группы выражают значения, не обладающие таким свойством (этот функциональный признак противопоставляет словообразовательные значения категориальным морфологическим значениям вообще)[7].

Поэтому, хотя, например, значения сов. и несов. видов и не относятся к словоизменительным, а соотносительные глаголы обоих видов всегда представляют собой разные слова[8], тем не менее видовое значение не может быть признано словообразовательным, а потому и чистое видообразование не может считаться словообразованием: природа и сущность этого явления несловообразовательные. Соответственно и «чистовидовые» аффиксы (суффиксы и префиксы) следует относить к особому (второму из перечисленных выше) функциональному типу аффиксов – к морфологическим несловоизменительным аффиксам, и отнесение, например, чистовидового суффикса *-ива-* к словообразовательным суффиксам[9] едва ли можно считать правомерным.

Сказанное не исключает отнесения таких категорий, как глагольный вид, к категориям «деривационным» по характеру своего образования (имеется в виду вторичность, производность одной из противопоставленных форм от другой)[10]. Сказанное не означает также неправомерности такого описания словообразовательной системы языка, в котором рассматриваются как аффиксы, выражающие словообразовательные значения, так и аффиксы с несловоизменительными морфологическими значениями, т. е. все аффиксы, формирующие отдельные слова[11].

Заметим, что предлагаемое деление аффиксов русского языка на три функциональных типа можно было бы отождествить с известным делением аффиксов на словоизменительные, формообразовательные и словообразовательные. Но это было бы лишь еще одним применением слишком широкого (уже по своей «внутренней форме») термина «формообразование». Как этот термин, так и само выражаемое им понятие, многократно бывшие предметом обсуждения, приобрели в русской грамматической традиции расплывчатый, неоднозначный характер, оставаясь одними из самых спорных[12].

Разграничив функциональные типы аффиксов, обратимся теперь к общей типологии средств выражения категориальных морфологических значений в русском языке. Такими средствами являются:

1) словоизменительные морфологические аффиксы (флексии, словоизменительные суффиксы и постфикс); 2) несловоизменительные морфологические аффиксы; 3) аналитические словоизменительные морфологические средства (вспомогательные слова и словоформы); 4) словообразовательные аффиксы (одновременно в качестве основной своей функции выражающие словообразовательное значение); 5) лексическая основа слова; 6) состав словоизменительной парадигмы (последняя может быть максимально полной для определенной части речи либо в той или иной мере неполной); 7) синтаксические средства – форма и/или категориальная характеристика слова, синтаксически связанного с данным словом (согласуемого, координируемого, управляемого). Названные средства могут выступать у разных слов и словоформ порознь и в совокупности.

Словоизменительными морфологическими аффиксами выражаются, например: флексиями – словоизменительные морфологические значения числа и падежа существительных (синкретически), падежа числительных и местоимений-существительных, наклонения (изъявительного и повелительного), времени, лица и числа глаголов; словоизменительными суффиксами – значение сравнительной степени прилагательных и наречий, значения прош. времени (наряду с изъявит. наклонением) и сослагат. наклонения глаголов, залога и времени у причастий, времени у деепричастий, рода – в косвенных падежах местоимения *оба* (ср. *об-о-их, об-о-им...* – мужско-средний род и *об-е-их, об-е-им...* – женский)[13]; постфиксом *-те* – значение числа в формах повелит. наклонения глагола.

Несловоизменительные морфологические аффиксы служат для выражения глагольных значений несов. вида (видовой суффикс *-ива-/ -ва- / -а-*), сов. вида (чистовидовые префиксы, суфф. *-и-* в парах типа *решить – решать, простить – прощать, внушить – внушать*[14]), страдательного залога (залоговый постфикс *-ся*). Роль комплексного несловоизменительного морфологического средства выполняет также система флексий изменяемого слова в своем единстве, выражающая несловоизменительные морфологические значения рода (у существительных) и числа (у личных местоимений: *я, ты* – ед. ч.; *мы, вы* – мн. ч.).

Аналитические средства словоизменения выражают некоторые категориальные значения глагола – значения сослагат. наклонения (частица *бы* в сочетании со словоизменительным суффиксом), повелит. наклонения [«формы совместного действия» с частица-

ми *давай(те)* и *будем(те)*], буд. времени («сложное будущее» с формами вспомогательного глагола *быть*).

Роль словообразовательных аффиксов в выражении категориальных морфологических значений отмечена уже В. В. Виноградовым. «Большая часть суффиксов существительных потенциально включает в себя указания и на тип склонения, и на категорию рода, и даже на категорию числа»[15]. Составляя вместе с системой флексий мотивированного слова единое словообразовательное средство, словообразовательные суффиксы существительных являются также дополнительным средством выражения категории рода; так, все слова с суфф. *-тель* относятся к муж. роду, все слова с суфф. *-ств-* – к среднему, а с суфф. *-б-* – к женскому (ср., например, *читатель, упрямство* и *косьба*). Существуют также целые словообразовательные категории, регулярно выражающие определенное морфологическое значение; так, все существительные с суффиксами «женскости» принадлежат к жен. роду, а существительные со словообразовательными формантами, состоящими из суффикса и системы флексий II склонения (с флексией *-а* в исходной форме), обозначающие лиц по характерному действию или признаку, – чаще всего к общему роду[16].

В словообразовательной системе глагола все префиксы, не являющиеся чистовидовыми, при мотивации глаголами несов. вида регулярно выражают (наряду со словообразовательными значениями) значение сов. вида; то же значение выражается суффиксами однократности действия *-ну-*, *-ану-*, редко *-и-* (*прыгнуть, толкануть, бросить*), иногда выступающими в сочетании с префиксами (*всплакнуть, уронить*). Значение несов. вида выражается входящим в состав форманта словообразовательным суффиксом *-ива-*, выступающим как в чистом виде (в глаголах многократного способа действия: *видывать, слыхивать*), так и – чаще – в сочетании с другими аффиксами – префиксом (*похаживать, приплясывать* и т. п.), постфиксом и префиксом (*перешептываться*), а также некоторыми суффиксами отыменных глаголов: *-е-* (*белеть*), *-нича-* (*столярничать*), *-ну-* (*слепнуть*). Значение действительного залога (наряду со словообразовательным значением) регулярно выражают, во-первых, все чисто префиксальные и префиксально-суффиксальные форманты, во-вторых, постфикс *-ся* во всех словообразовательных типах так называемых возвратных глаголов (*мыться, целоваться, убираться, кусаться* и др.) и в смешанных

словообразовательных способах с участием постфиксации (*вслушаться, гордиться, перешептываться* и т. п.) и те же суффиксы *-е-, -нича-, -ну-* (в отыменных глаголах). В первом ряду случаев формируются как соотносительные по залогу переходные глаголы (ср. в особенности так называемые транзитивирующие префиксы: *обойти, наездить, заработать* и т. п.), так и глаголы непереходные, несоотносительные по залогу; во втором ряду – только непереходные глаголы.

Словообразовательным суффиксам прилагательных функция выражения категориальных морфологических значений не свойственна.

Лексическая основа слова сама по себе (при отсутствии словообразовательных аффиксов) выражает несов. или (реже) сов. вид в таких немотивированных глаголах, как *колоть, уметь, варить, читать, мазать, брать, гнуть, клевать, беречь, класть* (несов. в.) или *дать, лечь, сесть, стать, успеть* (сов. в.); одновременно у таких глаголов выражается значение действительного залога. Морфологическое значение муж. или жен. рода определяется лексическим значением основы в таких существительных, как *отец, мать, сестра, брат, мужчина, дядя, юноша, бык, петух, кобыла* и т. п. Значение лица выражается лексически у личных местоимений.

Состав словоизменительной парадигмы следует считать одним из средств выражения видового значения глаголов: у глаголов сов. вида отсутствуют подпарадигмы наст. времени изъявит. наклонения и причастий наст. времени и парадигма оказывается, таким образом, регулярно неполной. Составом парадигмы (ее неполнотой – отсутствием форм страдательных причастий) выражается значение действительного залога у непереходных глаголов и значение страдательного залога у глаголов с залоговым *-ся*.

Особый интерес представляют синтаксические средства выражения категориальных морфологических значений. Как подчеркивал Л. В. Щерба, категории находят свое выражение не только в морфемных средствах, но «и в синтаксических формах в широком смысле этого слова»[17]. В русской грамматике мы находим многочисленные подтверждения этого важного положения. Так, родопадежно-числовые (синкретические) флексии прилагательных и причастий служат исключительно выражению соответствующих категориальных значений определяемого существительного[18]; ана-

логичную функцию выполняют формы координируемых с существительным в предложении слов – родо-числовые флексии глагола в прош. времени и сослагательном наклонении, а также прилагательных и причастий. Для так называемых несклоняемых существительных синтаксическое выражение категорий рода, числа и падежа является единственным. Формой вин. падежа управляемого слова с объектным значением выражается значение действительного залога переходных глаголов, а формой твор. падежа с субъектным значением – значение страдательного залога[19]. Координируемым личным местоимением, а также (для 3-го лица) любым существительным выражается значение лица глагола (ср.: *я стою; ты стоишь; он, она, оно, стол, ваза, ведро... стоит*); в формах прош. времени и сослагательного наклонения это выражение лица – единственное.

Сделанный обзор средств выражения категориальных морфологических значений показывает, что у несловоизменительных категорий – рода существительных, вида и залога глагола – система таких средств особенно многообразна, причем средства эти часто дублируют друг друга, обнаруживая очевидную избыточность плана выражения: ср., например, такие факты, как одновременное выражение рода существительных системой флексий самого существительного и формой согласуемого (координируемого) слова, а также словообразовательными суффиксами или лексической основой; выражение видового значения специальными аффиксами, составом парадигмы глагола и лексическое; выражение залогового значения специальными аффиксами, составом парадигмы и синтаксическое (формами управляемых слов). Дублирование выражения морфологическими и синтаксическими средствами характерно также для словоизменительных категорий – числа, падежа, лица.

Следует разграничивать обязательные (облигаторные, регулярные) и необязательные (факультативные, нерегулярные) средства выражения категориальных морфологических значений. К обязательным средствам относятся, как правило, словоизменительные флексии и суффиксы, аналитические морфологические средства, а также синтаксические средства при выражении рода, числа и падежа существительных, страдательного залога и действительного залога переходных глаголов. Меньшая степень обязательности и в целом меньшая регулярность характеризуют несловоизменительные морфологические аффиксы. Всегда факультативны в фун-

кции показателей морфологических категориальных значений словообразовательные аффиксы.

Своеобразны избыточные факультативные средства выражения словоизменительных категорий (числа, реже – падежа) существительных. Такими средствами являются некоторые словоизменительные суффиксы: суфф. ед. числа *-ин* в словах типа *гражданин* (ср. мн. ч. *граждане*), *-ок* в *цветок* (*цветы*), *-н-* в *судно* (*суда*); суфф. ед. числа *-онок* и суфф. мн. числа *-ат-* в словах типа *жеребенок – жеребята, цыпленок – цыплята, масленок – маслята,* аналогично суффиксы *-ок* и *-ат-* в *щенок – щенята, бесенок – бесенята, -ин* и *-ев-* в *хозяин – хозяева, -ин* и *-j-* в *шурин – шурья;* суфф. мн. числа *-j-/-ов'j-* в словах типа *брат – братья, кум – кумовья, -ес-* в *чудо – чудеса;* суффиксы мн. числа и косвенных падежей (кроме винительного) ед. числа *-ен-* в словах типа *время* (ср. *времени, времена*) и *-ер-* в словах *мать* и *дочь* (ср. *матери, дочери*). Таким же факультативным средством является словоизменительный суффикс прилагательных и «качественных» наречий *-к-* или *-ок-*, выражающий в некоторых словах значение отсутствия сравнения (положительная степень) и не представленный в формах сравнительной степени, ср.: *близкий* и *близко – ближе; узкий, у́зко – уже; короткий, коротко – короче; высокий, высоко – выше; широкий, широко – шире; глубокий, глубоко – глубже; далекий, далеко – дальше*[20].

Показательно, что некоторые из таких факультативных средств именного словоизменения – словоизменительных суффиксов – являются одновременно словообразовательными суффиксами (*близкий*) или частью такого суффикса (*бесенок – бесенята*). Суффикс ед. ч. *-ин* присоединяется в подавляющем большинстве слов к словообразовательному суффиксу *-ан-/-чан-* (*горожанин, харьковчанин* и т. п.), а взаимозаменяющиеся суффиксы ед. и мн. числа *-онок* и *-ат-* являются, также в подавляющем большинстве слов, продуктивными словообразовательными суффиксами со значением невзрослости. Аналогичны функции глагольного постфикса *-ся:* в подавляющем большинстве глаголов он является словообразовательным, в некоторых же глаголах (словообразовательно немотивированных: *бояться, стараться, карабкаться* и т. п.) – только морфологическим (несловоизменительным), выражающим наряду с непереходностью значение действительного залога[21].

Таким образом, неоднородность средств выражения морфологических категорий в современном русском языке обнаруживает-

ся в том, что эти средства относятся к разным языковым уровням, нередко несут кроме морфологических также другие значения и функции, дублируют друг друга и существенно различаются с точки зрения своей регулярности (обязательности). Все эти факты наряду с известными фактами синкретизма плана содержания морфологических аффиксов (флексий) являются важным проявлением асимметрии планов выражения и содержания в сфере морфологии.

Примечания

[1] Русская грамматика. Т. I. М., Наука, 1980. С. 455; см. также: *Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976. С. 10–11.

[2] *Щерба Л. В.* О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 77.

[3] См.: *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972. С. 34.

[4] Русская грамматика, с. 129.

[5] Там же, с. 456.

[6] Употребляем здесь термин «морфологический», как и в составе термина «морфологическая категория», в узком смысле: «относящийся к морфологии как учению о частях речи, грамматических категориях слов и парадигматике словоизменения».

[7] Русская грамматика, с. 137–138.

[8] Принимаем здесь то деление морфологических категорий на словоизменительные и несловоизменительные, которое представлено в «Русской грамматике» 1980 г., не вдаваясь в аргументацию этого деления: содержательно-функциональная интерпретация конкретных морфологических категорий в связи с проблемой границ слова не входит в задачи настоящей статьи. См., например: *Авилова Н. С.* Вид глагола и семантика глагольного слова. М., 1976. С. 40.

[10] *Бондарко А. В.* Указ. соч., с. 99 и след.

[11] Русская грамматика, с. 138.

[12] См. об этом, например: *Кузнецов П. С.* О принципах изучения грамматики. М., 1961. С. 41. Добавим, что и новые попытки разграничить соответствующие понятия и термины (см., например: *Кубрякова Е. С.* О формообразовании, словоизменении, словообразовании и их соотношении // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1976. Т. 35, № 6; *Лыкова Н. А.* О границах между словоизменением, формообразованием и словообразованием в русском языке // Филол. науки. 1981, № 3), как нам представляется, не продвигают вперед существенным образом разрешение данной проблемы.

[13] Единственный в русской морфологии случай, когда род выражается отдельно от числа и падежа.

[14] Обращает на себя внимание тот факт, что в подобных (беспрефиксальных) видовых парах глаголов суфф. *-и-* является приметой сов. вида.

[15] *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 56.

[16] Подробнее об этих фактах см.: *Лопатин В. В.* О семантической структуре словообразовательного форманта // Русский язык. Вопросы его истории и современного состояния (Виноградовские чтения I–VIII). М., Наука, 1978. С. 86–88. Статья перепечатана: с. 38–49 данного издания.

[17] *Щерба Л. В.* Новейшие течения в методике преподавания русского языка // Щерба Л. В. Указ. соч., с. 54.

[18] «Окончания имен прилагательных свободны от иной семантической нагрузки, кроме обозначения синтаксического согласования признака с определяемым именем существительным» (*Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 151).

[19] Ср. критику фортунатовской концепции русского залога В. В. Виноградовым как концепции, учитывающей только морфологические признаки этой категории в ущерб синтаксическим (*Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 484).

[20] Если в названных (относительно немногочисленных) случаях линейного различия основ в именном словоизменении «избыточные» отрезки (наращения) одной из основ можно интерпретировать как словоизменительные суффиксы (факультативные), то применительно к конечным отрезкам глагольных основ (различие которых носит, как известно, регулярный характер и пронизывает всю систему глагольного словоизменения) такая интерпретация затруднительна в силу универсальной формальной (морфонологической) обусловленности таких отрезков основы и разнообразия морфологических форм глагола, к которым эти отрезки прикреплены (см.: *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 63–74).

[21] См. наши соображения о функциях постфикса *-ся* в кн.: *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика, с. 85–87.

Межкатегориальные и межчастеречные связи в морфологии (к соотношению категорий лица и рода в русском языке)

[В сб.: Проблемы типологической, функциональной и описательной лингвистики. М., 1986]

I. На современном этапе изучения морфологических категорий первостепенное значение приобретает разработка вопросов, связанных с их взаимодействием и взаимопроникновением. Это взаимодействие обнаруживается как в собственно грамматических явлениях, так и в смежных с ними фактах лексико-грамматического порядка. Оно представляет собой один из аспектов того активно разрабатываемого в последнее время направления грамматических исследований, которое получило название функциональной грамматики[1]. Как основные единицы функциональной грамматики рассматриваются группировки сходных или тождественных в функциональном отношении языковых форм – семантические комплексы (Н. Ю. Шведова). Существеннейшей чертой таких комплексов является принадлежность относящихся к ним взаимосвязанных языковых форм к разным уровням языка.

Особое и центральное место в функциональной грамматике принадлежит тем семантическим комплексам, которые строятся вокруг определенной морфологической категории как своего ядра. Именно к таким комплексам в первую очередь применимо разработанное А. В. Бондарко понятие функционально-семантического поля (ср. функционально-семантические поля аспектуальности, темпоральности и т. п.[2]). Однако семантический комплекс – понятие более емкое и многообразное, чем функционально-семантическое поле. Как отдельные семантические комплексы могут рассматриваться, например, более дробные единицы, составляющие часть того или иного функционально-семантического поля, либо семантическиеские зоны, возникающие на пересечении разных функционально-семантических полей. Так, семантический комплекс «сложное действие» находится на пересечении полей аспектуальности и количественности[3].

Взаимодействие морфологических категорий в русской грамматике до сих пор чаще изучалось внутри одной части речи, прежде

всего глагола[4]; значительно слабее изучено межчастеречное взаимодействие морфологическах категорий. Показательным примером, демонстрирующим одновременно и взаимодействие связанных с данными категориями семантических комплексов (функционально-семантических полей), может служить взаимодействие морфологических категорий лица (преимущественно глагольной) и рода (преимущественно именной), к которому мы далее обращаемся.

II. В сфере глагола словоизменительная морфологическая категория лица выражает, как известно, два семантических противопоставления, грамматически интерпретирующих отнесенность глагольного действия или состояния к его субъекту. Во-первых, с точки зрения отнесенности действия к участникам речевого акта противопоставлены формы, обозначающие говорящего (формы 1 л.), адресата речи (формы 2 л.) и предмет речи, не являющийся ни говорящим, ни адресатом (формы 3 л.). Во-вторых, по отнесенности действия к лицу или не-лицу (собственно персональность) противопоставлены формы с маркированным личным значением (1 и 2 л. обоих чисел; 3 л. мн. ч. и мн. ч. прош. вр. в неопределенно-личном и обобщенно-личном употреблении) и формы с немаркированным личным значением (3 л. обоих чисел в определенном предметно-личном употреблении).

Подчеркнем здесь участие в выражении признака персональности морфологической категории числа (ср. также соображения В. В. Виноградова о неопределенно-личном употреблении форм 3 л.[5]). Это участие особенно очевидно в формах прош. вр., где лицо не выражено. Собственная же функция форм числа – выражение количества субъектов действия (один – много) – в таком употреблении нейтрализована[6]. Ср. роль форм мн. ч. в неопределенно-личных и обобщенно-личных предложенаях:1) при употреблении форм наст.-буд. вр. 3 л., напр.: За стеной *играют* на рояле; Проект *обсудят* на будущей неделе; Цыплят по осени *считают*; А ведь ворон не *жарят*, не *варят* (Крылов); 2) при употребленииии форм прош. вр., напр.: Мне *сказали*, что он не приедет; За стеной *играли* на рояле; Проект уже *обсудили*; В прежнее время, лет сорок-пятьдесят назад, вишню *сушили, мочили, мариновали*, варенье *варили*... (Чехов). Указанная закономерность может быть сформулирована следующим образом: если субъект глагольного действия или состояния, выраженный формой мн. ч., мыслится неопределенно

или обобщенно и при этом не выражен (подлежащее отсутствует), то этот субъект – лицо. Ср. участие в выражении значения безличности, также входящего в круг значений, выражаемых формами лица, форм числа (в данном случае единственного) и рода (среднего – в прош. вр.).

Оба названных выше семантических противопоставления, выражаемых формами лица, характеризуют морфологическую категорию лица и в сфере личных мостоимений, с той лишь разницей, что здесь, в отличие от глагола, категория лица является несловоизменительной (личные местоимения *я, ты* и предметно-личное *он* – разные слова) и что форма мн. ч. местоимения 3 л. (*они*) неспособна выражать неопределенно-личное и обобщенно-личное значения.

В пределах функционально-семантического поля персональности в выражение значений, присущих глагольной категорий лица, включаются координируемые со спрягаемой формой глагола личные местоимения 1 и 2 л. (для глагольных форм 1 и 2 л.), предметно-личное местоимение 3 л. и существительные (для глагольных форм 3 л. в определенном предметно-личном употреблении). При этом существительное, обозначая субъект действия или состояния, грамматически включается в выражение первого противопоставления: любое существительное в функции подлежащего может обозначать только предмет, не являющийся ни говорящим, ни адресатом, и следовательно, координироваться только с формами 3 л. глагола-сказуемого. Лексически же – как название лица либо не-лица – всякое существительное включается в выражение второго противопоставления.

III. В сфере имени существительного названия лица формируют не морфологическую категорию, а лексико-грамматический разряд[7], непосредственно связанный с выражением категории рода. Личные существительные представляют собой, таким образом, область пересечения функционально-семантических полей, группирующихся вокруг морфологических категорий лица (поле персональности) и рода.

Выделяя лексико-грамматический разряд личных существительных, мы должны выявить специфические грамматические признаки данного разряда. Основной из этих признаков – последовательное и непосредственное выражение семантической оппозиции отношения к полу. Именно в рамках лексико-грамматического раз-

ряда личных существительных морфологическая категория рода характеризуется постоянным семантическим содержанием (хотя преобладает в этой категории структурная согласовательная функция[8]). Это обнаруживается в том, что личные существительные жен. рода последовательно обозначают только существо женского пола: ср. *мать, сестра, прачка, писательница, студентка, колхозница* и т. п. Единственную «поправку» к этой общей закономерности приходится сделать с учетом переносных экспрессивно-оценочных значений некоторых существительных жен. рода (*баба, обезьяна, свинья, размазня, шляпа, тряпка* и некоторые др.), способных применяться в этих переносных значениях к лицам мужского пола. Прямые же, номинативные значения личных существительных жен. рода подчиняются указанной закономерности без исключений. Заметим, что названия животных лишены подобной последовательности в выражении отношения к полу; об этом свидетельствует прежде всего наличие большого количества «внеполовых», нейтральных к обозначению пола, названий животных жен. рода: *акула, жаба, лягушка, ящерица, косуля, крыса, мышь* и т. п., от которых невозможны суффиксальные образования со значением «женскости» (названия самок), т. е. невозможны семантические (основанные на выражении отношения к полу) противопоставления типа *волк – волчица, лев – львица*[9].

В то же время личные существительные муж. рода могут обозначать не только лицо мужского пола (хотя обозначение лиц мужского пола и следует рассматривать как их основную функцию). По своей способности обозначать лиц женского пола личные существительные муж. рода делятся на две группы.

1) Существительные муж. рода, способные обозначать конкретное лицо женского пола. К ним относятся многие (но не все) названия лиц по профессии, роду занятий, должности, званию. Ср.: *бригадир* Иванова, *лейтенант* Петрова; Вошла *врач, бухгалтер, директор;* Моя сестра – *учитель, математик, инженер*; Она хороший *летчик, фонетист* и т. п.; но, например, слова *актер* и *артист* (в силу своих узуальных свойств) не способны употребляться ни в одном из приведенных типовых контекстов.

2) Существительные муж. рода, способные называть лицо в отвлечении от пола (в формах ед. ч.; это значение можно назвать обобщенно-личным) либо множество лиц обоего пола (в формах мн. ч.). Ср.: Услужливый *дурак* опаснее врага; *Смелого* пуля бо-

ится, *смелого* штык не берет; *Француз* боек, да *русский* стоек; Каждый *москвич* любит свой город; Если тебе *комсомолец* имя...; Дом *актера, колхозника*; Подарок *первокласснику*; Все *родители* пришли на собрание вовремя; *крестьяне, москвичи, французы, студенты, гордецы, лгуны* и т. п. Это свойство существительных муж. рода наиболее универсально. Способности такого употребления лишены только те (очень немногие) существительные муж. рода, которые по своему лексическому значению закреплены как названия лиц мужского пола (*сын, юноша, дядя, муж, брат* и т. п.).

Отмеченные черты позволяют рассматривать муж. род как немаркированный член родовой оппозиции личных существительных, а жен. род – как член маркированный.

Существует такое понимание семантического содержания категории рода, при котором способность отражения оппозиции отношения к полу признается за всеми существительными муж. и жен. рода, включая сюда и неодушевленные. При этом указывается на возможность образно-поэтического речевого переосмысления соответствующих существительных при олицетворении. Ср., напр.: Зеленокосая, В юбчонке белой, Стоит *береза* над прудом (Есенин); *кедр* и *пальма* (в известном стихотворении Гейне, перевод Тютчева); *утес* и *тучка* (у Лермонтова); во всех этих примерах неодушевленный предмет, обозначаемый существительным муж. рода, образно переосмысливается как существо мужского пола, а предмет, обозначаемый существительным жен. рода, – как существо женского пола. Ср. также *зима, весна* (в народно-поэтической традиции олицетворяемые в виде существ женского пола). Дед *Мороз,* бабушка *Метелица* (из сказки), *Россия, Русь* (в поэзии нередко олицетворяемые в образе женщины) и т. п. (Показательно, что и «внеполовые» названия животных муж. и жен. рода при олицетворении подвергаются тому же стилистическому переосмыслению: ср. Царевна-*лягушка*, *Стрекоза* и *Муравей* и т. п.). С учетом подобных фактов существительные муж. рода определяются как разряд существительных, способных либо обозначать существо мужского пода, либо стилистически переосмысливаться в образе такого существа; аналогичное определение дается существительным жен. рода[10].

Значимость подобных фактов стилистического переосмысления неличных существительных вполне оправдывает, с нашей точки зрения, указанную «расширенную» интерпретацию семанти-

ческого содержания категории рода в целом (хотя и основанную в значительной степени на потенциальных свойствах большого разряда существительных). Эти факты, между прочим, говорят и о том, что образно-эстетическая (художественная) функция грамматических форм не может исключаться из рассмотрения в функциональной грамматике. Однако следует подчеркнуть, что и при такой интерпретации категории рода остается в силе признак непосредственности выражения оппозиции отношения к полу у личных существительных; у неличных существительных эта оппозиция выражается опосредствованно – через художественный образ.

Кроме рассмотренного основного грамматического признака лексико-грамматического разряда личных существительных должны быть отмечены следующие его грамматические признаки, в которых также выявляется специфика этого разряда:

способность одних и тех же слов обнаруживать в согласовании свойства как муж., так и жен. рода, выражая этим пол лица (существительные общего рода; слова типа *врач, инженер, директор*): все слова, обладающие этим свойством, являются названиями лиц;

способность существительных муж. рода принадлежать ко II склонению (слова на *-а* в им. п. ед. ч.): все слова муж. рода этого типа склонения (*дядя, юноша, воевода, Петя* и т. п.) – названия лиц (исключение: суффиксально-оценочные образования типа *домина, голосина*);

способность выражать значения муж. рода ед. ч. (кроме флексий) особым словоизменительным суффиксом *-ин* (*гражданин, крестьянин, болгарин, киевлянин*), а значение им. п. мн. ч. – особой флексией *-е* (безударной: *граждане, крестьяне, цыгане*);

участие разряда личных существительных в формировании морфологической категории одушевленности-неодушевленности: все личные существительные принадлежат к одушевленным; по замечанию В. В. Виноградова, личность у существительных «поглощена» одушевленностью[11];

наличие развитой системы словообразовательных суффиксов, связанных в едином форманте с определенной системой флексий (I или II склонения в «одушевленной» разновидности: винительный падеж формально тождествен родительному, хотя и не все личные существительные суффиксально характеризованы;

свойство субстантивированных прилагательных и причастий муж. рода обозначать лицо (если только они не принадлежат к типу «эллиптической» субстантивации)[12].

Комплексное описание подобных «многонаправленных» лексико-грамматических разрядов – одна из важных задач функциональной грамматики.

Примечания

[1] См., напр.: *Бондарко А. В.* Основы построения функциональной грамматики (на материале русского языка) // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 40. 1981, № 6; Проблемы функциональной грамматики. Тезисы конференции 1–2 апреля 1983 г. М., 1983.

[2] *Бондарко А. В.* Указ. соч.

[3] *Ремчукова Е. Н.* Структурно-семантическая зона «сложное действие» в современном русском языке. Автореферат канд. дисс. М., 1984.

[4] См., например, главу «Взаимные связи морфологических категорий глагола» в: Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 641–646.

[5] *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972. С. 366, 367.

[6] *Булыгина Т. В.* Проблемы теории морфологических моделей. М.,1977. С. 170–173.

[7] См. определение лексико-грамматического разряда: Русская грамматика, с. 459.

[8] См.: *Бондарко А. В.* Теория морфологических категорий. Л., 1976. С. 42–44; *Мучник И. П.* Грамматические категории глагола и имени в современном русском литературном языке. М., 1971. С. 180–183.

[9] *Лопатин В. В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973. С. 75.

[10] См.: *Ахманова О.* Словарь лингвистических терминов. М., 1966. С. 245, 389.

[11] *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 79.

[12] См.: Русская грамматика, с. 239, 241.

К соотношению словообразовательных и морфологических категорий

[Тезисы докладов Всесоюзной конференции «Семантические категории языка и методы их изучения». Ч. I. Уфа, 1985]

I. Для категорий грамматики, в противоположность лексическим категориям, обязательна формальная выраженность; грамматические значения неотделимы от средств своего выражения. С этой точки зрения словообразовательные категории, как и морфологические, принадлежат грамматике. При всем их различии (морфологические категории в целом регулярнее словообразовательных с точки зрения средств выражения) и те, и другие – категории не столько семантические, сколько формально-семантические.

2. Как и морфологические категориальные значения (МКЗ), словообразовательные категориальные значения (СКЗ) вступают в оппозиции в пределах рядов форм, характеризующихся однородным семантическим основанием: ср., напр., самое общее соотношение чистой транспозиции и референции, а в пределах последней – мутации и модификации; соотношение различных актантных признаков в мутационных отглагольных именах. Однако, в отличие от МКЗ, СКЗ, во-первых, никогда не представляют собой рядов форм, охватывающих часть речи в целом, и, во-вторых, системные связи СКЗ сложнее и многообразнее: кроме отношений рядоположенности, в системе СКЗ имеют место отношения включения, иерархической подчиненности и соподчиненности (ср., напр., значения «носитель признака», с одной стороны, и «лицо – носитель признака», «конкретный неодушевленный предмет – носитель признака», «вещество или однородная совокупность – носитель признака» и т. п., с другой).

3. СКЗ непосредственно связаны с МКЗ так наз. несловоизменительных категорий (род и одушевленность существительных, глагольный вид и т. п.): они чаще всего определяют категориальную морфологическую принадлежность соответствующих типов мотивированных слов (принадлежность мотивированных существительных к определенному роду, глаголов – к определенному виду и т. п.), а средства выражения таких СКЗ служат одновремен-

но выражению соответствующих МКЗ.

4. Словообразовательные категории активно участвуют в формировании так наз. лексико-грамматических разрядов (ЛГР) – морфологически релевантных группировок лексики в пределах определенной части речи[1]. Однако в целом для ЛГР формальная выраженность (внутрисловными средствами), в отличие от словообразовательных категорий, необязательна (ср., напр., ЛГР способов глагольного действия, личных и вещественных существительных, качественных прилагательных и др.), и потому сведение тех или других ЛГР к совокупности определенных словообразовательных типов (напр., ограничение способов глагольного действия только «характеризованными») неправомерно.

Примечание

[1] См. определение ЛГР в: Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 459.

Явление продуктивности в грамматическом и лексическом аспектах

[В сб.: Studia gramatyczne. V. Kraków, 1982]

Одной из важнейших функциональных характеристик грамматической системы языка является продуктивность грамматических классов (частей речи) и подклассов, т. е. способность их пополняться новыми словами, представленность открытым рядом слов. Продуктивность в таком понимании, будучи синхронным динамическим свойством грамматических классов и подклассов, определяет их лексический потенциал. Поскольку свойство это воплощается на лексическом уровне, обнаруживаясь в появлении новых словарных единиц, в нем находит яркое отражение взаимодействие грамматики с лексикой; в частности, с ним непосредственно связана проблема лексических ограничений, присущих грамматическим образцам.

С точки зрения продуктивности могут сопоставляться целые части речи. Так, среди знаменательных частей речи «основные» – существительное, прилагательное, глагол и наречие – могут быть противопоставлены числительному и местоимению (независимо от понимания границ двух последних) как классам непродуктивным, представленным закрытыми рядами слов. Несомненное значение, прежде всего для систематизации типов словоизменения, имеет и проблема продуктивности формальных подклассов. В частности, одна из традиционных классификаций русского глагола основана на противопоставлении продуктивных словоизменительных классов и непродуктивных групп[1].

В настоящем докладе явление продуктивности рассматривается более подробно на материале формальных подклассов (типов склонения) имен существительных в современном русском языке.

Проблема эта была поставлена еще в работах В. В. Виноградова[2], который отметил, что основные типы склонения существительных неравноценны как с точки зрения представительности в русской лексике (количество относящихся к ним слов), так и по своей производительной силе (продуктивность). Позднее в рабо-

тах Л. В. Копецкого[3] описан русский лексический материал (по толковым словарям) в его отношении к парадигмам склонения, дана классификация этих парадигм, опубликованы подсчеты количества существительных по родам и парадигмам и соответствующие списки слов, причем выделены непродуктивные образцы. Эти работы могут служить хорошим фундаментом для дальнейших наблюдений в интересующей нас области.

Различия в производительной силе типов склонения существительных легко обнаруживаются при сопоставлении количества новообразований, принадлежащих к различным типам склонения. Показательно, например, сопоставление количества существительных разных типов склонения, впервые лексикографически фиксируемых в словаре-справочнике «Новые слова и значения» (М., 1971). Из общего количества 1985 существительных, отмеченных в этом словаре, 1107 (55,8%) принадлежит к I склонению муж. рода с нулевой флексией в им. п. ед. ч. (тип *левак, стройбат, мотель*); 557 (28%, т. е. вдвое меньше) – ко II склонению с флексией *-а* (тип *космонавтка, космохимия, мельтешня*); 131 (6,6%) – к I склонению сред. рода с флексией *-о* (тип *оргстекло, окомкование*); 86 (4,3%) – к III склонению жен. рода с нулевой флексией (тип *биосвязь, всепогодность*); 69 (3,5%) являются несклоняемыми существительными (тип *ралли, ПТУ*); 19 (около 1%) составляют слова pluralia tantum субстантивного склонения (тип *автовесы, радиопереговоры*) и, наконец, 16 (0,8%) – существительные адъективного склонения (тип *костровой, буровая*).

Как известно, пополнение словарного состава языка осуществляется в основном двумя путями – путем словообразования (с использованием внутренних языковых ресурсов) и путем заимствования. При этом различные способы словообразования неодинаково относятся к выбору типа склонения мотивированного (производного) слова. В конечном счете продуктивность различных типов склонения существительных регулируется пятью различными механизмами, а именно:

1) механизмом способов словообразования с мотивирующей базой, равной целому самостоятельному слову[4] (чистые префиксация и сложение, аббревиация при сохранении несокращенного последнего компонента);

2) механизмом суффиксального словообразования (включая нулевую суффиксацию);

3) механизмом субстантивации, т. е. образования существительных адъективного склонения, сохраняющих (в неполном виде) систему флексий мотивирующего прилагательного;

4) механизмом аббревиатурного словообразования (аббревиатуры с последним сокращенным компонентом);

5) механизмом грамматического освоения заимствований.

Специфика первого из этих механизмов (в сфере прилагательных и глаголов к нему относятся также сращение, постфиксация и смешанный префиксально-постфиксальный способ словообразования) состоит в том, что мотивирующее слово (при чистом сложении и аббревиации первого вида – одно из мотивирующих слов) целиком, во всей системе своих форм, входит в состав мотивированного слова и, следовательно, мотивированное принадлежит к тому же словоизменительному типу, что и мотивирующее. Поэтому первый механизм открывает доступ новообразованиям во все словоизменительные типы, в том числе и в типы, не имеющие других возможностей своего пополнения (или обладающих весьма ограниченными такими возможностями). Ср., напр., из новообразований, зафиксированных в указанном словаре: *председатель – сопредседатель, программа – подпрограмма, ядро – антиядро, связь – оргсвязъ, память – сверхпамять, нить – стеклонить, рикша* (общ. р.) – *велорикша, сани – мотосани, рулевой – авторулевой.* Для этого механизма принципиально нет непродуктивных словоизменительных типов; круг слов, относящихся к любому из типов склонения, всегда может быть пополнен с его помощью неологизмами и окказиональными новообразованиями. Так, даже тип существительных сред. рода на *-мя,* ограниченный в русском языке всего десятью словами, может пополниться такими новообразованиями, как окказ. *антивремя* (из газет) или *лжепламя* (поэт.), а уникальное по своему набору флексий слово *путь* порождает неологизмы *Севморпуть, метропуть*[5]. Необходимо, однако, иметь в виду, что в новообразованиях, возникающих на почве этого механизма, используются только готовые лексические компоненты, представляющие собой сочетания определенной опорной основы[6] с определенной системой флексий и равные уже существовавшему (старому) слову. Новых сочетаний «опорная основа + система флексий» таким путем не создается.

Остальные четыре механизма относятся к типам склонения существительных избирательно. Подавляющее большинство про-

дуктивных типов суффиксального словообразования принадлежит к словам I склонения муж. рода с нулевой флексией (*ядерщик, таксёр, фирмач, негабарит, ополаскиватель*) и II склонения на *-а* жен. и общ. рода (*прорабка, изотония, доставала*). Значительно меньше таких типов среди существительных I склонения сред. рода на *-о* (*вертолетостроение, битничество*), причем преобладают здесь слова с суффиксами *-нщ-* и *-ств(о)*. Продуктивные типы существительных жен. рода III склонения ограничены словами на *-ость* (*типажность, обводненность, выживаемость*) и с нулевым суффиксом (*гладкопись*). Наличие некоторого количества суффиксальных типов существительных pluralia tantum определяет появление таких новых слов этого типа склонения, как *звездины, ходунки, доедки* (разг.), *погляделки* (окказ.) и т. п.

Действующие в языке продуктивные типы словообразовательной субстантивации обеспечивают регулярное пополнение словарного состава новыми существительными адъективного склонения всех трех родов и pluralia tantum (ср. нов.: *блинная, бойлерная, заправочная, неподдающийся, пультовой, высокогорные* и т. п.).

Близки друг другу по своему отношению к типам склонения существительных механизмы аббревиатурного словообразования и грамматического освоения заимствований. Основные словоизменительные типы существительных, пополняющих с их помощью словарный состав, – это слова I склонения с нулевой флексией (муж. рода) и несклоняемые существительные (преимущественно сред. рода). Поскольку в русском языке «любой словесный знак, указывающий на предмет, становится именем существительным мужского рода, если он имеет в исходе согласный звук»[7], все заимствования и аббревиатуры небуквенного типа с основой на согласную прикрепляются к I склонению с нулевой флексией. Примерами могут служить такие новые заимствования, как *буклет, аэрозоль, дедерон, капролактам, круиз, стресс, мазер, мюзикл; кэтч, критериум, картинг* (спорт.); аббревиатуры *сноб* (предприятие по снабжению), *белаз* (название марки автомашины: «Белорусский автомобильный завод»), *общепит, киборг, сопромат* и т. п. Как несклоняемые оформляются заимствованные существительные с основой на гласную (*бистро, хобби, шоу, хиппи, экспо, нейтрино* и т. п.), аббревиатуры на гласную, преимущественно составленные из начальных звуков слов (*СКА, АСУ*), буквенные аббревиатуры (*ЭВМ, СКБ, ПТУ, АМС* – сокращение

«автоматическая межпланетная станция»), наконец, аббревиатуры с последним компонентом – формой косвенного падежа существительного (*поммастера, предзавкома*)[8]. Более редкое в современном языке явление – оформление заимствованных слов как существительных II склонения на *-а* (*кока-кола, мафия, асфалия* и т. п.; среди них преобладают слова на *-ия*); единичны заимствования, принадлежащие к словам pluralia tantum (все они – названия «парных» предметов: *джинсы, колготы*). Среди заимствований совершенно отсутствуют слова сред. рода I склонения на *-о* и жен. рода III склонения, а среди аббревиатур с последним сокращенным компонентом – и слова II склонения на *-а*.

Обращает на себя внимание следующая закономерность, также демонстрирующая ограниченность лексического потенциала ряда грамматических подклассов существительных: сфера продуктивности таких подклассов, как слова сред. рода I склонения на *-о* и жен. рода III склонения, ограничена в пределах последних четырех механизмов неодушевленными существительными; слова pluralia tantum – исключительно неодушевленные.

Сопоставление степени и сферы продуктивности грамматических подклассов, распределения этих подклассов по различным лексическим группам в близкородственных славянских языках может дать интересные данные, касающиеся функциональных аспектов грамматического описания этих языков.

Примечания

[1] См.: Грамматика русского языка. Т. I. М., 1952. С. 533 и след.

[2] См.: *Виноградов В. В.* Русский язык. М. – Л., 1947, раздел «Грамматическое распределение имен существительных по типам склонения в связи с формами словообразования», особенно с. 92–93.

[3] См.: *Копецкий Л. В.* Типы склонения русских существительных мужского рода // Вопр. языкознания. 1970, № 3; *Его же*. Склонение существительных в современном русском литературном языке. Прага, 1973.

[4] См.: *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 9–11.

[5] С этой точки зрения и все так называемые непродуктивные группы глаголов продуктивны, но ограничены определенным набором лексических компонентов (глагольных основ). Ср., напр., новообразования поэтической и разговорной речи, принадлежащие к «непродуктивным группам» и к изолированным глаголам: *трепетать – отрепетать, колебать – расколебать, приникнуть – отникнуть, устать – подустать* («Он слегка подустал»), *плыть – плыться*

(«Как легко плывется в этой воде!»), *идти – полуидти* («Он полуидет – полубежит») и т. п.

[6] Под опорной основой мы понимаем непосредственно сочетающуюся с флексиями часть слова, содержащую корень.

[7] *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 93.

[8] Отвлекаемся здесь от вопроса о грамматическом роде существительных этих групп.

Словоизменительные типы и их лексическое наполнение (продуктивность в морфологии)

[В кн.: Слово и грамматические законы языка.
Имя. М., Наука, 1989]

Введение

I. Одной из важнейших функциональных характеристик грамматической системы языка является продуктивность грамматических классов и подклассов. Продуктивность обычно понимается как «свойство грамматических типов служить образцом (моделью) для образования новых слов, форм, конструкций»[1]. Продуктивность в морфологии – это способность грамматических классов слов (частей речи) и подклассов пополняться новыми словами, представленность их открытым рядом слов. Будучи синхронным динамическим свойством морфологических классов и подклассов, продуктивность определяет их лексический потенциал. Поскольку свойство это воплощается на лексическом уровне, обнаруживаясь в появлении новых словарных единиц, в нем находит яркое отражение взаимодействие грамматики с лексикой; в частности, с ним непосредственно связана проблема лексических ограничений, присущих грамматическим образцам.

С точки зрения продуктивности могут сопоставляться целые части речи. Так, среди знаменательных частей речи «основные» – существительное, прилагательное, глагол и наречие – могут быть противопоставлены числительному и местоимению (независимо от понимания границ двух последних) как классам непродуктивным, представленным закрытыми рядами слов. Несомненное значение (как теоретическое, так и практическое) имеет и проблема продуктивности формальных подклассов. В частности, одна из традиционных формальных классификаций русского глагола основана на противопоставлении продуктивных классов и непродуктивных групп[2].

В настоящей главе рассматриваются словоизменительные типы основных изменяемых частей речи – существительного, прилагательного и глагола – в современном русском языке с точки зрения

их продуктивности.

II. Прежде всего требует уточнений сам объект исследования – словоизменительный тип. В отличие, например, от словообразовательного типа понятие словоизменительного типа до сих пор не определено с достаточной четкостью и ясностью.

Всякое изменяемое слово имеет определенным образом организованную систему форм – словоизменительную парадигму. Будем называть словоизменительным типом схему построения парадигмы, характерную для ряда изменяемых слов определенной части речи.

Очевидно, что словоизменительные типы могут характеризоваться с двух сторон: со стороны состава форм (количественного и качественного) соответствующей парадигмы и со стороны формальных (прежде всего аффиксальных) показателей. Иначе говоря, словоизменительные типы различаются, во-первых, составом форм (их количеством и выражаемыми в этих формах категориальными морфологическими значениями), т. е. характером организации парадигмы, и, во-вторых, средствами выражения морфологических значений в семантически тождественных формах: конкретными флексиями, словоизменительными суффиксами, субморфами основы (ср., например, традиционные три типа склонения существительных, два типа спряжения глаголов, словоизменительные глагольные классы).

В настоящем исследовании предлагается широкое понимание словоизменительных типов – в основу их классификации кладутся различия обоих указанных порядков (как состав форм, так и их образование), делается попытка совместить оба классификационных признака как признаки, тесно взаимосвязанные[3]. Таким образом, инвентарь словоизменительных типов определяется пересечением этих классификационных признаков.

С изложенной точки зрения являются разными словоизменительными типами парадигматические схемы (традиционно объединяемые в один тип склонения или спряжения), характеризующиеся частичными различиями словоизменительных аффиксов (флексий, суффиксов); для их выделения в разные словоизменительные типы достаточно различия флексий хотя бы в одной форме. Так, в пределах класса существительных отдельные словоизменительные типы представляют собой, например[4], слова сред. рода I скл. на -о (*окно, поле*), III скл. на *-мя* (*имя, время*); слова

муж. рода I скл. с различными словоизменительными суффиксами числа (типы: *горожанин – горожане, цыпленок – цыплята, друг – друзья*); существительные адъективного и смешанного склонений с различными наборами флексий (типы: *заведующий, столовая, ничья, мороженое, суточные* и т. п.).

Отдельные словоизменительные типы существительных выделяются также на основании различий по одушевленности – неодушевленности (связанных только с образованием форм вин. п. ед. и/или мн. ч.).

Наиболее распространенным видом различий между словоизменительными типами, связанных с составом парадигмы, является ее неполнота (по сравнению с обычным, наиболее частым набором форм). С этой точки зрения в особые словоизменительные типы выделяются существительные pluralia и singularia tantum.

Среди прилагательных как отдельные словоизменительные типы рассматриваются: прилагательные основного (адъективного) склонения с полным набором форм (включая краткие формы и компаратив); прилагательные адъективного склонения, имеющие только полные формы; прилагательные притяжательного и смешанного склонений; прилагательные, имеющие только краткие формы.

Среди глаголов разными словоизменительными типами являются традиционные словоизменительные классы, подклассы и группы[5]. Другой классификационный признак – состав парадигмы – определяет выделение более дробных словоизменительных типов глаголов несов. и сов. вида (с различным составом спрягаемых и причастных форм в парадигме), глаголов переходных и непереходных (с различным составом причастных форм), безличных глаголов (характеризующихся из спрягаемых форм только формами 3 л. ед. ч. наст./буд. вр. и сред. р. ед. ч. прош. вр.) и др.

Словоизменительные типы могут характеризоваться не только неполнотой состава парадигмы, но и его избыточностью; такова, например, организация парадигмы двувидовых глаголов. Но избыточность парадигмы может проявляться и в избыточности набора флексий и субморфов основы – при наличии вариативности в образовании словоформ. Таковы, например, глаголы на *-ать* (типа *махать, двигать*), образующие формы по V и I словоизменительным классам[6]; существительные на *-ишко* и *-ище*, образующие часть форм по I и II скл.; существительные с формами «второго родительного» и «второго предложного» падежей (последний слу-

чай в зависимости от собственно грамматической интерпретации может рассматриваться либо как избыточность состава парадигмы – наличие «лишних» падежных форм по сравнению с обычным их составом, либо только как вариативность падежных флексий).

В связи с разграничением словоизменительных типов неизбежно встает вопрос о так называемых потенциальных формах. Анализируя состав парадигм слов различных словоизменительных типов, необходимо различать, с одной стороны, слова, преимущественно не образующие определенных форм, которые тем не менее могут при необходимости быть образованы, и, с другой стороны, слова, у которых образование подобных форм принципиально невозможно. Так, при анализе существительных singularia tantum должны быть выделены два разряда: «относительные» singularia tantum, т. е. слова, допускающие образование форм мн. числа, хотя и специфичных по значению (*песок – пески, боль – боли, вино – вина, измерение – измерения, сооружение – сооружения*)[7], и «абсолютные» singularia tantum – слова определенной словообразовательной структуры, у которых образование форм мн. числа невозможно. К последним относятся, например, существительные сред. рода собирательного и вещественного значений с суфф. *-j-*: *старьё, гнильё, сырьё, тряпьё, зверьё, вороньё* и т. п.[8] Ср. также суффиксальные прилагательные адъективного склонения, допускающие в определенных значениях образование кратких форм и компаратива (*деревянный, каменный, классовый*) и неспособные образовывать эти формы в силу своей словообразовательной структуры (прилагательные с суфф. *-ск-*, представляющим собой в современном русском языке формальный запрет на указанные формы: *детский, женский, городской, мальчишеский, героический* и т. п.), глаголы I класса на *-ать*, образующие (хотя и достаточно редкую) форму страд. причастия прош. времени (*читанный*), и глаголы того же класса с суфф. *-ива-/-ва-/-а-*, у которых эта форма невозможна[9]. Словообразовательная структура является в подобных случаях препятствием для образования форм мн. числа (у существительных), предикативных форм (у прилагательных) и т. д.

Различия, связанные с характером ударения и чередованиями (акцентные и альтернационные типы), как дополнительные формальные различия, всегда сопровождающие аффиксацию, не признаются в предлагаемой классификации основанием для разграничения словоизменительных типов.

Инвентарь словоизменительных типов основных изменяемых частей речи, полученный на основе выдвинутых здесь исходных принципов, достаточно велик; однако именно такой детализированный инвентарь позволяет с необходимой полнотой оценить сравнительную продуктивность разных типов и средств русского словоизменения.

III. Продуктивность словоизменительных типов в русском языке, их производительная сила, связанная с лексическим наполнением, специально рассматривалась до сих пор только на материале словоизменения существительных. Проблема эта была поставлена еще в работах В. В. Виноградова[10], который отметил, что основные типы склонения существительных неравноценны как с точки зрения представительности в русской лексике (количество относящихся к ним слов), так и по своей производительной силе (продуктивность). Поставленная проблема реализуется в книге В. В. Виноградова в самом принципе описания типов суффиксальных существительных – по типам склонения. Позднее в работах Л. В. Копецкого[11] был описан русский лексический материал (по толковым словарям) в его отношении к типам склонения, дана классификация этих типов, опубликованы подсчеты количества существительных по родам и типам склонения и соответствующие списки слов, причем выделены непродуктивные образцы. Эти работы могут служить хорошим фундаментом для дальнейших наблюдений в интересующей нас области.

Различия в производительной силе словоизменительных типов существительных легко обнаруживаются при сопоставлении количества новых слов, принадлежащих к различным словоизменительным типам. Показательно, например, сопоставление количества существительных разных типов склонения, впервые лексикографически зафиксированных в словаре-справочнике «Новые слова и значения»[12]. Из общего количества 1985 существительных, отмеченных в этом словаре, 1107 (55,8 %) принадлежит к I скл. муж. рода с нулевой флексией в им.п. ед. ч. (*левак, стройбат, мотель*), 557 (28 %, т. е. вдвое меньше) – ко II скл. с флексией *-а* (*космонавтка, космохимия, мельтешня*); 131 (6,6 %) – к I скл. ср. рода с флексией *-о* (*оргстекло, окомкование*); 86 (4,3%) – к III скл. жен. рода с нулевой флексией (*биосвязь, всепогодность*); 69 (3,5 %) являются несклоняемыми существительными (*ралли, ПТУ*); 19 (около 1 %) составляют слова pluralia tantum субстантивного

склонения (*автовесы, радиопереговоры*) и, наконец, 16 (0,8%) – существительные адъективного склонения (*костровой, буровая*).

Напомним в этой связи, что именно количественной представленностью трех основных типов склонения существительных в словарном составе современного русского языка определяется их нумерация в академических грамматиках: I скл. представлено наибольшим количеством слов, III скл. – наименьшим.

Применительно к другим частям речи проблема продуктивности словоизменительных типов ставилась до сих пор только в связи с выделением продуктивных классов глагола (см. выше).

IV. Продуктивность словоизменительных типов непосредственно связана с механизмами пополнения словарного состава языка.

Как известно, пополнение словарного состава осуществляется в основном двумя путями – путем словообразования (с использованием внутренних языковых ресурсов) и путем лексического заимствования. При этом различные способы словообразования неодинаково относятся к выбору словоизменительного типа мотивированного (производного) слова. В конечном счете продуктивность различных словоизменительных типов существительных, прилагательных и глаголов регулируется пятью различными механизмами, а именно:

1) у всех трех частей речи – механизмом способов словообразования с мотивирующей базой (т. е. неформантной частью), равной целому самостоятельному слову[13] (чистые префиксация, сложение, сращение, постфиксация, смешанный префиксально-постфиксальный способ, а также аббревиация при сохранении несокращенного последнего компонента);

2) у всех трех частей речи – механизмом суффиксального словообразования (включая нулевую суффиксацию имен) и смешанных способов словообразования с участием суффиксации;

3) у существительных – механизмом субстантивации, т. е. образования существительных адъективного склонения, сохраняющих (в неполном виде) систему флексий мотивирующего прилагательного;

4) также только у существительных – механизмом аббревиатурного словообразования (аббревиатуры с последним сокращенным компонентом);

5) у всех трех частей речи – механизмом грамматического освоения заимствований.

Специфика первого из этих механизмов состоит в том, что мотивирующее слово (при чистом сложении, сращении и аббревиации первого вида – одно из мотивирующих слов, являющееся опорным компонентом мотивированного) целиком, во всей системе своих форм, входит в состав мотивированного слова. Следовательно, мотивированное слово по набору формальных средств образования форм (аффиксов, субморфов основы) принадлежит в этих случаях к тому же словоизменительному типу, что и мотивирующее. Поэтому первый механизм открывает доступ новообразованиям во все типы, различающиеся аффиксами словоизменения, в том числе и в типы, не имеющие других возможностей своего пополнения (или обладающие весьма ограниченными такими возможностями). Ср., например, существительные-новообразования, зафиксированные в указанном словаре: *председатель – сопредседатель, программа – подпрограмма, ядро – антиядро, связь – оргсвязь, память – сверхпамять, нить – стеклонить, рикша* (общ. р.) – *велорикша, сани – мотосани, рулевой – авторулевой*: каждое из этих мотивированных существительных склоняется так же, как мотивирующее.

Таким образом, первый механизм может давать новообразования с любым набором аффиксов словоизменения из существующих в языке, и поэтому для него принципиально нет непродуктивных словоизменительных типов. Круг слов, относящихся к любому из словоизменительных типов, всегда может быть пополнен с помощью данного механизма новообразованиями (неологизмами и окказионализмами). Так, даже тип существительных сред. рода на *-мя,* ограниченный в русском языке всего десятью словами, может пополниться такими новообразованиями, как окказионализм *антивремя* (из газет) или *лжепламя* (поэт., Е. Евтушенко), а уникальное по своему набору флексий слово *путь* порождает неологизмы *Севморпуть, метропуть.* С этой точки зрения и все так называемые непродуктивные классы (группы) глаголов продуктивны, но ограничены определенным набором лексических компонентов (глагольных основ). Ср., например, новообразования поэтической и разговорной речи, принадлежащие к «непродуктивным группам» и к изолированным глаголам: *трепетать – оттрепетать, колебать – расколебать, приникнуть – отникнуть, устать – подустать* (*Он слегка подустал*), *плыть – плыться* (*Как легко плывется в этой воде!*), *идти – полуидти* (*Он полуидет-по-*

лубежит) и т. п. Необходимо, однако, иметь в виду, что в новообразованиях, возникающих на почве этого механизма, используются только готовые лексические компоненты, представляющие собой сочетания определенной опорной основы[14] с определенной системой флексий и равные уже существовавшему (старому) слову. Новых сочетаний «опорная основа + система флексий» таким путем не создается.

Что же касается различий, связанных с составом парадигмы, то к ним первый механизм новообразований не столь безразличен, как к различиям, связанным с набором словоизменительных аффиксов. Впрочем, это не касается существительных: все производные существительные, порождаемые первым механизмом, характеризуются не только тем же набором словоизменительных аффиксов, что и мотивирующее слово, но и тем же составом парадигмы. У производных же прилагательных и глаголов состав парадигмы может меняться. Особенно это характерно для глаголов: здесь чистая префиксация, как правило, приводит к изменению вида глагола, иногда также переходности (так называемые транзитивирующие префиксы переводят глаголы в разряд переходных); постфиксация же определяет непереходность глагола, а в некоторых случаях переводит глагол в разряд безличных (как в приведенном выше примере: *плыть – плыться*), и все это непосредственно отражается на составе глагольной парадигмы, поскольку создает различия мотивирующего и мотивированного глаголов в составе спрягаемых форм и причастий. У прилагательных некоторых префиксальных типов различие состава парадигмы мотивированного и мотивирующего слов связано с невозможностью выражать значение степени признака и, следовательно, образовывать форму компаратива.

Остальные четыре названных механизма относятся к словоизменительным типам (как с точки зрения набора словоизменительных аффиксов, так и с точки зрения состава парадигмы) избирательно.

Словообразовательные суффиксы характеризуются, как известно, «классифицирующей» функцией: будучи непосредственно связаны в структуре мотивированного слова с определенными словоизменительными аффиксами, они всегда относят это слово к тому или иному, определяемому именно суффиксом типу словоизменения. Более того, система флексий конкретного словоизмени-

тельного типа может рассматриваться как компонент суффиксального словообразовательного форманта[15]. Поэтому наличие того или иного количества продуктивных суффиксальных типов, характеризующихся принадлежностью к определенному словоизменительному типу, в условиях русского языка с его высокоразвитой суффиксацией является важнейшим показателем степени продуктивности словоизменительного типа. Так, подавляющее большинство продуктивных типов суффиксального словообразования существительных принадлежит в русском языке к словам I скл. муж. рода с нулевой флексией (*ядерщик, таксёр, фирмач, ополаскиватель, негабарит* – последнее с нулевым суффиксом) и II скл. на *-а* жен. и общ. рода (*прорабка, изотопия, доставала*). Значительно меньше таких типов среди существительных I скл. сред. рода на *-о* (*вертолетостроение, битничество*), причем преобладают здесь слова с суфф. *-ниj-* и *-ств*(*о*). Продуктивные типы существительных жен. рода III скл. ограничены словами на *-ость* (*типажность, обводненность, выживаемость*) и с нулевым суффиксом (*гладкопись*). Наличие некоторого количества суффиксальных типов существительных pluralia tantum определяет появление таких новых слов этих словоизменительных типов, как *звездины, ходунки, доедки* (разг.), *погляделки* (окказ.) и т. п.

Действующие в языке продуктивные типы словообразовательной субстантивации обеспечивают регулярное пополнение словарного состава новыми существительными адъективного склонения всех трех родов и pluralia tantum (ср. нов.: *блинная, бойлерная, заправочная, неподдающийся, пультовой, высокогорные* и т. п.).

Близки друг к другу по своему отношению к словоизменительным типам существительных механизмы аббревиатурного словообразования и грамматического освоения заимствований. Основные словоизменительные типы существительных, пополняющих с их помощью словарный состав, – это слова I скл. с нулевой флексией (муж. рода) и несклоняемые существительные (преимущественно сред. рода). Поскольку в русском языке «любой словесный знак, указывающий на предмет, становится именем существительным мужского рода, если он имеет в исходе согласный звук»[16], все заимствования и аббревиатуры небуквенного типа с основой на согласную прикрепляются к I скл. с нулевой флексией. Примерами могут служить такие новые заимствования, как *буклет, аэрозоль, дедерон, капролактам, круиз, стресс, мазер, мюзикл; кэтч, критериум, кар-*

тинг (спорт.); аббревиатуры *снаб* (предприятие по снабжению), *белаз* (название марки автомашины: «Белорусский автомобильный завод»), *БАМ, общепит, киборг, сопромат* и т. п. Как несклоняемые оформляются заимствованные существительные с основой на гласную (*бистро, хобби, шоу, хиппи, экспо, нейтрино* и т. п.), аббревиатуры на гласную, преимущественно составленные из начальных звуков слов (*СКА, АСУ*), буквенные аббревиатуры (*ЭВМ, СКБ, ПТУ*), наконец, аббревиатуры с последним компонентом — формой косвенного падежа существительного (*поммастера, предзавкома*)[17]. Более редкое в современном языке явление – оформление заимствованных существительных как слов II скл. на *-а* (*кока-кола, мафия, асфалия* и т. п.; среди них преобладают слова на *-ия*); единичны заимствованные существительные, принадлежащие к словам pluralia tantum (все они – названия «парных» предметов: *джинсы, колготы*). Среди заимствований совершенно отсутствуют слова сред. рода I скл. на *-о* и жен. рода III скл., а среди аббревиатур с последним сокращенным компонентом и слова II скл. на *-а*.

Обращает на себя внимание следующая закономерность, также демонстрирующая ограниченность лексического потенциала ряда грамматических подклассов существительных: сфера продуктивности таких подклассов, как слова сред. рода I скл. на *-о* и жен. рода III скл., ограничена в пределах последних четырех механизмов неодушевленными существительными; слова pluralia tantum – исключительно неодушевленные.

Аналогичный подход может быть применен к словоизменительным типам других частей речи – прилагательного и глагола. При этом может быть показана ограниченность мотивированных слов того или иного словоизменительного типа определенным, иногда достаточно узким, кругом словообразовательных типов. Так, например, словоизменительные типы прилагательных притяжательного и смешанного склонений ограничены словообразовательными типами с суфф. *-ов* (*отцов*), *-ин* (*дядин*) и *-ий* (*лисий*); словоизменительный тип глаголов на *-нуть /-нул* – словообразовательными типами отглагольных глаголов с суфф. *-ну-* (*толкнуть*) и *-ану-* (*крутануть*), а словоизменительный тип существительных на *-анин/-ане* (*крестьянин, гражданин*) ограничен единственным словообразовательным типом с суфф. *-анин/-чанин* (*горожанин, харьковчанин*). Словоизменительные типы двувидовых глаголов II класса (на *-овать/-уют*), почти целиком охватывающие морфологичес-

кий разряд двувидовых глаголов, проявляют свою продуктивность либо в прямых лексических заимствованиях, либо в суффиксальных образованиях на русской почве с единственным продуктивным книжным суффиксом *-ова-/-ирова-/-изова-/-изирова-*: *аммонизировать, аннигилировать, агрегатироваться, катапультировать, кибернетизироваться, оптимизироваться* и другие новые глаголы.

Словообразование и лексическое заимствование являются основными регуляторами продуктивности словоизменительных типов. Однако нельзя не отметить еще одно проявление продуктивности словоизменительных типов, состоящее не в отнесении к соответствующему типу новых лексических единиц, а в перераспределении уже существующего лексического материала. В этом случае старые лексические единицы переходят (в определенной стилистической сфере) из одного словоизменительного типа в другой. Ср., например, появление у существительных муж. рода флексии *-а* в форме им. п. мн. ч. или (отчасти) форм так называемых второго родительного и второго предложного падежей. Словообразовательно мотивированные слова подвергаются таким сдвигам в очень незначительной части, например: *учители – учителя, инспекторы – инспектора, инструкторы – инструктора* и т. п.; ср. *на холодке* – (прост.) *на холодку;* ср. также судьбу слова *опёнок* (мн. ч. *опёнки* – разг. *опята* с переходом в тип *цыплята*) и т. п. Такая продуктивность словоизменительных типов, находящаяся в целом на периферии данного явления, не связана с появлением в языке новых слов, и ее регулятором не являются факторы, которые мы здесь исследуем.

Задачей настоящей главы (нижеследующего ее раздела) является полное описание продуктивных словоизменительных типов существительных, прилагательных и глаголов в современном русском языке, прежде всего – выяснение степени продуктивности этих типов, основанной на избирательном действии указанных механизмов.

Важнейшим аспектом этого описания должно быть соотношение словоизменительных и словообразовательных типов, распределение продуктивных словообразовательных типов по типам словоизменения. Продуктивность словоизменительных типов опирается, таким образом, в значительной степени на синхронический словообразовательный потенциал языка.

Необходимо подчеркнуть, что в проблематике «Слово и грамматические законы языка» словообразование играет специфическую, двоякую роль. С одной стороны, оно выступает здесь как самостоятельная часть грамматики; в этой связи может быть поставлена, в частности, проблема лексических ограничений сферы действия определенных словообразовательных типов. С другой же стороны, словообразование играет здесь роль регулятора, посредствующего звена между лексикой и морфологией, поскольку, во-первых, оно является (наряду с лексическим заимствованием) основным средством пополнения словарного состава языка и, во-вторых, словообразовательная структура слова, прежде всего суффиксального, непосредственно связана с его морфологической (собственно грамматической) структурой.

Сведения о продуктивности конкретных словообразовательных типов, приводимые ниже, опираются на данные «Русской грамматики» (1980), а также на материал новообразований, зафиксированный в словарях-справочниках серий «Новые слова и значения» (1971, 1984), «Новое в русской лексике: Словарные материалы» (1980–1982)* и в собственной картотеке автора.

Механизм морфологического освоения заимствований, сформулированный уже в ряде старых работ[18], корректируется на материале новых заимствований, содержащемся в словарях-справочниках вышеуказанных серий, в «Словаре иностранных слов» (1981) и в ряде недавних исследований[19].

Сведения о составе и образовании форм словоизменения, характерных для слов различных морфологических типов, опираются на данные «Русской грамматики» (1980), «Грамматического словаря русского языка» (1977), «Орфоэпического словаря русского языка» (1983); сведения о наличии вариантов форм – также на данные словаря «Грамматическая правильность русской речи» (1976).

Продуктивные словоизменительные типы имен существительных

1. Тип существительных I скл. муж. рода одушевленных с основой на парно-твердую согласную, [ц] или [j] [вин. п. равен род. п.; им. п. мн. ч. с флексией *-и* (*-ы*); род. п. мн. ч. с флексией *-ов* (*-ев*)]: *актёр, дипломат, волк, заяц, воробей.*

* См. список этих и др. словарей в конце статьи.

Показателем высокой продуктивности этого типа являются 40 продуктивных суффиксальных словообразовательных типов с 18 различными суффиксами, сочетающимися с системой флексий данного типа:

– с суфф. *-ник* – 6 словообразовательных типов[20]: типы отглагольных существительных – чисто суффиксальный (*наследник, обточник* – нов. спец., *заботник* – окказ.) и суффиксально-сложный (*идолопоклонник, зимопоклонник* – окказ.); типы отсубстантивных существительных – чисто суффиксальный (*взяточник, горючник* – нов. разг., *поплавочник* – нов. разг.), префиксально-суффиксальные с преф. *за-* (*заспинник* – окказ.) и *со-* (*сокурсник, сокомнатник* – нов. разг.), суффиксально-сложный (*многостаночник, вышкомонтажник* – нов., *перворазник* – нов. разг.);

– с суфф. *-щик* – 5 типов: типы отглагольных существительных – суффиксальный (*покупщик, завальщик* – нов. спец., *доводчик* – нов. спец.) и суффиксально-сложный (*газопайщик* – нов. спец., *звездолетчик* – нов.); чисто суффиксальный тип отадъективных существительных (*анонимщик* – разг., *телевизионщик* – нов. разг., *деревенщик* – нов. разг.); типы отсубстантивных существительных – чисто суффиксальный (*регуляторщик* – нов. спец., *сопроматчик* – нов. разг.) и суффиксально-сложный (*старорежимщик* – устар., *инопланетчик* – окказ.);

– с суфф. *-ец* – 4 типа: типы отглагольных существительных – чисто суффиксальный (*курец* – нов. разг., *хвастец* – окказ.) и суффиксально-сложный (*роликобежец* – нов., *медаленосец* – нов., *первопроходец* – нов.); чисто суффиксальные типы отадъективных существительных (*орудовец, тольяттинец* – нов., *поселковец* – окказ.) и отсубстантивных (*примиренец, освоенец* – нов. разг., *разложенец* – нов. разг.)[21];

– с суфф. *-ик* – 2 типа чисто суффиксальных существительных – отадъективный (*прикладник, повторник* – нов. разг., *грудник* – нов. разг.) и отсубстантивный (*кибернетик* – нов., *баллистик* – нов.);

– с суфф. *-ок* – 3 типа: чисто суффиксальные – отглагольных (*слёток, откормок, пригулок* – окказ.) и отсубстантивных с уменьшительно-ласкательным значением (*старичок, гномик, муженёк, куманёчек, блондинчик; муравчик* – окказ.); префиксально-суффиксальный тип отсубстантивных существительных с преф. *недо-* (*недоумок* – разг., *недопёсок* – спец., *недолисок* – окказ.);

– с суфф. *-ист* – 2 типа чисто суффиксальных существительных:

отсубстантивный (*гитарист, телетайпист* – нов., *аквалангист* – нов.) и отадъективный (*ручнист* – спец., *моменталист* – окказ.);

– с суфф. *-ант* – 2 типа чисто суффиксальных существительных: отглагольный (*информант* – нов., *дискутант* – окказ.) и отсубстантивный (*экскурсант, диспутант, акселерант* – окказ.);

– с суфф. *-атор* – 2 типа чисто суффиксальных сущ.: отглагольный (*популяризатор, дискредитатор* – окказ.) и отсубстантивный (*триумфатор, реаниматор, осеменатор* – спец.);

– с суфф. *-ор* – 2 типа чисто суффиксальных сущ: отглагольный (*бракёр, анкетёр* – нов., *финишёр* – нов.) и отсубстантивный (*киоскёр, финтёр* – нов.);

– по одному чисто суффиксальному типу существительных: отглагольные с суфф. *-ун* (*грызун, несун* – нов. разг.), *-льщик* (*курильщик, нагнетальщик* – нов. спец.), *-лец* (*скиталец, болелец* – окказ.); отадъективный с суфф. *-ак* (*слабак* – разг., *наивняк* – нов. разг., *тускляк* – окказ.); отсубстантивные с суфф. *-ат* (*регрессат* – спец., *акселерат* – нов.), *-онер* (*акционер, санкционер* – окказ.), *-мейстер* (*тралмейстер* – спец., *кранмейстер* – нов.), *-оид* (*монголоид, европеоид, флюгероид* – окказ.);

– с нулевым суфф. – 4 типа: типы отглагольных существительных – чисто суффиксальный (*бахвал* – разг., *долдон* – прост., *тараторе* – окказ.) и суффиксально-сложный (*экскурсовод, водонос, книгокрад* – окказ.); чисто суффиксальный тип отадъективных существительных (*корабел* – нов., *гуманитар* – нов. разг., *космик* – нов. разг.) и суффиксально-сложный тип отсубстантивных существительных (*острослов, тяжеловес, долгонос*).

Продуктивность данного словоизменительного типа обнаруживается также в продуктивных рядах сложных существительных со связанными опорными компонентами (суффиксоидами): *-лог* (*вулканолог, психолог*), *-граф* (*библиограф, гидрограф*), *-ман* (*графоман, балетоман*), *-фил* (*библиофил, славянофил*), *-фоб* (*женофоб, германофоб*), *-пат* (*психопат, невропат*), *-навт* (*космонавт* – нов., *гидронавт* – нов.), *-роб* (*хлебороб, хлопкороб*).

Тип активно пополняется также аббревиатурами муж. рода на согласную (*заворг, завлаб, начарт, бестер* «гибрид белуги и стерляди»; *мэнээс* – разг.), в том числе сокращениями одного слова (*зам, зав, псих, фанат* «фанатик»; *фарц* «фарцовщик» – все разг.) и заимствованиями такой же структуры (*супермен, битник, сквоттер, гериатр, сикх* и т. *п.*).

2. Тип существительных I скл. муж. рода неодушевленных с основой на парно-твердую согласную, [ц] или [j] (от типа 1 отличается только флексиями вин. п., равного им. п.): *стол, шкаф, сарай, абзац.*

Показатель продуктивности этого словоизменительного типа – 50 продуктивных словообразовательных типов с 23 различными суффиксами:

– с суфф. *-ник* – 7 словообразовательных типов: типы отглагольных существительных – чисто суффиксальный (*забурник* – спец., *разменник* – нов. спец.) и суффиксально-сложный (*соломоподъемник* – нов. спец., *мусоросборник* – нов. спец.); типы отсубстантивных существительных – чисто суффиксальный (*градусник, задачник, монетник* – нов., *синичник* – нов., *облепишник* – нов.), префиксально-суффиксальные с преф. *за-* (*загубник* – нов. спец., *зашкафник* – окказ.), *на-* (*назатыльник* – спец., *напальчник* – нов.), *под-* (*подфарник, подследник* – нов.), суффиксально-сложный (*шестигранник, семитысячник* – нов.);

– с суфф. *-ок* – 4 словообразовательных типа: типы чисто суффиксальных отглагольных существительных с конкретно-предметным значением (*отпечаток, обрубок, заедок* – окказ., *оплавок* – окказ.) и со значением одноактного действия (*толчок, прыжок, черпок* – окказ.), префиксально-суффиксальный тип отсубстантивных существительных с преф. *за-* (*закрылок* – нов. спец.), чисто суффиксальный тип отсубстантивных уменьшительно-ласкательных сущ. (*голосок, страшок* – разг., *конусок* – окказ., *документик* – разг., *факторчик* – окказ.);

– с суфф. *-ец* – 2 типа: чисто суффиксальный отсубстантивный тип с уменьшительно-ласкательным значением (*хлебец, пакетец, каналец* – окказ., *ореолец* –окказ.) и суффиксально-сложный тип отглагольных существительных (*китобоец, торпедоносец, вертолетоносец* – нов.);

– с суфф. *-атор* – 2 типа чисто суффиксальных существительных: отглагольный (*изолятор, ретранслятор* – нов., *акклиматизатор* – нов., *реализатор* – окказ.) и отыменной (*ротатор, импульсатор* – нов.);

– с суфф. *-ор* – 2 типа чисто суффиксальных существительных: отглагольный (*детектор* – спец., *климатизёр* – нов. спец.) и отыменной (*компрессор, контактор* – нов. спец., *массажёр* – нов. спец.);

– с суфф. *-изм* – 4 чисто суффиксальных типа: типы существительных с отвлеченным значением – отсубстантивный (*терроризм, символизм, вещизм* – нов.), отадъективный (*лиризм, абсолютизм, олимпизм* – нов., *антисоветизм* – нов.) и отглагольный (*отзовизм, приземлизм* – нов., *выпихнизм* – окказ.)[22], а также отадъективный со значением «элемент языка, речи или какого-л. произведения» (*латинизм, украинизм, газетизм* – окказ.);

– с суфф. *-ат* – 3 чисто суффиксальных типа: отглагольный (*экспонат, конфискат* – нов., *вулканизат* – нов. спец.), отсубстантивные со значением учреждения (*редакторат, атташат* – нов.) и вещества (*хлорат, алюминат, сахарат*);

– с суфф. *-ит* – 2 чисто суффиксальных отсубстантивных типа: со значением вещества (*фосфорит, победит, гагаринит* – нов.)[23] и болезни (*плеврит, канцелярит* – нов. разг.);

– с суфф. *-ин* – 2 отсубстантивных типа: чисто суффиксальный (*эмульсин, туберкулин* – нов.) и префиксально-суффиксальный с преф. *анти-* (*антисклерозин, антикомарин* – нов.)[24];

– по одному чисто суффиксальному типу существительных: отглагольные с суфф. *-щик* (*погрузчик, подборщик* – нов.), *-льник* (*морозильник* – нов., *мигальник* – окказ.), *-ун* (*тягун* – нов. разг., *тормозун* – нов. разг.), *-ант* (*репрезентант* – спец., *консервант* – нов. спец.), *-от* (*грохот, цокот, стукот* – окказ.)[25], *-он* (*выпивон, закидон, раздолбон* – окказ.; все – прост.); отадъективные с суфф. *-ик* (*рыжик, лунник* – нов., *пятиэтажник* – нов. разг.), *-ак* (*пустяк, верняк* – нов. прост., *тепляк* – нов. разг.); отсубстантивные с суфф. *-оз* (*тромбоз, фурункулёз*), *-ол* (*астматол, пятнол* – нов.), *-арий* (*розарий, дельфинарий* – нов., *фазанарий* – нов.)[26], *-оид* (*металлоид, эллипсоид*), *-няк* (*березняк, дубняк; лыжня – лыжняк* – окказ.);

– с нулевым суфф. – 9 типов: отглагольные – чисто суффиксальный (*пуск, опрокид* – нов. спец., *наклёп* – -нов. спец., *вздрог* – нов.), префиксально-суффиксальные с преф. *у-* (*улов, укос, учёс* – нов. спец.) и *за-* (*заплыв, заезд, запрыг* – нов. спорт.), суффиксально-сложные с конкретным значением (*паровоз, атомоход* – нов., *ледоструг* – нов., *грунторез* – нов., *пылеотсос* – нов.) и с абстрактным значением (*снегопад, пеплопад* – нов. спец., *снеговал* – окказ.), отадъективные чисто суффиксальные – с абстрактным значением (*интим, эффектив* – нов. спец., *грандиоз* – окказ.), с конкретным значением (*криминал, огнеупор* – спец., *негабарит* – нов. спец., *мемориал* – нов.) и тип названий городов (*Комсомольск, Советск,*

Донецк)[27]; отсубстантивный суффиксально-сложный (*сухогруз, винтокрыл* – нов. спец.).

К этому же словоизменительному типу принадлежат продуктивные ряды сложений со связанными опорными компонентами (суффиксоидами): *-граф* (*барограф, сейсмограф*), *-метр* (*таксометр, виброметр* – нов.), *-скоп* (*фильмоскоп, шароскоп* – нов.), *-фон* (*видеофон* – нов., *диктофон* – нов.), *-дром* (*танкодром, ракетодром* – нов.), *-план* (*гидроплан, дельтаплан* – нов.), *-стат* (*аэростат, гидростат*), *-бус* (*микробус, аэробус* – нов., *библиобус* – нов.), *-кар* (*автокар, троллейкар*), *-стан* (*Казахстан, Киргизстан*)[28], *-бол* (*мотобол, велобол*), *-лиз* (*гидролиз, радиолиз* – нов.), *-трон* (*биотрон* – нов. спец., *климатрон* – нов. спец.).

Тип активно пополняется аббревиатурами (*БАМ, Белаз, сопромат, ЦУП, общепит, биофак, легпром*), в том числе сокращениями одного слова (*маг* магнитофон; *баскет* баскетбол; *фак* факультет; *снаб* предприятие по снабжению; *термояд* термоядерная реакция – все разг.; *стеклопор* стеклопористый материал – нов.), и лексическими заимствованиями (*слайд, мохер, фломастер, бестселлер, комикс, круиз, тодес, буллит, рейтинг, тандыр*), оформляемыми как существительные муж. рода I скл.

3. Тип существительных I скл. муж. рода одушевленных с основой на парно-мягкую согласную или шипящую (вин. п. равен род. п.; отличается от типа 1 флексией *-ей* в род. п. мн. ч.): *рыцарь, медведь, конь, морж, товарищ.*

К этому словоизменительному типу относятся 10 продуктивных словообразовательных типов с шестью суффиксами:

– с суфф. *-тель* – 2 словообразовательных типа отглагольных существительных: чисто суффиксальный (*преподаватель, читатель, понимателъ* – окказ., *опошлитель* – окказ.) и суффиксально-сложный (*мореплаватель, первооткрыватель, горовосходитель* – нов., *нервотрепатель* – окказ.);

– с суфф. *-ач* – 3 чисто суффиксальных типа: отглагольный (*пускач* – спец., *слухач* – спец., *портач* – прост.), отадъективный (*ловкач, лихач, меткач* – разг. проф.) и отсубстантивный (*бородач, фирмач* – нов. разг.);

– с суфф. *-арь* – 2 чисто суффиксальных типа: отсубстантивный (*свинарь, аптекарь, очкарь* – нов. разг., *шуткарь* – окказ.) и отадъективный (*дикарь, тупарь* – окказ.);

– по одному чисто суффиксальному типу существительных: отадъективный с суфф. *-ыш* (*крепыш, коротыш, плохиш* – окказ.,

холёныш – окказ.), отсубстантивные с суфф. *-ович/-ич* (в отчествах: *Петрович, Степанович, Фомич*) и *-оныш* (*змеёныш, ужоныш, китёныш* – окказ.).

Тип пополняется также, хотя и редко, заимствованиями (*констебль, консьерж, цзаофань, бич* – прост.); звуковые и слоговые аббревиатуры этого словоизменительного типа практически не встречаются.

4. Тип существительных I скл. муж. рода неодушевленных с основой на парно-мягкую согласную или шипящую (вин. п. равен им. п.; отличается от типа 2 флексией *-ей* в род. п. мн. ч.): *рубль, пень, нож, карандаш.*

К этому типу относятся 8 продуктивных словообразовательных типов с четырьмя суффиксами:

– с суфф. *-тель* – 3 словообразовательных типа: отглагольные – чисто суффиксальный (*выключатель, глушитель* – нов., *опрокидыватель* – нов., *подогреватель – нов.*) и суффиксально-сложный (*звукосниматель, пятновыводитель, самоподаватель* – нов.); отыменной префиксально-суффиксальный с преф. *анти-* (*антистаритель* – нов. спец., *антиобледенитель* – нов. спец.);

– с суфф. *-аж* – 3 чисто суффиксальных типа: отглагольный (*массаж, инструктаж, жонгляж* – спец., *компрометаж* – разг.), отыменные с абстрактным значением (*шпионаж, подхалимаж* – разг.), с собирательным и вещественным значениями (*тоннаж, листаж, строкаж* – спец., *километраж, сенаж* – нов.);

– по одному чисто суффиксальному типу: отглагольный с суфф. *-ёж* (*грабёж, платёж, крутёж* – окказ.) и отадъективный с суфф. *-ач* (*первач* – разг., *строгач* – разг., *левач* – нов. прост.)[29].

К этому типу относится также один ряд сложений с продуктивным связанным компонентом (суффиксоидом) *-мобиль* (*автомобиль, электромобиль* – нов.).

Тип пополняется (редко) заимствованиями (*путч, макияж, мотель, аксель, гриль, аэрозоль, шампунь*), а также звуковыми и слоговыми аббревиатурами (*Уралмаш, НИИПРЯНШ*)[30].

5. Тип существительных I скл. муж. рода одушевленных со словоизменительным суффиксом *-ин* в формах ед. ч., с флексией *-е* в им. п. мн. ч. и нулевой флексией в род. п. мн. ч. (слова на *-анин, -ане; -янин, -яне*): *крестьянин, гражданин.*

Продуктивность данного словоизменительного типа ограничена двумя отыменными словообразовательными типами с продук-

тивным суфф. *-ан-ин/-чан-ин:* чисто суффиксальным типом (*горожанин, северянин, свердловчанин, тюменчанин, братчанин* – нов., *заводчанин* – нов.) и суффиксально-сложным (*односельчанин, инопланетянин* – нов.).

6. Тип существительных I скл. муж. рода одушевленных со словоизменительными суфф. *-онок* (*-ёнок*) в формах ед. числа и *-ат-* (*-ят-*) в формах мн. числа, с флексиями *-а* в им. п. мн. ч. и нулевой в род. п. мн. ч. (слова на *-онок, -ата; -ёнок, -ята*): *телёнок, жеребёнок.*

Продуктивность этого словоизменительного типа ограничена одним (чисто суффиксальным, отыменным) словообразовательным типом с продуктивным суффиксом *-онок* (*медвежонок, козлёнок, котёнок, поварёнок, нахалёнок* – окказ.).

7. Тип существительных I скл. муж. рода одушевленных с флексиями *-о* в им. п. ед. ч., *-и* в им. п. мн. ч. и *-ов* в род. п. мн. ч.: *гнедко.*

Этот редкий для слов муж. рода тип с уникальным набором флексий в указанных формах имеет очень низкую продуктивность, ограниченную одним редким (чисто суффиксальным, отадъективным) словообразовательным типом существительных с суфф. *-к(о):* *гнедко, серко, воронко, карько* (названия животных, употребляющиеся также как клички).

8. Тип существительных I скл. муж. рода неодушевленных, имеющих падежные флексии, как в типе 2, и дополнительную форму «второго родительного падежа» (родительного партитивного) с флексией *-у: сахар, чай, лимонад.*

Единственный продуктивный словообразовательный тип, на котором основана некоторая продуктивность данного словоизменительного типа, – это чисто суффиксальные существительные вещественного значения с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-ок: сахарок, чаёк, кофеёк, лимонадик, салатик, жарок* (от *жар* «горячий, раскаленный воздух; горячие угольня»), *кефирчик* и *кефирок* (нов. разг.)[31]. Слова типа *сахарок, чаек, кофеек, кефирок* (с ударной флексией в косвенных падежах) являются единственной группой слов муж. рода, где форма «второго родительного» на *-у* обязательна; все прочие слова имеют эту флексию в род. п. ед. ч. лишь как вариантную (наряду с основной флексией *-а*).

Заметим, что существительные, имеющие форму «второго предложного», не содержат подобных словообразовательно выраженных групп и составляют замкнутый непродуктивный тип.

9. Тип существительных I скл. сред. рода неодушевленных с флексиями *-о, -е* в им. п. ед. ч., *-а* в им. п. мн. ч., нулевой флексией в род. п. мн. ч.: *окно, средство.*

Показатель продуктивности этого типа – 28 продуктивных словообразовательных типов с девятью различными суффиксами:

– с суфф. *-ий-* (*-j-*) – 15 словообразовательных типов: отадъективные – чисто суффиксальные типы со значением места, пространства (*низовье, Оренбуржье, Нечерноземье* – нов.[32], *погорелье* – окказ.) и с абстрактным значением (*радушие, подобие, сумасшествие, угрюмье* – окказ.); префиксально-суффиксальные с преф. *за-* (*Заполярье, Заонежье*) и *при-* (*Приполярье, Приазовье*); отсубстантивные – префиксально-суффиксальные с преф. *без-* (*безверие, безводье, бесптичье* – окказ.), *за-* (*заречье, Заволжье, Зауралье*), *меж-* (*межгорье, междуречье, межсезонье* – нов.), *над-* (*надбровье, надхвостье*), *по-* (*побережье, Поднепровье, Поволжье*), *под-* (*подглазье, Подмосковье*), *пред-* (*предгорье, предзимье, Предуралье, предсонье* – окказ.), *при-* (*приморье, Приднепровье*), *противо-* (*противоядие, противочувствие*), *со-* (*созвездие, соклетие* – спец.), суффиксально-сложный (*пустословие, редколесье, мелкотемье* – нов., *бурноводье* – окказ.);

– с суфф. *-ств(о)* – 4 типа: чисто суффиксальные – отглагольный (*баловство, обустройство* – нов. спец., *верховодство* – окказ.), отадъективный (*удальство, богатство, зловредство* – окказ.) и отсубстантивный (*регентство, посольство, партнерство* – нов.), суффиксально-сложный отглагольный (*вольнодумство, единоборство, растениеводство, мыслекрадство* – окказ.);

– с суфф. *-ниj-* – 2 типа отглагольных существительных: чисто суффиксальный (*старение, зажигание, переосмысление, прилунение* – нов., *вечерение* – окказ.) и суффиксально-сложный (*землетрясение, дружелюбие, двигателестроение* – нов., *долгожитие* – нов., *слуходелье* – окказ.);

– с суфф. *-ищ(е)* – 2 чисто суффиксальных отсубстантивных типа: со значением места, пространства (*стрельбище, пожарище, пепелище, картофелище* – нов.) и с увеличительным значением (*письмище, веслище*);

– по одному чисто суффиксальному типу существительных: отглагольные с суфф. *-л(о)* (*поддувало, мерило, крутило* – нов. спец.), *-лищ(е)* (*училище, кормилище* – нов., *порхалище* – нов.), *-ив(о)* (*топливо, курево, мешево* – окказ., *смотриво* – окказ.); отыменные с суфф.

-ованиј- (*дождевание* – спец., *моржевание* – нов., *клинование* – нов. спец.) и *-ц(о)* (*словцо, одеяльце, болотце, оружьице* – окказ., *мероприятьице* – окказ.).

Разряды аббревиатур и заимствованных слов существительными этого словоизменительного типа не пополняются.

10. Тип существительных I скл. сред. рода неодушевленных, отличающийся от типа 9 флексией *-и* в им. п. мн. ч.: *блюдечко*.

Невысокая продуктивность этого типа ограничена тремя чисто суффиксальными словообразовательными типами (отсубстантивными) субъективно-оценочного значения: с суфф. *-к(о)* (*дитятко, окошко, колечко, пятнышко, очёчко* – окказ.)[33], *-ишк(о)* (*письмишко, здоровьишко, одеялишко*) и *-ушк(о)* (*полюшко, горюшко*).

11. Тип существительных II скл. жен. и общ. (реже – муж.) рода одушевленных (вин. п. мн. ч. равен род. п.; в род. п. мн. ч. нулевая флексия): *жена, сестра, сирота, овца*.

Показатель продуктивности этого словоизменительного типа – 50 продуктивных словообразовательных типов с 32 различными суффиксами; основную массу их доставляют типы существительных общ. рода с мутационными значениями (носитель признака, производитель действия), типы существительных жен. рода с модификационным значением женскости и типы существительных жен., общ. и муж. рода с субъективно-оценочными и стилистически-модификационными значениями:

– с суфф. *-к(а)* – 7 словообразовательных типов[34]: отглагольные – чисто суффиксальный (*недоучка, лакомка, побирушка, хохотушка, притворяшка* – разг., *опоздашка* – окказ.) и суффиксально-сложный (*судомойка, сластоежка, всезнайка, землеройка*); отадъективный чисто суффиксальный (*неженка, смуглянка, пестрянка, одиночка, приготовишка* – разг., *резвушка*); отсубстантивные – чисто суффиксальные со значением женскости (*пионерка, лентяйка, юниорка* – нов., *истуканка* – окказ., *драматургичка* – окказ.), уменьшительно-ласкательным (*бедняжка, барынька, овечка*), стилистической модификации (*нянька, дядька, Сашка, Валерка, Манька, бульдожка*), суффиксально-сложный (*хромоножка, белоручка, синехвостка, шилоклювка*);

– с суфф. *-ин(а)* – 3 чисто суффиксальных типа: отадъективный (*жадина, ехидина, старина* – все разг., *старомодина* – окказ.); отсубстантивные с увеличительным значением (*зверина, мужичина, рыбина, лошадина*) и со значением стилистической модификации (*молодчина, чудачина, купчина*);

– с суфф. *-аг(а)* – 3 чисто суффиксальных типа: отглагольный (*бродяга, работяга* – разг., *доходяга* – разг.), отадъективный (*миляга* – разг., *симпатяга* – разг., *модерняга* – нов. разг.) и отсубстантивный (*плутяга, молодчага, котяга, коняга* – все разг.);

– с суфф. *-ух(а)* – 3 чисто суффиксальных типа: отглагольный (*стряпуха, пищуха, визгуха* – прост.), отадъективный (*старуха, толстуха, грязнуха*) и отсубстантивный (*сеструха* – прост., *Веруха, Гришуха*);

– с суфф. *-ул(я)* – 3 чисто суффиксальных типа: отглагольный (*замазуля* – разг., *игруля* – окказ., *воображуля* – окказ.), отадъективный (*крохотуля, капризуля, чистюля, жадюля*) и отсубстантивный (*папуля, бабуля, кисуля*);

– с нулевым суффиксом – 2 типа (отглагольные): чисто суффиксальный (*брюзга, притвора, разиня, пролаза* – все разг., *канителя* – окказ.) и префиксально-суффиксальный с преф. *не-* (*непоседа, недотрога, недовера* – окказ.);

– по два чисто суффиксальных типа – с суфф. *-ак(а)*: отглагольный (*гуляка, ломака, задавака, читака* – окказ.) и отсубстантивный (*чертяка, коняка*); *-уг(а)*: отадъективный (*подлюга, хитрюга, жадюга*) и отсубстантивный (*зверюга, бандюга, парнюга*); *-ш(а)*: отсубстантивные типы со значением женскости (*кассирша, секретарша, искусствоведша* – окказ.) и отношения лица женского пола к объекту занятий (*маникюрша, коммутаторша* – окказ.);

– по одному чисто суффиксальному типу существительных: отглагольные с суфф. *-лк(а) (зубрилка, жужжалка, брызгалка* – окказ.), *-л(а) (запевала, доставала* – нов. разг., *задавала* – нов. разг.); отадъективные с суфф. *-уш(а) (дорогуша, хромуша, роднуша* – все разг.), *-ышк(а) (малышка, коротышка* – разг., *худышка* – разг.); отсубстантивные с суфф. *-иц(а) (мастерица, страдалица, однoклубница* – нов., *безумица* – окказ.), *-ниц(а) (изобретательница, слушательница, заседательница* – нов. разг.), *-их(а) (повариха, врачиха* – разг., *зайчиха, дельфиниха* – окказ.), *-н(а)* (в отчествах: *Петровна, Никитична), -ин(я) (героиня, барыня, шефиня* – нов. разг., *филологиня* – нов. разг.), *-j- (лгунья, шалунья), -есс(а) (поэтесса, гидесса* – нов., *критикесса* – нов. разг.), *-ишк(а) (братишка, ершишка, адвокатишка* – окказ.), *-ушк(а) (дядюшка, нянюшка, Иванушка), -оньк(а) (дяденька, лисонька, Катенька), -онк(а) (мужичонка, лошадёнка), -очк(а) (мамочка, дядечка, Аллочка), -ун(я) (дедуня, Веруня, Катюня), -аш(а) (папаша, Маняша, кутяша* – ок-

каз.), *-ан(я) (маманя, Васяня), -ищ(а) (бабища* – прост., *рыбища* – разг., *лошадища* – разг.), *-ах(а) (деваха* – прост., *Маняха, Лизаха), -ох(а) (тетёха* – прост., *дурёха* – прост., *Настёха), -енциj- (старушенция* – прост., *собаченция* – прост.).

Звуковые и слоговые аббревиатуры этого словоизменительного типа практически не образуются; очень редки и лексические заимствования.

12. Тип существительных II скл. жен. рода неодушевленных (отличается от предыдущего только формой вин. п. мн. ч., совпадающей с им. п.): *вода, стена, земля, статуя.*

Показатель продуктивности этого словоизменительного типа также высок: 62 продуктивных словообразовательных типа с 34 различными суффиксами:

– с суфф. *-к(а)* – 9 словообразовательных типов: отглагольные – чисто суффиксальные с абстрактным (*подкормка, плавка, рассыковка* – нов., *переименовка* – нов.) и конкретным значением (*лейка, кормушка, закидушка* – нов., *отколупка* – окказ.), префиксально-суффиксальный с преф. *не-* (*нехватка, неполадка, несработка* – окказ.) и суффиксально-сложный (*водокачка, мясорубка, кофемолка* – нов., *овощечистка* – нов.); отадъективный чисто суффиксальный (*кожанка, пятилетка, литейка* – разг., *стекляшка* – разг., *продлёнка* – нов. разг., *маршрутка* – нов. разг.); отсубстантивные чисто суффиксальные со значениями: уменьшительно-ласкательным (*дверка, водичка, музычка* – окказ., *избочка* – окказ.), подобия (*головка, спинка, дымка, стенка* – нов.), единичности (*мармеладка, суконка, ландринка* – окказ.), стилистической модификации (*коленка, браслетка, картошка* – разг., *киношка* – прост.);

– с суфф. *-ин(а)* – 7 чисто суффиксальных словообразовательных типов: отглагольный (*царапина, выбоина, проедина, ужимина* – нов.); отадъективные с абстрактным (*глубина, седина, сутулина, кособочина* – окказ.) и конкретным значением (*рогатина, боковина, крутина* – окказ.); отсубстантивные со значениями сортов мяса (*баранина, свинина, палтусина* – нов., *китятина* – нов.), единичности (*горошина, картофелина, штанина, карамелина* – окказ.), увеличительным (*лапина, тыквина, конфетина, скоростина* – окказ.), стилистической модификации (*ямина, штуковина* – разг., *газетина* – окказ., *паспортина* – окказ.);

– с суфф. *-иj-* – 4 словообразовательных типа: чисто суффиксальные отсубстантивные со значениями сферы занятий, отрасли

науки (*агрономия, хирургия, изотопия* – нов.), страны (*Эфиопия, Туркмения, Цыгания* – окказ.), собирательным (*братия, инженерия, комсомолия*); суффиксально-сложный со связанными интернациональными опорными компонентами (*рентгеноскопия, фотохромия, стереофония, телеметрия* – нов.);

– с суфф. *-ух(а)* – 4 чисто суффиксальных типа: отадъективные с конкретным (*развалюха* – разг., *свистуха* – разг., *скрипуха* – окказ.) и абстрактным значением (*голодуха* – разг., *показуха* – нов. разг., *везуха* – нов. прост.); отадъективный (*медовуха, зеленуха, дымовуха* – окказ.); отсубстантивный (*сыпуха* – прост., *комнатуха* – прост., *стыдуха* – окказ.);

– с суфф. *-ик(а)* – 3 чисто суффиксальных типа: отадъективный (*автоматика, периодика, конкретика* – нов.); отсубстантивные со значениями сферы занятий, отрасли науки (*педагогика, космонавтика* – нов., *очеркистика* – нов.) и собирательным (*синонимика, атрибутика, эпитетика* – окказ.);

– с суфф. *-лк(а)* – 2 отглагольных типа: чисто суффиксальный (*молотилка, коптилка, раздевалка* – разг., *ворошилка* – нов. спец., *открывалка* – нов. разг.) и суффиксально-сложный (*землечерпалка, кормодробилка* – нов., *соковыжималка* – нов.);

– по два чисто суффиксальных типа – с суфф. *-ацij-*: отглагольный (*организация, эвакуация, оптимизация* – нов., *расконсервация* – нов.) и отсубстантивный (*рубрикация, диспетчеризация* – нов. спец., *маршрутизация* – нов. спец.); *-иц(а)*: отадъективный (*путаница, безголосица, несуразица* – разг., *непонятица* – окказ.) и отсубстантивный (*рощица, краснотца, провизийца* – окказ., *выгодца* – окказ.); *-щин(а)*: отадъективные с абстрактным значением (*субъективщина, групповщина, житейщина* – окказ.) и со значением области, территории (*Орловщина, Рязанщина, Вологодчина*); *-инк(а)*: отадъективный (*кривинка, грустинка, пошлинка* – окказ.) и отсубстантивный (*пылинка, икринка, просинка* – окказ., *дражинка* – окказ.); *-ушк(а)*: отсубстантивные с ласкательным (*сторонушка, головушка, слободушка* – окказ.) и уменьшительно-ласкательным или уничижительным значением (*избушка, повестушка, речушка, домушка* – окказ.);

– по одному чисто суффиксальному типу существительных: отглагольные типы с суфф. *-ловк(а)* (*забегаловка* – разг., *грабиловка* – разг., *ожидаловка* – нов. разг.), *-льн(я)* (*спальня, красильня, говорильня* – разг.), *-б(а)* (*стрельба, ходьба, ворчба* – окказ.);

отадъективные типы с суфф. *-атин(а)* (*кислятина* – разг., *вкусятина* – разг., *мокрятина* – окказ.), *-от(а)* (*быстрота, пестрота, тусклота* – окказ.), *-изн(а)* (*рябизна, голубизна, рыжизна* – окказ.), *-ц(а)* (*наглеца* – разг., *прохладца* – разг., *приятца* – окказ.); отсубстантивные типы с суфф. *-ниц(а)* (*карандашница, сахарница, салатница, шампиньонница.* – нов.), *-ур(а)* (*аспирантура, адвокатура, лаборантура* – окказ.), *-ад(а)* (*клоунада, робинзонада, дьяволиада* – окказ.), *-иад(а)* (*Олимпиада, спартакиада, академиада* – нов.), *-иан(а)* (*Лениниана, Пушкиниана, Бетховениана* – окказ.), *-овк(а)* (*жеребьёвка, процентовка* – спец., *буртовка* – нов. спец.), *-ишк(а)* (*мыслишка, службишка, страстишка*), *-оньк(а)* (*берёзонька, ноченька, смертонька*), *-онк(а)* (*книжонка, ручонка, правдёнка* – окказ.), *-ёшк(а)* (*работёшка, грамотёшка, лампёшка* – окказ.), *-ищ(а)* (*ручища, пылища, скучища, трубища* – окказ.), *-аг(а)* (*сотняга, штормяга, общага* – нов. прост.), *-уг(а)* (*каменюга* – прост., *речуга* – нов. прост.), *-ак(а)* (*железяка* – прост., *морозяка* – окказ.), *-ук(а)* (*холодюка* – прост., *грязюка* – прост., *пылюка* – окказ.), *-енциj-*(*штукенция, книженция, бумаженция* – все прост.).

К этому словоизменительному типу принадлежат также продуктивные ряды сложений со связанными опорными компонентами (суффиксоидами): *-грамма* (*радиограмма, сейсмограмма, шифрограмма* – нов.), *-тека* (*картотека, фильмотека, дискотека* – нов.), *-локация* (*радиолокация, гидролокация* – нов. спец.), *-рама* (*кругорама, стереорама, вариорама* – нов. спец.).

Тип пополняется (редко) заимствованиями (*сауна, пепси-кола, бабетта, базука, икебана, либела;* чаще других – заимствованиями на *-ия: ритмопедия, муниципия, асфалия, мафия, джамахирия, Намибия, Кампучия*). Звуковые и слоговые аббревиатуры этого типа не образуются.

В целом словоизменительные типы существительных II скл. (типы 11 и 12) характеризуются большим количеством словообразовательных типов и суффиксов по сравнению со словоизменительными типами существительных I скл. (см. выше, типы 1 и 2). Это, однако, не приводит к количественному преобладанию существительных II скл. в лексике русского языка, напротив, их примерно вдвое меньше по сравнению с существительными I скл. (см., например, данные, приведенные в п. III «Введения»). Суффиксы существительных II скл. в целом менее продуктивны, не дают та-

кого количества образований, как у существительных I скл. Кроме того, существительные I скл. имеют подавляющий перевес в сферах заимствований и аббревиатур.

13. Тип существительных II скл. жен. рода неодушевленных, отличающийся от типа 12 флексией род. п. мн. ч. *-ей* (при нулевой флексии в типе 12): *ступня.*

Продуктивность этого типа ограничена двумя чисто суффиксальными словообразовательными типами с суфф. *-н(я):* отглагольным со значением интенсивного действия (*болтовня, ругня, резня, мельтешня* – нов. разг.) и отсубстантивным с собирательным значением (*солдатня, ребятня, малышня* – все разг.; *петушня* – окказ.)[35]. Выбор флексии род. п. мн. ч. *-ей* определяется ударением в им. п. ед. ч. слов на *-ня* на флексии; ср. такую же флексию в принадлежащих к непродуктивным словообразовательным типам словах *ступня, лыжня, родня, четверня, пятерня* и нулевую флексию род. п. мн. ч. в словах типа *спальня, красильня* (см. выше, тип 12), *голубятня, псарня, бойня* и т. п. (с безударным *-ня*).

14. Тип существительных муж. рода неодушевленных с вариантными флексиями I и II скл.: с флексиями им. и вин. п. ед. ч. *-о*, род. п. ед. ч. *-а* и *-и,* дат. п. ед. ч. *-у* и *-е,* тв. п. ед. ч. *-ом* и *-ой,* им. п. мн. ч. *-и,* род. п. мн. ч. с нулевой флексией: *домишко.*

К нему относятся только слова, принадлежащие к продуктивному словообразовательному типу (чисто суффиксальному отсубстантивному) с суфф. *-ишк(о): домишко, голосишко, хвостишко, пиджачишко, городишко, пальтишко.*

15. Тип существительных муж. рода одушевленных с вариантными флексиями I и II скл.: с флексиями им. п. ед. ч. *-е,* род. п. ед. ч. *-а* и *-и,* дат. п. ед. ч. *-у* и *-е,* вин. п. ед. ч. *-а* и *-у,* тв. п. ед. ч. *-ем* и *-ей,* им. п. мн. ч. *-и* и *-а,* род. и вин. п. мн. ч. *-ей: волчище.*

К нему относятся только слова, принадлежащие к продуктивному словообразовательному типу (чисто суффиксальному отсубстантивному) с суфф. *-ищ(е): волчище, котище, дружище, человечище.*

16. Тип существительных муж. рода неодушевленных с вариантными флексиями I и II скл., отличающийся от типа 15 флексиями вин. п. ед. и мн. ч., равными флексиям им. п. ед. и мн. ч.: *домище.*

Сюда относятся только слова того же продуктивного словообразовательного типа, что и в типе 15: *домище, голосище, хвостище, кулачище, скандалище.*

17. Тип существительных III скл. жен. рода неодушевленных (вин. п. равен им. п., в род. п. мн. ч. флексия *-ей*): *степь, ночь.*

Продуктивность этого словоизменительного типа ограничена 9 продуктивными суффиксальными словообразовательными типами с четырьмя суффиксами:

– по одному чисто суффиксальному типу с суфф. *-ость* (отадъективный): *смелость, радость, древность, обидчивость, доброжелательность, скорость, спокойность* (окказ.), *вездесущность* (окказ.), *любящесть* (окказ.); *-имость* (отглагольный): *стоимость, решимость, успеваемость, заболеваемость, переносимость* (нов.); *-ённость* (отглагольный): *договорённость, сработанность, задолженность, слётанность* (нов.);

– 6 словообразовательных типов с нулевым суффиксом: отадъективные – чисто суффиксальный (*удаль, рань, горечь, мелочь, прелесть, лють* – окказ.) и префиксально-суффиксальный с преф. *про-* (*проседь, прородь, проголубь* – окказ.); отглагольные – чисто суффиксальные с абстрактным значением (*дрожь, резь, брань, рябь, перепись, бредь* – окказ.) и со значением конкретного или собирательного носителя признака (*накипь, прорезь, упряжь, обрезь* – нов. спец., *задымь* – окказ.), суффиксально-сложный (*звукопись, скоропись*); отсубстантивный чисто суффиксальный (*цифирь, водь* – поэт., *березь* – окказ.) [36].

Разряды аббревиатур и заимствованных слов существительными этого словоизменительного типа не пополняются.

18. Тип существительных адъективного склонения муж. рода одушевленных (вин.п. равен род.п.): *портной, рабочий.*

Продуктивность этого типа ограничена тремя продуктивными словообразовательными типами: субстантивированных прилагательных и причастий со значением лица (сущ.: *больной, военный, ссыльный, патрульный, сварочный* – нов. спец., *заведующий, служащий, уполномоченный*), субстантивированных прилагательных со значением животного (*косой* «заяц»; *серый* «волк»; *Верный, Вороной* – клички) и чисто суффиксальных отсубстантивных существительных с суфф. *-ов*(*ой*) (*люковой, печевой, ламповой* – все спец.).

19. Тип существительных адъективного склонения муж. рода неодушевленных (вин. п. равен им. п.): *целковый.*

Продуктивность типа ограничена одним продуктивным словообразовательным типом эллиптической субстантивации[37]: сущ. *скорый, пассажирский, английский, выходной, Звездный.*

20. Тип существительных адъективного склонения жен. рода одушевленных (вин. п. мн. ч. равен род. п.): *русская* (сущ.).

Продуктивность ограничена одним продуктивным словообразовательным (чисто суффиксальным) типом существительных с нулевым суффиксом, мотивированных существительными адъективного склонения муж. рода со значением лица (сущ.: *больная, рабочая, русская, заведующая, вожатая, подсудимая; Вишневская, Толстая* – фамилии).

21. Тип существительных адъективного склонения жен. рода неодушевленных (вин. п. мн. ч. равен им. п.): *мостовая, запятая.*

Продуктивность ограничена четырьмя продуктивными словообразовательными типами субстантивированных прилагательных: со значением помещения (сущ.: *приемная, операционная, учительская, закусочная, чайная, пирожковая* – нов.), одной части от целого (сущ.: *пятая, десятая, тысячная*), официальной бумаги, документа (сущ.: *накладная, сопроводительная, исходящая*) и типом эллиптической субстантивации (сущ.: *гражданская, лабораторная, сборная, Спортивная* – название станции).

22. Тип существительных адъективного склонения сред. рода одушевленных (вин. п. ед. ч. равен им. п., вин. п. мн. ч. равен род. п.): *насекомое, млекопитающее.*

Продуктивность ограничена одним продуктивным словообразовательным типом субстантивированных прилагательных – названий представителей животного мира: сущ. *травоядное, ракообразное, сумчатое, хоботное, яйцекладущее* (такие существительные чаще употребляются в формах мн. числа).

23. Тип существительных адъективного склонения сред. рода неодушевленных (вин. п. мн. ч. равен им. п.): *мороженое.*

Продуктивность ограничена четырьмя продуктивными словообразовательными типами субстантивированных прилагательных – названий представителей растительного мира (сущ.: *бобовое, цитрусовое, двудольное* – чаще употребляются в формах мн. числа), блюд, кушаний, лекарств (сущ.: *сладкое, мороженое, второе, рвотное*), населенных пунктов (*Дачное, Отрадное, Советское, Пионерское*) и типом эллиптической субстантивации (сущ.: *хирургическое, командировочное, цимлянское, «Молодежное»* – название кафе).

24. Тип существительных смешанного (притяжательно-субстантивного) склонения муж. рода одушевленных (с флексиями род. и

вин. п. ед. ч. *-а*, дат. п. ед. ч. *-у*, тв. п. ед. ч. *-ым*, предл. п. ед. ч. *-е*). К этому типу относятся русские фамилии на *-ов* (*-ев*) и *-ин* (*-ын*): *Петров, Калинин.*

Разряд фамилий типа *Петров, Пушкин, Калинин, Синицын* пополняется за счет вновь создаваемых фамилий этой структуры (например, псевдонимных, фамилий персонажей художественных произведений и др.).

25. Тип существительных смешанного притяжательно-субстантивного склонения муж. рода неодушевленных, отличающийся от типа 24 флексией вин. п. ед. ч., равной флексии им. п., и флексией тв. п. ед. ч. *-ом.* К этому типу относятся названия городов на *-ов* (*-ев*) и *-ин* (*-ын*): *Калинин, Киров.*

Разряд топонимов типа *Киров, Калинин, Чехов, Ломоносов,* мотивированных фамилиями исторических лиц[38], пополняется новообразованиями (города: *Гагарин, Андропов*). К этому же словоизменительному типу относятся названия вымышленных городов, мотивированные нарицательными словами (*Калинов* у А. Островского, *Глупов* у Салтыкова-Щедрина, *Градов* у А. Платонова и т. п.).

26. Тип существительных притяжательного склонения жен. рода одушевленных (с флексиями им. п. ед. ч. *-а,* вин. п. ед. ч. *-у,* остальных падежей ед. ч. *-ой*). К этому типу относятся русские фамилии на *-ова* (*-ева*) и *-ина* (*-ына*): *Иванова, Никитина.*

Продуктивность этого словоизменительного типа ограничена словообразовательным типом (чисто суффиксальным) существительных с нулевым суффиксом, мотивированных мужскими фамилиями на *-ов* (*-ев*) и *-ин* (*-ын*): *Попова, Николаева, Пушкина, Синицына* и т. п.

27. Тип существительных смешанного притяжательно-субстантивного склонения ср. рода неодушевленных (в ед. ч. те же флексии, что и в типе 25, кроме флексии им. и вин. п. ед. ч. *-о*). К нему относятся названия населенных пунктов на *-ово* (*-ево*), *-ино* (*-ыно*): *Одинцово, Голицыно, Бородино.* Слова этого словоизменительного типа обнаруживают в современном языке тенденцию к несклоняемости, относясь одновременно к 34-му словоизменительному типу (см. ниже) как вариантному.

Часть топонимов этого словоизменительного типа составляет продуктивный словообразовательный тип названий, мотивированных фамилиями исторических лиц (*Ленино, Калинино, Кирово, Поленово, Репино, Радищево, Сусанино*).

28. Тип существительных singularia tantum I скл. сред. рода неодушевленных: *старьё.*

Продуктивность этого словоизменительного типа ограничена тремя чисто суффиксальными словообразовательными типами: с суфф. *-j-* собирательного значения – отадъективным (*старьё, гнильё, рваньё, коротьё* – спец., *громадьё* – окказ.) и отсубстантивным (*зверьё, вороньё, комарьё, юнкерьё*), а также отадъективным типом с нулевым суффиксом (*добро, тепло, далеко* – сущ.)[39].

29. Тип существительных singularia tantum адъективного склонения сред. рода неодушевленных: *новое* (сущ.).

Продуктивность этого типа ограничена двумя словообразовательными типами: субстантивированными прилагательными и причастиями с абстрактным значением (сущ.: *новое, прекрасное, подсознательное, удивительное, уходящее, отжившее, сказанное, пройденное*) и субстантивированными прилагательными – собирательными названиями видов одежды (сущ.: *штатское, военное, зимнее, больничное* – окказ.).

30. Тип существительных pluralia tantum субстантивного склонения с флексией *-и* (*-ы*) в им. п. и с нулевой флексией в род. п.: *брюки, ножницы.*

Показатель продуктивности этого словоизменительного типа – 10 продуктивных чисто суффиксальных словообразовательных типов с восемью разными суффиксами:

– с суфф. *-к(и)* – 3 типа: отглагольные – с абстрактным (*прятки, поминки, завидки* – прост., *догонялки, доедки* – окказ., *погляделки* – окказ.) и собирательно-вещественным значением (*очистки, выгребки, выжимки, издержки, недоедки* – окказ.); отсубстантивный (*брючки, ребятки, щипчики, джинсики* – нов.);

– по одному типу: отглагольный с суфф. *-ин(ы)* (*смотрины, крестины, звездины* – нов., *октябрины* – нов.); отсубстантивные с суфф. *-ишк(и)* (*дровишки, штанишки, детишки, ребятишки, хлопотишки*), *-ушк(и)* (*детушки, ребятушки, козлятушки, солдатушки*), *-онк(и)* (*зубёнки, глазёнки, деньжонки, стишонки, брючонки* – окказ.), *-оньк(и)* (*волосоньки, зубоньки, глазоньки*), *-иц(ы)* (*лыжицы* – окказ.), *-ищ(и)* (*деньжищи, волосищи, санищи* – окказ.).

Тип пополняется (редко) заимствованиями (*литавры, кастаньеты, фижмы, шпроты, колготы* – нов.).

31. Тип существительных pluralia tantum субстантивного склонения с флексиями *-и(-ы)* в им. п. и *-ов* в род. п.: *штаны, весы.*

Продуктивность типа ограничена пятью продуктивными словообразовательными типами с тремя разными суффиксами:

– по одному чисто суффиксальному типу с суфф. *-унк(и)* (отглагольный: *бегунки, ходунки* – нов., *ползунки* – нов.); *-ц(ы)* (отсубстантивный: *сенцы, гусельцы, панталонцы*);

– с нулевым суффиксом: отглагольные типы – чисто суффиксальный (*переговоры, пересуды, толки, роды, проводы, счеты, пережевы* – окказ.) и суффиксально-сложный (*самосуды, самоходы* – окказ.); отадъективный чисто суффиксальный (*противошумы* – нов. разг., *техасы* – нов. разг., *Курилы, Командоры*).

Тип пополняется (редко) заимствованиями (*финансы, алименты, трусы, шорты* – нов., *джинсы* – нов.).

32. Тип существительных pluralia tantum субстантивного склонения с флексией *-а* в им. п. и нулевой флексией в род. п.: *ворота, перила.*

Продуктивность типа ограничена одним продуктивным чисто суффиксальным словообразовательным типом (отсубстантивным) с суфф. *-ат(а): деньжата, стишата* (оба – разг.), *унтята* (окказ.).

33. Тип существительных pluralia tantum адъективного склонения: *чаевые* (сущ.).

Продуктивность этого словоизменительного типа ограничена двумя продуктивными словообразовательными типами субстантивированных прилагательных: типом названий денег и платежей (*суточные, сверхурочные, командировочные, премиальные, высокогорные* – нов. спец.) и типом эллиптической субстантивации (*майские, ноябрьские, вольные* – все разг.).

34. Тип несклоняемых существительных (так называемое нулевое склонение): *шоссе, пальто, кенгуру, мадам*[40].

Продуктивность этого словоизменительного типа обнаруживается в регулярном пополнении его аббревиатурами и лексическими заимствованиями. К несклоняемым относятся аббревиатуры разных структурных типов: буквенные (*ЦК, ГДР, МГУ, ПТУ, ЭВМ, СКБ, хабэ* или *хэбэ* – разг.); звуковые и смешанные с конечной гласной (*МАИ, АСУ, СМУ, ЦСКА, РИСО, гороно, сельпо*), в том числе сокращения одного слова (*авто, стерео* «стереопластинка»; *моно* «монолыжа»)[41], сокращения с опорным компонентом – формой косвенного падежа (*комроты, замдиректора, помастера, предзавкома, завкафедрой, управделами*). Из лексических заимствований несклоняемыми являются слова на гласную (*бис-*

тро, табло, пончо, шоу, карате, сафари, хиппи, рефери, фолькс-дойче, биеннале, Тольятти, Зимбабве) и названия лиц женского пола (преимущественно иноязычные собственные имена и фамилии) на согласную.

Наличие в современном русском языке нетрадиционного, поздно сформировавшегося, но тем не менее приобретшего высокую продуктивность словоизменительного типа несклоняемых существительных свидетельствует о развитии в русской морфологии черт аналитизма, о типологической гибкости русского грамматического строя.

Продуктивные словоизменительные типы имен прилагательных

Основные различия между словоизменительными типами прилагательных определяются, во-первых, различиями родо-падежно-числовых флексий (с этой точки зрения основной – адъективный – тип склонения противопоставлен притяжательному типу) и, во-вторых, у прилагательных адъективного склонения возможностью или невозможностью образования кратких форм и формы компаратива (прилагательные притяжательного типа заведомо такой возможностью не обладают, к тому же формальное (фонематическое) противопоставление флексий полных и кратких форм в них нейтрализовано). Что касается образования формы компаратива, а отчасти и кратких форм, то для большинства словообразовательных типов прилагательных адъективного склонения речь идет именно о возможности образования этих форм как форм качественных прилагательных и, следовательно, о формах потенциальных, поскольку граница между качественными и относительными прилагательными, проходящая в большинстве случаев внутри словообразовательных типов, подвижна и связана с возможностями употребления относительных прилагательных в качественном значении. Безусловная невозможность образования кратких форм и формы компаратива определяется формальными запретами (наличием в составе прилагательных некоторых аффиксов); последние лишь отчасти связаны с запретами семантическими (см. ниже).

1. Тип прилагательных адъективного склонения (с флексией *-ый* (*-ий*)/*-ой* в форме им. п. муж. рода ед. ч.), имеющих краткие формы и форму компаратива: *белый, храбрый, горячий, крутой.*

Высокая продуктивность этого словоизменительного типа определяется тем, что к нему относится большинство продуктивных словообразовательных типов прилагательных:

– с суфф. *-н-* – 7 типов: отсубстантивные – чисто суффиксальный (*ценный, жирный, вкусный, квадратный, сильный, полезный, авторитетный, эффективный, контрастный, типичный, фрагментарный, спортивный, религиозный, профессиональный*), префиксально-суффиксальный с преф. *без-* (*бескрайный, безоружный, безрезультатный*) и суффиксально-сложный (*мягкосердечный, пустословный, первоочередный, стреловидный*); отглагольные – чисто суффиксальный (*склонный, спешный, покорный, надоедный* – прост., *будоражный* – окказ.), префиксально-суффиксальный с преф. *не-* (*неумолчный, неустанный, неизбежный, неотмывный* – окказ.) и суффиксально-сложный (*скоротечный, судоходный, гостеприимный, дальновидный, многосказный* – окказ.); отнаречный чисто суффиксальный тип (*сквозной, противный, накануный* – окказ., *наоборотный* – окказ.);

– с суфф. *-енн-* – 3 типа: отглагольный чисто суффиксальный (*пресыщенный, растерянный, захлопотанный* – окказ.); префиксально-суффиксальные с преф. *за-* – отсубстантивный (*залесённый, заторфованный, закустаренный* – все нов. спец.) и отадъективный (*закисленный* – нов. спец.);

– с суфф. *-ист-* – 3 чисто суффиксальных типа: отсубстантивный (*сахаристый, пенистый, серебристый, пятнистый, хулиганистый* – разг., *мужчинистый* – окказ.), отглагольный (*прерывистый, раскатистый, напористый, разворотистый* – окказ.) и отадъективный (*водянистый, мучнистый, шелковистый, крупянистый* – окказ.);

– с суфф. *-оват-* – 2 чисто суффиксальных типа: отсубстантивный (*щеголеватый, кочковатый, обрубковатый* – окказ.) и отадъективный (*беловатый, слабоватый, кругловатый, прохладноватый* – окказ.);

– с суфф. *-чат-* – 2 чисто суффиксальных типа: отсубстантивный (*узорчатый, бугорчатый, бахромчатый*) и отглагольный (*взрывчатый, заливчатый, рассыпчатый*);

– с суфф. *-лив-* – 2 чисто суффиксальных типа: отсубстантивный (*добычливый, уродливый, лодырливый* – окказ.) и отглагольный (*хвастливый, выносливый, задышливый* – окказ., *изменчивый, забывчивый, приспособчивый* – окказ.);

– с суфф. *-абельн-* – 2 чисто суффиксальных типа: отсубстантивный (*комфортабельный, коммуникабельный, диссертабельный* – разг.) и отглагольный (*транспортабельный, читабельный* – разг., *смотрибельный* – нов. разг.);

– с суфф. *-тельн-* – 2 отглагольных типа: чисто суффиксальный (*оскорбительный, предпочтительный, желательный, привлекательный, потрясательный* – нов. прост.) и суффиксально-сложный (*благожелательный, любознательный, самооплевательный* – окказ.);

– с суфф. *-им-* – 2 отглагольных типа: чисто суффиксальный (*применимый, ощутимый, осязаемый, проходимый* – нов.) и префиксально-суффиксальный с преф. *не-*(*нерасторжимый, непреодолимый, неизгладимый, неиссякаемый, необгонимый* – окказ.);

– с нулевым суффиксом – 2 отсубстантивных типа: префиксально-суффиксальный (*безбородый, беззубый, бескрылый, бесстыжий* – разг.) и суффиксально-сложный (*рыжебородый, пучеглазый, круглолицый, широкоплечий, тонкошерстый*);

– по одному чисто суффиксальному типу: отсубстантивные с суфф. *-ов-* (*классовый, массовый, апельсиновый, вишнёвый, каштановый*), *-ин-* (*звериный, утиный, воробьиный, лошадиный, беркутиный* – окказ.), *-аст-* (*головастый* – разг., *горластый* – разг., *буграстый* – окказ.), *-ат-* (*бородатый, волосатый, рукатый* – окказ.), *-овит-* (*плодовитый, басовитый, глянцевитый, бочковитый* – окказ.); отглагольные с суфф. *-к-* (*вязкий, жалкий, звонкий, ходкий, блёсткий* – окказ.), *-уч-* (*шипучий, колючий, скребучий* – окказ.), *-ущ-* (в адъективированных причастиях: *цветущий, потрясающий, блестящий, любящий*), *-л-* (*лежалый, застоялый, линялый, облезлый, блёклый*), *-ён-/-н-* (*сушёный, мочёный, учёный, гружёный, мороженый, вязаный, путаный*); отадъективные с суфф. *-ущ-* (*большущий, толстущий, злющий, хитрющий* – все разг.) и *-енн-* (*здоровенный, тяжеленный, широченный* – все разг.);

– один суффиксально-сложный тип с суфф. *-н'-* (*долголетний, разносторонний, прошлогодний*).

К этому же словоизменительному типу относятся продуктивные ряды сложных прилагательных со связанными опорными компонентами (суффиксоидами) *-образный* (*зигзагообразный, воронкообразный, старообразный, котообразный* – окказ.) и *-геничный* (*фотогеничный, телегеничный* – нов.).

Многие из названных словообразовательных типов ограничены в образовании кратких форм и компаратива. Не образуют этих

форм прилагательные с суфф. *-н-* и *-тельн-* в относительных значениях (*водный, лесной, кишечный, инженерный, наследный, резной, отопительный, восстановительный, курительный*). Не образует кратких форм и компаратива и большая часть прилагательных с суфф. *-ов-*: качественность у них проявляется лишь в определенных вторичных значениях, например, в цветовом, а также в некоторых специфических контекстах (таких, как у слова *дневниковый* в примере, приведенном «Русской грамматикой»[42]. У прилагательных с суфф. *-ин(ый)* краткие формы и компаратив связаны с цветовым значением (*мышиный*) и с переносными употреблениями. Редко образуются краткие формы у прилагательных с суфф. *-л-* (ввиду неизбежной омонимии большинства таких форм с формами прош. времени мотивирующего глагола[43]), компаратив у них более обычен. Избегаются в употреблении краткие формы большинства прилагательных с суфф. *-ён-* (они совпали бы с краткими формами соответствующих страдательных причастий). Напротив, у прилагательных с суфф. *-оват-*, мотивированных прилагательными (*беловатый*), и с нулевым суффиксом (*бескрылый, пучеглазый*)[44] редка форма компаратива[45] и нормальны краткие формы. Почти исключительно потенциальны краткие формы и компаратив у прилагательных с суфф. *-льн-* (*шлифовальный, сушильный*) и у префиксально-суффиксальных прилагательных с префиксами пространственных значений (*заречный, наземный, надбровный, окололунный, побережный, подлёдный, придорожный, черезрядный* и т. п.).

Из суффиксально-сложных прилагательных не образуют форм компаратива прилагательные, содержащие в качестве первого компонента основу числительного (*пятиэтажный, четырехугольный, одноколейный, двукратный, многодневный, пятилетний, двусторонний, четвероногий, пятипалый, полураспальный*), что естественно, поскольку количественное уточнение признака препятствует возможности проявления его в разной степени.

Рассматриваемый словоизменительный тип пополняется также за счет заимствованных прилагательных на *-ный*, воплощающих основной способ морфологического оформления иноязычных прилагательных в русском языке – с помощью элемента *-н-*: *конкретный, банальный, тривиальный, субтильный, интимный*, нов.: *экстремальный, инкурабельный* (спец.), *эпоксидный* (спец.) и т. п.

2. Тип прилагательных адъективного склонения, имеющих краткие формы, но не имеющих формы компаратива: *предобрый, живёхонький.*

Продуктивность этого словоизменительного типа основана на отнесении к нему продуктивных словообразовательных типов – чисто суффиксального отадъективного типа с суфф. *-ёхоньк-/-ёшеньк-* (*белёхонький, здоровёшенький*) и ряда чисто префиксальных типов: с преф. *архи-* (*архисложный, архиглупый*), *пре-* (*премилый, преотличный*), *раз-* (*разлюбезный, распрекрасный*), *сверх-* (*сверхлегкий, сверхкраткий*), *супер-* (*суперсовременный, супермодный*), *ультра-* (*ультрасовременный, ультрареакционный*), *небез-* (*небезгрешный, небезопасный*). Образованию форм компаратива препятствует семантика названных словообразовательных типов – выражение ими крайне высокой степени либо (в типе с преф. *небез-*) некоторой, умеренной, но тем не менее тоже определенной степени проявления признака; сам по себе такой признак не может проявляться в большей или меньшей степени.

К этому же словоизменительному типу относятся продуктивные ряды сложных прилагательных со связанными опорными компонентами: префиксоидом *еже-* (в знач. «каждый»: *ежедневный, еженедельный, ежечасный, ежевечерний, ежеминутный, ежесменный* – нов.) и суффиксоидом *-валентный* (*одновалентный, трехвалентный, поливалентный* – все спец.). Как и сложения с основой числительного (см. выше, п. 1), они содержат количественную конкретизацию признака, несовместимую с различной степенью его проявления.

Как показывают приведенные в п. 2 факты, прилагательные со значением признака, неспособного проявляться в разной степени, последовательно лишены формы компаратива. В то же время на образование кратких форм у таких прилагательных запрета нет (все перечисленные в п. 2 типы прилагательных имеют краткие формы; сюда же относятся такие прилагательные с суфф. *-н-*, как *параллельный, перпендикулярный, прямоугольный, равносторонний, парнокопытный* и т. п.). В этом состоит существенное функциональное различие кратких форм и компаратива как признаков качественности прилагательных.

3. Тип прилагательных адъективного склонения, имеющих только полные формы: *городской, деревенский.*

Продуктивность этого словоизменительного типа определяется

девятью продуктивными суффиксальными словообразовательными типами:

– с суфф. *-ск-* – 6 типов: отыменные – чисто суффиксальный (*морской, университетский, февральский, эпизодический, материнский, отцовский, казацкий, московский, узбекский, мальчишеский, девчонческий* – окказ., *котлованский* – окказ.), префиксально-суффиксальные с преф. *за-* (*заморский, задонский*), *по-* (*поморский, поволжский*) и *при-* (*приморский, прифермский*), суффиксально-сложный (*черноморский, верхневолжский, минераловодский*); отглагольный чисто суффиксальный (продуктивны морфы *-ническ-* и *-тельск-*: *бродяжнический, скряжнический* – разг., *лодырнический* – окказ., *надувательский* – разг., *пресмыкательский* – разг., *распекательский* – окказ.);

– по одному чисто суффиксальному типу с суфф. *-ианск* (отсубстантивный тип: *кантианский, вольтерьянский, вагнерианский, пушкинианский* – окказ.), *-еньк-* (отадъективный тип: *беленький, старенький, добренький, лёгонький, ранненький* – окказ.) и *-ейш-* (*богатейший, злейший, острейший, глубочайший*)[46].

Большинство прилагательных данного словоизменительного типа имеет формальную примету, запрещающую в современном русском языке образование кратких форм и компаратива, – финаль основы *ск*, входящую в состав суффикса (но ср. *плоский, тряский, ноский*, где *ск* не является частью суффикса и потому не препятствует образованию указанных форм).

4. Тип прилагательных, имеющих краткие формы (и соответственно не имеющих форм косвенных падежей): *рад, горазд, одинёшенек.*

Тип ограничен единственным продуктивным словообразовательным типом (чисто суффиксальным) отадъективных прилагательных с суфф. *-енек: старенек, молоденек, скупенек, долгонек, строгонек, крутенек*[47].

5. Тип прилагательных притяжательного склонения (с флексиями *-а, -у* в род. и дат. п. ед. ч. муж. и сред. рода[48].

К этому типу принадлежит единственный продуктивный словообразовательный тип чисто суффиксальных отсубстантивных прилагательных с суфф. *-ов: отцов, дедов, царёв, чёртов, женихов, Петров, Игорев* (такие образования характерны для разговорной речи).

6. Тип прилагательных смешанного склонения (с флексиями *-ого, -ому* в род. и дат. п. ед. ч. муж. и сред. рода[49].

Этот словоизменительный тип ограничен двумя продуктивными словообразовательными типами чисто суффиксальных отсубстантивных прилагательных с суфф. *-ин* (*мамин, дядин, тетин, бабушкин, кухаркин, невестин, Катин, Алёшин*) и *-ий* (*лисий, волчий, медвежий, олений, казачий, ребячий, старушечий, кошачий*).

7. Тип несклоняемых прилагательных (так называемое нулевое склонение).

Данный словоизменительный тип пополняется за счет лексических заимствований: *бордо, маренго, хаки, беж, электри́к, рококо, брутто, плиссе,* нов.: *экстра, мини, миди, макси, ализе́* и т. п. Это второй способ морфологического оформления иноязычных прилагательных в современном русском языке (ср. тип 34 существительных).

Продуктивные словоизменительные типы глаголов

Типологию русского глагольного словоизменения целесообразно строить как результат совмещения двух параллельных классификаций, первая из которых основана на различиях продуктивных формальных классов, а вторая – на различиях в составе парадигмы.

Продуктивные формальные (словоизменительные) классы глаголов будем далее обозначать римскими цифрами I–V:

I – класс с соотношением основ прош. и наст. времени *а – aj* (глаголы I спр.): *делать, играть, читать;*

II – класс с соотношением основ *е – ej* (I спр.): *уметь, жалеть, греть*;

III – класс с соотношением основ *ова – уj* (I спр.): *рисовать, клевать, организовать;*

IV – класс с соотношением основ *ну – н* (I спр.): *гнуть, обмануть, кинуть;*

V – класс с соотношением основ *и* – нуль (II спр.): *ходить, ловить, варить.*

Классы глаголов, определяемые характеристиками, влияющими на состав парадигмы (переходность – непереходность, сов. – несов. вид, безличность), будем обозначать арабскими цифрами 1–8:

1 – класс глаголов несов. в. перех.;

2 – класс глаголов несов. в. неперех. («личных», ср. 7);

3 – класс глаголов сов. в. перех.;
4 – класс глаголов сов. в. неперех. («личных»);
5 – класс двувидовых глаголов перех.;
6 – класс двувидовых глаголов неперех.;
7 – класс глаголов несов. в. неперех. безличных;
8 – класс глаголов сов. в. неперех. безличных.

Словоизменительные типы, получаемые совмещением обеих классификаций, обозначаем двумя цифрами – римской и арабской, например тип I 2, тип II 4 и т. п.

В нижеследующем описании отсутствуют полные перечни продуктивных словообразовательных типов глаголов префиксального, постфиксального и префиксально-постфиксального способов. Хотя эти способы безразличны к формальному словоизменительному классу глагола, они тем не менее избирательно относятся к составу парадигмы: чистая префиксация как продуктивный способ словообразования дает глаголы сов. вида, постфиксация и префиксально-постфиксальный способ – глаголы непереходные. Поэтому названные способы упоминаются ниже при описании разных словоизменительных типов, но полное их рассмотрение заменяется далее отдельными примерами[50].

Требуют, однако, специального перечисления, предваряющего описание, продуктивные чисто префиксальные типы с транзитивирующими глагольными префиксами (типы префиксальных переходных глаголов). Это типы с преф. *вы-* (*высидеть, выслужить, выследить, выиграть*), *за-* (тип *загонять* – сов., *заездить* и тип *завоевать, заработать, заслужить*), *из-* [тип *исходить* – сов., *избе́гать* (*много мест, все места*) и тип *искрасить* (*все белила*), *излетать* (*весь бензин*)], *на-* [тип *нажить, набегать, наработать*; тип *наездить, нагонять* – сов. (приучить к чему-л.); тип *наездить, налетать* (*несколько тысяч километров*)], *о-* и *об-* (тип *обежать, обойти, объехать*;

тип *обе́гать, объездить, облетать* – сов.; тип *обыграть, обскакать* – разг.; тип *обхитрить, обделить*), *пере-* (тип *перебежать, перейти, перелететь*; тип *перехитрить, переспорить, перебегать, перерасти*), *про-* [тип *проехать* (*через что-л.*), *пробежать*; тип *проездить, прокутить, прожить* (*деньги, состояние*); тип *прогулять, пробе́гать, проспать*], *у-* (*уездить, угонять* – сов.). Все остальные чисто префиксальные словообразовательные типы характеризуются нетранзитивирующими префиксами, т. е. переходность

или непереходность префиксального глагола «наследуется» в этих типах от глагола мотивирующего.

1. Тип глаголов с характеристиками I 1, имеющих полный набор спрягаемых форм и причастий: *читать* (*читаю, читал, буду читать, читай, читающий, читавший, читаемый, читанный, читая*).

Продуктивность данного словоизменительного типа очень невысока. Она ограничена одним словообразовательным типом чисто суффиксальных глаголов с суфф. *-а-/-ка-*, мотивированных междометиями или местоимениями-существительными и лишь частично относящихся к переходным (*баюкать, аукать* – разг., *нукать* – прост., *тыкать* 'говорить *ты*' – прост.).

2. Тип глаголов с характеристиками I 1, в парадигме которых отсутствуют формы страд. причастия прош. времени: *перечитывать* (*перечитываю, перечитывал, буду перечитывать, перечитывай, перечитывающий, перечитывавший, перечитываемый, перечитывая*).

Продуктивность типа ограничена отглагольными словообразовательными типами глаголов с суфф. *-ива-* (*-ыва-*)/*-ва-/-а-*(*-я-*), представляющим собой формальный запрет на образование страд. причастия прош. времени, хотя глаголы этих типов частично, в зависимости от переходности мотивирующего глагола, принадлежат к переходным. Сюда относятся: один чисто суффиксальный тип с суффиксом имперфективации (*перечитывать, разглядывать, упрочивать, вырывать, выгребать, заживлять*); 8 префиксально-суффиксальных типов: с преф. *вы-* (*выплясывать, высвистывать*), *на-* (*накручивать, наплясывать* и тип *напевать, насвистывать*), *от-* (*отплясывать, отстукивать*), *по-* (*подергивать, поругивать, потирать*), *под-* (*поддразнивать*), *при-* (*прихлёбывать*) и *раз-* (*раскуривать*).

3. Тип глаголов с характеристиками I 2 (в парадигме отсутствуют страд. причастия): *бегать* (*бегаю, бегал, буду бегать, бегай, бегающий, бегавший, бегая*).

Продуктивность типа определяется следующими продуктивными словообразовательными типами:

отглагольными с суфф. *-ива-* (*-ыва-*)/*-ва-/-а-* (*-я-*): чисто суффиксальным типом имперфективации (частично с непереходными глаголами: *выздоравливать, прихварывать, осмеливаться, отбывать, доживать, вырастать*); девятью префиксально-суффиксальны-

ми типами (частично с непереходными глаголами): с преф. *вы-* (*вызванивать, вышлёпывать* – окказ.), *на-* (тип *названивать* и тип *накрапывать*), *от-* (*отсвечивать, отблескивать*), *по-* (*похаживать, покашливать*), *под-* (*поддувать, подхрапывать*), *при-* (тип *присвистывать, прихлопывать* и тип *прихрамывать, припахивать*) и *раз-* (*разгуливать, раздумывать*);

префиксально-суффиксально-постфиксальным типом глаголов (всегда непереходных) с преф. *пере-* (*перестукиваться, перешептываться*);

двумя чисто суффиксальными типами отыменных глаголов (всегда непереходных) с суфф. *-нича-*: отсубстантивным (*столярничать, плотничать, сумасбродничать* – разг., *ресторанничать* – окказ.) и отадъективным (*важничать, подличать, озорничать, вредничать* – все разг.);

одним чисто суффиксальным типом глаголов (частично непереходных) с суфф. *-а-/-а-*, мотивированных междометиями: *каркать, хихикать, ахать, дакать* (разг.), *ойкать* (разг.);

глаголами I словоизменительного класса, относящимися к чисто постфиксальным типам (*одеваться, кутаться, бодаться, обниматься, купаться, равняться, запасаться, путаться, пугаться, цепляться, кусаться*).

4. Тип глаголов с характеристиками I 1 и I 2, имеющих кроме инфинитива только формы прош. времени (спрягаемые и формы действ. причастия): *видывать* (*видывал, видывавший*), *живать* (*живал, живавший*).

Тип представлен одним (ограниченно продуктивным) типом чисто суффиксальных многократных глаголов с суфф. *-ива-*(*-ыва-*) */-ва-/-а-*(*-я-*), мотивированных глаголами несов. вида и частично принадлежащих к переходным: *видывать, слыхивать, сиживать, гащивать, лавливать, живать, знавать, дирать, едать* (глаголы этого типа принадлежат к разговорной речи).

5. Тип глаголов с характеристиками I 3 (в парадигме отсутствуют формы наст. вр.): *прочитать* (*прочитал, прочитаю, прочитай, прочитавший, прочитанный, прочитав*).

Продуктивность типа определяется принадлежностью к нему глаголов ряда чисто префиксальных продуктивных словообразовательных типов (с перфективирующими префиксами), мотивированных глаголами I словообразовательного класса: глаголов, относящихся к перечисленным выше словообразовательным ти-

пам с транзитивирующими префиксами: *выиграть, выстрадать, выработать, заработать, загонять* – сов., *избегать, исстрелять, облетать* – сов., *обдумать, налетать* – сов., *прогулять, угонять* – сов.;

частично – глаголов, относящихся к словообразовательным типам с нетранзитивирующими префиксами (переходность таких глаголов «наследуется» от мотивирующих): *выделать, доиграть, затолкать, испугать, надёргать, недоделать, отломать, поглотать, подмешать, припаять, проломать, разбросать, сострогать, сглодать, скомкать, укутать.*

6. Тип глаголов с характеристиками I 4 (в парадигме отсутствуют формы наст. вр. и страд. причастия): *погулять* (*погулял, погуляю, погуляй, погулявший, погуляв*).

Продуктивность типа определяется принадлежностью к нему глаголов ряда словообразовательных типов, мотивированных глаголами I словоизменительного класса:

префиксально-постфиксальных глаголов: *вслушаться, докопаться, додуматься, замечтаться, исстрадаться, нагуляться, обсчитаться, отбегаться, прислушаться, примелькаться, просчитаться, прокашляться, размечтаться, сработаться, убегаться;*

частично – чисто префиксальных глаголов с нетранзитивирующими префиксами; непереходность таких глаголов «наследуется» от мотивирующих: *вздорожать, вскарабкаться, воспреобладать* (окказ.), *догулять, замелькать, набезобразничать, откозырять, отсверкать, перебывать, повскакивать, понаблюдать, промечтать.*

7. Тип безличных глаголов с характеристиками I 7 (с парадигмой, ограниченной формами 3 л. ед. ч. и сред. рода ед. ч. прош. вр.): *светать* (*светает, светало, будет светать*).

Продуктивность типа ограничена чисто постфиксальным словообразовательным типом безличных глаголов (при мотивации глаголами I словоизменительного класса): *работаться, думаться, мечтаться, играться* (*Мне думается*; *Мне хорошо работается, мечтается; Мне не играется*).

8. Тип безличных глаголов с характеристиками I 8: *вздуматься* (*вздумалось, вздумается*).

Продуктивность типа ограничена чисто постфиксальным словообразовательным типом глаголов, мотивированных префиксальными глаголами сов. вида, преимущественно с преф. *за-* и *по-*:

заработаться (в начинательном значении), *помечтаться* (во временно-ограничительном значении), *подуматься: Мне хорошо заработалось, помечталось*; *Мне подумалось, что...* (такие конструкции допустимы в разговорной речи).

9. Тип глаголов с характеристиками II 2: *робеть* (*робею, робел, буду робеть, робей, робеющий, робевший, робея*).

Продуктивность этого словоизменительного типа ограничена одним чисто суффиксальным словообразовательным типом непереходных отадъективных глаголов с суфф. *-е-* (*белеть, темнеть, влажнеть, золотеть, прочнеть, безлюдеть*) и типом постфиксальных глаголов, мотивированных глаголами названного суффиксального типа (непереходными): *белеться, чернеться, краснеться.*

10. Тип глаголов с характеристиками II 4: *заболеть* (*заболел, заболею, заболей, заболевший, заболев*).

Продуктивность типа ограничена:

– продуктивными префиксально-суффиксальными словообразовательными типами отыменных глаголов с суфф. *-е-* и преф. *за-* (*задеревенеть*), *о-* (*ороговеть, ополоуметь* – прост.), *об-* (*обомшеть*), *обез-* (*обеспамятеть, обезденежеть, обезрыбеть*), *по-* (*посерьёзнеть, получшеть* – прост.);

– продуктивными префиксальными типами глаголов с перфективирующими (нетранзитивирующими) префиксами, мотивированных глаголами II словоизменительного класса: с преф. *за-* (тип *забелеть, зазеленеть, забелеться* и тип *занеметь, застареть, заледенеть, зажиреть*), *о-* (*остареть, онеметь, окаменеть, остекленеть*), *об-* (*облысеть, обледенеть*), *по-* (*побелеть, поседеть, постареть, поумнеть, полысеть, потемнеть*), *под-* (*подсыреть, подледенеть*), *про-* (*прозеленеть, просветлеть, просыреть*), *раз-* (*разбогатеть, разжиреть, располнеть*);

– продуктивным типом префиксально-постфиксальных глаголов с преф. *раз-* (*разболеться, раскраснеться, раззеленеться, разалеться*).

11. Тип глаголов с характеристиками III 1: *рисовать* (*рисую, рисовал, буду рисовать, рисуй, рисующий, рисовавший, рисуемый, рисованный, рисуя*).

Продуктивность этого словоизменительного типа ограничена одним продуктивным чисто суффиксальным словообразовательным типом отсубстантивных глаголов (частично – переходных) с суфф. *-ова-/-ирова-: шлюзовать* (спец.), *силосовать, тюковать, консер-*

вировать, планировать, гримировать, интервьюировать, программировать (нов.).

12. Тип глаголов с характеристиками III 2: *зимовать* (*зимую, зимовал, буду зимовать, зимуй, зимующий, зимовавший, зимуя*).

Продуктивность этого типа связана с продуктивными словообразовательными типами глаголов:

– двумя чисто суффиксальными типами с суфф. *-ствова-*: отсубстантивным (*тиранствовать, учительствовать, роскошествовать, миссионерствовать* – окказ.) и отадъективным (*свирепствовать, усердствовать, благоприятствовать*);

– типом отсубстантивных чисто суффиксальных глаголов с суфф. *-ова-/-ирова-* (частично – непереходных): *плутовать* (разг.), *зимовать, ночевать, паразитировать, морализировать, контактировать* (нов.);

– типами постфиксальных глаголов, мотивированных глаголами III словоизменительного класса: *гримироваться, целоваться, чувствоваться, чередоваться, радоваться, волноваться, стыковаться, базироваться*.

13. Тип глаголов с характеристиками III 3: *нарисовать* (*нарисовал, нарисую, нарисуй; нарисовавший, нарисованный, нарисовав*).

Продуктивность этого типа связана с продуктивными словообразовательными типами чисто префиксальных глаголов сов. вида, мотивированных глаголами III словоизменительного класса – типами глаголов с нетранзитивирующими префиксами: *заасфальтировать, запрограммировать* (нов.), *заминировать, натренировать, охарактеризовать, отрепетировать, перевербовать* (нов.), *перепланировать, перепробовать, почувствовать, разминировать, урегулировать*. Переходность таких глаголов «наследуется» от мотивирующих.

14. Тип глаголов с характеристиками III 4: *зазимовать* (*зазимовал, зазимую, зазимуй, зазимовавший, зазимовав*). Продуктивность этого типа связана:

– с продуктивными словообразовательными типами префиксально-постфиксальных глаголов, мотивированных глаголами III словоизменительного класса: *довоеваться, дофилософствоваться, запраздноваться* (окказ.), *истосковаться, иззавидоваться* (окказ.), *навоеваться, провороваться* (разг.), *разлютоваться* (разг.);

– с продуктивными чисто префиксальными типами глаголов с нетранзитивирующими префиксами, мотивированных глаголами

того же класса: *воспрепятствовать, заночевать, зафонтанировать, отреагировать, перекочевать, перезимовать, полюбоваться, пожаловаться, проучительствовать, сманеврировать, слутовать* (разг.). Непереходность таких глаголов «наследуется» от мотивирующих.

15. Тип глаголов с характеристиками III 5 (двувидовые переходные): *адресовать* (*адресую, адресовал, буду адресовать, адресуй, адресующий, адресовавший, адресуемый, адресованный, адресуя, адресовав*)[51].

Продуктивность этого словоизменительного типа определяется продуктивными словообразовательными типами глаголов:

– двумя чисто суффиксальными типами с суфф. *-ова-/-ирова-*: отсубстантивным (*кредитовать, финансировать, складировать, беллетризовать, декретировать, математизировать* – нов., *газировать, резюмировать, катапультировать* – нов.) и отадъективным (*нейтрализовать, стабилизировать, объективировать, индустриализировать, кибернетизировать* – нов., *оптимизировать* – нов.);

– чисто префиксальными типами глаголов с преф. *де-* (*демобилизовать, демаскировать, дезориентировать, дестабилизировать* – нов.), *ре-* (*реорганизовать, ремилитаризировать, реинтерпретировать* – окказ.), частично – с преф. *дис-* (*дисквалифицировать*) и *пере-* (*переаттестовать, переоборудовать, переориентировать, переконструировать, перепроектировать*);

– продуктивным рядом сложных глаголов со связанным опорным компонентом (суффиксоидом) *-фицировать*: *электрифицировать, газифицировать, теплофицировать, музеефицировать* (нов.).

Этот словоизменительный тип пополняется также лексическими заимствованиями: *иннервировать, ламинировать* (оба глагола – нов. спец.). Новые заимствованные глаголы оформляются в современном языке только как двувидовые III словоизменительного класса на *-ировать*. Поэтому только этот и следующий (16-й) словоизменительные типы глаголов проявляют свою продуктивность в сфере лексического заимствования.

16. Тип глаголов с характеристиками III 6 (двувидовые непереходные): *стартовать* (*стартую, стартовал, буду стартовать, стартуй, стартующий, стартовавший, стартуя, стартовав*).

Продуктивность типа проявляется в продуктивных словообразовательных типах:

– в чисто суффиксальном типе отсубстантивных глаголов с суфф. *-ова-/-ирова-*: *стартовать, финишировать, салютовать, рапортовать, дриблинговать* (нов.), *прессинговать* (нов.), *спуртовать* (нов.), *интонировать* (спец.);

– в типах чисто постфиксальных глаголов, мотивированных двувидовыми глаголами: *активизироваться, стабилизироваться, специализироваться, адресоваться, агрегатироваться* (нов.), *кибернетизироваться* (нов.).

Тип пополняется также за счет лексических заимствований: *аннигилировать, сцинтиллировать* (оба глагола – нов. спец.).

17. Тип глаголов с характеристиками III 7 (безличные): *танцеваться* (*танцуется, танцевалось, будет танцеваться*).

Продуктивность типа ограничена чисто постфиксальным словообразовательным типом безличных глаголов, мотивированных глаголами III словоизменительного класса: *танцеваться, рисоваться* (*Мне хорошо танцуется*; *Мне не рисуется* «не могу рисовать»).

18. Тип глаголов с характеристиками IV 3 *обмануть* (*обманул, обманет, обмани, обманувший, обманутый, обманув*).

Продуктивность этого словоизменительного типа проявляется в продуктивных отглагольных словообразовательных типах:

– частично – в двух чисто суффиксальных типах: с суфф. *-ну-* (*толкнуть, двинуть, хлебнуть, лизнуть, тряхнуть, царапнуть*) и *-ану-* (*рубануть, крутануть, тряхануть, стегануть* – все разг.)[52];

– в одном префиксально-суффиксальном типе с суфф. *-ну-* и преф. с- (*сболтнуть, сполоснуть* – оба разг.);

– в чисто префиксальных глаголах с продуктивными нетранзитивирующими префиксами, мотивированных переходными глаголами IV словоизменительного класса: *вытолкнуть, вычеркнуть, выкрикнуть, докинуть, накинуть, отпугнуть, обмануть, подковырнуть, передвинуть, припугнуть, пропихнуть, сколупнуть;* реже – с транзитивирующими префиксами: *обрызнуть, оплеснуть, перепрыгнуть.*

19. Тип глаголов с характеристиками IV 4: *прыгнуть* (*прыгнул, прыгнет, прыгни, прыгнувший, прыгнув*).

Продуктивность этого типа проявляется в продуктивных отглагольных словообразовательных типах:

– частично – в двух чисто суффиксальных типах: с суфф. *-ну-* (*прыгнуть, порхнуть, пискнуть, скрипнуть, плюнуть*) и *-ану-* (*храпануть* – разг., *психануть* – прост., *газануть* – прост.);

– в двух префиксально-суффиксальных типах с суфф. *-ну-* и преф. *при-* (*прихворнуть* – разг., *прихвастнуть* – разг.) и *с-* (*сгрустнуть* – разг., *соснуть* – разг.);

– в чисто префиксальных глаголах с продуктивными префиксами, мотивированных непереходными глаголами IV словоизменительного класса: *взвизгнуть, вздрогнуть, выкрикнуть, подмигнуть, поднырнуть, присвистнуть, прошмыгнуть, спрыгнуть, соскользнуть*;

– в типах чисто постфиксальных глаголов: *воткнуться, захлопнуться, натолкнуться, опрокинуться, повернуться, придвинуться, протиснуться, перекувырнуться.*

20. Тип глаголов с характеристиками V 1: *говорить* (*говорю, говорил, буду говорить, говори, говорящий, говоривший, говоримый, говоренный, говоря*).

Продуктивность типа ограничена двумя чисто суффиксальными продуктивными словообразовательными типами с суфф. *-и-*: отсубстантивным (*солить, перчить, крестить, калечить, копнить, боронить, лопатить, пылесосить* – нов. разг.) и отадъективным (*белить, чистить, разнообразить, бодрить, взрослить* – нов. разг.), причем глаголы этих типов лишь частично являются переходными (см. тип 21)[53].

21. Тип глаголов с характеристиками V 2: *ходить* (*хожу, ходил, буду ходить, ходи, ходящий, ходивший, ходя*).

Продуктивность этого типа ограничена рядом продуктивных словообразовательных типов:

– двумя чисто суффиксальными типами глаголов с суфф. *-и-*: отсубстантивным (*партизанить* – разг., *шоферить* – разг., *дневалить* – разг., *бюллетенить* – разг., *лицемерить, чадить, кляксить* – окказ.) и отадъективным (*хитрить, грустить, горчить, глупить* – разг., *частить* – разг.);

– двумя суффиксально-постфиксальными типами с суфф. *-и-*: отсубстантивным (*холмиться, фосфориться, толпиться, колоситься, ягниться, бархатиться* – окказ.) и отадъективным (*скупиться, упрямиться, резвиться, дичиться* – разг.);

– типами чисто постфиксальных глаголов, мотивированных глаголами V словоизменительного класса: *румяниться, ссориться, мириться, строиться, веселиться, браниться, грозиться.*

22. Тип глаголов с характеристиками V 3: *побелить* (*побелил, побелю, побели, побеливший, побелённый, побелив*).

Продуктивность этого словоизменительного типа определяется рядом продуктивных словообразовательных типов:

– 31 типом префиксально-суффиксальных глаголов с суфф. *-и-* (все глаголы этих продуктивных типов переходны): отсубстантивных с преф. *за-* (*захламить* – разг., *задымить*), *из-* (*изъязвить, искрестить* – разг.), *о-* (типы *оцепить, окаймить, оконтурить* – нов. спец.; *остеклить, обилетить* – нов. спец.; *осиротить, обюрократить*), *об-* (тип *обдернить* – спец., *обмелить* – разг. и тип *облитературить* – разг.), *обез-* (*обезжирить, обезлесить, обездвижить* – нов. спец.), *под-* (*подрессорить* – спец., *поддомкратить* – нов. спец.), *при-* (тип *пригубить, приземлить* и тип *прикнопить* – разг.), *про-* (*прорезинить, проолифить*), *раз-* (типы *распылить, расщепить*; *разоружить, расчехлить*), *с-* (*скучить* – разг., *сосборить* – разг.), *у-* (*усыновить*); отадъективных с преф. *вы-* (*выпрямить, выявить*), *за-* (*затруднить, занизить, заскучнить* – окказ.), *из-* (*истончить, испошлить* – разг.), *о-* (*осложнить, опошлить, облагородить*), *об-* (*облегчить, обновить*), *пере-* (тип *перегорчить, перекислить* и тип *пересилить, переупрямить* – разг.), *под-* (*подновить, подкоротить* – разг.), *про-* (*прояснить, проредить*), *раз-* (тип *разредить, разжидить* – разг. и тип *разобщить, рассекретить*), *с-* (*снизить, скособочить* – разг.), *у-* (*улучшить, углубить, удешевить*); типом глаголов, мотивированных числительными, с преф. *у-* (*удвоить, удесятерить*);

– типами чисто префиксальных глаголов, мотивированных глаголами V словоизменительного класса с перфективирующими префиксами: а) транзитивирующими: *выследить, выслужить, доездить* и *заездить* (разг.), *заслужить, изъездить, искрасить* ‘израсходовать, крася’; *наездить, объездить, оделить, обхитрить* (разг.), *отходить* ‘довести до повреждения длительной ходьбой’; *переспорить, прокутить, уводить* (разг. ‘водя, довести до утомления’); б) нетранзитивирующими, где переходность определяется переходностью мотивирующего глагола: *втащить, взлохматить, вскормить, выгрузить, вылечить, докупить, забросить, замостить, испортить, начистить, надрубить, недооценить, опорочить, обучить, отучить, переучить, пережарить, попортить, побелить, подставить, подстроить, приплатить, прокипятить, разморозить, разбранить, разбудить, сбросить, скосить, устыдить.*

23. Тип глаголов с характеристиками V 4: *поездить* (*поездил, поезжу, поезди, поездивший, поездив*). Продуктивность типа определяется:

– двумя продуктивными словообразовательными типами префиксально-суффиксально-постфиксальных отсубстантивных глаголов с суфф. *-и-*, преф. *о-* (*обанкротиться, омещаниться* – разг.) и *об-* (*обынтеллигентиться* – разг.);

– типами префиксально-постфиксальных глаголов, мотивированных глаголами V класса: *вздуриться* (прост.), *выговориться* (разг.), *добудиться, дошутиться* (разг.), *договориться, исхалтуриться* (нов. разг.), *наговориться, оступиться, обмолвиться, отъездиться* (разг.), *отшутиться, подольститься, пригрезиться, проговориться, разговориться, уездиться* (разг.);

– типами чисто постфиксальных глаголов, мотивированных глаголами сов. вида V класса: *выброситься, возбудиться, обставиться, уложиться, устроиться, удариться*;

– типами чисто префиксальных глаголов, мотивированных глаголами V класса, с нетранзитивирующими префиксами, где непереходность определяется непереходностью мотивирующего глагола: *воспротивиться, засуетиться, перебродить, пересердиться* (окказ.), *поохотиться, подзакусить* (разг.), *проездить* (*некоторое время*), *схитрить, сходить* (сов. в.).

24. Тип глаголов с характеристиками V 7 (безличных): *знобить* (*знобит, знобило, будет знобить*).

Продуктивность типа ограничена: типом чисто суффиксальных отыменных глаголов с суфф. *-и-*, небольшая часть которых характеризуется безличностью (*вьюжить, дождить* – разг., *снежить* – разг., *пуржить* – разг., *буранить* – окказ.); чисто постфиксальным словообразовательным типом безличных глаголов (при мотивации глаголами V класса): *вериться, грезиться*.

25. Тип глаголов с характеристиками V 8 (безличных): *пригрезиться* (*пригрезится, пригрезилось*).

Продуктивность типа ограничена чисто префиксальным типом глаголов с преф. *за-* (в начинательном значении), небольшая часть которых мотивирована безличными отыменными глаголами (см. п. 24): *завьюжить, запуржить, задождить*.

26. Особое место среди глагольных словоизменительных типов, характеризующихся словообразовательными ограничениями, занимают глаголы, обозначающие многосубъектное действие. Их семантика определяет неполноту парадигмы – невозможность употребления таких глаголов в формах 1 и 2 л. ед. ч. (возможность же формы 3 л. ед. ч. определяется сочетаемостью с собирательны-

ми существительными типа *народ, толпа, полк, взвод*). Поскольку указанные значения выражаются префиксальным и префиксально-постфиксальным способами словообразования, мы рассмотрим соответствующие словоизменительные типы (дополнительно к основной классификации) как типы, не ограниченные определенным словоизменительным классом глаголов.

Тип 26 составляют непереходные глаголы сов. вида со значением многосубъектного действия: *попáдать* (*попáдал..., попáдали, попáдает, попáдаем..., попáдай, попáдавший, попáдав*). К нему относятся глаголы следующих продуктивных словообразовательных типов:

– чисто префиксальные с преф. *на-* [в накопительном знач.: *набежать* (один за другим в большом количестве), *наехать, найти, налететь*], *по-* (в дистрибутивном значении: *попрыгать, попáдать, помёрзнуть, полопаться, повскакать* и *повскакивать*) и *пере-* [также в дистрибутивном значении: *перепáдать, перегаснуть, перезаразиться, перевлюбиться* (окказ.: *Все перевлюбились*); *перебывать, перездороваться* в многосубъектном значении (*У меня перебывали все знакомые; С ним перездоровались все гости*)][54];

– префиксально-постфиксальные с преф. *раз-* [*разбежаться* (*в разные стороны*), *разъехаться, разлететься, расступиться, рассесться* (*по разным местам*), *разлечься*] и *с-* [*сбежаться* (*из разных мест*), *съехаться, слететься, сбрестись* – разг., *слечься* – окказ.].

27. Глаголы несов. вида непереходные той же семантики, что и в типе 26: *разбегáться* (*разбегáется, разбегáемся..., разбегáлся..., разбегáлись, разбегáйся, разбегáющийся, разбегáвшийся, разбегáясь*).

К этому типу относятся глаголы, производные от глаголов сов. вида, описанных в п. 26 и составляющих с ними видовую пару: производные от чисто префиксальных глаголов с преф. *на-* (*набегáть, наезжать, налетать*) и от префиксально-постфиксальных с преф. *раз-* (*разбегáться, разъезжаться, расступаться, рассаживаться*) и *с-* (*сбегáться, слетаться, сбредаться*).

Нами рассмотрены потенции словоизменительной системы современного русского языка, регулируемые механизмами словообразования и заимствования. Из словообразовательных механизмов внимание было сосредоточено на тех, которые избирательно относятся к словоизменительным типам: на суффиксации, субстантивации, аббревиации, глагольной постфиксации, отчасти на пре-

фиксации (глагольной, частично – адъективной). Вне рассмотрения остались, во-первых, словообразовательные механизмы, не связанные с выбором словоизменительного типа мотивированного слова (сложение, сращение, именная префиксация), и, во-вторых, все непродуктивные словоизменительные типы. Не подлежит, однако, сомнению, что рассмотренные механизмы составляют ядро факторов, регулирующих продуктивность различных словоизменительных типов, и позволяют сопоставлять эти типы с точки зрения присущей им производительной силы.

Примечания

[1] Русский язык. Энциклопедия. М., 1979. С. 236.

[2] Грамматика русского языка. Т. I. М., 1952. С. 533 и след.

[3] Ср., например, различия словообразовательных типов по характеру словообразовательного значения и по формантам – носителям этого значения.

[4] Здесь и ниже во вводном разделе приводимые списки словоизменительных типов разных частей речи не претендуют на полноту, являясь лишь примерами.

[5] См.: Русская грамматика. Т. I. М., 1980.

[6] Здесь и ниже используется нумерация словоизменительных классов и подклассов глагола, представленная в «Русской грамматике».

[7] Принимаем ту (традиционную) точку зрения, что подобные пары, несмотря на их регулярные семантические различия, представляют собой формы одного слова.

[8] Этим наш подход к существительным singularia tantum отличается от подхода, представленного в «Грамматическом словаре» А. А. Зализняка, где все слова singularia tantum «признаются имеющими оба числа; мн. число носит здесь потенциальный характер: практически оно почти никогда не употребляется, но при необходимости все же может быть построено» (см.: *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. М., 1977. С. 5).

[9] Подробнее об этом см.: *Плотникова В. А.* Атрибутивные формы глагола и лексические ограничения в их образовании // Слово и грамматические законы языка. Имя. М., 1989.

[10] См.: *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.; Л., 1947, раздел «Грамматическое распределение имен существительных по типам склонения в связи с формами словообразования», особенно с. 92–93.

[11] *Копецкий Л. В.* Типы склонения русских существительных мужского рода // Вопр. языкознания. 1970, № 3; *Он же.* Склонение существительных в современном русском литературном языке. Прага, 1973.

[12] См.: Новые слова и значения. Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. М., 1971. Этот словарь используется здесь как один

из возможных источников, дающих достаточно представительную выборку новых (а также не новых, но впервые фиксируемых) слов. С той же целью могут быть привлечены любые другие словари новых слов, а также картотеки новообразований или фрагменты таких картотек.

[13] О понятии мотивирующей базы см.: *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 9–11.

[14] Под опорной основой мы понимаем здесь непосредственно сочетающуюся с флексиями часть слова, содержащую корень, т. е. распространяем это понятие не только на сложные слова (Русская грамматика, 1980), но и на аффиксальные.

[15] См.: Русская грамматика, с. 138.

[16] См.: *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 93.

[17] Не затрагиваем здесь вопроса о грамматическом роде существительных этих групп.

[18] См.: *Богородицкий В. А.* Общий курс русской грамматики. Изд. 5-е. М.; Л., 1935. С. 333–350.

[19] См.: Русский язык и советское общество. Лексика современного русского литературного языка. М., 1968. С. 79–91; *Крысин Л. П.* Иноязычные слова в современном русском языке. М., 1968; *Брагина А. А.* Неологизмы в русском языке. М., 1973. С. 84–160.

[20] В части перечисляемых словообразовательных типов одушевленные существительные составляют только подтип (к другому подтипу в этих случаях относятся неодушевленные существительные). Здесь и ниже описание словообразовательных типов ведется по суффиксам: типы с разными словообразовательными значениями, с различными частями речи мотивирующих слов и типы разных способов словообразования (чисто суффиксального и смешанно-суффиксальных), имеющие в составе форманта один и тот же суффикс, приводятся вместе. Различные морфы этих суффиксов не перечисляются (их перечень можно найти в «Русской грамматике» 1980 г., т. 1). Типы иллюстрируются преимущественно новообразованиями; окказиональные образования приводятся без контекстов, в которых они употреблены.

[21] По нашим наблюдениям, в типе уменьшительно-ласкательных сущ. с суфф. *-ец* (*морозец, капиталец*) подтип одушевленных существительных (*братец*) непродуктивен.

[22] Формы мн. числа у слов этих трех типов потенциальны.

[23] Формы мн. числа у слов этого типа потенциальны.

[24] Оба типа – с потенциальными формами мн. числа.

[25] Формы мн. числа у слов этого типа также потенциальны.

[26] Флексию *-и* (вместо *-е*) в словах муж. рода на *-ий,* сред. рода на *-ие* и жен. рода на *-ия* считаем орфографическим вариантом флексии *-е* и потому не выделяем слов на *-ий, -ие, -ия* в особые словоизменительные типы.

[27] Формы мн. числа у слов этого типа потенциальны.

[28] Формы мн. числа у слов этого типа потенциальны.

[29] Существительные муж. рода с нулевым суффиксом как продуктивный словообразовательный разряд к типам 3 и 4 не относятся: для этого разряда характерна основа на твердую согласную или [j] (*плач, клич, вопль* – исключения, новообразований подобной структуры нет).

[30] Формы мн. числа у аббревиатур – имен собственных потенциальны.

[31] Формы мн. числа у слов этого типа потенциальны.

[32] Формы мн. числа у имен собственных, приводимых здесь и ниже, потенциальны.

[33] Небольшая часть существительных этого типа принадлежит непродуктивному словоизменительному типу с флексией *-ов* в род. п. мн. ч. (*озерко, брюшко, ушко*), а иногда также с флексией *-а* в им. п. мн. ч. (*облачко*).

[34] В части перечисляемых словообразовательных типов одушевленные существительные составляют только подтип (к другому подтипу в этих случаях относятся неодушевленные существительные).

[35] Формы мн. числа у большинства слов этих двух словообразовательных типов – потенциальные.

[36] Словоизменительный тип одушевленных существительных III скл. жен. рода пополняется лишь семантическим путем – в результате развития у редких существительных с суфф. *-ость* и нулевым значения лица: *знаменитость, индивидуальность, бездарность, бездарь* и т. п.

[37] См.: Русская грамматика, с. 241.

[38] Словообразовательную интерпретацию таких топонимов, а также топонимов, рассматриваемых ниже, в п. 27, см.: *Лопатин В. В.* Словообразовательная структура названий населенных пунктов в современном русском языке // Ономастика и грамматика. М., 1981. С. 39. Статья перепечатана: с. 272–282 данного издания.

[39] У слов того же типа *благо* и *зло* есть формы мн. числа (у второго – только род. п. мн. ч. *зол*).

[40] Принадлежность таких существительных к одушевленным или неодушевленным, как и родовая принадлежность, не отражается на типе склонения.

[41] Для многих звуковых аббревиатур на согласную (*ТАСС, МИД, ВАК, ВТЭК, ЖЭК* и т. п.) характерны колебания между словоизменительными типами 2 и 34; такие аббревиатуры начинают склоняться в разговорной речи (см. их перечень в кн.: Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976. С. 85– 87.

[42] См.: Русская грамматика, с. 558. Формальным ограничением образования этих форм у прилагательных с суфф. *-ов-* является ударение на флексии: не образуются краткие формы и компаратив у слов *деловой, даровой, передовой, рядовой* и т. п.

[43] Однако во мн. числе такая омонимия отсутствует, поэтому более употребительны у прилагательных с суфф. *-л-* краткие формы мн. числа.

[44] Формальным запретом на образование форм компаратива у прилагательных

с нулевым суффиксом является конечная заднеязычная согласная основы (*длинноногий, короткорукий, криворогий*).

[45] Примеры см.: Русская грамматика, с. 563.

[46] Вслед за «Русской грамматикой» 1980 г. рассматриваем здесь образования на *-ейший, -айший* как отдельные прилагательные, а не как особые формы превосходной степени.

[47] О стилистической окраске и сфере продуктивности таких прилагательных см.: Русская грамматика, с. 300.

[48] Полностью систему флексий см.: Русская гарммматика, с. 555.

[49] Полностью систему флексий см.: Русская грамматика, с. 551.

[50] См. полное описание словообразовательных типов, относящихся к этим способам, в кн.: Русская грамматика, с. 357– 372, 385–389, 617–618.

[51] Избыточность парадигмы глаголов этого и следующего типов проявляется, во-первых, в наличии омонимичных форм наст. и буд. простого времени и, во-вторых, в регулярном присутствии в парадигме двух деепричастий (несов. вида на *-я* и сов. вида на *-в*).

[52] Форма страд. причастия прош. времени у беспрефиксальных глаголов этого типа неупотребительна.

[53] Формы страд. причастий у глаголов этих типов неупотребительны, вместо них нередко употребляются действ. причастия соответствующих глаголов страд. залога (*солящийся, чистившийся* и т. п.).

[54] Относящиеся к тем же словообразовательным типам глаголы с многообъектным значением (*накидать, наносить, побросать, поглотать, перебудить, перепробовать*) имеют полную парадигму и, как правило, переходны.

Словари

Грамматическая правильность русской речи: Опыт частотно-стилистического словаря вариантов. М., 1976.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. М., 1977.

Новое в русской лексике: Словарные материалы – 77. М., 1980.

Новое в русской лексике: Словарные материалы – 78. М., 1981.

Новое в русской лексике: Словарные материалы – 79. М., 1982.

Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов. М., 1971.

Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х годов. М., 1984.

Орфоэпический словарь русского языка: Произношение, ударение, грамматические формы / Под ред. Р. И. Аванесова. М., 1983.

Словарь иностранных слов. Изд. 8-е. М, 1981.

Оценка как объект грамматики

[В сб.: Русский язык. Проблемы грамматической семантики и оценочные факторы в языке. М., Наука, 1992]

В работах В. В. Виноградова большое внимание уделено оценочности не только в лексике, но и в грамматике. Так, в книге «Русский язык. Грамматическое учение о слове» понятие оценки применяется в связи с анализом так называемых субъективно-оценочных суффиксов существительных и качественных прилагательных, форм степеней сравнения, категории наклонения глагола, так называемых модальных слов и частиц и в ряде других случаев. Современное состояние научной разработки явлений модальности, прагматических и иных аспектов языка, теснейшим образом связанных с оценочностью, позволяет поставить (в развитие виноградовской традиции) вопрос об оценочности как об особой функциональной сфере языка. Н. Ю. Шведова, перечисляя основные назначения языка как средства общения и соответствующие им функциональные языковые сферы (именования; непосредственной коммуникации, сообщения; выражения зависимостей и связей), относит сюда и сферу квалификаций, оценок[1].

При этом, как нам представляется, речь должна идти о достаточно широком применении понятия «оценка», о целом спектре языковых функций, включающем не только собственно оценочную (в узком смысле этого термина) характеристику предметов, признаков, фактов, ситуаций по признаку «хорошо – плохо» (кстати, гораздо чаще выражаемую лексическими средствами, чем грамматическими[2]), но и целый ряд других характеристик – таких, как «истинно – ложно», «важно – неважно» и др.[3], о которых речь пойдет ниже. Таким образом, может быть поставлена задача комплексного рассмотрения явлений оценочности в языке в рамках теории функциональной грамматики, задача описания всей системы оценок и грамматических средств, служащих их выражению.

Под оценочными (квалификативными) мы понимаем такие компоненты языка, которые, накладываясь на денотативное, или референтное, или пропозициональное (терминология здесь может

быть различной) содержание высказываний, корректируют его с позиций субъекта речи. При всем многообразии этих компонентов их можно сгруппировать, выделив и разграничив ряд функциональных комплексов, формирующих оценочную сферу языка. Назовем здесь шесть таких комплексов, занимающих основное, центральное место в функционально-грамматической сфере оценки:

1) истинность – ложность, достоверность – недостоверность того или иного факта, включая сюда степень соответствия его действительности (модальности возможности, предположительности, желательности, необходимости и др.) и степень соответствия ожидаемому;

2) точность – приблизительность, определенность – неопределенность и известность – неизвестность чего-н. субъекту речи;

3) интенсивность, степень проявления признака;

4) заинтересованность субъекта в чем-н. – безразличие к чему-н., акцентирование (выделение) важного, существенного либо, наоборот, неважного, несущественного;

5) позитивные – негативные оценки и связанные с ними реакции (радость, восхищение – недовольство, досада, ирония, возмущение и т. п.);

6) уровень общения с адресатом речи, связанный с оценкой ролей участников речевого акта в общении либо их социальных ролей: официальность, вежливость, непринужденность, фамильярность, снисходительность, категоричность суждения или волеизъявления и т. п.

Каждый из названных оценочных комплексов представляет собой подвижную, градуальную систему значений – от самого полного проявления какого-н. оценочного признака до его полного отсутствия. Значения эти имеют как рациональную (интеллектуальную, логическую), так и эмоциональную основу, часто в сочетании с экспрессивно-эмфатическим компонентом, причем степень представленности рационального и эмоционального начал в разных конкретных случаях, естественно, различна; так, если у прилагательных с суфф. *-оват-* типа *беловатый* преобладает рациональное оценочное начало, то прилагательные с суфф. *-еньк-* типа *беленький* преимущественно эмоциональны (хотя и те и другие принадлежат к сфере субъективно-оценочных образований). Как правило, оценочные значения размыты в своих границах, а актуализация их обусловлена речевой ситуацией. В реализации этих

значений участвуют разноуровневые языковые средства, которые нередко между собой взаимодействуют: как сами оценочные значения, так и различные средства их выражения могут сопутствовать друг другу в пределах конкретного слова, формы, высказывания или текста.

Грамматическими средствами выражения оценочных значений являются: 1) словообразовательные средства (суффиксы, префиксы) – средства так называемой субъективной оценки в сфере имен и отчасти средства модификации глагольного действия; 2) особые употребления категориальных морфологических форм; 3) построения с определенными служебными словами, прежде всего с модальными частицами и их аналогами; 4) построения с модальными (в том числе вводными) словами; 5) повторы различной структуры; 6) междометия и звукосимволические слова; 7) средства словопорядка и интонации. Все эти средства в той или иной мере грамматичны, поскольку являются средствами обобщенными, формализованными. В аспекте разграничения грамматических и лексических средств здесь особенно важны и ценны суждения В. В. Виноградова о характере лексического значения служебных слов – «частиц речи»: «Лексические значения этих слов совпадают с их грамматическими, логическими или экспрессивно-стилистическими функциями»[4], – о функциональном сходстве частиц и модальных слов, которые, как и различные аналоги служебных слов (не случайно традиционно включаемые в грамматические описания), выполняют определенные грамматические функции и, добавим, с этой точки зрения могут быть охарактеризованы как слова «полузнаменательные». Повторы, служащие, как и многие частицы, для экспрессивного выделения тех или иных слов, а также для выражения интенсификации признака и других целей, хотя и имеют лексическую основу, однако с точки зрения структуры представляют собой определенные грамматические модели.

Что касается употребления морфологических категорий в оценочных функциях, то здесь речь идет в первую очередь о так называемых несобственных (переносных) употреблениях форм числа, времени, вида, лица и т. д., вносящих в высказывание разнообразные оценочные оттенки, чаще всего экспрессивные (подобная функция принадлежит также так называемым глагольным междометиям). Рассмотрение ориентированных на оценку употреблений морфологических категорий позволяет в самом общем

виде выделить в их составе три группы: 1) категории, «первично» служащие выражению оценки (таковы степени сравнения, наклонение); 2) категории, обладающие достаточно широким спектром оценочных употреблений (к ним относятся вид, время, лицо, число[5]); 3) категории, оценочный потенциал которых минимален, хотя он тоже есть (к ним можно отнести падеж[6] и особенно род и залог). Представляется, что такая классификация морфологических категорий весьма существенна для их общей типологии.

Важной предпосылкой описания оценочных значений является отграничение самих оценок от того, что существует в высказывании (тексте) как бы до них, что является денотативным, референтным содержанием, соответствующим пропозиции, и что иногда уподобляют рамке или каркасу, «обрастающему» затем разнообразными квалификативными компонентами. В качестве примера укажем на так называемые неопределенно-личные конструкции типа *В дверь стучат* или *К вам пришли.* Очевидно, что в таких конструкциях к пропозициональному содержанию, существующему «до оценки», относится сообщение о соответствующих действиях в их определенном соотнесении с моментом речи (одновременность действия либо его результата с речевым актом, выражаемая конкретным видо-временным оформлением), а также об объектах этих действий. Квалификативным же компонентом здесь является указание на неопределенность субъекта действия – на неизвестность его говорящему либо (прежде всего для случая *К вам пришли*) на несущественность его конкретизации («кто именно»), в том числе и количественной («сколько человек»), с позиций говорящего.

Особую проблему представляет собой комбинаторика оценочных значений, поскольку в пределах одного и того же языкового средства, типа употребления могут совмещаться, контаминироваться разные оценки. Так, в одном и том же словообразовательном суффиксе нередко сочетаются уменьшительность и положительная оценка (традиционно называемая термином «ласкательность»), уменьшительность и отрицательная оценка («уничижительность», «пренебрежительность»), увеличительность и уничижительность (пейоративность), хотя контекстуально и ситуативно в таких образованиях может актуализироваться то один, то другой компонент оценочной семантики. Ср., например: *Всего-то (один) годик остался* (с подчеркиванием небольшой величины данного отрезка времени по сравнению с требуемым или желательным време-

нем) и *Ну и годик выдался!* (с контекстуально обусловленной качественной оценкой, преимущественно отрицательной); увеличительные образования типа *ручища, ножища* и пейоративное употребление собственных имен с тем же суффиксом, например *Лёлища* в детской речи (рассказ М. Зощенко «Ёлка»). Еще больше расширяется диапазон семантики так называемых оценочных суффиксов, когда они служат выражению определенного отношения говорящего к адресату или к ситуации в целом[7].

В разговорных конструкциях с модальными частицами типа *эк, ишь, пожалуйста, здравствуйте* (*вам, пожалуйста*) и нек. др. эмоциональная реакция удивления, вызванная неожиданностью действия, ситуации, обязательно сочетается с негативной (чаще) или позитивной реакцией.

Многообразную комбинаторику оценочных значений мы наблюдаем в сфере употребления морфологических категорий. Например, в конструкциях типа *А он как вскрикнет!; А она как заплачет!* особое употребление форм буд. времени сов. вида выражает внезапность действия в прошлом наряду с его интенсивностью. В конструкциях типа *Вы тут натворили дел, а я за вас отвечай* особое употребление императива связано с выражением не только модальности долженствования, но и отрицательной оценки ситуации.

Выяснение сочетаемости и несочетаемости конкретных оценочных значений в пределах высказывания – важная задача «грамматики оценок». При этом следует иметь в виду, что в пределах высказывания могут одновременно использоваться различные оценочные средства. Так, в приведенных выше примерах наряду с особым употреблением морфологической формы будущего совершенного выступает обязательная усилительная частица *как,* а наряду с уменьшительным образованием *годик* – частица *ну и.* Как правило, оценочные конструкции представляют собой одновременно и определенные интонационные конструкции. Хорошо известны также факты дублирования оценочных аффиксов в синтаксически связанных в пределах высказывания образованиях, например: *хорошенькое дельце, старенькое платьице,* а также *помахивать тросточкой* и т. п.

Еще одно подразделение оценочных средств связано с тем, что эти средства могут, с одной стороны, быть чисто квалифицирующими, а с другой – совмещать в себе субъективно-квалифицирующее значение с элементами денотативного содержания. Так, среди

словообразовательных аффиксальных средств разграничиваются чисто квалификативные средства (например, уже упомянутые суффиксы субъективной оценки) и средства, совмещающие квалификативные значения (признаки) с денотативными значениями[8]. В частности, некоторые суффиксы отглагольных и отадъективных существительных сочетают в себе транспозиционное словообразовательное значение со значением степени проявления признака – интенсивного (например, с суфф. *-ёж, -н(я): грабёж, скулёж, грызня, беготня*) или, наоборот, ослабленного (например, суфф. *-инк(а), -ец(а): шипинка, сутулинка, хитринка, хитреца, наглеца*) – или со значением отрицательной оценки (слова на *-шина, -енчество*). Интенсивность или чрезмерность, избыточность признака выражается и в некоторых мутационных словообразовательных типах, например в существительных на *-ун* (*болтун, хохотун*), *-ан* (*критикан, ушан, пузан*), в прилагательных с суфф. *-аст(ый)* (*зубастый, глазастый, скуластый*), с формантом *за- ... -енн-/-нн-* (*залесённый, загазованный*).

Характерно, что интенсивность либо, наоборот, ослабленность процессуального (глагольного) признака тесно связана с такими акциональными (и в принципе неоценочными) компонентами глагольной семантики, как длительность, кратность, результативность, и нередко трудноотделима от этих семантических компонентов, что особенно хорошо видно на примере некоторых способов глагольного действия: ср., с одной стороны, способы интенсивно-результативный (*загонять, отстроить, докричаться*), накопительный (*нарубить*), дистрибутивный (*побросать, перекусать*), а с другой стороны, прерывисто-смягчительный или длительно-смягчительный (*посматривать, полеживать*). Вместе с тем несомненно, что такие акциональные модификации глагольного действия, как, например, *гулять – прогуливаться, ходить – похаживать, придумать – напридумывать* или *понапридумывать* и т. п., выступают в одном оценочном комплексе с другими, неглагольными, средствами интенсификации признака.

Особую проблему «грамматики оценок» представляет собой учет лексических ограничений на использование тех или иных оценочных средств, особенностей лексического наполнения оценочных конструкций.

В заключение необходимо подчеркнуть: актуальность проблемы оценочных грамматических средств связана с тем, что эта проблема

укладывается в более широкую проблематику, выдвигаемую в современной лингвистике на передний план и определяемую как «язык и человек» или как «человеческий фактор в языке». В этой связи грамматическое описание системы оценочных средств языка должно стать одновременно описанием системы тех ситуаций языкового общения, в которых эти оценочные средства актуализируются.

Примечания

[1] *Шведова Н. Ю.* Один из возможных путей построения функциональной грамматики русского языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985. С. 35.

[2] *Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М., 1985.

[3] Следует, однако, иметь в виду, что некоторые из этих характеристик могут рассматриваться как «частнооценочные» по отношению к «общеоценочному» параметру «хорошо – плохо» (см.: *Арутюнова Н. Д.* Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М., 1988. С. 75–77).

[4] Виноградов В. В. Русский язык: Грамматическое учение о слове. М., 1947. С. 663.

[5] Ср., например, так называемые формы вежливости; выражение категоричности суждения или просьбы, приказания в бессубъектном употреблении форм 3 л. мн. ч. типа *Говорят тебе..., Просят тебя помолчать*, выражение различных оттенков побуждения (просьбы, приказания) разными видовыми формами императива и инфинитива (см. также: *Лопатин В. В.* Императивность и оценочность // Функционально-типологическое направление в грамматике: Повелительность. Тез. докл. конф. Л., 1988). Статья перепечатана: с. 560–561 данного издания.

[6] Хотя чрезвычайно выразительна, например, оценочная функция обозначения высокой интенсивности признака или его полного отсутствия для родительного партитивного: *Народу-то!; Билетов – ни одного* и т. п.

[7] Подробнее см.: *Лопатин В. В.* Словообразовательные средства субъективно-оценочной прагматики высказывания и текста // Русский язык: Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. М., 1987. Статья перепечатана: с. 543–559 данного издания.

[8] См.: *Ревзина О. Г.* Структура словообразовательных полей в славянских языках. М., 1969. С. 20.

Словообразовательные средства субъективно-оценочной прагматики высказывания и текста

[В сб.: Русский язык. Языковые значения в функциональном и эстетическом аспектах. М., Наука, 1987]

I. Не подлежит сомнению, что так называемый субъективно-оценочный компонент высказывания относится к той функциональной сфере языка, которую современные исследователи обычно называют прагматикой[1]. Актуализируя отношение говорящего к высказываемому, к ситуации, к собеседнику, субъективно-оценочный компонент несет в себе экспрессивное содержание, «наслаивающееся» на содержание понятийное (когнитивное, пропозициональное) и противопоставленное ему по ряду признаков, прежде всего в силу своей факультативности, необязательности.

Основным, базовым, и наиболее регулярным грамматическим средством, формирующим названный прагматический компонент языка, являются «субъективно-оценочные» словообразовательные аффиксы. Рассмотрим особенности их функционирования. Материалом для наших наблюдений будут суффиксальные так называемые уменьшительно-ласкательные (деминутивные) образования – существительные, прилагательные, наречия.

Традиционное название этих образований – «уменьшительно-ласкательные» – в значительной степени условно. В них обращает на себя внимание прежде всего размытость функциональных очертаний. Это их свойство было замечено грамматистами уже давно: так, А. А. Потебня отмечал, что подобные образования во многих случаях лишены уменьшительно-ласкательного значения и служат лишь общему экспрессивному «освещению» речи[2]. Развивая эту мысль, В. В. Виноградов писал в связи с разбором прилагательных на *-енький,* что «экспрессивные оттенки, присущие этим формам, крайне разнообразны и противоречивы»[3].

Экспрессивная функция уменьшительно-ласкательных образований варьируется в зависимости от конкретной ситуации высказывания в самых широких пределах. Одно и то же образование может служить в различных ситуациях выражению диаметрально

противоположных оценок. Ср., например, различные оценки ситуации, выражаемые с участием одного и того же субъективно-оценочного существительного *ударчик* в следующих двух высказываниях: (1) А *ударчик* – самый сок, прямо в верхний уголок! (А. Вознесенский); (2) Но *ударчик* получился слабенький, и мяч в ворота не попал (из телерепортажа о футбольном матче).

II. В словообразовательных исследованиях до сих пор господствует такой подход к субъективно-оценочным образованиям, который ограничен пределами отдельных слов. Этот подход нельзя не признать малоперспективным, а обычные словарные и грамматические дефиниции образований с деминутивными суффиксами («уменьшительно-ласкательное» или просто «ласкательное») недостаточными, в лучшем случае условными. Функции субъективно-оценочных образований необходимо изучать в широком контексте с обязательным учетом речевой ситуации. Только в этом случае могут быть выявлены разнообразные типы их употребления, когда выражаемая тем или иным оценочным образованием экспрессия не ограничивается рамками самого этого образования (производного слова) и, следовательно, не относится только к обозначаемому этим словом предмету или признаку, а служит экспрессивной окраске высказывания в целом, отражающей определенное отношение говорящего к ситуации или к собеседнику. Такими отношениями могут быть:

1. Экспрессивное представление, оценочная интерпретация ситуации в целом.

1.1. Удовольствие, восторг, восхищение по поводу ситуации: (3) Но такая поклевка – мечта. Если клюнет таким образом *разиков* шесть за утро, считай себя удачливым рыбаком (В. Солоухин). Уменьшительно-ласкательная форма *разиков* вместо *раз* усиливает здесь выражение восторга от всей ситуации – счастливой для рыболова поклевки; (4) Старик... ответил: – А я каждый выходной езжу в лес. Возьму *бутербродиков, чайку* в *термосок,* и оно хорошо (из газетного очерка); (5) А сверху уронили *топорик.* А пролет там восемьдесят *метриков.* Мама моя, какой это был звук! (Е. Штенгелев); (6) У «Сметливого» [миноносца] *ходик* тоже дай бог (М. Годенко); (7) – Ого, *туманчик*-то! (В. Распутин); (8) – *Ясненько!* – Пафнутьев подморгнул взводному (В. Астафьев). См. также пример 1. Заметим, что в примерах 7 и 8 субъективно-оценочное образование равно целому высказыванию, диалогической реплике.

1.2. Недовольство, осуждение, возмущение, дискредитация ситуации: (9) Все его ждут, а он тут в буфете *кефирчик* пьет! (из устной речи). Здесь уменьшительно-ласкательная форма усиливает недовольство поведением лица, о котором идет речь; (10) Они не играют, а катают *мячик* по полю (из устной речи). В этом высказывании выражено осуждение плохой игры футболистов; (11) *Хорошенькое* дело! или *Хорошенькое дельце*! (из устной речи). Имеются в виду дело, ситуация вовсе не хорошие, а категорически осуждаемые; (12) *Веселенький денек*, ничего не скажешь! (из устной речи). Произнесенное с особой интонацией, это высказывание указывает вовсе не на веселый, а на отмеченный какими-либо отрицательно оцениваемыми событиями день; в то же время при другой интонации сочетание *веселенький денек* может означать день именно веселый, радостный; (13) – *Защитничек* нашелся. Много вас таких! (В. Распутин); (14) – А кому в город ехать? Мне, *чтоличка?* (А. Алдан-Семенов). В этих высказываниях также выражается недовольство ситуацией: кто-то защищает того, кого, по мнению говорящего, не следует защищать; говорящему предстоит совершить субъективно неприятную поездку в город. См. также пример 2; (15) А надо бы брать удачу, Как в жены берут невест. Гордо. Открыто. Трепетно. С песнями на пиру. А не с фальшивым лепетом. И не ползком в нору. В *тайненькую*. В *укромненькую*. Только бы без людей. Прятать там в щелку *темненькую* Хищный запас рублей (С. Островой).

2. Экспрессивное отношение говорящего к собеседнику.

2.1. Собственно ласкательность, указание на то, что говорящий собеседника любит, что собеседник ему мил, дорог либо просто симпатичен, приятен. При этом уменьшительно-ласкательной суффиксации может подвергаться не только само название лица – собеседника (ср., например, ласкательные формы личных имен, терминов родства), но и названия связанных с этим лицом предметов, качеств и т. п.: (16) [Соня:] (Нежно). Илья Ильич нам помощник, правая рука. Давайте, *крёстненький*, я вам еще налью (А. Чехов); (17) [Сорин – Нине:] *Глазки*, кажется, заплаканы... Нехорошо! (Он же); (18) [Ксения:] Милый мой жених, прекрасный королевич, не мне ты достался, не своей невесте – а темной *могилке* на чужой *сторонке* (А. Пушкин).

2.2. Подчеркнутая вежливость, любезность (или притворная любезность): (19) – Ну, всё в *порядочке*. Не волнуйтесь и не беспо-

койтесь (М. Булгаков); (20) – *Рыжичка* соленого не хотите ли? А *колбаски*? (Ю. Нагибин); (21) С виду такой тихенький, говорит так деликатно: «Одолжите *ножичка* починить *перышко*», а там обчистит так, что только одну рубашку оставит на просителе (Н. Гоголь); (22) *Документик* ваш предъявите (из устной речи); (23) Зайдите *денька* через два (из устной речи); (24) Разрешите *вопросик* задать (из устной речи); (25) – Дайте, пожалуйста, *карандашик*. – Возьмите карандаш (из устной речи, диалог).

Примеры показывают, что в побудительных предложениях, содержащих просьбу, уменьшительно-ласкательные образования усиливают вежливость просьбы.

2.3. Фамильярность или непринужденность обращения к собеседнику, часто также при усилении побуждения: (26) ... спросил меня привычно: «Под *вальсок*?» (Е. Евтушенко); (27) Пойдем сейчас в *шахматишки* сыграем (В. Шукшин); (28) Заеду к вам на *месячишко* (из устной речи); (29) Ну, как у вас *обстановочка*? Как *делишки*? (из устной речи); (30) Ну, *скоренько*! *Быстренько*! (из устной речи); (31) – А ну, заводские, – прикрикнул он. – А ну, волгари, *ремесленнички*! Подтянись (Л. Кассиль).

3. Подобная экспрессия – ласкательность либо фамильярность – может проявляться и по отношению к лицу, не являющемуся адресатом речи. Ср.: (32) Иди ко мне на *ручки* (обращение к ребенку) и (33) Возьми его [ребенка] на *ручки* (из устной речи). И здесь суффиксации также подвергаются названия связанных с данным лицом предметов. Так, образование *ручки* используется не потому, что руки заслуживают уменьшительно-ласкательной квалификации, а потому, что заслуживает ее ребенок, о котором идет речь[4]. Ср. также: (34) Он уже ходит в *садик*; (35) Надо его устроить в *яселькu*; (36) Он еще очень маленький, ему только два *годика* (все примеры – из устной речи); (37) А Алеша все это время стоял в *уголочке* и плакал (А. Гельман).

Как видно из приведенных примеров, в выражении указанных экспрессивных отношений нередко участвуют наряду с субъективно-оценочными образованиями собственно лексические средства (глагол *катают* в примере 10, *хорошо* в 4-м, *не беспокойтесь* в 19-м, *милый* и *прекрасный* в 18-м и т. д.), некоторые грамматические формы (например, родительный партитивный *ножичка* в примере 21, ед. число императива *подтянись* при обращении ко многим лицам в примере 31), а также междометия, экспрессивные

частицы (*ого* и *-то* в 7-м, *ну* в 30-м, *а ну* в 31-м) и близкие к междометиям оценочные слова и выражения (*мама моя* в 5-м, *дай бог* в 6, *мечта* в 3, *самый сок* в 1, *ничего не скажешь* в 12, *много вас таких* в 13-м). В звучащей речи все такие высказывания оформляются также интонационно.

III. Особого внимания заслуживает место субъективно-оценочных образований в синтаксическом (в широком смысле) строе высказывания[5].

В этой связи должны быть отмечены прежде всего закономерности «внешнего» синтаксиса – сочетаемости рассматриваемых образований с другими словами в высказывании. Замечено, что субъективно-оценочные образования очень часто «согласуются» в пределах высказывания между собой. В частности, прилагательные и наречия с суфф. *-еньк-* (*-енько*) усиливают экспрессию (во всех ее разновидностях), создаваемую в том же высказывании субъективно-оценочными существительными, содержащими уменьшительно-ласкательные суффиксы, и выполняют, таким образом, функцию интенсификации оценки. В этой связи В. В. Виноградов писал: «Относясь к имени существительному в уменьшительно-ласкательной форме, прилагательные на *-енький, -онький* выражают своеобразное экспрессивное согласование с ним (ср.: *голубое платье – голубенькое платьице*... и т. п.). В таком сочетании эти формы лишь обостряют и усиливают эмоциональную окраску определяемого предмета»[6]. (38) Рудин взял *тоненькую книжонку* в руки, перевернул в ней несколько страниц... (И. Тургенев); (39) – *Хорошенькая* у вас *квартирка*... очень, очень даже *удобненькая*! – похвалил он (М. Салтыков-Щедрин); (40) Я... воображаю *чистенький беленький домик* с башенкой (А. Чехов); (41) *Водевильчик пошловатенький* и *скучноватенький*, но в провинции пойдет (Он же); (42)... *черноватенькая фигурочка* без калош и без шапки испуганно пробегала меж них (А. Белый); (43)... скромно и *серенько* сквозь стекло лился последний *жиденький светик* (М. Булгаков); (44) Цепи Ная растянулись и стали гулко рокотать по стреле беглым непрерывным огнем, встречая колдовским образом вырастающие из земли *темненькие цепочки* неприятеля (Он же); (45)... и вот я увидел, как заковылял по траве ко мне человек в *рваненьком пальтишке* и *сапожишках* (Он же); (46) В *комнатке*... *чистенько*, *занавесочки*, *скатерочки* на столах – уютно (В. Шукшин); (47) За

окном дробятся негустые огни *старенького городка* (В. Астафьев); (48)... из земли бледной *прозрачненькой* зеленью сочилась новая *травка* (В. Распутин); (49)... *молоденькие морячки* в форменках и тельняшках (В. Богомолов); (50) Володя Смирнов – *росточку* небольшого, *рыженький*, весь в веснушках, *остренький*... (А. Васильев); (51) В минувшем году были модны: пальто и юбки из твидовых тканей... платья из крепдешина и креп-жоржета... Мы же агитируем за *веселенький кримпленчик* (из газеты).

Рассматриваемое словообразовательное «согласование» проявляется более разнообразно, чем обычное для прилагательных морфологическое согласование. Это далеко не всегда согласование прилагательного с тем существительным, которое им синтаксически определяется (ср. примеры 43, 46, 48, 50). В отличие от регулярного, обязательного согласования в морфологических категориальных значениях (роде, числе, падеже) данное «согласование» (в словообразовательных формах) факультативно. Так, сочетание *голубенькое платьице* возможно в той же мере, в какой возможны *голубое платьице* и *голубенькое платье*, а в примере 2 могло бы быть употреблено не только сочетание *ударчик... слабенький*, но и *удар слабенький*, и *ударчик слабый*, и даже *удар слабый* (вовсе без субъективно-оценочных суффиксов) – сочетания, выражающие одно и то же содержание и различающиеся лишь степенью экспрессии. Это вообще характерный признак прагматической сферы языка – возможность выбора для говорящего: употребить или не употребить то или иное языковое средство.

Нередко подобные уменьшительно-ласкательные образования употребляются в высказываниях наряду со словами, л е к с и ч е с к и обозначающими малые размеры или невзрослость существа, усиливая собственно уменьшительно-ласкательную экспрессию: (52) Потом приходит Савва... и с ним *бородатенький старичок*, доктор, необычайно *малого роста*, как *гномик* (Ю. Трифонов); (53) Очень трогательная *девочка*, *стройненькая*, еще хрупкая (И. Бунин); (54) *Школьницу*, раскапризничавшуюся на выпускном вечере, напоминала она... *Подбородочек* ее совсем смялся, щеки сместились кверху и сделались *пухленькими*, нос – *курносеньким*, *крылышки* его сердито расширились, и все чаще подрагивали *детски* острые ресницы (В. Астафьев); (55) – Я всю жизнь любила вот такого *худенького*, *лупоглазенького мальчика* (Он же); (56) Родился *сын*, *пылиночка*, *лобастенький*, *горластенький* (Р. Казакова); (57) Когда сделалось возможным заглянуть за поленницу,

увидели там одного-единственного *длинненького*, *слепенького*, *темненького* с коричневóй *детеныша* (В. Солоухин)[7].

При еще более широком взгляде на подобное «согласование» к нему должны быть отнесены и другие разнообразные случаи «нагнетания» деминутивных образований в пределах одного высказывания или ряда высказываний (явление, характерное для фольклора, для разговорной и художественной речи).

Но наряду с такими случаями нередки высказывания с единичными деминутивами. Особого внимания в интересующем нас синтаксическом аспекте заслуживают высказывания, где единственным выразителем уменьшительно-ласкательной экспрессии является прилагательное или наречие. Форма прилагательного (наречия) нередко выражает здесь субъективную оценку лица, предмета или признака, называемого определяемым словом: указывает на маленький по размерам предмет или лицо, либо на лицо очень молодое, не вполне взрослое, либо на признак, проявляющийся в очень слабой степени. Таким образом, субъективно-оценочная экспрессия относится в подобных случаях не к денотату слова, в котором она выражена, а к денотату слова, им определяемого. Ср., например, *старшенький*, *большенький*, *меньшенький* как эпитеты, характеризующие одного из нескольких маленьких (невзрослых) детей одних и тех же родителей. Ср. также: (58) *Голубенький*, чистый Подснежник-цветок! (А. Майков); (59) Вот на меня застенчиво, грустно смотрит старый знакомый мой – Дон-Кихот – *деревянненькая* игрушка (Е. Евтушенко); (60) Будет там эта *курносенькая* хохотушка, учительница немецкого языка (В. Шукшин); (61) ...не отрываясь, смотрел на бегучую подпись матери и явственно видел ее: *носатенькую*, с оттопыренными ушами... (В. Астафьев); (62) Отец Александр... блестел и искрился у *золотеньких* огней (М. Булгаков). Огни (в церкви) были маленькие, слабые, и это подчеркивается формой прилагательного; (63) Доктор Яшвин усмехнулся *косенькой* и странной усмешкой (Он же); ...улыбаясь своей *странненькой* улыбкой (Он же). Речь идет о слабой, лишь слегка обнаруживающейся усмешке, улыбке; (64) ...оставил однажды включенной сорокасвечовую лампочку, *желтенько* светившуюся под потолком комнаты (В. Солоухин). Речь идет о слабом свете; (65) *Вприсядочку* танцуют *румяненькие* русские (Е. Евтушенко). Речь идет о маленьких фигурках представителей разных национальностей в Диснейленде.

IV. Кроме «внешнего» синтаксиса уменьшительно-ласкательных образований необходимо обратить внимание на закономерности их «внутреннего» (внутрисловного) синтаксиса[8], конкретно – на семантику основ, к которым присоединяются уменьшительно-ласкательные суффиксы. Эти суффиксы тяготеют к основам, лексически выражающим либо 1) маленький предмет или слабую (ниже нормы) степень проявления признака, свойства, либо 2) свойство, осознаваемое как положительное, приятное, доставляющее удовольствие, либо 3) свойство, осознаваемое, наоборот, как достойное сожаления или осуждения. Обратимся к трем названным группам образований[9].

1. Уменьшительно-ласкательный суффикс *-еньк-* легко и часто присоединяется к основам прилагательных (и наречий), лексически выражающих слабые проявления подвижных (градационных) признаков: *слабый, тонкий, узкий, низкий, худой, тощий, жидкий, редкий, короткий, краткий, тихий, легкий, бледный, глухой* (о звуке), *простой, скромный, молодой, дешевый* и т. п., а также прилагательных с суфф. *-оват-*, выражающих ту же слабую степень проявления признака, типа *розоватый, черноватый, рыжеватый*. В таких образованиях – *слабенький, реденький, тоненький, коротенький, розоватенький* и т. п. – суфф. *-еньк-* экспрессивно подчеркивает семантику слабого проявления признака[10]: (66) Бобчинский и Добчинский, оба *низенькие*, *коротенькие*, очень любопытные... (Н. Гоголь); (67) ...какие-то пожилые женщины *сухенького* вида (М. Булгаков); (68) ...а в самом Городе постоянно слышались *глухонькие* выстрелы на окраинах: па-па-пах (Он же); (69) «Пэтурра, Пэтурра», – *слабенько* повторил Турбин и усмехнулся, сам не зная чему (Он же); (70) Ночное зарево полощется Сквозь веток *реденькую* прорезь (Б. Пастернак); (71) По обоим берегам зажглись на столбах огни, и по воде, поперек реки, заструились *тоненькие светлые* вилюшки (В. Шукшин); (72) Третий старик, *низкорослень*кий, говорит: «Он был небольшой. С меня ростом» (Ю. Трифонов); (73) Село *небольшенькое,* стоит при бойкой трассе (Н. Грибачев); (74) – Она, что же, под стать тебе, рослая, Маруся? – Что ты! *Дробненькая*... (В. Солоухин); (75) Сегодня я отчитаюсь очень *кратенько* (из устной речи). См. также примеры 2, 38, 41–43, 48, 49, 55; (76) Волосы у него были щетинистые, глаза *узенькие*, губы толстые, вообще был он очень некрасив (А. Чехов); (77) Он высокий, а она *низенькая* (из устной речи); (78) Эти спицы толстые, а эти – *тоненькие* (из устной

речи). Обратим внимание в этих примерах на отсутствие суфф. *-еньк-* в прилагательных, обозначающих сильно выраженный признак: *толстые, высокий.* (79) Непрочный огонь пожрал бумагу... и в магазине сразу потемнело. В *сереньких* тенях лепились полки по стенам (М. Булгаков). Серые тени – слабые, нечетко выраженные, т. е. относится к той же группе «слабых» признаков; (80) В *ранненьких* сумерках мелькали, погромыхивая, фуры, брели серые отдельные папахи (Булгаков). Для осмысления прилагательного *ранненький* в этом предложении необходимо знание пресуппозипии: речь идет о событиях, происходящих ранним утром, на рассвете; именно для рассветных сумерек, а не для закатных ранний – значит слабый, характеризующийся самым слабым освещением.

В то же время для основ антонимичных прилагательных, обозначающих сильно выраженные признаки (*сильный, тяжелый, широкий, высокий, толстый, крепкий, длинный, громкий, густой* и т. п.), сочетаемость с уменьшительно-ласкательным суффиксом *-еньк-* менее характерна и объясняется, как правило, другой причиной (рассмотренной выше) – необходимостью обозначить малые размеры определяемого предмета (в том числе лица) или незрослость лица, животного. Так, *толстенький* человек – это одновременно и человек маленького роста; прилагательным *длинненький* можно определить только какие-либо маленькие предметы, имеющие удлиненную форму (см. пример 57); ср. также: (81) ...и рука услышит, что там, в глубине, на дальнем и тайном конце удочки, висит *тяжеленькая* живая рыбка (В. Солоухин); (82) – Мишутка не болен? – спросил он после паузы.– Нет, он растет *крепонький*, – сказала она ровным голосом (А. Фесенко).

Такую же, как и в прилагательных со значением «слабых» признаков, функцию – подчеркивания малых размеров или малой степени проявления чего-либо – выполняют уменьшительно-ласкательные суффиксы:

а) в соединении с основами существительных – названий малых предметов, невзрослых существ, малых отрезков времени и т. п.: *капелька*; *ребеночек, котеночек, теленочек* и т. п.; *минуточка, секундочка*, а в некоторых контекстах также *часик* (и *часок*), *денек, годик* (и *годок*) и т. п., например: (83) ...решили пожить [на даче] до холодов, ребятам последний вольный *годик* до школы (Ю. Трифонов). Здесь год субъективно оценивается как малый отрезок времени; см. также пример 36.

С этим связана также функция усиления уменьшительно-ласкательной экспрессии у вторичных деминутивов: ср. *грибок – грибочек, ковшик – ковшичек, болотце – болотечко, избушка – избушечка, полянка – поляночка, бабуля – бабуленька* и т. п.; ср. также *ручонка – ручоночка*: (84) черная замшевая рука протряслась там безвластно, была она не рука, а... *ручоночка* (А. Белый);

б) в соединении с наречиями, обозначающими малые расстояния, малые степени проявления чего-либо, малые отрезки времени, например: *рядом – рядышком, недалеко – недалечко, чуть – чуточку* и *чуток, ничуть – ничуточки, нисколько – нисколечко, легонько – легонечко, тихонько – тихонечко, полегоньку – полегонечку, потихоньку – потихонечку, понемногу – понемножку, немного – немножко* и вторичные *понемножечку, немножечко*; *только* (во временном значении) – *толечко*: (85) Я *толечко* встала (из устной речи); (86) А я, как *толечко* разобьем фоминовскую банду, надбегу его проведать (М. Шолохов)[11].

2. Суфф. *-еньк-* подчеркивает положительную оценку, соединяясь с основами таких слов, как *милый, родной, красивый, хороший, новый, свежий, умный, здоровый* (антоним к *больной*) и т. п.: (87) [Сорин:] Она сегодня *красивенькая* (А. Чехов); (88) Витьке понравилась девушка – миловидная, *стройненькая* (В. Шукшин)[12]; (89) ...практикантка, испанистка, *умненькая*, сообразительная, все делала быстро (Ю. Трифонов). См. также пример 39.

Некоторые качественные прилагательные приобретают таким образом положительную экспрессию в зависимости от субъективной оценки говорящего или от ситуации речи. Так, слово *простенький* (*простенькое платьице* и т. п.) может содержать положительную оценку, но лишь при условии, что «простое» нравится говорящему или что оно более уместно в определенной ситуации. То же относится к ситуации, отраженной в примере 81: здесь *тяжеленький* оценивается как положительное свойство пойманной рыбки. Ср. также: (90) Хочется чего-нибудь *сладенького* (из устной речи); (91) Дай мне чего-нибудь *холодненького* (из устной речи); (92) Дай ему чего-нибудь *горяченького* (из устной речи); (93) Ты лучше встань... да угости пришляка *тепленьким* (С. Есенин). Во всех этих примерах подчеркиваемое суфф. *-еньк-* свойство того или иного кушанья или напитка расценивается как положительное. В примере 90 это определяется субъективным вкусом говорящего (человек, не любящий сладкого, не скажет «сладенького»); в

остальных трех – пресуппозицией. Примеры 92 и 93 предполагают ситуацию, при которой человек пришел с холода или вообще замерз, пример 91 – противоположное обстоятельство, жару. Только в этих противоположных обстоятельствах теплое или горячее, с одной стороны, и холодное – с другой, оцениваются со знаком «плюс».

Несомненна положительная оценка признака в образованиях на *-оньк*ий от прилагательных, обозначающих слабо проявляющиеся признаки, в следующих примерах: (94) ...И шпор твоих *лёгоньк*ий звон (А. Ахматова)[13]; (95) Они же [ее ресницы] не касаются его, но он их слышит, *мягонькие* такие... (В. Астафьев).

3. Очень широко сочетается суфф. *-еньк-* с основами слов, обозначающих признаки, свойства, рассматриваемые как отрицательные, со знаком «минус»: *жалкий, плохой, глупый, слабый, бедный, старый, хромой, кривой, горбатый, скучный, захудалый, рваный, подлый, пошлый, дрянной, паршивый, поганый, гадкий* и т. п. Оценочная экспрессия таких образований колеблется в очень широких пределах – от сожаления или даже сочувствия носителю данного признака до резкого осуждения, возмущения, негодования: (96) ...Но тут кошель прорвался... И нищий *нищеньким* по-прежнему остался (И. Крылов); (97) Лежал я тогда... лежал *пьяненьки*й-с (Ф. Достоевский); (98) ...*жалкенький* рваный пиджак (А. Чехов); (99) Она горько заплакала, легла и... показалась такой маленькой, жалкой, *глупенькой* (Он же); (100) ...трюхнул жидкий, *дрянненьки*й колокольчик (Ю. Тынянов); (101) – Ах, как ты подряхлел, Иона, боже, до чего ты *старенький*! – заговорил князь, волнуясь (М. Булгаков); (102) Дядька затрясся, заплакал и сделался с этого дня вроде *малахольненьким* (В. Астафьев); (103) Трясущиеся старушки в черном прячутся по углам [в церкви]... Настроение елейное, *постненькое* (М. Щеглов); (104) Там воротник только *скучненький* какой-то [о фасоне блузки] (из устной речи); (105) ...немало ребят [футболистов] не совершенствует мастерство, «замерзает» на *средненьком* уровне (из газеты). В данном контексте *средний* – оценка отрицательная; (106) Что там найду я? Ханжество, Поруганную честь, Нахальной дряни торжество И *подленькую* месть (Н. Некрасов); (107) Ваши мышцы просят пощадить их, в вашем мозгу стучит порой эдакое... *коварненькое*: «Не надо, хватит, отдохни, предел»... Смело шагайте через предел (из газеты). Кроме резко отрицательной оценки в этих примерах подчеркивается мелоч-

ность, ничтожность определяемых словами *подленький*, *коварненький* поступков, побуждений, мыслей и т. п.

Особого комментария заслуживает получившее распространение в публицистике последних десятилетий употребление суфф. *-еньк-* для подчеркивания фальшивости качеств, которые сами по себе заслуживают одобрения или сочувствия, но в определенных ситуациях, в силу своего чисто внешнего, показного проявления, резко осуждаются как ложные. Таково, например, экспрессивное наполнение прилагательных *добренький, бодренький* и др. в следующих контекстах: (108) – Скажи этим добрым людям, что они... не добрые. Это они со стороны добрые... *добренькие* (В. Шукшин); (109) Мы не имеем права быть *добренькими,* мы должны быть добрыми, должны думать о каждом человеке (А. Васильев); (110) Не бойтесь гневных, Бойтесь *добреньких,* Не бойтесь скорбных, Бойтесь *скорбненьких*. *Несчастненькие* им под стать. Всегда с глазами смутно-красными, Чтоб никому не помогать, Они прикинутся несчастными (В. Федоров); (111) Можно столкнуться и с остаточными явлениями «фанфарных» изображений героизма и героя в духе *бодренького* «оптимизма» (из газеты).

Во всех употреблениях, рассмотренных в разделе IV (пп. 1–3), уменьшительно-ласкательные суффиксы играют важную в прагматической интерпретации высказывания роль актуализатора или интенсификатора оценки предмета, признака, ситуации в целом – оценки, потенциально заложенной в самой лексической семантике основ, с которыми данные суффиксы сочетаются.

Эта интенсификация признака может еще усиливаться другими словообразовательными, лексическими и синтаксическими средствами, например префиксом *пре- с* усилительным значением. Отсюда – образования типа *премиленький*, *превеселенький*; ср. также: (112) А он и говорит так *преспокойненько*... (из устной речи).

Нередко такие образования выступают в повторах, выполняющих функцию усиления: (113) Тут мужики и бабы... кланяются *низенько-пренизенько* (М. Пришвин); (114) После клиники и Кисловодска *старенький-престаренький*... финдиректор подал заявление об уходе из Варьете (М. Булгаков); (115) От двери налево вход в нижние помещения, а прямо кверху *узенькая-преузенькая* лестница (В. Солоухин); (116) – А сын у вас черненький. В отца, наверно?.. Ага, я и гляжу, вы светленькие, а он – *черненький-черненький*! (Ю. Трифонов).

Возможны также сочетания типа *очень миленький, слишком чистенький, чрезвычайно подленький*; ср. также: (117) Прыжок исполнил он [фигурист] *очень чистенько* и с хорошим настроением (из телерепортажа).

V. Приведенные в разделах III–IV факты свидетельствуют о большой роли в выражении оценочной прагматики высказывания синтаксических (в широком смысле) средств – как внешней (в рамках высказывания) синтактики субъективно-оценочных образований, так и внутренней (в рамках слова) синтактики соответствующих суффиксов. Средства оценочной прагматики обладают, таким образом, своей специфической синтактикой, более того – неотделимы от нее (ср. часто выступающую в современных исследованиях триаду «синтактика – семантика – прагматика»). С этой точки зрения заслуживает внимания высказанная чешским лингвистом И. Польдауфом мысль о необходимости выделения особого «синтаксического плана», выражающего отношение, в частности, и эмоционально-оценочное, лица (обычно – говорящего) к сообщаемому и пронизывающего другие «синтаксические планы» (выражающие собственно содержание сообщения)[14].

VI. Интересующие нас прагматические языковые элементы играют существенную роль не только в отдельном высказывании, но и в больших по протяженности отрезках речи, охватываемых понятием текста, – вплоть до целого художественного произведения. Интересным примером может служить структурно-организующая роль оценочных уменьшительно-ласкательных прилагательных и наречий с суфф. *-еньк-* (*-енько*), выполняющих определенную образно-эстетическую функцию, в романе М. Булгакова «Белая гвардия», где эта функция прослеживается довольно отчетливо. См. примеры 43, 44, 62, 68, 69, 79, 80, а также: (118) *Раненько*, *раненько*, когда солнышко заслало веселый луч в мрачное подземелье, ведущее с дворика в квартиру Василисы, тот, выглянув, увидал в луче знамение; (119) ...в лейтенантских моноклевых окнах потухал живой свет, и из нешироких стеклянных дисков начинала глядеть дырявая *реденькая* нищета; (120) Полковник Козырь-Лешко проснулся в пятнадцати верстах от Города именно на рассвете, когда *кисленький* парный светик пролез в подслеповатое оконце хаты в деревне Попелюхе; (121) Най-Турса встретил

маленький, румяный *странненьким* румянцем, одетый в серую тужурку, из-под ворота которой выглядывало *чистенькое* белье... генерал-лейтенант Макушин; (122) В маленькой спальне Турбина на двух окнах, выходящих на застекленную веранду, упали *темненькие* шторы. Комнату наполнил сумрак, и Еленина голова засветилась в нем. В ответ ей светилось беловатое пятно на подушке – лицо и шея Турбина. Провод от штепселя змеей сполз к стулу, и *розоватенькая* лампочка в колпачке загорелась и день превратила в ночь; (123) ...а за окошком ночь медленно бледнеет да бледнеет... Не только в домике, но во всем мире и Городе была полная тишина. Стеклянно *жиденько-синий* свет разливался в щелях штор. См. примеры 43, 44, 62, 68, 69, 79, 80.

Нетрудно заметить, что прилагательные и наречия с суфф. *-еньк-* (*-енько*) в приводимых цитатах из романа выражают, как правило, слабость проявления признака – чаще светового или цветового, вообще зрительного (*розоватенькая лампочка* – в примере 122, *жиденько-синий свет* – 123, *темненькие цепочки неприятеля*, т. е. выглядящие издали маленькими и не очень отчетливыми, – 44), реже звукового (*глухонькие выстрелы* – 68, *слабенько повторил* – 69). Наряду с такими прилагательными и наречиями в приведенных цитатах нельзя не отметить существительные с уменьшительно-ласкательными суффиксами, а также лексические средства, подчеркивающие те же экспрессивные оттенки – слабость проявления признака, малость, незащищенность предметов и явлений: *домик* (в примере 123), *дворик* (118), *светик* (43, 120), *оконце* (120), *цепочки* (44), *маленькая спальня* (122), *беловатое пятно на подушке* (122), *лампочка в колпачке* (122). Ту же образную окраску создают мотивы серого цвета (в примерах 43, 79, 80, 121), сумрака или сумерек (80, 122; ср. также: *непрочный огонь* – 79, *потухал живой свет* – 119, *скромно... лился последний... светик* – 43, *ночь медленно бледнеет* – 123). Эти мотивы широко представлены и в других местах романа, например: (124) В окнах было сине, а на дворе уже беловато, и вставал и расходился туман; (125) К утру... потухли огни над землей. Но день особенно не разгорался, обещал быть серым, с непроницаемой завесой не очень высоко над Украиной.

Такое употребление субъективно-оценочных прилагательных и других «согласуемых» с ними по смыслу лексических и словообразовательных средств (употребление в целом в тексте романа ненавязчивое, однако достаточно заметное) составляет едва ли не

важнейшую экспрессивно-стилистическую доминанту данного произведения как макротекста. Ее нетрудно истолковать как выражение субъективно ощущаемой зыбкости, непрочности, неопределенности изображаемых событий. Происходящее предстает в восприятии автора и героев романа, а через них и читателя как бы в туманной дымке, как не вполне реальное видение или наваждение. В пользу такого истолкования говорит, между прочим, и особое место снов в образной структуре романа, и господствующий мотив другого произведения того же автора, посвященного событиям той же эпохи, – пьесы «Бег»: мотив сна, определивший и авторскую жанрово-стилистическую характеристику пьесы – «Восемь снов»[15].

Можно говорить и о перекличке этого булгаковского мотива и приема с романом А. Белого «Петербург», в котором важнейшему мотиву города-наваждения, города-сна служит, в частности, подобное же использование оценочных образований.

VII. Приведенный нами материал показывает, что: 1) при всем разнообразии функций субъективно-оценочных словообразовательных средств и размытости их границ в конкретных речевых условиях[16] эти разнообразные функции принадлежат языку, заложены в его системе; 2) эти средства часто находятся в подчинении у высказывания в целом или у отдельных его актантов и – шире – у микро- и макроконтекста; 3) они действуют совместно с другими квалификативными средствами (лексическими, интонационными и др.), образуя с ними единый функциональный комплекс; 4) основными языковыми сферами применения средств оценочной прагматики являются разговорная и художественная речь (в разделе VI изложено одно из возможных наблюдений, показывающих роль прагматических языковых средств в образной структуре художественного текста).

Надо полагать, что проблема синтаксической (в широком смысле – за пределами конкретного производного слова) значимости словообразовательных средств может быть поставлена и применительно к некоторым другим словообразовательным средствам. Выявление таких фактов – одна из важных задач функциональной грамматики русского языка.

Примечания

[1] См., например: *Колшанский Г. В.* Соотношение субъективных и объективных факторов в языке. М., 1975. С. 140 и след.; *Степанов Ю. С.* В мире семиотики // Семиотика. М., 1983. С. 28 и след.; Otázky slovanské syntaxe, IV, 1: Sbornik sympozia «Aktualizační (pragmatické) složky výpovědi v slovanských jazycich». Brno, 1979.

[2] *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968. С. 79.

[3] *Виноградов В. В.* Русский язык: Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972. С. 197.

[4] Устойчивость в разговорной речи сочетаний *взять* (ребенка) *на ручки, идти* (с кем-нибудь) *под ручку* определяется именно актуализацией экспрессии ласкательности или (для второго из этих сочетаний) фамильярности.

[5] Ряд наблюдений в этом направлении содержится также в работе: *Никитевич В. М.* К вопросу о категории оценки в русском языке // Филол. науки. 1960, № 3. Функционированию деминутивов посвящено исследование М. Фенцловой; см.: *Фенцлова М.* Уменьшительное словообразование в русской разговорной речи (с точки зрения носителей чешского языка): Автореферат канд. дисс. М., 1985.

[6] *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 197. Еще раньше это явление было отмечено в работах Н. И. Греча и А. А. Потебни («согласование в степени уменьшительности и – реже – увеличительности». См.: *Потебня А. А.* Указ. соч., с. 72, с примерами из фольклора). См. также: *Огольцев В. М.* Семантико-стилистическая характеристика качественно-оценочных суффиксальных форм прилагательных в русском литературном языке и устной народной поэзии: Автореферат канд. дисс. М., 1964.

[7] Любопытной параллелью к такому смысловому и словообразовательному «согласованию» может служить употребление уменьшительно-ласкательных суффиксальных образований при глаголах, акционально выражающих смягчительную модификацию действия: Он *тихонечко* что-то *насвистывает* (Б. Окуджава); ...шагал, *покуривая махорочку* (Ю. Герман); ср. также *помахивать тросточкой, попивать* чаёк и т. п. Этот факт отмечается аспектологами (см.: *Быкова Л. А.* О видовой соотносительности приставочных глаголов несовершенного вида со значением сложного длительного действия // Уч. зап. Харьковского гос. ун-та. Т. 109. 1960. С. 97).

[8] См., например: *Skalička V.* Hyposyntax // Slovo a slovesnost. 1970, № 1; *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. М., 1977. С. 8, 55.

[9] См. также: *Иванова Н. Ф.* Зависимость значения суффикса *-еньк-* (*-оньк-*) от семантики производящей основы // Уч. зап. Кишиневского гос. ун-та. Т. 100. 1969.

[10] Тяготение суфф. *-еньк-* к основе прилагательного *мал* явилось основной причиной лексикализации прилагательного *маленький,* утратившего субъективно-оценочную экспрессию.

[11] С таким же подчеркиванием малого отрезка времени связана лексикализация и дальнейшая субстантивация (в значении «новичок») прилагательного *новенький*, образованного от *новый* «только что, недавно появившийся».

[12] Тяготение суфф. *-еньк-* к основе прилагательного *хороший* – одна из причин лексикализации слова *хорошенький* в значении «миловидный».

[13] Ср. оценку, данную этой строке М. Цветаевой: «Это нежнее всего, что сказано о любви» (письмо к А. Ахматовой. – Новый мир. 1969. № 4. С. 189).

[14] *Poldauf I.* The third syntactical plan // Travaux linguistiques de Prague, 1: L'Ecole de Prague d'aujourd'hui. Prague, 1964; см. также: *Золотова Г. А.* Очерк функционального синтаксиса русского языка. М., 1973. С. 331–332; *Сковородников А. П.* Экспрессивные синтаксические конструкции современного русского литературного языка. Томск, 1981. С. 5–16.

[15] О роли мотива «снов», фантасмагорических сновидений в произведениях М. Булгакова, посвященных теме гражданской войны, см.: *Яновская Л.* Творческий путь Михаила Булгакова. М., 1983. С. 98, 153, 180–182.

[16] Этими свойствами обладают, естественно, не только рассмотренные здесь уменьшительно-ласкательные (диминутивные) образования, но и увеличительные (аугментативные).

Императивность и оценочность

[Императив в разноструктурных языках. Тезисы докладов конференции «Функционально-типологическое направление в грамматике. Повелительность» Л., 1988]

1. Императивность – функционально-семантическая сфера языка, неотделимая от оценочности. Под оценочными (квалификативными) мы понимаем здесь такие компоненты языка, которые, накладываясь на денотативное, или референтное, или пропозициональное (терминология может быть различной) содержание высказываний, корректируют его с позиций субъекта речи. При таком широком понимании оценочности к ней относятся разнообразные характеристики предметов, признаков, фактов, ситуаций – не только по признаку «хорошо – плохо» (оценочному в узком смысле этого термина), но и по признакам «истинно – ложно», «важно – неважно» и др.

2. Во всякой императивной ситуации присутствуют: во-первых, оценка действия, факта как отсутствующего в реальности, но желательного, целесообразного (при отрицании – нежелательного, нецелесообразного) с точки зрения говорящего; во-вторых, многообразная оценка ролей участников акта, связанная с определенным уровнем их общения (официальность, вежливость, непринужденность, фамильярность, снисходительность, категоричность волеизъявления и т. п.).

Оценочность в узком смысле («хорошо – плохо») грамматически выражается в императивных ситуациях лишь в некоторых специфических случаях, например, в русском языке отрицательная оценка факта – при условии транспозиции форм лица, в обобщенно-личном (*Ему и то подай, и это принеси*) либо в несобственном употреблении (*Натворили дел, а я за вас отвечай*).

3. При выражении ролевой оценки участников речевого акта в императивной ситуации реализуют свои возможности не только глагольные формы (например, видовые, формы вежливости/непринужденности, формы «совместного действия», инфинитив), выражающие разную степень категоричности волеизъявления, но

и другие, сопровождающие их языковые средства – модальные слова и частицы, интонация, повторы и др. Важную роль играют здесь также словообразовательные средства (ср., например, формы *Садитесь!* и *Присаживайтесь!;* употребление субъективно-оценочных именных суффиксальных образований в конструкциях типа *Зайдите недельки через две. Дайте карандашик*), способные формировать также безглагольные императивные высказывания (*Быстренько*!).

Подобные разноуровневые языковые средства служат, таким образом, выражению как собственно императивности, так и оценочности в их взаимодействии.

Собирательность в русском языке. Фрагмент функциональной грамматики

[Русистика сегодня. 1994, № 3]

Характерной и важной чертой грамматических трудов В. В. Виноградова, как и вообще виноградовского направления в изучении грамматики, является обнаружение связей грамматических форм, разрядов и классов с лексическими разрядами и классами. Эта особенность, как представляется, сближает виноградовскую школу с той отраслью современного языкознания, которую принято называть функциональной грамматикой. Последняя, концентрируя внимание на направлении исследования от функций языковых средств к самим этим средствам и рассматривая взаимодействие разноуровневых языковых единиц, не может не учитывать лексики как многообразной сферы приложения грамматических средств[1].

Значительный интерес с этой точки зрения представляет собой категория (или, точнее, согласно принятой в современной русистике терминологии, лексико-грамматический разряд) собирательности. Будучи в своей основе словообразовательно характеризованным разрядом, собирательность в русском языке напрямую связана с категориями числа и рода имени существительного, а также с различными его лексико-грамматическими разрядами. Задача данной статьи – показать эти системные связи на материале, представляющем различные функциональные разновидности современного русского языка.

1. Собирательность и число. В функционально-семантическом поле количественности собирательность занимает совершенно своеобразное место. Семантическая сущность собирательности – выражение нерасчлененной множественности, множественности в единстве, совокупности однородных предметов как единства. Согласно определению в новейшей энциклопедии, собирательность «в сигнификативном аспекте – единство, в денотативном же аспекте она – множество» (ЛЭС, с. 473)*. И хотя «за собирательным именем всегда стоит некоторый ряд дискретных предметов» (там же), в

* См. список словарей в конце статьи.

семантической структуре языка собирательное имя предстает как название несчитаемой совокупности, в полном отвлечении от возможного пересчета этих предметов.

Отсюда – исключительно тесная связь собирательности с грамматической формой единственного числа. Собирательность в современном русском языке проявляется двояко: с одной стороны – как особое (синекдохическое) значение формы ед. ч. конкретных существительных[2], напр.: В этом лесу растут *ель, береза, сосна; Российский предприниматель* – основная база экономических преобразований; *Школьник* нынче пошел любознательный; С вечера все спится, На дворе темно, *Лист сухой* валится... (Фет); с другой стороны – как особые существительные, относящиеся в подавляющем большинстве случаев к singularia tantum: *хлам, старье, студенчество, беднота, листва* и т. п. Собирательные существительные, относящиеся к pluralia tantum, – такие, как *всходы, письмена, деньги, финансы* – исключительно редки и со словообразовательной точки зрения нетипизированны[3]. Это отличает собирательные существительные от других лексико-грамматических разрядов существительных, также обозначающих несчитаемые субстанции, – от существительных абстрактных и вещественных, представленных разнообразными типами как singularia, так и pluralia tantum (ср., напр., *ходьба, варка, развитие* и *хлопоты, нападки; вода, шелк, свинина, кофеин* и *духи́, сливки, опилки*).

Другая связанная с категорией числа особенность собирательных существительных, также отличающая этот лексико-грамматический разряд от других разрядов «tantum-существительных», состоит в том, что это наиболее устойчивый разряд singularia tantum, для которого образование форм множественного числа принципиально нехарактерно, не связано с какими-либо типизированными сдвигами лексической семантики, как у существительных абстрактных (ср. *красота – краса́ты, холод – холода́*) или вещественных (ср. *вино – ви́на, песок – пески* и др.), а у некоторых словообразовательных типов собирательных существительных и формально затруднено (прежде всего – у слов с суффиксом *-j-: тряпье, зверье, старье* и т. п.). Очень редкие формы мн. ч. собирательных существительных наблюдаются только как окказионализмы художественной речи, напр.: всеми *артиллериями* громимая цитадель (Маяковский); Но в несчастный некий час *Духовенств* душней, черней *иночеств* Постигает безумье нас (Пастернак).

Здесь необходимо оговориться, что к разряду собирательных в точном грамматическом смысле этого термина (такую собирательность можно назвать «абстрактной») относятся лишь такие существительные – названия совокупностей однородных предметов, семантика которых несовместима с идеей счета. Поэтому грамматически не принадлежат к разряду собирательных существительные, обозначающие такие совокупности однородных предметов, которые существуют наряду с другими подобными совокупностями, составляющими по отношению друг к другу считаемый ряд, откуда и наличие у таких существительных нормальных форм мн. ч. Таковы, напр., слова *народ* (в знач. «этнос»), *толпа*, *полк, рота, класс, отряд, группа, дружина, коллектив, дворня, стая, стадо, свора,* а также *тройня, сотня, семерка* (группа из семи человек), *десяток* и т. п. Хотя иногда к подобным существительным и применяется термин «собирательность», однако такая собирательность (условно говоря, «конкретная») не может быть отнесена к лексико-грамматическому разряду собирательных существительных.

2. Собирательность и род. Суффиксы собирательных существительных. С категорией рода собирательность связана в первую очередь механизмом словообразовательных типов. Отнесенность собирательных существительных к тому или иному роду определяется в подавляющем большинстве случаев грамматическими свойствами выступающих в их структуре многочисленных суффиксов (всего их более 30).

По преимуществу собирательные существительные относятся к женскому роду, в меньшей степени – к среднему. Мужской род, вообще говоря, собирательным существительным не «противопоказан», однако занимает в этом разряде существительных в целом наименьшее место. Словообразовательно немотивированные (с синхронной точки зрения) собирательные существительные м у ж с к о г о рода – такие, как *хлам, вздор, сброд* – очень редки. К словообразовательно мотивированным собирательным существительным мужского рода относятся следующие ряды образований[4]: 1) слова с суффиксом *-няк-: молодняк,* а также *дубняк, березняк, ивняк, сушняк, редняк, жердняк, выкидняк* (обл. и спец.: бревна, дрова, выброшенные на берег) и т. п.; 2) некоторые слова с суффиксом *-ак* (*-як*): *топляк* (спец.: затонувший лес, бревна), *свежак* (в проф. речи: свежепойманная рыба), *верняк, сплошняк, листвяк* (обл.: лиственни-

цы), *наличняк* (новое прост. и жарг.: наличные деньги), *общак* (новое жарг.: общая собственность воровской группы, банды)[5]; 3) некоторые слова с суффиксом *-ик/-ник: кишечник, лапник* (нарубленные еловые ветки, «лапы»), *пиловочник* (спец.: пиловочный материал – бревна, лес), *мачтовник* (спец.: мачтовый лес), *шпальник* (спец.: бревна, лес, идущие на изготовление шпал), *валежник* (в последнем – отглагольном – морф *-ежник*); 4) сложения с нулевым суффиксом: *бурелом, ветровал* и специальные: *стеблестой, травостой, древостой, мелкорост, разнорост,* а также *тонкомер, толстомер* (о бревнах, стволах); 5) слова с заимствованными суффиксами *-ат*: *пролетариат, патрициат, антиквариат, конфискат* (новое спец.: конфискованные вещи, предметы), *компромат* (новое разг.: компрометирующие сведения); *-итет*: *генералитет*[6]; *-арий* и *-ий*: *инструментарий, эпистолярий* (спец.: чье-н. эпистолярное наследие); *-аж: трикотаж, картонаж* (изделия из картона), *этикетаж* (от этикетка), *трюкаж, эстампаж* (все – спец.).

Обращает на себя внимание тот факт, что из перечисленных суффиксов только суффикс *-няк* специализируется на значении собирательности – как при мотивации существительными, так и прилагательными для него это общее значение словообразовательного типа. В остальных случаях собирательность – частное значение словообразовательных подтипов, слова соответствующих типов выражают не только собирательность.

В собирательных существительных с р е д н е г о рода набор суффиксов невелик, однако к ним относится один из самых ярких, типичных суффиксов собирательности *-j-* (обычно с ударением на флексии при чистой суффиксации). Этот суффикс характеризует собирательные существительные как экспрессивно окрашенные (преимущественно пейоративные) разговорно-просторечные: *зверьё, ворьё, хулиганьё, дурачьё, старичьё, вороньё, тряпьё, волосьё;* новые: *пацаньё, шпаньё, шмотьё;* окказиональные *мещаньё, негритьё* (Маяковский), *птичьё* (Замятин), *листьё* (Багрицкий); то же при мотивации прилагательными: *старьё, рваньё, гнильё,* арготич. *новьё* (о новых, современных, модных вещах – СМА). Однако другая часть мотивированных прилагательными слов с этим суффиксом носит терминологический характер: *сырьё; свежьё, гольё* (*спец.*), *коротьё* (короткий лес, бревна), *долготьё, мелкотьё* (все три – термины лесозаготовительного и деревообрабатывающего дела). Ср. с ударением на основе: *пáлочье, óконье* (от окно; Крылов), *óблачье* (ок-

каз.; Есенин), *подру́чье* (обл.: подручные предметы, орудия; приведено в словаре Даля, встретилось у Федина); окказиональные *повседневье* (все повседневное; Федин), *привычье* (все привычное; Нагибин); при префиксально-суффиксальном способе словообразования: *простонародье, разнотравье* и т. п.

Высокопродуктивен среди собирательных существительных среднего рода (стилистически нейтральных) суффикс *-ств(о): человечество, крестьянство, чиновничество, духовенство, студенчество,* окказ. *пассажирство* (Чехов) и т. п.; как правило, это собирательные названия лиц, однако сюда же относятся и такие образования, как *богатство, имущество, убранство, множество, большинство.* Менее характерно собирательное значение для слов на *-ние/-тие/-ие:* ср. *тканьё* (тканные изделия), *литьё* (металлические изделия), *рукоделье,* а также *командование* (в знач. «командующие»), *население.* К собирательным могут быть отнесены и некоторые существительные с суффиксом *-ив(о)/-ев(о),* напр.: *топливо, курево, жниво, чтиво.*

Но наиболее характерен для собирательных существительных ж е н с к и й род. Собирательность выражается различными суффиксами существительных женского рода II и III склонения. Среди немотивированных собирательных существительных также большая часть относится к женскому роду, напр., *гвардия, милиция, кавалерия, шляхта, плотва,* а также *ерунда, чушь* и т. п.

Из суффиксов собирательных существительных женского рода выделяются как наиболее экспрессивно окрашенные суффиксы *-н(я)* и *-от(а)* (с ударной флексией), характерные для разговорной речи и просторечия и с этой своей стилистической окраской отражающиеся в языке художественной литературы. Таковы, напр., слова с суффиксом *-н(я): малышня, солдатня, матросня, шоферня, волосня, чертовня;* окказионализмы: *босячня:* Командиры у нас – босячня босячней (С. Федорченко, Народ на войне); *петушня:* Петушня орет по селу (Шукшин); *мастеровня*: Москва... шумела, гремела грошами добытыми, поты выжимая из мастеровни (Асеев); ср. также *старухня* (старые люди, старики и старухи – СМА), *попсня* (то же, что попса, произведения поп-музыки – СМА), *фигня* и т. п. грубо-просторечные и арготические образования. Слова с суффиксом *-от(а): мелкота, беднота, нищета* (в знач. «нищие люди»), *темнота* (в знач. «несведущие, необразованные люди»); *босота* и (обл.) *голота* (босяки, неимущие, голытьба): Все

мы, голота, с одной улицы, соседи (С. Федорченко, Народ на войне); разг. *вкуснота* (все вкусное); новые просторечные (из арго) *наркота* (в знач. «наркотики» и «наркоманы»), *мутота* (муть, чушь, ерунда), а также арготические: *вшивота* (незначительные, не заслуживающие внимания люди, от *вшивый* «плохой, неинтересный, ненужный»), *алкота* (алкоголики, пьяницы), *блатота* (люди из блатного мира, воры, рецидивисты; люди, имеющие большие связи, знакомства), *чернота* (жители южных – кавказских и др. – республик) (СМА). Лишены экспрессивно-сниженной окраски слова *родня* и *пехота* (последнее – к тому же с нехарактерным для собирательных существительных на *-ота* ударением).

Близки к суффиксам *-н(я)* и *-от(а)* по экспрессивной окраске и по сферам употребления суффиксы *-ух(а)* и *-ятин(а)*. Ср., напр., недавно проникшие в современное просторечие слова *чернуха* (негативные стороны и факты жизни), *порнуха* (порнография и все, что с ней связано), *развлекуха* (о развлекательном чтении, зрелищах), а также *бытовуха* (в проф. речи оперативников, следователей: бытовые преступления), *ремеслуха* (о ремесленной работе, о том, что выполнено непрофессионально): Все сделано правильно, аккуратно, вроде даже вдумчиво, но все это ремеслуха, вопиет своими противоречиями (А. и Г. Вайнеры), *гнилуха:* Привезли картошки – с южного берега пришли две баржи с гнилухой (М. Годенко); разговорные и просторечные *кислятина*, *тухлятина, пошлятина, серятина;* при мотивации существительным – *брошюрятина: ...* бесчисленные «Разговоры по душам», «Дорогами отцов» и прочая брошюрятина, килотоннами которой заставлены полки библиотек (Дружба народов, 1988, № 2). Особняком стоит в этом ряду разг. *вкуснятина* с положительно-оценочной окраской.

Для разговорной речи характерны образования с суффиксом *-щин(а)*, также по преимуществу пейоративные, типа *военщина, армейщина, уголовщина* (о военных, уголовных кругах), безотцовщина, *детдомовщина* (о сиротах, детдомовцах), а также *элементарщина, примитивщина* (о всем элементарном, примитивном), *иностранщина* (об иностранных обычаях, вещах, словах), *тарабарщина, похабщина.*

В стилистически нейтральных и книжных собирательных существительных женского рода наиболее продуктивны суффиксы *-ij-* и *-ик(а)*. Первый выступает преимущественно в названиях совокупностей лиц: *буржуазия, аристократия, бюрократия, партократия*

(новое), *интеллигенция, кавалергардия;* то же в новообразованиях советской эпохи: *пионерия, комсомолия, инженерия,* в окказионализмах: *холопия* (Булгаков), *дезертирия* (Платонов). Этот суффикс утвердился в русском языке нового времени, выделившись в составе заимствований из западноевропейских языков, и при этом совпал со старым суффиксом *-ij-* в слове *братия*[7], по аналогии с которым возникло, по-видимому, и отглагольное (экспрессивно-оценочное) *шатия.* В другой группе слов на *-ия* семантика собирательности не связана с обозначением совокупности лиц: *драматургия, поэзия* (совокупность литературных произведений), *парфюмерия, кулинария, гастрономия* (совокупность изделий), *бухгалтерия* (разг.: финансовые расчеты) и т. п.

Суффикс *-ик(а)* выступает в названиях совокупностей неодушевленных предметов и явлений, мотивированных как самими названиями этих предметов (существительными), так и прилагательными, обозначающими их признаки: ср., с одной стороны, *автоматика, символика, атрибутика, методика, мелодика, интервалика, синонимика,* а с другой – *периодика, классика, синтетика* (изделия), *пневматика* (механизмы), *оптика* (приборы, инструменты), *сейсмика* (сейсмические условия, явления), *комика* (в проф. речи актеров: комические приемы), новое разг. *конкретика.*

В других собирательных существительных женского рода содержатся суффиксы: *-ость/-ность,* напр.: *растительность, живность, будущность, античность, словесность* (произведения словесного творчества), *наличность* (все то, что имеется в наличии, напр. деньги), *отчетность* (документация), *домашность* (обл. и прост.: домашняя скотина, утварь и т. п.); *-ин(а),* напр.: *всячина, старина́* (старые порядки, обычаи, предметы), *дичина* (дикие птицы, звери), *лепнина* (лепные украшения), *пушнина, рванина, мешанина, писанина, старши́на* (зажиточная верхушка казачества), стилистически обособленное (экспрессивно-оценочное) просторечное *тягомотина; -к(а)/-ловк(а),* напр.: *текучка* (текущие, повседневные дела), *дешевка* (дешевые вещи), *пу́танка* (спец.: обрывки, ненужные нитки от зарядки ткацкого челнока), *отрицаловка* (в проф. речи актеров: отрицательные роли), *обязаловка, развлекаловка; -иц(а)/-лиц(а): конница, вольница, латиница, кириллица, падалица; -ацij-: эмиграция* (в знач. «эмигранты»), *документация; -ур(а)/-атур(а): профессура, клиентура, агентура, резидентура, мускулатура*[8]*; -ар(а)* [орф. также *-ор(а)*] и *-ур(а)* (с ударной

флексией): *мошкара, детвора,* просторечные *пехтура, немчура; -в(а): листва, детва* (спец.), просторечные *братва, татарва, пацанва* (новое), отглагольные *паства* и прост. *жратва; -ёжь: молодёжь, холостёжь; -ль* и *-ть,* чаще в сочетании с префиксом *не-: быль* (все, что было, в противоположность небыли), *опаль* (обл.: опавшие плоды, ягоды, листья; приведено в словаре Даля, отмечено у Л. Мартынова), *небыль, невидаль, нежить* (фантастические существа, нечисть). В единичных существительных – суффиксы *-ытьб(а)* и *-юзг(а): голытьба, мелюзга.*

Нельзя не заметить, что среди всего многообразия суффиксов собирательных существительных четко прослеживается контраст двух функциональных сфер: книжно-литературной, со словами на *-ство, -ия, -ика,* и просторечно-арготической, со словами на *-ьё, -ня, -ота, -уха, -ятина, -ак* (*-як*). В последних суффиксы в силу большей экспрессивности и более активны. Об этом говорят факты вторичного суффиксального эксплицирования собирательности в экспрессивно-сниженных образованиях от существительных, уже имеющих собирательное значение (или значение множественности), напр.: *хламьё, шпаньё* (от *хлам, шпана*), *ребятьё* и *ребятня* (от *ребята*), *бредятина* (от *бред* в знач. «вздор, бессмыслица»), *сволота, мутота* (от *сволочь, муть*), арготич. *центряк* (от *центр* в том же значении).

3. Собирательность и род. Нулевая суффиксация. Особый интерес представляет выражение собирательности нулевой суффиксацией. Здесь, как и всегда при нулевой суффиксации, повышается формально-различительная роль системы флексий мотивированного слова, являющейся единственным материально выраженным компонентом словообразовательного форманта. Показательно, что способом чистой нулевой суффиксации образуются почти исключительно собирательные существительные женского рода – II или III склонения, и, таким образом, та или другая система флексий существительных женского рода, относя слово к определенному морфологическому разряду, одновременно выражает (наряду с нулевым суффиксом) словообразовательное значение собирательности.

Собирательные существительные с нулевым суффиксом III склонения более разнообразны: они мотивируются словами разных частей речи. О сфере продуктивности таких существительных, имеющих не только собирательное, но и – прежде всего – значение

отвлеченного признака, В. В. Виноградов писал: «В сущности этот тип словообразования распространяется лишь в поэтической речи и в языке художественной прозы»[9]. Особенно продуктивен тип существительных, мотивированных прилагательными, напр.: *зелень* (растительность и – у́же – овощи и трава, употребляемые в пищу), *голь* (оборванцы, нищие), *погань* (все поганое, мерзкое; в старину также язычники), *дичь, бездарь, бестолочь* (в знач. «бездарные, бестолковые люди»), *сушь* (сухая земля, сухие ветки), *чернь* (устар.: простонародье, низы общества), а также *пьянь* (прост.), *нечисть, молодь, гниль, прель, рвань, заумь, муть, мелочь*; сюда же *новь* в знач. «непаханная земля», «зерно нового урожая» и особенно в развившемся в советскую эпоху обобщенно-собирательном положительно-оценочном значении «новое в жизни людей» (*новь колхозного* села и т. п.) и противоположное по значению *старь* в таком, напр., употреблении: «Ряды вздвой, Пионерский строй, Старь крой, Новое строй!» (пионерская песня 20-х годов, см.: Комс. правда, 15.III.1972). Ср. также окказионализмы: *скоромь* (от *скоромный* «непристойный, неприличный»): Давыдовская любила Арапова просто потому, что он молод, что с ним можно врать всякую скоромь (Лесков, Некуда); *нудь*: Провода свою тянули нудь (Межиров); *чисть*: ...все эти сыроежки, маслята, волнушки, мухоморы, поганки и прочая грибная чисть и нечисть (Солоухин); *несметь*: Стало ясно, что угриная несметь стремится уйти водой (Нагибин), *хрупь* (от хрупкий), *непролазь* (оба – у Нагибина), *сладь* (Астафьев), *страньо* (от *странный*; Евтушенко) и т. п.

Несколько реже выражается собирательность в отглагольных существительных такой же структуры: ср. *сыпь, обувь, кладь, обрезь* (спец.: обрезки, отходы производства), *закусь* (прост.: все, чем закусывают), *наволочь* и *навись* (об облаках). Ср. также обл. и спец. *ломь* (порубочная ломь); обл. *калечь* (отмеченное и в словаре Даля): Купил у соседей 30 телок и 60 коров, выбраковал старье и всякую калечь из своего стада (Черниченко); ср. окказиональные *рядь* (от *рядиться*): тряхнув оперенья нарядную рядь (Маяковский), *объедь* (объедки): .. .смела со стола объедь, вытряхнула тряпку над лоханкой (Астафьев). Ср. в СМА: *шмаль* (курево, преимущественно наркотики, от *шмалять* «курить, чаще о наркотиках»), *смоль* (курево, сигареты, папиросы, от *смолить* «курить»).

При мотивации подобных слов существительными с конкретным значением собирательность выступает в чистом виде, не ос-

ложненная словообразовательным значением носителя признака. Закрепленных в общем языковом употреблении слов этого словообразовательного типа немного; к ним относятся *цифирь* (в знач. «цифры»), *овощь* (от *овощ*)[10], *зернь* (старинное название игры в кости и самих изображенных на костях очков – «зерен»); о древности подобных образований свидетельствует, напр., древнерусское *чадь* «дети; люди, народ; товарищи, дружина» – от *чадо* «ребенок; потомок; последователь». В окказиональном же употреблении писателей и поэтов нового времени подобных образований можно встретить немало; многие из них создавались и создаются с ориентацией на народную, иногда на архаичную речь[11]. Так, у Лескова находим слова *гадь* (о насекомых) и *приказь* «приказные»: А от сажи... никакая мелкая гадь в стене не заводится (Загон); А тут народу всякого: и послушники, и извозчики, и солдаты, и приказь – это уж самый вредный народ (Соборяне); у Платонова – *стервь:* Отдыху от баб не вижу, а окромя – всяка стервь доносом норовит меня унять (Епифанские шлюзы). Любопытной попыткой «славянизации» слова *птица* выглядит новообразование Л. Леонова *птищь*: Там, где раньше щебетала птищь да путлял сонливый зверь, встали ныне хлипкая брань да железный клекот (Соть)[12]. Примеры из поэзии: *березь, цветь:* Только видели [журавли] березь да цветь, Да ракитник кривой и безлистый (Есенин); *звездь:* Глядит в удивленьи небесная звездь (Маяковский, Про это); *гнусь:* Тут не было места От гнуси летучей, От дикого зверя, От гадов ползучих (Янка Купала, Над рекой Оресссой, пер. М. Исаковского). У Маяковского находим также окказионализмы *рабкорь, пирожень* (от *пирожное*); у Сельвинского – *галочь* (от *галка*); у Панферова – *пролетарь.* У С. Третьякова (в прозе 20-х годов): *партизань:* ... озлобленная таежными скитаниями партизань; там же – *иностранъ* (иностранцы). Последнее отмечено и в СМА, где находим также: *хронь* (алкоголики, букв.: хроники, хронические больные), *порнь* (порнография, порнуха). В современной разговорной речи встретилось нам и слово *голодрань* (голодранцы).

Что касается собирательных существительных женского рода с нулевым суффиксом, относящихся ко II склонению (слов на *-а*), то основной сферой бытования и продуктивности этого словообразовательного типа в современном языке является жаргонно-арготическая сфера, постоянно подпитывающая современное просторечие, примеры чего мы неоднократно наблюдали и выше. Вне этой

сферы – только отдельные общеупотребительные отглагольные образования: *прислуга, обслуга, одежда, еда, пища.* В арготической же сфере собирательность слов на *-а* выступает, как правило, в чистой, модификационной разновидности (мотивирующие – существительные с конкретными значениями). Так, в новейшем словаре арго (СМА) приведены собирательные существительные – названия совокупностей лиц: *абита* и *абитура* (абитуриенты)[13], *диссида* (диссиденты), *интура* (интуристы), *лима* и *лимита* (лимитчики), *фарца* (фарцовщики), *кирза* (солдаты, военные; от *кирзовые сапоги*), *патла* (патлатые, часто о хиппи); к тому же ряду относятся *шиза* (шизики, шизофреники), *вохра* (работники ВОХР – военизированной охраны): Тут у нас спецсанаторий, вохра его охраняет (Виктор Ерофеев). О продуктивности этой модели в прошлом свидетельствуют, напр., характерное для просторечия прошлого века слово *гарниза* (гарнизонные солдаты, команда гарнизона; встречается у Гоголя, Чехова) и новообразования первых революционных лет: *контра* (контрреволюционеры), *комса* (комсомольцы), в также возникшее в профессиональной цирковой среде *униформа* (униформисты). Среди новых собирательных просторечно-арготивных названий такой же структуры, не относящихся к сфере названий лиц, – *фирмá* (фирмовые, иностранные вещи), *джинсá* (изделия из джинсовой ткани), *левисá* (то же; от названия фирмы Lewi's), *парфá* (парфюмерия), а также *дезá* (дезинформирующие ложные сведения) и *компрá* (то же, что компромат): Руцкой... складывал факты в чемоданы, чтобы во благовременье обрушить компру на голову президента (В. Селюнин).

Как видно из приведенных примеров, для рассматриваемой словообразовательной модели характерно, во-первых, свободное, нерегулярное усечение основ мотивирующих слов (отсечение суффикса или части корня) и, во-вторых, преобладание ударения на флексии как общий формальный признак экспрессивно-оценочной собирательности (ср. особенно слова на *-отá* и *-ня*). Единственным формальным средством, сигнализирующим об образовании особого собирательного существительного посредством нулевой суффиксации, является ударение на флексии в слове *мошкá* (в проф. речи: тучи летающих насекомых; мотивирующее – *мóшка* «отдельное летающее насекомое»)[14]. То же средство – в прост. *деньгá* в собирательном значении (*зашибать деньгу* и т. п.)

Рассмотренный тип нулевой суффиксации поддерживается издавна существующими в русском языке морфологическими типами

существительных женского рода на *-а* с собирательным значением, со словообразовательной точки зрения большей частью немотивированных. Сюда относятся две лексические группы: 1) восходящий к древности ряд этнических наименований: *мордва, мокша, чухна, меря, литва* (первоначально – название народа), *карела, мещера, черемиса, ижора, югра, олонча* (обл.: жители Олонецкого края, см. СНЖ) и т. п.; как отголосок этой модели – наблюдаемое в современном просторечии переосмысление слова *чечня* в качестве этнонима (отмеченное и в СМА); 2) восходящий к профессиональным и социальным жаргонам нового времени ряд экспрессивных собирательных наименований, таких как *ерунда, чепуха, ахинея, мура, шпана, шушера;* сюда же относятся новейшие арготизмы *туфта, урла, шобла* и т. п. (см. СМА). Такой же характер носят и некоторые слова женского рода III склонения: к первой из названных лексических групп относятся слова *чудь, весь,* этимологически также *русь* (древние этнонимы), сюда же *гридь* (в древней Руси – младшая княжеская дружина), ко второй – *чушь, шваль, сволочь, дичь* (в знач. «вздор»), *муть,* устарелые просторечные *гиль* и *хинь*[15].

Характерно также, что как существительные женского рода на *-а* оформляются в современном просторечии и арго прямые английские заимствования с собирательным значением, напр., прост. *попса* (англ. pops «произведения в стиле «поп», популярные), *пипла́* «люди» (англ. people), *креза́* «что-л. странное, абсурдное, ненормальное» (англ. crazy «сумасшедший») (см. СМА).

Все эти факты говорят о явной связи собирательной семантики в плане выражения с существительными женского рода, и не только мотивированными.

Впрочем, возвращаясь к нулевой суффиксации, следует добавить, что собирательное значение могут приобретать и существительные с нулевым суффиксом, относящиеся к мужскому роду. Это слова активизировавшегося в современной разговорной речи отадъективного типа, напр.: *криминал* (преступления и все то, что к ним относится), *интим* (интимные вещи, обстановка и т. п.), *примитив* (о всем примитивном, о произведениях примитивистского искусства). Обратим внимание и на уникальное по словообразовательным связям слово *люд.*

4. Собирательность и конкретная предметность. Конкретно-предметное и собирательное значения тесно взаимосвязаны, между ними нет резкой границы, а наоборот, нередки случаи их

взаимопроникновения, синкретизма в выражении обоих этих значений. С одной стороны, собирательность, как уже отмечалось выше, является одним из значений – вторичным, синекдохическим – форм ед. ч. конкретных существительных. С другой же стороны, многие существительные имеют, наряду с собирательным, значение конкретного единичного предмета. Так напр., слово *начальство,* наряду с собирательным значением «начальники, руководители», может обозначать и одного начальника; *родня* – не только родственников (собирательно), но и одного родственника (*он мне родня*), аналогично *бестолочь, бездарь, безотцовщина, деревенщина, немчура, темнота, шпана, контра, пьянь* и др. – не только собирательные названия лиц, но и названия единичного лица (заметим, что это отмечено и в СМА: в современном арго *абитура, лимита, алкота, наркота* и многие другие – это не только собирательные, но и единичные названия лиц, а слово *интура,* напр., толкуется как «иностранец и иностранцы, интурист и интуристы»). То же относится и к собирательным названиям неодушевленных предметов, явлений вообще: так, слова *фирма́, джинса, закусь, чтиво, дешевка* могут применяться к отдельной конкретной вещи, а *верняк, чушь, ерунда, бредятина, мутота, порнуха* и т. п. – к любому конкретному явлению, ситуации, поступку.

Во всех подобных случаях вторичным является уже конкретное значение, и при этом конкретное лицо, предмет, факт интерпретируется языковыми средствами как представитель совокупности однородных лиц, предметов, фактов. Ср. напр.: «И не звони ему больше. Что с ним разговаривать, с *хамьем* таким?!» (из устной речи) или такое употребление окказионального слова *паскудь*: «Но он ... выгнал меня на улицу, да еще сказал, что если я еще раз явлюсь с этой паскудью [имеется в виду письмо], то он свяжет мне руки...» (Хармс).

Примечательно, что для подобных слов характерно отсутствие форм множественного числа даже в конкретных значениях[16], и это их свойство несомненно является формальным признаком синкретичности выражения такими существительными обоих значений – собирательности и конкретности (единичности).

Еще одна линия соприкосновения собирательных существительных с конкретно-предметными – это обозначение учреждений, организаций (или их отделов), состоящих из лиц, названных мотивирующим существительным. Сюда относятся такие слова, как

землячество, представительство, интендантство, директорат, секретариат, редакторат, епископат, регистратура, прокуратура, бухгалтерия (в знач. «отдел учреждения»), *администрация* (ср. *регистратор, прокурор, администратор, бухгалтер* и т. п.). В качестве названий учреждений и организаций здесь выступают слова, выражающие ту собирательность, которая выше (см. п. 1) названа нами «конкретной» и которая совместима с формой мн. ч. Однако образуются такие названия с помощью тех же суффиксов, что и собственно собирательные («абстрактно-собирательные») существительные (см. п. 3).

Другая разновидность «конкретной собирательности» представлена в словах с суффиксами *-няк* и *-ник* типа *дубняк, березняк, сосняк, ельник, осинник:* наряду с чистой, «абстрактной» собирательностью такие слова имеют значение «участок леса, роща и т. п., где растет дерево, названное мотивирующим существительным».

Особый случай – собирательные названия изделий, вторичные от топонимов, обозначающих места их производства: *гжель, хохлома, палех* и т. п.

5. Собирательность и вещественность. Тесная связь собирательности и вещественности как языковых категорий определяется их денотативной близостью. Собирательные имена обозначают дискретную субстанцию, вещественные имена – недискретную, однако граница тех и других субстанций расплывчата уже потому, что вещества могут состоять из одинаковых более или менее мелких предметов – напр., *песок, пыль, порох, икра, крупа, горох, пух, ворс; чай, табак* (как продукты переработки определенных растений, пригодные для употребления) и т. п.; из двух однотипных названий продуктов – *варенье* и *печенье* – первое скорее относится к вещественным, второе же – к собирательным. Одновременно вещественность и собирательность представлены в таких словах, как напр. *фанера, черепица, шифер, вагонка,* – названиях материалов, существующих как совокупность однородных листов, досок, пластинок, плиток и т. п.

Не случайно, что и в самих грамматических средствах выражения этих понятийных категорий нет четкой границы: вещественные и собирательные имена нередко принадлежат к одним и тем же словообразовательным типам и содержат суффиксы, общее значение которых можно определить как собирательно-вещественное. Это относится, напр., к суффиксам *-ив(о), -ятин(а), -к(и), -j-* (к

последнему – в типе отадъективных существительных). Такие образования, как *топливо, курево, тухлятина, мерзлятина* (о тухлых, мерзлых продуктах), *поскребки, очистки, высевки, гнилье, сырье,* следует относить, таким образом, к промежуточному разряду собирательно-вещественных имен.

В других случаях собирательность очевидно выступает как значение, вторичное от вещественности. Сюда относятся такие словообразовательно немотивированные слова, как, напр., *серебро, бронза, фарфор, хрусталь,* – названия веществ и изделий из них.

6. Собирательность и абстрактность. Совмещение значения отвлеченного признака или действия со значением собирательности наблюдается у многих существительных. Не случайно и здесь суффиксы той и другой словообразовательных категорий в значительной своей части совпадают. Ср. хотя бы следующие примеры: *руководство* (действие по глаголу *руководить* и «руководители»), *актерство, учительство, диссидентство* («занятия, образ действий актера, учителя, диссидента» и «актеры, учителя, диссиденты»); *еда* как действие и как все то, что едят; *информация* как действие по глаголу *информировать* и как совокупность сведений, сообщений; *юность, беднота, нищета* как названия отвлеченных признаков и как собирательные названия лиц; *безалаберщина* в значении «безалаберность» и в значении различных проявлений этого признака; *зелень, сушь* как названия абстрактных признаков и как собирательные. Слова *командование, эмиграция, обслуга, охрана* обозначают как само действие, так и совокупность лиц – субъектов этого действия; то же относится к слову *стража,* с той лишь разницей, что значение действия отошло в этом слове на задний план и в современном языке отражается только в устойчивых сочетаниях *взять под стражу, быть на страже. Оппозиция, фронда* – это одновременно общественное движение, образ мыслей и действий, и (собирательно) представители этого движения. Слово *ругань* обозначает и действие, и слова, выражения, с помощью которых это действие осуществляется.

Во всех подобных случаях словообразовательные значения «отвлеченный признак» и «собирательный носитель признака» выступают в тесной, неразрывной связи, причем для словообразовательно-семантической системы языка собирательное значение вторично от абстрактного. А. А. Потебня, посвятивший связи значений абстрактности и собирательности (прежде всего в генети-

ческом аспекте) специальное исследование, проиллюстрировал «переход от качественности к собирательности», когда «качество... служит символом многих обладающих этим качеством особей», пушкинскими строками: «И внемля им [стихам], вздохнет о славе младость, Утешится безмолвная печаль И резвая задумается радость»[17].

Применительно к таким словам, как *начальство, темнота, бездарность, гадость, жуть,* а также арготическому *шиза* и т. п., можно говорить о трех ступенях конкретизации семантики: отвлеченный признак → собирательный носитель признака → единичное лицо или единичный факт – носитель признака. В контекстах типа «Трудно бороться с воинственным *невежеством,* особенно с облеченным властью» (Лит. газ.) абстрактная семантика существительного смещается в том же направлении.

Отметим, что и сама степень обобщенности, отвлеченности обозначаемых собирательными существительными явлений различна. С этой точки зрения особенно показательны субстантивированные прилагательные и причастия среднего рода типа *новое, старое, прекрасное* (как категория эстетики), *будущее, прошлое, минувшее, уходящее* и т. п., максимально обобщенно обозначающие любые ряды явлений – носителей названного признака, а также подобные им по функции существительные с нулевым суффиксом *добро* и *зло, новь* и *старь,* слова *будущность, повседневность* (и *повседневье*) и т. п. Эта разновидность собирательности особенно близка к названиям абстрактного признака.

Обратим внимание, наконец, еще на одну группу образований, лежащую на границе абстрактных и собирательных существительных. Это суффиксальные названия «подвижных» признаков, заключающихся в наличии того или иного количества единиц измерения: *метраж, тоннаж, листаж, километраж, вольтаж, кубатура* и т. п. С одной стороны, такие образования обозначают совокупность определенных единиц; с другой же стороны, по своей способности определяться количественно и сочетаться с прилагательными типа *высокий – низкий* эта группа образований сближается с такими абстрактными существительными, как *скорость, влажность, частота* (и *частотность*), *кривизна, глубина* и т. п. названия измеряемых параметров.

Представленный здесь материал и охарактеризованные аспекты его описания следует рассматривать как один из возможных

способов комплексного анализа лексико-грамматического разряда в функциональной грамматике русского языка.

Примечания

[1] См., например: *Бондарко А. В.* Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. Л., 1983; Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. Л., 1987.

[2] См.: *Виноградов В. В.* Русский язык. Грамматическое учение о слове. 2-е изд. М., 1972. С. 132.

[3] О словах с суффиксом *-к(и)*, занимающих несколько обособленное положение, см. ниже, п. 5.

[4] Далее суффиксальные собирательные существительные рассматриваются по суффиксам; при этом в одном ряду могут рассматриваться как образования с чисто собирательным значением (модификационным), обозначающие совокупность предметов, названных мотивирующим существительным, так и слова со значением собирательного носителя признака, названного мотивирующим прилагательным или глаголом.

[5] Картина продуктивности обоих этих суффиксов может быть дополнена арготизмами: *крутняк* и *крутяк* (о чем-н. «крутом» – ярком, особенном, специфическом), *салажняк* (от *салага*), *центряк* (о главных, ведущих людях, лидерах), *клевяк* (от *клевый*), *шизняк* и т. п. (см. СМА).

[6] В разговорной речи встретилось окказиональное *криминалитет* (криминальные элементы; из радиопередачи).

[7] Образование, восходящее к древности и обнажающее генетические связи современных форм мн. ч. типа *братья, друзья, листья, сучья* с категорией собирательности.

[8] Суффикс продуктивен в современном арго: *лимитура* (лимитчики), *панкатура* (панки), *шишкатура* (начальники, руководство) и т. п. (см. СМА).

[9] *Виноградов В. В.* Указ. соч., с. 110.

[10] Отношение *овощ* (муж. рода единичное) – *овощь* (жен. рода собирательное) установилось как литературная норма в недавнее время: это отражено только в последних академических словарях – 17-томном и 4-томном; но еще в словаре Ушакова форма *овощь* дана и как ед. ч. от *овощи,* и как собирательное. Тенденция же к такому разграничению существовала давно: ср., с одной стороны, *всякому овощу свое время* (пословица), а с другой – «Вся овощь огородная Поспела. Дети носятся Кто с репой, кто с морковкою...» (Некрасов); «Я, батюшка, овощью торгую... Луком зеленым, огурчиками» (Горький, Мещане); «Мне семья уже ничего не стоит, ибо квартира, хлеб, овощь, молоко, масло, лошади – все свое, не покупное» (Чехов, переписка). В современном словоупотреблении это противопоставление слов *овощ – овощь* прослеживается достаточно четко.

[11] См.: *Хохлачева В. Н.* Индивидуальное словообразование в русском литературном языке XIX в. // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т. V. М., 1962.

[12] Образцом для такого словоупотребления автору послужило, по-видимому, известное место из «Слова о полку Игореве»: «нощь, стонущи ему грозою, птичь убуди», где однако ни собирательность, ни женский род не очевидны. Что же касается древнерусского *птищь* «птенец», то это слово – мужского рода. По-видимому, и употребление слова *зверь* как слова женского рода (известное народным говорам, см. СРНГ, вып. 11) в художественной литературе связано с осмыслением этой формы как собирательной, напр.: Стреляем зверь да птицы По дебрям по лесным (А. К. Толстой, Сватовство); Теперь, чай, и птица, и всякая зверь У нас на земле веселится (его же, Садко); ... время стояло теплое, всякая зверь хоронилась, не в рыску была (Бунин, Ловчий).

[13] Слово *абитура* зафиксировано нами уже 30 лет назад (в «Комсомольской правде» 12.VIII.1965).

[14] Ср. также обл. *вша* (от *вошь*), выступающее в говорах чаще в собирательном значении (см. СРНГ, вып. 5) и в этом же значении употребительное в просторечии и в художественной речи, напр.: Было все: боль и вша – Сказка с присказкой, И вода из ковша С ржавым привкусом (Л. Смирнов).

[15] О двух посдених см.: *Виноградов В. В.* История слов. М., 1994. С. 45–46, 123.

[16] Сказанное не относится к таким словам, как *прислуга, бездарь, контра,* но это скорее исключения из общей закономерности.

[17] См.: *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968. С. 36.

Словари и энциклопедии

ЛЭС – Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990 (автор статьи «Собирательности категория» – В. А. Виноградов).

СМА – Елистратов В. С. Словарь московского арго. М., 1994.

СНЖ – Словарь названий жителей СССР. М., 1975.

СРНГ – Словарь русских народных говоров. Вып. 5. Л., 1970; Вып. 11. Л., 1976.

Глаголы пространственного расположения предмета, их словообразовательные и семантические связи

[В сб.: Словарь. Грамматика. Текст. М., 1996]

1

Глаголы *стоять, сидеть, лежать* и *висеть* и группирующиеся вокруг них родственные (однокоренные) глаголы представляют собой в русском языке особый лексико-словообразовательный разряд, глагольный комплекс, уникальный по структурно-семантической сложности и вместе с тем стройности, характеризующийся как исключительной обширностью, разветвленностью словообразовательных гнезд, так и богатством полисемии.

Ядро этого комплекса составляют три ряда глаголов: 1) четыре глагола – *стоять, сидеть, лежать* и *висеть,* в прямом конкретном значении выражающие характер расположения предмета в пространстве и в силу своей непредельной (статальной) семантики не образующие видовых пар; 2) четыре соотносительные с ними пары глаголов, обозначающие переход в соответствующее состояние (каузирование субъектом собственного состояния): *стать – становиться*, *сесть – садиться, лечь – ложиться* и *виснуть – повисать,* назовем их субъектно-каузативными; 3) четыре пары глаголов, также соотносительные со статальными, но обозначающие переход в состояние предмета, являющегося объектом действия (каузирование состояния объекта): *ставить – поставить, сажать – посадить, класть – положить* и *вешать – повесить,* назовем их объектно-каузативными[1]. Все глаголы 2-й и 3-й групп, выражая предельные (каузирующие состояние) действия, образуют видовые пары.

Четкая семантическая соотносительность, смысловой параллелизм этих трех групп глаголов нарушается лишь однажды: глагол *виснуть* обозначает не только переход в состояние, но и само состояние, т. е. принадлежит одновременно и к субъектно-каузативным, и к статальным. Ср., например, такие контексты: *Мальчик бежит навстречу отцу и виснет у него на шее с радостным криком* («принимает висячее положение, повисает») и *Волосы виснут на*

лоб, С веток виснут спелые грозди («располагаются в висячем положении», статальность). Заметим, что эти два разные значения глагола *виснуть* в современных толковых словарях не разграничены.

Семантически соотносительные глаголы всех трех указанных групп характеризуются безусловной корневой общностью. Четырем видам пространственного расположения предмета соответствуют четыре глагольных корня; это корни: 1) *ста-/стан-/станов'-/став'-/стоj-*, 2) *се-/сед-/сяд-/сад'-/саж-/сид'-*, 3) *лег-/ляг-/лаг-/леж-/ложс-*, 4) *вис'-/вес'-/веш-*. С морфонологической точки зрения разные морфы этих корней характеризуются чередованиями гласных и конечных согласных, во 2-м и 3-м корнях – также начальных согласных (по твердости – мягкости), а в 1-м корне – меной согласных финалей[2].

Каждый из четырех рассматриваемых корней формирует свое единое словообразовательное гнездо. Таким образом, перед нами – четыре весьма обширных (одни из наиболее обширных в русском языке) словообразовательных гнезда, глагольные члены которых, кроме беспрефиксальных глаголов трех указанных семантических типов – статального, субъектно- и объектно-каузативного – представляют собой многочисленные префиксальные и постфиксальные модификации соответствующих действий и их вторичные имперфективы (подробнее об этом см. ниже). Распределение всех производных слов этих гнезд по разным гнездам, т. е. рассмотрение отдельно гнезд глаголов *ставить, стать* и *стоять, сажать, сесть* и *сидеть, лежать* и *лечь, вешать* и *висеть* – со взаимными отсылками (для гнезд *сажать, сесть* и *сидеть, лежать* и *лечь*) или, тем более без них (в остальных случаях), как это сделано в «Словообразовательном словаре русского языка» А. Н. Тихонова[3], обедняет действительную картину словообразовательных связей в пределах указанных корней и снимает проблему словообразовательных отношений в таких парах формально и семантически взаимосвязанных глаголов, как, например, *стать – ставить* и (в другом значении – «прекратить движение») *остановить, сесть – сидеть, лечь – лежать, висеть – вешать* и др.

Единственным фактом, нарушающим корневую общность соотносительных глаголов в каждом из четырех рассматриваемых гнезд, является «вторжение» в семантическое пространство «лежания» слов с корнем *-клад-*: ср. глагол *класть*, вытеснивший за пределы литературной нормы формально закономерный глагол

ложить, и вторичные имперфективы типа *прикладывать, обкладывать, укладывать,* соотносительные с глаголами сов. вида типа *приложить, обложить, уложить*; последними, в свою очередь, вытеснены за пределы литературной нормы префиксальные глаголы сов. вида типа *обкласть, укласть.* Аналогичный характер носит видовая пара *улечься – укладываться* (ср. однако, формально закономерные имперфективы в парах типа *наложить – налагать, проложить – пролагать,* а также *залечь – залегать, пролечь – пролегать* и т. п.). Тем самым в гнезде *лечь – лежать* оказываются «незаполненными» места беспрефиксального объектно-каузативного глагола несов. вида, а также вторичных имперфективов от глагола *улечься* и от глаголов типа *заложить, подложить, уложить.* Последний случай можно интерпретировать, однако, как своеобразную мену корня в пределах того же гнезда *лечь – лежать.* Точно так же, например, в пределах гнезда глагола *идти* можно видеть мену корня в случаях типа *уйти – уходить, пройти – проходить.* Системный критерий – исключительная регулярность образования вторичных имперфективов от глаголов сов. вида, вряд ли уступающая регулярности образования тех или иных форм в пределах словоизменительной парадигмы, позволяет, как нам представляется, в таких редких случаях «супплетивного видообразования», как *уложить – укладывать* или *пройти – проходить,* условно объединять в одно словообразовательное гнездо слова разных корней, подобно тому, как в случаях *иду – шел, человек – люди, мы – нас* и некоторых других формы с разными корнями считаются формами одного слова.

Обратимся теперь к словообразовательным отношениям глаголов в четырех рассматриваемых гнездах. Отношения эти (в пределах внутриглагольного словообразования) сложны в силу нескольких факторов: нестандартности, специфичности ряда словообразовательных формантов, многообразия морфонологических преобразований, наконец, довольно частой неединственности словообразовательной мотивации.

Исходными, вершинными глаголами этих гнезд следует признать глаголы второй группы – *стать, сесть, лечь* и *виснуть* – в силу их структурной разнородности, отсутствия единого характеризующего формального признака, уникальности соотношения основ наст. и прош. времени в каждом из них. Глаголы первой группы (статальные) с этой точки зрения более однородны (при

большей формальной сложности основы): все они относятся, хотя и к непродуктивному, но к достаточно регулярному словоизменительному подклассу глаголов, в которых основообразующий элемент «*-е-/ø*» или «*-а-/ø*» (с гласными *-е-* и *-а-*, дополнительно распределенными относительно предшествующего согласного: *-е-* после парно-мягких, *-а-* после шипящих и *j*, и исторически восходящими к праславянскому *-ě-) почти всегда, независимо от их словообразовательной мотивированности (выводимости из другого глагола), выражает статальность: ср. *болеть* (*болит*), *гудеть, шуметь, кричать, трещать, бояться* и мн. др. Таким образом, в глагольных парах *стать – стоять, лечь – лежать,* с одной стороны, и *сесть – сидеть, виснуть – висеть,* с другой, элементы «*-а-/ø*» и «*-е-/ø*» следует признать с синхронной точки зрения словообразовательными суффиксами и этим редким непродуктивным суффиксам приписать словообразовательное значение «находиться в состоянии, переход к которому назван мотивирующим глаголом». Те же словообразовательные отношения представлены только в парах *сипнуть – сипеть, хрипнуть – хрипеть, молкнуть – молчать*[4], а также – с оттенком направленности на достижение (возможного) состояния – в паре *слушать – слышать.* Что же касается принципиальной возможности словообразовательных отношений «каузативный глагол – глагол со значением каузируемого состояния», то она подтверждается парами с постфиксальным формантом типа *вертеть – вертеться, лишить – лишиться.*

В свою очередь глаголы третьей семантической группы (объектно-каузативные) мотивируются глаголами первых двух групп, причем их производность выражена преимущественно достаточно регулярным (хотя и непродуктивным[5]) суффиксом каузативности «*-и-/ø*»: ср. *стать* и *стоять* – с одной стороны, *ставить,* откуда префиксальные *поставить, расставить, приставить* и т. п., а с другой – префиксально-суффиксальные *остановить* и *установить; сесть* и *сидеть* – префиксально-суффиксальные *посадить, отсадить, пересадить* и т. п.[6]; *лечь* и *лежать* – префиксально-суффиксальные *положить, уложить, разложить* и т. п.; аналогично *виснуть* и *висеть – повесить, вывесить, перевесить* и т. п. другой суффикс, выражающий в рассматриваемых гнездах объектную каузативность, – суффикс *-а-/-aj-* – представлен всего в двух образованиях: *сесть* и *сидеть – сажать, виснуть* и *висеть – вешать.*

Как глаголы *ставить, сажать, вешать,* так и префиксально-суффиксальные (*положить, посадить, повесить* и т. п.) словообразовательно мотивируются в равной степени и статальными глаголами (*стоять, сидеть, висеть, лежать*), и субъектно-каузативными (*стать, сесть, виснуть, лечь*). С формальной точки зрения трудно предпочесть один из этих двух рядов глаголов в качестве непосредственно мотивирующего, более близкого к объектно-каузативным глаголам по структуре основы. С семантической точки зрения объектно-каузативные глаголы также допускают обе интерпретации, например: *сажать* – «делать так, чтобы кто-н. сел» и «делать так, чтобы кто-н. сидел». Это касается не только их прямых конкретно-пространственных значений, но и многих вторичных; ср., например: *сажать гостей за стол* и *гости сели за стол / сидят за столом; сажать кого-н. в тюрьму* и *кто-н. сел в тюрьму/сидит в тюрьме; возложить ответственность на кого-н.* и *ответственность легла на кого-н./лежит на ком-н.* Нарушения подобной симметрии, характерные для некоторых употреблений глаголов (ср., например, с одной стороны, *сажать самолет* и *самолет сел,* но не **сидит,* а с другой, *сажать хлеб в печь* и *хлеб сидит в печи,* но не **сел в печь*), существенны с лексико-сочетаемостной точки зрения, но не со словообразовательной. Префиксальные глаголы с компонентами *-садить* и *-весить* (типа *пересадить, отсадить, перевесить, привесить*) предстают в своих словообразовательных гнездах как полимотивированные, допуская двоякую интерпретацию: они мотивируются как глаголами (соответственно) *сесть* и *сидеть, виснуть* и *висеть* (см. выше), и в таком случае суффикс выражает в них каузативность, так и глаголами (соответственно) *сажать* и *вешать,* и в таком случае префиксально-суффиксальный формант может интерпретироваться как выражающий видовое значение (сов. вид)[7]. При этом глаголы с префиксом *по-* – *посадить* и *повесить* – вступают, как уже отмечено выше, в чистовидовую корреляцию с глаголами *сажать* и *вешать,* аналогичную той, что в паре *ставить – поставить*[8].

Особое место занимают в рассматриваемых словообразовательных гнездах также глаголы *садиться, ложиться* и *становиться.* Формально и семантически они выводятся из глаголов второй, субъектно-каузативной группы (соответственно) *сесть, лечь* и *стать,* составляя с ними чистовидовые пары, характеризующиеся редчайшим в этой функции суффиксально-постфиксальным формантом[9]. Семан-

тическая структура этого форманта должна интерпретироваться так: суффикс *-и-* выражает в них объектную каузативность, постфикс же *-ся* снимает объектность, переводя таким образом каузативность в сферу субъектности, а сами глаголы относя ко второй группе. Выражение вторично-имперфективного значения суффиксально-постфиксальным формантом мы наблюдаем в рассматриваемых гнездах еще на одном их участке: в парах *присесть – присаживаться, пересесть – пересаживаться, подсесть – подсаживаться, засесть* (за работу) – *засаживаться, отсесть – отсаживаться*[10], причем глаголы на *-саживаться* с префиксами *пере-, под-, за-, -от* – характеризуются двумотивированностью, являясь одновременно чисто постфиксальными образованиями от объектно-каузативных глаголов на *-саживать* с теми же префиксами.

Противоположное явление (тоже редкое во внутриглагольном словообразовании) – «потеря» постфикса мотивирующего глагола – наблюдается в рассматриваемых нами гнездах в некоторых производных с объектно-каузативным значением: *улечься – уложить* (кого-н. в постель), *усесться – усадить, рассесться – рассадить* (по местам), а также *остаться – оставить*[11]. В видовых парах *улечься – укладываться, усесться – усаживаться, рассесться – рассаживаться* вторичные имперфективы характеризуются двумотивированностью, являясь одновременно постфиксальными производными от объектно-каузативных глаголов несов. вида (*укладывать, усаживать, рассаживать*).

Прочие участки внутриглагольного словообразования в рассматриваемых гнездах не столь специфичны. Таковы чисто префиксальные и префиксально-постфиксальные глаголы сов. вида, мотивированные глаголами всех трех семантических групп, а также вторичные имперфективы к ним, например: *сесть – присесть – приседать, воссесть – восседать, сидеть – досидеть – досиживать, просидеть – просиживать, высидеть – высиживать*; *сажать – пересадить – пересаживать, рассадить – рассаживать; стать – встать – вставать; стоять – простоять – простаивать; ставить – подставить – подставлять, переставить – переставлять; остановить – останавливать, установить – устанавливать; лечь – залечь – залегать, пролечь – пролегать; лежать, – отлежать – отлеживать, вылежать – вылеживать, залежаться – залеживаться; возложить – возлагать, проложить – пролагать; виснуть – повиснуть – повисать, провиснуть – провисать; висеть – отви-*

сеться – отвисаться; вешать – развешать – развешивать и *развесить – развешивать, вывесить – вывешивать.* Выше предложена интерпретация отношений в парах типа *переложить – перекладывать, отложить – откладывать,* а также *улечься – укладываться.*

2

Системно-семантический параллелизм четырех рассматриваемых глагольных гнезд проявляется не только в одинаковых словообразовательных отношениях в пределах этих гнезд, в типовых модификациях глагольного действия, но и в лексических значениях этих глаголов (как исходных, так и производных разных ступеней словообразования), в соотношении их лексико-семантических вариантов, в развитии их от конкретно-пространственных значений к абстрактно-бытийным. Проследим этот лексико-семантический параллелизм на материале глагольных компонентов рассматриваемых гнезд (отглагольные имена будут привлекаться лишь спорадически).

Система лексических значений глаголов пространственного расположения предмета и связанных с ними субъектно- и объектно-каузативных глаголов многослойна. Первый слой их составляют ЛСВ конкретного расположения тела (преимущественно человеческого, иногда также тела животного или неодушевленного предмета) в пространстве, определяемого как «стоячее, сидячее, лежачее или висячее положение». Второй слой – также ЛСВ того или иного неподвижного физического местонахождения предмета, при которых, однако, противопоставление названных четырех разновидностей статальности в той или иной мере снимается. Третий слой составляют ЛСВ более или менее абстрактной бытийности, существования. Таким образом, рассматриваемые нами глаголы целым рядом своих ЛСВ – более или менее абстрактных – принадлежат к лексическому классу бытийных глаголов[12]. Соответственно для субъектно- и объектно-каузативных глаголов речь идет о ЛСВ становления и каузации существования. Наконец, четвертый слой, четвертый этап семантического развития, отразившийся в основном только в глаголе *стать – становиться,* – наибольшая абстрагированность, приводящая к известной десемантизации, грамматикализации значения. Важной сопутствующей семой, оказывающей существенное влияние на статус интересующих нас слов как глаголов состояния и глаголов бытийных, является сема пре-

кращения движения, пребывания в неподвижности, в неизменности, без развития.

Не будем специально рассматривать здесь значения первого слоя с его разнообразными приставочными модификациями. Отметим лишь, что в пределах этого слоя (конкретных физических значений) могут быть выделены специфицированные разновидности, основанные на дальнейших лексических конкретизациях: таковы, в частности, для глагола *лежать* значение «находиться в постели, будучи больным» (соответственно для *слечь* – «заболев, стать лежачим больным»), а для глаголов *вешать* и *повесить* – «подвергать (подвергнуть) смертной казни в определенном висячем положении» (соответственно для *вешаться* и *повеситься* – «лишать/лишить себя жизни, повиснув таким образом»).

У глаголов *висеть – виснуть – вешать* и производных второй слой лексических значений представлен двумя основанными на метафорическом переносе значениями: «находясь на высоте, выдаваться, выступать какой-н. своей частью»: *Утес висит* (также *навис*, *повис*) *над морем*; «находясь в высоте, в небе, быть или казаться неподвижным»: *Вертолет висит* (*повис, завис*) *над полем*; *Туча висит* (*нависла, повисла*) *над городом,* а также – в объектно-каузативной разновидности – *навесить* (*мяч*) «направить по крутой траектории в сторону ворот, корзины». Другое направление переноса лексического значения в пределах той же семантической сферы пространственного расположения представлено значениями «опуститься, оттянуться книзу, прогнуться» у приставочных глаголов *обвиснуть, отвиснуть, провиснуть.*

Дальнейшее метафорическое развитие семантики глаголов этого корня выводит их в сферу абстрактной бытийности (третий слой лексических значений). У глаголов данного корня это связано преимущественно с двумя взаимосвязанными семами: «отсутствие движения, развития» и «потенциальная опасность, неприятность». На них основаны: во-первых, значение глагола *висеть* «ожидаться, предстоять, ждать своего разрешения, исполнения (о чем-н. неприятном)»: *На мне висит еще много срочных дел; Над ним висит перспектива оказаться без работы;* ср. то же в устойчивом сочетании *висеть* (*повиснуть*) *в воздухе* «находиться в шатком, неопределенном положении»; то же в специфическом употреблении страдательного причастия глагола *подвесить: быть в подвешенном состоянии* «в состоянии неясности, неопределенности»;

то же у глаголов *повиснуть* и *зависнуть: Опять наша подача повисла* (или *зависла*) «можем ее проиграть» (из речи комментатора теннисного матча); в переносном значении глагола *нависнуть* «появиться, возникнуть (о чем-н. грозящем)»: *нависла угроза, опасность;* во-вторых, у глаголов *повиснуть* и *зависнуть* – значение «оказаться без движения, развития, разрешения (о деле, работе, проблеме) или в бездействии», например: *Жаль, что такое важное дело снова зависло* (или *повисло*); *Тираж книги завис на складе* «остался нереализованным»; *Наша армия в Чечне опять зависла* (все примеры – из современной разговорной речи). Другие специфические переносы значения глаголов этого корня проявляются в глаголе *виснуть* (на ком-н.) «проявлять» сильное расположение к кому-н. или неотступно добиваться чьего-н. расположения», во фразеологизмах *висеть* (и *виснуть*) *на шее* «обременять собой», *висеть* (и *виснуть*) *на телефоне* «очень долго занимать, разговаривая», *висеть на хвосте* «догонять, настигать», *всех собак вешать на кого-н.* «неосновательно возводить обвинения».

У глаголов *сидеть – сесть – сажать* и производных переносные значения связаны в основном со вторым семантическим слоем – с пространственным расположением различных предметов. Это следующие значения: 1) неподвижное пребывание на одном месте [о летающих существах – птицах, насекомых; отсюда далее – спецификация, связанная с глаголами *насидеть* и *высидеть* (*яйцо, птенца*)] или спуск с высоты на какую-н. поверхность (о тех же существах и о летательных аппаратах); 2) нахождение где-н. (в каком-н. месте, внутри чего-н.) или пребывание в каком-н. состоянии (в том числе и занимаясь чем-н.) в течение достаточно длительного времени, без существенных изменений: *зверь сидит в клетке / посажен в клетку, сидеть все лето на даче / засесть на все лето на даче* (ср. *уехать с насиженного места*), *сидеть в тюрьме / посадить в тюрьму* (а в результате процесса семантического включения локативного квалификатора – также *сидеть* «пребывать в тюрьме», *посадить* «поместить в тюрьму»), *сидеть без дела, без денег, на диете, с ребенком, над статьей, за шитьем* и т. п., *посадить на диету, посадить* (*усадить*) *за уроки* и т. п.; 3) нахождение внутри транспортного средства: *сидеть в поезде, автобусе / сажать в поезд, автобус, самолет* (также *пересесть, высадиться* и т. п.); 4) нахождение внутри чего-н., в глубине чего-н.: *пуля сидит / засела в легком, всадить пули в мишень, нож в спину; гвоздь сидит крепко в стене,*

заноза засела в пальце, засадить топор в бревно (при дальнейшем переносе: *мысль сидит / засела в голове*); с этим значением непосредственно связана спецификация глагола *сажать* (также *посадить* и др. производных) применительно к растениям: «закапывать корнями в землю или сеять для выращивания»; 5) нахождение на какой-н. поверхности либо схватывание поверхности чего-н.: *сажать* пятна *на скатерть, кляксы на бумагу; платье, костюм* и т. п. *сидит хорошо;* 6) непроизвольное перемещение книзу, с дальнейшей конкретизацией: «скопиться на поверхности слоем» (*осесть, на-сесть*), «углубиться в землю, прогнуться или провалиться» (*осесть,* просесть), «дать трещины» (*рассесться*): В некоторых контекстах может быть усмотрено совмещение тех или иных из перечисленных значений: например, в случае *хлеб сидит в печи / посажен в печь* – значений 2 и 4, а в случае *посадить* (*насадить*) *топор на топорище, нож на рукоятку* – значений 4 и 5.

Как видим, разнообразные значения физического расположения предмета, выражаемые глаголами данного корня, связаны так или иначе с семами неподвижности, длительности и/или неизменности состояния, нахождения на какой-н. поверхности (соответственно для каузативных глаголов – перемещения на поверхность и/или опущения).

К третьему семантическому слою, выводящему глаголы данного корня в сферу абстрактной бытийности, принадлежит значение «потерять силу, напряжение, ослабеть, перестать должным образом функционировать» у глагола *сесть* (*батарейки сели, аккумулятор сел, голос сел*) и у приставочного *подсесть.* То же направление семантического развития обнаруживается у глагола *сесть* и производного *ссесться* в значении «потерять в размерах, укоротившись или сузившись от влаги» (*кофта села, бревна сселись*).

У глаголов двух оставшихся гнезд – *лежать – лечь – положить* и *стоять – стать* (и семантически близкий *встать*) – *ставить* – в первом семантическом слое (конкретно-физического расположения предмета) в части употреблений четко прослеживается своего рода антонимия: горизонтальное расположение предмета (у глаголов гнезда *лежать*) противопоставляется вертикальному (у глаголов гнезда *стоять*). Таким образом, предметы, имеющие четкие, и притом различные, пространственные измерения (например, *чемодан, книга, карандаш*) могут в зависимости от их конкретного расположения *стоять* либо *лежать*; предметы, имеющие плос-

кость, называемую *дном* (например, *коробка, кастрюля, чашка, тарелка*), либо ножки (например, любые предметы мебели), будучи расположены с опорой на эту плоскость или на ножки, определяются, независимо от их формы, как *стоящие*[13]; наконец, предметы, лишенные четких пространственных измерений, характеризующиеся массовидностью или рассматриваемые (собирательно) как совокупность, – определяются как *лежащие* (*продукты лежат в холодильнике, положить каши в тарелку, вещи лежат на складе, в камере хранения* и т. п.). Частичное противопоставление глаголов *лежать* и *стоять* может быть прослежено и в переносных употреблениях, вплоть до абстрактно-бытийных: ср., например, *вопрос лежит в иной плоскости* (здесь возможно и *стоит;* но только *поставлен*) и *вопрос стоит* (*поставлен*) *ребром.*

В соответствии с указанным семантическим противопоставлением основные переносные значения второго слоя у глагола *лежать* и однокоренных сводятся, во-первых, к идее распространения по поверхности чего-н., покрывания пространства (*снег лежит на полях,* на *болоте лег туман, кругом лежит мгла; город лежит в долине; земли хозяйства лежат вдоль реки / прилегают к реке; дорога лежит на север, пролегает / проложена рядом с деревней; выложить стены плиткой; наложить на ногу гипс; платье плотно облегает фигуру; обложить зверя* «окружить, расположившись со всех сторон») и, во-вторых, к идее распространения слоем на глубине, внутри чего-н.: *заложить фундамент сооружения* (и, с дальнейшим переносом, *заложить основу чего-н. / положить что-н. в основу / что-н. лежит в основе чего-н.*); *здесь залегает руда; переложить вещи* (слоем, слоями чего-н.).

Переносная семантика третьего, абстрактно-бытийного слоя у глаголов гнезда *лежать* связана прежде всего со значением «обременять, отягощать собой», например: *на нем лежат заботы, на ней лежит все домашнее хозяйство; возложить ответственность на кого-н.; на сердце лежит тоска;* со значением прекращения этого состояния: *отлегло от сердца, тоска отлегла, сложить с кого-н.* (или *переложить на кого-н.*) *заботы, ответственность.* Абстрактная бытийность проявляется в значениях таких глаголов, как *вложить* (*деньги в банк, все силы и средства в какое-н. дело*), *заложить* (*какие-н. ценности в обеспечение чего-н.;* также в недавно распространившемся употреблении: *заложить статью в проект закона, определенные суммы в бюджет* и т. п.), *наложить*

(*запрет, штраф*), *сложиться* «образоваться, сформироваться» и др., глагола *улечься в* значении прекращения чего-н. бурного, беспокойного (*страсти улеглись, метель, буря улеглась*). В семантическую сферу фазовости включаются сочетания глаголов *класть / положить* со словами *начало* и *конец.*

Среди значений глаголов *стать – стоять* и однокоренных следует отметить прежде всего значение прекращения движения (в физическом смысле) или (в абстрактно-бытийном смысле) бездействия, прекращения развития: *Лошади шли шагом – и скоро стали* (Пушкин); *река стала; поезд стоит уже слишком долго; пристать к берегу; часы стали / остановились / стоят, работа стоит, завод простаивает;* сюда же *застояться* (долго пребывая в неподвижности) и абстрактные существительные *простой, застой.* С другой стороны, выделяется (в известном смысле противоположная и не наблюдаемая у глаголов других рассматриваемых корней) сема активности состояния: *восстать* (*против кого-чего-н.*), *встать на борьбу, стоять за кого-что-н.* «действовать в чьих-н. интересах, защищать, ограждать», *выстоять, устоять* (*в борьбе, испытаниях*) и т. п.

Сема расположения, размещения где-н. обнаруживается в таких контекстах, как, например, *стоять лагерем, остановиться в гостинице,* в глаголе *отстоять* (*от кого-чего-н.*) «быть на каком-н. расстоянии», а также *стоять* в значении «быть отмеченным, изображенным, написанным» (на *бумаге стоит печать, подпись, в дневнике стоит двойка* и т. п.), наряду с соответствующим значением каузативных глаголов *ставить* и *вставить* (ср. *вставить чью-н. фамилию в список, фразу в текст*). Каузирование существования проявляется в разных ЛСВ глагола *ставить* и производных – в таких случаях, как, например, *ставить кого-н. на должность* (также *восстановить в должности* и – как противоположное действие – *отставить от должности*), *ставить телефон или какое-н. иное приспособление* «укреплять в нужном положении, сооружать», *ставить спектакль, дело, эксперимент* «устраивать, организовывать, налаживать», *ставить кому-н. голос, имидж; поставлять оборудование, сырье* и т. п. «доставлять, снабжать чем-н.»; в устойчивых сочетаниях типа *ставить кого-что-н. в зависимость, в связь, в затруднение, в какие-н. условия, под контроль, перед совершившимся фактом;* в глаголах *выставить* (*свою кандидатуру, новые аргументы*), *установить* (*связь с кем-н., рекорд; факт, истину*).

Абстрактный уровень бытийной семантики обнаруживается также в применении глагола *стоять* к погоде, состоянию внешней среды; в контекстах типа *стоит вопрос, поставлена задача.* Еще более абстрактную бытийность выражают глаголы *противостоять* и *противопоставить, предстоять* (*в будущем* – фаза «предбытия», по Н. Ю. Шведовой).

Как уже отмечалось, грамматикализованные значения глагола *стать* составляют особый, четвертый слой лексической семантики рассматриваемых глаголов. При этом, однако, следует подчеркнуть, что сема перехода в состояние объединяет систему ЛСВ обоих глаголов *стать,* традиционно разделяемых толковыми словарями в качестве омонимов. Значение «приступить к каким-н. действиям, связанным с тем, что названо зависимым существительным» (*стать на защиту, на путь прогресса, стал у власти* и т. п.), традиционно относимое к первому глаголу-омониму *стать,* и значения «начать действие, приступить к действию, названному формой инфинитива» (стал *учиться*) и, далее, «приобрести какое-н. свойство, состояние, профессию» (стал *умным, стал инвалидом, стал учителем*), относимые ко второму омониму, имеют настолько много общего, что скрепляют, с нашей точки зрения, всю систему значений обоих омонимов в единый ступенчатый семантический комплекс, позволяющий рассматривать их в пределах одного глагола *стать,* т. е. отказаться от признания здесь омонимии, хотя «разброс» ЛСВ этого глагола – в направлении от полнозначного конкретно-физического ЛСВ «принять стоячее положение» до ЛСВ, выступающих в синтаксической функции вспомогательного глагола – исключительно широк.

Наряду с глаголом *стать,* к четвертому семантическому слою (наиболее абстрактному, грамматикализованному) следует отнести производные от него глаголы, обозначающие фазовые разновидности бытийности. Это, с одной стороны, глаголы *настать* «начаться», *встать* «возникнуть, появиться» (*встал вопрос* и т. п.), *встать* и *предстать* «возникнуть в сознании, в памяти в том или ином виде», *восстановить* (*в памяти*), *представить*(*ся*) (*в воображении*), а с другой – глагол *перестать* «прекратиться» и сам глагол *стать* в сочетании не *стало* (о том, кто перестал или что перестало существовать – фаза прекращения существования). Все эти глаголы принадлежат к наиболее абстрактным фазово-бытийным.

В дополнение к сделанному обзору лексических значений глаголов рассматриваемых четырех гнезд следует вновь подчеркнуть, что для второго и третьего семантических слоев характерно сближение глаголов разных корней, нередко приводящее к нейтрализации их исходных семантических различий. Эта нейтрализация, в частности, обнаруживается в довольно частых случаях синонимического или семантически близкого употребления глаголов разных корней. Ср., например: *пыль осела / улеглась; потолок просел / провис; насесть / налечь на кого-что-н.;* «надавить, навалиться»; *залечь / засесть в засаду* «расположиться скрытно» (с дезактуализацией различия между лежачим и сидячим состоянием); *обложить зверя / осадить город; стать / расположиться* «разместиться где-н»; наложить *повязку / поставить компресс, горчичники; ставить / сажать пятна, кляксы; наложить / поставить резолюцию; часы стали / аккумулятор сел; сидеть / висеть на телефоне* (долго занимая его); *сложить / составить* «собрать вместе»; *сложилось /составилось / установилось мнение, представление; сложились / отстоялись взгляды; предложить / представить что-н. для обсуждения, рассмотрения; противоположить / противопоставить; заложить / подставить кого-н.* «предать» (в современной разговорной речи и просторечии) и т. д. и т. п.; ср. также *положение* и *состояние* – существительные, близкие друг другу по своей семантике, а в некоторых контекстах и взаимозаменимые (ср. *находиться в тяжелом положении / состоянии*) и при этом относящиеся к наиболее абстрактным словам в лексическом поле бытийности.

Рассмотренные закономерности лексико-семантического устройства глаголов с исходным значением пространственного расположения предмета и соотносительных с ними однокоренных глаголов, параллелизм их структуры и семантики характеризуют весь этот глагольный комплекс как микросистему, в которой чётко и достаточно последовательно выявляется взаимосвязь – не только лексическая, но и структурно-словообразовательная – семантики бытийности и (шире) состояния с семантикой перехода в состояние, каузации состояния, существования. Подобные свойства, которые могут быть обнаружены во многих других лексических и лексико-словообразовательных разрядах, характерны для лексической системы языка в целом.

Примечания

[1] Американский исследователь, специально занимавшийся соотношением этих трех глагольных рядов в славянских языках, применяет к глаголам 1-й группы термин «статив», 3-й группы – термин «каузатив», а глаголы 2-й группы называет «медиальными» (medial), ср. понятие «среднего залога» (см.: *Barton Johnson D.* Toward a typology of the slavic verb: the verbs of body position // American contributions to the VI International congress of slavists. Mouton – The Hague, 1968.).

[2] Подробный анализ морфонологических преобразований основ в соотносительных глаголах указанных корней не входит в задачи настоящей статьи. Отметим лишь, что аналогичные преобразования тех же основ наблюдаются не только во внутриглагольном, но и в именном отглагольном словообразовании; ср., например: *сесть – садиться, посадить* и *осесть – осадок, просесть – просадка, сесть – усадка* (напр., тканей), *засесть – засада* и *засидка* (см.: *Лопатин В. В.* Русская словообразовательная морфемика. Проблемы и принципы описания. М., 1977. С. 182), *сидеть – седок, домосед, седло; стать – ставить* и *ледостав; стать – становиться, остановить* и *переставить – перестановка, подставить – подстановка; лечь* и *лежать – ложиться, положить* и *ложе; висеть – повесить* и *на весу.*

[3] *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1–2. М., 1985.

[4] См.: *Лопатин В. В.* Указ. соч., с. 182.

[5] *Лопатин В. В.* Указ. соч., с. 78–80; Русская грамматика. Т. I. М., 1980. С. 353–354.

[6] Беспрефиксальные глаголы *становить* и *садить* (последний – в прямом конкретном значении) перешли в разряд просторечных и потому не могут рассматриваться как мотивирующие для соответствующих префиксальных глаголов.

[7] См.: Русская грамматика, с. 383–384.

[8] Для глагола *сажать* в его ЛСВ «закапывать корнями в землю или высевать (растения)» словообразовательное отношение *сажать – посадить, сажать – пересадить, отсадить, высадить* и т. п. является единственным.

[9] Здесь также необходима оговорка: соответствующие беспостфиксальные глаголы *садить, пожить* и *становить,* являясь для современного языка устарелыми или просторечными, в мотивационные отношения с этими суффиксально-постфиксальными глаголами не вступают.

[10] Подобных видовых пар (с имперфективом на *-ся*) в русской видовой системе очень мало: ср. еще *лопнуть – лопаться, треснуть – трескаться, рухнуть – рушиться.*

[11] Ср. такую же «потерю» постфикса в случаях *смеяться – высмеять, осмеять, засмеять.*

[12] *Шведова Н. Ю.* Лексическая классификация русского глагола (на фоне чешской семантико-компонентной классификации) // Славянское языкознание.

IX Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1983; см. также: *Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н.* Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983. С. 100–104, где интересующие нас глаголы рассматриваются в составе бытийных предложений как «делексикализованные».

[13] Названия конкретных предметов, не отвечающих этим критериям, могут сочетаться как с глаголами *стоять, ставить,* так и с глаголами *лежать, класть.* Таково, например. слово *мяч:* ср. *положить мяч на траву* и *поставить мяч на одиннадцатиметровую отметку* (во втором случае – оттенок «установить, поместив в надлежащем месте»).

Новое в русском языке советской эпохи

[Русский язык в школе. 1987, № 5]

Русский язык, как всякий живой язык, постоянно развивается, обогащается новыми элементами, и естественно, что за годы советской власти теперь уже за семь десятилетий в нем произошло много изменений. Наиболее заметны, конечно, изменения в лексике, причем основной причиной лексических новаций является необходимость называть новые явления, вызванные изменениями в общественно-политической жизни, в науке и технике, в культуре и спорте и т. д.

Темпы и масштабы вхождения в русский литературный язык новых слов можно конкретно, количественно представить себе, пользуясь данными вышедших у нас двух словарей под общим названием «Новые слова и значения». Первый из них (1971 г.) создан по материалам прессы и литературы 60-х годов (отчасти и 50-х), второй (1984 г.) основан на таких же материалах 70-х годов. Первый включает около 3,5 тыс., второй – около 5,5 тыс. снабженных толкованиями новых слов, значений и выражений. Чтобы оценить эту цифру неологизмов – около 9 тыс. слов, значений, выражений (преимущественно все-таки слов) примерно за два десятилетия, надо иметь в виду, что речь идет только о словах, более или менее прочно закрепившихся в языке, а не о словах временного пользования, «однодневках», и тем более не о продуктах индивидуального словотворчества, обслуживающих лишь определенный контекст (так называемых окказионализмах). Кроме того, все это – слова достаточно широкого употребления: указанные словари не включают узкоспециальной терминологии.

Источников пополнения языка новыми словами в основном два. Во-первых, новые слова создаются путем словообразования на базе и по образцу производных слов, уже существующих в языке, по характерным для русского языка, исторически сформировавшимся в нем словообразовательным моделям, с помощью определенных суффиксов, приставок и других средств. Во-вторых, новые слова появляются путем заимствования из других языков, преимуще-

ственно западноевропейских, и это вполне естественно, поскольку русский язык, как язык одного из самых передовых обществ, неотделимого от современного мирового сообщества, не существует в вакууме, не отгораживается от других языков, а, напротив, традиционно принимает в свой состав многообразные иноязычные лексические элементы (переоформленные по законам собственной фонетики и морфологии). При этом преобладающая часть лексики, содержащей иностранные корни, принадлежит к интернациональному лексическому фонду, постоянно обогащаемому благодаря развитию мировой науки, техники, культуры.

Можно утверждать, что интернациональные корни, аффиксы, аффиксоиды (по происхождению главным образом греко-латинские) ныне в такой же степени принадлежат русскому языку, как и английскому, французскому или немецкому. Особое место занимает английская по происхождению лексика, широко проникающая в некоторые терминологические сферы (например, в терминологию электронно-вычислительной техники: *компьютер, дисплей, терминал* и т. п.).

Таким образом, основным орудием обогащения словарного состава современного русского языка являются словообразовательные модели – собственно русские и интернациональные. Нужно, однако, иметь в виду, что для обозначения новых понятий постоянно используются и неоднословные, составные наименования, например: *бригада коммунистического труда, шагающий экскаватор, атомная электростанция, электронно-вычислительная машина, развивающиеся страны*. Такие устойчивые сочетания тоже принадлежат кругу явлений языковой номинации. Появляются и новые значения у старых слов: так, слово *дипломат* приобрело значение «портфель в виде плоского чемоданчика», *ракета* – значение «быстроходное судно на подводных крыльях», а *раунд* – значение «один из этапов переговоров, продолжающихся с перерывами» (*новый раунд политических консультаций* и т. п.). Кроме того, слова получают новую жизнь в связи с новыми общественно-политическими и др. процессами, приобретая новые особенности употребления. Так, слова *перестройка, ускорение, гласность, разрядка*, наполнившись в наши дни новым содержанием, получили способность употребляться абсолютивно, без пояснительных слов. В существующих толковых словарях, в том числе и в последнем, втором, издании четырехтомного академического Словаря русского языка, мы находим

только такие примеры употребления названных слов, где они имеют при себе подчиненные слова (преимущественно в форме род. падежа): *перестройка народного хозяйства, перестройка плана статьи, творческая перестройка*; *ускорение хода поезда, ускорение работ; гласность судопроизводства; разрядка международной напряженности* и т. п. Ныне все многообразие экономических и социальных преобразований, происходящих в нашей стране, внешнеполитических инициатив Советского Союза отражается в емком абсолютивном употреблении этих слов, например: *задачи перестройки, процесс ускорения, гласность и демократизация – веление времени, политика разрядки.*

Что же касается собственно словообразовательных неологизмов советской эпохи, то они достаточно хорошо известны широкому кругу носителей русского языка. Массовое движение за ударный труд породило в 30-х годах слово *ударник,* освоение целинных и залежных земель дало жизнь в 50-х годах слову *целинник* (оба слова образованы по старому, исконному русскому образцу «основа прилагательного + суфф. *-ик*», ср.: *старик, западник* и др.). «Повзрослели» покорители целины – и вот в 70-е годы родилось новое слово *первоцелинник,* обозначающее тех, кто первым осваивал целину. Такой же смысл вкладывается и в слово *первостроитель,* особенно часто применяемое к труженикам новостроек предвоенных пятилеток. Развились новые отрасли физики – атомная, ядерная физика – и ученых, специалистов в этих областях, стали называть *атомщиками, ядерщиками;* появились в армии ракетные войска – и с ними как бы заново родилось слово *ракетчик* (прежде оно употреблялось в другом значении: «тот, кто подает сигналы ракетами»); последние три слова созданы по модели «основа прилагательного + суфф. *-щик/-чик».* Возникло ядерное оружие, началась борьба за его запрещение – и родилось новое понятие, названное *безъядерной зоной.* Общеизвестны новые слова, вошедшие в употребление с началом космической эры, например: *космонавт, космодром, состыковка, расстыковка,* а совсем недавно – и *перестыковка* (повторная, иначе выполненная стыковка) космических аппаратов.

Некоторые новые слова создаются по образцу одного конкретного слова. Так, моделью для образования новых технических терминов *прилуниться* и *приводниться* (об авиационном или космическом аппарате: «опуститься на водную поверхность») послужил старый глагол *приземлиться,* содержаший приставку *при-,* суффикс

-и- и постфикс *-ся;* по модели старого суффиксально-сложного существительного *землепроходец* в 60-е годы возникло более широкое семантически и высокое по стилистической окраске слово *первопроходец,* близкое по семантике к старому значению слова *пионер* и к слову *первооткрыватель* (также возникшему в советскую эпоху): «тот, кто первым прокладывает пути в освоении чего-л. нового».

Однако значительно чаще мы имеем дело с большими рядами аффиксальных новообразований, построенными по определенной словообразовательной модели и характеризующимися высокой регулярностью и продуктивностью. Таков, например, ряд *ускоритель, прерыватель, опрыскиватель, распылитель, уплотнитель, снегоочиститель, канавокопатель, пескоразбрасыватель* и т. п. Все образования этого ряда – названия технических приспособлений, механизмов, орудий для совершения действий, названных глагольными основами, к которым присоединяется суффикс *-тель.* Другой ряд: *заливщик (металла), разметчик, упаковщик, намотчик, промывальщик, строгальщик.* Эти слова – с суффиксом *-щик/-чик* и производным *-льщик* – также представляют собой отглагольные образования, но обозначают они лиц, занятых на производстве.

Приборист, дизелист, турбинист, бульдозерист, шассист и т. п. – тоже ряд названий лиц, занятых на производстве, но образуются такие слова от существительных, обозначающих объект занятий. С тем же суффиксом *-ист* высокопродуктивен ряд названий спортсменов: *регбист, рапирист, самбист, дзюдоист, слаломист, биатлонист, буерист, барьерист, бадминтонист, аквалангист* и т. п. От существительных на *-ист* регулярно образуются женские соответствия на *-истка* [с суффиксом *-к*(а)]. Ограничение на их образование связано с внеязыковыми причинами: названия на *-истка* не образуются, если соответствующим видом спорта женщины не занимаются. Но стоило женщинам «завоевать» такие виды спорта, как *дзюдо, биатлон, футбол, хоккей* (пока еще только летний, «травяной»), как возникли (совсем недавно) слова *дзюдоистка, биатлонистка, футболистка, хоккеистка.*

Возникают не только новые слова по старым словообразовательным моделям, обновляется и сам «репертуар» словообразовательных моделей. Так, в технической терминологии в 60-е годы возникла модель префиксально-суффиксальных существительных с приставкой *анти-* и суффиксом *-итель,* которые одновременно при-

соединяются к основам существительных на *-ение,* обозначающих самопроизвольно протекающие физические процессы. Такие слова обозначают вещества или приспособления, препятствующие процессам, названным словами на *-ение: обледенение – антиобледенитель* (у самолета), аналогично *антиокислитель, антивоспламенитель, антистаритель* (вещество, добавляемое к какому-л. материалу для предохранения его от раннего старения, изнашивания, для продления срока годности изделий из него).

Очень широко стали производиться в русском языке последнего времени (прежде всего в сфере специальной терминологии, а через нее – в газетно-публицистической речи) существительные – названия действий, образуемые не от глаголов, а прямо от существительных, минуя стадию образования отыменного глагола. Так возникла, например, модель «основа существительного + суфф. *-ованиj-* (орфографически – слова на *-ование, -евание*)» при отсутствии соотносительного глагола на *-овать* (*-евать*): *дождь – дождевание* (искусственное орошение посевов разбрызгиванием воды), *снег – снегование* (хранение овощей под снегом); ср. также *дрожжевание* (внесение дрожжей в корма для их улучшения), *буртование* (закладка овощей для хранения в бурты), *землевание* (улучшение малоплодородных земель внесением слоя более плодородной почвы), *моржевание* (закаливание «моржей» – любителей зимнего купания в открытых водоемах) и мн. др. Такого же происхождения новые модели отсубстантивных существительных на *-ирование* (*комбайн – комбайнирование, рулонирование, индексирование*), *-овка* (*процентовка, метровка, кадровка, скреперовка, буртовка*), *-ация, -яция* (*рубрикация, дизеляция, индексация, капсуляция*), *-изация* (*гибридизация, диспансеризация, диспетчеризация, маршрутизация* (перевозок), *космизация* – «проникновение знаний, полученных в результате изучения космоса, в различные сферы науки, техники, производства»).

Аналогичным образом создаются прилагательные, по форме сходные со страдательными причастиями, при отсутствии соответствующих отыменных глаголов (спрягаемых форм); таковы чисто суффиксальные прилагательные с суффиксом *-ированн-* и значением «обладающий чем-л.» (*купированный вагон, дипломированный специалист, эрудированный* «обладающий эрудицией») и префиксально-суффиксальные прилагательные с приставкой *за-* и суффиксами *-ённ-, -ованн-,* имеющие значение «содержащий что-л.

в избытке»: *лес – залесённый, кустарник – закустаренный, завадуненный, загазованный, заторфованный, закомплексованный.*

Более половины новых слов, как показывают специальные исследования, составляют сложные слова (и чистые сложения, и слова суффиксально-сложные). Образование сложений в наше время характеризуется высокой регулярностью и частотностью рядов слов, содержащих одинаковые, повторяющиеся от слова к слову компоненты – как опорные (последние, определяющие морфологическое оформление сложного слова), так и первые (предшествующие опорному компоненту). Такие повторяющиеся в структуре сложений корневые компоненты, по своей функции приближающиеся к аффиксам, принято называть аффиксоидами (соответственно опорные компоненты сложений – суффиксоидами, а предшествующие им компоненты префиксоидами). Подсчеты показали, что среди сложных существительных-неологизмов образования по моделям с аффиксоидами составляют около 95%[1], т. е. имеют подавляющее преимущество перед образованиями, компоненты которых аффиксоидами не являются.

Высокочастотные ряды составляют, например, сложения с суффиксоидами *-ход, -прово́д, -воз,* содержащими глагольный корень и нулевой суффикс. Так, слова с суффиксоидом *-воз* обозначают либо машины, передвигающиеся по рельсам с помощью какого-л. источника, обозначенного первым компонентом (*паровоз, тепловоз, турбовоз, электровоз*), либо грузовые машины, перевозящие что-л. (*бетоновоз, бензовоз, контейнеровоз, мебелевоз, мусоровоз, панелевоз, цементовоз* и мн. др.), либо, наконец, грузовые суда, перевозящие что-л. (*горючевоз, рудовоз, лесовоз* и др.). Широко употребительны и продуктивны также ряды сложных существительных с суффиксоидами *-строение* (*ракетостроение, вертолетостроение*), *-техника* (*светотехника, робототехника*), *-хранилище* (*картофелехранилище, зернохранилище*), *-погрузчик* (*снегопогрузчик, свеклопогрузчик*), прилагательные с суффиксоидами *-строительный, -уборочный, -делательный,* существительные и прилагательные с префиксоидом *само-* (*самообслуживание, самолечение, самозаводящийся*) и мн. др.

Русский язык постоянно пополняется новыми сложениями со связанными интернациональными компонентами – такими, как суффиксоиды *-лог, -граф, -скоп, -тека,* префиксоиды *гидро-, микро-, нео-*; усеченные основы прилагательных и существительных (так-

же префиксоиды) *авто-* (соотносительный с прилагательными *автоматический* и *автомобильный*), *вибро-, теле-, электро-, энерго-* (ср. прилагательные *вибрационный, телевизионный, электрический, энергетический*) и т. п. Образования с каждым из подобных компонентов насчитываются десятками. Таковы, например, префиксоидные новообразования *гидрофизика, микроинструмент, неоколониализм, автоответчик, автомеханик, виброзащита, телемост, электроувлажнитель, энергоблок* и т. п. Ярким примером «экспансии» нового интернационального аффиксоида, вызванной техническим прогрессом, может служить рост сложений с компонентом *видео-*, обозначающим отношение к передаче изображений на экране электронно-лучевой трубки: *видеомагнитофон, видеотелефон, видеосвязь, видеосигнал, видеозапись, видеопленка, видеолента, видеокассета, видеофильм, видеоконтроль, видеотехника, видеоинформация, видеотека* и др.

Особая и чрезвычайно важная проблема современного словообразования – так называемая универбация, т. е. образование слова на базе наименования, представляющего собой сочетание слов. Тенденция к экономии речевых средств, играющая немаловажную роль в современных языковых процессах, приводит к образованию вторичных однословных (неофициальных) наименований на базе неоднословных. Универбация широко используется в разговорной речи при образовании суффиксальных существительных от основ прилагательных, входящих в состав словосочетаний определительного типа: *неотложная помощь – неотложка, литейный цех – литейка, короткометражный фильм – короткометражка, сезонный билет – сезонка, молодежная газета – молодежка* и т. п. В этой словообразовательной модели, сохраняющей и в наши дни высокую продуктивность, используется суффикс *-к(а)*; с той же целью применяются, также преимущественно в разговорной речи, и другие суффиксы[2]. Широкое распространение в газетно-публицистической речи советской эпохи получили (не раньше 40–50-х годов) существительные с суффиксом *-щин(а)/-чин(а)* от основ прилагательных: *Орловская область – Орловщина,* аналогично *Рязанщина, Тамбовщина, Вологодчина* и т. п. Подобные однословные названия областей также являются продуктом универбации.

Но явление универбации не ограничивается суффиксацией. Другим чрезвычайно распространенным проявлением универбации является образование аббревиатур различной структуры – сокра-

щенных и сложносокращенных слов: *ЭВМ, БАМ, СЭВ, леспромхоз, статотчет, госприемка* и т. п. Как известно, аббревиация представляет собой самый молодой способ словообразования, завоевавший прочные позиции в русском языке именно в советскую эпоху. Развитие этого способа идет в сторону большей его упорядоченности, в последние десятилетия преобладает образование аббревиатур с продуктивными, регулярными, повторяющимися во многих словах компонентами типа *гос-, парт-, хоз-, обл-, проф-* (*профсоюзный*), *мос-* (*московский*), *НИИ* (сокращение слов *научно-исследовательский институт*). По своей функции в словообразовательных процессах такие компоненты, как и повторяющиеся компоненты сложений (см. выше), являются аффиксоидами[3].

* * *

Изменения в системе русского литературного языка не ограничиваются сферами лексики и словообразования: они затрагивают и грамматический строй. Однако изменения эти не столь заметны, как рассмотренные выше; они пробивают себе дорогу не столь явно, а исподволь, постепенно, и хотя они не затрагивают основ грамматического строя, тем не менее могут до известной степени изменить исторически сложившийся «баланс» в соотношении типологически разных явлений.

Наиболее важное из таких системно-грамматических изменений, которое мы и рассмотрим, – это повышение роли аналитических черт в грамматическом строе русского языка[4]. Известно, что по своему грамматическому строю русский язык – это язык преимущественно флективно-синтетического типа. Большая часть грамматических значений слов выражается в нем в пределах самого слова – специальными аффиксами (главным образом флексиями). Однако русскому языку не чужд и аналитический способ выражения грамматических значений слов вне пределов слова, средствами ближайшего контекста. С этой точки зрения особого внимания заслуживает прежде всего разряд несклоняемых существительных, у которых грамматические значения рода, числа и падежа выражаются только аналитически – формами согласуемых и координируемых (выступающих в функции сказуемого) слов: *новое пальто – нового пальто – новые пальто; пальто висело/висели* и т. п. (у всех же остальных – склоняемых – существительных такое выражение грамматических значений не является единственным, поскольку словоформы различаются флексиями).

В современном русском языке разряд несклоняемых существительных достаточно велик и постоянно пополняется новыми словами. К этому разряду принадлежат не только многие заимствованные из других языков слова (ср. такие новые заимствования, как *ралли, хобби, хиппи, рефери, шоу, экспо, табло, карате*), в том числе собственные имена, например названия городов и стран (*Тольятти, Зимбабве* и т. п.), но и многие аббревиатуры (все буквенные аббревиатуры и звуковые на гласную: *СССР, ЭВМ, ПТУ, АСУ, СКА, роно* (теперь *руно*) и т. п.).

Имеются также разряды слов, которые могут и склоняться, и не склоняться, т. е. несклоняемость у них вариативна. К ним относятся звуковые аббревиатуры на согласную и названия населенных пунктов на *-ово, -ево, -ино, -ыно* (*Одинцово, Голицыно, Пушкино* и т. п.); отсюда варианты типа *работать в ТАСС* и *в ТАССе, жить в Одинцово* и *в Одинцове*[5]. Все это явления новые, закрепившиеся и получившие очень широкое распространение в русском языке именно в советскую эпоху. Таким образом, можно утверждать, что морфологический разряд несклоняемых существительных теперь перестал быть в русском языке чем-то чужеродным (хотя по происхождению это именно так): он усвоен, принят русским языком как равноправный, наряду с традиционными разрядами склоняемых существительных, морфологический разряд. При этом абсолютное большинство несклоняемых существительных оканчивается на гласную. Несклоняемость объясняется тем, что русские именные флексии не могут присоединяться к основам на гласную: исторически сложившийся тип исконных русских именных основ характеризуется конечной согласной. Активное пополнение языка существительными с основами на гласную (заимствованными и аббревиатурами) стало основной причиной роста и закрепления в русском языке разряда несклоняемых существительных.

Наряду с существительными имеются в русском языке и несклоняемые прилагательные (*цвет беж, язык хинди, коми литература, стиль модерн, масло экстра, час пик* и т. п.; сюда же относятся кодовые обозначения типа *трамвай «А», сектор* Д (например, на стадионе), *самолет ТУ*). В целом этот разряд развит слабее, хотя и он продолжает пополняться заимствованными словами. Нельзя не заметить, что большая часть таких прилагательных способна употребляться и как существительные, причем это различие частей речи проявляется здесь только в контексте, в зависимости от синтакси-

ческой позиции слова; ср., например: *язык коми, хинди* и *говорить на коми, хинди; стиль модерн, диско* и *мода на модерн, диско; самолет ТУ* и *лететь на ТУ; номер люкс* и *заказать себе люкс*[6]; *соната для скрипки соло* и *трудное соло,* а также *петь* (как?) *соло,* где несклоняемое слово употреблено уже в синтаксической функции наречия. Подобные случаи напоминают явление конверсии, характерное для языков аналитического строя типа английского, где одно и то же слово, в зависимости от его синтаксической позиции, может быть и существительным, и прилагательным, и глаголом. Казалось бы, подобным фактам в русском языке не следует придавать большого значения, поскольку здесь разряд несклоняемых прилагательных вообще невелик. Однако есть целый ряд переходных по своему характеру языковых единиц, лежащих на границе между отдельным словом и частью сложного слова и при этом имеющих сходную с несклоняемыми прилагательными природу, так что эти явления, в целом высокопродуктивные, трудно рассматривать в отрыве одно от другого. Речь идет, во-первых, о таких языковых единицах, которые выполняют синтаксическую функцию определения, но пишутся с последующим существительным через дефис, причем многие из них могут употребляться икак самостоятельные существительные. Ср., например: *какао* (сущ.) и *какао-порошок, томат* (сущ.) и *томат-пюре, томат-паста; цунами* (сущ.) и *цунами-станция;* ср. также: *мини-юбка, макси-платье* и *мода на мини, макси* (где *мини, макси* – существительные); *рок-музыка, рок-группа, рок-ансамбль, рок-опера* и *нравится ли вам рок?* (где *рок* – существительное); ср. в специальной терминологии: *альфа-частицы, гамма-излучение, МГД-генератор* (с аббревиатурным компонентом, выступающим и в роли существительного: *МГД – магнитная гидродинамика*). Дефисное написание в подобных случаях вряд ли дает основание однозначно утверждать, что перед нами части сложных слов, а не самостоятельные слова – несклоняемые прилагательные. В пользу самостоятельности таких языковых единиц говорит и возможность сочетаний типа *порошок какао, стиль рок, платье мини, пальто макси* (с другим порядком компонентов). Та же проблема существует и применительно к некоторым наиболее частотным, повторяющимся в больших рядах сложений (и пишущимся слитно) первым компонентам, также выполняющим определительную функцию, – таким, как *радио-* (например, *радиостанция, радиопередача, радиосвязь, радиослушатель, радио-*

репортаж, радио-клевета), *кино-* (*кинофильм, кинотеатр, киномеханик, киносценарий, киноискусство, кинофестиваль, кинохалтура*), *теле-* (*телеэкран, телезритель, телепрограмма, телеочерк, телеспектакль, телемост*), *электро-* (*электроприборы, электросеть, электросварка, электрооборудование, электролечение, электрокардиограмма*), а также *гидро-, фото-, авто-* или уже упоминавшийся новый компонент *видео-*. Исключительная свобода образования сложений с такими компонентами, многочисленность подобных рядов образований, насчитывающихся десятками, иногда многими, говорят о том, что подобные первые компоненты сложных существительных с успехом заменяют отсутствующие в языке относительные прилагательные от существительных *радио, кино* и пр. и не менее успешно конкурируют с прилагательными *телевизионный, электрический, автомобильный, фотографический* и т. п. Заметим также, что из перечисленных компонентов сложений компонент *радио-* омонимичен несклоняемому существительному, *кино-* отличается от существительного *кино* только ударением; компонент *видео-* тоже приобрел уже омонимичное существительное (так, «Литературная газета» от 27 мая с. г. приглашает читателей к «разговору о видео»)[7]. Эти особенности тоже сближают подобные компоненты сложений с несклоняемыми прилагательными, рассмотренными выше. Кстати, и при аббревиации подобные компоненты воспринимаются как самостоятельные слов, сокращаясь каждый отдельно (*ГЭС – гидроэлектростанция, ЭКГ – электрокардиограмма* и т. п.).

Двадцать лет назад авторы монографии «Русский язык и советское общество» безоговорочно признали повторяющиеся первые компоненты сложных существительных самостоятельными словами – «аналитическими прилагательными», отнеся к ним не только высокочастотные компоненты *радио-, кино-, электро-, гидро-* и т. п., но и гораздо менее употребительные (*хлебо-, нефте-, лесо-* и др.), и не ответив при этом на естественный вопрос, где же в таком случае лежит грань между подобными аналитическими прилагательными и первыми компонентами сложений. Предпочтительнее такая, менее категоричная, постановка вопроса, при которой признается тенденция к переходу повторяющихся первых компонентов сложений в самостоятельные слова, а сами такие компоненты признаются специфическими единицами языка, промежуточными между словами и частями слов. При этом надо

учитывать, что подобные языковые единицы допускают и противоположную трактовку – они могут рассматриваться (тоже в силу своей большой регулярности) как префиксоиды, т. е. как единицы, тяготеющие к аффиксам (см. выше). Таким образом, можно утверждать, что в русском литературном языке наших дней достаточно заметное место занимают неизменяемые единицы, носящие по своей грамматической природе переходный, диффузный характер: в них стираются грани между самостоятельными словами и частями слов, между компонентами сложений (корневыми элементами слов) и аффиксами, между разными частями речи (существительным и прилагательным). Неизменяемость таких единиц непосредственно связана с размытостью их грамматических признаков. Это, несомненно, тот участок современной русской грамматической системы, который несет на себе черты языкового аналитизма.

Аналитизм проявляется вообще в наличии большого количества языковых единиц, выступающих в разных употреблениях в неизменном виде. Такими единицами являются не только неизменяемые слова, но и все аффиксоиды – готовые блоки сложных и сложносокращенных слов, используемые в больших рядах образований и, как отмечено выше, абсолютно преобладающие в словосложении и слоговой аббревиации на современном этапе развития русского языка.

В синтаксисе современного русского языка ощутимым выражением аналитизма является широкое распространение словосочетаний с примыканием именных членов (в форме им. падежа) там, где прежде преобладало (и может употребляться также в современном языке) согласование или управление; таковы сочетания типа *газопровод Уренгой – Помары – Ужгород, матч Карпов – Каспаров, Олимпиада – 80, район Химки – Ховрино, ракеты класса «земля – воздух – земля»*, а также (с употреблением количественных числительных вместо порядковых) *рейс тридцать три, вагон пять место двенадцать* и т. п.[8]; сочетания с несклоняемым приложением типа *в городе Николаев*.

Как видно из рассмотренных фактов, аналитические тенденции русского грамматического строя наиболее ощутимы в сфере имен – в именной морфологии, морфемике, словообразовании, синтаксисе. Глагольная сфера с этой точки зрения гораздо устойчивее, аналитических черт в ней меньше. Единственной активно

развивающейся аналитической чертой здесь является широкое пополнение разряда двувидовых глаголов. Этот разряд (*реконструировать, демократизировать, революционизировать, катапультировать, прессинговать* и т. п.), насчитывающий несколько сотен глаголов, среди которых много новых, охватывает в основном глаголы с заимствованной основой. Конкретное видовое значение сов. или несов. вида выражается у двувидовых глаголов, в отличие от всех остальных глаголов русского языка, только в некоторых типах контекстов, т. е. синтаксически; ср., например: *начать атаковать* (несов. вид) и *В десять утра рота атаковала и овладела высотой* (сов. вид).

Хотя развивающиеся в русской грамматической системе черты аналитического языкового строя, демонстрирующие ее динамику, не могут не привлечь к себе внимания лингвистов и преподавателей, тем не менее не следует забывать, что русский язык в своей основе остается языком флективно-синтетическим. Явления склонения и спряжения, согласования и управления, разнообразные видоизменения морфем, обусловленные их сочетаемостью (например, чередования), и др. в целом гораздо более характерны для русского грамматического строя, чем рассмотренные здесь проявления аналитизма.

Примечания

[1] См.: *Гринберг И. М.* Сложные существительные-неологизмы современного русского языка и их отражение в двуязычном словаре. Автореферат канд. дисс. 1987. С. 17.

[2] Подробнее см.: *Лопатин В. В.* Суффиксальная универбация и смежные явления в сфере образования новых слов / / Новые слова и словари новых слов. Л., 1978. Статья перепечатана: с. 248–257 данного издания.

[3] О неологизмах советской эпохи см. также: *Брагина А. А.* Неологизмы в русском языке. М., 1973; *Лопатин В. В.* Рождение слова. Неологизмы и окказиональные образования. М., 1973; *Шанский Н. М.* Слова, рожденные Октябрем. М., 1980. О словообразовании в современной разговорной речи, см.: *Земская Е. А.* Русская разговорная речь: Лингвистический анализ и проблемы обучения. 2-е изд. М., 1987. С. 113–132.

[4] Как общая тенденция развития современного русского языка это явление отмечено авторами четырехтомной монографии «Русский язык и советское общество. Социолого-лингвистическое исследование». М., 1968.

[5] Об употреблении этих вариантов см.: *Граудина Л. К., Ицкович В. А., Катлинская Л. П.* Грамматическая правильность русской речи. Опыт частотно-сти-

листического словаря вариантов. М., 1976. С. 138–140, 166–174. См. также: *Качевская Г. А.* Нужно ли склонять географические названия типа *Рощино, Шувалово?* // Нормы современного русского литературного словоупотребления. М.; Л., 1966.

[6] Правда, употребляясь как существительные, подобные слова становятся склоняемыми, если они оканчиваются на согласную: *увлечься модерном, жить в люксе* и т. п.

[7] Еще в 20–30-е годы существовало существительное *автó* «автомобиль», ср.: *За Троицкий дули авто и трамы* (Маяковский). Как существительное воспринимается и слово *теле,* окказионально употребленное в песне А. Пахмутовой «Герои спорта»: *Светятся экраны теле.*

[8] Это явление описано в кн.: *Шведова Н. Ю.* Активные процессы в современном русском синтаксисе (словосочетание). М., 1966. С. 95–122.

ОРФОГРАФИЯ

Грамматика и орфография

[В сб.: Русистика на пороге XXI века: проблемы и перспективы (Материалы международной конференции, ИРЯЗ РАН). М., 2003]

Русское письмо называют фонографическим, или звуко-буквенным, поскольку каждая буква, как правило, передает какой-нибудь один звук речи. Наиболее регулярный случай отклонения от принципа «одна буква – один звук» представляет собой передача буквами **я, ю, е, ё, и** сочетаний йота с гласным (последовательно – или, точнее, почти последовательно[1] – отмечаемая на письме разделительными **ъ** или **ь**). Нарушение того же принципа можно усмотреть еще только в некоторых случаях написания удвоенных согласных. В этом фонографизме, кстати, большое преимущество нашей кириллицы перед многими современными традиционными системами письма, основанными на латинице: соотношение «звук – буква» в них несравненно сложнее.

С другой стороны, русское письмо называют морфологическим, или фономорфологическим. Прежде всего потому, что выбор гласных и согласных букв определяется тем, какой они передают звук в сильной позиции в пределах морфемы; таким образом, морфема (вернее, морф) – это та основная единица языка, которая определяет написание конкретных слов и словоформ. Но не только по этой причине. Русская орфография теснейшим образом связана с собственно грамматическими (морфологическими, словообразовательными) противопоставлениями. Остановлюсь на этом несколько подробнее.

I. Сначала – о связях правил орфографии с частями речи и частеречными противопоставлениями.

1. **Дихотомия «глагол – имя».** В глаголе, в отличие от имен и наречий, мы почти не встретим дефисных написаний. Единственный участок правил дефисного написания, захватывающий глаголы, – это общее правило употребления дефиса при повторах (*жить-поживать; постояли-постояли и разошлись* и т. п.). Этому есть собственно языковая (словообразовательная) причина – почти полное отсутствие в глаголе способа словосложения.

То же относится к проблеме слитного/раздельного написания *не*. В глаголе единственно возможным фактором слитного написания *не* является отсутствие соответствующего слова без *не*: *ненавидеть, нездоровится* и т. п., в то время как у имен (и наречий тоже) правила слитного/раздельного написаниями намного сложнее.

После шипящих под ударением в именных окончаниях и суффиксах пишется буква **о**, в глагольных – **ё**. Ср., например, с одной стороны, *плечо, ножом, чужой, кружок, толчок, мышонок, ручонка, чащоба, трещотка, мелочовка, поножовщина, грошовый, плащовка, речовка,* а с другой – *лжёшь, печём, выкорчёвывать, затушёванный, размежёвывание, упрощённый, гружёный, напряжённость.* Так же противопоставлены буквы **о** и **ё** при передаче ударных беглых гласных: ср., например, *княжон* (род. п. мн. ч.), *кишок, смешон, очочки* и *зажёг, прочёл, ушёл.*

На конце глагольных словоформ после шипящих регулярно пишется буква **ь**: *несёшь, мажь, спрячь, беречь, стричь* и т. п.; для именных словоформ характерно отсутствие этой буквы: *нож, бич, ковш, туч* (род. п. мн. ч.), *рощ, свеж, хорош* и т. п. Ср., однако, формы типа *мышь, ночь, ложь,* которые несколько размывают указанное противопоставление, но зато «работают» на другое важное грамматическое противопоставление (см. ниже).

2. **Дихотомия «имя существительное – имя прилагательное».** Слитное написание сложных существительных определяется обычно наличием соединительного гласного: *лесостепь, водопровод, птицеферма, южноамериканцы* и т. п. Хотя от этого общего правила есть отступления (написание названий составных единиц измерения типа *койко-место, человеко-день, самолёто-вылет,* некоторых этнических и этноязыковых названий – *финно-угры, монголо-татары,* названий промежуточных стран света типа *северо-восток),* в целом оно охватывает подавляющее большинство сложносоставных существительных. Гораздо пестрее, «многофакторнее» картина слитного/дефисного написания сложных прилагательных, но какой бы принцип ни был взят в основу этого ряда правил – семантическое соотношение основ прилагательного (как в правилах 1956 г.) или формально-грамматический критерий наличия суффикса относительных прилагательных в первой части сложения (как в словаре «Слитно или раздельно?» и в новом проекте «Свод правил русского правописания. Орфография. Пунктуа-

ция». М., 2000), – наличие соединительного гласного в прилагательном не является здесь определяющим фактором.

3. Своеобразие класса **местоимений** в системе частей речи требует особого внимания – не только с грамматической, но и с орфографической точки зрения – к слову *друг друга.* Это именно слово[2], а не словосочетание и не фразеологизм[3], составляющее особый разряд – взаимно-возвратное местоимение-существительное[4]. Оно обладает специфическими для класса местоимений формально-грамматическими свойствами. К ним относится дефектность парадигмы – отсутствие формы именительного падежа (как у слов *себя, некого, нечего),* а также – в предложно-падежных формах – вставка предлога внутрь слова после неизменяемой первой части (как у местоимений с первыми частями *кое-, ни* и *не).* Все это делает принципиальным и актуальным вопрос о переводе слова *друг друга* (а также производных стилистически сниженных его синонимов – *друг дружку* и *дружка дружку)* на дефисное написание, поскольку в классе местоимений это до сих пор единственный случай раздельного написания[5].

II. Несколько замечаний о влиянии на орфографию грамматических категорий слов.

1. **Категория вида.** Известное правило об употреблении одного либо удвоенного **н** в суффиксе полных форм страдательных причастий и соотносительных с ними прилагательных было сформулировано в 1956 г. так: с удвоенным **н** пишутся страдательные причастия прошедшего времени, а с одними – прилагательные, если они «не имеют приставки и не образованы от глаголов на *-овать, -евать*». Орфографическая комиссия 1964 г. в целях упрощения этого правила сформулировала такое предложение: писать всегда одно **н** в любых причастиях и прилагательных, не имеющих приставки. В обоих случаях упущен чрезвычайно важный фактор, определяющий границы применения данного правила: речь идет об образованиях от глаголов несовершенного вида. Образования типа *брошенный, купленный, решённый,* как и любые приставочные, образованные от глаголов совершенного вида, пишутся всегда с удвоенными, независимо от степени их адъективации[6]. Так же ведут себя и образования этого типа от двувидовых глаголов, за исключением слов *раненый* и *крещёный.* Без упоминания вида глагола невозможно адекватно сформулировать данное правило при любом к нему подходе – как «реформаторском», так и «консервативном».

2. **Категория рода.** В упомянутом проекте 1964 г., предлагавшем вообще отказаться от буквы **ь** после шипящих на конце слов, нивелировалось различение на письме существительных мужского и женского рода в их исходной форме им. п. ед. ч. С этим предложением можно соглашаться или отвергать его – несомненно, однако, что оно, будучи безупречным с фонологической точки зрения, порывает с важным исторически сложившимся грамматико-орфографическим противопоставлением. Контрастность написания разных грамматических типов слов и форм, несомненно, полезна.

III. Заметное влияние на правила употребления букв оказывает такой грамматический признак слова (словоформы), как отнесенность к определенной **парадигме** (в широком смысле этого термина – как к словоизменительной, так и, в некоторых случаях, к словообразовательной парадигме). На этом признаке основано, в частности, действующее правило употребления буквы **ё** в корнях после шипящих под ударением: если имеются формы того же слова либо однокоренные слова, в которых на месте ударного звука **о** пишется (под ударением или в безударной позиции) буква **е**, то в корне пишется **ё**, а не **о** *(жёлтый,* ср. *желта, желтеть; дешёвый,* ср. *дёшев, дешева, дешевле, дешеветь* и т. п.).

Характер словоизменительной парадигмы глагола отражен в известном «правиле Зализняка»[7], определяющем написание конечной буквы инфинитивной основы на месте безударного гласного в зависимости от ее усекаемости/неусекаемости в других глагольных формах (имеющих основу настоящего времени).

А такую известную и давно дискутируемую проблему, как написание окончания *-ы* или *-и* после *ц* в формах им. п. мн. ч. имен существительных (типа *огурцы, храбрецы, пальцы),* парадигматический подход позволяет, как представляется, решить в пользу традиционного написания с **ы**. Ведь в форме род. п. мн. ч. таких существительных (по крайней мере тех, где есть ненулевое окончание род. п., т. е. слов мужского склонения) выступает окончание *-ов,* характерное для твердой разновидности склонения и парадигматически связанное с окончанием им. п. мн. ч. *-ы:* ср. *столы – столов,* но *кони – коней, ножи – ножей* и т. п.[8].

IV. Рассмотренный материал – лишь часть большой проблемы «грамматика и орфография». Другие ее аспекты могут быть здесь только упомянуты. Так, написание ряда типов слов определяется наличием в их составе тех или иных аффиксов – суффиксов, при-

ставок, окончаний, в том числе таких, которые содержат непроверяемые гласные и согласные. Поэтому полный текст правил русской орфографии предполагает обязательное наличие в нем полных списков таких «непроверяемых» аффиксов. Написание этих аффиксов следует, разумеется, запоминать, однако запоминание их – не «штучная» лексическая работа: в каждом отдельном случае речь идет фактически об особом орфографическом правиле, охватывающем целый ряд слов, нередко очень большой и постоянно пополняемый; таковы, например, слова на *-тель, -тельный, -ние, -ость, -ывать* и др.[9].

Еще один важный аспект проблемы «грамматика и орфография» связан с тем, что во многих правилах русского письма отражаются явления морфемного шва, стыка морфем, а также сочетаемости морфем определенного типа между собой и служебных морфем с теми или иными основами. Рассмотрению под этим углом зрения орфографических фактов и проблем, относящихся к разным разделам правил русского правописания, также посвящена специальная публикация[10].

Примечания

[1] Об отступлениях от этой закономерности и о необходимости более строгого правила употребления буквы **ъ**, опирающегося также на ее морфологические позиции в слове, см.: *Лопатин В. В.* Новая редакция правил русского правописания: реальности и мифология // Общественные науки и современность. 2002, № 3. С. 176–177. Статья перепечатана: с. 706–719 данного издания.

[2] См.: *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1967. С. 53.

[3] В отличие, например, от синонимичного устойчивого словосочетания *один другого, одна другую,* в котором первое слово изменяется по родам, а второе представляет собой формы определительного местоименного прилагательного *другой*.

[4] См. работы М. А. Шелякина (напр.: *Лопатин В. В., Милославский И. Г., Шелякин М. А.* Современный русский язык. Теоретический курс. Словообразование. Морфология. М., 1989. С. 117–118), а также: Краткая русская грамматика. М., 1989. С. 210; Русский язык. Энциклопедия. Изд. 2-е. М., 1997, статьи «Местоимение» и «Возвратные местоимения».

[5] Показательно, что в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка имеется только одна словарная единица, пишущаяся раздельно, – *друг друга* (см.: *Зализняк А. А.* Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. М., 1977. С. 9, 66, 148).

[6] Подробнее см.: *Еськова Н. А.* О написании **нн – н** в полных формах страдательных причастий и соотносительных прилагательных // Вопросы культуры речи. VII. М., 1966.

[7] См.: *Зализняк А. А.* К вопросу о правописании безударных гласных в глагольных окончаниях // О современной русской орфографии. М., 1964.

[8] Случаи типа *полки́ – полков* (с основами на заднеязычный согласный) к этой проблеме не относятся, поскольку здесь имеет место чередование конечных согласных основы по твердости/мягкости.

[9] Подробнее см.: *Лопатин В. В.* Русские суффиксы: фонематический состав и орфография // Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения академика В. В. Виноградова). М., 1995. Статья перепечатана: с. 630–638 данного издания.

[10] *Лопатин В. В.* Морфемная структура слова и орфография // Аванесовский сборник (к 100-летию со дня рождения члена-корреспондента РАН Р. И. Аванесова). М., 2002. Статья перепечатана: с. 619–629 данного издания.

Морфемная структура слова и орфография

[Аванесовский сборник. М., Наука, 2002]

Русское письмо обычно называют морфологическим, или фономорфологическим. Но не только потому, что выбор гласных и согласных букв определяется тем, какой они передают звук в сильной позиции в пределах морфемы. Русская орфография вполне оправдывает название фономорфологической еще и по другой причине. Целый ряд правил русского письма отражает явления морфемного шва, стыка морфем, а также сочетаемости морфем определенного типа между собой и служебных морфем с теми или иными основами. Под этим углом зрения могут быть специально рассмотрены орфографические факты и проблемы, относящиеся к разным участкам и разделам правил русского правописания.

1. Как известно, одна из характерных черт русского кириллического письма, доставшегося нам от далеких предков и усовершенствованного за последние три столетия, – это способность передавать гласными буквами мягкость предшествующего (в пределах слитно пишущегося слова) парного согласного. Этому служат буквы **я, ю, ё** и (в большинстве случаев) **е, и.** Однако теми же буквами передаются и сочетания йота с гласным. Надежным сигналом такого «звукового содержания» указанных гласных букв в позиции после согласных внутри слова служат разделительные знаки **ъ** и **ь**, четко распределенные, главным образом, по разным позициям на морфемных стыках. Нас здесь интересуют позиции разделительного **ъ** – именно эта функция осталась у буквы **ъ** единственной после орфографической реформы 1918 г. Нынешняя Орфографическая комиссия РАН предложила более строго и последовательно (по сравнению с действующими правилами 1956 г.) определить морфологические позиции этой буквы.

Действующие правила ограничивают употребление разделительного **ъ** позициями после приставок – как русских первообразных *(отъехать, съёжиться, безъядерный, предъюбилейный)* и непервообразных *(сверхъестественный, сверхъяркий, межъязыковой)*, так и иноязычных *(контръярус, постъядерный, субъеди-*

ница, суперъяхта, трансъевропейский)[1] – и после некоторых первых компонентов сложных слов без соединительных гласных *(трёхъярусный, двухъёмкостный, панъевропейский)*[2]. В проекте новой редакции правил русской орфографии (2000 г.) предусмотрено распространение употребления разделительного **ъ** на любые сложные слова без соединительных гласных (например, на слово *гитлеръюгенд)* и на сложносокращенные слова. Предлагается писать: *инъяз, Минъюст, Инъюрколлегия, военъюрист, госъязык, детъясли, партъячейка, гидрометъявления, продъярмарка, хозъединица, спецъеда, спецъёмкость.* Правило становится максимально обобщенным: разделительный **ъ** употребляется как сигнал йотированности следующего за ним гласного после любых оканчивающихся на согласный начальных частей слов – компонентов префиксального и корневого характера.

Большинство тех, кто ознакомился с предложенным новым правилом, поддержало его. Но есть и критики, выдвигающие в качестве основного контраргумента тот факт, что так наз. слоговые аббревиатуры, или сложносокращенные слова, якобы являются со структурной точки зрения совершенно особым типом слов, состоящих из «обломков» или «обрывков» слов, который потому и не должен подчиняться общим правилам. На это нельзя не возразить: сложносокращенные слова, в отличие от инициальных аббревиатур (действительно особых по структуре, ср. хотя бы проблему их морфемного статуса, так наз. «абброкорней»), не представляют собой чего-то особого и с точки зрения критериев цельнооформленности вполне могут быть поставлены в один ряд со сложными словами без соединительных гласных или со словами, содержащими непервообразные приставки. В качестве только одного из признаков сближения сложных и сложносокращенных слов можно привести нередкие случаи структурной вариативности в сложениях с первыми сокращенными компонентами, содержащих соединительную гласную и не содержащих ее: ср., например, *инвалюта, инъяз* и *инофирма, иномарка; Центрархив, центрфорвард* и *Центробанк, центроплан, центросфера,* варианты *травмпункт* и *травмопункт* и т. п. Хорошо известна характерная для современного этапа развития русской аббревиации повторяемость первых компонентов сложносокращенных слов (таких, как *гос-, парт-, хоз-, спец-* и многие другие) в больших, открытых рядах образований, позволяющая трактовать их, по одной распространенной теории, как

разновидность префиксоидов, а по другой – как особые «аналитические прилагательные», и это тоже сближает их с первыми компонентами сложений и с непервообразными приставками.

Такова собственно лингвистическая сторона вопроса. Практическая же, орфографическая, общественно-оценочная сторона, не менее важная в вопросах правописания, состоит в том, что многие, в том числе вполне грамотные люди, испытывают явные неудобства, дискомфорт при написании таких слов, как *иняз* (именно такое написание диктуется правилами 1956 г.). Не случайно в «Словаре новых слов русского языка (середина 1950-х – середина 1980-х годов)» (1995), изданном Институтом лингвистических исследований РАН и основанном на большой картотеке словоупотреблений в современной печати, слово *иняз* дано в трех вариантах написания: *инъяз* (заглавное слово словарной статьи), *иняз* и *ин-яз.* А наши коллеги из Омского университета недавно сообщили, что в городе существует некая коммерческая фирма под названием «Академия Ин.яз Омск», причем точка после первой части слова повторяется в рекламных объявлениях и плакатах. Во всем этом видны разные попытки отразить на письме структуру слова *иняз,* показать тем или иным способом разделения слова йотированность гласного в начале второй части.

Интересна с этой точки зрения и орфографическая история физического термина *гиперъядро,* обозначающего атомное ядро, содержащее тяжелую элементарную частицу – гиперон. Основа производящего слова *гиперон* в нем усечена, но так, что она совпала (и формально, и семантически) с приставкой *гипер-,* хотя в самом производном сложном (или сложносокращенном?) слове *гиперъядро* это явно первый корень, а не приставка. Отсюда и орфографические колебания: в 13-м, исправленном и дополненном издании «Орфографического словаря русского языка» (1974) дано написание *гиперъядро*; в последующих стереотипных изданиях словаря буква **ъ** (в соответствии с действующим правилом написания сложносокращенных слов) при сохранении слитного написания исчезла; однако еще в 1971 г. в БСЭ (т. 6) дано написание *гипер-ядро,* на котором, кажется, теперь остановились специалисты-физики, писать же его надо, при любой структурно-словообразовательной трактовке, все же с буквой **ъ** (это написание дано в новом академическом «Русском орфографическом словаре», 1999). Встречаются в печати и такие написания, как

партъячейка, продъярмарка или окказионализм *спец-яйцо,* но пока все это – не более чем придумки недоумевающих корректоров либо просто их недосмотры, противоречащие действующим правилам правописания сложносокращенных слов...

2. Сложная орфографическая ситуация возникает на почве сочетаний основ прилагательных, содержащих суффикс *-ян-* (также *-янн-),* с последующим другим суффиксом. Существуют словообразовательные соотношения типа *ледяной – леденеть* и *леденить, костяной – костенеть* и *окостенитъ, кровяной – кровенеть* и *кровенить, травяной – травенеть, деревянный – деревенеть, стеклянный – стекленеть.* Во всех этих словообразовательных парах на месте буквы **я** суффикса прилагательного пишется в производных глаголах буква **е**. В прошлом, судя по словарям (от Даля до Ушакова), в написании таких глаголов наблюдались колебания: *деревенеть* и *деревянетъ, стекленеть* и *стеклянеть, кровянить* и *кровенить, травянеть* и *травенеть.* Победило написание с буквой **е.** Языковое обоснование этому факту можно найти в том, что, наряду с глагольным суффиксальным морфом *-е-,* в русской глагольной суффиксальной системе занимает определенное место (правда, очень незначительное) суффиксальный морф *-ене-,* бесспорно выделяющийся в глаголе *столбенеть* (мотивирующее для современного литературного языка – только слово *столб),* с меньшей степенью членимости (при ослабленной мотивации) – в глаголе *стервенеть* и с еще меньшей – в глаголах *коченеть* и *цепенеть,* причем эти глаголы, как и «полномотивированные» *деревенеть, леденеть* и т. п., тоже обозначают переход в другое состояние. Это позволяет выделять во всех глаголах на *-енеть,* независимо от того, имеется ли соотносительное прилагательное на *-яной* или *-янный,* особый суффиксальный морф *-ене(ть),* а в глаголах на *-ени(ть)* (включая сюда не только *деревенить, кровенить, леденить* и т. п., но и *коченить,* и *цепенить)* – суффикс *-и(ть)* с каузативным значением при мотивации их глаголами на *-ене(ть).* Предлагается унифицировать орфографические отношения в образованиях этого типа, приняв написания с буквой **е** перед **н** двух малоупотребительных глаголов – *воденеть* (ср. *вода, водяной)* и *торфенеть* (ср. *торф, торфяной).* Однако не подлежат унификации глаголы *багряне́ть* и *багряни́ть* – мотивирующим для них однозначно является прилагательное *багряный* (ср. особенно акцентный вариант *багря́нить).*

Совсем другая картина складывается при анализе орфографических отношений в словообразовательных парах *кровяной – кровянистый, водяной – водянистый, травяной – травянистый, деревянный – деревянистый,* аналогично *маслянистый, торфянистый, смолянистый, стеклянистый.* Хотя исторически в некоторых из таких прилагательных на *-истый* тоже наблюдаются орфографические колебания (ср. хотя бы у Даля: *деревянистый* и *деревенистый),* унификация их написания пошла в другом направлении. В современной орфографии сохранение буквы **я**, наследуемой от мотивирующего прилагательного с суффиксом *-ян-* (или *-янн-),* носит здесь регулярный характер. На этом фоне единственное в словах данного структурного типа написание с буквой **е** – *леденистый* – выглядит анахронизмом и вполне может быть заменено написанием *ледянистый.* Место этого слова – в одном ряду с *маслянистый, водянистый* или *травянистый,* а вовсе не с *каменистый* или *студенистый* (последние мотивированы только существительными).

3. В связи с возможными словообразовательными отношениями типа *деревянный – деревенеть, деревенить, деревянистый* возникает еще одна, гораздо более общая, орфографическая проблема – сохранение или несохранение удвоенной согласной конца производящей основы при суффиксации. Собственно, здесь не одна проблема, а две. Первая – судьба удвоенной согласной **нн** в суффиксальных образованиях от русских прилагательных и причастий с суффиксом *-енн-, -янн-* или *-нн-.* Другая проблема – судьба удвоенной согласной конца корня слов иноязычного происхождения, оказавшейся перед суффиксом.

Двойная **нн** конца основы прилагательных и причастий сохраняется перед суффиксом наречий *-о* и перед суффиксами существительных *-ость, -ик, -иц(а),* например: *нечаянно, неслыханно* (от *нечаянный, неслыханный), уверенно, уверенность (уверенный), воспитанность, воспитанник, воспитанница (воспитанный), направленность (направленный), пленник (пленный), коренник (коренной), ветренник, ветренница, ветренность,* то же в глаголе *ветренничать* (все – от слова *ветренный,* которое в проекте новой редакции орфографических правил предложено писать с двумя **н**, устранив исключение). Однако перед суффиксами *-ец, -к(а), -ств(о), -е(ть), -и(ть), -ист(ый)* двойная **нн** не сохраняется и пишется одна буква **н**: *приверженец* (ср. *приверженный), оборванец* и *оборванка (оборванный), посланец (посланный), манка (манная*

крупа), сгущёнка (сгущённое молоко), постоянство (постоянный), совершенство (совершенный); ветренеть, беременеть (ср. *ветренный, беременная), оказёнить, осовременить, остепениться* (ср. *казённый, современный, степенный); деревянистый, оловянистый, стеклянистый.*

Двойная согласная конца корня слов иноязычного происхождения сохраняется регулярно перед разными суффиксами: *группа – группка, групповой, группировать; программа – программка, программный, программист; балл – пятибалльный, компромисс – компромиссный, норманны – норманнский* и т. д. Особое частное правило о несохранении удвоенной согласной касается только двух групп образований. Во-первых, это уменьшительные и фамильярные формы личных имен с суффиксом *-к(а)* типа *Алла – Алка, Анна – Анка, Римма – Римка, Жанна – Жанка, Кирилл – Кирилка, Филипп – Филипка* (также *Филипок,* род. п. *Филипка,* и *Филипчик,* но ср. *Аллочка, Жанночка, Кириллушка* и т. п. с сохранением двойной согласной перед суффиксами *-очк-, -ушк-).* Во-вторых, это любые образования с суффиксом *-к(а)* от слов с двойной **нн,** например: *финка* (ср. *финн), пятитонка, трехтонка (тонна), колонка (колона), антенка (антенна)*[3]. Это дополнительное правило вводится в свод орфографических правил впервые и отвечает существующей практике письма. Правило о написании имен типа *Алка* введено уже в справочники по правописанию Д. Э. Розенталем и его соавторами.

При сокращении слов, содержащих двойную согласную, в составе сложносокращенных слов сохраняется только одна согласная, например: *грамзапись (граммофонная запись), корпункт (корреспондентский пункт), теракт (террористический акт), членкор (член-корреспондент), групком, групорг.* Зато в первом компоненте сложных слов, пишущихся через дефис, двойные согласные сохраняются: *масс-культура, пресс-форма, пресс-центр, экспресс-анализ, ватт-секунда.* Граница корневых морфем, обозначенная дефисом, – единственная в цельнооформленных словах русского языка, допускающая сочетание трех одинаковых согласных: *пресс-секретарь, пресс-служба, килограмм-метр.*

4. Удвоенные согласные появляются в русских словах также при дублировании соседних согласных, принадлежащих разным морфемам: приставке и корню, корню (производящей основе) и суффиксу, корню и постфиксу, например: *беззаконный, раззвонить,*

поддержать, старинный, сторонний, звонница, матросский, гулливый, спасся.

Существенный запрет задается правилом, которое в общем виде формулируется так: «Не допускается на стыке корня и суффикса удвоенная согласная **ч**. Сочетание двух согласных звуков **ч**, первый из которых оказывается на месте конечных согласных **к, ц** или **ч** основы производящего слова, передается сочетанием букв **тч**, например: *кабатчик* (от *кабак), потатчик (потакать), картотетчик (картотека), передатчик (передача), добытчик (добыча), черепитчатый (черепица), крупитчатый (крупица), туретчина (турецкий), Донетчина (Донецк, Донецкая область)».*

Последний пример вводит нас в проблему морфонологического и орфографического распределения алломорфов продуктивного словообразовательного суффикса *-щин(а)/-чин(а),* впервые отражаемую в новой редакции орфографических правил. Распределение это – такое же, как у алломорфов суффикса *-щик/-чик: -чин(а)* пишется после согласных **т, д, с, ж,** *-щин(а)* – в остальных случаях: ср. *Брестчина (Брест, Брестская область), Новгородчина (Новгород, Новгородская область),* аналогично *Вологодчина, Одесчина, Воронежчина,* но: *Смоленщина, Брянщина, Рязанщина, Тамбовщина, Орловщина.*

В этой связи авторам новой редакции правил пришлось услышать от некоторых ее критиков такое возражение: в правила вводится чуждая русскому языку, украинская (ср. особенно примеры *Донетчина* и *Одесчина,* по-украински пишущиеся, кстати, иначе: *Донеччина, Одещина)* словообразовательная модель. С этим трудно согласиться: данный словообразовательный тип, хотя и укрепился в русском литературном языке в советскую эпоху под влиянием украинского языка, тем не менее вполне усвоен русским языком, приобрел в нем продуктивность (ср. хотя бы новообразования, зафиксированные в постсоветскую эпоху: *Нижегородчина, Самарщина).* По происхождению же модель эта – не только украинская и белорусская, но и южно- и западнорусская: такие образования, как *Смоленщина, Орловщина, Псковщина,* зафиксированы в диалектологических записях и этнографических материалах уже в конце XIX – начале XX в. Но и такие слова, как *Донетчина, Виннитчина* или *Одесчина,* мы должны писать по законам своей орфографии, а не чужой – подобно тому, как пишем по-русски, например, названия иностранных государств и областей.

В целом раздел правил «Группы согласных на стыке значимых частей слова» в новой редакции орфографических правил стал более полным. В нем впервые нашлось место, например, прилагательным на *-сский,* образованным от слов с основой на **ск** *(этруски – этрусский, Дамаск – дамасский, Сан-Франциско – сан-францисский,* но: *баски – баскский),* соотношениям типа *фашистский* (основа на *ист* + суффикс *-ск-),* но *фашиствующий* (основа на *ист* + суффикс *-ствова-* при сохранении только одного **ст**), вариантам сравнительной степени прилагательного *хлёсткий: хлёще* (с усечением основы и чередованием **ст – щ**) и *хлёстче* (без усечения основы при чередовании **к – ч**) и ряду других фактов.

5. Действующее до сих пор правило 1956 г. о правописании сложных прилагательных со второй (последней) частью, способной употребляться в качестве самостоятельного слова, основано на семантическом принципе – на противопоставлении написаний прилагательных с равноправным (дефисные написания) и неравноправным, подчинительным (слитные написания) отношением основ. В практике письма это правило, при всей своей кажущейся простоте, никогда последовательно не соблюдалось, что и фиксировалось в академическом «Орфографическом словаре русского языка», причем при переизданиях этого словаря количество написаний, противоречащих действующему правилу, увеличивалось. Так, уже в первом издании словаря (1956 – одного года с утвержденными тогда же правилами) находим написания: *глухонемой, буровзрывной, пароводяной,* а с другой стороны, *буржуазно-демократический, военно-исторический, парашютно-десантный, жилищно-кооперативный, жилищно-строительный, научно-исследовательский, научно-фантастический, научно-атеистический, уголовно-процессуальный, врачебно-консультационный, врачебно-контрольный, народно-демократический, народно-поэтический, народно-революционный, стрелково-спортивный, экспериментально-психологический, экспериментально-физиологический* и другие подобные, явно противоречащие сформулированному тогда же правилу. В 13-м издании словаря (1974) к ним присоединились такие слова, как *нефтегазовый, газопаровой, водовоздушный, государственно-монополистический, ракетно-технический, гражданско-правовой, молочно-животноводческий, химико-технологический, ядерно-энергетический.* Не подчиняется правилу 1956 г. и написание многих других сложных прилагательных – таких как, например, *христианско-демократический, авторско-правовой, ле-*

чебно-физкультурный (давно известные, но не включавшиеся до недавнего времени в академический орфографический словарь) или новые слова *валютно-обменный, партийно-номенклатурный.* При наличии десятков слов, не подчиняющихся сформулированному правилу, нельзя не признать, что правило это не действует.

Правило, предлагаемое ныне взамен устаревшему, основано не на семантико-синтаксическом принципе (характер отношения основ, составляющих сложное слово), а на формально-грамматическом, исходящем из структуры первой основы сложного прилагательного: при наличии в ней одного из суффиксов относительных прилагательных – суффикса *-н-, -ск-* (или других суффиксальных морфов, кончающихся на *н, ск), -ое-, -ян-, -чат-, -ист-,* а также элементов *-ик-, -лог-, -граф-* (соотносительных с прилагательными на *-ский, -ический)* следует писать сложные прилагательные через дефис, а при отсутствии этих морфем – слитно. Таким образом, слитное написание устанавливается для прилагательных, первая часть которых не содержит суффикса *(глухонемой, добросердечный, свежеокрашенный, звукобуквенный, приходорасходный, вегетососудистый,* но *приходно-расходный, вегетативно-сосудистый),* а также является суффиксальной основой качественного прилагательного *(низкотемпературный, круглогодичный, светлохвойный, свободномолекулярный, холодноштамповочный)* либо основой прилагательного на *-ний* (слова с первыми частями *ранне, поздне, древне, верхне, нижне, ближне, дальне, передне, средне, задне, внешне, внутренне*)[4].

В основу этого правила взяты принципы, сформулированные Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой в их словаре-справочнике «Слитно или раздельно?» (изд. 1-е, 1972; изд. 8-е, 1998) и опирающиеся на те тенденции, которые были выявлены ими в современной практике письма.

Переход к новому правилу, основанному на морфемном составе компонентов сложного прилагательного, приведет к изменению написаний еще ряда прилагательных. Например, более или менее устойчиво писавшиеся до сих пор слитно прилагательные *геолого-разведочный, естественно-научный, народно-хозяйственный, первобытно-общинный, церковно-славянский, северно-великорусский* должны теперь писаться через дефис. В виде исключения в проекте сохранено несколько традиционных написаний по старому правилу: *железнодорожный, сельскохозяйственный, ка-*

менноугольный, хлопчатобумажный, царскосельский; то же касается относящихся к химической терминологии прилагательных со второй частью *кислый (солянокислый, марганцовокислый* и т. п.).

Сейчас трудно сказать, сложнее предложенное новое правило старого правила 1956 г. или легче. Но одно можно утверждать с уверенностью – оно последовательнее в своей практической реализации.

Новому правилу предлагается подчинить написание сложных прилагательных, образованных от двусловных (раздельно пишущихся) географических названий. Ср., с одной стороны, *великоустюгский, новогвинейский, новозеландский, латиноамериканский* (в первой части этих сложных прилагательных нет суффикса), *ближневосточный, дальневосточный, среднеазиатский, нижнетагильский* (с первой частью – основой прилагательных на *-ний),* а с другой, *южно-американский, западно-европейский, северно-причерноморский, восточно-средиземноморский, центрально-африканский, нагорно-карабахский, горно-алтайский, набережно-челнинский, сергиево-посадский* и т. п. (в первой части – суффикс *-н-* или *-ов-).* Влияние фактора суффикса в первой части таких сложных прилагательных давно обнаруживалось в написании составных географических наименований. Входящие в их состав сложные прилагательные при наличии в первой части суффикса *-н-, -ов-, -ск-* писались через дефис и с двумя прописными буквами, например: *Западно-Сибирская низменность, Восточно-Китайское море, Южно-Африканская Республика, Горно-Алтайская автономная область, Нагорно-Карабахская автономная область* (два последних названия теперь отошли в прошлое), *Гаврилово-Посадский район* (от *Гаврилов Посад,* город), *Камско-Устьинский район* (от *Камское Устье,* поселок), но: *Малоазиатское нагорье, Великолукский район, Старооскольский район, Краснопресненский район,* а также *Верхнерейнская низменность, Нижнеломовский район* (от *Нижний Ломов,* город), *Верхнесалдинский район* (от *Верхняя Салда,* город) и т. п. (все примеры взяты из географических и административно-территориальных справочников советского периода)[5]; в то же время не в составе географических наименований все такие прилагательные полагалось писать слитно. Теперь прилагательные с суффиксом в первой части предлагается писать единообразно – через дефис вне зависимости от того, употреблены они в составном наименовании или как нарицательные обозначения: ср. *Западно-Сибирская низменность, Западно-*

Сибирский металлургический комбинат и *западно-сибирская природа, растительность* и т. п. Соответственно надо писать и широко распространившиеся в последние годы названия регионов, например: *Ближневосточный регион,* но *Азиатско-Тихоокеанский регион, Центрально-Черноземный регион.*

Все приведенные примеры (а их можно было бы увеличить) показывают прямую, непосредственную связь многих правил русской орфографии с закономерностями сочетания значимых частей слова (морфем между собой и с основами определенных структурных типов) в самом языке. Целью наших заметок было показать многообразные аспекты этой большой проблемы.

Примечания

[1] Приставки *пост-* и *супер-* в тексте правил 1956 г. не упомянуты. Особое место занимают слова иноязычного происхождения с разделительным **ъ** после начальных элементов *аб-, ад-, диз-, ин-, кон-* и др., которые являются приставками только в языке-источнике, а в русском в качестве приставок не выделяются. Написание таких слов *(абъюрация, адъективный, адъютант, инъекция, конъюнктура, объект* и др.) устанавливается в словарном порядке, полный список их приводится в новой редакции правил.

[2] Разделительный **ъ** закреплен и в написании слова *фельдъегерь,* где первый компонент сложения носит связанный характер (ср. *фельдпочта, фельдсвязь),* а второй вычленяется лишь остаточно.

[3] Кроме этих двух групп, имеются еще три слова, характеризующиеся несохранением удвоенной согласной перед суффиксом: *кристальный, финский* и *оперетка.*

[4] Семантический критерий остается определяющим лишь в двух группах сложных прилагательных – обозначающих оттенки признака (преимущественно цвета и вкуса) или сочетание таких признаков, а также отношения стран, языков, народов. Прилагательные этих двух групп пишутся через дефис независимо от структуры первой основы: *бледно-жёлтый, светло-голубой, густо-синий, черно-белый, бело-сине-красный, кисло-сладкий; англо-русский, франко-итальянский, урало-сибирский* и т. п.

[5] Единственное исключение из этой довольно стройной картины представляли собой (и представляют до сих пор) географические наименования с первой частью *центрально: Центрально-Африканская Республика, Центрально-Андийское нагорье* и т. п. Во всех официальных справочниках сложные прилагательные в них предлагается писать слитно и, естественно, с одной прописной буквой. Эта рекомендация была вызвана в свое время, по-видимому, семантической близостью основ прилагательных *центральный* и *средний.*

Русские суффиксы: фонематический состав и орфография

[Филологический сборник (к 100-летию со дня рождения акад. В. В. Виноградова). М., 1995]

Известно, что словообразование, занимая специфическое место в системе языка, тесно связано с лексикой, служит формированию лексических значений мотивированных слов, группировке слов в лексические разряды. «Поскольку мотивированных слов в языке подавляющее большинство, словообразование является и важным ключом к лексике языка в процессе ее усвоения, к пониманию значения новых слов; словообразовательная структура слова... всегда в той или иной мере указывает на его лексическое значение»[1].

Сказанное имеет прямое отношение к письменному облику слова, к его орфографии. Для русского языка с его развитой суффиксацией значительное количество орфограмм определяется наличием в слове того или иного суффикса. Основной принцип русского письма – морфемный, или фонематический, – предполагает одинаковое написание в разных словах одной и той же морфемы (точнее, морфа). На этом принципе, естественно, основано и написание безударных гласных в суффиксах.

1. Во многих русских суффиксах безударная гласная пишется согласно основному принципу, легко проверяясь ударной позицией – либо в других словах того же словообразовательного типа, например, *а́томщик* (ср. *обувщи́к), люби́мица (певи́ца), бара́нина (осетри́на), би́серинка (икри́нка), пла́тьишко (ружьи́шко), агроно́мия (хирурги́я), найдёныш (крепы́ш), де́довский (старико́вский), пе́карь (звона́рь), у́тречко (месте́чко),* либо в производных словах и формах, например, *линова́ть (лино́вка, лино́ванный), пя́теро (пятёрка), бытие́, собы́тие (бытийный, событи́йный).* Некоторую трудность представляют суффиксы, в которых безударная гласная оказывается в ударной позиции лишь в редких или исключительных случаях. Таков, например, суффикс *-ость,* ударный в единственном слове *злость* (с неслоговым корнем), или морф *-еств(о),* ударный только в случае *то́ждество (то́жество) – тождественный*

ный); по своему месту в орфографической системе такие суффиксы близки к суффиксам следующей группы.

2. Сложнее обстоит дело с написанием суффиксов (морфов), имеющих непроверяемую безударную гласную, т. е. всегда выступающих в безударной позиции. Так, не поддаются проверке безударная гласная ***и*** в суффиксах *-ик(а)* (в собирательном значении и в значении «сфера занятий, отрасль знания»: *автоматика, журналистика), -иан(а) (пушкиниана), -иад(а) (олимпиада), -итет (суверенитет), -иат (секретариат), -ик(о) (колёсико),* то же в словах на *-ние/-ение (знание, осмысление), -ация (оккупация),* в суффиксах *-иальн-(принципиальный), -ианск- (марсианский), -изова-* и *-изирова- (нейтрализовать, стабилизировать)*; гласная ***е*** в суффиксах (морфах) *-еник* и *-енник (труженик, предшественник), -ец(а) (хитреца), -еск- (юношеский), -енн- (утренний), -тель, -тельн-, -тельск-, -тельств(о) (учитель, привлекательный, издевательский, ручательство), -абельн- (комфортабельный), -ическ- (героический), -ческ- (краеведческий)*; ***о*** в суффиксах (морфах) *-онер (милиционер), -отн(я) (толкотня), -атор (организатор);* ***о*** или ***е*** в *-оват- (мешковатый, молодцеватый), -овит- (плодовитый, глянцевитый), -оньк- (лёгонький, слабенький, старенький)*[2]; ***а*** в *-ану- (крутануть, психануть)*; ***ы*** в *-ышк(о) (пятнышко);* ***ы*** или ***и*** в суффиксе глаголов несов. вида *-ыва- (-ива-),* а также при письменной передаче разговорных форм мужских отчеств типа *Степаныч, Олегыч, Андреич*[3].

Всего, по нашим подсчетам, таких суффиксальных морфов в русском языке около 60, подавляющее большинство их (более трех четвертей) продуктивны. Написание таких суффиксов следует, разумеется, «запоминать», однако запоминание их – это не «штучная» лексическая работа: в каждом отдельном случае речь идет об особом орфографическом правиле, охватывающем целый ряд слов, нередко очень большой и постоянно пополняемый (ср. особенно слова на *-тель, -ние, -ость, -ывать* и др.). Поэтому и в своде правил русского правописания должен приводиться полный список таких «непроверяемых» суффиксов, а практическая работа по усвоению русской орфографии должна включать в себя специальную работу над этими конкретными суффиксами, тесно увязанную с изучением словообразования.

3. Особый интерес и особую сложность представляют суффиксы, написание которых противоречит основному принципу русской

орфографии. В таких суффиксах (в разных образованиях в пределах одного и того же словообразовательного типа) либо пишутся на месте всегда безударной гласной в разных словах разные буквы, либо в безударной позиции пишется не та буква, что в ударной.

Некоторые из этих случаев уже рассматривались специалистами и были предметом орфографических дискуссий[4]; в результате удалось снять часть противоречивых написаний и кодифицировать орфографическую унификацию соответствующих суффиксов. Написания типа *Ванечка, Раечка* и типа *тётенька, Варенька, Петенька, Лизонька, лисонька, кисонька, цыпонька, полосонька* были утверждены как единственно соответствующие современной орфографической норме (при старых вариантных написаниях *Ваничка, Раичка, тётинька, Варинька, Петинька, Лизанька, лисанька, кисанька, цыпанька*[5]*, полосынька).* Впрочем, полностью орфографическая вариантность этих суффиксов – уменьшительно-ласкательных *-очк- (-ечк-)* и *-оньк- (-еньк-)* – фактически не устранена, но переведена в другую плоскость, стилистическую. Имеется в виду, во-первых, возможность написаний с суффиксом *-ыньк-* (вместо *-оньк-)* в фольклорных текстах и в текстах, ориентированных на фольклорную традицию, а также на передачу «простонародной» речи: *полосынька, косыньки* (Некрасов), *глазыньки* (Б. Ручьев), *невестынька* (Р. Рождественский), *смертынька* (В. Шукшин, В. Распутин) и т. п.; во-вторых, сохранение написаний *-ичк-* (вм. *-ечк-)* и *-иньк-* (вм. *-еньк-)* в современных переизданиях классиков XIX в. как некоторого признака устарелой орфографической нормы, своего рода приметы эпохи: *Полинька* Сакс у Дружинина, *Марфинька* у Гончарова; ср. также: *Володичка* приехали! (Чехов); *Юличка* у меня зонтик свой забыла (Чехов); Он давно с нею знаком, *Сеничка?* (Гаршин) и т. п. Наконец, в-третьих, можно говорить о написаниях типа *Веничка* (Ерофеев) как о некоторой черте современного «просторечия» (письменного!).

3.1. Наиболее устойчивыми в своей орфографической вариантности выглядят в этой группе те из суффиксов, у которых различия написания обусловлены какими-либо дополнительными грамматическими факторами, преимущественно морфонологического характера. Таковы, например, уменьшительно-ласкательные суффиксы *-ек/-ик* (первый орфографический вариант – при беглой гласной, второй – при небеглой: ср. *кусочек* и *калачик), -ец(о)/-иц(е)* (с ударением соответственно на постсуффиксальной или предсуффиксальной части слова: ср. *ружьецо́* и *пла́тьице).* В последнем

случае формы род. п. мн. ч. типа *ружьёц* показывают, что под ударением в этом суффиксе возможна только гласная ***е***.

Обратим внимание еще на три случая такого же рода, которые прежде в орфографической литературе не рассматривались. Во-первых, это существительные с суффиксом «женскости» *-анк(а)/-енк(а),* в которых орфографические варианты с буквами ***а (я)*** и ***е*** распределяются очень четко: под ударением в суффиксе всегда пишется ***а (я),*** а в безударном положении – ***е***: ср., с одной стороны, *гречанка, турчанка, чукчанка, ульчанка, курдянка, горянка, китаянка, кореянка, индианка, бразильянка, сардинянка, служанка, беглянка, подлянка* (прост.), а с другой – *француженка, черкешенка, монашенка, нищенка;* ср. также *петербуржа́нка* и *петербу́женка*[6]. Второй, аналогичный, случай – прилагательные с притяжательно-относительным суффиксом *-ачий/-ичий* (с беглой ***и*** перед ***й***). Орфографический вариант этого суффикса (продуктивный) с буквой ***а (я)*** выступает только под ударением, вариант с первой буквой ***и*** (непродуктивный) – только в безударной позиции: ср. *коша́чий, лягуша́чий, быча́чий, утя́чий, свиня́чий*[7] и *бе́личий, не́рпичий, попуга́ичий.* Третий случай – небольшой, закрытый ряд слов сред. рода с суффиксальным морфом *-инств-/-енств-*. Здесь мы видим зависимость выбора орфографического варианта от ударения на постсуффиксальной или предсуффиксальной части слова: *большинство́, меньшинство́, старшинство́,* но *пе́рвенство* (из них слово *меньшинство* получает в формах мн. ч. ударение на самом суффиксе, т. е. обнаруживает сильную фонему [и]: *меньши́нства)* – принцип распределения орфографических вариантов, подобный случаю с суффиксом *-ец(о)/-иц(е).*

Несколько более сложный случай, сопряженный с орфографическими трудностями, но тем не менее довольно регулярно связанный с дополнительными морфонологическими условиями, – это написание морфов прилагательных *-енн-* и *-ян-*. Орфографической дифференциации этих суффиксальных морфов способствуют, во-первых, акцентологические различия и, во-вторых, фонемная структура предшествующей суффиксу основы. Морф *-енн-* (с гласной *е* и удвоенной *н)* всегда безударен (заударен) и выступает после сочетаний согласных: *бу́квенный, ли́ственный, моли́твенный, о́гненный, каза́рменный, мане́вренный, о́спенный, бессмы́сленный* и т. п. (исключения единичны: *обе́денный, соло́менный, поли́венный).* Морф *-ян-* (с одним *н;* после шипящих *-ан-*) высту-

пает чаще под ударением или в словах с ударным окончанием: *полотня́ный, овся́ный, песча́ный, кровяно́й, ледяно́й, костяно́й, волосяно́й, нефтяно́й, ветряно́й (ветряная мельница)* и редко – в заударной позиции *(гли́няный, ко́жаный)*, причем в характерной для морфа *-енн-* позиции после сочетаний согласных – только в единичных словах *(ма́сляный, сели́тряный, серебряный, фини́фтяный* и в названии болезни *ве́тряная оспа)*. Кроме указанных единичных исключений, где написание гласной суффиксального морфа определяется в словарном порядке[8], в основной массе образований морфы *-енн-* и *-ян-* достаточно четко противопоставлены по морфонологическим признакам.

3.2. Еще менее строгим, не столь зависящим от дополнительных грамматических факторов, является распределение орфографических вариантов суффиксов (или суффиксальных морфов) в других, рассматриваемых ниже, случаях. Здесь уже в дело вступает главным образом лексическое, словарное распределение орфографических вариантов.

Наиболее продуктивен в этой группе суффиксальный морф прилагательных *-инск-/-енск-*: ср., с одной стороны, *я́лтинский, о́хтинский, ми́рнинский* (от *Мирный), изве́стинский,* а с другой – *пе́нзенский, пре́сненский, ке́рченский, гро́зненский, рождественский* и т. п. В распределении этих орфографических вариантов могут быть отмечены отдельные частные закономерности, формальные и семантические, однако они далеко не охватывают всей совокупности образований данного типа, как в предыдущих случаях. Так, вариант с буквой ***и*** выступает регулярно при мотивации названиями лиц женского пола *(се́стринский, екатери́нинский, елизаве́тинский, а́ннинский)* и топонимами в форме мн. ч. *(мыти́щинский, ша́хтинский)*; вариант с буквой ***е*** – при мотивации словами с основой на *-ищ-*, кроме топонимов на *-ищи (ни́щенский, кладби́щенский, городи́щенский).* Под ударением в прилагательных этого типа выступает почти исключительно вариант *-инск- (чити́нский, куби́нский, караганди́нский, матери́нский)* и только в единственном слове *брне́нский* (от *Брно,* с неслоговым на русской языковой почве корнем) – вариант *-енск-*. Последний факт как будто дает основания утверждать с осторожностью, что перед нами не орфографические варианты одного морфа, а разные суффиксальные морфы, но не снимает всей орфографической сложности проблемы.

Другой подобный случай – суффикс *-ив(о)/-ев(о),* выделяющийся в отглагольных существительных со значением объекта или результата действия: ср., с одной стороны, *месиво, топливо, сочиво* (обл.), а с другой – *варево, курево, жарево, печево, крошево* (все – разг.), *кладево, куплево* (оба – обл. и прост.), *прядево, мелево, сеево* «мелкий снег, дождь», *греблево* «скошенная трава, предназначенная для сгребания» (все – обл.), *ши́рево* «наркотик для вкалывания» (жарг.; от *ширя́ться* «вкалывать наркотик»)[9]; реже после парных твердых согласных: *хлёбово* (прост.), *е́дово* «пища» (обл.). Хотя преобладают написания слов этого типа с буквой ***е*** в суффиксе (и они поддерживаются буквой ***о*** после твердых согласных), однако орфографический вариант *-ев(о),* как и *-ов(о),* всегда безударен, под ударением же встречается только *-ив(о)* (в позиции после неслогового корня): *жни́во, чти́во, зри́во* (прост.; о кинопродукции, по аналогии с *чтиво).*

Весьма неоднородный материал представляют собой имена прилагательные, преимущественно отнаречные, с суффиксальным морфом, выступающим в нескольких орфографических вариантах: *-ошн(ий), -ашн(ий),* а в позиции после мягких согласных – *-ешн(ий)* и *-ишн(ий):* ср. *там – та́мошний, вечор – вечо́рошний* (устар. и обл.)[10], *правда – пра́вдашний, взаправду – взапра́вдашний* и *взаправду – взапра́вдашный* (все – прост.)[11], *теперь – тепе́решний, утро – у́трешний* (прост.), *обедня – обе́днишний* (разг.) и *к обедне – кобе́днишний* (прост.)[12]. В позиции под ударением – в единственном слове *давни́шний* – в этом суффиксальном морфе выступает гласная ***и***.

Уникальную пару с точки зрения неоднородности орфографического оформления суффиксального морфа представляют собой слова *куманёк* и *муженёк.* Уникально и написание ***е*** (после [*j*]) в слове *краешек;* ср. *воробышек, колышек, клинышек с* суффиксом *-ышек.*

3.3. Своеобразную ситуацию, в которой спорность орфографии тесно переплетается со спорностью морфемно-словообразовательной структуры слов, мы наблюдаем в глаголах на *-ене́ть* и *-ени́ть,* обозначающих приобретение признака, переход в другое состояние (глаголы на *-енеть)* и наделение признаком (соотносительные переходные глаголы на *-енить).* Картина словообразовательных связей глаголов на *-енеть* выглядит следующим образом. 1). В четырех глаголах несомненно выделяется суффиксальный морф

-ене(ть), с безударной первой гласной, передающейся на письме буквой ***е****: столб – столбенеть, дуб – задубенеть, руда – оруденеть* (спец.) и *чёрт – очертенеть* (прост.). 2). В семи глаголах (не считая приставочных производных) наблюдается корреляция с прилагательными на *-яно́й* и на *-я́нный: кровенеть* (ср. *кровяной), костенеть (костяной), леденеть (ледяной), лубенеть (лубяной), травенеть (травяной), деревенеть (деревянный)* и *стекленеть (стеклянный).* Если в качестве мотивирующих для этих глаголов рассматривать соответствующие прилагательные, то надо признать различие в орфографическом оформлении одного и того же суффиксального морфа: *-ян-* или *-янн-* в прилагательном и *-ен-* в отадъективном глаголе. 3). Три глагола – *коченеть, цепенеть* и *стервенеть* – с синхронной точки зрения не имеют в современном языке мотивирующих, однако несомненно обладают ослабленной морфемной членимостью, входя в тот же формально-семантический ряд глаголов со значением перехода в другое состояние. Соотносительных переходных глаголов на *-енить* меньше, и коррелируют они только с глаголами групп 2 и 3: *деревенить, кровенить, леденить* и *окостенить* (ср. однокоренные глаголы группы 2), *коченить, цепенить* и *стервенить* (ср. все глаголы группы 3).

Наиболее рациональным решением проблемы словообразовательной структуры рассматриваемых глаголов, учитывающим их традиционно сложившийся орфографический облик и не толкающим к изменению орфографии глаголов группы 2 (т. е. к введению написаний типа *ледянеть, деревянеть,* что неоднократно предлагалось), представляется следующее. Во всех глаголах на *-енеть* групп 1 и 2 выделяется особый суффиксальный морф *-ене(ть)* при мотивации существительными (для глаголов группы 1 эта мотивация и соответственно это морфемное членение – единственно возможные), причем для глаголов спорной группы 2 основанием и аналогией для такого морфемного членения являются глаголы групп 1 и 3. Для глаголов же на *-енить* непосредственно мотивирующими являются соотносительные глаголы на *-енеть* (независимо от степени собственной морфемной членимости последних) и, следовательно, в них выделяется суффиксальный словообразовательный морф *-и(ть)* с каузативным значением[13]. В то же время для тех немногих глаголов, в орфографическом облике которых утвердилась буква ***я*** перед *-не́ть* и *-ни́ть, – торфянеть, водянеть* (устар.), *багрянеть* и *багрянить* – основанием для

такого написания остается непосредственная словообразовательная мотивация прилагательными на *-яный, -яной.*

Мы далеки от мысли о необходимости радикального устранения рассмотренных отступлений от основного принципа русской орфографии, наблюдаемых в сфере суффиксации, путем изменения традиционно сложившихся написаний. Речь идет об адекватном, соответствующем современному научному уровню, изложении этих сложных фрагментов орфографической системы в действующем своде правил русского правописания – изложении, учитывающем разную степень обобщенности тех факторов и закономерностей, которым эти написания подчиняются, о размещении этих написаний на некоторой шкале – от максимальной грамматикализованности к максимальной лексикализованности. Тем самым актуализируется еще один практический аспект хорошо известной по классическим работам В. В. Виноградова проблемы взаимоотношений грамматики и лексикологии на почве словообразования.

Примечания

[1] Краткая русская грамматика / Под ред. Н. Ю. Шведовой и В. В. Лопатина. М., 1989. С. 47.

[2] Безударная гласная этого суффикса не может проверяться ударной гласной ***е (о)*** в кратких прилагательных типа *старéнек, слабéнек, далекóнек. Старенький – старенек* и т. п. пары – не формы одного слова, а разные слова с различными словообразовательными значениями: в словах на *-енек (-онек)* суффикс выражает значение умеренно высокой степени признака *(старенек* «уже довольно стар»), в то время как в словах на *-енький (-оньки́й)* суффикс несет экспрессию ласкательности или уничижительности с различными оценками предмета – носителя данного признака.

[3] В последнем случае гласной буквой передается необычно слабый, краткий безударный гласный звук (способный редуцироваться и до нуля), который поэтому не должен проверяться ударной гласной в отчествах типа *Лукúч, Кузьмúч* (ср. иную передачу этого звука в орфографической практике первой половины XIX в.: *Степаноч* у Грибоедова и т. п.).

[4] См.: Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии / Под ред. В. В. Виноградова. М., 1965. С. 242–261.

[5] Варианты *кисанька* и *лисанька* приводятся (как равноправные наряду с *кисонька, лисонька)* в словаре Ушакова, а *цыпанька* – как единственный – в Большом академическом словаре (но в Орфографическом – только *цыпонька).*

Ср. также устарелые написания *кисынька* и *цыпынька* (см. Большой академический словарь, справочная часть соответствующих словарных статей).

[6] См.: Словарь названий жителей СССР / Под ред. А. М. Бабкина и Е. А. Левашова. М.,1975. С. 164.

[7] Написание *ча́ячий* с буквой **я**, зафиксированное в Орфографическом словаре, нуждается в пересмотре: правильно *ча́ечий*, где **е** – беглая гласная основы мотивирующего существительного *чайка* (ср. *лягу́шечий, куку́шечий, инде́ечий* – от *индейка* и т. п.), а суффиксальный морф – *-ий* (не *-ячий!*).

[8] Другого рода орфографическое исключение в прилагательных этого типа касается написания с одним **н** прилагательных *ве́треный (ветреная погода, ветреный человек;* но в *безветренный, подветренный* – два **н**) и *ту́ндреный*.

[9] *Рожанский Ф. И.* Сленг хиппи. СПб. – Париж, 1992. С. 58.

[10] Написание *вечёрошний*, зафиксированное в Орфографическом словаре, требует пересмотра с учетом написания производящего слова *вечор* (ср. в словаре Даля: *вечор* – вчера вечером, *вечерошний* – бывший накануне вечером).

[11] Ср. варианты (с твердым суффиксальным **н**) *правдашный, заправдашный* и *взаправдашный*, а также – с иной, устарелой, письменной передачей неясной гласной суффикса – *заправдошный* (словарь Даля), *правдышный* и *правдышний* (Большой академический словарь, с примером из К. Федина: *по-правдышному*).

[12] *Ожегов С. И.* Словарь русского языка. Изд. 23-е, под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1990. С. 423, 281.

[13] Суффикс *-и$_2$-* по классификации «Грамматики – 80» (см.: Русская грамматика / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. Т. I. М., 1980. С. 353–354.

Беглость гласных как орфографическая проблема (из комментариев к новому своду правил правописания)

[В сб.: Жизнь языка (к 80-летию М. В Панова). М., 2001]

В подготовленном проекте нового «Свода правил русского правописания» вводится особый раздел «Безударные беглые гласные». Раздел этот отсутствует в действующем до сих пор своде 1956 г.[1], где можно обнаружить лишь отдельные разрозненные замечания, касающиеся явления беглости гласных в некоторых частных группах слов – в словах с суффиксами *-ек, -ец,* в производных от слов на *-ка, -ко, -ня* – словах на *-ечка, -ечко, -енка* (§17–20), в краткой форме прилагательных на *-йный* (§ 28), в род. п. мн. ч. слов на *-ья, -ье* (§ 41, где, однако, беглость безударного гласного даже не упоминается, а только приводятся соответствующие формы).

Между тем закономерности письменного представления безударных беглых гласных имеют гораздо более общий характер – место их в структуре тех или иных форм и слов в целом, а также целых типов (групп) слов определяет и их написание, т. е. имеет самостоятельную орфографическую значимость. Такова «стратегическая» причина выделения правил написания беглых гласных в особый раздел. Но есть и причины «тактические»: во-первых, введение такого общего раздела позволяет объединить правила написания беглых гласных в именных основах, с одной стороны, и в глагольных – с другой; во-вторых, правила, определяющие написание беглых гласных в именных основах, касаются и корней, и суффиксов – вообще основ слов, в то время как весь блок правил «Гласные в значимых частях слова (морфемах)» построен по типам морфем: гласные в корнях, затем в приставках, в суффиксах, в окончаниях.

Правила написания безударных беглых гласных носят, таким образом, «надморфемный» характер, касаясь основ слов независимо от того, в какой морфеме – корне или суффиксе – проявляется беглость гласного. Правила такого рода присутствуют в разных частях нового свода. Таково, например, правило о написании буквы ***и*** на месте безударного гласного в конце основ перед **j**, т. е. о

правописании слов на *-ий, -ия, -ие*: в таких словах последний гласный основы передается буквой ***и*** независимо от того, является ли этот гласный частью корня *(кальций, молния, лезвие),* суффикса (слова на *-арий, -ние, -ация* и др.), а также от того, проверяется ли он в ударной позиции (*ка́лий – кали́йный, сту́дия – студи́йный, поня́тие – понятийный; дипло́мация,* ср. *хирурги́я,* и т. п.), или не проверяется (*планетарий, пенсия, безветрие*), или же на его месте под ударением стоит вовсе не тот гласный, который следует писать, так что подобными проверками не следует пользоваться (*а́рмия – арме́йский, Би́блия – библе́йский, ору́жие – оружейный, поли́ция – полице́йский* и др.). Таково же и правило о написании непроверяемой согласной **с** перед согласными **к** и **т** и (соответственно) **з** перед согласными **г** и **д** в позиции не на стыках морфем: *скрип, тоска, риск, городской, стена, хвост, глазастый, футболист, царство, постсоветский,* но *визг, мелюзга, здание, дрозд* и т. п. (исключение: *сдоба).* Кстати, все подобные правила общего характера в действующем своде 1956 г. отсутствуют.

Но вернемся к беглым гласным и сначала остановимся на определении самого рассматриваемого объекта: под беглостью гласных нами понимается наличие гласных в отдельных формах и словах при отсутствии их в других формах и словах в пределах одной и той же морфемы (того же корня, суффикса), независимо от происхождения этих гласных.

В этой связи возникает ряд взаимосвязанных вопросов, по поводу которых существуют различные мнения. Основной из них: следует ли ограничивать понятие беглых гласных только теми словами, в формах которых беглость гласных так или иначе объясняется результатами древнерусского фонетического явления падения редуцированных (гласные **о** и **е** на месте древнерусских **ъ** и **ь** в сильной позиции и их отсутствие в слабой позиции)? В таком случае мы должны ограничить это явление только такими фактами, как, например, *сон – сна, день – дня, весь – вся, сто – сот, клетка – клеток, кусок – куска, отец – отца,* а кроме того, некоторыми древнейшими случаями аналогии в словах, исконно не имевших редуцированных гласных (*лёд – льда, ров – рва,* а также – с устранением групп согласных, возникших тоже вследствие падения редуцированных, – *огонь – огня, сестра – сестёр, земля – земель*), и, наконец, многими более поздними образованиями, содержащими суффиксы *-ок, -к(а), -ец, -н(я), -н(ый)* и некоторые другие и возникшими уже в ту эпоху, когда данное явление

морфологизовалось и стало характеризовать лишь основы с определенными словообразовательными суффиксами. Такая трактовка беглых гласных, во-первых, ограничивает их количество двумя – ***о*** и ***е***, и во-вторых, не выводит это явление за пределы форм одного слова в парадигме склонения. Именно так трактуется беглость гласных, например, в новой энциклопедии «Русский язык»: «Беглые гласные – гласные ***о*** и ***е***, чередующиеся с нулем звука при формообразовании в современном русском языке» – и далее необходимый исторический комментарий[2].

Однако такой узкий подход к проблеме беглых гласных не учитывает нескольких факторов. Во-первых, даже если рассматривать это явление только в пределах «формообразования» (мы предпочли бы здесь термин «словоизменение»), в современном языке обнаруживается третья беглая гласная – ***и*** (ср. *третий – третья, лисий – лисья* или *гостья – гостий, келья – келий, копьё – копий*), исторически объясняемая судьбой так называемого редуцированного **и** в позиции перед **j** и его дальнейшей морфологизацией. Во-вторых же, беглые гласные в пределах одной и той же морфемы широко проявляются не только в словоизменении, но и в словообразовании – как в словах, производных от слов с беглой гласной и повторяющих эту гласную производящего слова (ср., например, *утка – уток* и *уточка, горький – горек* и *горечь),* так и только в производных словах либо только в производящих (ср. *коптить – копоть, ясли – ясельный, директор – директриса, жребий –жеребьёвка* и др., полные списки см. ниже); сама беглость гласного обнаруживается в этих случаях лишь при сопоставлении разных однокоренных слов. Причины этого явления различны: так, нельзя не отметить появления беглых гласных в заимствованиях нового времени с целью устранения групп согласных (фактора, действовавшего, как мы видели, и в древнерусском языке): ср. *министр – министерский* и *министерство,* а также (в безударной позиции) *шеренга – шереножный, калибр – разнокалиберный, дирижабль – дирижабельный* и т. п. (см. ниже). Но каковы бы ни были эти причины, нельзя не констатировать того факта, что принципы распределения беглых гласных (в том числе – для безударных гласных – и орфографические) во всех подобных образованиях ничуть не отличаются от принципов, исторически сформировавшихся (первоначально – только в пределах словоизменения) на почве древнейших фонетических процессов.

Именно такой, широкий взгляд на явление беглости гласных был реализован в свое время в академической «Русской грамматике»[3], и именно этот подход положен в основу соответствующего самостоятельного раздела в проекте нового «Свода правил русского правописания», поскольку он позволяет сформулировать единое орфографическое правило написания безударных беглых гласных в именных основах, независимо от того, где они реализуются – в словоизменении, в словообразовании или и в том и в другом. Вторая часть раздела «Безударные беглые гласные» нового свода орфографических правил посвящена беглым гласным в глагольных корнях, написание которых подчиняется другим закономерностям (см. ниже)[4].

Переходим к более подробному разбору этого раздела нового свода правил, состоящего, как уже отмечено, из двух частей.

Безударные беглые гласные в именных основах

В первой части раздела впервые формулируется общее правило выбора гласной буквы – ***о, е*** или ***и*** – на месте безударного беглого гласного звука в именной основе в составе суффикса или корня (заметим сразу же, что в позиции под ударением написание беглых гласных подчиняется общим правилам употребления букв[5]). Написание той или иной буквы на месте безударного беглого гласного зависит здесь от соседних согласных – предшествующих беглому гласному и следующих за ним. Выбор гласной буквы определяется следующим образом: буквой ***о*** передается беглый гласный после твердых парных согласных; буквой ***е*** – после мягких парных согласных, шипящих, **ц, j** и притом перед всеми согласными, кроме **j**; буквой ***и*** – после мягких парных согласных и шипящих перед **j**. Это правило действует в следующих трех группах именных форм и производных имен.

1. В именных парадигмах беглый гласный, появляющийся между двумя конечными согласными основы, выступает в формах с нулевым окончанием, а именно: у существительных муж. рода типа *мешок, отец* – в форме им. п. ед. ч.; у существительных жен. и муж. рода типа *сестра, кишка, дядька,* сред. рода типа *кольцо,* а также у pluralia tantum типа *сутки* – в форме род. п. мн. ч.; у качественных прилагательных типа *сильный, умный* – в краткой форме ед. ч. муж. рода; у притяжательных прилагательных с суф-

фиксами *-ий* и *-ачий (-ячий)* типа *лисий, кошачий* – в форме им. п. ед. ч. муж. рода. Во всех остальных формах склонения слов перечисленных групп, где есть ненулевое окончание, беглый гласный отсутствует.

Примеры с буквой ***о*** на месте безударного беглого гласного: *лап**о**ть (лаптя), котён**о**к (котёнка), бан**о**к (банка), пушин**о**к (пушинка), дочур**о**к (дочурка), кух**о**нь (кухня), ок**о**н (окно), сут**о**к (сутки), носил**о**к (носилки); гром**о**к (громкий), близ**о**к (близкий).*

Примеры с буквой ***е**: мизин**е**ц (мизинца), дят**е**л (дятла), вет**е**р (ветра), пар**е**нь (парня), Пав**е**л (Павла), комоч**е**к (комочка), катыш**е**к (катышка), свад**е**б (свадьба), бан**е**к (банька), пес**е**н (песня), баш**е**н (башня), бо**е**н (бойня), ле**е**к (лейка), крыш**е**к (крышка), лампоч**е**к (лампочка), клёц**е**к (клёцка), пят**е**н (пятно), полотен**е**ц (полотенце), пёрыш**е**к (пёрышко), ден**е**г (деньги); гор**е**к (горький), вкус**е**н (вкусный), свет**е**л (светлый), споко**е**н (спокойный), прямолине**е**н (прямолинейный), важ**е**н (важный).*

Примеры с буквой ***и**: кел**и**й (келья), оклад**и**й (оладья), гост**и**й (гостья), певун**и**й (певунья), ущел**и**й (ущелье), коп**и**й (копьё), взгор**и**й (взгорье), подножь**и**й (подножье), варен**и**й (варенье); волч**и**й (волчья), верблюжь**и**й (верблюжья), кошач**и**й (кошачья), трет**и**й (третья).*

Исключения: буква ***я*** (вместо ожидаемой ***е***) пишется в слове *заяц (зайца)*; буква ***и*** (вместо ожидаемой ***е***) – в форме *достоин (достойный);* буква ***е*** (вместо ожидаемой ***и***) – в формах *улей (улья), чирей (чирья), ружей (ружьё)* и *су́дей (судья;* наряду с вариантом *суде́й)*[6].

2. В словах, производных от имен, имеющих в одной из форм беглый гласный, этот гласный нередко появляется в последнем слоге производящей основы перед суффиксом[7] и передается той же буквой, что и в производящем слове. Примеры: *гал**о**чий (галка, гал**о**к), ут**о**чка (утка, ут**о**к), постанов**о**чный (постановка, постанов**о**к), фрес**о**чный (фреска, фрес**о**к), гор**е**чь (горький, гор**е**к), строч**е**чный (строчка, строч**е**к), неж**е**нка (нежный, неж**е**н), ма**е**чка (майка, ма**е**к), ча**е**чий (чайка, ча**е**к), равенство (равный, равен), уз**е**лок (уз**е**л, узла), оклад**и**йка (оладья, оклад**и**й), а также дост**о**инство (достойный, дост**о**ин), зая**ч**ий (зая**ц**, зайца)*[8].

3. Таким же образом передаются на письме безударные беглые гласные, характерные не для отдельных форм слова, а для слова в целом, во всех его формах – в противоположность другим однокоренным словам, в которых беглого гласного нет. Перечень таких слов:

а) с буквой ***о*** на месте беглого гласного: *бестол**о**чь (бестолковый), вет**о**шь (ветхий), коп**о**ть (коптить), роп**о**т (роптать), шёп**о**т (шептать); бук**о**вка (буква), иск**о**рка (искра), тык**о**вка (тыква); лёг**о**чный (лёгкие), блан**о**чный (бланк), насмор**о**чный (насморк), пас**о**чный* и *пас**о**чница (пасха,* кушанье*), широкоспект**о**рный* и *узкоспект**о**рный (спектр), фейерверо**о**чный (фейерверк), шерен**о**жный (шеренга); директ**о**р (директриса), импер**а**тор (императрица);*

б) с буквой ***е***: *горе**е**нка (горница), гусе**е**льки* и *гусе**е**льцы (гусли), куд**е**рьки (кудри), лесе**е**нка (лестница), цифе**е**рка* и *цифе**е**рблат (цифра)*; *дирижабе**е**льный (дирижабль), жабе**е**рный (жабры), крупнокалибе**е**рный, мелкокалибе**е**рный* и *разнокалибе**е**рный (калибр), кеге**е**льный* и *кеге**е**льбан (кегли), солне**е**чный (солнце), яс**е**льный* и *яс**е**льки (ясли)*; *бургомисте**е**рский (бургомистр), магисте**е**рский (магистр*; наряду с вариантом *магисте́рский); меб**е**ль (меблировать, меблированный), шаб**е**р (шабрить* и *шабровать);*

в) с буквой ***и*** (перед **j**): *Васил**и**й (Васильевич* и *Васильевна), Григор**и**й (Григорьевич), Витал**и**й (Витальевна)* и т. п.; *жреб**и**й (жеребьёвка), ман**и**я (маньяк), Итал**и**я (итальянский).* Исключение (***и*** не перед **j**): *крол**и**к (крольчиха, крольчонок, крольчатник).*

Характерно, что, в отличие от букв ***о*** и ***е***, выступающих на месте как ударных, так и безударных беглых гласных, буква ***и*** чаще всего выступает на месте безударного беглого гласного. В то же время в позиции, характерной для буквы ***и***, передающей безударный беглый гласный, – перед **j** – ударный беглый гласный обычно произносится как **е** и соответственно пишется буква ***е***, например: *ручей (ручья), соловей (соловья); семей* и *семейка (семья), статей* и *статейка (статья), друзей (друзья,* мн. ч.); *литейный* и *литейщик (литьё), келейный* и *келейник (келья); третéйский* (ср. *трéтий* и *третья), чей (чья), ничейный (ничья,* сущ.). Беглый же **и**, выступая (хотя и редко) в именных основах под ударением, не связан с позицией перед **j**: *один (одна), яиц (яйцо), цифирь* и *цифирьки (цифра).*

Безударные беглые гласные в глагольных корнях

Безударные беглые гласные выступают также в ряде глагольных корней; эти гласные могут передаваться (в позиции после мягких согласных и шипящих) на письме буквами ***и*** и ***е***[9].

Заметим, что в действующем своде 1956 г. проблема безударных **и** и **е** в глагольных корнях как проблема беглых гласных вообще не ставится, упоминаются лишь глагольные корни с чередованием **и – е** (§ 14); естественно, что в приведенный в этом параграфе список (кстати, неполный) не попали корни, где нет ступени чередования **е**, а есть только чередование **и** с нулем гласного (см. второй список из приведенных ниже).

Написание буквы ***и*** в позиции после мягких согласных и шипящих подчиняется здесь строгому правилу: безударный беглый гласный передается буквой ***и***, если в глаголе сразу после корня стоит под ударением гласный **а** (являющийся, как правило, суффиксом, выражающим значение несовершенного вида). Всего таких корней в русском языке 23. С другой стороны, в части этих глагольных корней в других формах и однокоренных словах выступает безударный беглый гласный, передающийся на письме другой буквой – ***е***. Этот беглый гласный появляется в разных формах, объединенных общим признаком – отсутствием ударного **а** после корня, и этим они противопоставлены формам, где пишется на месте безударного гласного корня буква ***и***. Такое противопоставление наблюдается в 10 глагольных корнях из упомянутых 23.

Эти 23 корня перечисляются ниже двумя списками: в первом – корни с беглыми гласными, передаваемыми на письме буквами ***и*** и ***е***, т. е. с чередованием гласных «**и** – **е** – нуль», во втором – корни, лишенные ступени чередования **е**, т. е. с чередованием «**и** – нуль». Оба списка составлены по алфавиту корней; приставочные глаголы приводятся выборочно.

Первый список:

*выб**и**рать, заб**и**рать, разб**и**рать, поб**и**раться – б**е**ру, б**е**ри, выб**е**ри, заб**е**ру – брать, выбрать, забрать;*

*зад**и**рать, разд**и**рать, прид**и**раться, уд**и**рать, д**и**рать* (многокр.) *– д**е**ру, д**е**ри, зад**е**ру, разд**е**ру, уд**е**ру – драть, разодрать, придраться, удрать;*

*выж**и**гать, обж**и**гать, отж**и**гать, разж**и**гать – выж**е**г* (прош. вр.), *выж**е**чь – жгу, выжгу, прожгу;*

*зам**и**рать, пом**и**рать, ум**и**рать – зам**е**реть, пом**е**реть, ум**е**реть, зам**е**р, ум**е**р, зам**е**рший – мрут, замру, помру, умру;*

*зап**и**рать, отп**и**рать, уп**и**раться – зап**е**реть, отп**е**реть, уп**е**реться, зап**е**р, взап**е**рти – запру, отопру, упрётся;*

*прост**и**рать* (протягивать (руки); распространять), *прост**и**раться – прост**е**реть(ся) – прострy* (устар.);

*выст**и**лать, заст**и**лать, расст**и**лать – ст**е**лить, выст**е**лить, заст**е**лить, постелить, расстелить – стлать, выстлать, застлать, постлать, разостлать;*

*нат**и**рать, раст**и**рать, зат**и**рать – т**е**реть, нат**е**реть, растереть, затереть – тру, натру, разотру, трение;*

*выч**и**та́ть, сч**и**тать* (вести счет) (и отсюда – производные сов. вида*: пересч**и**тать, просч**и**тать, рассч**и**тать) – выч**е**т, вычесть, вычел – вычту, сочту* (сосчитаю), *начту, перечту* (пересчитаю);

*поч**и**тать* (относиться с почтением), *предпоч**и**тать – по́честь – чтить, почтить, чту, почту, предпочту, почтенный, почтение, почтительный, предпочтение.*

Второй список:

*перев**и**рать, зав**и**раться – врать, переврать, завраться, вру, совру, заврётся, врун, враль;*

ожидать, пережидать, поджидать – ждать, переждать, подождать, жду, пережду, подожду;

*заж**и**мать, прижимать – жму, сожму, прижму;*

*наж**и**нать, пож**и**нать – жну, нажну, пожну;*

*пож**и**рать, обж**и**раться – жрать, пожрать, обожраться, жру, пожру, обожрётся;*

*зап**и**наться – запнуться, запнусь;*

взирать, надзирать, озираться, презирать – зреть («смотреть, видеть», устар.), *прозреть, узреть, зрю, прозрю, узрю, зрение, прозрение, презрение;*

*подм**и**нать, разм**и**нать – мну, подомну, разомну;*

*п**и**нать – пнуть, пну;*

*поп**и**рать – попрать, попрут;*

*расп**и**нать – распну;*

*нач**и**нать, зачинать – начну, зачну;*

*ч**и**тать* (и отсюда – производные сов. вида: *проч**и**тать, перечитать, нач**и**таться, сч**и**тать* «произвести считку» и др.) – *прочту, перечту, чтение, чтец.*

Так же, с буквой ***и*** в корне, пишутся отглагольные производные слова, в которых сохраняется после корня с беглым гласным ударный гласный **а,** например: *переб**и**рание, изб**и**ратель, выж**и**гальщик, заж**и**галка, заж**и**гательный, ум**и**рание, раст**и**рание, выч**и**тание, поч**и**татель, зав**и**ральный, ож**и**дание, пож**и**ратель, надз**и**ратель, нач**и**нание, зач**и**натель.* При отсутствии посткорневого ударного **а** беглый гласный корня передается буквой ***и*** в производных глаголах

сов. вида с ударной приставкой *вы-*: *вы́чи**т**ать* и *вы́счи**т**ать*, а также в следующих производных от глаголов на *-ать* с усечением глагольной основы за счет конечного гласного **а:** *о́бжи**г**, о́тжи**г**, ро́зжи**г**, вы́жи**м**ка, вы́ди**р**ка, вы́чи**т**ка* (во всех этих случаях ударение тоже на приставке), в словах *поби**р**ушка* и *зати**р**уха*. Однако в слове *неразбериха* (ср. *не разберёшь*) пишется ***е***.

В части перечисленных глагольных корней беглый гласный, передаваемый буквой ***и***, проверяется в других однокоренных словах в позиции под ударением, например: *задира, придирка, зажим, прижимистый, обжинки, запинка, разминка, настил, подстилка, расстилка, натирка, растирка, зачин, почин, просчитывать, перечитывать, читка, считка, считчик* и т. п. слова с теми же корнями. Но в большей части этих корней гласный, передаваемый буквой ***и***, ударной позицией не проверяется.

Что же касается беглого гласного, передаваемого буквой ***е***, то он проверяется под ударением более регулярно – во всех корнях, кроме корня глагола *брать*, – формами и словами с ударным **е** или **о** (после шипящих передаваемым буквами ***о*** и ***ё***), например: *гвоздодёр, живодёрня, дать дёру; жечь, прожечь, обжечь, жёг, прожёг, ожог* (сущ.); *умерший, мёрли; упёрлась, упёршийся; простёр(ся); стелет, застелет, постелет, стелька, постель; натёр, растёрший, тёрка; счесть, перечесть* (пересчитать), *начесть, счёт, счётчик, начёт, просчёт, наперечёт, чётки, счёл, перечёл* (пересчитал), *начёл; честь* (сущ.), *предпочесть, почёт, почёл (за честь), предпочёл*. Кроме того, имеются слова с ***е, ё, о*** под ударением в гнездах глаголов *читать* и *жрать* (хотя в них отсутствуют слова с буквой ***е*** в безударной позиции): *прочесть, перечесть* (перечитать), *прочёл, перечёл* (перечитал), *начётчик; обжора, прожорливый, плодожорка.*

Особое место занимает глагольный корень *помин – помян – помн*: в нем, при беглости гласного, передаваемого буквой ***и*** в тех же условиях, что и в вышеперечисленных глагольных корнях, выступает особый беглый гласный, передаваемый буквой ***я***, ср.: *по**ми**нать, вспо**ми**нать, запо**ми**нать, упо**ми**нать, упо**ми**нание, воспо**ми**нание, по**ми**нальный* (как исключение – также *по**ми**новение*) – *помя**н**уть, вспомя**н**уть, упомя**н**уть – помнить, вспомнить, запомнить, вспомню, запомню*. Под ударением в этом корне встречаются оба беглых гласных: ср. *поминки, помин* и *помянет, вспомянет, упомянет, упомянуты.*

Подведем некоторые итоги. Применение основного для русской орфографии принципа проверки безударного гласного ударной позицией к правильному написанию букв на месте беглых гласных (как в именных, так и в глагольных основах) чаще всего оказывается неэффективным: для многих основ такой проверки вовсе нет, для других же она не дает однозначного ответа, поскольку под ударением выступают разные гласные. Наиболее надежным при выработке орфографических навыков оказывается применение к основам с беглостью гласного особых правил. Для именных основ правила выбора буквы ***о***, ***е*** или ***и*** при передаче безударного беглого гласного сводятся, как мы видели, к учету качества соседних согласных – предшествующего беглому гласному и следующего после него. Для глагольных корней учитывается морфологическая позиция: при наличии после корня ударного гласного **а** следует писать на месте безударного беглого гласного в корне букву ***и***, при отсутствии же ударного **а** – букву ***е*** либо (только в одном корне) букву ***я***.

Примечания

[1] См.: Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

[2] Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд. М., 1997. С. 45; автор статьи – В. В. Иванов.

[3] Русская грамматика. Т. I. М., 1980, раздел «Морфонологические явления в словообразовании».

[4] О некоторых функциональных различиях чередования «гласный–нуль» в именных и глагольных основах см. также в новой книге М. В. Панова (см.: *Панов М. В.* Позиционная морфология русского языка. М., 1999. С. 36–38, со ссылкой на мнение Н. С. Трубецкого).

[5] Единственная собственно орфографическая проблема здесь возникает в связи с написанием ***о*** или ***ё*** после шипящих, причем определяющим фактором является принадлежность формы к той или иной части речи: в формах имен существительных и прилагательных пишется после шипящих на месте беглого звука **о** буква ***о***, а в глагольных формах – буква ***ё***. Ср., с одной стороны, *княжон* (род. п. мн. ч. от *княжна)*, *кишок* и *кишочки* (род. п. и уменьш. от *кишки)*, *смешон* (кр. ф. муж. рода *от смешной)*, *рожон (рожна)*, *шов (шва)*, *квашонка* (уменьш. от *квашня)*, *очочки* (от *очки)*, *очочко* (от *очко)*, *обжора*, *прожорливый* (ср. *жрать, жру)*, а с другой стороны – глагольные формы прош. вр. муж. рода: *жёг* и приставочные *(зажег, обжёг, поджёг, сжёг* и др., ср. *жгу, жгла, зажгу, зажгла* и т. п.; но в существительных того же корня – ***о***: *ожог, поджог, изжога)*, *-чёл (прочёл, учёл, счёл* и др., ср. *прочла, учла, сочла)*, *шёл* и приставочные *(пришёл, ушёл* и др., ср. *пришла, ушла)*.

[6] *Зализняк А. А.* Беглые гласные в русском словоизменении // Русский язык в национальной школе. 1963. № 5.; Русская грамматика, с. 508–511, 561–562.

[7] Более подробно условия появления беглых гласных (не только безударного) в производных словах изложены в: Русская грамматика, с. 434–435.

[8] Единственное исключение из этой закономерности, замеченное в современных словарях: *ке́лейка* (хотя *келья, келий*). Однако это исключение должно быть оспорено, поскольку достоверных литературных примеров, свидетельствующих о таком именно ударении в слове *келейка*, нет. Известная цитата из Пушкина – «Как из чудного царства воскового, Из душистой келейки медовой Вылетела первая пчелка» – не решает вопроса, поскольку «неклассический» стихотворный размер этого отрывка, написанного тоническим (акцентным) стихом, не дает однозначного ответа на вопрос об ударении слова в данном контексте. Зато в словаре Даля приведены варианты *ке́лийка* и *келе́йка,* т. е. беглый гласный **е**, по Далю, появляется в этом слове только под ударением (ср. другие производные от *келья: келе́йный, келе́йник*), безударный же беглый гласный должен передаваться и здесь по общему правилу буквой ***и*** (ср. род. п. мн. ч. *ке́лий*). Именно так предлагается писать варианты *келе́йка* и *ке́лийка* в новом «Русском орфографическом словаре» (М., 1999).

[9] Не рассматриваем здесь глаголов с безударными беглыми гласными, передаваемыми (в позиции после твердых парных согласных) буквами ***ы*** и ***о***, типа *называть, вызывать – назову, вызову, зови – звать, назвать:* по-видимому, в них нет орфографической проблемы.

Буква Ъ в современной русской орфографии

[В сб.: Отцы и дети Московской лингвистической школы. М., 2004]

После того как орфографической реформой 1917–1918 годов буква **ъ** была отменена на конце слов, разделительному твердому знаку было очень трудно удержаться в нашей орфографии. Чуть ли не сразу после реформы его стали заменять апострофом: *с'езд, об'ём, из'ятие* и т. п., и так продолжалось примерно три десятилетия; люди старшего поколения хорошо это помнят. Постепенно от апострофа отказались, и буква **ъ** как разделительный знак была узаконена орфографическим сводом 1956 г. Таким образом, во второй половине XX в. употребление апострофа вместо разделительного **ъ** уже не отвечает нормам правописания.

Однако очень скоро после узаконения разделительного **ъ** в проекте орфографической реформы, предложенном и обнародованном Орфографической комиссией в 1964 г., была вновь предпринята попытка (на наш взгляд, неудачная) вовсе отказаться от этой буквы, оставив один разделительный знак **ь** – писать *подьезд, обьём, волеизьявление, адьютант, дизьюнкция* и т. п. При этом в качестве основного аргумента выдвигалось то обстоятельство, что в произношении согласные перед **ъ** (фонетически – перед йотом) могут произноситься и твердо и мягко, а в некоторых словах (например *адъютант)* мягкое произношение даже преобладает. С отказом от буквы **ъ** авторам того проекта пришлось вообще отказаться от разделительного знака после тех компонентов слов, где последний согласный произносится со стабильной твердостью (после *сверх-, меж-, двух-, трёх-, четырёх-, пан-, транс-, контр-),* и, таким образом, предложить написания *сверхестественный, межярусный, трёхярусный, трансевропейский, паневропейский.* Тем самым в проекте 1964 г. значительно увеличивалось количество странных, чуждых русской орфографии написаний, подобных существовавшим и прежде написаниям сложносокращенных слов типа *детясли, комячейка* (о них подробнее будет сказано ниже).

Между тем, разделительный **ъ** заслуживает того, чтобы рассматривать его как букву, безусловно, без всяких оговорок, **нужную,** о

чем говорит и практика письма, постепенное расширение сфер применения этой буквы. В современной русской орфографии употребление разделительного **ъ** – одно из тех правил, действие которых определяется в основном не фонетической (фонологической) позицией, а морфологической. Буква **ъ** пишется (после согласных перед йотированными гласными) в определенных морфологических позициях – после определенных элементов структуры слова, и этим она противопоставлена разделительному **ь**, характеризующемуся совсем другими позициями,

1. Для разделительного **ъ** характерна прежде всего позиция после приставок, например: *безъядерный, въявь, взъесться, изъезженный, межъязыковой, объехать, отъезд, предъюбилейный, съёжиться.* Заметим, что эта позиция носит, в отличие, например, от позиции для буквы **ы** вместо **и** в начале корня после приставок на согласный, абсолютный характер, поскольку данное правило распространяется не только на исконно русские первообразные (простые по структуре) приставки, но и на приставку *сверх- (сверхъестественный, сверхъёмкий, сверхъяркий)* и на любые приставки иноязычного происхождения, ср.: *контръярус, субъединица, суперъяхта, трансъевропейский* и т. п. Правда, нельзя не заметить и того, что в §70, п. 3 действующего свода правил, принятого в 1956 г.[1], не упомянуты среди других приставок иноязычного происхождения, активизировавшиеся за последние десятилетия приставки *пост-, гипер-* и *супер-*, что нередко приводит в практике письма к явным недоразумениям – например, в печати встречаются такие ошибочные написания, как *постядерный,* как нелепое написание нового слова *постельцинский,* например: «Размышления о судьбе либеральных реформ в постельцинскую эпоху» (Известия, 1 июня 1996), «постельцинская власть» (Лит. газ., 2001, № 34), как неоднократно отмеченное словарем-справочником «Новые слова и значения. По материалам прессы и литературы 80-х годов» (СПб., 1997) написание *суперястребы* (о противниках разрядки международной напряженности), как *суперёлка* (7 дней, 2002, № 1). Следует, разумеется, писать: *постъельцинский, суперъястреб, суперъёлка*[2].

В отношении позиции **ъ** после приставок должны быть оговорены два обстоятельства. Во-первых, в некоторых исконно русских словах приставка выделяется лишь исторически, как, например, в словах *отъявленный, объём,* либо ее выделение в современном языке

не столь очевидно: так, требует определенных усилий выделение корня (и, соответственно, приставки) в таких словах со связанным корнем, как *объятие, разъём, отъём, съёмка, съёмный* (ср. *обнять, разнимать, отнимать, снимать* и т. д.). Во-вторых, что касается иноязычных приставок, то среди них должны быть четко разграничены, с одной стороны, приставки, усвоенные русским языком, – такие, как *контр-, пост-, суб-, супер-, гипер-, транс-*, а с другой, начальные элементы заимствованных слов, которые являются приставками только в языке-источнике, а в русском языке в качестве приставок не выделяются (в упомянутом правиле свода 1956 г. это разграничение не проведено). Слова с иноязычными элементами второй группы могут быть перечислены особым списком, что и сделано в проекте новой редакции правил. Это слова с элементами *аб-, ад-, диз-, ин-, интер-, кон-*, а также (частично) *об-* и *суб-*: *абъюрация, адъективный, адъективация, адъюнкт, адъюстаж, адъютант, дизъюнкция, инъекция, инъецированный, интеръекция, коадъютор, конъектура, конъюгаты, конъюгация, конъюнктив, конъюнктива, конъюнктивит, конъюнктура, конъюнкция, объект, объективный, субъект, субъективный.* Обычно написание таких слов усваивается в словарном порядке. Отнесение их к разряду приставочных имеет чисто диахронический, этимологический смысл, на почве же русского языка их начальные элементы могут быть объединены с приставками только внешне, по некоторому формальному подобию и месту в слове. Правда, некоторая степень выделимости начальных элементов на почве русского языка характеризует пары соотносительных слов *конъюнкция – дизъюнкция* и *объект – субъект.* Особое место занимает слово *изъян,* которое и этимологически не является приставочным, и на почве русского языка приставку не выделяет, однако обладает кое-какими ассоциативными связями (основанными на сходстве звучания) с глаголом *изъять.*

2. Другая характерная для разделительного **ъ** позиция в слове – после первых компонентов сложного слова, не имеющего соединительных гласных (***о***, ***е***). Реализуется она в целом значительно реже. Согласно действующему правилу (§ 70, пп. 2 и 3), сюда относятся слова с первыми компонентами *двух-, трёх-* и *четырёх-*: *двухъякорный, двухъёмкостный, трёхъядерный, трёхъярусный, четырёхъярусный* и т. п., а также слова с иноязычным компонентом *пан-* (синонимичным русскому *все-*): *панъевропейский.* С бук-

вой **ъ** традиционно пишется также заимствованное слово *фельдъегерь,* являющееся сложным в языке-источнике, а в русском обладающее слабой вычленимостью элемента *фельд-* (ср. *фельдпочта, фельдсвязь).* Предлагается писать таким же образом физический термин *гиперъядро,* в котором *гипер-* – усеченная основа слова *гиперон* (названия тяжелой элементарной частицы), и, таким образом, на почве русского языка это слово является скорее сложным, чем приставочным (хотя первая основа слова и совпала формально и семантически с приставкой *гипер-).* До сих пор в специальной литературе и в энциклопедиях оно пишется иначе: либо *гиперядро,* либо *гипер-ядро,* где вставка дефиса, очевидно, обусловлена желанием привести внешний облик слова в соответствие с его звучанием.

В принципе данный пункт правил может быть сформулирован в более общем виде – написания с **ъ** могут быть распространены на любые сложные слова без соединительных гласных. Нас не должна смущать редкость или единичность подобных образований: ведь речь идет о принципе письма. Если, например, мы перейдем к слитному написанию слова *камер-юнкер* и прилагательного *камер-юнкерский,* то должны будем писать их с **ъ** в середине.

3. Особое и, можно сказать, уникальное место в современной русской орфографии занимают сложносокращенные слова со второй частью, начинающейся на йотированный гласный. Согласно формулировке §110, п. *а* действующего свода правил 1956 года, «на границе составных частей (сложносокращенных слов. – *В. Л.)* разделительные знаки **ъ** и **ь** никогда не пишутся, например: *цехячейка».* Вот довольно полный перечень таких слов: *детясли, военюрист, иняз, Инюрколлегия, Минюст, облюст, комячейка, партячейка, цехячейка, хозединица, госязык, метявления* (и *гидрометявления), продярмарка,* так же, очевидно, должны писаться и слова с первой частью *спец-,* например *спецёмкость, спецеда.* Нельзя не заметить, что все такие написания по меньшей мере некорректны, поскольку противоречат одному из важнейших, основных принципов русского письма, обычно называемому слоговым. В соответствии со слоговым принципом буквы ***е, ё, ю, я*** в позиции после согласных букв (в пределах слитно пишущегося слова) не обозначают йотированных гласных и при этом буквы ***е, ю, я*** и отчасти (по крайней мере во всех русских, не заимствованных, словах) ***е*** служат для обозначения мягкости предшествующего согласного. Таким образом, принятые сей-

час написания сложносокращенных слов со второй частью, начинающейся на йотированный гласный, неточно передают звуковой состав слов: в них не хватает «сигнала» прочтениям, ***ё, ю, я*** как сочетаний йота с гласными. При сохранении подобных написаний опирающиеся на слоговой принцип навыки чтения слов могут приводить к затруднениям в узнавании слова по его внешнему облику. Тем более это относится к новым и окказиональным словам, например: «некая благотворительная некоммерческая организация под названием «Мосюрфинфонд»» (Новые известия, 10 июня 1998 г.), «ревнители демединства» (Общая газета, 1997, № 45), «черепно-мозговая травма (на профязыке ЧМТ)» (Лит. газ., 2001, № 29), «Комябеды» (Мир новостей, 27 апреля 2002 г., заголовок).

При нынешней практике письма, опирающейся на свод правил 1956 г., появление буквы **ъ** в сложносокращенных словах перед йотированными гласными считается ошибкой, и все же оно иногда пробивается в печать. Не случайно, например, словарями новых слов фиксируется слово *инъяз*[3] в трех орфографических вариантах, реально встречающихся в печати: *инъяз, иняз* и *ин-яз,* вызванных все тем же стремлением прояснить внешним видом слова его звучание, противоречащее принятому для подобных слов написанию – слитному и без разделительного знака. Попытки преодолеть это противоречие в практике письма вполне естественны. Так, можно еще отметить, что в первой публикации повести А. Платонова «Ювенильное море» (Знамя, 1986, № 6) в том месте, где герой узнает, что его попутчица «работает секретарем гуртовой партъячейки», последнее слово напечатано именно так, с **ъ**, и это, вполне возможно, отражает авторскую орфографию (в последующих изданиях повести буква **ъ** здесь снята корректорами). Встречается в печати (см., например, «Огонек», 1990, № 41) и написание *Инъюрколлегия.* А окказиональное слово *спецяйцо* напечатано в «Литературной газете» (2001, № 8) – видимо, после долгих сомнений и колебаний – раздельно: *спец яйцо.*

4. Небезынтересно сравнить два орфографически трудных случая, которые наблюдаются в одних и тех же морфологических позициях на стыках значимых частей слова, а именно: употребление разделительного **ъ** перед йотированными гласными и употребление буквы ***ы*** вместо ***и*** после твердых согласных. Буква ***ы*** вместо ***и***, по действующим правилам, применяется только в позиции после первообразных (простых) русских приставок: *безыдейный, обыграть,*

сымпровизировать, предыстория и т. п.; однако в других позициях после твердых согласных на стыках морфем сохраняется буква ***и***: после русской непервообразной приставки *сверх- (сверхизысканный, сверхиндустриальный, сверхинтуиция),* после иноязычных приставок *(контригра, постиндустриальный, суперинфекция, трансиранский),* после первых компонентов сложных слов без соединительных гласных *(двухигольный, двухизнаночный, трёхимённый, панисламизм)* и сложносокращенных слов *(пединститут, госинспекция, партимущество, военинженер, продимпорт).*

В то же время разделительный **ъ** закрепляется в практике письма значительно легче, и это представляется не случайным: несоответствие написания без **ъ** перед гласными ***е, ё, ю, я*** реальной фонетической структуре слова, связанное с отступлением от слогового принципа,– более серьезное нарушение основ русской орфографии. Именно поэтому, захватывая постепенно различные позиции в слове, разделительный **ъ**, согласно уже действующим правилам, употребляется не только после первообразных русских приставок, но и, как мы уже видели, после приставки *сверх-,* после иноязычных приставок и после первых компонентов некоторых сложных слов без соединительных гласных. На очереди стоит распространение разделительного **ъ** на сложносокращенные слова. Такое орфографическое изменение[4] и было предложено в проекте новой редакции правил русской орфографии[5], причем оно не вызвало серьезных возражений со стороны специалистов, а многими было поддержано[6].

В этих условиях авторы полного академического «Русского орфографического словаря» сочли целесообразным в новом, исправленном и дополненном издании словаря[7] сопроводить традиционное написание всех подобных сложносокращенных слов без разделительного **ъ** элементом транскрипции, указывающим на произношение этих слов с йотированным гласным, например: *иняз* [нъя], *облюст* [лъю], *партячейка* [тъя], *спецеда* [цъе] и т. п.

Во всяком случае, предложенное изменение написания подобных сложносокращенных слов стоит в числе самых первоочередных задач нормализаторской работы в области русского правописания.

5. Возвращаясь к более общему вопросу о **нужности** буквы **ъ** русской орфографии, обратим внимание на то, что разделительный **ъ** нужен не только в позициях, связанных с определенными

морфемными стыками, о которых шла речь до сих пор. Разделительный **ъ** широко используется в такой специфической сфере, как передача (транслитерация) иноязычных собственных имен – и в этой группе слов он безусловно незаменим. Вот примеры: *Кизилъюрт* (город в Дагестане), *Торъял* (поселок в республике Марий Эл), *Го Хэнъюй* (китайское личное имя), *Хэнъян* (город в Китае), *Тазабагъябская культура* (археологическая), *Ювясъярви* (озеро в Финляндии), *Коликъеган, Лунгъеган* (реки в Ханты-Мансийском национальном округе), *Манъёсю* (антология древнеяпонской поэзии), *Шернъельм* (шведский поэт и ученый), *Дзюнъитиро Танидзаки* (японский писатель), *Канъити Курода* (японский политолог). Как видим, особенность этой группы слов состоит в том, что разделительный **ъ** здесь пишется не только перед ***е, ё, ю, я,*** как в других группах слов с этой буквой, но и перед буквой ***и*** (для передачи йотированного **и**). Разделительный **ъ** используется в этой функции, хотя и редко, также в нарицательных заимствованных словах-экзотизмах – таких как *линъюй* (понятие древнекитайской мифологии), *синъицюань* (разновидность восточных единоборств, воинское искусство). Без буквы **ъ** правильно прочитать все подобные слова, по большей части малоизвестные, невозможно.

За последние десятилетия расширению применения буквы **ъ** в собственных именах способствовал осуществленный специалистами переход от дефисного написания некоторых типов собственных имен к слитному – например, от «трехчленного» написания китайских личных имен к преобладающему сейчас «двучленному» (вместо *Го Хэн-юй – Го Хэнъюй* и т. п.) или к слитному написанию названий населенных пунктов со второй частью *-юрт* (вместо *Кизил-юрт – Кизилъюрт,* аналогично *Чиръюрт* и т. п.).

Нельзя не отметить, наконец, что во всех группах сложных и сложносокращенных слов, о которых здесь шла речь, как и в иноязычных собственных именах и экзотизмах, разделительный **ъ** указывает не только на йотированность последующего гласного, но и на твердость предшествующего согласного, оправдывая тем самым свое название. Ср., между прочим, такие написания топонимов, как *Хэнъян* и *Шэньян,* где различие разделительных знаков значимо фонетически. Таким образом, для употребления буквы **ъ** в этих группах слов есть и серьезные фонетические основания.

Примечания

[1] См.: Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

[2] Приставки *пост-* и *супер-* уже введены в список приставок, после которых пишется разделительный **ъ**, в кн.: *Розенталь Д. Э., Джанджакова Е. В., Кабанова Н. П.* Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. М., 1994. С. 30.

[3] См.: Словарь новых слов русского языка (середина 50-х – середина 80-х годов). СПб., 1995.

[4] Кстати, оно существенно облегчило бы и правила переноса: было бы безусловно запрещено отделение переносом от предшествующей согласной букв ***е, ё, ю, я;*** переносы, учитывающие морфемную и словообразовательную структуру слов, сохранились бы только для стыков согласных с буквами ***я, и, о, у, э,*** а переносы типа *инъ-яз, детъ-ясли* попали бы в этой системе правил в один ряд с такими, как *отъ-езд, коль-цо, перь-ями.*

[5] См.: Свод правил русского правописания: Проект. М., 2000. С. 56, 378.

[6] В частности, оно было поддержано и такими резкими критиками проекта, как М. Ремнева (в отзыве кафедры русского языка филологического факультета МГУ) и Л. Рахманова (см. ее статью «О реформе орфографии» в журнале «Отечественные записки». 2002, № 1. С. 185).

[7] Русский орфографический словарь. Изд. 2-е, испр. и доп. М., 2005.

Словообразование и орфография. К правописанию аббревиатур

[В сб.: Актуальные проблемы русского словообразования. Материалы VII Международной научной конференции. Елец, 2001]

Институтом русского языка им. В. В. Виноградова РАН и Орфографической комиссией при Отделении литературы и языка РАН подготовлена новая, переработанная и дополненная, редакция «Правил русской орфографии и пунктуации», проект которой опубликован в конце 2000 г. как рабочие материалы для обсуждения. Основная задача проекта – представить правила русского правописания в виде полного и обновленного (отражающего современный этап развития русского языка и практику письма конца XX в.) нормативного свода. Как известно, до сих пор сохраняют свою юридическую силу правила, утвержденные в 1956 г., – правила неполные и во многом (особенно в разделах о слитном, дефисном и раздельном написании и об употреблении прописных букв) устаревшие.

Авторы проекта исходят из того, что упорядочение, корректировка правил русского правописания – необходимая работа, обусловленная постоянным и естественным саморазвитием как языка, так и его правописной системы.

Исторически сложившиеся принципы русской орфографии таковы, что во всех разделах их формулирование тесно и непосредственно сопряжено со словообразовательным анализом. Правила употребления букв в словах, как известно, основаны на фономорфологическом принципе единообразного письменного представления морфем, что невозможно без морфемного и словообразовательного анализа структуры слов и словоформ. Правила слитного, дефисного и раздельного написания опираются в значительной степени на структурные особенности различных разрядов приставочных, сложных и составных образований в целом (существительных, прилагательных, наречий) и на морфемно-словообразовательную структуру их компонентов. Так, предлагаемое новое правило слитного либо дефисного написания сложных прилагательных с последней частью, способной употребляться в качестве самостоятельно-

го слова, опирается на формально-грамматический принцип наличия/отсутствия суффикса относительных прилагательных в предшествующей основе сложения: ср., с одной стороны, *глухонемой, нефтегазовый, пароводяной, буровзрывной, машиночитаемый,* а с другой – *буржуазно-демократический, жилищно-кооперативный, научно-исследовательский, народно-хозяйственный, государственно-монополистический, партийно-номенклатурный, гражданско-правовой, стрелково-спортивный* и т. п. Этому правилу предлагается подчинить и написание прилагательных типа *западно-сибирский* – не только как «географических» определений в составных собственных наименованиях *(Западно-Сибирская низменность, Западно-Сибирский металлургический комбинат),* но и в свободном употреблении. А дефисное написание производных от дефисно пишущихся существительных предлагается последовательно провести не только для прилагательных *(генерал-губернаторский, вице-президентский, нью-йоркский, орехово-зуевский),* но и для существительных *(генерал-губернаторство, вице-президентство),* в том числе названий жителей *(нью-йоркцы, орехово-зуевцы).* Напомню, что в правилах 1956 г. регламентировано написание только прилагательных этой группы.

Что касается прописных букв, то здесь особый интерес представляет написание такого специфического словообразовательного разряда, как аббревиатуры, а также их формы и производные от них слова. Остановимся на этой проблеме несколько подробнее, тем более, что в правилах 1956 г. мы не найдем сколько-нибудь полного ее освещения, а некоторые рекомендации соответствующего их раздела давно устарели. Особенно показательна рекомендация правил 1956 г. писать строчными буквами звуковые аббревиатуры, «обозначающие имена нарицательные», например, *вуз, роно, дзот.* Правило это фактически никогда не соблюдалось: строчными буквами пишутся как исключения только очень немногие из звуковых аббревиатур – *вуз, втуз, дот, дзот,* из новых слов – *бомж* (изначально склонное к деэтимологизации), а в отдельных случаях наблюдается вариативность: *НЭП* и *нэп, ЗАГС* и *загс.* Имеются и отдельные инициальные аббревиатуры другого типа – буквенного, которые тоже пишутся строчными буквами (по названиям букв), например, *эсер* или *цеу (ценное указание),* либо вариативно – прописными буквами и строчными: ЧП и *чепэ, ЧК* и *Чека.* Однако правило, давно уже реализованное на практике, за-

ключается как раз в обратном – в том, чтобы писать любые инициальные аббревиатуры (как буквенные, так и звуковые) прописными буквами. Из нарицательных звуковых аббревиатур так пишутся, например, *ГЭС, ГРЭС, ТЭЦ, ВТЭК, РОЭ,* из старых аббревиатур «раннесоветского» периода – *ТОЗ, ЧОН,* из более поздних, новых – *НОТ, СПИД, ЖЭК, ОМОН, ТЭК, ВИА, СМИ, АОН, ПРО, РЭУ, УЗИ* и многие другие.

Обратившись теперь к возможным формам склонения и к словам, производным от тех и других инициальных аббревиатур звуковых и буквенных, мы увидим, что из всего этого комплекса вопросов в правилах 1956 г. отражен только один – оговорено, что в падежных формах звуковых аббревиатур окончания пишутся строчными буквами: *ТАССа, МИДом*; о производных от обоих разрядов инициальных аббревиатур не сказано ни слова. В проекте новой редакции орфографического свода впервые сформулированы следующие правила.

1. Суффиксальные производные от звуковых аббревиатур пишутся только строчными буквами: *ооновский, тассовский, мидовский, антиспидовый, мхатовец, омоновец, гаишник.*

2. В формах склонения буквенных аббревиатур и в суффиксальных производных от буквенных аббревиатур используется только один способ передачи аббревиатурной основы – по названиям букв (а не прописными буквами): *бэтээры* (от *БТР*), *кагэбэшник* (от *КГБ*), *гэбист* (от *ГБ*), *кавээнщик* (от *КВН*), *цековский* (от *ЦК*), *цеэсковский* (от *ЦСКА*), *эсэнгэвский* (от *СНГ*), *фээргэвский* (от *ФРГ*), *кабэшный* (от *КБ*), *гэпэушный* (от *ГПУ*). Таким образом, встречающиеся иногда в печати написания типа *БТРы* или *КВНщик* признаются ненормативными.

3. В приставочных, сложных словах и составных наименованиях, характеризующихся слитным или дефисным написанием, буквенные и звуковые аббревиатуры сохраняют прописные буквы: *суперЭВМ, миниЭВМ, микроГЭС, МГД-генератор, УКВ-передатчик, УВЧ-терапия, МВ-печь, СВЧ-лучи, ДНК-содержащий.*

4. Заимствованные (без перевода на русский) звуковые аббревиатуры иностранных языков пишутся прописными буквами: *НАТО, ЮНЕСКО, ЮПИ* (информационное агентство), *ЭКЮ* (европейская валютная единица до 1998 г.), *ПЕН-клуб.* В буквенных аббревиатурах – собственных именах (названиях учреждений, объединений), состоящих из названий букв иноязычного алфавита, соединенных

дефисами, пишется первая прописная буква, остальные буквы – строчные: *Би-би-си, Си-эн-эн, Си-би-эс.* Образованные таким же образом нарицательные слова пишутся со строчной буквы и слитно: *диджей, пиар.*

5. В сложносокращенных словах смешанного типа, образованных из инициальных аббревиатур и усеченных основ, инициальная часть обычно пишется прописными буквами, а усеченная – строчными, например: *НИИхиммаш, ЦНИИчермет, ГлавАПУ, КамАЗ, БелАЗ:* однако: *ГУЛАГ, СИЗО, ГОСТ, РОСТА, Днепрогэс.*

6. Составные названия, в которых за инициальной частью следует несокращенное слово (слова), в косвенном падеже пишутся раздельно: *НИИ газа, НИИ постоянного тока.* Раздельно пишутся также аббревиатуры, состоящие из двух самостоятельно употребляющихся инициальных аббревиатур – названий различных организаций: *ИРЯ РАН* (Институт русского языка Российской академии наук).

Прокомментированный фрагмент новой редакции Правил русского правописания иллюстрирует содержание и направленность выполненной работы.

Орфография: саморазвитие и упорядочение

[Вестник Российской академии наук. 1997. Т. 67, № 8]

Правильное письмо – необходимый компонент общенациональной культуры, ее инструмент, которым овладевают в школе, затем пользуются широчайшие круги образованных людей, а по роду своих занятий постоянно интересуются и сознательно применяют его преподаватели языка, журналисты, издательские работники и др. Естественно, что проблемами кодификации письма должны заниматься прежде всего лингвисты. Их работа в области орфографии складывается из трех направлений: во-первых, это слежение за практикой письма, выявление сложных и спорных написаний, особенно новых слов; во-вторых, с учетом практики письма и развития лингвистической науки – своевременное переформулирование, корректировка, уточнение и в необходимых случаях изменение действующих орфографических правил; в-третьих – создание практических пособий, справочников и орфографических словарей разного объема и предназначения – от полных словарей академического типа до кратких пособий для школьников. Все три вида работы, будучи тесно взаимосвязаны, должны вестись постоянно: к этому обязывают сам язык, его развитие, общественные потребности в пополнении новыми словами, новые тенденции письменного оформления слов, обнаруживающиеся в самых разных категориях лексики.

Русская орфография традиционно была объектом пристального внимания академической науки. Однако в исторический период, называемый теперь обычно эпохой застоя, орфографическая работа была фактически остановлена. Здесь сыграла свою роль неудача предложенного в 1964 г. проекта орфографической реформы, получившего после его обнародования почти единодушное общественное осуждение, а ныне иногда интерпретируемого как одно из проявлений хрущевского волюнтаризма. Эта неудача надолго отпугнула власти (как академические, так и общегосударственные) от орфографических проблем, на которые было наложено негласное табу.

Попытка в первой половине 70-х годов возродить Орфографическую комиссию при АН и вернуться к проблемам упорядочения

русской орфографии закончилась безрезультатно – новый проект, гораздо менее радикальный, чем предыдущий, был «похоронен» в ведомстве вице-президента АН СССР П. Н. Федосеева. Подготовленный в стенах Академии наук «Орфографический словарь русского языка» в дальнейшем на протяжении полутора десятилетий выходил только стереотипными изданиями (вплоть до 29-го, исправленного и дополненного, 1991 г.).

Только в конце 1988 г. орфографическая работа была вновь выделена в особое направление – в Институте русского языка (ныне Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН) была создана орфографическая лаборатория, преобразованная в 1992 г. в сектор орфографии и орфоэпии; тогда же, в 1989 г. Отделение литературы и языка утвердило Орфографическую комиссию АН в новом составе. О том, что сделано за прошедшие годы в этой области и что предстоит сделать, каковы сейчас приоритетные задачи орфографической работы, и пойдет речь.

Подготовлена новая редакция свода правил русского правописания, которая сейчас предложена Орфографической комиссии для обсуждения, принятия и дальнейшего официального утверждения высокими (очевидно, правительственными) инстанциями.

Ныне действующие «Правила русской орфографии и пунктуации» утверждены и опубликованы в 1956 г. Они сыграли важную роль, поскольку в них впервые регламентировались многие закономерности современного русского правописания. Но давно уже стало ясно, что правила эти устарели. Существенно изменилась практика письма, особенно в разделах, касающихся слитного, дефисного и раздельного написания, а также употребления прописной буквы. Естественно, не стояла на месте и лингвистическая наука: появилось немало новых теоретических исследований, а также работ, обобщающих сложившуюся практику письма либо по-новому трактующих собственно языковые основы того или иного правила. В этой связи можно упомянуть, например, работы А. А. Зализняка, Н. А. Еськовой, В. Ф. Ивановой и других исследователей[1].

В ряде пунктов действующего свода правил обнаружена их неполнота. Так, отсутствуют указания на употребление буквы ***е*** (а не ***э***) в конце несклоняемых существительных *(резюме, турне, купе, шоссе, карате* и т. п.), на недопустимость написаний типа *БТРы, КВНщики,* встречающихся нередко в современной печати (подоб-

ные формы буквенных аббревиатур и производных от них слов следует писать по названиям букв: *бэтээры, кавээнщики* и т. п.), на употребление в ряде случаев знака тире вместо дефиса – например, в соединениях с неодносложными наименованиями *(директор – художественный руководитель, научный сотрудник – космонавт* и др.). Иногда неполнота правил объясняется развитием самого языка – появлением в нем новых элементов, новых структур. Таковы, например, элементы *мини-, видео-, аудио-* и т. п., стоящие по своим функциям на грани между словом и частью слова. Нуждается в серьезном обновлении и иллюстративный материал, привлеченный в Правилах 1956 г.

Общее направление работы над новым сводом правил русского правописания определяется установкой не на реформу, а на новую редакцию правил. Следует различать реформу правописания и его упорядочение, или усовершенствование. Последнее – постоянный и необходимый процесс, касающийся отдельных категорий, групп слов и даже единичных слов. Речь идет или о новых структурах, появившихся в языке, или о переформулировках правил, отражающих явления, трудные для усвоения (например, употребление ***нн*** и ***н*** в страдательных причастиях и совпадающих с ними по форме прилагательных или слитное/раздельное написание наречий и так называемых наречных сочетаний, сложность которого определяется зыбкостью границ между теми и другими в самом языке), или о правилах, сформулированных слишком общо, без учета всего многообразия определенного типа образований.

Что касается употребления букв и передачи буквенного состава слов и их составных значимых частей (морфем), то авторы проекта стремились содержащихся в правилах рекомендаций не менять и существующие написания преимущественно сохранять. Нельзя не учитывать того, что орфография – очень консервативная сфера общественно-культурной жизни, и потому следует чрезвычайно осторожно подходить к изменениям в этой части правил. Сильная ломка устоявшихся навыков письма здесь едва ли уместна.

Сказанное не исключает, разумеется, возможности изменения отдельных конкретных написаний, устранения тех или иных исключений. Так, по мнению многих членов Орфографической комиссии, желательно ввести, наконец, написание слов *брошюра* и *парашют* с буквой ***у*** вместо ***ю;*** возможно изменение написаний прилагательных *деланный* и *считанный* – устранение в них удвоенного ***н*** (как у

всех отглагольных прилагательных подобной структуры) и, напротив, введение удвоенного ***н*** в прилагательном *ветреный* (ведь мы пишем ***нн*** во всех словах, подобных ему по образованию, – в прилагательных типа *буквенный, вахтенный, болезненный, маневренный, бессмысленный* и даже в однокоренном слове *безветренный).* Весьма желательно и изменение написания прилагательного *розыскной:* по общему правилу написания приставки *раз-(рас-)/роз-(рос-)* в этом слове следует писать букву ***а***, а не ***о***. Действительно, мы пишем: *россыпь,* но *рассыпать* и *рассыпной; роспись,* но *расписывать* и *расписной; роспуск,* но *распускать; розлив,* но *разливать* и *разливной; розданный,* но *раздать* и т. п., то есть, если под ударением в данной приставке пишется (в соответствии с произношением) буква ***о***, то в безударной позиции всегда пишется ***а***. Хотя в этой закономерности нельзя не увидеть отступления от основного принципа русской орфографии – фономорфологического («пиши то, что слышишь под ударением»), однако в пределах группы слов с данной приставкой это отступление выдерживается регулярно и становится дополнительным правилом, хорошо известным всем изучающим русский язык. Согласно этому правилу, надо писать *розыск,* но *разыскивать* и *разыскной;* принятое же сейчас написание *розыскной* представляет собой, как видно из выше изложенного, исключение из исключения – случай по-своему уникальный[2].

И все-таки необходимость подобных изменений написания отдельных слов ни в коем случае нельзя абсолютизировать. Выскажу свое личное мнение (разделяемое не всеми специалистами): ради упрощения орфографии, облегчения процесса ее усвоения (к чему призывают многие преподаватели и методисты) менять орфографические правила не стоит, как не стоит это делать и ради чистоты основного – фономорфологического – принципа русского письма. В современной русской орфографии слишком много отступлений от этого принципа, и вряд ли целесообразно пытаться устранить реформистским усилием все традиционные написания, представляющие собой такие отступления. Едва ли следует, например, устранять конечную букву ***ь*** в словах типа *мышь, ночь* (где эта буква, кстати, маркирует определенный морфологический тип слов) или писать всегда после шипящих под ударением букву ***о*** (то есть, например, не только *шорох,* но и *шопот,* и *пошол),* а на конце приставок *без-(бес-), из-(ис-), раз-(рас-)* и т. п. – букву ***з***. Не следует стремиться к «дистиллированной» орфографии, изгоняя из нее

исключения и сложности. Позволительно даже утверждать, что орфография естественного языка не может быть абсолютно «чистой», непротиворечивой, поскольку она является в значительной степени продуктом достаточно длительного историко-культурного саморазвития. И хотя в этой области силен элемент нормативистского вмешательства, реформирования, он не может абсолютизироваться.

Нам говорят: пожалейте школьников, оставьте им больше времени на изучение самого языка. Вряд ли это весомый аргумент, вряд ли наша орфография сложнее, чем, например, английская или французская. Способы же усвоения орфографии, повышения уровня грамотности, которые позволили бы тратить меньше времени, чем сейчас, должны искать в первую очередь методисты. Наиболее рациональные подходы к этой проблеме, как нам представляется, лежат на пути сближения орфографических навыков с собственно языковыми (прежде всего фонетическими и грамматическими) знаниями, углубления этих знаний в процессе обучения – при соответствующей разработке таких тем, как «фонетика и орфография», «словообразование и орфография», «морфология и орфография»[3].

До сих пор речь шла о правилах употребления букв и написания морфем. Но есть другие области орфографии, где возможны и даже необходимы значительные изменения. Это, во-первых, проблема слитных, раздельных и дефисных написаний и, во-вторых, употребление прописных и строчных букв. Здесь наблюдается наибольший разнобой в практике письма и многое требует упорядочения. В частности, правила слитного и дефисного написания сложных прилагательных, как показано в работах Б. З. Букчиной и Л. П. Калакуцкой[4], должны быть скорректированы с учетом структуры этих прилагательных (их первого компонента), поскольку сформулированное в своде 1956 г. правило, основанное на семантических отношениях компонентов сложения, во многих случаях не действует. Изменения последних лет, происшедшие в общественном осознании священных понятий религии, требуют включения в новый свод особого раздела правил, предусматривающего, например, написание слов *Бог* и *Господь* с прописной буквы, но сохранение строчной буквы в некоторых словах и выражениях междометного и оценочного характера – таких, как *господи* (междометие), *ей-богу, не бог весть что* и т. п. Необходимы также серьезные уточнения относительно употребления прописной буквы в названиях государственных учреждений и других категориях наименований.

Еще один очень важный – формирование более сознательного, творческого отношения к письму. Этот аспект проявляется и в необходимых уточнениях стилистического характера (например, о возможности в художественной речи, особенно поэтической, написаний с окончанием *-и* типа *в молчаньи, в ущельи*), и в предоставлении в ряде случаев права выбора между раздельным и дефисным написанием, и в возможности выбора разных знаков препинания в зависимости от того или иного понимания синтаксической конструкции. Большая свобода, чем прежде, предоставляется пишущим новыми правилами переноса. Возможность выбора написания, допустимая в некоторых специфических случаях и ни в коей мере не отменяющая общего принципа обязательности правил и единообразия письма, отмечалась орфографистами прошлого[5], но в своде 1956 г. она фактически игнорировалась.

Уже упомянутая установка на полноту правил требует указания в них на все трудности частного характера, «подводные камни», приведения полных списков слов, отклоняющихся от той или иной закономерности. Так, в разделе о безударных гласных приводится список слов с основой на *-ий-* типа *армия* (ср. *арме́йский),* где, в отступление от основного принципа орфографии, безударная гласная не проверяется ударной. Приводятся, кроме того, полные списки служебных морфем (суффиксов, приставок, окончаний) с непроверяемой гласной или согласной. Это принципиально важно, поскольку усвоение написания таких морфем (нередко формирующих большие ряды слов – существительных на *-тель,* глаголов на *-ывать)* равносильно закреплению особого орфографического правила.

Подготовленный проект нового свода правил русского правописания детально обсуждается на заседаниях Орфографической комиссии при Отделении литературы и языка РАН. По завершении этого этапа работы над проектом предполагается публикация его ограниченным тиражом для дальнейшего обсуждения в авторитетных научных центрах, вузах, ведомствах системы образования и на представительной научно-практической конференции. Надеемся, что в первой половине 1998 г. Свод будет подготовлен к официальному утверждению, в котором нам может оказать содействие и созданный в 1995 г. Президентский совет по русскому языку.

Параллельно ведется работа над серией орфографических словарей русского языка. Подготовлен к печати и утвержден ученым

советом института новый академический словарь, названный «Русским орфографическим словарем». Объем нового словаря увеличен по сравнению с предыдущим более чем в полтора раза, он включает около 160 тыс. единиц, в том числе много новых, впервые вводимых в нормативные словари русского языка слов. Являясь справочником для самого широкого круга пользователей, словарь отражает лексику русского литературного языка середины 90-х годов XX века. Наряду с активной общеупотребительной лексикой, в словарь включаются просторечные, диалектные (областные), жаргонные, устарелые слова. Значительное место занимает специальная терминология различных областей научного знания и практической деятельности. Особое внимание обращено на лексику тех понятийных сфер, которые актуализировались в последние годы: прежде всего на церковно-религиозную лексику, терминологию рынка, бизнеса, банковского дела, программирования, вычислительной техники и др. Существенно увеличена представленность производных слов. Расширен круг помещаемых в словарь раздельно пишущихся (неоднословных) единиц и в первую очередь – функциональных эквивалентов слова. Словарь дает правильные написания слов и их форм, а также некоторых типов словесных соединений, так или иначе соотносительных со словами – например, раздельно и дефисно пишущихся сочетаний (*хлеб-соль, ракета-носитель, читаный-перечитаный, постоянно действующий* и т. п.), предложно-падежных сочетаний, сходных с наречиями (*в принципе, в розницу, на ходу, по привычке*), и др.

Новый словарь отличается от предыдущего не только объемом, но и содержанием – характером словника, заложенной в нем информацией. Здесь впервые приводятся многие слова и сочетания слов, пишущиеся с прописной буквы, например, собственные имена (личные, литературные, мифологические, географические), употребляемые также в нарицательном (переносном) смысле. Переносное употребление не обязательно требует в них замены прописной буквы на строчную: такая замена или ее отсутствие определяются главным образом традицией. Так, *Гамлет, Гаргантюа, Плюшкин, Митрофанушка, Мюнхаузен, Мекка, Вандея, Клондайк, Хиросима, Черемушки* сохраняют и в переносном (нарицательном) употреблении прописную букву, а *Дон Кихот, Дон Жуан, Геркулес, Герострат, Робинзон, Панама, Камчатка, Геркулесовы столбы* пишут в переносном смысле со строчной буквы.

Для подобных и многих других случаев в словаре разработаны статьи особого типа, предусматривающие два орфографических варианта – написания с прописной и строчной букв – с соответствующими необходимыми пояснениями. Так подаются, например, слова: *запад* (страна света, направление) и *Запад* (страны Западной Европы и Америки); *земля* и (название планеты, астр.) *Земля,* также в названиях островов, архипелагов – *Новая Земля, Огненная Земля; водолей* (водолив) и *Водолей* (созвездие и знак зодиака); *просвещение* (действие) и *Просвещение* (историческая эпоха, идейное течение); *крещение* (действие) и *Крещение* (праздник); *писание* (действие) и *Писание* (Библия); *Ванька* (имя) и *ванька* (извозчик; то же в выражениях *ломать, валять ваньку)* и т. п.

Включены в словарь и наименования, в составе которых нарицательные существительные употребляются не в своем собственном смысле – *Сергиев Посад, Сосновый Бор* (названия городов), *Марьина Роща, Кузнецкий Мост, Большая Медведица, Млечный Путь* и т. п. Широко отражены в нем названия исторических эпох и событий, календарных периодов и праздников. В словарь включены также аббревиатуры, имеющие нарицательный смысл *(ГЭС, ЭВМ, ВТЭК, СВЧ, УКВ* и т. п.); прилагательные, названия жителей населенных пунктов и другие производные от собственных имен.

Значительно расширена в новом словаре разъяснительная часть словарных статей. Поясняются не только различия в употреблении написаний с прописной и строчной букв, но и различия слитного и раздельного написаний слов с частицей (приставкой) ***не,*** одного и двух ***н*** в страдательных причастиях и прилагательных (с примерами их употребления), даются нормативно-стилистические пометы при вариантах слов и паронимах. Введено специальное приложение – список употребительных графических сокращений. Включен также список слов, написание которых (по сравнению с предыдущими изданиями) меняется. Если ко времени выхода словаря из печати будет официально утвержден новый свод правил, он обязательно будет включен и в словарь.

Следующим шагом должна быть подготовка «Большого орфографического словаря русского языка» объемом не менее 250 тыс. единиц. В нем ставится задача гораздо более полного отражения специальной терминологической лексики различных областей знания; в этой связи предстоит более тщательно заняться орфографией отдельных терминосистем (по-видимому, с привлечением

соответствующих специалистов). Будут введены в широком объеме и собственные имена – уже как таковые, а не только в связи с нарицательными или как компонент составных наименований.

Разумеется, будущий большой словарь должен опираться на нынешний, уже подготовленный. Текстовой корпус словарей создается в машинной форме как постоянно пополняемая база данных, в перспективе – наиболее объемная из существующих баз данных по русскому языку и представляющая собой самостоятельный лингвистический источник большой значимости.

Актуальной является и задача подготовки ряда более конкретных лексикографических пособий по русской орфографии. На первом месте среди них стоит сравнительно небольшой по объему объяснительный «Словарь орфографических трудностей русского языка». Он задуман как свод особенно трудных с орфографической точки зрения слов – например, слов с непроверяемыми безударными гласными, с удвоенными согласными в корнях, с непроизносимыми согласными. При этом должна приводиться аргументация выбора правильного написания с отсылками к определенному правилу, к группе слов с аналогичными орфографическими проблемами. В наиболее сложных случаях характеристика слов, встречающихся в практике письма в разном орфографическом облике, принимает вид краткого очерка. Здесь можно будет найти сведения о таких орфографически неустойчивых словах со сравнительно недолгой историей употребления, как, например, *карате, зэк, телик* (телевизор), *мелочовка,* как орфографически трудные недавние заимствования: *гадючник* (это слово – украинизм), *андерграунд, икебана, киднепинг, китч, офшор, плеер, риелтор, римейк, тинейджер, тхэквондо, уикенд, форсмажор* и др. Все рекомендации этого словаря должны быть согласованы с новыми сводом правил и «Русским орфографическим словарем».

Далее, необходимо подготовить, также в максимально сжатые сроки, словарь «Употребление прописной буквы» (он особенно актуален сейчас, в связи с изменившимся общественным отношением ко многим аспектам этой проблемы) и новое, дополненное издание уже хорошо известного словаря «Слитно или раздельно?». Все эти словари рассчитаны на самый широкий круг пользователей, а о том, как велика сейчас потребность в них, мы можем судить по поступающим в институт многочисленным обращениям и запросам, особенно со стороны издательских работников.

К сожалению, работу приходится вести в неспокойной обстановке. Большими тиражами выходят пиратские издания нашего академического «Орфографического словаря русского языка». Так, в Ижевске в 1994 г. стотысячным тиражом опубликован репринт с 26-го издания этого словаря, вышедшего в 1982 г. Еще удивительнее поступило московское ТОО «Гепта-трейд», выпустившее в 1995 г. в двух томах так называемый «Орфографический словарь» С. И. Ожегова. В действительности это репринт все того же академического словаря, воспроизведенный со 2-го издания 1957 г. (В данном случае популярное имя С. И. Ожегова использовано в качестве автора лишь для привлечения покупателей, на самом деле он был одним из редакторов.) Добавим к этому ставший широко известным благодаря многим возмущенным откликам в печати «Орфографический словарь», опубликованный в 1994 г. издательской фирмой «Азъ» под грифом Института русского языка РАН (но без всякого ведома института), – недобросовестное, с многочисленными искажениями и пропусками воспроизведение словника «Толкового словаря русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой. Два орфографических словаря одних и тех же авторов вышли подряд в Ростове-на-Дону: Н. П. Колесников и Л. А. Введенская «Современный орфографический словарь русского языка» (30 тыс. слов), изд. «Феникс»; Л. А. Введенская и Н. П. Колесников «Новый орфографический словарь русского языка» (20 тыс. слов), изд. Ростовского ун-та. Что стоит при этом за эпитетами «современный» и «новый» – понять трудно.

Подготовленный к печати «Русский орфографический словарь», действительно выходящий из стен РАН, должен играть роль новейшего, авторитетного, общеобязательного орфографического источника. Это необходимо довести до общественного сознания: то, что словарь академический и новейший, следует указать уже на обложке и титульном листе; выход его должен сопровождаться соответствующей информацией, широкой рекламой, газетными публикациями и т. д. Но дело не только в этом. Необходимо как можно скорее создать при Президентском совете по русскому языку Федеральную службу русского языка, наделенную определенными полномочиями, принять Закон о русском языке, что позволит найти формы и способы преследования издателей недобросовестной, некачественной орфографической продукции. Речь идет об охране русского языка (в его письменной форме) как совершенно уникального объекта, ценнейшего общественно-культурного достояния.

В заключение затрону еще один вопрос, вызывающий сейчас немалый общественный резонанс. В последнее время все чаще раздаются призывы вернуться к старой (до 1918 г.) русской орфографии. Публикации такого содержания нередко появляются в печати. В мае 1996 г. в Санкт-Петербурге, в доме Пушкина на Мойке состоялась первая научно-практическая конференция под названием «Судьба русской орфографии», организованная «Обществом возрождения духовных традиций Руси». Проект «Русская орфография» рассматривается этим обществом как долгосрочный, предусматривающий (цитирую документы конференции) «ряд мероприятий по научному обоснованию преимуществ «старой» (исторической) орфографии и формированию общественного мнения; сотрудничество с отечественными и зарубежными издательствами по выпуску учебников, словарей, классической литературы по «старой» орфографии; содействие переходу издательской деятельности Русской православной церкви на «старую» орфографию» и т. д. Поднимается вопрос «о правомерности насильственного упрощения русской орфографии большевицкими декретами 1917–1918 годов». В докладах на конференции больше всего говорилось о возвращении буквы «ять»; в частности, всерьез доказывалось, что гласный, обозначавшийся этой буквой, по-прежнему произносится в русском литературном языке иначе, чем *е*. Нынешнюю орфографию называли чаще всего «большевицкой», а принявшие участие в конференции церковнослужители – «сатанинской».

В этой связи напомню только некоторые факты. Нынешнюю нашу орфографию можно называть «большевицкой» только потому, что большевики декретировали переход к ней (в этом смысле она столь же «большевицкая», как и «новый» стиль календаря, тоже, как известно, введенный большевиками). Подготовлен же проект перехода на новую орфографию вовсе не большевиками, а созданной еще в 1904 г. Орфографической комиссией при Отделении русского языка и словесности Академии наук, куда входили крупнейшие лингвисты того времени – Ф. Ф. Фортунатов, А. А. Шахматов, И. А. Бодуэн де Куртенэ, П. Н. Сакулин, В. И. Чернышев и другие. При царском режиме проект этот утвержден не был, оставался благим намерением, хотя и продолжал широко обсуждаться, но уже летом 1917 г. Временное правительство (его Министерство просвещения) разослало на места инструкцию о постепенном переходе на новую орфографию; большевики же, как только зах-

ватили власть, очень умело и оперативно воспользовались готовым проектом, применив при этом свои революционные методы. Основной целью проекта комиссии 1904 г. было упрощение русского письма – прежде всего графики (состава и употребления букв)[6]. В стране с преобладающим неграмотным населением введение нового письма действительно сыграло большую историческую роль – нельзя не признать, что так называемая всеобщая грамотность была достигнута при большевиках за столь короткие сроки и благодаря проведенной реформе.

Хотя дальнейшее упрощение русской орфографии, как уже говорилось выше, вряд ли оправданно, в современных условиях ставить на повестку дня возврат к старой орфографии – по меньшей мере неразумно. Новая орфография, какова бы ни была история ее принятия, по прошествии многих лет, снявших политическую остроту вопроса, стала привычной для носителей русского языка и вполне успешно обслуживает культурные потребности современного общества.

Мероприятия, подобные описанной петербургской конференции, так или иначе вызывают тех, кто занимается регламентацией современного письма (прежде всего Институт русского языка РАН, нынешнюю Орфографическую комиссию, учреждения системы образования), на конфронтацию. Мы такой конфронтации не хотим. В принципе возрождение духовных традиций Руси – благая и достойная уважения цель. Наше отношение к ней проявляется хотя бы в восстановлении прописной буквы в написании слова *Бог,* названий церковных праздников, постов и многих других понятий религии (что и регламентируется в подготовленном своде правил и в новом «Русском орфографическом словаре»). Кажется вполне разумной идея ввести в некоторых школах (гимназиях, лицеях) факультативное изучение старославянского языка и в связи с этим ознакомление учащихся со старой русской орфографией. Нельзя возражать и против выпуска книг церковно-религиозного содержания со старой орфографией (впрочем, вопрос этот относится прежде всего к компетенции Церкви). Поскольку сейчас появляется довольно много изданий, воспроизводящих репринтным способом дореволюционные книги и вышедшие в свет в соответствии со старой орфографией тексты русского зарубежья, возможно включение в некоторые современные орфографические словари в качестве приложения правил старой ор-

фографии – для облегчения ориентации в ней современного читателя, для более сознательного пользования соответствующими текстами. Но тревожит возможная ситуация «биорфографизма», которая возникнет в случае принятия предложений, подобных звучавшим на петербургской конференции: предлагается издавать классиков русской литературы, используя старую орфографию, а современную более легкую, массовую литературу (детективы и т. п.) и, по-видимому, прессу – используя новую. Можно, конечно, издавать по старой орфографии классиков. Но много ли будет у таких книг читателей? Не слишком ли большой изыск – предпринятое в Петрозаводске издание Полного собрания сочинений Достоевского (тиражом всего 5 тыс. экземпляров) по старой орфографии, претенциозно именуемого «каноническими текстами»?

Ностальгию определенных общественных кругов по старой орфографии можно понять. Но намного важнее сейчас забота о насущных проблемах и нуждах сегодняшней орфографии.

Примечания

[1] Подробнее см.: *Кузьмина С. М., Лопатин В. В.* К лингвистическому обоснованию «Свода правил русского правописания» (новая редакция) // Русистика сегодня. 1996. № 1.

[2] Примечательно, что в Толковом словаре под ред. Д. Н. Ушакова (не ставившем задачи орфографической унификации слов) это прилагательное дано в двух вариантах – с буквами ***а*** и ***о*** после ***р***, причем как основной вариант дано *разыскной.*

[3] В этой связи представляют определенный интерес попытки совместить в учебном орфографическом словаре собственно орфографическую информацию с информацией о морфемном составе слов (см.: *Баранов М. Т.* Школьный орфографический словарь русского языка. Изд. 2-е. М., Просвещение, 1996; в том, что касается указаний на орфограммы, словарь этот нельзя признать удачным).

[4] *Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П.* Сложные слова. М., Наука, 1974; *Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П.* Слитно или раздельно? Опыт словаря-справочника. Изд. 7-е. М., Русский язык, 1988.

[5] *Ушаков Д. Н.* Русское правописание. Очерк его происхождения, отношения его к языку и вопроса о его реформе. Изд. 2-е. М., 1917. С. 96.

[6] Известно, что основные направления проекта реформы, предложенного комиссией 1904 г., определялись принципом языковой синхронии – стремлением избавить русское письмо от особенностей, не оправдываемых современным состоянием русского языка, и прежде всего от лишних букв (обозначав-

ших либо давно утратившиеся звуки, либо звуки, совпавшие с другими). Между тем стоит взглянуть на эти предложения и с другой стороны: они вполне соответствовали тем изменениям в русском письме, которые стихийно или сознательно осуществлялись в нем диахронически за века существования письменности. Таковы, например, отражение на письме реальных результатов процесса падения редуцированных (устранение букв **ъ** и **ь**, обозначавших утраченные редуцированные гласные в слабой позиции, и замена их в сильной позиции на реально звучавшие ***о*** и ***е)*** или отказ от «юсов».

К вопросу об орфографической реформе (послесловие к публикации одноименной статьи Вяч. Иванова)

[Русистика сегодня. 1998, № 3–4]

Публикуемая здесь статья Вяч.Иванова написана в начальный период общественного обсуждения предложений Орфографической комиссии 1904 года по упрощению русского письма, вылившихся впоследствии в орфографическую реформу 1917–1918 годов. Сейчас, в конце XX века, споры об этой реформе, о ее приятии или неприятии, в сущности, давно уже стали достоянием истории, и, разумеется, в наше время было бы неуместно заставлять людей возвращаться к старой орфографии (хотя такие призывы иногда можно услышать). Тем не менее, и сегодня публикуемая статья во многих отношениях актуальна и злободневна.

По-прежнему сейчас – и это стало особенно заметным в связи с подготовкой проекта новой редакции «Свода правил русского правописания»[1] – ведутся споры между, условно говоря, «консерваторами» и «радикалами» – между противниками и сторонниками дальнейшего упрощения русского письма ради чистоты его принципов и ради облегчения преподавания русского языка. По-прежнему тезис «школа – служанка жизни» испытывается русистами на прочность...

И в наши дни наиболее разумный путь нормализаторско-орфографической работы, открывающийся взгляду специалиста, – это тот самый путь, который как нельзя точнее был сформулирован Вяч. Ивановым: «глубокая и научная, т. е. прежде всего чисто теоретическая разработка запросов, предъявляемых самою стихией языка». Прежде всего – учет языкового развития и тех закономерностей, которые складываются, спонтанно или осознанно, в практике письма.

И еще один урок, урок-предостережение. Орфографическая реформа «по существу не допускает поспешности, да и жизнь такой реформы отнюдь не торопит». К чему может привести подготовленная поспешно реформа, показывают нам события 1964 года.

Не состоявшаяся тогда реформа русской орфографии, при всей ее собственно научной обоснованности (хотя в ряде моментов и спорности), была скомпрометирована – сначала жесткими сроками, обусловленными распоряжением «сверху» (упростить русскую орфографию за полтора года!), а потом и немедленным тиражированием проекта в центральной газете. «Семь раз отмерить» авторам того проекта явно не удалось.

«Весь дух переживаемого времени не таков, чтобы она [орфографическая реформа] могла быть ныне успешно выполнена» – и эти слова Вяч. Иванова, и следующая за ними меткая характеристика эпохи, без всякого сомнения, относятся и к 1964 году, и к 1998-му. А вот в каком году они могли бы быть опровергнуты – покажет время.

В делах орфографии не менее, чем чисто научная сторона, важны историко-культурная и общественная составляющие. Об этом и напоминает нам эссе Вяч. Иванова.

Что же касается высказанных в этом эссе оценок тех процессов в жизни русского языка, которые характеризуются автором как болезненные и патологические, то не забудем, что оценки эти (для нашего времени тоже куда как современные!), как бы ни были они по-писательски субъективны, принадлежат европейски ориентированному поэту, филологу-классику, философу, и, во всяком случае, они далеки от пуризма. Думается, что в современной нашей общественно-культурной ситуации ближе всего к высказанной здесь озабоченности по поводу оскудения русского языка, ослабления его связей с народными корнями, «жаргонизации» письменной речи – публицистическая позиция, художественная и лексикографическая практика А. И. Солженицына.

Примечание

[1] О задачах этого проекта см. статью С. М. Кузьминой и В. В. Лопатина в «Русистике сегодня», 1996, № 1.

О новом своде правил русского правописания

[Русский язык в школе. 2001, № 2]

В Институте русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук подготовлен проект «Свода правил русского правописания (орфография и пунктуация)», одобренный Орфографической комиссией при Отделении литературы и языка РАН. В конце прошлого года проект был опубликован ограниченным тиражом для специалистов. С ним ознакомлены вузовские преподаватели, методисты, представители ряда учреждений системы образования, учительской общественности. Состоялись обсуждения проекта, получены письменные отзывы. По итогам этих обсуждений, с учетом сделанных замечаний, текст свода доработан и теперь должен быть представлен на официальное утверждение.

В некоторых средствах массовой информации можно было прочитать или услышать о якобы готовящейся реформе русского правописания (или даже русского языка). На самом деле то, что подготовлено нами, – это отнюдь не реформа. Речь идет только о новой, переработанной и значительно дополненной, редакции «Правил русской орфографии и пунктуации», утвержденных еще в 1956 г. Эта новая редакция правил отвечает современному (конца XX в.) состоянию русского языка и современной практике письма. Ведь в самих «Правилах» 1956 г. многое было недосказано или не упомянуто вовсе, а с другой стороны, они во многом, естественно, устарели. Не случайно текстом этих правил давно никто не пользуется, они фактически не переиздавались лет тридцать; вместо них широко применялись и применяются различные справочники по правописанию для работников печати, для преподавателей, а в них нередко (как отмечают сами их пользователи) содержатся противоречивые рекомендации. В этих условиях подготовка нового, современного, полного и, главное, общеобязательного текста правил русского правописания – задача давно назревшая и даже, можно сказать, перезревшая.

Никаких кардинальных орфографических изменений в новом тексте правил не предусмотрено. Не было самоцелью и упроще-

ние орфографии. Вопрос о целесообразности упрощения или «облегчения» правил русского письма по-прежнему (как и в начале истекшего столетия и в 60-х годах его) остается актуальным и продолжает вызывать споры. Сторонники такого упрощения есть и среди лингвистов, в том числе и членов Орфографической комиссии РАН, и, естественно, среди преподавателей и методистов. Придерживаясь в этом вопросе конструктивного и необходимого (в определенных пределах) консерватизма, выскажу такое мнение: ради упрощения орфографии, облегчения процесса ее усвоения менять орфографические правила не стоит, как не стоит этого делать и ради чистоты основного – фономорфологического – принципа русского письма. В современной русской орфографии немало отступлений от этого принципа, и вряд ли целесообразно пытаться устранить реформистским усилием все традиционные написания, представляющие собой такие отступления. Едва ли следует, например, устранять конечную букву ***ь*** в словах типа *мышь, ночь* (где эта буква, кстати, маркирует определенный морфологический тип слов) или писать всегда после шипящих под ударением букву ***о*** (т. е. не только в слове *шорох,* например, но и в *шёпот, пошёл* и т. п.), а на конце приставок *без- (бес-), из- (ис-), раз- (рас-)* и т. п. – букву ***з***. Не следует стремиться к «дистиллированной» орфографии, принципиально изгоняя из нее исключения и сложности. Позволительно даже утверждать, что орфография естественного языка не может быть абсолютно «чистой», непротиворечивой, поскольку она является в значительной степени продуктом достаточно длительного историко-культурного саморазвития.

Нам говорят: пожалейте школьников, оставьте им больше времени на изучение самого языка. Вряд ли это весомый аргумент. Вряд ли наша орфография сложнее, чем, например, английская или французская. Способы же усвоения орфографии, повышения уровня грамотности, которые позволили бы тратить на это меньше времени, чем сейчас, должны искать в первую очередь методисты. Наиболее рациональные подходы к этой проблеме, как нам представляется, лежат на пути сближения орфографических навыков с собственно языковыми (прежде всего фонетическими и грамматическими) знаниями, углубления этих знаний в процессе обучения – при соответствующей разработке таких тем, как «фонетика и орфография», «словообразование и орфография», «морфология и орфография».

Не надо забывать и о том, что правописание – это отнюдь не только результат нормализаторских усилий, система раз и навсегда установленных правил,– это и саморазвивающаяся система, требующая регулярной и систематической корректировки, упорядочения с учетом существующей практики письма на основе отслеживания спонтанно происходящих в нем изменений. Само такое упорядочение, необходимое при подготовке нового текста общеобязательных, современных, непротиворечивых правил правописания, не может не способствовать повышению грамотности и в конечном счете – уровня преподавания языка.

Переходя к предлагаемым в новом своде орфографическим изменениям, отмечу, что в разделах свода, посвященных употреблению букв и передаче буквенного состава слов и морфем, они немногочисленны. Так, предлагается унифицировать написание причастий и прилагательных, образованных от бесприставочных глаголов несовершенного вида (типа *гружёный, стриженый, жареный, крашеный*): писать их всегда с одним ***н***, как при наличии зависимых слов, так и без них. Существующее правило написания одного или двух ***н*** в подобных образованиях не имеет надежной лингвистической базы, а в практике преподавания обычно оказывается камнем преткновения.

Прочие изменения в этих разделах касаются отдельных слов. Устраняются исключения: слова *брошюра* и *парашют* предлагается писать с буквой ***у***, слово *розыскной* – с буквой ***а*** в приставке (ср. *рассыпной, расписной, разливной*), слово *ветреный* – с двумя ***н*** в суффиксе (ср. *безветренный, подветренный,* а также *буквенный, болезненный, бессмысленный* и другие слова с тем же суффиксом).

В соответствии с существующей практикой письма предлагается писать окончание ***-е*** в предложном падеже существительных на *-ий,* дательном и предложном падежах существительных на *-ия,* имеющих односложную основу (*о кие, о змие, в «Вие», к Ие, Лие, на реке Бие),* одиночную согласную перед суффиксом в уменьшительных и фамильярных формах личных имен типа *Алка, Кирилка.*

Большая часть предлагаемых изменений касается двух разделов свода: во-первых, слитных, раздельных и дефисных написаний и, во-вторых – употребления прописных и строчных букв. Остановимся на них подробнее.

Наиболее значительные (количественно) орфографические изменения связаны с правилом написания сложных прилагательных.

Предлагается писать через дефис сложные прилагательные, имеющие в первом компоненте основу относительного прилагательного с суффиксом (*-н-*, *-ов-*, *-ск-* или другими суффиксами, кончающимися на *н, ск*), а также основы на *-ик-*, *-лог-*, *-граф-* (соотносительные с прилагательными на *-ический),* например: *народно-хозяйственный, северно-русский, центрально-азиатский, водно-спортивный, бессрочно-отпускной, церковно-славянский, авторско-правовой, химико-технологический.* При отсутствии суффикса прилагательных в первом компоненте следует писать сложные прилагательные слитно: *нефтегазовый, звукобуквенный, приходорасходный, товаропассажирский.*

Таким образом, меняется принцип написания сложных прилагательных, последняя часть которых может употребляться в качестве самостоятельного слова: семантико-синтаксический принцип (характер отношения основ, составляющих сложное слово) заменяется формально-грамматическим. Семантический критерий остается определяющим лишь в двух группах сложных прилагательных – обозначающих оттенки качества (преимущественно цвета и вкуса: *ярко-красный, светло-коричневый, горько-соленый* и т. п.) и отношения стран, языков, народов *(англо-русский, русско-английский, афро-азиатский* и т. п.). В этих группах, независимо от структуры первой основы, всегда сохраняется дефисное написание.

Действующее юридически до сих пор правило свода 1956 г. о написании сложных прилагательных основано на противопоставлении прилагательных с равноправным (дефисное написание) и неравноправным, подчинительным (слитное написание) отношением основ. В практике письма это правило – при всей своей кажущейся простоте – никогда последовательно не соблюдалось, что и фиксировалось в академическом «Орфографическом словаре русского языка», причем при переизданиях этого словаря количество написаний, противоречащих действующему правилу, увеличивалось. Таково, например, принятое уже в самих правилах 1956 г. написание *глухонемой.* Таковы же написания, зафиксированные в 13-м издании указанного словаря (1974): *буровзрывной, асбестобетонный, нефтегазовый, газопаровой, пароводяной, водовоздушный,* а также *буржуазно-демократический, военно-исторический, парашютно-десантный, жилищно-кооперативный, государственно-монополистический, научно-исследовательский, научно-фантастический, ракетно-технический, гражданско-правовой,*

врачебно-консультационный, молочно-животноводческий, стрелково-спортивный, экспериментально-психологический, ядерно-энергетический и многие другие. В 29-м издании словаря (1991) к ним добавились: *грузопассажирский, ликероводочный, геолого-разведочный, патолого-анатомический, древесно-стружечный, естественно-научный, минно-заградительный, народно-поэтический, народно-хозяйственный, первобытно-общинный, условно-рефлекторный* (и *безусловно-рефлекторный), церковно-приходский* и др. Так же оформляются на письме и другие сложные прилагательные, впервые зафиксированные в новом академическом «Русском орфографическом словаре» (1999), например: *христианско-демократический, лечебно-физкультурный,* новые *партийно-номенклатурный, валютно-обменный.* При наличии десятков слов, не подчиняющихся сформулированному правилу, нельзя не признать, что правило это не действует.

Переход к новому, основанному на формально-грамматическом принципе, правилу приведет к изменению написания еще ряда прилагательных. В то же время в новом проекте сохранено в виде исключения несколько традиционных написаний по старому правилу *(железнодорожный, сельскохозяйственный, каменноугольный, хлопчатобумажный*), а также оговорено, что допускается противоречащее новому правилу написание узкоспециальных сложных прилагательных, если оно опирается на устойчивую традицию.

Новому правилу предлагается подчинить написание сложных прилагательных, образованных от двусловных (раздельно пишущихся) географических названий: ср., с одной стороны, *великоустюгский, новозеландский, латиноамериканский,* где в первой части сложных прилагательных нет суффикса, а с другой – *южноамериканский, восточно-сибирский, нагорно-карабахский, горно-алтайский, набережно-челнинский, сергиево-посадский* и т. п., где такой суффикс имеется. Влияние фактора суффикса в первой части подобных сложных прилагательных давно обнаруживалось в написании составных географических наименований. Входящие в их состав сложные прилагательные при наличии в первой части суффикса писались через дефис и с двумя прописными буквами, например: *Западно-Сибирская низменность, Восточно-Китайское море, Южно-Африканская Республика, Горно-Алтайская автономная область* (старое название), *Гаврилово-Посадский район* (от *Гаврилов Посад), Камско-Устьинский район* (от *Камское Устье,* посе-

лок), но: *Малоазиатское нагорье, Великоустюгский район, Старооскольский район, Краснопресненский район* и т. п. (в то же время не в составе географических наименований все такие прилагательные писались слитно). Теперь прилагательные с суффиксом в первой части предлагается писать единообразно – через дефис вне зависимости от того, употреблены они в составном наименовании или нет, т. е. писать, например, не только *Западно-Сибирская низменность* или *Западно-Сибирский металлургический комбинат,* но и *западно-сибирская природа, растительность* и т. п.

Вопреки рекомендации правил 1956 г., теперь предлагается писать слитно прилагательные, образованные (без соединительной гласной) от раздельно пишущихся личных имен типа *жюльверновский, вальтерскоттовский, роменролловский, конандойлевский, шерлокхолмсовский, маоцзэдуновский.* Такое написание фактически уже устоялось, абсолютно преобладает в практике письма.

Что касается слитных и дефисных написаний имен существительных, отметим здесь следующие новшества.

Предлагается писать соединения с компонентом *пол-* «половина» всегда через дефис: не только *пол-листа, пол-лимона, пол-апельсина, пол-яблока, пол-Москвы,* но и *пол-дома, пол-километра, пол-мандарина*; не только *пол-одиннадцатого,* но и *пол-двенадцатого, пол-первого* и т. п. Унификация написаний с *пол-* заменяет прежнее правило, по которому различались написания с *пол-* перед согласными, кроме ***л*** (слитные), и написания с *пол-* перед гласными, согласной ***л*** и перед прописной буквой (дефисные). Упрощение этого правила, как представляется, продиктовано не только лингвистическими соображениями (известной самостоятельностью компонента *пол-,* близкого к отдельному слову), но и простым здравым смыслом.

В новом своде впервые формулируется в общем виде правило написания существительных, образованных от существительных, пишущихся через дефис. Все они должны сохранять дефис производящего слова, например: *генерал-губернаторство, камер-юнкерство* (от *генерал-губернатор, камер-юнкер), тред-юнионизм, унтер-офицерша, ку-клукс-клановец, сальто-мортали́ст, яхт-клубовец, шахер-махерство.* Сюда же относятся существительные, образованные от собственных имен, преимущественно от географических наименований: *алма-атинцы, нью-йоркцы* (от *Алма-*

Ата, Нью-Йорк), орехово-зуевцы, йошкар-олинцы, усть-абаканцы, гаврилов-ямцы (от *Орехово-Зуево, Йошкар-Ола, Усть-Абакан, Гаврилов-Ям), улан-удэнцы, лос-анджелесцы, буэнос-айресцы; сен-симонизм, сен-симонист* (от *Сен-Симон).* Написание через дефис названий жителей, образованных от дефисно пишущихся географических названий, согласуется, во-первых, с предложенным здесь же дефисным написанием существительных, образованных от дефисно пишущихся нарицательных слов, и, во-вторых, с дефисным написанием прилагательных от тех же географических названий: *нью-йоркский, орехово-зуевский* и т. п.

В правилах 1956 г. написание обеих групп существительных, образованных от дефисно пишущихся существительных, вовсе не регламентировано; однако в дальнейшем в справочниках для работников печати, в словаре-справочнике «Слитно или раздельно?», в «Словаре названий жителей СССР» рекомендовалось названия жителей от дефисно пишущихся географических названий писать слитно. Предложенное изменение написания этих названий делает единообразным написание всех производных от дефисно пишущихся существительных.

Предлагается расширить сферу применения дефиса в сочетаниях с приложением: писать через дефис не только сочетания с однословным приложением, следующим за определяемым словом *(мать-старуха, садовод-любитель, Маша-резвушка),* но и сочетания с предшествующим определяемому слову приложением – таким, которое, по определению свода 1956 г., «может быть приравнено по значению к прилагательному» *(старик-отец, красавица-дочка, проказница-мартышка),* в том числе и с приложением, предшествующим собственному имени *(матушка-Русь, красавица-Волга, резвушка-Маша).* Обе последние группы в своде 1956 г. предлагалось писать раздельно. Практика печати показывает, что правило это в ряде случаев не соблюдалось, особенно в классических текстах, ср.: *Старуха-мать ждет сына с битвы* (Лермонтов), *«Красавец-мужчина»* (название пьесы А. Н. Островского), *матушка-Русь* (в поэме Некрасова).

Решено подчинить общему правилу дефисного написания сочетаний-повторов, имеющих усилительное значение (как чистых повторов, так и аффиксально-осложненных: *еле-еле, только-только, синий-синий, умница-разумница, стираный-перестираный, день-деньской, рад-радешенек, давным-давно, крепко-накрепко* и

т. п.), написание сочетаний, состоящих из существительного в именительном падеже и того же существительного в творительном, типа *честь-честью, чин-чином, молодец-молодцом, дурак-дураком, бревно-бревном, свинья-свиньей.* Дефисные написания отграничат подобные усилительные сочетания от сочетаний именительного падежа с творительным и обязательным последующим союзом *а* или *но,* не имеющих усилительного значения, – таких, как *дружба дружбой, а служба службой; смех смехом, а ...; шутки шутками, но ...* и т. п. Сочетания последнего типа могут быть образованы едва ли не с любым существительным, тогда как усилительные повторы такой структуры образуются лишь с формами существительных определенной семантики.

Предлагается ликвидировать исключения из правила слитного написания сложных существительных с соединительными гласными, распространив слитные написания на две группы слов: названия единиц измерения *(койкоместо, машиноместо, машиночас, пассажирокилометр, самолетовылет, человекодень)* и названия политических партий, направлений и их сторонников *(анархосиндикализм, анархосиндикалист, монархофашизм, леворадикал, коммунопатриот).* В своде 1956 г. обе группы названий предлагалось писать через дефис.

Унифицируется во всем объеме слитное написание сложных существительных особого структурного типа – с первой частью, совпадающей с формой повелительного наклонения глагола: предлагается писать слитно не только *горицвет, держиморда, сорвиголова, вертишейка, скопидом, грабьармия* и т. п., но и *перекати-поле, гуляйгород,* писавшиеся через дефис, *неразлейвода,* писавшееся раздельно, в три слова.

В традиционно сложный и объемный раздел правил, посвященный слитному и раздельному написанию наречий (или «наречных сочетаний»), принципиальных изменений не внесено. Предложено лишь заменить слитным раздельное написание следующих наречий: *всердцах, дозарезу, доупаду, заполдень, заполночь, навесу, наощупь, наплаву, наскоку, насносях, подстать,* а также *непрочь.* Дело здесь в том, что процесс кодификации слитных написаний наречий, возникающих из предложно-падежных сочетаний, традиционно носит сугубо индивидуальный характер, т. е. направлен на конкретные языковые единицы. Выборочный подход к закреплению слитных написаний наречий обусловлен, с одной стороны,

устойчивостью традиций письма, а с другой – живым характером процесса обособления наречий от парадигмы существительных и вытекающей отсюда возможностью различной лингвистической интерпретации одного и того же факта.

Изменения последних лет, происшедшие в общественном осознании священных понятий религии, потребовали включения в новый свод особого раздела «Названия, связанные с религией». В основе его – практика употребления прописных букв, существовавшая в дореволюционное время и установившаяся за последнее десятилетие (после снятия идеологических запретов) в современной печати, – например, в словах *Бог, Господь, Богородица,* в названиях религиозных праздников *(Пасха, Рождество, Крещение),* священных книг *(Библия, Евангелие, Коран)* и др. Однако вводятся существенные уточнения: о написании со строчной буквы слов *бог* и *господь* в выражениях междометного и оценочного характера, употребляющихся в разговорной речи вне прямой связи с религией (например, *ей-богу, бог знает что, не бог весть что, не слава богу* «неблагополучно», междометия *боже мой, господи*), об употреблении прописной буквы в названиях народных праздников, связанных с церковным праздничным циклом, – таких как *Святки, Масленица,* и ряд других уточнений.

Еще одно изменение, касающееся употребления прописных букв. В официальных названиях органов власти, учреждений, обществ, научных, учебных и зрелищных заведений, политических партий и т. п. предлагается писать с прописной буквы всегда только первое слово (а также входящие в их состав собственные имена), например: *Всемирный совет мира, Государственная дума, Федеральное собрание, Российская академия наук, Военно-морской флот, Союз театральных деятелей России.* Такие слова, как *Дума, Академия наук,* должны писаться с прописной буквы лишь в тех случаях, когда они употребляются вместо полного официального названия. Тем самым отменяются директивные рекомендации старого свода, согласно которым предлагалось писать с прописной буквы все слова, кроме служебных и слова *партия,* в названиях высших партийных, правительственных, профсоюзных учреждений и организаций Советского Союза – таких как *Верховный Совет, Совет Министров СССР, Советская Армия и Военно-Морской Флот.*

Предлагается писать со строчной буквы любые названия должностей и титулов, а прописную букву использовать при имено-

вании высших государственных должностей и титулов только в текстах официальных документов – указов, соглашений, коммюнике и т. п. Таким образом, отменяется правило, предусматривавшее писать с прописной буквы наименования высших должностей в СССР и со строчной – наименования других должностей и титулов.

В новых правилах переноса сняты некоторые ограничения, предусмотренные сводом 1956 г. В ряде случаев правила, прежде предлагавшиеся как обязательные, признаются лишь предпочтительными. В частности, сняты ограничения в разделении групп согласных при переносе: признаются правильными не только такие переносы, как *под-бросить* (с обязательным учетом границы между морфемами), но и такие, как *подб-росить*. Отчасти это обусловлено новыми техническими условиями компьютерного набора текстов. Впрочем, основные запреты – на перенос одной буквы, на отделение гласной от предшествующей согласной и др., естественно, остаются.

Бóльшая вариативность по сравнению со сводом 1956 г. допускается новыми правилами пунктуации. Так, перед перечислением и в некоторых других случаях теперь признается правильным не только двоеточие, но и тире. Вообще правила пунктуации стали более разнообразными в связи с широким использованием в современной письменной речи разговорных конструкций. Изменилась и сама композиция раздела «Пунктуация»: материал в нем расположен не по знакам препинания, как прежде, а по типам синтаксических конструкций.

В заключение повторю: главное для нас, разработчиков нового текста правил русского правописания, – не изменения в правилах, а сам факт официального утверждения нового, полного, современного свода правил. Орфография – одна из важнейших составляющих национальной культуры, и наличие общеобязательного свода правил правописания – один из признаков культурного здоровья общества.

Русская орфография: задачи корректировки

[Новый мир. 2001, № 5]

За последний год в числе излюбленных тем общественного обсуждения оказалась предстоящая «орфографическая реформа». Порой даже пишут и говорят, путая язык и правописание, о реформе русского языка – формулировка явно некорректная. В самом деле, можно ли реформировать язык, который развивается по самому ему присущим законам? Зато правописание, орфографию (в широком смысле, включая сюда и пунктуацию) реформировать действительно можно. Правда, до сих пор реформы русского письма касались в основном графики – состава букв. Петр I ввел у нас новую, гражданскую азбуку (вместо церковно-славянской). Всем известная реформа 1917–1918 годов, на которой я несколько подробнее остановлюсь ниже, тоже затронула главным образом графику.

Орфография – это внешняя, письменная оболочка языка, иногда ее еще называют одеждой языка. Грамотность как важная составная часть культуры, культурного уровня человека, конечно, несравненно шире, чем просто грамотное письмо: она предполагает правильное владение самим языком, всем богатством языковых средств. И все же – «по одежке встречают», судят о человеке в первую очередь.

Вот эту одежду языка приводить время от времени в порядок просто необходимо. Дело в том, что правописание – это отнюдь не только результат нормализаторских усилий и не совокупность раз навсегда установленных общеобязательных правил. Это еще и саморазвивающаяся система, требующая регулярной и постоянной корректировки, упорядочения с учетом и развития самого языка, и существующей практики письма, в котором тоже происходят спонтанные изменения. Отслеживать эти изменения, фиксировать их в орфографических словарях и в тексте правил правописания – прямая обязанность специалистов.

Об этом же говорит и исторический опыт, пройденный нашим письмом. Нынешнее правописание – продукт длительного исторического развития. Вплоть до конца XIX века русское правопи-

сание основывалось исключительно на узусе, и, хотя многие частные вопросы русского письма активно дискутировались в печати, никаких систематизированных сводов правил письма не было. Правила русского правописания выкристаллизовались спонтанно, в первую очередь под пером писателей-классиков. Знаменательной вехой, обозначившей систематизацию правил письма, стало появление трудов академика Я. К. Грота «Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доныне» (1873) и «Русское правописание» (1885; 22-е издание – 1916). По «гротовским» правилам учились и до революции, и (с поправками на реформу 1918 года) после нее.

В 1956 году вышли в свет официально утвержденные «Правила русской орфографии и пунктуации», сохраняющие свою законную силу до сих пор. Правила эти были итогом длительной работы, готовились они еще с 30-х годов, а после войны работа над ними была завершена. Они сыграли свою важную роль, поскольку в них впервые регламентировались многие закономерности современного русского правописания. Но давно уже стало ясно, что эти правила устарели. Прошло почти полвека, за это время развивался сам язык, в нем появилось множество новых слов, новые типы слов и конструкций, да и практика письма в ряде случаев стала противоречить сформулированным правилам. В лингвистической науке появилось немало разработок, позволяющих по-новому трактовать языковые основы того или иного правила, обобщающих новые особенности правописания. Достаточно скоро после утверждения правил 1956 года стала обнаруживаться и их неполнота: некоторые закономерности правописания были сформулированы в них слишком кратко, без должной детализации, либо слишком фрагментарно, необобщенно, многое было недосказано или не упомянуто вовсе. С другой стороны, явственно давала о себе знать (особенно в разделе об употреблении прописных и строчных букв) односторонность, обусловленная директивными требованиями и запретами идеологического характера. Неудивительно, что сам текст правил 1956 года сейчас мало кому известен, ими давно не пользуются, да они фактически и не переиздавались уже около тридцати лет. Их заменили различные справочники по русскому правописанию для работников печати и методические разработки для преподавателей, а в этих изданиях нередко можно найти (как отмечают сами преподаватели, редакторы, корректоры) противоречивые рекомендации.

В этих условиях подготовка нового, современного, полного, общеобязательного текста правил русского правописания – задача давно назревшая и даже, можно сказать, перезревшая. Проект такого текста и подготовлен в Институте русского языка им. В. В. Виноградова Российской академии наук, он одобрен Орфографической комиссией Отделения литературы и языка РАН и в конце прошлого года опубликован небольшим тиражом для специалистов под названием «Свод правил русского правописания. Орфография и пунктуация». С ним ознакомлены вузовские преподаватели, методисты, представители учительской общественности. Состоялись обсуждения проекта, получены письменные отзывы. По итогам этих обсуждений, с учетом сделанных замечаний, текст свода доработан, и теперь предстоит его официальное утверждение.

Должен признаться всем тем, кто с трепетом ждет реформы русского правописания: то, что подготовлено нами, – вовсе не реформа. Речь идет о новой, переработанной и значительно дополненной, редакции «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 года. Эта новая редакция правил отвечает сложившемуся к концу XX века состоянию русского языка и современной практике письма. Да, конечно, текст правил написан фактически заново, в нем появились новые разделы, полностью обновлен иллюстративный материал. Однако кардинальных орфографических изменений в новом тексте правил не предусмотрено. Предлагаются отдельные изменения, в основном касающиеся двух разделов свода: во-первых, слитных, раздельных и дефисных написаний и, во-вторых, употребления прописных и строчных букв; устраняются некоторые исключения.

Занимаясь вот уже двенадцать последних лет вплотную проблемами русской орфографии – составлением орфографических словарей, подготовкой нового текста правил, участвуя в обсуждении этих правил Орфографической комиссией РАН, я все больше убеждаюсь в том, с каким уникальным объектом мы имеем дело. В этом объекте две составляющие – с одной стороны, собственно научная, лингвистическая, а с другой – общественно-культурная. Обе составляющие принципиально равноправны, они должны уравновешивать друг друга, перекос в ту или другую сторону недопустим. Именно поэтому при выработке предложений по изменению правописания так важна сугубая осторожность, взвешен-

ность. Ведь многие из орфографических правил опираются на длительную историческую традицию.

Вообще говоря, любые орфографические изменения означают определенный (более или менее масштабный) конфликт поколений. Для кого эти изменения принимаются? Уж конечно, не для нынешнего поколения грамотных людей, а для поколений будущих, начиная с сегодняшних младших школьников, еще только обучающихся грамотному письму. А вот для тех, кто уже владеет грамотным письмом, это – несомненное неудобство, дискомфорт, повод на какое-то время (по крайней мере на ближайшее) почувствовать себя «малограмотным». Не случайно так болезненно реагирует на орфографические изменения интеллигенция. А наиболее консервативен по отношению к любым предложениям по изменению орфографии такой слой изощренных словесников, как писатели, – и это тоже вполне естественно. Оговорюсь сразу, что большие писатели – выражаясь высоким штилем, художники слова – имеют право на индивидуально-авторскую орфографию (есть такое понятие у лингвистов). Вот недавно издатели солженицынского «В круге первом» пожаловались одной из моих коллег, что Александр Исаевич упорно требует писать слова *лакать, лакнуть* с буквой *о* после *л.* Что ж, вопрос спорный, но в данном случае надо, видимо, уважить автора...

Говоря об орфографических изменениях, не могу не вспомнить, как сам я, будучи тогда студентом, болезненно воспринимал в 1956 году те немногие изменения, которые содержались в только что обнародованном тексте новых правил русской орфографии: писать *панцирь, цирюльник, цинга, циновка* с буквой *и* вместо *ы; по-видимому, по-прежнему, по-пустому* – через дефис вместо принятого раньше слитного написания, а *вовремя* – наоборот, слитно. Но достаточно скоро (не могу сейчас сказать, сколько именно лет спустя) новые написания стали привычными. А недавно даже произошел конфуз: воспроизводя в титрах нового фильма «Сибирскій цирюльникъ» дореволюционное написание этих слов, авторы забыли, что второе писалось с буквой ***ы*** после ***ц*** (о твердом знаке на конце слова, разумеется, все помнят, он ведь так моден!).

Кстати, сейчас мы не предлагаем менять ***ы*** на ***и*** в корнях еще нескольких слов, оставшихся с буквой ***ы*** после ***ц***: *цыган, цыпленок, цыпочки, цып-цып, цыкать, цыц.* Слова этой группы, кроме *цыган,* имеют специфические междометные корни, что оправды-

вает их особое написание (вот вам собственно лингвистический аргумент), а *цыган* – слово с богатой культурно-исторической традицией (поэма Пушкина, особая роль цыганщины в истории русской культуры), и допускаю, что многим трудновато будет воспринимать его с буквой ***и***... Зато наше предложение писать с буквой ***у*** слова *парашют* и *брошюра* (пишущиеся до сих пор с ***ю*** как исключения), думаю, не должно быть настолько же шокирующим: оба слова – сравнительно поздние иностранные заимствования, буква ***ю*** отражает в них мягкость предшествующего шипящего согласного в языке-источнике (французском) – не более того; произносятся они давно с твердым шипящим (в отличие, например, от слова *жюри,* все еще произносящегося нередко с мягким ***ж***), обрусели, обросли производными словами: *парашютный, парашютик, парашютист* и т. д. Вряд ли нанесет особый ущерб для культурно-исторических традиций и предлагаемая нами унификация написания сложных существительных с первой частью *пол-*: писать через дефис не только *пол-листа, пол-лимона, пол-апельсина, пол-яблока, пол-Москвы,* но и *пол-дома, пол-километра, пол-мандарина;* не только *пол-одиннадцатого,* но и *пол-двенадцатого, пол-первого* и т. п. По правилу, действующему до сих пор, различаются написания с *пол-* перед согласными, кроме ***л*** (слитные), и перед гласными, согласной ***л*** и перед прописной буквой (дефисные). В данном случае упрощение правила, как представляется, диктуется не столько даже лингвистическими соображениями (известной самостоятельностью компонента *пол-,* близкого к отдельному слову), сколько обычным здравым смыслом.

Однако должен сказать, что упрощение орфографии вовсе не было для нас самоцелью. Наша русская орфография не сложнее, чем, например, английская или французская, а в некоторых отношениях и легче их: каждая буква в русских словах обычно соответствует определенному звуку, чего нельзя сказать о словах английских или французских. Основной принцип нашей орфографии, называемый в лингвистике чаще всего фономорфологическим, предполагает единообразную буквенную передачу значимых частей слова – морфем (корней, приставок, суффиксов). Правда, в современном русском правописании немало отступлений от этого принципа. Достаточно привести для примера написание приставок типа *без- (бес-), из- (ис-), раз- (рас-)* или *роз- (рос-):* мы пишем в этих приставках ***з*** перед буквами, передающими звонкие соглас-

ные, и ***с*** – перед буквами, передающими согласные глухие, а в приставке *раз- (рас-)* еще и пишем без ударения букву ***а***, хотя под ударением – ***о***. Кстати, этому особому правилу написания приставки *раз-* предлагается сейчас подчинить прилагательное *разыскной:* его надо писать именно так, с буквой ***а***. Написание *розыскной* было единственным и неоправданным исключением из правила. Проверка словом *розыск* здесь некорректна: ведь мы пишем *роспись,* но *расписной; россыпь,* но *рассыпной; розлив,* но *разливной; розданный,* но *раздать* и т. п.

Устранение сложных случаев, различного рода традиционных отступлений от общих принципов письма, которых в нашей орфографии достаточно, – вряд ли целесообразно, а на практике едва ли осуществимо. Не следует стремиться к «дистиллированной» орфографии, принципиально изгоняя из нее все исключения и сложности. Позволительно даже утверждать, что орфография естественного языка не может быть абсолютно чистой, непротиворечивой, «причесанной», поскольку она, как уже говорилось, является в значительной степени результатом длительного историко-культурного саморазвития.

Не менее важен и неизменно актуален другой аспект этой проблемы: надо ли стремиться к упрощению орфографии в целях облегчения процесса ее усвоения, как к некой панацее от неграмотности людей? Вопрос серьезен и не раз в истекшем столетии вставал со всей остротой.

С этой точки зрения нельзя не обратиться прежде всего к опыту Орфографической комиссии Императорской академии наук, работавшей с 1904 года и окончательно сформулировавшей свои предложения по упрощению русского письма в 1912 году. Комиссия более чем авторитетная – в ее состав входили крупнейшие лингвисты того времени: Фортунатов, Шахматов, Бодуэн де Куртенэ и другие. Предложенная комиссией реформа сводилась главным образом к упрощению графики: устранить буквы, не обозначавшие никаких звуков, как **ъ** на конце слов, и буквы, обозначавшие те же звуки, что и другие буквы («ять», «**и** десятеричное», «фита»); прочие изменения были немногочисленны: введение в именительном падеже множественного числа имен прилагательных единого окончания *-ие (-ые),* в родительном падеже единственного числа прилагательных – окончания *-ого (-его)* вместо *-аго (-яго)* и некоторые другие.

В чьих интересах было все это предложено? Разумеется, прежде всего в интересах школы, что в стране с преобладающим неграмотным населением было очень и очень немаловажно. Чего стоило в старой школе одно только запоминание многочисленных корней с буквой «ять»!

И все же споры сторонников и противников орфографической реформы продолжались до 1917 года, и сейчас трудно сказать, состоялась бы эта реформа или нет, не будь революционных событий. Среди «консерваторов», противников реформы, были тоже весьма авторитетные люди, и их аргументы были весомы. Коренной вопрос был задан поэтом, филологом, мыслителем Вячеславом Ивановым: должна ли орфография упрощаться в угоду потребностям школы? Ведь педагогика – ancilla vitae (служанка жизни), а вовсе не наоборот...

С тех пор много воды утекло. Летом 1917 года министром просвещения Временного правительства Мануйловым было разослано на места распоряжение о постепенном (!) переходе на новую орфографию, ну а после Октябрьской революции большевики, оперативно воспользовавшись готовым проектом, немедленно и повсеместно ввели новую орфографию своими революционными декретами. И, думается, так называемая всеобщая грамотность была достигнута при большевиках за столь короткие сроки в немалой степени благодаря орфографической реформе.

В наше время острота дискуссий по этой проблеме (как бы ни хотелось некоторым ее реанимировать) давно прошла; старая орфография напоминает о себе разве что репринтными переизданиями дореволюционных книг; и русское зарубежье, и такой консервативный по своей внутренней сути институт, как Русская православная церковь (естественно, в текстах на современном русском языке, а не на церковно-славянском), пользуются в подавляющем большинстве случаев новой орфографией. А вот вопрос, сформулированный почти сто лет назад Вяч. Ивановым, живет, он по-прежнему актуален, и тезис «школа – служанка жизни» продолжает по разным поводам испытываться русистами на прочность.

Новую актуальность вопрос об упрощении русской орфографии приобрел в 1963 – 1964 годах. Все началось с публикации в газете «Известия» статьи на тему о низком уровне грамотности в стране и о необходимости упрощения орфографии. Вскоре, в мае 1963 года, постановлением Президиума АН СССР была создана

Комиссия по усовершенствованию русской орфографии. В постановлении особо подчеркивалось «настойчивое требование советской общественности» – «внести усовершенствования и упрощения в систему правописания». Комиссии были даны весьма сжатые сроки – «завершить работу и представить свои предложения в Президиум АН СССР в 1964 году». Некоторые предложения комиссии носили достаточно радикальный характер: например, писать *ноч, мыш; заец, платьеце; огурци* и т. п.; вовсе отказаться от буквы **ъ**. Опубликованные в «Известиях» в 1964 году предложения комиссии вызвали бурную реакцию протеста, выразившуюся в ряде публикаций в тех же «Известиях» осенью 1964 года. Прекращение обсуждения совпало со снятием Хрущева. В дальнейшем, в «эпоху застоя», об этих предложениях постарались забыть, но о них до сих пор вспоминают при каждом удобном случае представители интеллигенции, весьма подозрительно относящиеся теперь к любым попыткам «вмешательства» в правила правописания, а некоторые журналисты преподносят такие попытки как бесценный «жареный» материал.

В последующие годы работа в области правил русского правописания (и, кстати, орфографических словарей тоже – академический «Орфографический словарь русского языка» переиздавался после 1974 года только стереотипными изданиями) была практически законсервирована. Возобновилась она только при перестройке, в конце 80-х годов.

Оглядываясь сейчас на предложения комиссии 1964 года, думается, что, при всей чисто научной, лингвистической обоснованности многих предложений, авторы того проекта упустили из виду неизбежный общественно-культурный шок, вызванный реакцией на ломку ряда традиционно (исторически) сложившихся правил и принципов письма и основанных на них устоявшихся орфографических навыков.

К некоторым предложениям той комиссии можно предъявить и лингвистические претензии. Так, предложенный тогда отказ от разделительного знака перед буквами, обозначающими «йотированные» гласные, в тех словах, где им предшествовал твердый согласный (то есть отказ от **ъ** в словах типа *сверхъестественный, межъярусный, трехъярусный, трансъевропейский, панъевропейский),* противоречит одному из основных принципов русского письма, обычно называемому слоговым. В соответствии со слоговым

принципом буквы ***я, ю, е, ё*** после согласных букв не обозначают «йотированных» гласных, и при этом буквы ***я, ю, ё,*** а в исконно русских, незаимствованных словах – и буква ***е,*** служат обозначению мягкости предшествующего согласного. Не учли авторы этого предложения – вовсе устранить букву **ъ** – и того факта, что твердый знак абсолютно необходим при транслитерации иноязычных собственных имен (город *Хэнъян,* поселок *Торъял,* озеро *Ювясъярви,* писатель *Дзюнъитиро Танидзаки* и т. п.): без него правильно прочитать такие имена, по преимуществу редкие, попросту невозможно.

С позиций сегодняшнего дня напрашивается, наоборот, предложение о расширении употребления разделительного **ъ** в тех случаях, где все еще «йотированность» гласного в середине слова никак не обозначается. Я имею в виду прежде всего сложносокращенные слова типа *Минюст, иняз, детясли, госязык, партячейка, спецеда:* в нашем проекте предлагается писать *инъяз, Минъюст, спецъеда* и т. п. Все принятые до сих пор написания слов этой структуры неточно передают их звуковой состав, в них не хватает сигнала прочтения букв ***е, ё, ю, я*** как сочетаний «йота» с гласными, а таким сигналом в традиционно пишущихся слитно сложных и сложносокращенных словах может быть только разделительный **ъ.** Отсутствие его в подобных словах может тоже приводить к затруднениям в прочтении и понимании некоторых, довольно редких, сокращенных названий: такое, например, слово, как *облюст,* с ходу правильно и не прочтешь, не сразу догадаешься, что это областной отдел юстиции. Не случайно такое короткое слово, как *иняз,* фиксируется словарями новых слов (см.: «Словарь новых слов русского языка. Середина 50-х – середина 80-х годов». СПб., 1995) в трех орфографических вариантах, реально встречающихся в печати: *инъяз, иняз* и *ин-яз.* Эти варианты, конечно, вызваны все тем же стремлением прояснить внешним видом слова его звучание, противоречащее принятому до сих пор слитному написанию без разделительного знака.

Да, конечно, сложносокращенные слова – особый тип слов, но он и очень молодой, не имеющий большой орфографической традиции – все это главным образом «советизмы» XX века, и подчинить их написание общим закономерностям нашей орфографии – ничуть не зазорно. Думаю, что и корректоры в этом вопросе нас поддержат, хотя они сейчас и стараются соблюдать запрет на **ъ** в

сложносокращенных словах. Так, можно было заметить, что в первой публикации повести Андрея Платонова «Ювенильное море» («Знамя», 1986, № 6) в том месте, где герой узнаёт, что его попутчица «работает секретарем гуртовой партъячейки», последнее слово напечатано именно так, с **ъ**, и это, вполне возможно, отражает орфографию автора; однако в последующих изданиях повести буква **ъ** была здесь снята корректорами.

Хочу остановиться еще на одном предложении 1964 года – убрать конечную букву **ь** в существительных женского рода 3-го склонения *(мышь, ночь),* в формах инфинитива *(беречь),* 2-го лица глаголов *(несешь),* повелительного наклонения *(режь, спрячь),* в наречиях *(сплошь, настежь),* вообще во всех словах и формах, кончающихся на шипящую. Предложение это, с фонологической точки зрения безупречное, все же не учитывало того факта, что конечная буква **ь** отмечает (по-научному – маркирует) в современной орфографии определенные грамматические типы и формы слов, в то время как другие типы слов и форм не имеют после шипящей конечного **ь**: это и существительные мужского рода *(нож, мяч),* и формы родительного падежа множественного числа существительных женского рода *(туч, рощ),* и краткие формы мужского рода прилагательных *(свеж, хорош).* Таким образом, буква **ь** несет здесь хоть и не фонологическую, но явную морфологическую функцию. В этой связи уместно сослаться на Дмитрия Сергеевича Лихачева, который в своем, теперь уже хорошо известном, докладе 1928 года о русской орфографии (том самом, за который молодой ученый поплатился пятью годами Соловков) отмечал: чем больше в словах графических знаков, тем легче они при чтении, так как «каждое слово становится характернее, индивидуальнее, приобретает определенную физиономию». Контрастность написаний разных грамматических типов слов и форм с этой точки зрения, несомненно, полезна. В частности, она помогает избежать омографии (одинакового написания) таких разных слов, как, например, *туш* (мужского рода) и *тушь* (женского рода), *овощ* (мужского рода – единственное число от *овощи)* и *овощь* (женского рода, собирательное, см. у Некрасова: «Вся овощь огородная / Поспела. Дети носятся / Кто с репой, кто с морковкою...»).

Обо всем этом можно было бы не писать, если бы до сих пор наиболее радикальные предложения комиссии 1964 года не имели своих активных сторонников среди специалистов и если бы неко-

торые газеты не приписывали сейчас нам предложений писать *мыш, огурци, заец* и т. п. Однако сказанное вовсе не означает, что все предложения той комиссии представляются нам неприемлемыми. Некоторые из них использованы и в нашем проекте – например, унификация написания сложных слов с первой частью *пол-*, о которой уже сказано выше, или написания причастий и прилагательных от бесприставочных глаголов: предлагается писать в словах типа *гружёный, крашеный, жареный, стриженый, раненый* всегда одно ***н*** независимо от того, имеются при них синтаксически подчиненные слова или нет.

Какие еще новшества, кроме упомянутых, предлагаются в подготовленном нами своде орфографических правил? Приведу только несколько примеров.

В целом ряде случаев правила отражают существующую практику письма, противоречащую тем или иным формулировкам правил 1956 года. Так, всем хорошо известно, что существительные на *-ий, -ия* имеют в определенных падежах (слова на *-ий* – в предложном, на *-ия* – в дательном и предложном) особое окончание *-и,* а не *-е,* как у всех остальных существительных этих типов склонения. Мы пишем: *о гении, на станции, к станции* и т. п. Но оказывается, что этому правилу не подчиняются слова на *-ий* и на *-ия,* если у них односложная основа, – такие, например, как *кий, змий, Пий* (имя римских пап), *«Вий»* или женские имена *Ия, Лия,* название реки *Бия.* Недавно в одной из газет употреблен дательный падеж мужского грузинского имени *Гия.* Написано так: «Гие Канчели зал аплодировал стоя». С точки зрения правил 1956 года написано неправильно: по этим правилам надо было бы писать *Гии.* Но вот я смотрю новое (1994) Полное собрание сочинений Гоголя и вижу, что в комментариях к повести «Вий» сплошь и рядом написано *в «Вие»,* а не в *«Вии».* Не подчиняется общему правилу и дательный падеж имени *Ия:* в газетах встречаем только *Ие.* И подобные написания – отнюдь не новшество последнего времени. Еще у М. О. Гершензона в его книге «Мудрость Пушкина» можно прочитать: «По хрие полагалось наполнить первую половину поэмы отступлениями» *(хрия* – термин риторики); то же написание – в новейшем переиздании книги. Название иконографического сюжета «Чудо св. Георгия о змие» принято писать с конечной буквой ***е.*** Таким образом, сама практика письма подталкивает к уточнению более общего правила для слов на *-ий, -ия* с односложной основой.

Другой пример: в правилах 1956 года установлено, что во всех словах, образованных от слов, основа которых кончается на удвоенную согласную, эта удвоенная согласная перед суффиксом сохраняется, например: *группа – группка, программа – программка, программный, класс – классный.* Но есть одна группа слов, которая явно не подчиняется этому правилу, – уменьшительные и фамильярные личные имена типа *Алка* (от *Алла), Римка* (от *Римма), Кирилка* (от *Кирилл).* В таких общепринятых написаниях нарушается существующее старое правило, где эта группа никак не оговорена. Это и есть саморазвитие орфографии. Здесь изменением захватываются небольшие, узкие группы слов.

А вот случай, охватывающий уже достаточно большую и постоянно пополняемую группу образований: это написание сложных прилагательных – слитное либо через дефис. В правиле 1956 года противопоставляется написание прилагательных с равноправным отношением частей сложного слова (такие сложные слова полагается писать через дефис) и с неравноправным, подчинительным отношением частей (их полагается писать слитно). Но есть множество слов, которые не подчиняются этому правилу, пишутся иначе. Даже в самих правилах 1956 года приведено слово *глухонемой* в слитном написании. В академическом «Орфографическом словаре русского языка» (1974 года и последующие издания) мы видим написания: *нефтегазовый, газопаровой, пароводяной, водовоздушный, буровзрывной.* В этих сложных словах явно равноправное соотношение основ, но они пишутся вопреки действующему правилу слитно. В то же время есть много примеров, когда при подчинительном отношении частей прилагательные пишутся вопреки правилу через дефис: *буржуазно-демократический* (ср. *буржуазная демократия), парашютно-десантный, жилищно-кооперативный, государственно-монополистический, научно-исследовательский, научно-фантастический, ракетно-технический, гражданско-правовой, стрелково-спортивный,* из более новых слов – *ядерно-энергетический, партийно-номенклатурный* и др. Если большой ряд слов, включающий десятки образований, не подчиняется правилу, значит, правило это не действует. Его следует заменить другим правилом, найти какой-то другой критерий разграничения слитных и дефисных написаний сложных имен прилагательных.

В новом своде предлагается такой критерий: если в первой части слова есть суффикс имени прилагательного (суффикс *-н-, -ов-*

или *-ск-),* то такое сложное прилагательное надо писать через дефис – независимо от того, равноправное в нем или неравноправное соотношение частей. Иными словами, смысловой критерий выбора написания заменяется формально-грамматическим. Эта закономерность спонтанного развития русской орфографии подмечена нашими специалистами уже давно.

По этому новому правилу предлагается всегда писать через дефис сложные прилагательные с первыми частями *северно-, южно-, восточно-, западно-, центрально-,* например: *западно-европейский, южно-американский, северно-причерноморский, восточно-средиземноморский, центрально-азиатский.* Раньше подобные прилагательные писались через дефис только в составных (географических или других) наименованиях с двумя прописными буквами. Теперь предлагается их писать единообразно – не только *Западно-Сибирская низменность* или *Западно-Сибирский металлургический комбинат,* но и *западно-сибирская природа, растительность* и т. п.

Предлагается расширить сферу применения дефиса в сочетаниях с приложением: писать через дефис не только сочетания с однословным приложением, следующим за определяемым словом *(мать-старуха, садовод-любитель, Маша-резвушка),* но и сочетания с предшествующим определяемому слову приложением – таким, которое, по определению свода 1956 года, «может быть приравнено по значению к прилагательному» *(старик-отец, красавица-дочка, проказница-мартышка),* в том числе и с приложением, предшествующим собственному имени *(матушка-Русь, красавица-Волга, резвушка-Маша*). Обе последние группы в своде 1956 года предлагалось писать раздельно. Практика печати показывает, что правило это в ряде случаев не соблюдалось, особенно в классических текстах – например, в таких случаях, как: *Старуха-мать ждет сына с битвы* (Лермонтов), *«Красавец-мужчина»* (название пьесы Островского), *матушка-Русь* в известных словах из поэмы Некрасова.

Таким образом, утверждение правил 1956 года, что «дефис не пишется в сочетании имени нарицательного со следующим за ним именем собственным», на самом деле верно только для сочетаний типа *город Москва, река Волга,* но абсолютно неприменимо в тех случаях, где собственному имени предшествует оценочное приложение.

Изменения последних лет, происшедшие в общественном осознании священных понятий религии, потребовали включения в новый свод особого раздела «Названия, связанные с религией». В основе его – практика употребления прописных букв, существовавшая в дореволюционное время и установившаяся за последнее десятилетие (после снятия идеологических запретов) в современной печати, – например, в словах *Бог, Господь, Богородица,* в названиях религиозных праздников *(Пасха, Рождество, Крещение),* священных книг *(Библия, Евангелие, Коран)* и др. Однако вводятся существенные уточнения: о написании со строчной буквы слов *бог* и *господь* в выражениях междометного и оценочного характера, употребляющихся в разговорной речи вне прямой связи с религией (например, *ей-богу, бог знает что, не бог весть что, не слава богу* – «неблагополучно», междометия *боже мой, господи),* об употреблении прописной буквы в названиях народных праздников, связанных с церковным праздничным циклом, – таких, как *Святки, Масленица,* и ряд других уточнений.

В некоторых отзывах на новый проект правил уже прозвучало возражение: а как же быть атеистам? На это можно ответить только одно: до революции 1917 года даже самые отъявленные атеисты писали Бога с прописной буквы. Дело здесь не в том, веришь ты в Бога или нет, а в том, что *Бог* (в монотеистических религиях), *Господь, Богородица, Аллах* – индивидуальные названия, являющиеся фактически собственными именами.

Еще одно изменение, касающееся употребления прописных букв. В официальных названиях органов власти, учреждений, обществ, научных, учебных и зрелищных заведений, политических партий и т. п. предлагается писать с прописной буквы всегда только первое слово (а также входящие в их состав собственные имена), например: *Всемирный совет мира, Государственная дума, Федеральное собрание, Российская академия наук, Военно-морской флот, Союз театральных деятелей России.* Такие слова, как *Дума, Академия наук,* должны писаться с прописной буквы лишь в тех случаях, когда они употреблены вместо полного официального названия. Тем самым отменяются директивные рекомендации старого свода, согласно которым предлагалось писать с прописной буквы все слова, кроме служебных и слова *партия,* в названиях высших партийных, правительственных, профсоюзных учреждений и организаций Советского Союза – таких как *Верховный*

Совет, Совет Министров СССР, Советская Армия и Военно-Морской Флот.

Предлагается писать со строчной буквы любые названия должностей и титулов, а прописную букву использовать при именовании высших государственных должностей и титулов только в текстах официальных документов – указов, соглашений, коммюнике и т. п. Таким образом отменяется правило, предусматривавшее писать с прописной буквы наименования высших должностей в СССР и со строчной – наименования других должностей и титулов.

Несколько слов о правилах написания аббревиатур. Вряд ли верной уже изначально была рекомендация правил 1956 года писать строчными буквами звуковые аббревиатуры, «обозначающие имена нарицательные». Так пишутся (в виде исключений) только немногие из звуковых аббревиатур – *вуз, роно, дот, дзот, нэп, загс* (у последних двух есть вариантные написания прописными буквами: *НЭП, ЗАГС).* Однако правило, давно уже реализованное на практике, заключается как раз в обратном – в том, чтобы писать любые звуковые аббревиатуры прописными буквами: так пишутся, например, *ГЭС, ГРЭС, ТЭЦ, ВТЭК, РОЭ,* из старых аббревиатур «раннесоветского» периода – *ТОЗ, ЧОН,* из более поздних, новых – *НОТ, СПИД, ЖЭК, ОМОН, ТЭК, ВИА, СМИ, УЗИ* и многие другие. Ничего не сказано в старых правилах о том, как писать слова, производные от аббревиатур, – о несохранении в них прописных букв, например: *мхатовец, мидовский* (от *МХАТ, МИД).* Это приходится впервые формулировать в новом своде правил; особо подчеркивается, что формы буквенных аббревиатур и производных от них слов надо писать только по названиям букв, например: *бэтээры, кагэбэшный, кавээнщик* (от *БТР, КГБ, КВН).*

В необходимых случаях в свод правил введены целые новые блоки или новые подразделы. Так, впервые сформулировано общее правило правописания букв на месте безударных беглых гласных. При склонении на месте беглого гласного в именных основах пишутся: после твердых согласных – буква ***о*** *(банка – бан**о**к, кухня – кух**о**нь),* после мягких согласных и шипящих, но не перед ***и***, – буква ***е*** *(спальня – спал**е**н, башня – баш**е**н),* а перед ***й*** – буква ***и*** *(гостья – гост**и**й, третья – трет**и**й).* То же в производных словах: *сут**о**чный, гор**е**чь, неж**е**нка, чаечий* (от *чайка), кел**и**йка* (от *келья).*

В разделе о слитных, раздельных и дефисных написаниях впервые сформулированы так называемые корректирующие правила, или

правила координации. Здесь предусмотрены различные случаи корректировки написаний, вытекающих из основных правил, если такие написания затрудняют понимание смысловых отношений соединяемых языковых единиц. Например, если часть слова, пишущаяся по общему правилу слитно, соединяется с дефисно или раздельно пишущейся единицей, то ее следует писать (соответственно) через дефис или раздельно: *радио-мюзик-холл, экс Советский Союз.* Если в конструкции с приложением один из членов (первый либо второй) является сочетанием слов, то дефис должен быть заменен знаком тире: *директор – художественный руководитель, научный сотрудник – космонавт, государства – члены НАТО* и т. п.

Еще одна особенность нового свода – допущение в ряде случаев разных, вариативных написаний. Этим обусловлены, в частности, уточнения стилистического характера. Например, допускается в художественной речи, прежде всего в поэтической, написание форм предложного падежа с окончанием *-и* вместо общепринятого *-е* типа *в молчаньи, в раздумьи, в ущельи* (именно такими написаниями пользовалось несколько поколений русских поэтов от Пушкина до Пастернака). Указываются как не требующие исправления некоторые устаревшие написания суффиксов, встречающиеся в художественной литературе – в таких формах, как, например, *Марфинька, Полинька, Фединька, Володичка, Ваничка* (отмечается и обычное в современных текстах написание *Веничка Ерофеев).* Допускается написание с прописной буквы прилагательных на *-ский,* образованных от собственных имен, если эти прилагательные имеют значение индивидуальной принадлежности, – см., например, у Пастернака: «В Варыкино влетели засветло и стали у старого Живаговского дома, так как по дороге он был первым, ближе Микулицынского».

В ряде случаев пишущему предоставляется право осознанного выбора между раздельным и дефисным написанием. Отсюда, например, возможность двояких написаний в случаях типа *кричаще яркий* и *кричаще-яркий, детски беспомощный* и *детски-беспомощный, томительно жаркий* и *томительно-жаркий, болезненно ревнивый* и *болезненно-ревнивый.* Если пишущий считает такое сочетание соединением наречия с прилагательным, то пишет его раздельно, если же видит в нем сложное слово, имеет право написать его через дефис.

Возможность выбора написания, допустимая в некоторых особых случаях, отмечалась орфографистами прошлого, но в своде

1956 года она фактически игнорировалась. Разумеется, такая возможность ни в коей мере не отменяет общего принципа обязательности правил и единообразия письма.

В новых правилах переноса тоже сняты некоторые ограничения, предусмотренные сводом 1956 года. В ряде случаев правила, прежде предлагавшиеся как обязательные, признаются лишь предпочтительными. В частности, это относится к разделению групп согласных при переносе: признаются допустимыми не только такие переносы, как *под-бросить* (с обязательным учетом границы между приставкой и корнем), но и такие, как *подб-росить*. Отчасти это обусловлено новыми техническими условиями компьютерного набора текстов. Впрочем, основные запреты – на перенос одной буквы, на отделение гласной от предшествующей согласной и др. – естественно, остаются.

Большая вариативность по сравнению со сводом 1956 года допускается новыми правилами пунктуации. Так, перед перечислением, перед второй частью бессоюзных сложных предложений, имеющей значение причины, и в некоторых других случаях теперь признается правильным не только двоеточие, но в равной степени и тире. Вообще правила пунктуации стали более разнообразными в связи с широким использованием в современной письменной речи разговорных конструкций. Изменилась и сама композиция раздела «Пунктуация»: материал в нем расположен не по знакам препинания, как прежде, а по типам синтаксических конструкций.

По поводу нашего проекта не раз уже приходилось слышать от самых разных оппонентов, что заниматься орфографией сейчас не время. До орфографии ли теперь, когда бастуют учителя, а целые города замерзают без тепла и света? Позволю себе с такими доводами категорически не согласиться: эта работа сейчас очень даже нужна. Орфография – один из важных элементов национальной культуры, и наличие общеобязательного, реального, а не фантомного свода правил правописания – особенно в нынешнее смутное время, время падения нравов, культуры и грамотности, – это некоторый просвет, намекающий на культурное здоровье общества.

Такая работа для цивилизованной страны просто необходима. Кстати, наши ближайшие родственники – белорусы и украинцы, невзирая на собственные трудности, занимаются сейчас аналогичной работой. Новая редакция правил белорусского правописания

готова к утверждению. Во Франции еще в 1990 году принят и выполняется закон «о ректификации орфографии», предусматривающий частичные орфографические изменения (и это при всей традиционной консервативности французского письма). Вот только в Германии устроили перебранку по поводу принятых два года назад новых правил немецкой орфографии. Очень надеемся, что у нас такого не случится.

Что же касается возникающих иногда в связи с нашим проектом рассуждений о том, сколько это будет стоить нашей стране и ее народу (имеются в виду необходимые переиздания словарей и учебников), то это, простите, демагогия. Словари у нас и так выходят ежегодно десятками изданий, учебники тоже переиздаются каждый год, и средства на это откуда-то находятся. Издатели будут только рады новому поводу переиздать кое-что из словарей, а более фундаментальные вещи типа энциклопедий и не потребуют срочного переиздания.

К тому же с принятием нового свода правил обязательно будет объявлен переходный период (два или три года), в течение которого не будут считаться ошибками старые, не соответствующие новым правилам написания. Это особенно важно для оценки грамотности выпускников средней школы и вузовских абитуриентов. Вообще принятие нового свода правил правописания – хороший повод для того, чтобы ведущие организации системы образования пересмотрели принципы оценки орфографических ошибок, обновили их классификацию, выработали на этот счет точные критерии, так необходимые для учителей-русистов.

Новая редакция правил русского правописания – не каприз лингвистов, а веление времени. Разработчики правил, члены Орфографической комиссии РАН и все, кто участвовал в обсуждениях и в совершенствовании текста правил, надеются на понимание этого самой широкой общественностью. Наведение порядка в правилах письма, четкие орфографические рекомендации, выверенные новые орфографические словари – очень важный фактор повышения грамотности, и не только русских людей, но и всех тех, кто пользуется русским языком как неродным, кто изучает этот язык, остающийся и сейчас, в переживаемое нами время, великим и могучим.

Новая редакция правил русского правописания: реальности и мифология

[Общественные науки и современность. 2002, № 3]

В Российской академии наук подготовлена новая, переработанная и значительно дополненная редакция «Правил русской орфографии и пунктуации». Работа над ней велась давно, с начала 1990-х годов. Текст правил готовился коллективом специалистов сектора орфографии и орфоэпии Института русского языка им. В.В. Виноградова, а затем – на всех этапах работы – подробно рассматривался, обсуждался на заседаниях Орфографической комиссии при Отделении литературы и языка РАН. В комиссию входят не только работники РАН, но и преподаватели вузов, учителя, представители Российской академии образования, Института повышения квалификации учителей. Текст проекта правил, одобренный Орфографической комиссией, в начале 2001 года был опубликован и разослан заинтересованным организациям и ряду специалистов, не вошедших в состав комиссии, для дальнейшего более широкого обсуждения. Комиссия уже получила отзывы кафедр русского языка ведущих вузов страны, других организаций, отдельных специалистов – преподавателей, методистов. С учетом полученных замечаний и предложений текст проекта вновь был тщательно отредактирован.

В России подготовкой правил правописания, отслеживанием и формулировкой орфографических норм традиционно занимается Академия наук. Современная русская орфография – результат длительного исторического саморазвития. Вплоть до конца XIX века правописание основывалось на узусе, и, хотя многие частные вопросы русского письма активно дискутировались в печати, никаких систематизированных сводов правил письма не появлялось. Правила русского правописания складывались спонтанно, в первую очередь под пером писателей-классиков. Знаменательной вехой стало появление трудов академика Я. Грота, книга которого «Русское правописание» многократно переиздавалась в 1885–1916 годах. По «гротовским» правилам учились и до

революции, и (с поправками на реформу 1918 года) после нее.

В 1904 году была создана Орфографическая комиссия при Императорской академии наук, куда входили крупнейшие лингвисты того времени. Предложения комиссии, окончательно сформулированные в 1912 году, сводились к упрощению графики (устранению букв, не обозначавших никаких звуков, как ъ на конце слов, и букв, обозначавших те же звуки, что и другие буквы – «ять», «и десятеричное», «фита»); прочие изменения были немногочисленны (например, введение единых окончаний *-ие, -ые* в именительном падеже множественного числа и *-ого, -его* в родительном падеже единственного числа мужского рода прилагательных). Эти предложения впоследствии были использованы большевиками: сразу после Октябрьской революции новая орфография была введена повсеместно.

В советское время работа орфографических комиссий периодически возобновлялась. Одна из них подготовила «Правила русской орфографии и пунктуации», официально утвержденные в 1956 году и до сих пор сохраняющие свою законную силу.

Нынешняя Орфографическая комиссия не ставит целью реформирование орфографии, не предлагает в своем проекте никаких кардинальных изменений правописания, не затрагивает его основных принципов. Основной задачей комиссии была тщательная и детальная работа по упорядочению, корректировке текста правил – работа, имеющая большую социально-культурную значимость. Подготовлен полный и современный свод правил правописания, необходимый не только преподавателям и редакционно-издательским работникам, но и всем тем, кто стремится писать по-русски грамотно. Новый текст правил соответствует современному (конца XX – начала XXI века) состоянию русского языка и современной практике письма. Естественно, что правила 1956 года во многом устарели, да к тому же давно обнаружилась их неполнота: многие формулировки требуют дополнительных уточнений и разъяснений, а по целому ряду вопросов правописания в них нельзя найти никаких рекомендаций. Неудивительно, что сам текст правил 1956 года сейчас мало кому известен, ими давно не пользуются, они фактически и не переиздавались уже около 30 лет. Их заменили различные справочники для работников печати, для поступающих в вузы, методические разработки для преподавателей. Эти пособия, не имеющие юридической силы, нередко рас-

ходятся в своих рекомендациях, что создает серьезные затруднения как для издательских работников, так и для учителей-русистов и вузовских преподавателей. В результате складывается почва для субъективизма и злоупотреблений при официальной оценке грамотности выпускников школ и вузовских абитуриентов. Ясно, что подготовка нового единого текста правил русского правописания – задача давно назревшая.

Авторы проекта исходят из того, что упорядочение орфографических правил обусловлено постоянным и естественным развитием как языка, так и самого правописания. Появилась, например, в языке приставка *пост-* (в правилах 1956 года даже не упомянутая) – значит, ее надо добавить к списку приставок, после которых в необходимых случаях пишется разделительный **ъ**: *постъядерный, постъельцинский.* Появились новые элементы (первые части) сложных слов *аудио, видео, медиа* – их надо добавить к списку первых частей таких сложных слов, как *авиа, авто, аэро, радио, теле, фото* и многих других, пишущихся слитно, и писать их тоже слитно *(аудиокассета, видеопродукция, медиахолдинг, медиамагнат).* Отмечено и подтверждено достаточно длительным употреблением несохранение удвоенной согласной перед суффиксом *-к-* в уменьшительных и фамильярных формах личных имен типа *Алка, Инка, Римка, Кирилка* (от *Алла, Инна, Римма, Кирилл)* – значит, для них надо сформулировать особое частное правило, не соответствующее более общему правилу сохранения удвоенных согласных перед суффиксами (ср. *программный, программка, классный* и др.). В данной работе не может быть мелочей. Чем детальнее сформулировано правило, тем меньше будет непонятных случаев, недоумений по поводу правильного написания тех или иных слов и словосочетаний, тем последовательнее и логичнее будет письмо, тем меньше будет и орфографических ошибок.

Существенно расширен в новой редакции правил, стал действительно полным круг значимых частей слова (морфем), характеризующихся теми или иными трудностями в написании. Так, впервые включен в свод правил суффикс *-ив(о)/-ев(о),* выделяющийся в именах существительных со значением продукта, вещества, собирательного понятия – объекта или результата действия. В одних словах этого типа безударный гласный передается буквой и *(топливо, месиво),* в других – буквой ***е*** *(варево, курево, крошево, кружево),* в то время как под ударением встречается только ***и*** *(жни-*

во, чтиво). Другого рода трудность отмечается в суффиксе существительных со значением лица женского пола типа *француженка, черкешенка, монашенка, нищенка:* здесь без ударения пишется буква ***е,*** а под ударением – только ***а(я)****: гречанка, турчанка, служанка, горянка, китаянка, беглянка* и т. п. (ср. варианты *петербу́рженка* и *петербуржа́нка).*

Вот еще интересные примеры. Как писать притяжательные прилагательные типа *дяди-Васин, тети-Валин, тети-Машин, бабы-Дусин?* Так, как здесь написано, или слитно, а тогда вторую часть писать с маленькой буквы? Предлагаем писать: *дяди-Васин* и т. п., ведь сами по себе притяжательные прилагательные от личных собственных имен *(Васин, Петин, Машин)* пишутся с большой буквы. Или как писать сочетания с усилительными повторами типа *стираный-перестираный, штопаный-перештопаный?* Сохранять ли во второй части таких сочетаний одно ***н,*** как и в первой части, или все же писать в ней двойное ***н***? Вводится такое правило: писать во второй части столько же ***н,*** сколько в первой (например, *читаный-перечитаный,* но *решенный-перерешенный).* Ведь приставка имеет здесь чисто усилительное значение, такое же, как, например, в случаях *умница-разумница* или *крепко-накрепко.* Но ничего этого мы не найдем в правилах 1956 года, в которых данные случаи вовсе не упомянуты. Не отмечен в них (среди раздельно пишущихся служебных слов – союзов, частиц) и союз *как то,* имеющий примерно то же значение, что и «а именно», и употребляющийся перед перечислением. Его, конечно, надо писать раздельно: ни по значению, ни по происхождению он не имеет ничего общего с неопределенным местоименным словом *как-то.* По смыслу союз *как то* близок к сочетаниям *как такое, как это.* Но в действующих правилах он не упомянут, а в дальнейшем составители словарей и справочников попросту не обратили на него внимания и стали предлагать писать любое сочетание *как-то* через дефис. Теперь это недоразумение устранено.

В правилах 1956 года немало и таких рекомендаций, которые обусловлены директивными политическими ограничениями и запретами того времени. В первую очередь это относится к правилам употребления прописных и строчных букв. Конечно, от некоторых запретов давно отказались. Так, в практике печати очень скоро перестала соблюдаться рекомендация правил писать слово *Республика* с прописной буквы только в названиях республик СССР и

так называемых «стран народной демократии» – появились такие написания, как *Федеративная Республика Германия* или *Южно-Африканская Республика.* Согласно рекомендациям правил, следовало писать, например, сочетания *Семилетняя война* и *Столетняя война с* прописной буквы, а *первая мировая война* и *вторая мировая война* – со строчной, как якобы «не являющиеся собственными именами». Эта несправедливость в практике письма последнего десятилетия уже преодолена, как преодолено и требование писать со строчной буквы многие названия, связанные с религией, например, названия церковных праздников и постов (такие как *Пасха, Рождество, Троицын день, Великий пост).* Но вот интересный факт, до сих пор никем не замечаемый, хотя тоже, безусловно, имеющий старую идеологическую подоплеку: мы по-прежнему, как в советские времена, пишем названия четырех ведущих партий капиталистического мира – республиканской и демократической партий США, консервативной и лейбористской партий Великобритании – со строчной буквы. А ведь даже по правилам 1956 года требовалось писать названия политических партий с прописной буквы (правда, иллюстрировалось это правило только названиями компартий). Позднее в словаре-справочнике Д. Розенталя «Прописная или строчная?», изданном в 1984 году, предлагалось писать мало кому известные Демократические партии Таиланда, Индонезии, Люксембурга и других стран (общим числом 11) с прописной буквы и только одну демократическую партию США – со строчной. И эта нелепая традиция живет до сих пор.

Еще пример из разряда устаревших орфографических рекомендаций. Вряд ли верной уже изначально была рекомендация правил 1956 года писать строчными буквами звуковые аббревиатуры, «обозначающие имена нарицательные». Так пишутся (в виде исключений) только несколько звуковых аббревиатур – *вуз, втуз, дот, дзот, нэп, загс* (у последних двух есть вариантные написания прописными буквами: *НЭП, ЗАГС).* Однако правило, основанное на довольно давней традиции, заключается как раз в обратном – в том, чтобы писать любые звуковые аббревиатуры прописными буквами: так пишутся, например, *ГЭС, ГРЭС, ТЭЦ, ВТЭК, РОЭ,* из старых аббревиатур «раннесоветского» периода – *ТОЗ, ЧОН,* из более поздних новых – *НОТ, СПИД, ЖЭК, ДЭЗ, ОМОН, ТЭК, АОН, ВИА, СМИ, УЗИ, ТОО* и многие другие. Ничего не сказано в правилах 1956 года о том, что в суффиксальных производных от зву-

ковых аббревиатур прописные буквы не сохраняются, например *мхатовец, мидовский* (от *МХАТ, МИД).* А формы буквенных аббревиатур и производные от них слова надо писать только по названиям букв, например *бэтээры, кагэбэшный, кавээнщик* (от *БТР, КГБ, КВН).* Все это необходимо было разъяснить в новом тексте свода, сформулировав соответствующие правила.

Остался открытым в правилах 1956 года и вопрос о написании существительных, образованных от существительных, пишущихся через дефис. Сейчас их пишут по-разному: *тред-юнионизм, генерал-губернаторство, камер-юнкерство, унтер-офицерша,* но *сальтоморталист, яхтклубовец,* а также *алмаатинцы, ньюйоркцы, ореховозуевцы* и т. п. (в противоположность прилагательным, образуемым от таких же существительных и, в соответствии с правилами 1956 года, последовательно сохраняющим дефис: *алмаатинский, нью-йоркский, орехово-зуевский).* В новом проекте предлагается писать через дефис как прилагательные, так и существительные этого типа, в том числе образованные от топонимов, т. е. правило становится более логичным и последовательным. Не был разъяснен в правилах 1956 года и вопрос о написании сложных прилагательных – «географических» определений в составных наименованиях: в правилах регламентировано написание таких прилагательных в географических наименованиях типа *Западно-Сибирская низменность,* но ничего не сказано о наименованиях учреждений и предприятий типа *Западно-Сибирский металлургический комбинат,* написание которых вызывает трудности, а писать их надо тоже через дефис.

Во всех подобных случаях перед авторами новой редакции свода стояла задача конкретизировать правила, сказать то, что в 1956 году было недосказано, опущено, или изменить то, что не соответствует реальной современной практике письма. В других случаях, наоборот, предложены более общие правила, помогающие ориентироваться в большом массиве разнообразных традиционных написаний. В качестве примера можно привести впервые сформулированное в новом проекте правило написания букв, передающих безударные беглые гласные. После твердых согласных беглый гласный передается буквой ***о***: *бан**о**к* (форма родительного падежа множественного числа слова *банка), кух**о**нь (кухня), гал**о**к* и *гал**о**чий (галка), близ**о**к (близкий);* после мягких согласных, шипящих, ***ц*** и «йота» – буквой ***е***: *мизин**е**ц (мизинца), свад**е**б (свадьба), гор**е**к* и *гор**е**чь (горький), важ**е**н (важ-*

ный), клёцек (клёцка), спокоен (спокойный); наконец, перед ***й*** – буквой ***и***: *гостий* (родительный падеж множественного числа слова *гостья), певуний (певунья), волчий (волчья)* и т. п.

* * *

Предлагаемые в новой редакции правил орфографические изменения носят частный характер. С одной стороны, они отражают, как отмечено выше, уже существующую практику письма. С другой же стороны, они обусловлены стремлением упрочить и более последовательно отразить в правилах исторически сложившиеся принципы, закономерности правописания. Эту установку можно проиллюстрировать одним из предлагаемых новых правил, на котором стоит остановиться несколько подробнее.

Как известно, одна из характерных черт русского кирилличского письма, доставшегося нам от далеких предков и усовершенствованного за последние три столетия, – это способность передавать гласными буквами мягкость предшествующего (в пределах слитно пишущегося слова) парного согласного. Этому служат буквы ***я, ю, ё*** и (в большинстве случаев) ***е, и.*** Однако теми же буквами передаются и сочетания «йота» с гласным. Надежным сигналом такого «звукового содержания» указанных гласных букв в позиции после согласных внутри слова служат разделительные знаки **ъ** и **ь**, четко распределенные – главным образом по разным позициям на стыках значимых частей слова (морфем). Нас здесь интересуют позиции разделительного **ъ** – лишь эта функция осталась у буквы **ъ** после орфографической реформы 1918 года. Орфографическая комиссия РАН предложила более строго и последовательно (по сравнению с действующими правилами 1956 года) определить морфологические позиции этой буквы.

Действующие правила ограничивают употребление разделительного **ъ** позициями после приставок – как русских первообразных *(отъехать, съёжиться, безъядерный, предъюбилейный)* и непервообразных *(сверхъестественный, сверхъяркий, межъязыковой),* так и иноязычных *(контръярус, субъединица, трансъевропейский)* – и после некоторых первых компонентов сложных слов без соединительных гласных *(трёхъярусный, двухъёмкостный, панъевропейский, фельдъегерь).* В проекте новой редакции правил предусмотрено распространение употребления разделительного **ъ** на любые сложные слова без соединительных гласных (например, на слово *гитлеръюгенд)* и на сложносокращенные слова.

Предлагается писать: *инъяз, Минъюст, Инъюрколлегия, военъюрист, госъязык, детъясли, партъячейка, продъярмарка, хозъединица, спецъеда, спецъемкость.* Правило становится максимально обобщенным: разделительный **ъ** употребляется как сигнал йотированности следующего за ним гласного после любых кончающихся на согласный начальных частей слов – компонентов префиксального и корневого характера.

Подавляющее большинство тех, кто ознакомился с этим новым правилом, поддержало его. Но есть и критики, выдвигающие в качестве основного контраргумента тот факт, что так называемые слоговые аббревиатуры, или сложносокращенные слова, якобы являются со структурной точки зрения совершенно особым типом слов, состоящих из «обломков» или «обрывков» слов, который потому и не должен подчиняться общим правилам. На это нельзя не возразить: сложносокращенные слова, в отличие от инициальных аббревиатур (как звуковых, так и буквенных), действительно особых по структуре, не представляют собой в современном языке чего-то особенного и вполне могут быть поставлены в один ряд со сложными словами без соединительных гласных или со словами, содержащими непервообразные приставки. В качестве только одного из признаков сближения сложных и сложносокращенных слов можно привести нередкие случаи структурной вариативности в сложениях с первыми сокращенными компонентами, содержащих соединительную гласную и не содержащих ее: например *инвалюта, инъяз* и *инофирма, иномарка; Центрархив, центрфорвард* и *Центробанк, центроплан, центросфера;* варианты *травмпункт* и *травмопункт* и т. п. Хорошо известна характерная для современного этапа развития русской аббревиации повторяемость первых компонентов сложносокращенных слов (таких как *гос, парт, хоз, спец* и многие другие) в больших, открытых рядах образований, позволяющая трактовать их, по одной распространенной теории, как разновидность префиксоидов, а по другой – как особые «аналитические прилагательные», и это тоже сближает их с первыми компонентами сложений и с непервообразными приставками.

Такова собственно лингвистическая сторона вопроса. Практическая же, орфографическая, общественно-оценочная сторона, не менее важная в вопросах правописания, состоит в том, что многие, в том числе вполне грамотные люди, испытывают явные не-

удобства, дискомфорт при написании таких слов, как *иняз* (именно такое написание диктуется правилами 1956 года). Не случайно в «Словаре новых слов русского языка (середина 1950-х – середина 1980-х годов)» (1995), изданном Институтом лингвистических исследований РАН и основанном на большой картотеке словоупотреблений в современной печати, слово *иняз* дано в трех вариантах написания: *инъяз* (заглавное слово словарной статьи), *иняз* и *ин-яз. А* наши коллеги из Омского университета недавно сообщили, что в городе существует некая коммерческая фирма под названием «Академия Ин.яз Омск», причем точка после первой части слова повторяется в рекламных объявлениях и плакатах. Во всем этом видны разные попытки отразить на письме структуру слова *иняз,* показать тем или иным способом разделения слова йотированность гласного в начале второй части.

Интересна с этой точки зрения и орфографическая история физического термина *гиперъядро,* обозначающего атомное ядро, содержащее тяжелую элементарную частицу – гиперон. Основа производящего слова *гиперон* в нем усечена, но так, что она совпала (и формально, и семантически) с приставкой *гипер-,* хотя в самом производном сложном (или сложносокращенном?) слове *гиперъядро* явно первый корень, а не приставка. Отсюда и орфографические колебания: в 13-м, исправленном и дополненном, издании «Орфографического словаря русского языка» (1974) дано написание *гиперъядро;* в последующих стереотипных изданиях словаря буква **ъ** (в соответствии с действующим правилом написания сложносокращенных слов) при сохранении слитного написания исчезла; однако еще в 1971 году в Большой Советской Энциклопедии (т. 6) дано написание *гипер-ядро;* но все же, при любой стуктурно-словообразовательной трактовке этого слова, писать его надо с буквой **ъ** и слитно (это написание дано в новом академическом «Русском орфографическом словаре» 1999 года).

Встречаются в печати и такие написания, как *партъячейка, продъярмарка* или окказиональное слово *спец-яйцо,* но пока все это – не более чем придумки недоумевающих корректоров либо просто их недосмотры, противоречащие действующим правилам правописания сложносокращенных слов. А с другой стороны, сохранение написаний без буквы **ъ** типа *иняз, Минюст* или *партячейка,* несомненно, способствует тому, что и после приставок (особенно иноязычных) разделительный **ъ** перед йотированными гласными часто

тоже не ставится. В печатных СМИ сейчас нередки такие написания, как *трансевропейский, постельцинский, суперяхта, суперёлка* (последнее отпечатано крупными буквами на обложке новогоднего номера еженедельника «Семь дней»), хотя все они противоречат действующему сейчас орфографическому правилу.

Возвращаясь к вопросу о принципах, лежащих в основе предлагаемых орфографических изменений, необходимо особо подчеркнуть, что упрощение правил правописания не было для нас самоцелью. Современное русское письмо и не нуждается в упрощениях. Лишь в отдельных случаях предлагается устранить логически неоправданную сложность правила. Так, все существительные с первой частью *пол* предлагается писать единообразно – через дефис, т. е. писать не только *пол-лимона, пол-апельсина, пол-яблока, пол-Москвы,* но и *пол-мандарина, пол-километра, пол-дома,* не только *пол-одиннадцатого,* но и *пол-двенадцатого* и т. п. Предложено писать через дефис также любые сочетания с приложением, в том числе и предшествующим определяемому слову, в случаях типа *старик-отец, красавица-дочка* (которые правилами 1956 года рекомендовалось писать раздельно). Устраняются отдельные исключения: так, предлагается писать прилагательное *розыскной* с буквой ***а*** в приставке (в этой приставке без ударения пишется всегда ***а***, хотя под ударением – ***о***: ср., например, *расписной, рассыпной, раздать,* но *роспись, россыпь, розданный;* аналогично *разыскной, разыскивать,* но *розыск);* прилагательное *ветренный* писать с двумя ***н*** в суффиксе (так же, как *безветренный, буквенный, жизненный, государственный* и т. п.).

В правилах переноса сняты некоторые ограничения, предусмотренные сводом 1956 года. В ряде случаев правила, прежде бывшие обязательными, признаются лишь предпочтительными. В частности, это относится к разделению групп согласных: разрешаются не только такие переносы, как *под-бросить* (с обязательным учетом границы между приставкой и корнем), но и такие, как *подб-росить.*

Бóльшая вариативность по сравнению со сводом 1956 года допускается и в правилах пунктуации. Так, перед перечислением (после обобщающего слова), а также в бессоюзных сложных предложениях перед придаточным причины и в некоторых других случаях теперь признается правильным не только двоеточие, но в разной степени и тире.

* * *

Опубликованный текст проекта новой редакции правил русского правописания вызвал новую волну интереса к проекту. Мы получили полезные и интересные замечания, направленные на его улучшение. Нас упрекают, в частности, в излишней академичности изложения (эти замечания, как и многие другие, мы принимаем с благодарностью). Но появился и ряд недобросовестных, провокационных откликов (в основном – в печатных СМИ, а иногда и на телевидении, особенно часто в программе «Однако» на ОРТ), направленных на разжигание нездорового ажиотажа среди людей, не очень сведущих в поднимаемых проблемах. Есть и явные лживые передержки – например, что мы якобы предлагаем менять правила написания отрицания ***не***, глагольных форм или даже писать *жи* и *ши с* буквой ***ы*** (есть от чего в отчаяние прийти учителю русского языка!). Встречаются и безграмотные заявления – например, что авторы проекта меняют правила русской грамматики или даже вообще реформируют язык (что в принципе невозможно). Очень любят приписывать нам предложения, в свое время обнародованные, а вскоре отвергнутые во время несостоявшейся орфографической реформы 1964 года: убрать ***ь*** на конце слов после шипящих (писать *мыш, ноч* и т. п.), писать после ***ц*** букву ***и*** *(огурци),* в слове *заяц* заменить букву ***я*** на ***е*** и т. д. Ничего этого мы не предлагаем.

Некоторые замечания подобных публикаций показывают полную некомпетентность наших критиков (в том числе, увы, и некоторых лингвистов) в вопросах орфографии. Так, по мнению авторов одной из публикаций – Т. Базжиной и А. Привалова (журнал «Эксперт», 2001, № 20), если правило «допускает возможность различных написаний» (т. е. вариативность) – например, предоставляет пишущему «право обоснованного выбора между дефисным, раздельным и слитным написанием» – значит, это уже не правило. А между тем в практике письма подобные случаи давно существуют, только они не фиксировались правилами 1956 года: например, есть возможность написаний типа *кричаще яркий* и *кричаще-яркий, детски беспомощный* и *детски-беспомощный, болезненно ревнивый* и *болезненно-ревнивый,* а также *неправ* и *не прав, неслучайно* и *не случайно, неудивительно* и *не удивительно* и т. п. Авторам статьи такие факты – в диковинку. Они полагают, что если написание тех или иных корней, приставок, суффиксов, окончаний (называемое в статье почему-то «новым», хотя речь идет только

о старых написаниях, давно закрепленных на письме и в словарях) «задается перечнями и списками», – значит, такие правила «по определению правилами не являются». Да, конечно, во многих случаях написание русских корней и суффиксов (например, корней, суффиксов с так называемыми непроверяемыми согласными) определяется в словарном порядке, т. е. попросту запоминается, и с этим ничего не поделаешь. И все-таки эти факты традиционно – и справедливо – указываются в сводах правил и изучаются в школе. Авторы же статьи не нашли ничего лучшего, как выразить крайнее удивление перед наличием таких фактов (как будто сами они не учились в школе!), да еще и осудить составителей проекта, впервые потрудившихся дать в нем полные перечни суффиксов, приставок, окончаний с непроверяемыми гласными и согласными (что важно для практики преподавания), и даже назвать эту работу «преступлением перед русскоговорящим человечеством». Договорились и до такого!

Нам пришлось услышать и упреки в корыстолюбии – мы, дескать, хотим «перенаправить денежные потоки», т. е., грубо говоря, нажиться на издании новых учебников, справочников, методических пособий, словарей, основанных на новых правилах.

На самом деле авторы проекта претендуют только на одно – на подготовку, издание и регулярное пополнение большого академического «Русского орфографического словаря», действительно теснейшим образом связанного с правилами и являющегося нормативным общеобязательным источником для составителей любых других словарей. Все прочее – в руках методистов и других специалистов-практиков. Со своей стороны, Орфографическая комиссия готова помочь методистам в пересмотре принципов оценки орфографических ошибок, в обновлении их классификации, в выработке на этот счет точных критериев, необходимых для учителей-русистов и вузовских преподавателей. Принятие новой редакции правил правописания – хороший повод для проведения этой важнейшей работы.

Нас обвиняют еще и в келейности, кулуарности работы, в «нечастых публичных выступлениях». Но можно ли говорить о келейности, если авторы проекта и многие члены Орфографической комиссии РАН за последние два года многократно (около сотни раз) выступали в разных СМИ (как печатных, так и электронных) со статьями и интервью по вопросам нового проекта? А на учи-

тельских и вузовских конференциях, семинарах, школах повышения квалификации преподавателей, «круглых столах» и т. п. члены Орфографической комиссии выступали с лекциями, докладами, беседами. Участники таких встреч подробно знакомились с задачами и основными положениями подготовленного проекта, с предлагаемыми в нем орфографическими изменениями. Сам я летом 2001 года в течение двух недель отвечал на любые вопросы пользователей Интернета. Как показала эти интересная акция, обычные, неангажированные интернетовские пользователи, просто интересующиеся разнообразными вопросами русского правописания и русского языка, настроены куда менее агрессивно по отношению к новому проекту, чем некоторые из журналистов и коллег-лингвистов. В целом же можно сказать, что и в Интернете состоялось конструктивное, содержательное общение, снявшее у участвовавших в нем многие недоразумения и сомнения.

А вот кто действительно келейно решает актуальные вопросы языка и правописания, так это некоторые ведомства, «пересечься» с которыми нам пришлось в ходе работы над правилами. Так, Центральный институт геодезии, аэрофотосъемки и картографии (ЦНИИГАиК) упрекает нас в невнимании к каким-то давно принятым инструкциям, в соответствии с которыми следует писать, например, слитно в составных географических наименованиях сложные прилагательные с первой частью *центрально-*. С лингвистической (словообразовательной) точки зрения единственно верные написания таких прилагательных – дефисные, например: *Центрально-Африканская Республика, Центрально-Черноземный регион,* т. е. их надо писать так же, как мы пишем сложные прилагательные с первыми частями *западно-, восточно-, южно-,* но не приравнивать их к прилагательным совсем другой структуры – с первыми частями *мало, ново, старо, средне, нижне, верхне, дальне, ближне* и т. п., которые всегда пишутся слитно. Сравним: *Западно-Сибирская низменность, Восточно-Европейская равнина, Южно-Китайское море,* но *Малоазиатское нагорье, Среднедунайская равнина, Ближневосточный регион, Дальневосточный военный округ.*

Попутно мы узнали от издательских работников, что в начале 1990-х годов был келейно разработан и «спущен» в издательства некий ГОСТ, отменяющий существовавшее правило сохранения удвоенных согласных перед точкой в графических сокращениях

слов *(илл.* вместо иллюстрация, *дисс.* – диссертация, *асс.* – ассистент, *долл.* – доллар и т. п.) и требующий сокращать их как *ил., дис.* и т. д. (попробуйте теперь понять, что значит, например, сокращение *гол.* вместо прежнего *голл.* – голландский). Новые энциклопедии, выходящие в 1990-х годах, ориентируются на это, безусловно, непродуманное и неудобное правило.

Возникает острая необходимость найти наконец формы взаимодействия всех заинтересованных ведомств при выработке каких бы то ни было рекомендаций по лингвистическому и орфографическому оформлению текстов, по транслитерации наименований и другой подобной работе. Мы, со своей стороны, можем взять на себя оперативное установление правильного единообразного написания новых слов, появляющихся в русском языке, и своевременное обнародование этих сведений в той или иной форме.

Проделанная нами работа так или иначе затрагивает интересы очень многих ведомств, давно уже живущих в состоянии орфографической неустойчивости и волюнтаризма, разнобоя в рекомендациях словарей, действиях вузовских приемных комиссий и т. д. В этих условиях необходимо иметь единый орфографический закон. Новая редакция правил русского правописания – не каприз лингвистов, а веление времени. Разработчики правил, члены Орфографической комиссии РАН и все, кто участвовал в обсуждениях и в совершенствовании текста правил, надеются на понимание этого самой широкой общественностью и теми вышестоящими инстанциями, от которых зависит официальное утверждение проекта.

Проблемы нормирования и опыт орфографической работы

[В сб.: Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. Материалы научно-практического семинара. Ч. 2. М., 2003]

Доклад мой – отнюдь не теоретический. Я не буду произносить никаких непонятных слов, не буду рассуждать о том, что такое языковая норма в теоретическом плане. Мне не хотелось бы говорить банальных вещей, которые знает каждый лингвист, например, о том, что языковая норма, с одной стороны, общеобязательна, конвенциональна, кодифицируется правилами и специальными нормативными словарями, с другой стороны – норма изменчива, подвижна, нередко вариативна. Это мы знаем достаточно хорошо. Я буду говорить в основном о правописании, чаще – об орфографии в узком смысле термина, т. е. о написании слов, а не о пунктуации.

Конечно, язык и орфография – это далеко не одно и то же. За последние годы мне, к несчастью, приходилось неоднократно это подчеркивать – с легкой руки журналистов, возвещавших о грядущей реформе русского языка. На самом деле не предполагалось не только реформы языка, но и реформы орфографии, но тем не менее формулировка «грядет реформа русского языка» была одной из самых излюбленных и острых на страницах наших СМИ в течение последних двух лет.

Хотя язык и орфография – не одно и то же, понятие нормы присутствует и там, и тут. Причем в орфографии, конечно, норма более жесткая. Кстати, насчет орфографии: Пушкину принадлежит замечательная формулировка: «Орфография – это геральдика языка». Попробуем немножко это расшифровать. Гербовник, система гербов – дворянских и прочих – в те времена считались важнейшим государственным делом, гербы утверждались департаментом герольдии правительствующего сената, а затем – императорским указом. Изменения в гербах утверждались как новый герб – снова постановлением герольдии и императорским указом. Пушкин, конечно, имел в виду еще и строгую систему правил построения,

создания гербов. Мне кажется, параллель с правилами правописания тут прямо-таки напрашивается. В переживаемый нами исторический момент нормы и правописания, и языка расшатались, развинтились, разболтались. И виной тому, прежде всего, уже упомянутые мною журналисты, СМИ, устные пассажи и письменные тексты, которые мы наблюдаем в СМИ. Свобода слова или, как тут говорили, скорее – воля породили, к сожалению, отсутствие должного самоконтроля со стороны тех, кто доносит это самое слово до людей.

Для начала приведу два веселеньких примера. Недавно появился новый радиоканал «Новости on-line», мне пришлось несколько дней подряд время от времени его слушать. Хороший канал, чрезвычайно актуальный по содержанию, острый, бойкий. Ведущий три дня подряд произносил, что кто-то не преминýл что-то сделать, с таким ударением. Почему-то у них на канале это любимое слово. Там можно было услышать и что какая-то ситуация облегчилась, и кое-что еще в этом же роде.

Другой пример. На телеканале «Культура» появилась новая детская вечерняя телепередача, конкурирующая с передачей «Спокойной ночи, малыши». Называется она «Помогите телеку». Слово «телик» написано как «телек», и это тиражируют во всех телепрограммах, во всех газетах, на телеэкранах (передача ежедневная). И наше младшее поколение воспитывается на таком абсолютно безграмотном написании «телеку», в то время как слово «телик» образовано также как «велик» от «велосипед», «видик» от «видеомагнитофон», простите, «гомик» от «гомосексуалист», а также как «домик», «садик», «дворик» и прочее. Нас учили так, и сейчас учат, что если в слове суффикс *-ик*, и гласная не беглая, не исчезает в другой форме слова, то в нем надо писать букву «и» – «телик». Такой грустный факт. И здесь пример не только, с моей точки зрения, для информационного спора, которым занимается ГЛЭДИС, но для законного преследования виновников этого безобразного факта – ежедневного тиражирования безграмотного написания. У них нет не только языкового чутья, но и нет желания обратиться к словарям, где это слово приведено в правильном написании.

Теперь немного об орфоэпических нормах. В них гораздо чаще встречается вариативность, чем в правописных нормах. Но и здесь вариативность в ударении, произношении слов – вопрос очень деликатный. В ряде словарей отношение к нему весьма спорное.

Так, например, очень известен и широко популярен среди работников СМИ словарь Агеенко и Зарвы – «Словарь ударений для работников радио и телевидения». Авторы этого словаря исходят из странной предпосылки, что в звучащих текстах – по радио, по телевидению – варианты недопустимы. Они дают в словаре как единственно правильное ударение «одновре́менно». Значит «одновреме́нно» – неправильно. Я уже не говорю о том, что, выбирая из двух практически равноправных вариантов, выбрали неудачный, но звучит очень странно, когда интервьюируя кого-нибудь, говорят «одновре́менно», а интервьюируемый обязательно скажет «одновреме́нно». Такая смешная ситуация. В этом словаре вообще не допускаются варианты произношения слов: можно сказать «важны́», но нельзя сказать «ва́жны», только «бы́стры», «ко́роткИ», но нельзя сказать «быстры́», «коротки́», только «пе́режили», но никак не «пережи́ли», только «взя́лись», «добра́лись», но не «взяли́сь», «добрали́сь» – вполне допустимые и грамотные варианты ударения слов. Но хотя это словарь ударений, это касается не только ударений, но и вариантов произношения слов: авторы не допускают произношения слова «сэндвич», только «сандвич» – чаще, мне кажется, люди говорят «сэндвич». И тому подобные вещи. Хотя таким образом наше радио и телевидение в лице их грамотных дикторов, ведущих исповедуют такой факт, что у каждого слова может быть только одно ударение, одно произношение – варианты невозможны.

С другой стороны, недавно опубликован словарь, о котором очень долго говорила общественность, – словарь Вербицкой, Скляревской и Богдановой «Давайте говорить правильно». Это не словарь, а словарик – в нем 800 с небольшим слов. Мало сказать, что этот словарик авторитетный, он претендует на роль некоего общеобязательного официального документа – по крайней мере, он опубликован в правительственном официозе – «Российской газете» – в рубрике «Документы»! Подход авторов к орфоэпическим вариантам совершенно не критичен, не отработан. Допускается произношение «тэрмин», хотя все говорят «термин», допускается «жа́люзи», а не «жалюзи́», допускается «предвосхити́ть», в то время, как говорят «предвосхи́тить». Непонятен пересмотр некоторых норм произношения: якобы единственно правильное ударение «осведоми́ть», а «осве́домить» – ошибочно. И уж особенно поражает рекомендация произносить «со́зыв». Увидев это впер-

вые, я подумал, что просто встретилась опечатка, однако в соседнем столбце того же места словаря я обнаружил, что «созы́в – неправильно». Значит, это не опечатка. Как это объяснить – непонятно. Я уже не говорю, что сам по себе отбор слов для данного словаря вызывает серьезные возражения. В то время как словарь имеет подзаголовок «Трудности современного произношения и ударения», там вдруг даются такие слова, как «злоупотребление» – есть там какая-нибудь трудность произношения или ударения? В слове «холдинг»? В словах «кадровик», «силовик», «убеждение» и т. д. Словарь явно подготовлен в спешке, и как в таком случае ему доверять, хоть он и официальный документ?

Теперь поговорим о правописании, о письменном отображении языка. Конечно, здесь, особенно в написании слов, в орфографии в узком смысле этого термина, вариативность крайне нежелательна. Тем не менее правила правописания не являются чем-то раз и навсегда данным. Правописание – это саморазвивающаяся система, и при формулировке правил нельзя не учитывать практику письма. С другой стороны, развивается сам язык: появляются в нем новые слова, новые типы слов, типы синтаксических конструкций – их надо как-то правильно писать, а наши действующие правила утверждены в 56-м году, готовились же они вообще в 30-х годах XX века. Вообще говоря, уточнения и дополнения в действующие орфографические правила должны вноситься периодически, через определенные, достаточно обозримые промежутки времени. У нас был слишком большой перерыв. Известно, что нами, Орфографической комиссией РАН, подготовлена новая редакция правил русской орфографии и пунктуации. Последние месяцы общественность много говорит, что сейчас не время для каких бы то ни было орфографических изменений. Не хотите изменений, не надо: я еще до того, как это все начали говорить, заявлял, что сами по себе предлагаемые нами орфографические изменения – не самоцель, не самое главное. Главное – это полнота и современность, два основных критерия для нового текста правил современной русской орфографии и пунктуации. Полнота – в смысле отражения всех существующих языковых явлений и типов слов и конструкций, современность – в смысле отражения состояния современного русского языка рубежа тысячелетий. Вот что главное. Такой проект подготовлен и сейчас проходит какие-то специальные инстанции. Собственно, орфографических изменений из того, что мы предлагали, там не осталось,

однако остались те изменения, которые отражают реально существующую практику письма, т. е. те, которые отражают, как русские люди уже реально пишут, если это противоречит формулировкам правил 56-го года. Например, в правилах 56-го года сказано, что звуковые аббревиатуры, если они имеют нарицательный смысл, пишутся строчными буквами. Но ведь это неверно: мы пишем маленькими буквами, может быть, только слова «вуз», «втуз» и военного времени слова «дот» и «дзот», может быть, можно еще подобрать пару слов, которые имеют варианты, но правило состоит в обратном: любые звуковые аббревиатуры следует писать большими, прописными буквами. Возьмите новую аббревиатуру «СМИ». Таких слов можно привести огромное количество: ГЭС, ТЭЦ, НОТ, ЖЭК, ОМОН, ТЭК, АОН, ВИА, УЗИ – все это пишется только прописными буквами. Такие правила, конечно, должны быть изменены. Ничего не сказано в правилах 56-го года о том, как писать производные слова от аббревиатур, а они пишутся как раз маленькими буквами: *мхатовский, мидовец*. Правила просто неполны. А если аббревиатура не звуковая, а буквенная, тогда производные слова и формы этих аббревиатур нужно писать именно по названиям букв. Так они и пишутся, но об этом ничего не было сказано в 56-м году: БТР мы пишем тремя большими буквами, а форму множественного числа мы пишем уже маленькими буквами: «бэтээры». Также производные слова «кагэбешник», «кавээнщик» и прочие пишутся по названиям букв строчными буквами. Этого тоже не было в правилах 56-го года. Таков только маленький участок орфографических правил – правила написания аббревиатур.

Надо будет изменить некоторое количество довольно частных правил. Например, говорят, что перед суффиксами сохраняются удвоенные согласные: «класс – классный». Однако в одной группе слов удвоенные согласные все-таки не сохраняются – это уменьшительные фамильярные личные имена типа «Алка», «Римка», «Инка», «Кирилка». В полном имени – удвоенная согласная, а в уменьшительно-фамильярном пишется одна буква. Этот факт тоже надо отразить. Такого рода частные изменения и дополнения, отражающие реальную практику письма, конечно, будут представлены в подготовленном нами проекте новой редакции свода правил правописания.

Я хотел бы еще сказать об отношении к языковым новациям, к новым явлениям в языке – как их писать. За те годы, что прошли с

56-го, появились новые иностранные приставки: *пост-* и *супер-*. Они не упомянуты в своде 56-го года просто потому, что их тогда не было, по крайней мере, в широком употреблении. Как писать «постъядерный» или «постъельцинский»? Общее правило таково, что после приставок перед йотированными гласными пишется твердый знак. Однако с этими приставками дело неважное, и «постъельцинский» часто пишут без твердого знака, и вы сами понимаете, что там получается. Или, например, в прошлогоднем новогоднем номере еженедельника «7 дней» на обложке было крупно написано без твердого знака «суперёлка». «Ё» там было, а твердого знака не было.

Новые факты языка должны подчиняться действующим орфографическим тенденциям. Появились какие-нибудь новые части сложных слов: «аудио», «видео», «медиа». Как писать «медиакомпания», «медиамагнат», «медиаподдержка»? Надо писать слитно, а не через дефис, как очень часто пишут в газетах. Надо писать слитно, потому что «медиа» ведет себя так же как, например, «авиа», «авто», «фото», «гидро», «радио» – все такие первые части сложных слов у нас давным-давно пишутся слитно.

Об отдельных словах. Одно дело – формулировать правила для каких-то групп слов, а другое дело – учитывать написание отдельных слов, конкретных, которые очень колеблются в написании. Есть такое новое слово «риелтор». После «и» пишут и «е», и «э», а после «т» – или «о», или «е» – получается четыре возможных варианта написания. Какой из них выбрать? Мы предлагаем «риелтор». Почему? «О» – потому что так пишется в английском – надо уважать написание слова в языке-источнике, а «е» после «и» потому, что существует тенденция писать после «и» не «э», а «е»: сравните слова «диета», «диез», «коэффициент», «абитуриент», «ингредиент», «сиеста». Это после «о» и «у» пишется «э», а после «и» – мы пишем букву «е». Опираясь на эту тенденцию, мы можем смело рекомендовать написание «риелтор».

Слово «офшор» пишут с двумя и с одним «ф». Мы рекомендуем писать это слово с одним «ф», потому что в других словах, являющихся английскими заимствованиями, где в английском языке приставка «офф» пишется с двумя «ф», мы уже давно пишем одно «ф»: мы пишем одно «ф» в слове «офис», которое когда-то, лет тридцать назад, писалось, между прочим, с двумя «ф», в словах «офсет», «офсайд» и прочих.

Иными словами, я хотел бы поспорить с распространенной точкой зрения о том, что орфографические варианты новых слов допустимы в течение достаточно долгого времени, пока они улягутся в языке, пока утрясется их написание. С этим мнением я бы не согласился: именно используя метод, который я продемонстрировал вам на словах «риелтор» и «офшор», метод опоры на орфографический прецедент, на тип написания аналогичных в той или иной степени слов, можно сразу рекомендовать единственный вариант написания слов в качестве обязательного, канонического. Я могу продемонстрировать это на других примерах. Слово «карате», например, надо обязательно писать с буквой «е» на конце, а не с буквой «э», как часто пишут, потому что мы пишем такие же несклоняемые существительные с твердой согласной «кашне», «пюре», «шоссе», «резюме», «варьете» с буквой «е» на конце, а не «э».

На вопрос, как писать «Интернет» – с большой или с маленькой буквы, однозначно ответить не могу – это вопрос достаточно сложный. Противники написания этого слова с прописной буквы говорят, что Интернет – это то же, что телефон, средство связи. Я думаю, что это не совсем то же. Это некая единая для всего мира организационная система, и если это слово и будет писаться с маленькой буквы, то не сейчас. С этим словом подождем, будем пока писать его с большой буквы, потому что хоть это и единая, и охватывающая весь мир, но это – уникальная система.

Конечно, на данном пути возможны и некоторые ошибочные рекомендации, которые со временем могут быть исправлены, но это скорее исключение. Нормативный орфографический словарь, который по традиции подготавливается в Академии наук, теснейшим образом связан с правилами орфографии и должен давать единственно правильные рекомендации по написанию слов.

О некоторых нормативно-стилистических проблемах орфографического словаря

[В сб.: Облик слова. М., 1997]

Являясь членом Орфографической комиссии при Отделении литературы и языка РАН, а в последние годы жизни (1989–1993) будучи ее председателем, Д. Н. Шмелев живо интересовался многими конкретными вопросами русского правописания, усовершенствования орфографических правил и словарей. В частности, он обращал внимание на различные проявления стилистически обусловленной орфографической вариантности, например, говорил о необходимости отразить в своде орфографических правил возможность (преимущественно в художественной речи) написаний с флексией *-и* типа *в молчаньи, в сомненьи.* Пусть нижеследующие заметки будут откликом на это направление научных интересов Дмитрия Николаевича.

* * *

Орфографический словарь – словарь нормативный, но нормативистская направленность его особая, специфическая. Он включает лексику самых различных стилистических пластов, причем, в отличие, например, от толковых словарей, не ставит самодовлеющей задачи как-либо ее квалифицировать. Нормативно-стилистическая оценка сама по себе – не дело орфографического словаря. Его задача – дать правильное написание любых слов и форм, в том числе даже и неправильных с точки зрения литературно-языковой нормы, находящихся за ее пределами. Речь идет о словарных единицах просторечного, жаргонного, областного характера – в той мере, в какой они представлены в литературных текстах, в толковых словарях современного литературного языка. Разумеется, степень представленности подобных слов и форм зависит от объема словаря, от того, кому он предназначен; во всяком случае, в словаре академического типа такие единицы не могут не быть отражены.

Характеристикой сферы употребления слова, его экспрессивной окраски и т. п. орфографический словарь специально не зани-

мается. Однако это не означает, что стилистические характеристики вовсе изгоняются из орфографического словаря. Напротив, они обязательны (в виде стилистических помет) во всех тех случаях, когда они служат орфографии – либо непосредственно, либо (чаще) как отражение фонетико-фонологической или морфологической вариантности слов и форм.

В сложившейся практике составления орфографических словарей эти соображения традиционно учитываются. В новом «Русском орфографическом словаре», подготовленном к печати в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, даются без каких бы то ни было стилистических помет, с одной стороны, такие, например, слова, представляющие разные сниженные пласты современной лексики, как *пэтэушный, кагэбэшник, телик, мурыжить, возвернуть, пырять, петрить, выпивон, обалденный, фигня, кореш, дембель, опер, кранты, лопухнутъся, пахан, мент, обещалкин, сюр,* сочетания *не замай, за так, не хухры-мухры, с понтом, до фига, на шухере (стоять),* а с другой стороны, точнее, с другого края стилистического спектра – такие как *зерцало, зиждительный, богодухновенный, чадородие, сошествие, ниже* (союз), сочетания *святая святых, (мертвые сраму) не имут, на круги своя* и т. п. Еще один пример: в указанном словаре стилистически никак не квалифицируются сформировавшиеся в современной разговорной речи существительные *загород, зарубеж;* их орфографическое отличие от соотносительных предложно-падежных сочетаний комментируется типичными конструкциями: *летом предпочитаю загород,* но *выехать за город; работать на зарубеж,* но *уехать за рубеж.*

В то же время для разработки в словаре однокоренных слов и морфологических форм, представляющих собой варианты (фонетические, морфологические, словообразовательные), не только уместны, но и необходимы пометы, указывающие на сферу употребления. Таковы, например, в рассматриваемом словаре следующие случаи применения стилистических помет (в нижеприведенных примерах грамматическая характеристика слов и форм, как правило, опускается).

С пометой «устар.»: *калиф* (устар. к *халиф;* но *калиф на час), пукли* (устар. к *букли), физиогномика* (устар. к *физиономика), стернь* (устар. к *стерня), середи* и *середь* (устар. к *среди* и *средь), посереди* и *посередь* (устар. к *посреди), позадь* (устар. к *позади), обнимать – обнимаю* и (устар.) *объемлю.*

С пометой «устар.» в сочетании с другими пометами: *кофей* (устар. и прост. к *кофе); болесть* (устар. и обл. к *болезнь), нонешний* (устар. и обл. к *нынешний), пóмочь* (устар. и обл. к *помощь;* но *Бог пóмочь); судия* (устар. и высок. к *судья), матерь* (устар. и высок. к *мать); нощь* (устар. высок. к *ночь), росс* (устар. высок. к *россиянин); гишпанский* (устар. и шутл. к *испанский).*

С пометой «прост.»: *продыхнуть* (прост. к *продохнуть)* (но для сочетания *без продыху* эта помета не требуется), *повылазить* (прост. к *повылезать), езжай* (прост. к *поезжай), жисть* и сочетание *ни в жисть* (прост. к *жизнь* и *ни в жизнь), дитё* (прост. к *дитя), рупь* (прост. к *рубль), немочь* (прост. к *немощь;* но *бледная немочь), пущать, выпущать,* частица *пущай* (прост. к *пускать, выпускать, пускай), не трожь* (прост. к *не трогай), хошь* (прост. к *хочешь), должóн* (прост. к *дóлжен), ихний* (прост. *к их* – притяж. местоимению).

С пометой «прост.» в сочетании с другими пометами: *ндрав* (прост. шутл. к *нрав), комедь* (прост. шутл. к *комедия); Расея* и *расейский* (нарочито-сниженное и прост. к *Россия, российский); дело* – род. мн. *дел* и (нарочито-сниж. и прост.) *делов: только и делов, всего-то и делов; даден* (нарочито-сниж. и прост. к *дан* – кр. ф. причастия).

В условиях приведения в рассматриваемом словаре слов, пишущихся с прописной буквы, и разграничения написаний с прописной и строчной букв уместны и такие разработки словарных статей, как, например: *Ирод* (царь Иудеи, библ.) и *ирод* (мучитель, изверг; бран.); *Иуда* (имя, библ.) и *иуда* (предатель, бран.); *Антихрист* (в христианском вероучении: главный противник Христа) и *антихрист* (бран.); *Зевс* и (устар. поэт.) *Зевес; Афган* (прост., к *Афганистан;* о войне 1979–1989 в Афганистане); *овен* (баран, устар.) и *Овен* (созвездие и знак зодиака); *кутафья* (безобразно толстая женщина, устар.) и *Кутафья башня* (в московском Кремле); *люба* (возлюбленная, нар.-поэт.); *Пирке: реакция (проба) Пирке* и *пирке* (результат применения пробы Пирке, разг.); *Сбербанк* (как сокращение официального названия учреждения) и *сбербанк* (как обиходное название его местного отделения).

Хотя для сплошного применения функционально-стилистических помет в орфографическом словаре, как уже сказано выше, нет места, может обсуждаться вопрос о целесообразности указаний на сферу функционирования слов, относящихся к специальной

терминологии (на отрасль науки, техники, искусства). Во всяком случае, в большом, претендующем на «тезаурусность», орфографическом словаре регулярное применение такого рода помет, несомненно, было бы полезным для ориентации пользователей во всем многообразии словника. В рассматриваемом же словаре подобные пометы (как и краткие толкования) обычно применяются лишь в случаях паронимического столкновения слов и форм, например: *диатез* (мед.) и *диатеза* (лингв.), *антология* (подборка литературных произведений) и *онтология* (филос.), *ростр* (таран корабля) и *ростра* (архит.).

* * *

Остановимся теперь на некоторых случаях орфографической вариантности, заслуживающих отражения в орфографическом словаре. Вариантность написания рассматриваемых далее слов отчасти отражает их фонетическую вариантность, отчасти же является чисто орфографической, но так или иначе связана с функционально-стилистическими различиями.

Слово *тысяча* имеет орфографический вариант *тыща,* что ранее орфографическими словарями не отмечалось. Как этот вариант квалифицировать? Он, несомненно, отражает наиболее распространенный произносительный вариант слова, характерный для беглой разговорной речи. Распространенность этого произносительного варианта подтверждается экспрессивно-оценочным производным словом *тысчонка,* которое, однако, закрепилось на письме не с буквой *щ,* а с буквосочетанием *сч.* Написание *тыща* оправданно в контекстах, ориентированных на передачу произношения, на разговорную речь. Еще одна сфера применения этого орфографического варианта – поэтические тексты, где нередко в силу стихотворного размера иное написание невозможно, например: «Это женское уменье, // словно тыщу лет назад, // странно и одновременно // ждать, молить и ускользать» (Р. Рождественский); «Раздайте себя немедля, Даруя или простивши, Единственный рубль имея – Отдайте другому тыщу!» (Евг. Рощина). Итак, полная словарная орфографическая разработка этого слова выглядит следующим образом: «**ты́сяча**, *-и,* тв. *-ей* и *-чью,* мн. *-и, тысяч* и (при передаче разг. произношения, в поэзии) **ты́ща**, *-и,* тв. *-ей,* мн. *-и, тыщ».* Очевидно, что аналогичная орфографическая вариантность характерна для слова *полтысячи – полтыщи.*

Употребителен и орфографический вариант слова *здравствуйте – здрасте* или *здрасьте,* несущий ту же функцию и выступающий в тех же сферах, что и *тыща.* Например, у Б. Окуджавы: «Арбатского романса знакомое шитье, // к прогулкам в одиночестве пристрастье, // из чашки запотевшей счастливое питье // и женщины рассеянное «здрасьте»» (другой вопрос – нужна ли в этом варианте буква ***ь***, которая представляется нам излишней).

Подобным же образом ведут себя слова *миллион, миллиард* и (по крайней мере с недавнего времени, обусловившего большую употребительность этого слова) *триллион:* все они имеют (или допускают) орфографические варианты, отражающие разговорный вариант произношения и более короткие на один слог: *мильон, мильярд, трильон;* то же касается прилагательных *миллионный (мильонный), миллиардный (мильярдный)* и *триллионный (трильонный).* В поэзии орфографическая форма *мильон* довольно обычна: достаточно вспомнить *мильон терзаний* Грибоедова (вошедший в качестве устойчивого сочетания в языковой узус) и «Мильоны – вас. Нас – тьмы, и тьмы, и тьмы» Блока. Новая словарная разработка этого слова такова: «**миллио́н**, *-а* и (при передаче разг. произношения, в поэзии) **мильо́н**, *-а; мильон терзаний».* Аналогично разрабатываются в новом орфографическом словаре другие перечисленные слова, а для слова *миллиончик – мильончик* (экспрессивно-оценочного) оба варианта признаются равноправными. Заметим, что подобная орфографическая равновариантность была закреплена в прежнем «Орфографическом словаре русского языка» для слов *квадриллион* и *квадрильон, квинтиллион* и *квинтильон, секстиллион* и *секстильон,* что, по-видимому, обусловлено большей длиной и малоупотребительностью этих слов, произносительная вариантность которых не подвержена нормативным оценкам. Давно закреплены как равноправные и орфографические варианты *бриллиант – брильянт,* аналогично все производные слова того же корня *(бриллиантовый, бриллиантик, бриллиантщик, бриллиантин)* – случай, также основанный на произносительной вариантности. Таким же образом должны расцениваться и варианты *пиявка – пьявка* (запрет на вариант *пьявка,* содержащийся в орфоэпическом словаре, не выглядит убедительным).

Орфографическая вариантность, сводящаяся к отсутствию в одном из вариантов гласного ***и,*** характеризует также слово *материал – матерьял* и производное *материальный – матерьяльный.*

Картина, казалось бы, аналогична той, что наблюдается в предыдущих словах, и, кстати, более короткий по числу слогов вариант нередко используется в поэзии, например: «Оно не звук окостенелый, Не просто некий матерьял, – Нет, слово – это тоже дело...» (Твардовский); «и бросили на произвол теней // в домарксовом, нематерьяльном мире» (Ахмадулина). Однако, в отличие от ситуации со словами *тысяча, миллион* и т. п., здесь за орфографическими вариантами не стоит вариантность произносительная: судя по данным орфоэпического и толковых словарей, у слов *материал* и *материальный* произношение [рья] – единственное. Таким образом, в этих словах мы имеем дело с достаточно редким (в том, что касается употребления букв) случаем чисто орфографической вариантности, в котором написание с буквой ***и*** является традиционным, написание же с ***ь*** отражает произношение, причем традиционное написание поддерживается однокоренными словами *материя, материализм, материализовать* и др., где произношение и написание с *и* не имеет вариантов. В новом орфографическом словаре слово *материал* разработано так: «**материа́л**, *-а* и (при передаче произношения, в поэзии) **матерья́л**, *-а»;* так же разработано слово *материальный,* а в экспрессивно-оценочных образованиях *материальчик – матерьяльчик* и *материалец – матерьялец* орфографические варианты признаются равноправными. Ср. равноправность орфографических вариантов *фортепиано – фортепьяно, фортепианный – фортепьянный* при единственном произношении [пья] (см. орфоэпический словарь)[1].

В связи с описанными вариантами с безударным гласным ***и*** (в позиции перед гласным) и без него заслуживает внимания тот факт, что в поэзии это явление вообще нередкое: ср. еще *революцьонный* (у Блока, Пастернака), *революцьонер, пролетарьят, орьентаций, визьонер* (у Пастернака), *молнья* (у Блока, Цветаевой), *комедьянт* (у Цветаевой) и др. Но здесь мы уже вступаем в область неузуальной, индивидуально-авторской орфографии и фонетики – прежде всего, конечно, фонетики (ср. хотя бы пастернаковские четырехстопные ямбы: *Амуниционный шорох роты* или *С их блюдечек и физиономий,* где опущение гласного ***и*** орфографически не зафиксировано).

Отметим, наконец, еще один, узуальный и достаточно массовый, типизированный, случай орфографической вариантности, где один из вариантов отражает строгую литературную норму, а дру-

гой – разговорно-произносительную. Речь идет об отчествах типа *Степанович – Степаныч, Олегович – Олегыч, Васильевич – Васильич, Андреевич – Андреич, Николаевна – Николавна, Алексеевна – Алексевна.* Второй вариант написания подобных отчеств широко употребителен не только в стихотворных текстах (ср. хотя бы «Горе от ума» Грибоедова)[2], но и в прозаических – особенно в прямой речи персонажей. На написание безударного, содержащего сильно редуцированный гласный звук, суффикса в подобных мужских отчествах должно быть специально обращено внимание в своде орфографических правил[3], а в полном орфографическом словаре должна быть найдена форма подачи соответствующих произносительно-орфографических вариантов.

Как видим, нормативно-стилистический аспект в орфографическом словаре (как и в своде орфографических правил) не теряет своей актуальности, но приобретает специфические черты, будучи тесно связанным с явлениями вариантности – как собственно орфографической, так и основанной на вариантах фонетического и морфологического уровней языка.

Примечания

[1] Заметим, что для самого слова *вариант* написание *варьянт* отражает устарелую орфографическую норму, как и устарелое произношение, и потому в орфографическом словаре не приводится.

[2] Любопытна в этой связи заметка Вл. Глоцера «Заколдованная строчка» (Книжное обозрение, 1995, № 20), где отмечено упорно сохраняемое в разных изданиях ошибочное написание *Николаевна* в стихе Н. Олейникова: «Глебова Татьяна Николавна! Вы Не выходите у нас из головы».

[3] См. также: *Лопатин В. В.* Русские суффиксы: фонематический состав и орфография // Филологический сборник (К 100-летию со дня рождения В. В. Виноградова). М., 1995. Статья перепечатана: с. 630–638 данного издания.

Прописная буква в орфографическом словаре общего типа

[В сб.: Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С. И. Ожегова. М., Индрик, 2001]

Передо мной любопытнейший документ – полная корректура «Орфографического словаря русского языка», датированная 1952 годом и тогда же правленная С. И. Ожеговым. Тем, что корректура эта дошла до наших дней, мы обязаны Б. З. Букчиной, сохранившей ее в своем личном архиве и заслуживающей за это самой искренней благодарности орфографистов-лексикографов.

Как известно, тогда, в 1952 г., словарь не был опубликован, первое издание его вышло из печати только в 1956 г. Основное, что бросается в глаза при сличении корректуры 1952 г. (начиная с первых же ее слов – *Аарон* и *Аахен)* со словарем 1956 г., – это наличие в корректуре собственных имен и вообще слов и словосочетаний, пишущихся с прописной буквы, и полное их отсутствие в опубликованном словаре (в его основном корпусе). Дошедшая до нас корректура как раз и отражает процесс ликвидации в словаре прописной буквы. На первой странице корректуры стоит резолюция: «Отчеркнутое красным карандашом не печатать. С. Ожегов. 3.X.52». Красным карандашом, знаком «минус» слева, отмечены по всей корректуре слова, набранные с прописной буквы, и большинство имен прилагательных, образованных от собственных имен (последние указывались в скобках после прилагательного).

С тех пор словарь и «потерял» (в основном корпусе) прописную букву. Личные (в основном русские) собственные имена в дальнейшем, с 5-го издания (1963), были выделены (но уже без грамматической характеристики) в особое приложение, в котором с 13-го издания (1974) появились и отчества. Все же остальные написания с прописной буквой исчезли. За 42 прошедших года вышло 33 издания этого словаря, в том числе и несколько дополненных, но прописная буква в него не возвращалась. Единственным исключением стали появившиеся в словаре, начиная с 13-го издания, географические наименования типа *Западно-Сибирская низменность* или *Южно-Китайское море*, противопоставленные

свободно употребляемым прилагательным типа *западносибирский, южнокитайский,* пишущимся по общему правилу слитно (естественно, что причиной появления этих словарных единиц была отнюдь не прописная буква, а дефисное написание). Зато именно из этого издания были исключены последние единичные «реликты» первоначального варианта словаря – такие написания, как *Геркулес, Голиаф* (противопоставленные написаниям со строчной *геркулес*, *голиаф* и снабженные необходимыми пояснениями), как словарная статья *«Рубикон* (Р прописное)», как сочетания *Герой Советского Союза* и *Герой Социалистического Труда.* Еще раньше, в 5-м издании, самым нелепым образом потеряло прописную букву выражение *Христа ради,* в 13-м издании вовсе устраненное (самого слова *Христос* в словаре не было и в 1-м издании). Сохранена лишь оставшаяся в гордом одиночестве во всех изданиях словарная статья: *«октябрь* (месяц, но: *праздник Октября)».*

В результате, хотя в разделе «Состав и структура словаря» и сказано: «Слова, за исключением собственных имен, пишутся в словаре со строчной буквы», – никаких следов собственных имен, кроме упомянутых географических наименований со сложными прилагательными, мы в основном корпусе словаря не найдем. Нет в словаре и аббревиатур. Словарь так и остался орфографическим словарем особого типа, не ставящим целью отражение написаний с прописными буквами, отвлекающимся от данной проблемы. Этим он, надо признать, невыгодно отличается от некоторых других лингвистических словарей (прежде всего толковых), так или иначе, пусть на ограниченном материале, отмечающих написания с прописной буквы, противопоставленные написаниям со строчной (хотя бы в таких тривиальных случаях, как *солнце* и *Солнце, земля* и *Земля, север* и *Север, запад* и *Запад).* Это тем более досадно, что фиксация написаний, различающихся прописной и строчной буквой, – проблема в первую очередь, при всей ее специфичности, орфографическая. К тому же в словаре оказалось некоторое (впрочем, очень небольшое) количество слов, которые вообще пишутся только с прописной буквы, а они даны здесь со строчной; к ним относятся, например, такие словарные единицы, как *Марсельеза, Минотавр, Варфоломеевская ночь, Вальпургиева ночь, Проторенессанс, Кватроченто.*

Что же стало причиной отказа редакторов нормативного академического орфографического словаря от первоначального замыс-

ла, предполагавшего включение в словарь и собственных имен, и прописной буквы? Можно, конечно, принять во внимание ограниченность объема словаря, диктовавшую необходимость поступаться каким-то материалом, в данном случае собственными именами. Но это объяснение слишком простое и поверхностное, есть, без сомнения, более глубинные причины. Словарь создавался в определенных исторических и политических условиях, а употребление прописных букв, как никакая другая сфера орфографии, тесно связано с политикой и идеологией и в ряде случаев обусловлено ими[1]. Вряд ли тогдашнюю цензуру мог вполне устроить, например, отобранный в словарь круг собственных имен – таких как *Будда, Христос, Библия, Коран, Василий Блаженный, Ветхий завет, Киево-Печерская лавра, Спас на Бору* (наименование церкви) и многие подобные. Хотя слово *бог* дано в подготовленной корректуре, по всем канонам тогдашнего времени, со строчной буквы, тем не менее мы находим здесь прописную букву в названиях религиозных праздников *(Пасха, Рождество, Богоявление, Преображение* и др.) и даже, что особенно по тому времени удивительно, в словах *Богородица* и *Спаситель (церк).* Все это, разумеется, пройти в печать не могло. Вряд ли могли удержаться в словаре и такие словарные статьи, как *«Гепеу, ГПУ* – Госуд. Полит. управление, реорган. в НКВД» или *«КИМ* (Коммунистический Интернационал Молодежи)» (к тому времени, добавим, давно упраздненный). Обусловленность подобных словарных единиц политической конъюнктурой и их историческая «скоропреходящесть» не могла не навести самих редакторов словаря на мысль о нецелесообразности их сохранения в словаре.

Таким образом, первоначальный замысел авторов и редакторов словаря претерпел существенные изменения. По-видимому, именно в силу того, что с введением в словарь прописной буквы и последовательной реализацией этого принципа было связано немало препятствий экстралингвистического характера, редакторы словаря сочли за благо вообще от этой проблемы отказаться, чтобы не ставить под удар словарь в целом.

Шло время, а лингвистических словарей, общих или специальных, регламентирующих употребление прописной буквы, так и не появлялось, и широкие круги заинтересованных в таких словарях лиц, прежде всего преподавателей и редакционно-издательских работников, вынуждены были довольствоваться сформулированны-

ми в орфографическом своде 1956 г. в самом общем виде правилами употребления прописных букв да еще выработанным в практике печати узусом, основанным на официальных инструкциях и отражающим цензурные требования. И все же общественные потребности не могли не вызвать рано или поздно к жизни такой словарь. Первый и единственный в советское время словарь-справочник «Прописная или строчная?» Д. Э. Розенталя, опубликованный только в 1984 г. и переиздававшийся несколько раз до 1989 г., был очень важен и полезен, хотя и оказался до крайности политизированным. Например, в нем рекомендовалось писать словосочетание *вооруженные силы* трояким образом: ср., во-первых, Вооруженные Силы СССР, во-вторых, Вооруженные силы Республики Куба, Вооруженные силы Социалистической Республики Румынии и т. п., а в-третьих, «вооруженные силы Великобритании, вооруженные силы Италии (аналогично – другие вооруженные силы капиталистических стран)», и многое подобное в том же роде.

Недавно издан новый специальный «Орфографический словарь русского языка. Прописная или строчная?» В. В. Лопатина, Л. К. Чельцовой и И. В. Нечаевой (М., 1999)[2]. Потребность в таком новом словаре сейчас особенно велика, поскольку эта область орфографии в современной практике письма наименее устойчива и упорядоченна. В большой степени это объясняется изменившимся за последние 10–12 лет общественным осознанием многих понятий (например, относящихся к церковно-религиозной сфере), снятием идеологических установок, что отразилось и на написании названий государственных учреждений, общественно-политических организаций, праздников, орденов и других категорий наименований. Сформулированные в своде «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. рекомендации в ряде пунктов явно устарели, как устарел и основанный на них словарь-справочник Д. Э. Розенталя. При подготовке нового словаря рекомендации свода 1956 г. были пересмотрены и правила употребления прописных букв сформулированы заново, исходя из потребностей сегодняшнего дня. Эта новая редакция правил, опирающаяся на орфографическую практику 90-х гг. XX в., опубликована в словаре. Она же входит как составная часть в проект новой редакции «Свода правил русского правописания».

Так обстоит сейчас дело со специальным словарем «Прописная или строчная?». Но одновременно подготовлен к печати и те-

перь уже издан новый нормативный академический словарь общего типа – «Русский орфографический словарь» (М., 1999)[3]. Его авторы и редакторы обязаны были так или иначе отразить написания с прописными буквами и тем самым вернуться к проблемам, стоявшим в 50-х гг. перед авторами и редакторами «Орфографического словаря русского языка». При формировании этой части словника и принципов его словарной разработки составители нового словаря пошли по тому пути, который, как оказалось при ознакомлении с корректурой 1952 г., в ряде случаев соответствует первоначальному замыслу предыдущего академического словаря.

Как же решаются эти проблемы в новом «Русском орфографическом словаре»?

По сравнению с «Орфографическим словарем русского языка» объем нового «Русского орфографического словаря» увеличился более чем в полтора раза; словник его составляет около 160 тысяч словарных единиц – слов и словосочетаний. Кроме многочисленных неологизмов последних десятилетий он значительно дополнен производными словами различных категорий. В частности, заметное место заняли в нем прилагательные и слова других частей речи, производные от собственных имен (личных, мифологических, географических, астрономических, от аббревиатурных и др. наименований), причем при всех прилагательных и при некоторых существительных, образованных от собственных имен, указываются в скобках их производящие слова, например: *калужский* (от *Калуга), орловский* (от *Орел), тянь-шаньский* (от *Тянь-Шань), екатерининский* (от *Екатерина), кирилло-мефодиевский* (от *Кирилл и Мефодий), тассовский* (от *ТАСС), цеэсковский* (от *ЦСКА), мирискусник* (от *(«Мир искусства»).* Таким образом, многие разряды собственных имен, хотя и не представлены в словаре в качестве самостоятельных единиц, присутствуют в нем при производных от них словах.

Что же касается включения в словарь собственных имен как таковых в качестве самостоятельных словарных единиц, то объем словаря требовал здесь внести определенные ограничения (хотя, разумеется, можно представить себе большой – по-видимому, уже не однотомный – орфографический словарь тезаурусного типа, достаточно полно охватывающий антропонимы, топонимы и прочую «онимную» лексику). В данном же словаре принято решение сами

по себе однословные собственные имена (личные, географические, астрономические и т. п.), даже при наличии в них тех или иных орфографических трудностей, в словник не включать. Основной задачей данного словаря в сфере употребления прописных букв признано отражение тех случаев современной русской орфографии, где употребление прописной либо строчной буквы может вызывать затруднения, в частности – тех слов (в том числе употребляющихся в составе определенных словосочетаний), которые могут писаться как с прописной, так и со строчной буквы или у которых возможность такого двоякого написания можно заподозрить.

В качестве самостоятельных словарных единиц в «Русском орфографическом словаре» представлены следующие категории пишущихся с прописной буквы слов и их сочетаний:

1) названия священных понятий религии, напр.: *Господь, Богородица, Библия, Евангелие, Священное Писание, Рождество, Сретение, Воздвижение, Бог Отец, Святые Дары, Матерь Божия, Воскресение Христово, Гроб Господень;*

2) собственные имена (личные, мифологические, географические), употребляемые также в нарицательном смысле, напр.: *Гамлет, Гаргантюа, Плюшкин, Обломов, Митрофанушка, Мюнхаузен, Золушка, Аполлон, Немезида, Кассандра, Ротшильд, Ювенал, Мекка, Вандея, Клондайк, Черемушки, Хиросима, Чернобыль;*

3) названия исторических эпох, напр.: *Проторенессанс, Кватроченто, Рисорджименто, Реформация:*

4) однословные производные (суффиксальные и приставочно-суффиксальные), преимущественно неофициальные, названия территорий, областей, местностей, напр.: *Подмосковье, Поволжье, Закавказье, Приднестровье, Оренбуржье, Ставрополье, Орловщина, Рязанщина, Вологодчина, Балтия, Скандинавия;*

5) собственные имена (личные, мифологические, географические), выступающие в составе устойчивых сочетаний – таких как, напр.: *закон Архимеда, закон Бойля – Мариотта, бином Ньютона, азбука Морзе, счетчик Гейгера, автомат Калашникова, суд Линча, клятва Гиппократа, болезнь Боткина, двуликий Янус, Фома неверующий, между Сциллой и Харибдой, перейти Рубикон, кануть в Лету, куда Макар телят не гонял; Иваны, не помнящие родства; по Гринвичу, по Цельсию, по шкале Рихтера;*

6) составные наименования (географические, астрономические, названия исторических лиц, мифологических и литературных пер-

сонажей, исторических эпох и событий, календарных периодов и праздников, организаций и учреждений, государств и государственных объединений), включающие в свой состав нарицательные слова, напр.: *Москва-река, Средиземное море, Дальний Восток, Крайний Север, Смоленская область, Подкаменная Тунгуска, Золотая Орда, Великая Китайская стена, Поклонная гора, Петр Великий, Ярослав Мудрый, Александр Македонский, Кутузов-Смоленский, Ричард Львиное Сердце, Змей Горыныч, Иванушка-дурачок, Средние века, Новое время, Первая мировая война, Крестовые походы, Варфоломеевская ночь, Куликовская битва, Тайная вечеря, Страстная неделя, Великий пост, Ильин день, Троицын день, Новый год, Первое мая, Парижская коммуна, Организация Объединенных Наций, Российская Федерация, Содружество Независимых Государств, Федеральное собрание, Государственная дума, Конституционный суд.*

Особые подгруппы наименований в пределах этой группы представляют собой: а) топонимы и микротопонимы, содержащие нарицательное слово, употребленное не в своем обычном значении, напр.: *Сергиев Посад, Сосновый Бор, Вятские Поляны, Минеральные Воды* (города), *Пушкинские Горы* (поселок), *Золотые Ворота* (пролив), *Золотой Рог* (бухта), *Кузнецкий Мост, Охотный Ряд, Земляной Вал, Елисейские Поля* (улицы), *Никитские Ворота, Рогожская Застава* (площади); сюда же относятся такие астрономические названия, как *Млечный Путь* и как названия местностей на космических телах типа *Море Дождей, Океан Бурь, Залив Радуги* (на Луне); б) образные неофициальные названия государств и городов типа *Страна восходящего солнца (*о Японии), *Страна тюльпанов* (о Голландии), *Вечный город* (о Риме), *Северная Пальмира* (о Петербурге).

Из одиночных прилагательных, пишущихся с прописной буквы, в словаре представлены образования типа *Гомеров (от Гомер), Далев (от Даль), Марксов, Шекспиров.*

Представлены в словаре и аббревиатуры, составленные из прописных букв. Однако из таких аббревиатур в качестве самостоятельных словарных единиц в данном словаре решено приводить лишь те, которые имеют нарицательный смысл, например: *ГЭС, ЭВМ, СПИД, НЛО, ДСП, УЗИ, ВТЭК, АО,* а также сложные слова и составные наименования с такими аббревиатурными компонентами: *микроГЭС, мини-ЭВМ, МГД-генератор, УВЧ-терапия, УКВ-передатчик, ДНК-содержащий* и т. п.

В отличие от проектировавшегося в 1952 г. (неосуществленного) общего орфографического словаря и от нового специального словаря «Прописная или строчная?», в «Русском орфографическом словаре» признано целесообразным давать слова, пишущиеся (в разных случаях) и с прописной, и со строчной буквы, в пределах одной словарной статьи с необходимыми пояснениями.

Так построены, например, статьи: *бог,* -а, мн. -и, -ов и (в христианстве и нек-рых других религиях: единое верховное существо) *Бог,* -а; *творец*[4] и (о Боге) *Творец*; *Господи* (обращение к Богу) и *господи,* межд.; *троица* (совокупность трех лиц, предметов) и *Троица* (триединый Бог у христиан; праздник); *Голгофа* (место распятия Христа) и *голгофа* (место мучений, страданий); *запад* и (страны Западной Европы и Америки) *Запад*; *восток* и (страны Азии) *Восток*; *солнце* и (центр Солнечной системы, астр.) *Солнце*; *водолей* (водолив) и *Водолей* (созвездие и знак зодиака; о том, кто родился под этим знаком); *черноземье* (чернозем) и *Черноземье* (геогр.); *февраль* (месяц) и *Февраль* (о Февральской революции 1917); *Средневековье* (ист. эпоха) и *средневековье* (устарелые обычаи, отсталый уровень); *возрождение* (восстановление) и *Возрождение* (ист. эпоха расцвета культуры в Западной Европе); *Хохлома* (село) и *хохлома* (изделие местного промысла, также собир.); *Дон Жуан* (лит. персонаж) и *донжуан* (искатель любовных приключений); *Снегурочка* (сказочный персонаж; человек, одетый как этот персонаж) и *снегурочка* (игрушка); *Эрос* (мифол.) и *эрос* (филос.; чувственное влечение); *Геркулесовы столбы (столпы)* (скалы в Гибралтарском проливе) и *геркулесовы столбы (столпы)* (граница, предел, крайняя степень проявления чего-н.); *Средиземное море* (межматериковое море Атлантического океана) и *средиземное море* (внутреннее море, сильно замкнутое сушей).

Приведенные примеры показывают, как решается в словаре проблема разграничения написаний, отличающихся друг от друга только прописной или строчной первой буквой: для этого используются подтолкования разной степени подробности, а также пометы, указывающие на сферу употребления слова, иногда и грамматические пометы.

В одну словарную статью со словом, пишущимся со строчной буквы (нарицательным существительным, именем прилагательным) объединяются также словосочетания, в составе которых данное сло-

во (находящееся в них не на первом месте) пишется с прописной буквы. Приемы разграничения здесь сходны с предыдущими случаями. Таковы, например, статьи: *грозный,* но: *Иван Грозный*; *мудрый,* но: *Ярослав Мудрый*; *завоеватель,* но: *Вильгельм Завоеватель*; *завет* (наставление, совет последователям, потомкам) и *Завет* (библ.: *скрижали Завета, ковчег Завета, Ветхий Завет, Новый Завет)*; *бор* (лес), но (в названиях населенных пунктов) *Бор,* напр.: *Бор* (город), *Сосновый Бор* (город), *Серебряный Бор* (район в Москве), *Красный Бор* (поселок); *свет* (мир, земля), но: *Новый Свет* (об Америке), *Старый Свет* (о Европе); *республика,* но (в офиц. названиях государств) *Республика,* напр.: *Доминиканская Республика, Федеративная Республика Германия, Южно-Африканская Республика, Республика Саха* (Якутия); *великий,* но (как приложение при именах ист. лиц, названиях городов и др.) *Великий,* напр.: *Василий Великий, Карл Великий, Константин Великий, Петр Великий, Екатерина Великая, Новгород Великий, Ростов Великий, Иван Великий* (колокольня).

Объединяются в одну статью также составные названия, содержащие одно и то же пишущееся с прописной буквы слово, находящееся не на первом месте, например, *Морзе: азбука Морзе, аппарат Морзе, код Морзе*; *Мономах: Владимир Мономах, шапка Мономаха.*

Однако составные названия, начинающиеся одним и тем же пишущимся с прописной буквы словом, оформляются в словаре, как правило, в виде разных словарных статей, например: *Великая депрессия, Великая Китайская стена, Великая Отечественная война, Великая французская революция, Великие озера, Великий немой, Великий океан (Тихий океан), Великое переселение народов; Страна Басков, Страна восходящего солнца, Страна утренней свежести, Страны согласия.*

Именно в рассмотренной проблематике, и в первую очередь в разграничении написаний, различающихся только строчной либо прописной первой буквой, видится одна из основных линий преемственности двух академических орфографических словарей, в первом из которых эта проблематика осталась только в замысле, осуществить который не удалось – во многом по независящим от редакторов причинам. Восстановление этой проблематики и ее осуществление в новом «Русском орфографическом словаре» – это не только отражение объективной, давно назревшей научной по-

требности, но и дань памяти первым редакторам «Орфографического словаря русского языка».

Примечания

[1] Эта ситуация рассмотрена в статье Л. П. Калакуцкой «Имена собственные в Орфографическом словаре русского языка и других лингвистических словарях» (Вопр. языкознания. 1993, № 3. С. 60 и след.).

[2] Словарь переиздан под названием: «Как правильно? С большой буквы или маленькой?» М., 2002.

[3] В 2005 г. вышло 2-е, исправленное и дополненное, издание словаря.

[4] Здесь и далее слова приводятся без указания грамматических форм.

Научное издание

В. В. Лопатин

МНОГОГРАННОЕ РУССКОЕ СЛОВО

Избранные статьи по русскому языку

Редактор О. Е. Иванова
Компьютерная подготовка и изготовление оригинал-макета П. Н. Колкуновой

ООО «Издательский центр «Азбуковник»
119180, г. Москва, ул. Б. Полянка, д. 50/1, стр.1
ООО «Словари.ру»
109017, г. Москва, Старомонетный пер., д. 3, стр. 1

ISBN 978-5-91172-005-6

Подписано в печать 03.05.07 г.
Бумага офсетная.
Формат 60x90/16. Гарнитура Таймс.
Усл.-печ. л. 46,5. Тираж 800.
Заказ № 3180.

ОАО «Московская типография № 2»
129085, Москва, пр. Мира, 105, тел.: 682-24-91